

Чародей Колдовского мира
Волшебница Колдовского мира
Год Единорога

ДЕНДРА
НОРТОН

Чародей Колдовского мира
Волшебница Колдовского мира
Год Единорога

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

ДЕНДРА
НОРТОН

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

ANDRE
NORTON

Warlock
of the Witch World

Sorceress
of the Witch World

Year of the Unicorn

АНДРЭ

НОРТОН

Чародей
Колдовского мира

Волшебница
Колдовского мира

Год Единорога

ас
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва
1999

ББК 84 (7США)

Н82

Серия основана в 1999 году

Andre Norton

**WARLOCK OF THE WITCH WORLD
SORCERESS OF THE WITCH WORLD
YEAR OF THE UNICORN**

Серийное оформление А. Кудрявцева

Перевод с английского А. Грузберга, О. Колесникова

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная Александром Корженевским.*

*Иллюстрации и оформление В. Мартыненко
Макет подготовлен О. Колесниковым*

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Нортон А.

**Н82 Чародей Колдовского мира. Волшебница Колдовского
мира. Год Единорога: Романы / Пер. с англ. — М.: ООО
«Фирма «Издательство АСТ», 1999. — 576 с. — (Золотая
серия фэнтези).**

ISBN 5-237-03689-9

Андрэ Нортон — одна из самых популярных писательниц за всю историю мировой фантастики, более того, один из тех редких авторов, таланту которых в равной степени подвластны как жанр научной фантастики, так и жанр фэнтези, первая и пока единственная женщина, удостоенная Американской ассоциацией писателей-фантастов высокого титула Великого Мастера.

Однако в ряды классиков фантастической литературы нашего столетия Нортон вошла именно благодаря фэнтези — благодаря своей знаменитой эпической саге о Колдовском мире, мире могучих героев и могущественных волшебников, уникальном, бесконечно оригинальном мире, полюбившемся миллионам читателей...

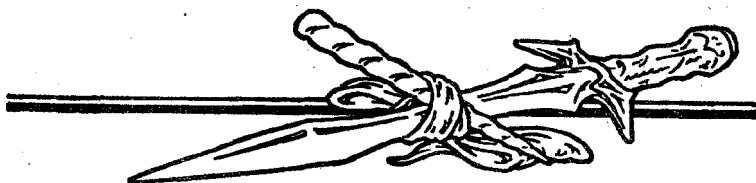
© Andre Norton, Ltd., 1968, 1968, 1965

© Перевод. А. Грузберг, О. Колесников

© ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999

Чародей Колдовского мира

Глава 1

Историю нашего рождения рассказывают часто: наша мать, леди Джелит, та самая, которая отказалась от своего звания волшебницы, чтобы выйти замуж за чужеземного воина Саймона Трегарта, потребовала у Силы, которой служила, неких даров для нас, рожденных в тяжких муках. Она назвала моего брата Киллана воином, мою сестру Каттею волшебницей, или той, что управляет Силой, а для меня она попросила мудрости. Но так получилось, что моя мудрость состоит в знании и что знаю я очень мало, хотя жажда учения всегда владела мной. Однако, несмотря на все свои усилия, я лишь прикоснулся к краешку сытного хлеба знаний, лишь отхлебнул от чаши истинной мудрости. Впрочем, может быть, знание собственных ограничений тоже есть своего рода мудрость.

Вначале, когда мы были детьми, я не нуждался в товарищах, потому что мы, трое близнецов (в Эсткарпе рождение тройни дотоле дело неслыханное), были едины духом. Киллан создан для действий, Каттея — для чувств, а я — предположительно — для мысли. Мы хорошо ладили друг с другом, и наша взаимная привязанность была очень сильна, как будто нас соединяли узы не только духа, но и плоти. Потом пришел тот мрачный день, когда Каттею у нас отобрали мудрые Властительницы, которые правили страной. И на какое-то время мы ее потеряли.

Но на войне человек забывается, он способен забыть свои страхи и тревоги и жить от восхода до заката, от сумерек до рассвета. Так мы были вынуждены жить. Ибо мы с Килланом

оказались среди пограничников, тех, что образуют тонкую защитную линию между Эсткарпом и мрачной угрозой Карстена.

Удача изменила мне: один-единственный удар меча сделал меня бесполезным и превратил в калеку, каких оставляет после себя война. Но как ни болезненна была рана, я приветствовал передышку. Ибо благодаря ей смог вырвать сестру из рабства у волшебниц.

Хотя правая рука у меня была искалечена и жизнь воина для меня осталась в прошлом, я с трудом дождался, пока раны чуть-чуть затянутся, и сразу отправился в Лормт. Ибо во время жизни в горах я наткнулся на любопытные обрывки знаний. Дело вот в чем. Мы, в Эсткарпе, давно знали, что к югу находится наш давний враг Карстен, на севере Ализон, с нетерпением ожидающий нашего падения; западные моря — прибежище наших давних союзников, моряков салкаров, которые бороздят волны и опустошают берега половины нашего мира. Однако никто не говорит о том, что лежит на востоке. Как будто мир кончается той горной цепью, которая хорошо видна в ясные дни. И я постепенно понял, что в сознании тех, с кем я служил, есть нечто, запрещающее думать об этом направлении. Для них восток словно не существует.

Даже для Эсткарпа, настолько древнего, что ни один современный исследователь не может докопаться до его начала, Лормт — нечто очень старое. Возможно, когда-то это был город, хотя не могу догадаться, с какой целью основали город в этой унылой местности. Теперь это лишь несколько заплесневевших зданий, окруженных руинами. Однако здесь хранятся давно забытые записи Древней расы; те, кто, подобно кротам, роется в них, отбирая то, что нужно сохранить, сами делают этот выбор. И вполне возможно, что рядом, среди обрывков листов, таится нечто гораздо более достойное сохранения.

Здесь я искал ответ на загадку таинственного востока. Потому что мы с Килланом не отказались от надежды освободить Каттею и восстановить наше трио, хотя окружающие

могли думать по-иному. Но чтобы спастись от гнева Совета, нам было необходимо убежище, и тут нам, похоже, был способен помочь загадочный восток.

В Лормте два дела занимали меня долгие месяцы: поиски среди рукописей и попытка снова стать воином, хотя теперь я вынужден был держать рукоять меча в левой руке. В сумрачном мире, в котором мы живем, когда солнце Эсткарпа краснеет на горизонте и погружается во мрак ночи, никто не может оставаться безоружным.

Я узнал достаточно, чтобы убедиться: на востоке действительно находится наше спасение или, по крайней мере, возможность укрыться от гнева волшебниц. И еще я снова стал воином — до некоторой степени.

И тут решение Совета нанести решающий удар и покончить с Карстеном дало нам шанс. Пока колдуньи собирали силы, чтобы перемешать горы, как повар перемешивает хлебку, мы с Килланом снова встретились в нашем родном Эстфорде. В ночь смятения мы выехали вместе, чтобы освободить сестру из западни, которая так долго ее удерживала.

А потом мы отправились на восток и нашли Эскор, разоренную землю, из которой давным-давно пришла Древняя раса; в этой земле силы добра и зла высвободились, вырвались и принимали самые причудливые формы. Вместе и поодиночке мы сражались с этими силами. Киллан, используя свой дар на пользу нам, оказался открытым для одной из этих сил; и, хотя это стоило ему тяжелых испытаний и мучений, но одновременно привело нас к народу Зеленой Долины, в их святилище.

Эти люди не вполне нашей крови. Подобно нам, не только потомки Древней расы, но и наследники качеств своего отца, пришедшего из другого пространства и времени. В них были следы Древней расы, но в целом они еще старше и родственны той земле, с которой у нас нет кровных связей. В Эскоре существует множество легенд о прошлом, и мы кое-какие из них слышали в детстве.

Но потом Киллан попал под действие неведомой силы и вернулся через горы в Эсткамп. В нем проснулась неодолимая потребность — у меня нет слов, чтобы правильно ее описать, — эта потребность передавалась представителям Древней расы Карстена, как проклятие колдеров, и превратила их в беспокойных бездомных странников. А когда Киллан вернулся к нам, они последовали за ним.

Пришли не только воины, но и женщины и дети, и привадили с собой все, что могло помочь им основать свой дом в этой новой земле. Племя Зеленой Долины под руководством своей госпожи Дахаун, той самой, что спасла Киллана во время грозившей ему страшной опасности, и военачальника Эфутура помогло им пересечь горы и благополучно достичь Долины.

Все это я описал в своей хронике и, возможно, повторяю уже знакомое. Но мне поручено было добавить свои записки к тем, что начаты Килланом. Это моя часть истории, и она стоит несколько в стороне от рассказа о Великой Войне, хотя занимает свое место в нем, потому что помогла приблизить окончательную победу.

Мои приключения начались в Долине, в этом благодатном месте, где радуется сердце. Долгие годы живущие здесь оставляли символы и заветы, которые делали Долину свободной от всякого зла, и люди могли жить здесь вольно. Я знал эти символы по своим занятиям в Лормте и считал их могучей защитой.

И хотя в Долине царил мир, мы не могли отдыхать, потому что вокруг нас весь Эскамп пришел в смятение. Долгие годы эту землю разоряли войны, такие же свирепые, как те, которые теперь опустошают нашу родину на западе. Здесь мужчины и женщины в погоне за знанием перешли границы благоразумия. Появились такие, которые искали власти ради власти; а за такими всегда идет Тень темнее ночи. Произошел раскол, и часть Древней расы отступила за горы, разрушив за собой все дороги и закрыв свое сознание для прошлого.

Оставшиеся принялись воевать, используя силу против силы, силы ужасные и опустошающие. Некоторые, такие, как зеленое племя, те, что продолжали жить по законам, ушли в дикую местность. К ним подтянулись другие — горстки людей доброй воли. Приходили и те, что стали результатом ранних экспериментов со странными знаниями, но не злые и не использовавшиеся в злых целях.

Однако их было слишком мало и они были слишком слабы, чтобы бросить вызов Великим, которые упивались своей властью над недоступными для нашего понимания силами. Поэтому люди затаились и ждали, пока бури не утихнут. Некоторые из Темных уничтожили друг друга в этих битвах. Другие ушли через Врата, которые они открыли, ушли в другие времена и пространства; именно через такие Врата мой отец проник в Эсткарп. Но их борьба оставила за собой гнезда древнего зла, оставила слуг, покинутых и освободившихся. И неизвестно было, смогут ли Великие вернуться, если захотят или если их кто-нибудь призовет.

Когда мы впервые оказались в Эскоре, Каттея пользовалась своими волшебными знаниями, чтобы помочь нам и спасти. И при этом нарушила неустойчивое равновесие, которое так давно установилось здесь. Проснулись и появились разные существа, земля исполнилась тревогами, и зеленый народ поверил, что мы на краю новой войны. И теперь нам нужно убежать, если мы не хотим превратиться в пыль под жерновами Тьмы.

Собрались сторонники света, чтобы можно было спланировать действия против зла. Этот Совет созвал Эфутур, и вот все мы сидим здесь — странная смесь народов, вернее, живых существ; ибо среди собравшихся были не люди, но и не звери.

От имени зеленого племени говорил Эфутур. Справа от него располагался один из рентанцев, которые могли при случае нести на спине человека и умели говорить. Это был предводитель отряда искусных воинов, и звали его Шапурн. На большом камне сидела ящерица в украшенной драгоценно-

стями шкуре, которая пользовалась передними лапами как руками; сейчас она когтями перебирала нить, на которую через различные промежутки были нашиты серебряные бусины, как напоминания пунктов обсуждения.

За скалой ящерицы сидел человек в шлеме — я таких видел много раз, а справа и слева от него мужчина и женщина в богатых церемониальных одеждах. Это лорд Хервон, пришедший из крепости, которую Киллан отыскал в горах, леди Криствита и главнокомандующий лорда Годгар. Затем Киллан, Каттея и Дахаун. На другом камне, словно компенсируя недостаток роста по сравнению с другими собравшимися, фланнан Фарфар, с человекоподобным, покрытым перьями туловищем, с распростертыми крыльями и когтистыми лапами. Фланнан находился здесь исключительно ради престижа, потому что его племени не хватает сосредоточенности, которая нужна в битвах, хотя из фланнанов получаются хорошие вестники.

По другую сторону сидели вновь прибывшие. Еще одно птицеподобное существо, но с головой ящерицы, узкой, зубастой, покрытой красной чешуей, которая сверкала на солнце, контрастируя с серо-голубым оперением. Время от времени существо беспокойно расправляло крылья, поворачивая голову из стороны в сторону и оценивающе разглядывая собравшихся. Это был вранг с Высот, и Дахаун церемонно назвала его «Ворлонг, Бьющий Крыльями».

За этим необычным союзником снова люди — четверо. Еще до их прибытия нам сообщили, что это потомки Древней расы, которые бежали в горы, сумели там выжить и создать небольшие островки безопасности. Предводителем их был высокий смуглый мужчина с резкими чертами лица, выдающими представителя Древней расы. Он казался совсем молодым, но внешность может быть обманчива, поскольку Древние не проявляют никаких признаков старения до самых последних недель перед смертью. Если, конечно, кто-нибудь из них доживал до старости, что в последние годы встреча-

лось нечасто. У предводителя были прекрасные и вежливые манеры.

И я его возненавидел.

В прошлом мы, связанные друг с другом, никогда не выходили за пределы нашего товарищества. После того как Каттею оторвали от нас, мы с Килланом продолжали оставаться едины. Но все же у нас были товарищи по оружию, которые нам нравились, и другие, вызывавшие неприязнь. Но никогда в прошлом не испытывал я такого сильного чувства, как сейчас, разве лишь когда сразил карстенского всадника. Тогда моя ненависть была направлена не на самого врага, а на то, что он представлял. В то время как этого Динзила с Высот я ненавидел всем сердцем, холодной ненавистью, причины которой не были ясны мне самому. Я до того был поражен заполнившей меня неожиданной эмоцией, что когда Дахаун знакомила нас, заколебался, произнося приветственные слова.

В тот момент мне показалось, что он понимает мои чувства, и это его забавляет — так, как может забавлять поведение ребенка. Но ведь я не ребенок, и, если потребуется, Динзил это вскоре обнаружит.

Если потребуется... Неожиданно я понял, что не только ненависть сотрясает меня, когда я смотрю на это гладкое красивое лицо, но и дурное предчувствие... словно в любое мгновение этот повелитель высот способен неожиданно превратиться в нечто опасное для всех нас. Но разум мне твердил, что народ Зеленой Долины приветствовал его по-дружески и считал его приезд удачей. Эти люди знают все опасности своей земли и, конечно, не раскрыли бы врата перед тем, на ком есть хоть след зла.

Когда мы впервые пересекали поля и леса Эскора, Каттея утверждала, что способна обнаруживать присутствие темного волшебства, словно оно отвратительно пахнет. Но мое обоняние ничего не говорило о Динзиле. Тем не менее, стоило мне взглянуть на него, какой-то внутренний часовой во мне тут же настораживался.

Динзил хорошо говорил на нашем совете, проявляя здравый смысл и прекрасное знание военного дела. Сопровождавшие его лорды и воины время от времени делали замечания, которые свидетельствовали, что в прошлом Динзил служил опорой своей страны.

Эфугур принес карты, хитроумно начерченные на сухих листьях, причем прожилки и пятна на листьях служили границами и обозначениями. Мы передавали карты из рук в руки, а зеленые люди, воины с высот и другие члены совета делали уместные замечания. Ворлонг очень настойчиво предупреждал об опасности определенной линии холмов; своим хриплым, почти недоступным для восприятия голосом он рассказал о трех кругах стоячих камней, которые настолько опасны, что даже пролет над ними равносителен смерти. Мы отмечали на картах опасные места и знакомили всех с ними.

Я разглаживал одну из карт, когда испытал странное ощущение. Мой взгляд притянула к себе правая рука — я теперь редко вспоминал о ране, потому что она перестала болеть, а с помощью упражнений я, насколько возможно, восстановил подвижность, — правая рука заставила меня отвести взгляд от серо-коричневой поверхности карты. Я взглянул на руку, потом удивленно поднял голову.

Динзил... он смотрел на мою руку. Смотрел и слегка улыбался, но так, что краска бросилась мне в лицо. Я хотел отдернуть руку, спрятать ее за спиной. Но почему? Шрамы получены в честном сражении, их нечего стыдиться. Но я ощутил стыд только потому, что Динзил смотрел на мое увечье, как будто... как будто эта рана — какое-то уродство, которое следует скрывать от всего мира.

Но вот наши взгляды встретились, и мне показалось, что он по-прежнему забавляется — такое чувство испытывают некоторые люди, глядя на уродов. И он знал, что я это понял, но его веселье от этого только усилилось.

Я должен их предупредить, лихорадочно подумал я, предупредить Киллана... Камтею... Они должны разделить мои

предчувствия и смутные подозрения относительно этого человека. Если бы мы остались наедине, я впустил бы их в свое сознание, чтобы они могли насторожиться. Насторожиться против чего? И почему? На эти вопросы у меня не было ответа.

Я снова смотрел на карту. И с вызывающим видом разглаживал ее двумя неподвижными пальцами. Меня охватил холодный смертоносный гнев.

Наконец заговорил Эфутур.

— Итак, решено: мы призываем кроганов и тасов...

— Не слишком рассчитывай на них, милорд, — отозвался Динзил. — Да, пока они нейтральны. Но, возможно, такими и захотят оставаться.

Я услышал нетерпеливое восклицание Дахаун:

— Если они верят в нейтралитет, когда битва уже началась, значит, они глупы!

— С нашей точки зрения — возможно, — ответил Динзил. — Мы смотрим на одну сторону щита, миледи. Они, наверно, еще не посмотрели на другую. Но не захотят по чьей-то просьбе делать выбор. Мы, на Высотах, имели дела с кроганами и знаем их. Если на них надавить, они отвечают ударом. Поэтому обратиться к ним нужно, но при этом не давить на них. Дайте им время собрать свой совет. И главное, не проявляйте гнев, если они не согласятся. Перед нами не короткая схватка, а длительная война. Те, кто не принимает в ней участие сначала, могут стать участниками в конце. Если мы хотим, чтобы они пошли за нашим рогом, надо дать им возможность самим сделать выбор.

Я увидел, как Эфутур и остальные согласно закивали. Мы не могли возражать, потому что это их земля, и они это знали. Но я считал, что неразумно вести военные действия там, где есть не присоединившиеся ни к одной стороне, потому что они в любой момент могут стать врагами и ударить по нашему незащищенному флангу.

— Мы посылаем меч предупреждения кроганам, тасам... заросшим мхом? — вопросительным тоном произнес Эфутур.

Дахаун рассмеялась.

— Заросшим мхом? Может быть... если сумеем их найти. Но они слишком поглощены собой. Все те, на кого мы можем рассчитывать, собрались здесь — это ты хочешь нам сказать, лорд Динзил?

Тот пожал плечами.

— Кто я такой, чтобы ручаться за других, леди? Но благодарно не обращаться к тем, с кем мы не имели дел в прошлом. Здесь очень многое переменялось. Возможно, не следует доверять даже старым друзьям. Да, я согласен, что армии, которым мы можем доверять, теперь собрались в этой вашей безопасной Долине — вернее, соберутся, когда мы созовем свои силы. Горы будут с вами. Что касается равнин, вам делать выбор.

Я не решался среди собравшихся перейти к мысленному общению и поэтому с нетерпением ждал конца. Мы не представляем себе, какими способностями обладают другие, поэтому я не стал призывать сестру и брата. Поэтому же лишь гораздо позже смог поговорить с ними наедине. Вначале мне удалось пообщаться с Килланом, который отправился с Хорваном на поиски удобного лагеря для тех, кто прибудет из-за гор. Но до того я оказался рядом с Годгаром и разговорился с ним о пограничной войне. Мы обнаружили, что служили в одном и том же районе этой горной местности, но в разное время.

Я хорошо знал таких воинов. Они рождены для войны, и иногда в них есть искра предводителя. Но гораздо чаще они удовлетворяются тем, что идут за командиром, которого уважают. Это жесткое и неприступное ядро любой хорошей армии, и эти люди неловко чувствуют себя в мирное время; возможно, подсознательно они ощущают, что когда меч слишком долго остается в ножнах, исчезает смысл их жизни. Годгар ехал рядом со мной, он словно принюхивался, бросал взгляды по сторонам, как делает разведчик, готовый к любым неожиданностям войны.

Хорван нашел понравившееся ему место и принялся разбивать палатки, хотя воздух в долине такой теплый, что вполне можно спать под открытым небом. Наконец я смог подойти к Киллану и, избегая мысленного общения, поговорить с ним о Динзиле.

Я говорил некоторое время, прежде чем заметил, как нахмурился Киллан. Я замолчал и пристально посмотрел на него. Потом все-таки послал мысль.

И обнаружил с удивлением... со смятением, — потому что вначале даже не смог понять, с чем столкнулся, столкнулся впервые в жизни со стороны брата, — обнаружил отказ поверить! Для меня это было настоящим потрясением: Киллан считал, что я ищущи тени в солнечный день, пытаюсь принести раздоры и неприятности...

— Нет, ты не прав! — последовал его мгновенный ответ, как только он воспринял мою мысль. — Но... что ты имеешь против этого человека? Помимо чувства? Если он желает нам зла, как он мог миновать символы, охраняющие Долину? Не думаю, чтобы сюда мог проникнуть кто-то, закутанный в Великую Тень.

Как он ошибался — хотя мы узнали об этом гораздо позже.

Чем я мог доказать истинность своего чувства? Взгляд этого человека? Только это чувство — но такие чувства здесь тоже служат защитой.

Киллан кивнул; его изумление проходило. Однако я уже закрыл перед ним свое сознание. Я походил на ребенка, который доверчиво протянул руку к горящему углю, восхищаясь его блеском и не сознавая опасности. Теперь, ожегшись, я с новой подозрительностью всматривался окружающий мир.

— Я предупрежден, — заверил меня брат. Но я понимал, что он не считает мое предупреждение серьезным.

Вечером устроили пир, хотя и не очень веселый, учитывая причину, которая собрала нас. Но на пиру придерживались всех правил и церемоний; возможно, потому, что они создавали ощущение безопасности. Я не смог поговорить с

Каттеей, как мне хотелось; слишком долго ждал, потрясенный разговором с Килланом. Мне было тяжело смотреть, как она сидит рядом с Динзилом и он улыбается ей. В ответ на его слова она тоже улыбалась или смеялась.

— Ты всегда так молчалив, воин со строгим лицом?

Я повернулся и увидел Дахаун, которая может менять внешность и казаться каждому прекрасной. Теперь она была черноволосой, с легкой розовой краской на щеках цвета слоновой кости. Но на закате у нее были медно-золотые волосы и кожа тоже золотистая. «Каково это, — подумал я, — быть единой в таком множестве обличей?»

— Ты мечтаешь, Кемок, мудрая голова? — насмешливо спросила она, когда я оторвался от своих мыслей.

— Мысли мои невеселы, леди.

Дахаун сразу стала серьезной, опустила взгляд на чашу, которую держала в руках. Слегка покачала ее, и пурпурная жидкость в чаше плеснула из стороны в сторону.

— Не смотри сегодня в зеркало предсказаний, Кемок. Мне кажется, что в твоих мыслях не просто тень.

— Это правда.

Почему я сказал так? Никогда ни с кем не откровенничал: все, что происходило со мной, знали только брат и сестра. Но так ли это и сейчас? Я снова взглянул на сестру, которая смеялась с Динзилом, потом на Киллана: он оживленно разговаривал с Эфутуром и Хервоном, как бы соединяя их.

— Ветвь, не держись за листья, — негромко сказала Дахаун. — Бывают времена, когда ветер отрывает листья и уносит их. Но на их месте вырастут новые...

Я понял, о чем она говорит, и вспыхнул. Уже давно я знал, что они с Килланом понимают друг друга. И мне это не причиняло боли. Может прийти день, когда и Каттея ступит на тропу, по которой пойдет с другим; это я тоже принимал. У меня не вызывало негодование то, что Каттея смеялась в этот вечер и была скорее простой девушкой, чем волшебницей и нашей сестрой. Мне не нравился лишь тот, с кем она смеялась.

— Кемок...

Я снова взглянул на Дахаун и увидел, что она пристально смотрит на меня.

— Кемок, в чем дело?

— Леди... — Я говорил с ней вслух, не пытаюсь обратиться мысленно. — Следи за своими стенами. Я опасюсь...

— Динзила... того, кем он может оказаться?

Она отхлебнула из чашки, по-прежнему через край глядя на меня.

— Буду следить, воин. Наверно, я неверно тебя поняла. Не ревность терзает тебя. Тебе он не нравится по какой-то другой причине. По какой?

— Не знаю... только чувствую.

Дахаун опустила чашу.

— Чувства способны говорить яснее языка. Будь уверен: я буду следить — и не только одним способом.

— Благодарю тебя за это, леди, — негромко ответил я.

— Пусть предчувствие меньше тревожит тебя, — сказала она. — И удачи тебе — справа, слева и за спиной...

— Но не впереди? — Я приветственно поднял свою чашу.

— Впереди у тебя меч, Кемок.

Значит, Дахаун знала, что у меня в мыслях, и верила мне. Но все же я с тревогой ждал утра. Ибо мне предстояло оправиться к кроганам, а Динзил не собирался оставить Долину.

Глава 2

Было решено, что зеленое племя и все мы, присоединившиеся к нему, пошлем меч предупреждения на равнины в поисках союзников, на которых можно полагаться. Киллан вместе с Дахаун отправится к тасам, жителям подземелий, которых мы еще не видели. Это существа сумерек и ночи, хотя, насколько нам известно, они не принадлежат Тени. Мы с Эфутуром едем к кроганам, которые сделали своими все реки, ручьи и озера

Эскора. Предполагалось, что присутствие нас, представителей Эсткарпа, придаст больше веса нашему призыву.

Мы выехали на рассвете, тогда как Киллан и Дахаун ждали ночи. Им предстояло оставить факелы призыва в пустынном месте. Поэтому они смотрели, как мы уезжаем. Лошадей у нас не было; я ехал верхом на одном из соплеменников Шапурна, а Эфутур на самом Шапурне. Эти существа крупнее лошадей, у них гладкая шкура яркого рыжего цвета, кремовая на животе. Хвосты у них короткие и пушистые, и на ходу они крепко прижимают их к задним ногам. Такие же пушистые выросты на голове, а за ними — длинный красный изогнутый рог.

Никакой узды — они не слуги, но такие же посланники, которые любезно позволили нам воспользоваться своей силой в пути. К тому же, обладая более острыми чувствами, они служили нам разведчиками, предупреждая об опасности.

Эфутур в зеленой одежде, как у всех жителей Долины, и за поясом у него могучее оружие — силовой бич. На мне кожа и кольчуга из Эсткарпа. Кольчуга казалась мне очень тяжелой: когда-то я даже не замечал этой тяжести. Но шлем с кольчужным шарфом тонкой работы я держал в руке, подставляя голову легкому рассветному ветерку.

Хотя когда мы приехали в Эсکور наступила осень и приближалось время заморозков, здесь как будто задержалось лето. Мы видели в пути огненные желтые и красные факелы кустов и деревьев, но все равно ветер был теплым, и утренний холодок быстро исчез.

— Не обманывайся, — заговорил Эфутур. Его прекрасное лицо оставалось спокойным, но во взгляде было предупреждение. Как у всех мужчин его племени, у него на лбу, среди густых завитков волос, скрывались короткие рожки цвета слоновой кости. В меньшей степени, но все же и он обладал способностью Дахаун менять внешность. В утреннем свете кудри его были темными, а лицо бледным. Но когда показались первые лучи солнца, я увидел рыжие волосы и коричневую кожу.

— Не обманывайся, — повторил он. — Здесь множество ловушек, и в некоторых очень красивые приманки.

— Я это знаю, — заверил я его.

Шапурн, шедший чуть впереди, свернул с дороги, ведущей в Долину. Мой скакун последовал за ним, причем предводитель не отдал ему никакого приказа. Вначале казалось, что мы возвращаемся к Высотам, но после небольшого подъема мы снова очутились на ведущем вниз склоне. Как ни узок этот проход, было заметно, что когда-то он использовался в качестве дороги. В землю были вкопаны каменные плиты, по которым осторожно ступали наши спутники.

Мы оказались в другой долине, покрытой густой темно-лиственной растительностью — либо низкорослыми деревьями, либо высокими кустами. В зарослях видны были древние развалины; и хоть постройки давно рухнули и рассыпались, можно было различить еще некое подобие стен.

Эфтур кивком указал на них.

— Ха-харк...

— Что это? — спросил я, когда он больше ничего не добавил.

— Когда-то безопасное убежище.

— Разрушенное Тенью?

Он покачал головой.

— Горы качались и падали. Они танцевали в ту ночь под необычную музыку. Будем надеяться, что тем, кто нам противостоит сегодня, эта тайна неизвестна.

— А много ли таких знаний сохранилось? — спросил я, хотя и понимал, что люди об этом могут только догадываться.

— Кто знает? В схватке многие Великие уничтожили себя. Другие ушли через Врата к новым испытаниям и победам — или поражениям — куда-то в другой мир. Некоторые настолько отделились от нас, что все здесь происходящее не имеет для них никакого значения. Мы надеемся, что противостояим не Великим древности, а их менее сильным приспеш-

никам, которых они оставили здесь. Но никогда не забывай, что и эти их слуги тоже страшны.

Я встречал некоторых из них и вряд ли мог об этом забыть.

Наша древняя едва заметная дорога вела по краю руин. Развалины почти погрузились в землю, над ними вырастали и умирали деревья. Много времени прошло с тех пор, как Хахарк перестал существовать.

Затем Шапурн повернул налево, по-прежнему следуя по древней дороге. Мы проехали через выход из населенной призраками долины и оказались на возвышенной травянистой равнине. Солнце уже поднялось высоко, стало тепло. Эфутур откинул полы своего плаща. На коленях у него лежал меч предупреждения, не стальной, а из белой древесины, и по широкому, лишенному режущей кромки лезвию меча тянулись тщательно вырезанные причудливые руны. Рукоять и гарду покрывали красные и зеленые перевитые шнуры.

Мы уже довольно далеко проехали по открытой местности, когда Шапурн высоко поднял голову и остановился; мой скакун последовал его примеру. Рентанец широко раздувал ноздри; он медленно поворачивал голову, припохиваясь.

А потом мысленно сообщил нам:

— Серые...

Я смотрел поверх травы, трепетавшей под порывами ветра. Трава достаточно высока, чтобы скрыть ползущего человека. С тех пор как мы с Каттеей убегали от своры всевозможных чудовищ, я научился не доверять любой местности, какой бы невинной она ни казалась.

— Что им надо? — Мы с Эфутуром почти одновременно задали этот мысленный вопрос.

— Они рыщут... ищут...

— Нас?

Шапурн вдохнул воздух.

— Нет. Они голодны; охотятся, чтобы наестся. Ага... они встретили добычу! Теперь гонят ее.

Я услышал отдаленный вой. Меня тоже так преследовали, поэтому я испытал жалость к добыче, на которую они охотятся. Эфутур слегка нахмурился, привычное спокойное выражение покинуло его лицо.

— Слишком близко, — вслух сказал он. — Нам следует чаще объезжать границы. — Рука его опустилась на силовой хлыст на поясе. Но он не извлек его. Пока он несет меч предупреждения, обычай запрещает ему пользоваться оружием.

Шапурн перешел на рысь, мой скакун легко держался за ним; мы пересекли открытый конец равнины со скоростью, недоступной даже для прославленных торских скакунов Эсткарпа. И оказались в ущелье, оба склона которого поросли густыми кустами. По дну ущелья, среди песка и гравия, как змея, извивался ручеек, как призрак потоков, которые мчатся здесь в другое время года. Я заметил блеск среди булыжников. Не размышляя, свернул и подобрал сине-зеленый камень. Такие камни высоко ценят жители Долины. Ими украшены пояс и наручные браслеты Эфутура. И хотя мой камень неровный и необработанный, он все равно отразил солнце и морским огнем вспыхнул у меня на ладони.

Эфутур нетерпеливо оглянулся, но когда увидел, что у меня в руке, удивленно и радостно вскрикнул.

— Вот как! Пока судьба улыбается нам, Кемок. Это свидетельство, что зло не проникло глубоко в эту местность. Камни теряют свой огонь, когда их касается Тень. Земля преподносит тебе дар, и, возможно, он нам еще пригодится. — Он отнял руку от рукояти силового хлыста и сделал жест, который я узнал: в записях Лормта говорилось, что это жест добрых пожеланий.

Похоже, моя находка подбодрила спутника, и он разговорился. Я слушал: все, что он рассказывает об этой местности и ее обитателях, очень важно.

Кроганы, к которым мы направляемся, одна из рас, порожденных в ранних экспериментах Великих. Они происходят от людей, добровольцев среди экспериментаторов; они

были подвергнуты мутациям и изменились так, что стали водными жителями, хотя довольно долго могут обходиться и без своего подводного мира. Во время опустошения Эскора они ради безопасности ушли в глубины, и теперь их редко можно встретить на берегу. Иногда они поселяются на озерных островах и время от времени показываются на берегах ручьев.

Они никогда не враждовали с зеленым племенем. В прошлом иногда даже вступали с ним в союз. Эфутур рассказал о случае, когда они высвободили поток, чтобы затопить особенно неприятное логово злых созданий, которые не пропускали всадников из Долины. Эфутур надеялся и сейчас склонить их к союзу с нами. До сих пор все такие союзы были временными и непрочными. Эфутур заметил, что из кроганов получают отличные разведчики, потому что для них доступны все ручьи и реки; туда, где есть ручьи, кроганы и те, кто им служит, легко могут проникнуть.

Пока он рассказывал, мы выехали на широкое болотистое пространство. Но местность казалась выжженной засухой. Тростники и трава потемнели и высохли. Вдали, посредине небольших водных поверхностей, виднелись все еще зеленые заросли. Еще дальше, за болотами, начиналось озеро.

Несмотря на то, что солнце высоко стояло над головами, озеро покрывал туман. Мне показалось, что я различаю в нем острова, но туман непрерывно колебался, мешал ясно рассмотреть и вызывал тревогу. Я вспомнил болота Тор в Эсткарпе, в которых живет странный народ, захвативший в плен моего отца во время войны с колдерами. Это тоже был загадочный народ, и никто без его разрешения не решался проникать туда... впрочем, такое разрешение давалось очень редко.

Рентанцы привезли нас на край болота. Эфутур соскользнул со спины Шапуерна, я тоже спешил. Полководец зеленых взял меч предупреждения в левую руку и поднес правую ко рту. Превратив ее в раструб из плоти и кости, он послал

призыв, поднимавшийся, опускавшийся и снова вопросительно поднимавшийся.

Мы ждали. Я не видел ничего, кроме больших насекомых, которые летали над тростниками или бегали по поверхности воды, как будто она твердела под их лапками. Птиц не было, не видно даже следов животных в грязи, которая давно высохла и превращалась у нас под подошвами в желтую пыль.

Трижды призывал Эфутур; и каждый раз мы ждали ответа, который не приходил. И если раньше лицо жителя Долины слегка хмурилось, теперь на нем появилось выражение нетерпения. Но если внутренне он кипел из-за задержки, внешне никаких других признаков этого не было.

И он не уходил отсюда. Я уже начинал думать, сколько еще предстоит нам стоять, ожидая появления капризных обитателей озера.

Не шум насторожил меня после третьего призыва, а дрожь или порыв воздуха. Я испытывал уже такое ощущение с матерью и Каттеей. Как будто где-то движется огромное уверенное в себе существо. Я взглянул на Эфутура в поисках разгадки. Здесь действует какая-то энергия.

Мой спутник держал перед собой меч призыва, обращаясь к полоске болота и озеру, которое это болото охраняло. На солнце красные и зеленые шнуры ярко блестели, словно сплетенные из расплавленных драгоценностей. Эфутур не звал больше, просто стоял, держа перед собой свои принадлежности посла.

Среди все еще зеленых тростников, окаймляющих озеро, началось движение, которое нельзя было объяснить ветром. И из воды, погрузившись в нее по колени, поднялись две фигуры.

Они приближались к нам, легко и проворно передвигаясь по грязи, воде и через тростники; я заметил, что они человекоподобны. У них есть ноги и руки, только на ногах клинообразной формы перепонки. Руки и ладони почти такие же, как у меня, но кожа бледная и блестит на солнце.

Головы тоже человекоподобные. Но волосы короткие, прижимаются к черепу и лишь чуть темнее кожи. По обе стороны горла видны круглые пятна — это жабры, теперь закрытые.

На них узкие набедренные повязки, сделанные из какого-то покрытого чешуей материала радужных расцветок. К поясам, придерживающим повязки, прикреплены большие раковины, которые, по-видимому, служат сумками. В руках, с перепонками между пальцами, посохи. Половина такого посоха зеленая и резная, другая половина черная и производит впечатление смертоносного оружия. Кроганы несли свои посохи острием вниз, чтобы продемонстрировать свои мирные намерения.

Когда они наконец подошли и остановились перед нами, я увидел, что хоть они и похожи на людей, глаза, которые не мигая уставились на нас, совсем нечеловеческие. В них нет белков, от ресниц до ресниц сплошное зеленое пространство — похоже на глаза снежной кошки.

— Эфутур. — Вместо приветствия передний из двоих назвал моего спутника по имени.

— Ориас? — В ответе звучали вопросительные интонации. Эфутур чуть шевельнул мечом предупреждения, и его цвета ярко вспыхнули.

Кроганы смотрели на нас и на меч. Затем предводитель поманил. Мы осторожно последовали за ним по болоту, где возможно, перепрыгивая с кочки на кочку. Пахло гнилью, что естественно в подобных местах; через несколько шагов наша обувь покрылась болотной слизью. А наши проводники как будто были способны продвигаться по болоту, не оставляя никаких следов.

Мы добрались до края озера, и я подумал, не придется ли дальше идти вброд. Но от одного из едва видных островов к нам устремилась какая-то тень. Оказалось, что это лодка, сделанная из шкуры какого-то водного существа, плотно натянутой на обработанные и связанные кости. Сесть в такую лодку

было нелегко. Рентанцы даже не пытались это сделать; они, как и наши проводники, вошли в воду и поплыли, а проводники и еще один кроган потащили за собой лодку.

Когда мы приблизились к острову, я увидел, что, в отличие от топкого берега озера, остров обрамлен широким серебристым поясом чистого песка. Болотный запах рассеялся. За песчаной полоской была растительность, какой я раньше никогда не видел. Высоко поднимались стройные стволы, заканчиваясь мягкими плюмажами, какие иногда привозят из-за морей салкары. И тень у этих растений не зеленая, а тускло-серебристая; на верхних ветвях тут и там росли зеленые и темно-желтые цветы.

Сам пляж был разделен полосками больших раковин и светлых камней на геометрически правильные участки. Между участками пролегали тропинки с оградами из выбеленных водой колышков.

Наши кроганские проводники двинулись по одной из таких тропинок, и мы с Эфутуром последовали за ними. Проходя мимо участков, я видел на них небольшие корзины и изящно сплетенные циновки. Но тех, кому они принадлежат, не было видно. Мы вышли под тень деревьев с плюмажами, и я ощутил аромат цветов. И увидел тех, кого наше появление, должно быть, согнало с пляжа. Мужчины, подобные нашим проводникам, и женщины их племени. У женщин волосы свободно распущены, и в них вплетены тростниковые ленты, украшенные цветами и раковинами. Женщины в одежде из более мягкого материала, перехваченного на плечах пряжками из раковин, на талии разукрашенные пояса. Платья светло-зеленые, желтые или серо-розовые. Впрочем, женщин мы почти не видели, потому что они держались в стороне.

Мы вышли на открытое место и остановились перед скалой, когда-то бывшей естественным выступом. Но с тех пор над ней поработали искусные камнерезы. На нас угрожающе и насмешливо смотрели чудища с глазами из раковин. Некоторые скорее забавляли своими уродливыми улыбками, чем

пугали. Два таких чудища сторожили плоскую плиту, которая служила вождю кроганов тронem.

Вождь не встал нам навстречу; на коленях у него лежало копье, такое же, как у стражников. Рука вождя лежала на копье, и при нашем приближении он не опустил острие.

Эфутур вонзил в мягкую землю острие меча предупреждения, оторвал руку от рукояти и выпрямился.

— Ориас! — сказал он.

Кроганский вождь был очень похож на тех двоих, что привели нас, только по его лицу от виска до челюсти пролегал старый шрам, оттягивая вниз глазное веко, так что глаз все время оставался полузакрытым.

— Вижу тебя, Эфутур. Почему я тебя вижу? — Голос у него был высокий и, как мне показалось, невыразительный.

— Из-за этого... — Эфутур коснулся рукояти меча предупреждения. — Нам нужно поговорить.

— Поговорить о копьях, о барабанном бое и об убийствах, — прервал его кроган. — Чужаки все взбудоражили... — Вождь повернул голову и своим здоровым глазом посмотрел прямо мне в глаза. — Они разбудили то, что спало, эти чужаки. Почему ты встал на их сторону, Эфутур? Разве тебе не хватает прошлых побед?

— Давно одержанные победы не означают, что можно повесить оружие под древесной крышей, чтобы оно ржавело, как будто никогда больше не понадобится, — спокойно ответил Эфутур. — Да, силы проснулись — и неважно, кто их разбудил. Приближается день, когда каждый услышит бой барабанов, даже если заткнет уши пальцами. Люди Высот, вранги, рентанцы, фланнаны, мы, жители Зеленой Долины, люди из-за гор — мы все пьем напиток братства и смыкаем наши ряды. Ибо, только объединившись, можем мы победить. Пока действуют эти силы, не спрячешься ни в небе, ни на земле... — он помолчал и добавил: — Ни в воде!

— Не стоит торопливо хвататься за меч предупреждения. — Мне показалось, что Ориас словами скрывает мысли. Я не

пытался прикоснуться к его сознанию: это могло быть опасно. Кроган продолжал: — И один человек не может говорить за всех водных жителей. Мы посоветуемся. Вы можете оставаться на острове для гостей.

Эфутур склонил голову. Но меча не коснулся, оставив его вонзенным в землю. Нас снова провели через рощу деревьев с плюмажами на берег к лодке и перевезли на другой остров. Здесь тоже была растительность, но нормальная. Ровная площадка была вымощена каменными плитами, подготовлено углубление для костра; рядом лежала грудa хвороста. Мы с Эфутуром достали свои припасы и поели. Потом я пошел на берег и смотрел на серебристый остров. Туман, рожденный словно волшебством, мешал разглядеть подробности. Мне показалось, что я вижу плывущих по озеру к острову и от него кроганов. Но ни один из них не приближался к нам; во всяком случае, я этого не замечал.

Эфутур не стал гадать, чем закончится совет Ориаса. Несколько раз он замечал, что кроганы подчиняются только своим законам и, как предупредил нас Динзил, чужакам нелегко повлиять на них. Когда он упомянул Динзила, мои предчувствия, которые я постарался отодвинуть в глубину сознания, снова ожили. И я старательно стал припоминать все, что мог, о предводителе воинов Высот.

Насколько известно зеленому племени, он принадлежит к расе Древних и является подлинно человеком. У него прочная репутация доблестного бойца. Похоже, он контролирует какие-то собственные неведомые другим силы: в детстве его учителем был один из тех творцов чудес, который ограничил собственные исследования и направил их лишь на сохранение небольшой части Эскора, в которой скрылся. Эфутур настолько высоко ценил Динзила, что я не решился рассказывать ему о своих сомнениях: да и какие у меня доказательства, кроме чувств?

С другого острова не было никаких сигналов. Мы снова поели, закутались в одеяла, чтобы поспать. Но я увидел такой злой кошмар, что сел, похолодевший и дрожащий; пот бежал

у меня по щекам и капал с подбородка. Перед тем как Каттею вырвали у нас, я видел такой же сон — проснулся, не в силах вспомнить, что видел, но зная, что это дурное предзнаменование.

Я не смог больше уснуть, но не стал тревожить Эффура. Больше всего мне хотелось покинуть остров, вернуться в Долину и самому убедиться, что ничего плохого не случилось с Каттеей и Килланом. Осмелев, я отошел от нашего лагеря и направился к берегу, глядя, как я надеялся, в направлении Долины. Впрочем, в этом месте я не мог надежно определить, где север и юг, восток и запад.

Здесь я охватил голову руками и послал мысленный призыв. Потому что я *должен* был знать. Ответа не было. Я собрал всю свою волю и снова позвал.

Ответ пришел слабый, очень слабый. Каттея... тревожится обо мне. Я быстро дал ей понять что не мне грозит опасность, что я боюсь за нее и Киллана. Она ответила, что они в безопасности, но что между нами где-то скрывается зло. Она попросила меня разорвать связь, пока ее не перехватило это зло и не отыскало меня. Она просила так настойчиво, что я послушался. Но не был удовлетворен: хоть она сообщила, что все в порядке, долго так не будет.

— Кто ты такой, призывающий дух другого?

Я был так поражен этим неожиданным вопросом, что резко повернулся и мой меч сверкнул в лунном свете. Но я тут же опустил острие, увидев, что она выходит на открытое место. Ее перепончатые ноги беззвучно ступали по песку. Вода озера превратила ее одежду во вторую кожу, и она казалась очень маленькой и хрупкой; бледность ее словно часть лунного света. Она отбросила влажные пряди и закрепила ленту с раковинами, которая придерживала волосы над глазами.

— Почему ты звал? — Как и у Ориаса, ее голосу не хватает тембра, он звучит негромко и монотонно.

Хотя обычно я не разговариваю с незнакомцами, но тут ответил правдиво.

— Мне приснился дурной сон, такой уже бывал у меня как предупреждение. Я искал тех, о ком тревожусь: своих сестру и брата.

— Я Орсия, а ты? — Она никак не отозвалась на мои слова; словно ей важно узнать, кто я.

— Кемок... Кемок Трегарт из Эсткарпа, — ответил я.

— Кемок, — повторила она. — Да, ты один из чужаков, которые принесли с собой беду...

— Не мы принесли беду, — поправил я. Мне почему-то важно было убедить ее в этом. — Мы сами убегали от беды и пришли из-за гор, не зная, что происходит здесь. Мы только хотели найти убежище.

— Но ты нарушил наш покой. — Она подобрала камень и бросила его в озеро. Камень упал с плеском, по поверхности воды побежала рябь. — Ты совершил поступки, которые могут разбудить древнее зло. И хочешь втянуть в это кроганов.

— Не я один, — возразил я. — Мы все стоим заодно!

— Не думаю, чтобы Ориас и остальные согласились с вами. Нет. — Она покачала головой. Волосы, которые как будто очень быстро сохли на воздухе, серебряной паутиной окутали ее голову и тело. — Ты совершил путешествие впустую, чужак.

Она прыгнула, нырнула и скрылась под водой.

Но она оказалась права. Когда нас утром снова перевезли на остров с растениями с плюмажами, меч предупреждения стоял там же, где оставил его Эфутур, и на нем не было знака согласия — добавочных шнуров. Не было здесь и Ориаса. Мы увидели пустой трон и почувствовали, что нам лучше побыстрее убраться с земли, на которой нас не хотят видеть.

Глава 3

— Что нам теперь делать? — спросил я, когда молчаливые кроганы привезли нас на болотистый берег и исчезли в озере, прежде чем мы смогли попрощаться.

— Ничего, — ответил Эфутур. — Они решили оставаться нейтральными. Боюсь, это будет им нелегко. — Он говорил с отсутствующим видом, и я замечал, что он взглядом разведчика обшаривает окрестные холмы.

Я проследил за его взглядом. Ничего не видно. Так ли? Солнце светит, как и накануне утром, и местность кажется пустой. Потом я увидел в небе черную точку, а за ней другую.

— Садись верхом! — торопливо сказал Эфутур. — Летят рузы. Что-то происходит на границах!

Шапурн и Шил, на котором ехал я, осторожно пробирались по дну почти пересохшего ручья. Но шли они быстрее, чем на пути сюда. Я глубоко вдохнул. По-прежнему слышался гнилостный запах болот. Я посмотрел на сапоги, чтобы проверить, нет ли на них слизи, хотя мы постарались стереть ее пучками сухой травы.

Ничего подобного. А запах гнили усиливается. Я следил за холмами, окружающими путь по ручью. Человек, участвовавший во многих войнах, таких, какие постоянно идут на наших границах, вырабатывает особое предвидение. Солнце стоит высоко и ярко светит, однако, нас пытается коснуться тень. Несмотря на жару, я надел шлем на голову, прикрыл горло кольчужным шарфом. И высвободил меч, висящий на бедре.

Мне все время казалось, что зловоние усиливается, его приносит с собой каждое дуновение ветерка, который находит путь в узкое ущелье. Эфутур больше не нес перед собой меч предупреждения. Миссия его завершена, и меч он закрепил на спине; высвободил свой силовой хлыст и держал его наготове. Словно на холмах над нами собрались невидимые вражеские силы.

— В чем дело?

Я видел, как Эфутур сжал губы, отвечая на мой вопрос.

— Те, что следят за нами, недостаточно сильны, чтобы напасть. Но рузы полетели за подкреплениями. Если бы мы смогли добраться до открытой местности...

Это нам удалось, и мы оказались на равнине с высокой спелой травой. Но равнина не была пустой. Я видел тех, кто собирается помешать нам. Видел я старых недругов, с которыми уже приходилось сталкиваться. Была здесь нечистая помесь людей и зверей; эти чудовища запрокидывали морды, пытаясь уловить наш запах, и настораживали уши. Вокруг них шевелилась трава, и я подумал о растях, которые могут в ней скрываться. Эфутур щелкнул своим силовым хлыстом, и в землю ударила такая яркая вспышка, что ее видно было даже при солнце; на земле появилось обгоревшее пятно.

Мне не хватало игольного ружья, которое было у меня за горами. Мы захватили с собой это оружие, но его припасы давно были истрачены, и ружья превратились в бесполезные трубки. Теперь придется ждать, пока враг не окажется в пределах досягаемости меча.

Серые и их невидимые союзники, растях, если это действительно были они, не нападали. Они боятся силового оружия. Но продолжали кружить на удалении. И теперь находились между нами и выходом на дорогу в Ха-харк.

— Они не должны трижды окружить нас! — воскликнул Эфутур. Я снова вспомнил свои занятия в Лормте. Если врагу удастся трижды обойти нас кругом, он сможет парализовать нашу волю. И даже если не решится напасть, мы будем пленниками в этом кругу.

Шапурн и Шил понеслись. Приспосабливаясь к взлетам и падениям подо мной могучих мышц, я в который раз подумал, что ни одна лошадь Эсткарпа не сравнится с этими скакунами. В то же самое время, хотя всегда считал, что не обучен тайнам, я прокричал некие слова из очень древних текстов.

И сразу едва не онемел от изумления. Клянусь — хотя человек, который это не видел, может мне не поверить, — клянусь, что я не только услышал эти слова, но и увидел их! Они были подобны огненным стрелам и понеслись вперед, как иглы из оружия, которого у меня больше не было. Снова клянусь: я увидел, как они ударились в землю там, где бежали

Серые, и от этого удара вспыхнуло пламя, как от силового хлыста Эфутура.

Послышался и звук, громче моего крика. Это были раскаты грома. Затем над головой раздался резкий высокий вопль; Эфутур крикнул что-то, но я не разобрал его слов. Он запрокинул голову, как человек, ожидающий нападения сверху. Поднял хлыст, и резкий высокий вопль оборвался. С неба что-то упало, ударились в землю перед нами и взорвалось темным облаком дыма; мгновение спустя Шапурн и Шил, не в силах свернуть, пронеслись через это облако, и нас охватило зловоние.

Но я не видел ни следа тела, которое должно было здесь лежать. Только дым и зловоние, а затем мы вырвались на открытый воздух.

Теперь я слышал вой Серых и писк из травы, который, раз услышав, никогда не забудешь. Конечно, там расти. Они накатились на нас волной, и Шапурн и Шил, спотыкаясь, заплясали в ярости; снова и снова ударял хлыст Эфутура, поджигая траву и расчищая нам путь. У выхода на дорогу в Ха-харк мы встретились с Серыми и сразились с ними. Мой меч рубил плоть, ударялся о кости. Шил закричал, когда когти и зубы вцепились в его шкуру. Снова я бросил слова и увидел, как враги расступаются перед огненными стрелами.

Затем послышался звук, и по сравнению с ним весь шум и грохот битвы — ничто. Ибо удар обрушился не только на врагов, но и на нас. Ослабевший, оглушенный, я прижался к спине Шила. Успел краем глаза заметить, как бессильно опустил руки Эфутур, его хлыст повис. Но я увидел также, как отшатнулись Серые, прижимая руки-лапы к ушам, словно от страшной боли поворачивая головы.

Не знаю, сколько продолжалось такое состояние. Но наконец сознание мое очистилось, и я почувствовал, как спотыкается подо мною Шил. Он сделал один шаг, другой; я поднял голову и, как и думал, увидел, что он опять идет за своим вождем Шапурном по дороге в Ха-харк. На спине Шапурна сидел, повесив голову, Эфутур. Он как будто еще не пришел в себя.

Я хотел оглянуться: не преследует ли нас враг. Но как ни пытался, не смог повернуть голову. Дело не в слабости: мои мышцы как будто не повиновались мне. А когда наконец я смог посмотреть назад, ни следа преследователей не было видно. Зловоние, которое сопровождало нас с самого озера, тоже исчезло. Но в воздухе стоял иной густой запах с металлическим оттенком, для которого у меня нет слов.

Когда мы оказались среди руин, Эфтур выпрямился и через плечо посмотрел мне в глаза. Он был очень бледен, но такого напряженного выражения я у него никогда не видел.

— Не делай этого больше! — Слова его прозвучали приказом.

— Не знаю, о чем...

— Ты разбудил древние силы, и тебе *ответили*. Больше не используй здесь свое колдовство, чужеземец. Я не верил, что ты тоже можешь пробуждать силы...

— Я тоже не верил, — искренне ответил я. — И не знаю, почему это сделал. Я не чародей, а воин.

Я сам не мог поверить в происходившее, хотя был его частью. Мы в Эсткарпе твердо верим, что только мудрые женщины могут контролировать невидимые силы и общаться с ними. Мое поведение совершенно неестественно. Конечно, мой отец обладал некоторыми способностями, и даже волшебницы признавали это. Вместе с нашей матерью леди Джелит он использовал силы не руки и тела, но сознания и воли.

Но что касается меня, то я не хотел иметь с этим ничего общего. Мне хватало ума понять, что эксперименты в таких делах, когда нет нужной подготовки, когда не умеешь принимать предосторожности, отъявленная глупость. Они способны причинить вред не только тем, против кого направлены, но и всем окружающим. Эфтур может быть уверен, что я больше не стану пробовать. Тем не менее, я помнил звук, для описания которого у меня нет слов, и гадал, что это было и откуда пришло.

Наверное, мы оказались надежно защищены ударом, потому что как ни оглядывались и даже возвращались назад, преследователей не обнаружили. Наконец Этуфур убедился, что погони нет, и мы выехали на мощенную плитами дорогу, ведущую из Ха-харка к границам Долины.

Когда мы проезжали мимо резных скал с защитными словами на них, Этуфур время от времени останавливался и делал знаки. Некоторые из них я знал, другие были мне неизвестны. Но я понимал, что он пробуждает защиту Долины, настораживает ее охрану. Наконец мы подъехали к главному камню, самому большому из них, — Этаяну. На камне были глубокие борозды, окрашенные зеленою. Полководец Долины повернулся ко мне и отдал приказ:

— Положи на них свои ладони.

Я испытал легкий гнев, потому что он явно подозревал меня. Ему показалось, что ради блага живущих в Долине меня больше нельзя в нее впускать. Но я подчинился его приказу, слез с потной спины Шила, подошел и прижал ладони к символам, которые были частью Силы, — никакое зло не может взглянуть на них, тем более прикоснуться.

Пальцы мои коснулись холодного камня, грубого и шероховатого, покрытого нанесенной ветром пылью; но под кончиками пальцев поверхность изменилась. Мне показалось, что зеленые полосы стали ярче, а сам камень потеплел. Но меня не поразило ударом, вообще не пришло никакого предупреждения — только ярче зелень и теплее камень. Прижимая ладони, я взглянул на Этуфура.

— Убедился, что я не предатель? — спросил я.

Он изумленно смотрел на камень. Потом протер рукой глаза, словно отгоняя туман. И наконец сказал:

— Не знаю, что скрывается в тебе, Кемок. Но кажется, ты не принесешь нам зла. Мне пришлось это сделать. — Голос его звучал виновато.

— Это твое право. — Конечно, это так, хотя моя гордость и была уязвлена. Как полководец, он не должен допускать в

Долину опасность, которая может открыть в нее дорогу Великой Тени. А что он знает о нас, троих беглецах из Эскарпа, кроме того, что мы сделали, оказавшись в Эскоре?

В конце дня мы подъехали к домам, оплетенным вьющимися растениями и крытым сине-зелеными перьями. По дороге нам встречались люди из племени Эфутура. Но горцев, сопровождавших Динзила, не было видно. Я почувствовал облегчение.

Спрыгнув с рентанцев на открытой площадке, на которой проводили совет, мы увидели, что нас ожидает пестрое общество. Лица у собравшихся были серьезные, настороженные. Первой заговорила Дахаун.

— Произошло... — она замолкла, словно с трудом подыскивала слова, — произошло нечто непонятное. Что случилось? Знаете ли вы что-нибудь об этом?

— Спроси Кемока, — коротко ответил Эфутур, и все посмотрели на меня. Киллан выглядел удивленным, а Каттея рядом с ним слегка нахмурилась.

— Сам не знаю, — сказал я. — Нас собирались трижды окружить Серые вместе с расти. Не могу сказать, почему я это сделал. Но я только произнес слова, которые узнал в Лормте. А потом... потом...

— Тебе *ответили*. — Это произнесла Каттея. — Неразумно, неразумно вмешиваться в такие дела, если не обучен тайнам.

Впервые в жизни я встретил в ней не удивление, которое проявил Киллан, а отчуждение. Она словно отвернулась от меня, закрыв за собой дверь. И чувства ее я не мог понять. Возможно, долгие годы учения у волшебниц заставили и ее поверить, что мужчина не может иметь дело с невидимым? Если это так, то настолько не похоже на Каттею, что я не могу с этим смириться. Но она отдалилась от меня, и я испытал такую боль, что не хотел ни следовать за ней, ни расспрашивать. Не стану ничего проверять. Иногда мы цепляемся за неопределенность, страшась точных знаний.

И я обратился не к сестре, а к Дахаун.

— Будь уверена, что больше я не стану это делать. Не знаю даже, почему я так поступил тогда.

Она сделала шаг вперед и положила руки мне на плечи. Потом — так как я выше ее — подняла голову, чтобы заглянуть мне в глаза. Но отвечая, пользовалась словами, а не мысленной посылкой; уверен: она хотела, чтобы слышали все остальные.

— То, чем обладает человек: силой, волей или даром, — всплывает на поверхность в минуту необходимости. То, что тебе *ответили*, поразительно, потому что мы верили, что Великие давно ушли от нас. Но ты научил нас, что с ними по-прежнему нужно считаться, и это ценное знание. Возможно, в этот день ты оказал нам большую услугу.

Ее слова как будто уменьшили напряжение. Только теперь Киллан задал вопрос о том, чем закончилась наша миссия к кроганам. Услышав, что закончилась она неудачей, он нахмурился. Полководец Долины в свою очередь спросил о тасах, и Дахаун сказала:

— Они даже не явились в ответ на наш сигнал факелом. И мы так и не знаем, означает ли их отсутствие нейтралитет или они уже вступили в союз с кем-то.

— Есть и другие новости, — добавил Киллан. — Часовые с вершин дали знак, что приближается новый отряд с гор.

— Его должна встретить и привести сюда стража, — сказал Эфутур. — Я считаю, что слуги Тени сделают все, чтобы помешать нам собраться.

Я решил выкупаться в одном из освежающих бассейнов зеленого племени и переодеться, но по дороге туда все время искал Динзила или его людей. Подошел Киллан, сел на скамью и смотрел, как я одеваюсь и застегиваю золотые пряжки на груди.

Наконец я вслух выразил то, о чем все время думал:

— Не вижу Динзила.

— Он выехал еще до рассвета. Многое нужно сделать, чтобы поднять Высоты. А что с этими кроганами?

Мне показалось, что Киллан слишком быстро сменил тему. Он как будто избегает разговора о Динзиле. Тем не менее, я пошел ему навстречу и рассказал все, что узнал о водных жителях.

— Они имеют для нас значение?

— Эфутур говорит, что они способны проникнуть всюду, где есть вода, они или существа, которые им служат. Я не видел никакого оружия, кроме копий. Однако эти копия кажутся опасными. Но разве можно быть уверенным, что у них нет другого оружия, которое они просто не показывают? Эфутур считает, что они все еще нейтральны. Он принял их решение без споров.

Это удивило меня, потому что мне казалось: у Эфутура слишком сильный характер, чтобы покорно соглашаться с отказом.

— Он связан обычаем, — объяснил Киллан. — Между этими племенами не было ни принуждений, ни просьб с тех пор, как они достигли своих убежищ. Каждый идет своим путем, и это их устраивает.

— Но обычай сейчас не спасет нас, — возразил я. — А по какому пути уехал Динзил? — Я сознательно вернулся к интересовавшей меня теме. — Киллан, ты ведь знаешь, что между нами было всегда. Неужели я стал бы делиться с тобой тревогой, если бы не был убежден, что нам троим грозит опасность?

Он посмотрел мне в глаза, как недавно сделала Дахаун, и наши сознания соприкоснулись; я раскрыл перед ним все свои тревоги.

— Я верю, что ты в это веришь, брат.

— Но... сам ты не веришь?

— Достаточно верю, чтобы быть настороже и следить за ним, когда он вернется. Однако... вот что я тебе скажу, Кемок: не распускай этот флаг войны перед нашей сестрой, это не поможет.

Я так сильно сжал кулак, что побелели пальцы.

— Вот значит как. — Это был не вопрос — утверждение.

— Она явно проявила свою склонность. И теперь будет настроена не против него, а против того, кто ее попытается переубедить. Она... она изменилась. — В его словах тоже звучала неуверенность и недоумение, похожее на то, которое я испытал час назад, когда Каттея закрыла передо мной свое сознание.

— Она девушка, незамужняя. Мы ведь знали, что когда-нибудь она посмотрит на мужчину взглядом, который не предназначен для нас. И мы принимали это... Но этот человек — нет! — Я словно принес клятву. Киллан понял это, но медленно покачал головой.

— Здесь мы бессильны. Он достойный человек и нравится ей; всякий это заметит. А ты противопоставляешь этому только неясное чувство, ощущение неправильности; она и все остальные примут это за ревность. У тебя должны быть доказательства.

Он говорил правду, но иногда ее так тяжело слышать. Так было и со мной. И снова Киллан уловил мою мысль.

— Трудно поверить, что ты призвал одного из Великих и тебе *ответили*. Нас учили, что такое доступно только посвященным. Ни один мужчина в Эсткарпе не шел этой тропой, так что ты можешь понять, почему Каттею трудно это принять. Но как ты это *сделал*?

— Я уже сказал, что не знаю. Эфутур предупредил о тройном кольце; мы скакали, чтобы прорваться до этого. — Я рассказал, что видел слова как огненные стрелы. И потом звук, который едва не уничтожил нас всех.

— Когда мать призывала наше будущее, для тебя она просила мудрости, — задумчиво сказал Киллан, когда я замолчал. — Кажется, ты действительно обладаешь некой силой...

Я покачал головой.

— Между ученостью и мудростью большая разница, брат. И не смешивай их. Я, не задумываясь, обратился к своей учености. Возможно, это было неразумно...

— Вовсе нет: ведь это спасло вас, верно? И, как сказала Дахаун, ты дал нам знать, что силы, которые мы считали давно мертвыми, еще существуют. — Он вытянул руки и задумчиво посмотрел на них. — Большую часть жизни я провел в войнах. Но раньше всегда воевал сталью и известным мне оружием. Это другая война, а я не владею такой силой... только той, что заключена в моем теле и сознании.

— И я больше никогда не буду!

Он покачал головой.

— Не клянись в этом, Кемок. Мы не знаем свое будущее и вряд ли хотели бы его знать. Не думаю, что мы можем изменить то, что предстоит. Ты сделаешь то, что тебе предназначено, я тоже, и так же каждое живое существо в Эскоре. Мы потерпим поражение или одержим победу, и каждый при этом сыграет свою предназначенную роль.

Я прервал его серьезные рассуждения.

— Тебе ведь снилось, что на этой земле воцарился мир и наш парод благополучно живет здесь: Помнишь?

— Сны — не явь. Разве тебе самому не приснился недавно кошмар?

— Тебе рассказала Каттея?

— Да. Она считает, что сон был послан какой-то темной силой, это попытка повлиять на тебя.

— А ты как думаешь.

Киллан встал.

— Возможно, вы оба правы: ты получил предупреждение, искаженное какой-то темной силой. В этой стране не стоит видеть сны. И позволять друзьям оставаться непредупрежденными и невооруженными...

И вот мы снова выехали на рассвете: Киллан, я, Годгар и Хорван, а также трое людей Эфутура вместе с Дахаун. Мы поехали в горы, откуда должны появиться те, кого мы ждали. Над головой летали двое фланнанов и те птицы, которые служат посыльными и вестниками Дахаун. Они сообщали о тревоге в окружающей местности. На возвышениях мы замечали

часовых. Некоторые из них были похожи на людей, другие явно чудовища. Мы не знали, войско ли это противника или только его глаза и уши.

Некоторые места мы объезжали. У реки росла роща, и Дахаун сделала большой крюк, чтобы избежать ее; при этом она поднесла к губам сложенные пальцы и плюнула направо и налево. На мой взгляд, роща ничем не отличалась от тех, что растут в Долине, и я, глядя на нее, не испытывал никакой тревоги. Действительно, беспечного и неподготовленного путника ждет в Эскоре множество разнообразных тайных ловушек.

Даже быстрым рентамцам потребовалось два дня, чтобы достичь места, где мы их оставили и дальше поднимались пешком, чтобы помочь идущим из Эсткарпа. Но на этот раз нам было гораздо легче, чем по пути в Эскор, потому что теперь мы знали горы и двигались более доступной и короткой дорогой.

И снова нас догнало прошлое, которое казалось таким далеким. Мы узнали новости об Эсткарпе: Совет, ослабленный усилиями, которые потребовались, чтобы перевернуть горы по дороге в Карстен, теперь сохранил лишь часть своей власти. Многие погибли в этом усилии, и истинным правителем стал Корис из Горма, давний друг моего отца. Он постепенно усиливал контроль над страной, которая в противном случае впала бы в хаос.

Пограничники оказались патрулем, посланным на поиски нас, потому что Корис заменил нам отца, а его жена, леди Лойз, была нам матерью в большей степени, чем та, у которой оказалось слишком много обязанностей, чтобы она играла для нас эту роль. Итак, если хотим, мы можем вернуться; с нашим изгнанием покончено. Но мы с Килланом знали, что покинули эту дорогу и возврата на нее нет.

Посланцы встретились с людьми Хервона, и их тоже охватило желание уйти на восток. Зачарованно слушали они рассказ Киллана и, кажется, не собирались возвращаться. Нам

повезло: под наши изорванные знамена вставали закаленные воины.

Глава 4

Мы спустились на равнины, стараясь не задерживаться. Нас ждали рентацы и жители Долины. Когда мы начали спуск, ярко светило солнце, но над местом встречи собрались тучи. Дахаун почти небрежно приветствовала пришельцев из Эсткарпа, скорее просто повернула голову справа налево, разглядывая их. Над ней вились, улетаая и возвращаясь, ее крылатые посланцы.

Мы с Килланом тоже отчасти упали духом, и это состояние было вызвано не облачным небом и не поднявшимся ветром. Это предчувствие, на которое глупо было бы не обращать внимание.

Пришедшие из-за гор выглядели усталыми; среди них были женщины и дети, и для них крутой подъем и последующий спуск стали серьезным испытанием. Надо побыстрей разбить лагерь.

— Нужно уезжать! — Дахаун жестом подозвала рентанца. — Это неподходящее место для встречи с тьмой и с тем, что бродит здесь ночью.

— А что здесь бродит? — спросил Киллан.

— Не знаю, потому что глаза моих пернатых помощников не могут его разглядеть. Но я не сомневаюсь, что оно придет.

Мы тоже не сомневались. Даже пришельцы из Эсткарпа, не обладающие Даром, время от времени оглаживались через плечо и собрались вокруг своих женщин. И я заметил, что на головах пограничников шлемы, кольчужные шарфы выпущены.

— Но они не доберутся до Долины без отдыха, — предупредил я Дахаун.

Она кивнула.

— Есть место, оно ближе отсюда, чем мне хотелось бы, но гораздо лучше этого.

Она повела нас. В тени туч волосы ее больше не были рыжими и золотыми, они стали серебристо-черными. Женщин и детей мы посадили с собой на рентанцев. Со мной на Шиле ехала маленькая девочка с головой, плотно повязанной шарфом; руками в перчатках она ухватилась за мой пояс.

— Лорд, куда мы едем? — Голос ее звучал музыкально и четко.

— Туда, куда ведет нас леди, — правдиво ответил я. — Это ее страна, и она хорошо ее знает. Меня зовут Кемок Трегарт, а тебя?

— Лозлла, из дома Мохакара, лорд Кемок. А почему птицы летают над этой леди? Но это не птица — это маленький человек!

Один из флаананов забил крыльями, паря над плечом Дахаун; она повернула голову и посмотрела на него.

— Это флаанан, Лозлла. Разве ты не слышала сказки о них?

Я почувствовал, как она крепче ухватилась за меня.

— Но ведь это... это только сказки, лорд Кемок! Няня Гренвел говорила, что в них нет правды!

— В Эскоре, Лозлла, многие сказки оказываются правдой. А теперь держись крепче...

Мы выехали на ровное место, и рентанцы пошли так быстро, что пристыдили бы любую лошадь Эсткарпа. Вела нас Дахаун. Когда стемнело и тучи низко нависли над нами, опасность, которую я ощутил в горах, стала почти осязаемой.

В полумгле виднелись отблески света, напомнившие мне призрачные «свечи», которые мы видели на кустах и деревьях в ту ночь, когда волшебницы Эсткарпа собирали силы, чтобы перевернуть горы. Бледные, едва различимые в окружающей тьме, эти огни цеплялись за скалы, кусты и изогнутые деревья. Глядя на них, я не хотел ближе с ними знакомиться.

Снова местность начала подниматься; на вершине небольшого холма были видны стоячие камни. Не серые, а синеватые; и камни эти светились. Когда-то мы с Каттеей провели ночь среди таких камней, когда исчез Киллан и мы искали его. Тогда мы нашли убежище в месте, где нас охранял большой алтарь из такого голубоватого камня.

В это место и привела нас Дахаун. Здесь не было кольца вертикально стоящих камней вокруг алтаря, скорее просто разбросанные каменные блоки, как остатки давно разрушенного здания. Но голубой отсвет приветствовал нас, и мы, слезая с рентанцев, ощутили свободу от того, что преследовало нас от подножия гор.

Дахаун сорвала ветку с куста, росшего меж камней, и, держа ее в руке, спустилась с холма; при этом она ударяла по земле концом ветки. Она таким образом обошла весь холм, по-видимому, создавая вокруг нас какой-то невидимый барьер. Возвращаясь, она время от времени останавливалась и срывала листья и ветки.

Когда Зеленая Леди вернулась к нам, в руках у нее был превращенный в мешок плащ, а в нем — собранный ею урожай трав. В защищенном от ветра месте между двух камней разожгли костер, и она остановилась перед ним и стала бросать в огонь то щепотку травы, то три-четыре листочка. Поднялся ароматный дым. Дахаун развеяла его так, чтобы он охватил всех собравшихся.

Когда дым рассеялся, я снова смог видеть яснее и заметил, что тьма сгустилась. В этих неестественных сумерках яснее стал огонь «свеч». Но их огонь далеко не распространялся. Мне также показалось, что внизу, у подножия холма, началось какое-то движение; оно было едва заметно и сразу прекращалось, как только посмотришь пристальней.

— Против кого мы обнажили здесь мечи, Кемок? — Вопрос задал Роторф из Долмейна; он остановился за мной, пока я смотрел на это зловещее движение.

— Против неизвестных созданий, — как мог лучше, ответил я ему. Роторф — полукровка, какие часто встречаются среди пограничников. Мать его была беженкой из Карстена. Спасенная моряком салкаром, она впоследствии вышла замуж за одного из представителей этого народа мореходов. Но брак оказался не очень счастливым. Когда ее супруг пал во время одного из рейдов на берега Алисона, она вернулась к своему народу. У ее сына могучее широкоплечее тело моряка и светлые волосы, поэтому среди Древних он всегда бросался в глаза. По натуре он принадлежал к народу матери и любил не море, а горы. Поэтому он и пришел к пограничникам, и мы получили свои первые раны в одном набеге, прежде чем стали мужчинами.

— Значит, это правда: эта земля заколдована. — Он не задал вопрос; это было утверждение.

— Да. Но когда-то она была прекрасна. Наши усилия снова могут сделать ее такой. Но потребуется много времени...

— Прежде чем мы ее очистим? — закончил он. — А какой враг нам противостоит? — Вопрос его прозвучал резко и напомнил мне прежние дни, когда Роторф разглядывал карты в горах и ждал приказов действовать.

Меня охватила тревога. Конечно, мои старые товарищи испытаны на войне, но та война кажется такой простой по сравнению с тем, что нам предстоит. Не будут ли они подобны детям, блуждающим меж опасностей, которые не могут предвидеть? Зачем мы призвали их? Киллан, вернувшись из Эсткарпа, тоже ощущал это: ему казалось, что он призвал своих соплеменников на смерть. Теперь я понимал, что он чувствовал.

— Враги самые разные, Роторф, и о некоторых мы ничего не знаем. — Я рассказал о Серых и о расти, рассказал о жеребце-кеплианце, который едва не погубил Киллана, и о ловушках, которые ждут слишком любопытных и неосторожных. Роторф серьезно слушал меня, не спрашивая и не выражая недоверие, хотя многое могло показаться ему невероятным.

— Место, где оживают легенды, — заметил он наконец. — Кажется, стоит вспомнить детские сказки, чтобы быть предупрежденными. Далеко ли эта безопасная Долина зеленого племени?

— Еще день пути. Там мы собираем силы.

— А где нападем?

Я покачал головой.

— Пока не знаем. Хотим собрать под своим знаменем все силы, еще не вставшие на чью-либо сторону.

Приближалась ночь; тучи ускорили ее приход. Мы расставили часовых. Тучи выглядели тяжелыми, как будто несли с собой бурю, но дождя не было. Я видел над горами огненные вспышки, яркие, как силовые хлысты зеленого народа, но понимал, что это молнии, предвещающие грозу.

Киллану, как и мне, не спалось, и мы вместе бродили вокруг руин, в которых разместились наши люди, как когда-то часовыми ходили по стенам города Эс. И все время были настороже, приглядываясь к малейшим переменам за защитным кольцом, начерченным Дахаун.

Леди Зеленой Тишины оставалась у костра, собрав вокруг себя всех женщин и детей; она негромко разговаривала с ними, и в этом уголке безопасности мы замечали улыбающиеся лица и слышали негромкий смех. На коленях у Дахаун сидела Лоэлла, смотрела ей в лицо и слушала все, что она говорит, словно жаждущий ребенок, который пьет из прозрачного журчащего ручья.

Такой ручей протекал меж руинами, впадая в старый, затянутый илом бассейн. Возможно, это остатки фонтана; побежденный временем, этот фонтан больше не бьет.

Еще раньше мы разделили взятые с собой продукты. Наконец сидевшие у костра завернулись в плащи и уснули. Гроза по-прежнему не начиналась, но продолжала угрожать нам. К погрузившемуся в землю камню, возле которого я стоял, глядя вниз по склону, подошел Годгар. Серые свечи мешали смотреть, и я старался не глядеть на них. Но они продолжали

привлекать мое внимание, и я обнаружил, что непрерывно подавляю стремление посмотреть в их сторону.

— Что-то готовится этой ночью, — тяжело и напряженно сказал человек Хервона. — Не буря. Может, это место и хорошо для защиты, но мне не хочется обороняться.

— Но мы не можем уехать во тьме. Не в этой местности, — ответил я.

— Это верно. Но здесь есть что-то... Пойдем со мной, сам посмотришь.

Я последовал за ним к бассейну, где журчал ручей. Опустившись на одно колено, он жестом указал на дальний край бассейна. Света от костра было достаточно, чтобы увидеть, что в одном месте каменная стена бассейна была когда-то проломлена и торопливо восстановлена из первых попавшихся камней. То, что стена получилась неплохая, доказывало отсутствие течи. Я не понимал, почему это так заинтересовало Годгара, и вопросительно посмотрел на него.

— Мне кажется, это сделано с определенной целью.

— С какой?

Вместо ответа он поманил меня за бассейн. Земля здесь сместилась и поросла травой. Но все же не совсем закрыла каменную плиту, сохранившуюся небольшую часть вымощенной площадки. Своим охотничьим ножом Годгар принял-ся копать землю у края плиты, обнаружив щель между ней и площадкой.

— Я думаю, вода должна была уходить здесь.

— А зачем?

— Не знаю. Но для тех, кто строил бассейн, это было очень важно. Бассейн сломан в спешке. И когда его починили, то это было сделано не основательно, а так, чтобы воду можно было освободить снова.

— Но нам какое до этого дело? — нетерпеливо спросил я.

— И этого я не знаю. Но только когда попадаешь в такое положение, как мы сейчас, нужно присматриваться ко всему необычному. И еще... — Он неожиданно замолчал. Руки его

лежали на каменной плите; теперь он смотрел на них широко раскрытыми глазами. Затем бросился на землю и прижался ухом к холодной поверхности.

— Слушай! — Я подчинился этому приказу, лег так, чтобы тоже прижиматься ухом к земле.

Звук или дрожь — не могу сказать, что именно. Но исходит из-под земли. Я убедился, что не ошибаюсь, потом подозвал Киллана, а он, в свою очередь, — Дахаун.

Ответ нашелся у нее.

— Возможно, тасы... — Она наклонилась, касаясь пальцами плиты. Глаза ее были закрыты, как будто она призывала на службу иные чувства. Потом медленно покачала головой.

— Это глубоко под землей, в ином мире, не моем. Вот что я скажу: что-то идет на нас снизу. Судьба благоприятствует нам: мы получили предупреждение. Не думала, что тасы присоединятся к нашим врагам. Может быть, они всего лишь любопытствуют, хотя почему... — Она снова покачала головой. — Друг или нейтрально настроенный не станет приближаться тайно.

— Твоя граница... — прервал Киллан.

— Она удержит тех, кто ходит по поверхности, но не под ней. И посмотрите — этот камень не из числа благословенных, он другой.

— Бассейн... — Я встал. — Годгар считает, что он был устроен для того, чтобы противостоять нападениям снизу. Почему бы не использовать его снова?

— Если они только любопытствуют, то такое использование превратит их во врагов. Но забывать об этом не следует. Давайте получше разглядим эту водную ловушку, — сказала Дахаун.

Она принесла от костра горящую ветвь, и мы принялись разглядывать каменную стену, когда-то восстановившую разбитый бассейн. Мне показалось, что Годгар прав, восстанавливая картину того, что происходило когда-то давно. Совершенно ясно, что стена в этом месте была разбита, чтобы вода

могла вырваться, а затем восстановлена, но не навсегда, а временно.

— Ударить здесь и здесь, — показал Годгар, — и она снова подается.

Мы вернулись к камню. Но на этот раз никакого движения внизу не уловили. Однако тревога, которая охватила меня после прихода с гор, усилилась стократно.

— Можно ли зажать этот камень? — Киллан взглянул на Дахаун.

— Не знаю. У каждого свои возможности. Тасы многое могут сделать под землей, кроганы — в воде, а мы хорошо управляемся с растительностью. — Она подобрала свой факел и посмотрела туда, где спали женщины и дети. — Думаю, мы должны быть готовы. Не приближайтесь к камням, которые можно перевернуть.

Годгар по-прежнему сидел на корточках, положив руки на камень. Не успела Дахаун отойти к спящим, как он вскрикнул. Кажется, мы с Килланом тоже закричали, потому что земля под нами двинулась, ушла из-под ног, увлекая нас за собой. Я ухватился за камень — это был один из голубых камней — и держался за него, а почва под моими ногами сыпалась вниз. Из лагеря доносились крики и грохот; я видел, как по склону холма вниз катятся камни.

Что-то упало в костер, подняв столб искр; разлетелись горящие куски дерева. Я услышал крик. В этот момент я мог только держаться за камень, дергался, пытаюсь найти устойчивое положение, какую-нибудь опору, а земля подо мной двигалась, как вода, в которой плещутся кроганы.

Потом я увидел, как Киллан вонзил в землю острие меча и, опираясь на него, начал подтягиваться вверх. Я последовал его примеру, пытаюсь добраться до охваченного смятением лагеря.

— Ко мне! — крикнул Годгар. Вокруг него вертелись какие-то существа, маленькие фигуры в яростной атаке окружили его кольцом. Я рубил и резал, чувствовал, как сталь рассе-

кает плоть, но не знал, чью именно. Потом увидел, как Годгар споткнулся и упал, существа навалились на него, а он пытался встать. Я стал мечом рубить их, и они разбежались. Вокруг нас вспыхивали красные искры, и я знал, что это глаза наших врагов. Но лиц, на которых эти глаза, не было видно.

Годгар вцепился в меня, и я искалеченной рукой помог ему встать.

— Бассейн... нужно разбить бассейн... отогнать их... — Он вырвался из моих рук и направился к бассейну, снова упал, ошупью в темноте трогая камни в разрыве. Пробиваясь к нему сквозь толпу визжащих существ, я услышал отчетливый стук. Резкая боль в ногах и бедрах. Я стянул маленькое тело, прицепившееся к спине и пытавшееся опрокинуть меня. Добрался до Годгара и принялся помогать ему выламывать камни.

Хоть мы работали в темноте, отбиваясь от зловонных существ, рвавшихся к нам из-под земли, нам повезло: мы сдвинули ключевой камень преграды. Поток хлынул с такой силой, что я поразился: неужели эта сила таилась в тихом бассейне и спокойном ручье?

Писк едва видимых врагов перешел в крики: вода оказалась для них врагом более страшным, чем сталь и огонь. Они бежали, испуская пронзительные вопли, а вода вокруг нас неслась с силой мощного речного течения. И, конечно, вылилось ее гораздо больше, чем могло содержаться в бассейне.

Годгар закричал и попытался оттащить меня в сторону. Я оглянулся через плечо. Видимый в голубом свете камней, водяной столб поднялся еще выше, его увенчанная пеной верхушка все быстрее и быстрее неслась вниз. Ничего общего с тем спокойным журчащим ручейком, что наполнял бассейн.

Я видел, как в потоке бьются маленькие волосатые существа, их бросает вверх и вниз, водный поток увлекает их в дыру, из которой они, должно быть, появились. Поток отыскал камень, который отметил Годгар, вернее — дыру под этим камнем, и теперь устремился в нее, как водопад на реке.

Мы с трудом отошли подальше. Теперь ревущий поток располагался между нами и костром. Его шум заглушал все остальные звуки. Что-то выскочило из него, схватило меня за ноги, и я едва не упал. Инстинктивно ударил мечом, но недостаточно быстро. Острая боль в бедре заставила меня вскрикнуть.

Теперь я не мог опираться на раненую ногу и упал у одного из голубых камней, стараясь в темноте на ощупь определить, насколько серьезно ранен. Но было так больно, что я не выдерживал даже собственного прикосновения. И мог только держаться за камень. Рядом тяжело дышал Годгар, а вода продолжала уходить в бездонное отверстие.

На нашей стороне потока больше не было визжащих существ. За потоком ярче вспыхнул костер, и нам стало лучше видно. Я разглядел людей и блеск мечей. На самом краю потока, наполовину погрузившись в воду, лежало тело лицом вверх, глаза слепо смотрели на меня.

Я услышал крик Годгара и подхватил бы его, если бы все мои силы не уходили на то, чтобы не потерять сознание. Потому что боль в бедре превратилась в страшную пытку, ни одна другая рана не причиняла мне таких страданий.

Существо, лежавшее у воды, оказалось маленьким и сморщенным, с тонкими руками и ногами, если его конечно-сти можно так по-человечески назвать; конечности покрыты жесткой щетиной, что делало их похожими на корни. Тело, напротив, толстое и раздутое, серо-белого цвета, оно быстро, на глазах, светлело. Тело тоже поросло щетиной, не похожей на волосы, какие бывают у человека или животного, но очень грубой и стоящей дыбом.

Шея очень короткая; череп словно непосредственно по-койтся на покатых плечах. Маленький подбородок заострен и сильно выдается; вместо носа небольшое треугольное возвышение с двумя отверстиями. По обе стороны от этого возвышения глубоко посаженные глаза. Никакой одежды, вообще никаких признаков, что это не животное... однако я знал, что это существо разумно.

— Что это? — спросил Годгар.

— Не знаю. — Инстинкт говорил мне, что это один из слуг зла, как Серые и расти.

— Смотри! — указал Годгар. — Вода...

Столб, недавно бывший таким высоким и проливавший огромное количество воды, становился все ниже и ниже. Поток, отрезавший нас от костра, с каждым мгновением все больше сужался. Я тупо смотрел на него, зная, что если утрачу опору о камень, то упаду. И сомневался, что смогу снова встать. Река превратилась в ручей, ручей — в тонкую нить.

— Кемок! — услышал я крик со стороны костра и попытался ответить. Крик Годгара привлек к нам помощь. Почувствовав, как меня охватили руки Киллана, я упал вперед — не только в его объятия, но и во тьму, в которой забылась всякая боль.

Довольно скоро я очнулся и обнаружил, что надо мной совещаются Кемок и Дахаун. Казалось, я с сонным равнодушием осознаю, что мои раны нанесены тасами — теми подземными жителями, которые напали на нас, — что раны эти отравлены и что, хотя Дахаун может использовать кое-какие средства, чтобы облегчить боль, само лечение должно происходить в другом месте.

Не я один был ранен. Падающие камни ломали кости, некоторые защитники тоже пострадали от ядовитых укусов. Но у меня раны были самые тяжелые, и они замедляли наше отступление.

Киллан быстро заговорил. Он сказал, что останется со мной и дождется помощи. Но, уловив взгляд Дахаун, я понял, что нам грозит большая опасность; в том полусонном состоянии, в которое меня погрузили лекарства, я не боялся езды верхом. Я понимал: хоть при помощи необычного наводнения мы отразили нападение тасов, оно будет не последним. Быть захваченным вдали от Долины, значит, быть обреченным на поражение.

— Привяжите меня к Шилу, — сумел сказать я, хотя самому мне слова эти показались слабыми и еле слышными. — Поедем — или умрем... мы все это понимаем.

Дахаун посмотрела мне в глаза.

— Такова твоя воля, Кемок?

— Да.

Итак, на рассвете мы выехали; как я и просил, меня привязали к Шилу. Дахаун дала мне листьев, которые я должен был жевать. Сок их оказался горьким, но они поддерживали барьер между мной и болью: я чувствовал боль, но она не терзала меня.

Мы двигались под тучами, по-прежнему тяжелыми от так и не разразившейся бури. Я был как во сне, иногда видел окружающее ясно, сознание прояснялось, потом снова все погружалось в дымку.

И только когда мы добрались до реки, я очнулся от этого состояния. Вернее, меня разбудил мысленный удар, полный такой враждебности, что я ахнул и попытался приподняться на спине Шила. Рентанец громко заржал, развернулся и поскакал прочь от отряда, вниз по реке. Сзади слышались крики и топот копыт.

Словно спасаясь от преследования, Шил с берега прыгнул в воду. Река сомкнулась надо мной, я бился в путях, пытаясь справиться со скакуном, который словно совершенно взбесился.

Что-то подалось, я высвободился, тяжело дыша и отплевываясь. Откелл, искалеченный салкарский моряк, которого нанял нам в учителя отец, научил меня хорошо плавать. Но из-за раны одна нога не слушалась меня. Я, по-прежнему задыхаясь, ударился о камень и отчаянно вцепился в него. Сознание прояснилось, резкая боль в ране делала меня слишком слабым; я не мог держаться, сопротивляясь течению.

Что-то схватило меня сзади. Киллап! Я пытался произнести его имя. Но не мог. Тогда я использовал мысленное прикосновение... И ничего не встретил!

Хватка была очень сильной, меня оттащили от камня и потянули в поток. Я закричал, забил руками, тщетно стараясь повернуть голову, чтобы разглядеть, что меня держит.

Но меня продолжали тащить, только голова моя оставалась над водой. Я все больше удалялся от берега и от убежища меж скал.

Я увидел Киллана верхом на Шапурне. Он смотрел туда, где меня уносило в неизвестное. Я подумал, что он должен меня видеть, однако он никак этого не показывал. Снова попытался позвать... но не мог произнести ни звука. И мысленный посыл словно наткнулся на глухую стену без единого просвета.

Киллан ехал по берегу, он явно что-то искал. Но меня ведь должно быть хорошо видно. Страх охватил меня, я все больше удалялся, покидая Киллана и тех, кто шел за ним. Я видел, как Шил попятился от воды и остановился с поникшей головой. Затем изгиб берега скрыл их от меня, и я утратил последнюю надежду.

Глава 5

Больше меня не несло, беспомощного, в потоке. Напротив, я лежал на чем-то устойчивом и сухом. Но я не сразу открыл глаза: удержала какая-то примитивная потребность узнать все, что возможно, при помощи других чувств, прежде чем показать, что я очнулся. Боль в бедре все усиливалась. Я старался не думать о ней, чтобы иметь возможность заняться чем-нибудь другим.

Дул холодный ветер, заставляя меня трястись и дрожать. Прижав руку к поверхности под собой, я ощутил песок и гравий. Прислушался: недалеко от меня журчит вода; слышен легкий шорох, как от ветра в растительности. Но больше ничего я не узнал.

Я открыл глаза. Высоко, очень высоко, по-прежнему висят тучи, превращая день в сумерки. Но между ними и мной ветка, серо-белая, без всякой листвы, словно памятник давно погибшему дереву.

Я оперся на руки и попытался приподняться повыше. Мир снова качнулся. Меня вырвало, изо рта хлынула вода, тело содрогалось от спазм.

Когда рвота прекратилась, я снова приподнялся, с отчаянной решимостью пытаюсь разглядеть, где лежу. Осторожно поворачивая голову, огромными усилиями воли борясь с дурнотой, я увидел полоску берега и всего в нескольких дюймах от себя воду. Справа от меня грудка камней, между ними старый побелевший плавник обозначает предельный уровень подъема воды во время наводнения.

Мои шлем и меч исчезли. Повязки, наложенные Дахаун на рану, ослабли, на них появились новые пятна крови. Но насколько могу судить, я один. То, что унесло меня по течению от брата и друзей, не потопило, но предоставило, может быть, более горькой судьбе — одиночеству в таком месте, где рана не даст мне возможности спастись.

Но мы, уроженцы Эсткарпа, упрямый народ: известно, что мой отец никогда без борьбы не смирялся с любым злом, которое приносила ему судьба. Поэтому, несмотря на боль, я подполз к камню, который может послужить опорой. Со стопами, весь покрывшийся потом, я встал на ноги, тяжело опираясь о камень, и принялся внимательней разглядывать, где оказался. То, что я увидел, не внушало надежд.

Я находился не на берегу реки, а на маленьком островке в самой середине течения. Судя по тому, что меня окружает, временами этот островок полностью уходит под воду. На нем ничего не растет. Только камни и застрявшие между ними куски плавника. Я вспомнил о том острове, на котором мы укрывались в ночь, когда Каттея отправила порожденного ею духа в прошлое Эскора, которое нам нужно было узнать. Но тогда я был не ранен, и нас было трое, мы все были устремлены к одной цели.

Оба берега реки по сторонам крутые и высокие, течение быстрое. Будь я здоров, мог бы сбросить кольчугу и попытаться плыть. Но у калеки нет никаких шансов.

Сильнее ухватившись за камень, я повернулся и попытался покрепче затянуть повязку на ране. Малейшее прикосновение заставляло морщиться и стискивать зубы, но я сделал, что мог. Было холодно и влажно. Длительное лето, царящее в Эскоре, здесь перешло в осень. Мне хотелось развести костер, и я глазами поискал дров. В сумке на поясе у меня кремьень. Но огонь может привлечь врага.

Я медленно осмотрел берега. Дальше за моим островком еще один, больший по размерам и кое-где поросший зеленью. Место, где трудно рассчитывать на гостеприимство, но все лучше, чем мой насест. Мне хотелось туда, но я понимал, что не справлюсь с течением.

Если только... Я снова осмотрел груды плавника. Можно ли соорудить плот? Может, даже не плот — просто опору, чтобы голова держалась над водой, пока течение уносит куда-то вниз, в такое место, где я смог бы добраться вплавь до берега?

А что потом? Безоружный, способный только ползти, я буду легкой добычей для расти, Серых или других недругов, населяющих эту землю.

Но у нас врожденное свойство: мы никогда не сдаемся без борьбы; я наклонился, как мог, не теряя своей драгоценной опоры, и потащил к себе плавник. Результаты меня разочаровали: тонкие стебли, истертые водой и настолько высокие, что легко ломались. Один достаточно длинный кусок я мог использовать как палку при ходьбе. Но боль была такой сильной, я так устал, что пришлось после каждого шага, потев и чувствуя тошноту, отдыхать. Островок настолько мал, что далеко уйти я не мог. Большая часть его скалистая, и туда я даже не мог подняться.

Тем не менее, я собрал куски плавника, до которых мог дотянуться, в грудy и опустилcя рядом с ними. Как их связать, я пока не мог решить. Если бы у меня сохранился нож, я мог бы нарезать на полоски одежду. Но нож тоже пропал, а на скалах не было никаких вьющихся растений, которые можно было бы использовать с такой целью.

Может быть, снять кожаную рубашку, которую я носил под кольчугой, чтобы она не натирала грудь и плечи, и сделать из нее мешок. Набить его сухим плавником, получится опора. А поплывет ли она?

Все вокруг затягивалось дымкой; я больше не мог связно мыслить. Упрямо держался за свою идею, не зная, осуществима ли она. Хотелось пить. Я медленно подполз к тому месту, где река плескала о гравий, опустил руки в воду и поднес горсть к губам. Потребовалось сделать много глотков, чтобы утолить жажду. Потом я плеснул воды в лицо. Кожа на ощупь была горячей; мне показалось, что у меня лихорадка.

Потом я принялся возиться с застежками кольчуги. Много раз приходилось останавливаться и отдыхать, прежде чем я снял ее. Больше мне не было холодно, напротив — жарко... так жарко, что хотелось погрузиться в благословенную прохладу реки.

Зачем я снял кольчугу... что я должен с ней сделать? Я сидел, глядя на металлические кольца у себя на коленях, и пытался вспомнить, почему мне так важно было побороть слабость.

Рубашка... Я расстегнул кожаную рубашку. *Я должен ее снять.* Но теперь мне было трудно сделать даже самое легкое движение; оно требовало таких усилий, что я тяжело дышал между попытками.

Жажда... вода... мне нужна вода... Снова я согнулся; подполз, ранив пальцы о гравий, и добрался до реки. Руки мои опустились в воду.

Из воды навстречу мне поднялось какое-то чудовище!

Зубастая пасть, широкая и готовая схватить меня. На мгновение я увидел только пасть и готовые схватить меня зубы. Бросился в сторону и назад, упал на рану и потерял сознание.

— ... проснись!

— Киллан?

— Проснись! Дасса, помоги ему проснуться!

Прохладная влага на моем лице. Но полный отчаяния крик звучит не в ушах — он в сознании.

— Киллан?

— Проснись! Если хочешь жить, проснись!

Не Киллан и не Каттея. Незнакомое мне прикосновение сознания. Тонкий пронзительный голос, который причиняет боль, как звук может причинить боль уху. Я попытался бежать от него, но он продолжал прочно держать меня.

— Просыпайся!

Я открыл глаза, ожидая увидеть чудовище из реки. Но вместо этого увидел бледный овал лица, а вокруг него высыхающие завитки тускло-серебристых волос, которые быстро превращаются в пушистое облачко.

— Просыпайся! — Руки тянут меня вверх.

— Что... кто?..

Она все время оглядывалась через плечо, словно боялась того, что может прийти из реки. Ее тревога была очевидна. Но для меня эта тревога не имела значения. Взглянув на меня, она нахмурилась. Мысли ее, как острые ножи, проникли ко мне в сознание и заставили действовать.

— У нас мало времени. Заключена сделка — и ты служишь платой. Хочешь, чтобы тебя отдали *тем*?

Я замигал. Но ее настоятельная мысль разбудила во мне инстинкт самосохранения, который заставляет человека идти, даже когда сознание отступает. Я стал отвечать на ее толчки. А она тащила меня к реке.

Но тут я вспомнил и попытался высвободиться.

— Тварь... тварь там...

Она крепче обхватила меня, мысль ее яростно ударила: «Больше нет. Она подчинится мне. Ты должен уйти, прежде чем *они* пошлют за тобой».

Так сильны были ее воля и решительность, что подавили во мне искру сопротивления, и я с трудом двинулся дальше. И оказался в воде.

— На спину... Ложись на спину, — приказала она.

Каким-то образом я лег на спину, и снова меня потащили, причем моя голова была над поверхностью воды. Мы направлялись вниз по течению. Моя спутница плыла, но и использовала течение, чтобы ускорить наше бегство. Потому что это было бегство. От холодной воды в голове у меня настолько прояснилось, что я понял: мы в опасности.

Начался дождь; крупные капли ударяли по поверхности воды вокруг нас. Тучи наконец проливали свой груз, которым так давно грозили нам. Я закрыл глаза от бьющих капель и почувствовал, что тревога моей спутницы усилилась.

— Должны... должны выбраться на берег... пока не поднялась вода... — уловил я ее торопливую мысль. И тут она испустила мысленный призыв, но настолько высокий, что я его потерял. Вскоре после этого я уловил ее мысль, полную облегчения. Последовали приказы:

— Здесь мы должны уйти под воду. Вдохни поглубже и удержи воздух, когда я скажу.

На мои возражения она не обратила внимания. Поэтому, когда ее приказ достиг моего сознания, я заполнил легкие как мог больше. Внезапно мы погрузились во тьму. Мы не только под водой, но, должно быть, под какой-то кровлей. Все бояться неизвестного, а моя беспомощность лишь усиливала этот страх. Неужели она не понимает, что я должен дышать... вдохнуть... немедленно!

И тут моя голова вынырнула из-под воды, нос и рот открылись для воздуха. Я глотал воздух, а с ним сильный звериный запах, словно мы оказались в логове, но вокруг нас по-прежнему плескалась вода. Было темно, однако моя спутница уверенно продвигалась вперед.

— Где мы?

— В подземном выходе из норы асптов. Теперь нужно ползти. Ухватись за мой пояс и двигайся за мной.

От усилий, которые требовались, чтобы повернуться со спины, меня снова бросило в пот, но все же мне удалось по-

вернуться в этом тесном проходе. Она помогала мне и направляла мои движения, помогла найти ее пояс, усеянный раковинами с острыми краями. Я ухватился за него, мы поползли и вскоре оказались в обширном округлом помещении; из верхней его части струился призрачный свет.

Поверхность под нами была покрыта высохшим тростником и грудami листвы, а стены сделаны из засохшей грязи, тоже смешанной с тростником и разровненной. Вверху потолка располагались маленькие отверстия, через которые поступал воздух, смешанный с сильным звериным запахом. Свет исходил и от другого источника: на стенах были беспорядочно развешаны обрывки растений, которые светились призрачным сероватым сиянием.

Мы были не одни в этом куполообразном помещении. Прямо против нас сидело мохнатое существо. Большое. Если бы оно встало на мощные задние лапы, то достигло бы моего плеча. Голова круглая, без всяких признаков ушей, широкая пасть с выступающими зубами и лапы, снабженные длинными крепкими когтями. Встреть я это существо в другом обществе, отнесся бы к нему настороженно. Существо приглаживало когтями свою густую шерсть. Делало оно это с отсутствующим видом, продолжая внимательно смотреть на девушку, которая привела меня. Я не слышал ни звука, но был уверен, что они каким-то образом общаются.

Девушка была Орсия, но почему она привела меня сюда с острова и от какой опасности мы спасались, я понятия не имел. Мохнатый обитатель логова подошел к отверстию, протиснулся в него и исчез. Внимание Орсии переключилось на меня.

— Давай посмотрю твою рану. — Это была не просьба, а приказ, но я повиновался. Потому что острая боль, которую смягчило снадобье Дахаун, быстро возвращалась, и я сомневался, что смогу долго ее выдерживать.

Кроганская девушка извлекла острый нож и разрежала брюки и повязку на моей ноге. Хотя мне казалось, что в норе

полутемно, ей, по-видимому, света хватало. Она внимательно осмотрела мою рану.

— Лучше, чем я надеялась. Лесная женщина разбирается в травах, — заметила Орсия. — Листы и корни не излечат тебя, но яд не распространится глубже. Посмотрим, что можно сделать.

Приподнявшись на локте, я наблюдал за ней. Но она, прижав ладонь к моей груди, заставила меня лечь.

— Отдыхай, не двигайся. Я скоро вернусь.

Как животное, она проползла в отверстие в стене из грязи, и я остался один. Головокружение, мучившее меня на островке, вернулось, а боль в бедре казалась пламенем, прожигавшим до кости.

Мне показалось, что прошло очень много времени, прежде чем она вернулась, и мне потребовался весь запас выносливости, чтобы выдержать. Я знал, что у меня жар, и мне все труднее становилось не терять связи с окружающим миром.

Орсия снова склонилась к моей ране; ее прикосновения вначале вызвали резкую боль; она покрывала рану какой-то влажной мягкой мазью, которую доставала из маленькой шкатулки. От мази распространялось ощущение прохлады, боль проходила, сменившись оцепенелостью. Трижды накладывала она слой мази, каждый раз делая небольшой перерыв, прежде чем наложить следующий слой. Потом поверх мази наложила какие-то листья.

Закончив, она приподняла мою отяжелевшую голову и просунула мне в рот какие-то шарики; я прикусил их, и рот мой наполнился солоноватой горькой жидкостью.

— Проглоти! — приказала она.

Несмотря на отвращение, я послушался, хотя меня начало слегка тошнить и заболело горло. Последовала вода из раковины, наконец Орсия уложила меня на импровизированный матрац, сооруженный из тростника.

Я уснул. Последнее, что я запомнил: Орсия, свернувшаяся у противоположной стены помещения. Она что-то держала

в руках; этот предмет светился, и отблески пробегали по стенам. Однако с какой целью это делалось, я не знал.

Проснувшись, я обнаружил, что Орсии нет. Но голова была ясной, боль в ране едва ощущалась. Неожиданно мне захотелось наружу — на чистый воздух, без звериного запаха. И так сильно захотелось, что если бы у меня сохранился меч, я стал бы рубить им стены логова, удерживавшие меня здесь.

Но когда я попытался сесть, то обнаружил, что мазь, наложенная Орсией, затвердела, как камень, и стала очень тяжелой. Я был так надежно прикован к месту, словно на меня надели цепи. Впрочем, мне не пришлось долго раздражаться из-за этого, потому что тут же появилась Орсия. Она несла что-то завернутое в сеть.

Мгновение она оценивающе разглядывала меня.

— Хорошо. Яд больше не заполняет тебя. Поешь, чтобы вернулись силы, потому что в этой земле опасно, всюду тебя поджидают копьё и сеть.

Она опустила сеть, развернула ее, и я увидел какие-то небольшие свертки из листьев. Голод — да. Я очень хочу есть. Слишком долго тянулся мой невольный пост. Посмотрев на свертки, я понял, что меня не интересует вкус и происхождение пищи, только сама пища.

В листьях оказались кусочки белого мяса, влажного и, как мне кажется, сырого. Орсия достала другой сверток с каким-то порошком, похожим на муку, и посыпала им мясо. Я готовился преодолеть отвращение, но обнаружил, что еда вкусная, и охотно поел. В сети оказалось также несколько очищенных корней с острым запахом; от них чуть щипало язык. Когда я закончил, Орсия свернула сеть.

— Нужно поговорить, человек из-за гор. Как я уже сказала, ты не освободился от опасности. Напротив. Впрочем, в этих стенах тебе ничего не грозит. Долина далеко отсюда. Твои товарищи считают тебя мертвым.

— Как я попал на тот остров?

Она извлекла гребень и принялась расчесывать облако своих волос, с бессознательным чувственным удовольствием приглаживая пряди.

— За тобой или за одним из вас послали Оборю. Народ — кроганы, как вы, жители суши, нас называете, — очень встревожен и испуган. Страх вызвал гнев против тех, кто принес с собой опасность, как думает мое племя. Мы не собираемся отвечать ни на чей военный рог, только на свой. Вы с Эфутуром пришли к Ориасу и попросили нашей помощи. Но до вас приходили другие лорды, более великие. И после вашего ухода они прислали вестников, которых мы не посмели отослать.

Мы не хотим ваших войн, понимаешь? Ничьих! — Ее мысленное прикосновение звоном отозвалось в моем сознании. — Оставьте нам наши озера и пруды, реки и ручьи. Оставьте нас в мире!

— Но Оборю захватил меня...

Какое-то время она не отвечала, распутывала одну длинную прядь, как будто это было самое важное в мире дело. Но я догадывался, что она прячется за этим гребнем, как можно прятаться в густых ветвях дерева.

— Вы призвали воду к войне с тасами, высвободили древнее оружие, которое кроганы создали когда-то для давно умершего лорда. Теперь тасы и те, кто их послал, винят мой народ, говорят, что мы тайно помогаем вам. Те, которых пришлют к нам проверять, должны забрать с собой дань...

— Но зачем захватили меня?

— Ты один из тех, кто навлек беду, кто высвободил поток. Ты был ранен, и тебя легче было схватить, — откровенно ответила она.

Неожиданно я обнаружил, что с глубоким вниманием слежу за движениями ее гребня, и они не вызывают во мне тревоги. Неохотно — это нежелание еще больше встревожило меня — я отвел взгляд и посмотрел на купол над головой.

— Значит, Оборю решил, что я легкая добыча...

— Ориас приказал, чтобы один из вас был захвачен, если это возможно. Он может использовать пленника как доказательство своих мирных намерений в переговорах с теми. И, возможно, сумеет отвлечь от нас их внимание.

— Но если это так важно для твоего народа, почему ты освободила меня?

Гребень ее застыл.

— Потому что приказ Ориаса тоже принесет беду. И, может быть, самую страшную. Разве ты не произнес слова и один из Великих тебе не *ответил*?

— Откуда... откуда ты об этом знаешь?

— Мы те, кто мы есть, человек из-за гор. Когда-то, давным-давно, наши предки были вашей породы. Но они предпочли пойти другой дорогой, и постепенно появились мы. Однако нас породили силы, и когда-то мы отвечали на их призывы и приказы. Поэтому когда пробуждается один из Великих, мы все чувствуем это. И если ты тот, кому *отвечают*, ты способен выпустить на нас более грозные силы, чем *те*.

— Но Ориас так не считает?

— Ориас верит в то, что ему сказали: будто ты лишь случайно наткнулся на заклинание, открывшее давно затворенные ворота. И его убедили, что лучше отдать тебя в руки тем, кто сможет использовать такое орудие.

— Ни за что!

— Я тоже так говорю, человек из-за гор.

— Меня зовут Кемок.

Впервые я увидел ее улыбку.

— Пусть будет Кемок. Если ты владеешь заклинанием, я предпочитаю, чтобы им пользовались твои друзья из Долины, а не *те*. Поэтому я пришла к тебе на остров.

— А это? — Я осмотрелся.

— Это зимнее логово асптов. Они речные жители и, если правильно к ним обратиться, слушаются нас. Но время идет, и силы высвобождаются. Не думаю, чтобы ты смог по суше добраться до Долины. Говорят, силы Тени скоро осадят ее.

Я постучал по затвердевшему покрову раны.

— Сколько мне еще лежать?

Она снова улыбнулась и отложила гребень.

— Ровно столько, сколько потребуется, чтобы сколоть повязку, Кемок.

И она действительно принялась скалывать ее, действуя камнем и острием своего ножа. Я подумал, что эта застывшая исцеляющая грязь — та самая, что вернула моего брата к жизни. Ибо когда отпали последние куски, никакой раны не было, виднелся лишь полузаживший шрам, и я легко мог двигать ногой.

Она снова провела меня через подводный туннель, и мы укрылись в зарослях тростника на самом краю воды. Было раннее утро, и над поверхностью реки плыл туман. Орсия принялась, она глубоко вдыхала и медленно выпускала воздух из легких, как будто читала некое недоступное мне послание.

— День будет ясный, — наконец провозгласила она. — Это хорошо: тучи благоприятствуют Тени; солнце — враг *тех*.

— Куда я пойду?

Она покачала головой.

— Куда мы пойдем, Кемок. Оставить тебя одного в этой земле все равно что вытащить посселя из раковины и бросить беззащитного ваффлю. Мы двинемся по воде.

И мы двинулись по воде, вначале быстро плыли по течению реки, потом против течения небольшого ручья, текущего на юг. Хотя местность казалась мирной, она улыбалась под лучами солнца, я тщательно следовал указаниям Орсии. Однажды мы пережидали в тростниках у берега — она лежала под водой, а я дышал через тростинку; на расстоянии вытянутой руки от нашего укрытия небольшая свора Серых лакала воду и рычала.

Мою проводницу раздражало, что я не могу надолго погружаться под воду, что мне необходимо дышать. Я уверен, что одна она проделала бы это путешествие втрое быстрее.

Ночь мы провели еще в одном покинутом логове речного обитателя. Это не было искусно построенное жилище аспта — просто нора, прорытая в берегу.

Здесь Орсия рассказывала мне о своем народе и его обычаях. Я узнал, что она старшая дочь старшей сестры Ориаса и по их законам родства ближе к вождю, чем его собственные дети. В отличие от большинства своих сверстников, она любознательна и смела. Много раз уходила она из дома и путешествовала водными путями, которыми решались воспользоваться немногие мужчины. Она намекала на странные находки в горах, потом раздраженно пожаловалась, что с приходом войны придется отказаться от таких исследований. После этого замолчала и уснула, свернувшись.

Утро уже почти миновало, когда речка, по которой мы двигались, так сузилась, что плыть по ней дальше было невозможно. Орсия показала на горы впереди.

— Проверь направление по той вершине, Ксмок. Если поторопишься и будешь осторожен, к закату доберешься до своей Долины. Какое-то время я могу провести на воздухе, но не очень долго. Тут нам придется расстаться.

Я попытался поблагодарить ее. Но как можно поблагодарить за спасенную жизнь? Она снова улыбнулась и помахала рукой. Потом прыгнула в воду и исчезла, прежде чем я закончил то, что пытался сказать.

Поглядывая на указанную ею вершину, я начал последний этап своего путешествия.

Глава 6

Крылатые часовые долины заметили меня задолго до того, как я увидел их. Словно ниоткуда возник фланнан, пролетел у меня над головой и исчез, хлопая крыльями. Я подошел не к знакомому мне входу в долину, а к щели между двумя стоячими камнями. Должно быть, задний вход во владения

зеленых, но и здесь на стенах начертаны символы. Человек-ящерица, один из тех, что помогают охранять горы, блестящими глазами смотрел на меня сверху.

— Кемок!

Подбежал Киллан, обнял меня за плечи и посмотрел мне в глаза. Мы снова были близки, как в прошлом.

Мое возвращение было похоже на большой праздник. Меня отвели к крытым перьями домам, на ходу осыпая вопросами. Но когда я рассказал о враждебности кроганов, все затихли.

— Поистине дурные вести! — Дахаун наливала мне чашу гостя. Но вот она поставила сосуд с вином на стол, как будто увидела что-то недоброе. — Если кроганы настроены против нас... трудно нам придется на воде. Но кто эти Великие из Тени, которых Ориас так боится, что хочет задобрить пленными? Кроганы не робкое племя. В прошлом они были нашими друзьями. Может, обратиться к силам...

Эфутур покачал головой.

— Пока не нужно; сначала попробуем другие пути. Помни: те, кто ищет, могут оказаться сами найденными, если сила по другую сторону равна их силе или мощнее.

В суматохе прибытия я кое-что упустил, но теперь вспомнил. Катгес... Где моя сестра? В поисках ответа я взглянул на Киллана. Она ведь не избегает меня?..

Он быстро заверил меня:

— Она вчера уехала на восток. Мы ведь считали тебя мертвым. И она решила отправиться в известное ей место, где можно обратиться к неким силам; там, с ее колдовскими знаниями, она надеялась узнать о твоей судьбе. Поверь, Кемок: она была уверена, что ты жив. Сказала, что она и я почувствовали бы, если бы жизнь у тебя отобрали.

Я опустил голову на руки. Неожиданно мне совершенно необходимо стало связаться с ней, и я послал призыв. Я считал, что здесь, в безопасной Долине, он не причинит вреда. Мысль Киллана переплелась с моей, вдвое усилила ее, и наш призыв полетел вдаль.

Все больше и больше сил вкладывал я в этот поиск. Чувствовал, как меня поддерживает воля Киллана. Мысль устремлялась все дальше, дальше... Но ответа не было. Если бы Каттея была поглощена собственным заклинанием, мы бы почувствовали это и были бы предупреждены. Нет, это было полное отсутствие, такое же полное, как в прошлом, когда ее скрыли от нас стены Тайного Святилища волшебниц.

Копье моей мысли все стремительней несло во всех направлениях. Но цели не было, только пустота, которая становилась все более зловещей. Я оторвал голову от дрожащих рук и посмотрел на Киллана, увидел, как посерело его загорелое лицо, и понял, что нас обоих охватил страх.

— Исчезла! — Он произнес это шепотом, но, должно быть, окружающие его услышали, потому что тоже выглядели пораженными и удрученными.

— Куда? — Для меня это было самое важное. Когда я призвал Каттею с острова на озере кроганов, ответ ее звучал слабо, его трудно было понять, он миновал мили вражеской территории; но все же моя мысль достигла ее, и она ответила. А в защищенной Долине, где нет никаких преград, я вообще не могу ее отыскать.

Я обратился к Дахаун.

— А где находится то место силы, куда она направилась?

— В Высотах, напротив восточного конца Долины.

Высоты — Динзил! Для меня ответ был так ясен, словно написан в воздухе огненными рунами. И Дахаун была ясна моя мысль.

— Почему ты так считаешь?

Значит, Дахаун не оспаривает вероятность моей догадки; она просто хочет выяснить причины.

— Да, почему? — Это Киллан. — Каттею он нравился, это правда. Но она не уехала бы к нему, не поговорив с нами, тем более что сказала, что отправляется искать с помощью сил тебя.

— Не добровольно, — сказал я сквозь стиснутые зубы.

Дахаун покачала головой.

— Это невозможно, Кемок. Ее, обладающую такой силой, невозможно вопреки ее воле увести через нашу защиту. Ведь все выходы из Долины охраняются.

— Не думаю, чтобы она согласилась...

— Откуда ты знаешь, какие аргументы она слышала? — спросил Кемок.

Я повернулся к нему; часть моего страха превратилась в гнев, нацеленный на того, кто рядом:

— Почему ты не поддерживал с ней мысленный контакт? Ты бы знал, что с ней.

Он вспыхнул. Но ответил сдержанно:

— Потому что она так хотела. Она говорила, что должна беречь энергию для своего поиска. Сказала, что хоть она много знает, обет волшебницы не давала, не получила волшебный камень и не была допущена в их круг. Поэтому она часто сомневается и, и ей требуется вся сила.

Похоже на собственные слова Каттеи, и я понял, что Киллан говорит правду. Но все же... он мог защитить ее и не защитил. И я продолжал испытывать несправедливый гнев. Я снова обратился к Дахаун:

— Может Шил отвезти меня туда, куда ушла Каттея?

— Не знаю. Да, он может идти в том направлении. Но другой вопрос, сможешь ли достичь этого места ты, лишенный защиты.

— Только испытание может на него ответить. Позволь мне попытаться...

Но у меня не было такой возможности. Не успел я закончить, как одна из птиц устремилась вниз и села на плечо Дахаун. Послышалась не обычная приветственная трель, а болезненный крик, явно сообщающий о беде. Эфутур и остальные вскочили и устремились к выходу. Дахаун посмотрела на нас, пришедших из Эсткарпа.

— Они двинулись на Долину, как и предупредила тебя кроганская девушка, Кемок.

Так началась осада Долины. Горькое это было время. Символы охраняли входы, но были еще многие мили утесов, и на них карабкалось пестрое войско чудовищ, пытаясь найти доступ. Вокруг границы, которую мы охраняли, собирались грозовые тучи; нас хлестал ветер, обрушивались потоки. Тьма скрывала тех, кто пробовал взобраться. Удары силовых хлыстов временами невозможно было отличить от ударов молний.

Последовала серия диких схваток. Иногда наступали передышки, какие случаются даже в самых сильных бурях. Но потом сражения начинались снова, и нам постоянно приходилось быть настороже: мы не знали, когда начнется следующее нападение.

Некоторых наших врагов я встречал раньше. Раста не могли подниматься на утесы, а Серые в их псевдочеловеческом облики находили опору. Были и другие существа... плывущие туманы, которых мы, из-за гор, боялись больше всего, потому что у них не было плоти, доступной нашим мечам и стрелам... огромные бронированные чудища, возившиеся у основания скал; они не могли подниматься, но с мрачной свирепостью вонзали когти в природные стены.

Над головой носились летающие существа, и с ними сражались фланнаны, птицы и вранги с горных вершин. Это была кошмарная битва; даже те из нас, кто много лет назад участвовал в войне с ужасающими чужаками колдерами, считали эту схватку более страшной.

Не знаю, сколько времени мы оборонялись, потому что дни были почти такими же темными, как ночи. Когда наступал день, столбы огненного пламени вздымались из расселин в скалах. И при таком свете наши противники утрачивали стремление пробиваться наверх.

У зеленого племени было свое волшебство, к которому оно обращалось. Дахаун и другие не принимали непосредственного участия в боях, но призывали и направляли силы, которые мне были совершенно неизвестны.

Я знал, что леди Зеленой Долины опасается водных источников; боится, что беда может прийти от них, так как кроганы обратились против нас. Но хотя их патрулировал народ ящеров, не было никаких признаков того, что Ориас открыто встал на сторону Тени.

Однажды после разговора с несколькими людьми древнего народа Эфутур с удивлением сказал, что против нас пока действуют только меньшие слуги зла и ни один Великий еще не нанес удар. Ему показалось это зловещим... может, действительно Великие ушли так далеко в свой собственный мир, что их оттуда невозможно вызвать.

Мы несли потери. Пал Годгар, прихватив с собой немало врагов. Были потери и у зеленого народа, и среди наших четвероногих и крылатых союзников. Никто не подсчитывал раненых: все внимание уделялось упорной обороне. Хотя Киллан сражался не рядом со мной, я знал, что он жив и здоров. Но меня угнетали мысли о Каттее. Я был уверен, что в Долине ее нет.

В наших рядах сражались некоторые воины с Высот. Но среди них не было Динзила. Да я и не ожидал его увидеть, как бы ни объясняли его отсутствие приближенные.

Может быть, нам помогли силы, призванные Дахаун. Или у врага кончились резервы, и его чудища понесли такие потери, что готовы были отступить. Но наконец тучи разошлись, и вышло солнце. И в его свете вражеское войско откатилось. Враги унесли с собой погибших, и мы не могли сказать, какой урон им причинили. Но были уверены, что на этот раз нанесли им поражение.

Мы созвали совет и убедились, что и наши потери велики. Вряд ли мы смогли бы еще долго отражать такое нападение. Поэтому нужно использовать передышку, чтобы укрепить свою позицию, произвести разведку и, где возможно, нанести ответный удар.

Но у меня была другая задача. Так я и сказал собравшимся.

Встал Киллан и сказал, что это и его дорога: мы трое были едины, и теперь, когда связь нарушена, все мы ослабли.

Я поговорил с ним наедине, напомнил, что мы уже разлучались; он, воин, тогда остался выполнять свой долг, меня ранили, а Каттею отобрали у нас. Сейчас снова наступило время, когда каждый из нас должен выполнить то, к чему призван. Он воин, и его мастерство нужно здесь. А со мной Каттея всегда была связана тесней, и у меня сильнее потребность отыскать ее.

Думаю, что Дахаун и Эфутур нас поняли. Но о людях из Эсткарпа этого нельзя сказать. Для них, закаленных в пограничных войнах, жизнь одной женщины по сравнению с безопасностью всех ничего не значила. То, что она волшебница, еще больше осложняло положение, потому что беглецы из Эсткарпа боялись волшебниц, но не уважали их.

Я и не надеялся на поддержку. Взял с собой только небольшой запас пищи, меч, искру надежды и выехал на восток. Шил предложил мне свою помощь, но я сказал, что поеду верхом только до границы Долины; за ее пределами я буду рисковать только своей жизнью.

Киллан неохотно расстался со мной. Думаю... знаю, что ему причинили боль мои слова о более тесной связи с Каттей, хотя он понимал, что я говорю правду и что его мастерство необходимо здесь.

В Долине казалось, что кровавая битва недавних дней была лишь страшным сном. Шил галопом скакал вдоль реки. Не нужно было избегать ловушек, и мы продвигались спокойно и быстро. Я видел часовых-ящеров; они следили за рекой в ожидании нападения кроганов. Что будет с Орсией, когда соплеменники узнают, что она освободила меня из тюрьмы-острова?

Обширные травянистые равнины и прохладные рощи Долины сменились более дикой местностью. Это было ущелье, покрытое скальными выступами, зажатое между двумя стенами и медленно сужавшееся. Где-то впереди эти стены должны сойтись. Согласно указаниям Дахаун, в том месте

начинается редко используемая крутая тропа, которая ведет в место, куда отправилась Каттея. Там властвуют силы, которых опасается даже леди Долины.

У каждого свое волшебство, как однажды сказала мне Дахаун. Волшебство Долины связано с растительностью и жизнью, исходящей из почвы, тасы владеют подземным волшебством, а то место, куда отправилась Каттея, известно волшебством воздуха.

Волшебницы Эсткарпа могли до определенной степени управлять ветром, дождем и бурями. Может быть, моя сестра рассчитывала обратиться к этим способностям. Но если она пошла с таким намерением, у нее не получилось.

Шил замедлил ход, он очень осторожно шел по узкой щели между высокими стенами. Солнце сюда не проникало, хотя до заката еще несколько часов. Здесь обитают сумерки.

Наконец рентанец остановился.

— До этого места... не дальше... — пришла его мысль.

Перед нами была узкая тропа, но я тоже ощутил... отчетливое предупреждение. Спешился и надел на плечо ремень дорожного мешка с припасами.

— Благодарю тебя за услугу, быстроногий бегун. Расскажи всем, что когда мы расстались, у меня все было в порядке.

Он высоко поднял голову — осматривал стены над нами и вокруг. На мой взгляд, это крутые скальные обрывы, и на их поверхности невозможно укрыться нападающему. У меня было также ощущение, что в этом ущелье тех, атаки которых мы отбили, не ждет ничего хорошего. Шил раздул ноздри, ногой ударил по земле.

— Здесь вкус, запах, ощущение силы.

— Но не злой, — ответил я.

Он опустил голову, и его золотые глаза встретились с моими.

— Некоторые силы недоступны нашей оценке — они не добрые и не злые. Тот, кто идет по этой дороге, идет с завязанными глазами. Наши чувства здесь не помогают.

— У меня нет выбора.

Он снова раздул ноздри и мотнул головой.

— Будь начеку, смотри под ноги и всегда напрягай зрение и слух...

Он не хотел уходить, но не мог пройти через какой-то невидимый барьер. Действует ли этот барьер и против меня? Я пошел длинными шагами, все время ожидая столкновения с силовой стеной, какие встретились нам в Тайном Святилище, где была скрыта Каттея. Но здесь ничего не было.

Один раз я оглянулся и увидел, что Шил стоит на месте и смотрит мне вслед. Когда я приветственно поднял руку, он мотнул головой. Я снова повернулся и пошел по тропе, отгородившись от прошлого.

Некоторое время тропа полого поднималась и идти было легко. Потом я оказался в самом узком месте ущелья. Здесь действительно узко. Расставив руки, я касался обеих стен. Передо мной была лестница. Явно не природное образование, лестница искусственная. На каждой ступени глубоко врезанные символы. Некоторые из них — защитные символы Долины, другие мне неизвестны. Мне не хотелось ступать на них, но если я хочу подняться, придется это сделать. И я пошел. Семь ступеней, площадка шириной в три ступени, три ступени, снова такая же площадка, затем девять ступеней... Я не видел никаких причин для такого расположения; разве что у чисел какое-то тайное значение.

Постепенно лестница сужалась — от одной ступени к другой. Когда я перешел на последний пролет, на ступенях едва было место для обеих ступней. Я обнаружил, что приходится становиться обеими ногами и только потом подниматься на следующую ступень. В этом последнем самом узком пролете оказалось тринадцать ступеней. Поднимаясь, я про себя считал их.

Здесь все символы оказались мне незнакомыми. Я обнаружил, что не могу слишком долго смотреть на них. Никакого предупреждения — я достаточно чувствителен к злу Эскора,

чтобы распознать его. Скорее создается впечатление, что эти знаки не предназначались для глаз и умов таких, как я.

Я устал, хотя внизу, в Долине, не чувствовал никакой усталости. Какая-то тяжесть легла на меня, заставляла тяжело дышать. После каждого шага хотелось отдохнуть. Рана моя после лечения Орсии заживала быстро и без последствий. Не она сказывалась сейчас, но скорее какая-то общая тяжесть в теле и соответствующее мрачное настроение.

Наконец лестница осталась позади, и я остановился на вершине утеса над Долиной. В камне была высечена тропа. Если ступени последовательно сужались, то здесь наоборот: тропа постепенно расширялась, приобретая клиновидную форму, и шла в глубину леса каменных колонн.

Пока я поднимался, спустилась ночь, и хотя мне хотелось идти дальше, усталость была такой сильной, что я с трудом сошел с дороги, завернулся в плащ и лег. Уснул я сразу, без периода дремоты, словно потерял сознание. Даже если бы захотел, я не смог бы бороться с этим сном.

Проснувшись я так же быстро, неловко сел и принялся сгибать и разгибать руки и ноги. Начинаясь рассвет. Я немного поел пищи, которую дала мне с собой Дахаун, отпил глоток воды из фляжки. Припасы нужно беречь, предупредила Дахаун. В беспокойных землях, до которых дотягивается Тень, человек может попасть под власть зла, если неосторожно съест что-нибудь поспевшее и само просящееся в рот.

Снова я пошел по клинообразной дороге. Колонны как будто не были расставлены в определенном порядке, и на них не было видно следов обработки. Похоже скорее на окаменевшие стволы деревьев, с которых давно срубили крону и ветви. И такое сильное ощущение каменного леса охватило меня, что я продолжал поглядывать по сторонам, ожидая увидеть срубленные ветви. Но скалы оставались голыми. Поднялся ветер и зашуршал меж камней; я закрыл глаза и подумал, что стою в роще; но когда снова открыл их, увидел только камни.

Шелест невидимого леса становился громче, хотя ветер прекратился. Послышались вопли, плач такой жалобный, словно все лишившиеся близких на земле оплакивают свою потерю. И этот шум стих, и раздался звук — мне показалось, что это слова, однако, на языке, неведомом ни мне, ни кому-нибудь из живущих. Но я не *ответил*, как ответил тот, Другой, вызванный мной в низине. Нет, эти звуки словно принадлежали иному миру, не тому, которому принадлежу я.

Такое сильное ощущение чуждости охватило меня, что я упал на колени, вернее, меня придавило, и я даже подумать не мог, что это... или какие губы произносили эти *слова*.

Наступила тишина, такая оглушительная, словно плотно закрыли какую-то дверь: ни ветра, ни воя — только тишина. Я встал и побежал. И оказался на открытом пространстве, где дорога кончалась. Я остановился, озираясь.

Камни и скалы... И на скале цветное пятно. Я направился туда. Шарф. Лежит, свернувшись, так, словно его только что уронили. Я подобрал его: шарф шелковистый, тонкий, ткань цепляется за огрубевшую кожу пальцев. Сине-зеленый, как шарфы, которые по вечерам набрасывают на плечи женщины Долины. Когда Каттея смеялась с Динзилем на пиру, на ней был такой.

— Каттея! — Я почувствовал, что нельзя в таком месте возвышать голос, но решился на мысленный призыв. Пропуская через руку мягкую ткань, я мысленно позвал: — Каттея! Где ты?

Тишина... мертвая и ужасающая тишина, опустившаяся в этом месте после того, как закрыли дверь. Я продолжал искать, но не получал ни малейшего ответа.

Я сложил шарф и сунул его в нагрудный карман рубашки так, чтобы он касался кожи. Он, несомненно, принадлежал Каттее. И, может быть, я смогу использовать его для установления связи: ведь вещь может притягивать владельца.

Но куда она отсюда направилась? Конечно, не назад в Долину... а дорога к этому населенному призраками месту

кончается здесь. Если она ушла сюда, то должна была пройти между каменными стволами. Следовательно, и я пойду туда.

Дорога была надежным проводником, но как только я оставил ее и углубился в стоячие камни, то почувствовал, что оказался в лабиринте. Никакого ориентира впереди, который я мог бы использовать как цель в своих поворотах и блужданиях, и вскоре я обнаружил, что вернулся на открытое место, то самое, в котором нашел шарф. После второго возвращения я сел и задумался.

Я больше не сомневался, что место заколдовано. Оно должно обмануть зрение и мозг. Чтобы противостоять этому заклинанию, я старался не смотреть на эти сбивающие с толку каменные ряды и сосредоточился на днях, проведенных в Лормте. Считалось, что ни один мужчина не может пользоваться колдовской силой, поэтому древние рукописи не охранялись. Конечно, большая часть их была написана в таком аллегорическом стиле, с такими непостижимыми ссылками на неизвестное, что только хорошо подготовленный человек мог с ними справиться. Когда я их читал, моей единственной целью было отыскать для нас убежище, поэтому на другие тайны я не обращал внимания.

Но кое-что из прочитанного задержалось в памяти. Я помнил слова, которые вызвали *ответ*; впрочем, я не собирался воспользоваться ими снова. Теперь нужны другие сведения.

Шанс есть. Я извлек из памяти картину. Страница пергамента, покрытая витым архаичным почерком. Из тех слов, что я сумел прочесть, могут пригодиться немногие. Скрывается ли во мне сила? Унаследовал ли я от отца способность переступить через ограничения нашего пола и быть более одаренным, чем другие мужчины Древней расы?

Я достал из кармана шарф. Начал расправлять его пальцами, медленно и осторожно превращая в веревку. Материал был такой нежный, что напоминал ленту. Я связал концы и положил перед собой кольцом. Шарф ярким пятном выделялся на камне.

Сосредоточившись на нем, я привлек всю свою волю. У меня нет подготовки в таких делах. В моем распоряжении только несколько строк на пергаменте, жажда успеха и воля, которая может оказаться недостаточной для него.

Каттея... мысленно я вызвал образ Каттеи, возможно, не такой, какова она в жизни, а такой, какой она представляется мне. Долго и сосредоточенно представлял себе ее стоящую в центре кольца. Теперь все то, что я знаю или думаю, что знаю, подвергается испытанию.

Я медленно пошевелил руками и произнес три слова.

Затаив дыхание, я смотрел и ждал. Сине-зеленое кольцо задрожало... один его край приподнялся. Теперь шарф превратился в обруч, стоящий на боку. Обруч медленно покатился с открытого места в сторону каменных деревьев, лишенных вершин и ветвей. Я пошел за ним в надежде, что нашел проводника.

Глава 7

Обруч петлял в каменном лесу, и мне много раз казалось, что он поворачивает назад и ведет меня кругами. Но он оставался моей единственной надеждой: только с ним я могу миновать это зачарованное место. Иногда солнце светило мне в глаза, и я вспоминал древнее предупреждение: когда тень человека лежит за ним и он не может на нее взглянуть, зло может незаметно подобраться к нему. Но хотя это место было мне совершенно чужим, я не воспринимал его как злое; скорее это препятствие на пути тех, кто ему чужд. Наконец мы вышли по другую сторону столбов, и обруч покатился по открытой местности. Он раскачивался из стороны в сторону, как будто поддерживавшая его энергия иссякала. Но по-прежнему катился прямо вперед; здесь не было высеченной в скалах дороги, только каменная поверхность, изъеденная бурями и временем.

Обруч привел меня на самый край этого плато и упал, снова превратившись в обычный шелковый шарф. Если сила, которую я привлекал, подействовала, значит Каттея проходила здесь. Но зачем? И как она прошла дальше?

Я снова сложил шарф и спрятал его, идя вдоль каменного обрыва и глядя вниз. Никаких видимых средств для спуска: обрыв крутой и глубокий.

Убедившись в этом, я вернулся и внимательно осмотрел место, на котором упал мой обруч. При свете заходящего солнца увидел углубление в скале. Сюда когда-то упиралось что-то очень тяжелое. Я посмотрел на противоположную сторону пропасти. Там ровная площадка. Должно быть, когда-то через пропасть был переброшен мост. Но если даже и так, мост исчез. Я потер бедро — рана почти не напоминала о себе — и попытался мысленно измерить расстояние до противоположного края.

Только отчаявшийся человек может решиться на такой прыжок. Но теперь, подгоняемый страхами, я и есть отчаявшийся. Я привязал меч к мешку с припасами. Взял мешок за ляжку, дважды покрутил над головой и бросил. Услышал, как лезвие звякнуло о камень на той стороне, увидел, что мешок упал в футе от края пропасти.

Затем я снял сапоги, связал их своим поясом и тоже перебросил. Камень под босыми ногами оказался теплым, нагретым солнцем. Я отошел к опушке каменного леса, хотя не стал углубляться в него. Затем собрал всю решимость и энергию, побежал к краю пропасти, изогнулся в прыжке, не смея думать ни о чем другом, только о благополучном приземлении по ту сторону.

И ударился о камень с такой силой, что мог сломать кости. Лежал, тяжело дыша, совершенно истощенный, пока с радостью не осознал, что все-таки пересек пропасть. Но когда сел и принялся осматриваться, все тело у меня болело. Прихрамывая, я обулся и надел мешок на спину.

По эту сторону следы, которыми я руководствовался, видны были яснее. Вот царапины, как будто здесь что-то та-

щили. Не имея других указателей, я пошел по ним и обнаружил мост. Он был сделан из трех бревен, связанных кожаными ремнями. То, что мост спрятали, означает, что им собираются снова воспользоваться. Я задумался. Неужели это тайный путь в Долину? Может, в интересах тех, кого я покинул, уничтожить этот мост? Но как? У меня нет сил, чтобы передвинуть его и сбросить в пропасть. Поджечь... Но дым выдаст мое присутствие. К тому же я сомневался, что те, кого мы опасаемся, могут легко проходить через каменный лес.

Спрятавшие мост оставили и другие следы. В горах Эскарпа я получил хорошую подготовку как следопыт. Эти люди — конечно, если это люди — не скрывали свой след. На полоске почвы отчетливо видны следы рептанцев. Клок шерсти прицепился к ветви куста. Да, по эту сторону пропасти не только голый камень. Здесь есть растительность, хотя и чахлая: слишком сильный ветер и тощая почва.

Я пошел по следу, который на почве читать было легче, спустился по крутому склону и оказался среди причудливо изогнутых деревьев, которые вначале едва достигали мне до подбородка. Но постепенно они становились выше, хотя и оставались изогнутыми, и вскоре я оказался в лесу, куда не проникал луч солнца. Здесь царила сероватая полумгла. Я увидел, что со стволов свешивается густой мох, так что деревья, хоть и лишенные листвы, заслоняют свет. Кое-где мох образовал длинные раскачивающиеся полотнища, словно между деревьями развесили порванный занавес. Отряд, за которым я шел, проходил здесь, и оборванный мох грудами лежал на земле, издавая легкий пряный аромат.

Мох не только свисал с деревьев, он рос прямо на земле. Мягкий и пружинящий под ногами, и тут и там из него поднимались стройные стебли, увенчанные бледными цветами. Когда я проходил мимо, цветы начинали дрожать. В этом моховом подлеске мелькали какие-то огоньки. И сам лес, в котором становилось все темнее, начал светиться призрачным фосфоресцирующим светом. Огоньки имели форму шестико-

нечной звезды. Когда я наклонился, чтобы рассмотреть их, они побледнели и стало видно нечто вроде сероватой паутины поверх щупалец мха.

Приближалась ночь, в темноте я не могу идти по следу. Но ночевать в этом месте мне не хотелось. До сих пор я не слышал и не видел никаких признаков жизни в лесу, но это вовсе не означает, что в нем не скрываются какие-нибудь неприятные неожиданности.

Нужно найти место для отдыха или возвращаться назад. Чем дальше я углублялся в лес, тем гуще становились заросли мха. Я обнаружил, что время от времени останавливаюсь и внимательно прислушиваюсь. Легкий ветерок, проникавший в глубину леса, шевелил вершины, и в лесу постоянно слышался глухой шепот. Мне казалось, что я улавливаю какие-то странные слова, обрывки речи, которой обмениваются преследующие меня существа.

Наконец я остановился у толстого ствола, который, несмотря на свой серо-зеленый занавес, давал возможность ощутить за спиной прочную и надежную стену. Мне нужно поспать, попить и отдохнуть. Я устал, все тело ноет, я не могу заставлять себя идти дальше, да и не хочется мне неосторожно наткнуться на вражеский лагерь.

Прижавшись спиной к стволу, я почувствовал себя в безопасности. Тьма сгустилась, и свечение цветов и шестиконечных звезд стало заметней. Ощущался легкий приятный аромат, который доносил ветерок.

Я умеренно поел и отпил несколько глотков воды. К счастью, пищевой рацион зеленого племени рассчитан так, чтобы нескольких глотков хватало на день. Но желудок продолжал требовать наполнения. Поэтому я испытывал легкое неудовлетворение, хотя сознание говорило мне, что крошек, которые я слизал с пальцев, достаточно для насыщения.

Накануне вечером подъем по лестнице утомил меня до изнеможения; теперь же меня охватила какая-то дрожащая слабость. Уснуть сейчас — настоящее безумие... настоящее

безумие... Я помню, как какое-то внутреннее предупреждение пыталось меня поднять, но волны сна накатывались, смыкались надо мной.

Вокруг вода, она все выше и выше, я задыхаюсь. Я потерял Орсию и тону в реке...

Задышавшись, я проснулся. Нет, это не вода. Я погребен под грудой мха, который достигает подбородка, его щупальца раскачиваются над головой. Страх придал мне силы, я попытался сбросить это одеяло. Но руки и ноги были связаны, словно прочной веревкой. Я не мог даже отодвинуться от дерева, к которому прислонился, потому что мох привязал меня к нему! Неужели я на самом деле утону в нем? Я принялся вертеть головой и понял, что мох держит меня за плечи, но не касается головы. И хотя движения у меня ограничены, меня сжимают не настолько сильно, чтобы затруднить кровообращение или помешать дыханию. Я в плену, но жизни моей пока ничто не угрожает.

Однако это слабое утешение. Я прислонил голову к стволу и перестал бороться. Было очень темно, и в темноте ярко светили звезды. Они привлекли мое внимание. Раньше я не замечал никакого порядка в их расположении, но сейчас увидел два ряда, ведущие от места моего пленения влево. Как будто сознательно намечена тропа! Тропа для кого — или чего?

Под ветром мох шептался. Но не слышно ни насекомых, ни голосов ночных охотников.

Я обратил свое внимание на мох. Жесткие пряди растут не из земли, а с ветвей. При фосфоресцирующем свете звезд я видел, что они отсоединились от ветвей, чтобы опуститься на меня. Я вспомнил рассказы моряков салкаров о странных южных растениях, которые питаются живой плотью и кровью, они хватают добычу, как звери. И тут, бессознательно попытавшись облегчить боль в теле, я обнаружил, что могу слегка двигаться. Как будто то, что держало меня, уловило эту мою потребность и ответило на нее.

Уловило из сознания? Но это невероятно — совершенно невероятно! Как может растение читать мои мысли? Растение ли это? О, да: вокруг меня растение. Но возможно, это орудие в чьих-то руках?

— Кто ты? — Я сознательно направил во мглу мысль. — Кто ты? Что ты сделаешь со мной?

Не думаю, чтобы я ожидал ответ. Но хоть и не получил ответа, нащупал — что-то! Как тогда, когда Орсия общалась с асптом, я на мгновение ощутил другой мысленный уровень и тут же утратил его. Не похоже на мышление зеленого племени или кроганов — гораздо менее «человеческое». Животное? Почему-то я в это не верил. Я сосредоточился, но не для физической борьбы с мхом, а для мысленного поиска.

— Кто — ты?

Снова это почти неощутимое прикосновение. Но его достаточно, чтобы я продолжал бороться. Однако оно исчезло, прежде чем я сумел определить, высокая ли это частота, как та, что использовала Орсия, или слишком низкая для меня.

Свет.. становится гораздо светлей... начинается день? Нет, свет исходит от звезд слева от меня, он распространяется видимыми жемчужными лучами. И в этих лучах какое-то ожидание.

— Кто — ты? — На этот раз я попробовал нижние частоты, решив, что то, что я ищу, не сверху, а внизу.

И я уловил ответ, но задержал его недостаточно долго, чтобы обменяться мыслью. Ощутил возбуждение, шок и страх.

Страх мне нужен меньше всего: страх может толкнуть на отчаянные действия.

— Кто ты? — Снова я воспользовался нижним уровнем. Но на этот раз никакой реакции; никакого мысленного прикосновения. Как будто тот, боящийся меня, прочно закрыл дверь.

Свечи, появившиеся над звездами, горели все ярче. Не похоже на огни, предвещающие зло, потому что я не испыты-

ваю озноба. Хоть солнце не светит, но в лесу стало светло, как в облачный день.

На тропе появилась фигура. Маленькая и сгорбленная. Но нет того ощущения, как при появлении тасов. Фигура приближалась очень медленно, время от времени останавливаясь и опасливо разглядывая меня. Страх...

Когда она подошла и остановилась между двумя ближайшими звездами, я смог лучше разглядеть ее. Серая, как древесный мох, и ее длинные волосы невозможно отличить от мха. Она развела пряди, чтобы лучше разглядеть меня, и я увидел маленькое сморщенное лицо с плоским носом и большими глазами с густыми ресницами. Снова она отбросила пряди волос на плечи, и я увидел, что это женщина. Большие груди и отвислый живот только частично прикрываются чем-то вроде сетки, сплетенной из мха. В сетку вплетены дикие цветы — жалкая попытка приукраситься.

И тут я вспомнил сказки своего детства. Это моховица. Согласно легенде, моховицы охотятся за людьми, пытаясь привлечь к себе их внимание. В сказаниях говорится, что моховицы хотят иметь детей, которых вырастили бы люди. И если кто-то соглашается на такую сделку, моховица верой и правдой служит ему, открывает тайные сокровища и тому подобное.

В легендах это добрые застенчивые существа, которые никому не желают зла; когда их уродливая внешность пугает людей, с которыми они хотят подружиться, они приходят в отчаяние. Насколько истинна эта легенда? Похоже, скоро я узнаю.

Моховица неуверенно приблизилась на шаг-два. Она кажется очень старой, но так ли это на самом деле, не могу судить. В сказках их всегда описывают такими. И еще — ни разу не упоминаются их мужчины.

Она стояла и смотрела. Я снова попытался использовать мысленное прикосновение, но безрезультатно. Если с ней я установил контакт раньше, то теперь она воздвигла между

нами барьер. Однако от нее исходила волна добрых намерений, робких добрых волн, словно она не желает мне зла, но опасается, что я не испытываю того же по отношению к ней.

Я отказался от использования мысли. Напротив, заговорил вслух и таким тоном, чтобы внушить ей: я не причиню ей зла; напротив, мне нужна ее помощь. Мы уже знали, что в Эскоре повсюду используется язык Древней расы, хотя с другим произношением и архаичными оборотами, и нас всюду могут понять.

— Друг... — Я старался говорить мягко. — Я друг... друг народа мха.

Она пристально смотрела мне в глаза.

Как это в старой поговорке: «Друг — полудруг — недруг».

Я не произнес этого вслух, но готов был принять от нее название «полудруг», лишь бы не «недруг».

Она пожевала губами, прежде чем в свою очередь заговорила вслух.

— Друг... — Она говорила шепотом, не громче ветра, шуршащего в мшистых занавесях.

И продолжала смотреть мне в глаза. И тут, словно приоткрылась дверь, мысль ее устремилась мне в сознание.

— Кто ты, идущий через страну мха?

— Я Кемок Трегарт из-за гор. — Но эти слова, которые могут значить что-то для других обитателей Эскора, для нее ничего не значили. — Из Долины Зеленой Тишины, — добавил я, и это она поняла.

Снова произнесла слово, и на этот раз я ощутил теплую уверенность. Ибо слово, которое она произнесла, хоть и свистящим шепотом, было знаком добра в этой земле безымянного зла — древним словом силы:

— Эютаян.

Я быстро ответил — ответил вслух, не мысленно, чтобы она была уверена: я могу произнести это слово, не опасаясь быть сожженным.

Она высвободила руки из-под потока волос-мха. Руки мягко двигались, как ветви под ветром. И тут же мох, который привязал меня к дереву, зашевелился, распался, освободив меня. Я остался сидеть в гнезде из мха.

— Идем!

Она поманила меня, и я встал. Она тут же отступила, как будто мой рост ее пугал. Но, закутавшись в волосы, как в плащ, повернулась и пошла по тропе из звездных свеч.

Взяв мешок, я пошел за ней. Свечи продолжали освещать наш путь, хотя за пределами их свечения царилась ночь, и я подумал, что до рассвета еще далеко. Здесь древесные лампы располагались дальше друг от друга и светили не так ярко. Я торопился, чтобы не потерять проводницу. Несмотря на хрупкую фигуру и как будто слабые ноги, она шла очень быстро.

Все гуще и гуще становились занавеси из мха. Иногда они казались сплошными стенами меж деревьями, слишком плотными, чтобы их пошевелил ветер. Я сообразил, что они напоминают стены и что, возможно, я иду между жилищами. Моя проводница руками развела одну такую стену и поманила меня за собой.

Я оказался на открытом пространстве под очень большим деревом. Его чешуйчатый ствол служил центральной опорой жилища. Мшистые занавеси образовали стены, а под ногами густым ковром рос мох. К стволу были прикреплены светящиеся звезды — от самого подножия до первых ветвей. И свет их напоминал свет костра.

На мху сидели мои — хозяйки? судьи? пленительницы? Я знал только, что все они моховицы, настолько напоминающие ту, что привела меня, что я бы не отличил одну от другой. Та, что была ближе всех к усаженному звездами стволу, жестом пригласила меня сесть.

Снова последовал период молчаливой оценки, как и с моей проводницей. Потом та, которую я считал старшей, назвала сначала себя, потом остальных — она проделала это в

той формальной манере, какая свойственна всем существам, живущим далеко от Эсткарпа.

— Фуусу, Форув, Фроно, Фингри, Фубби... — Фубби — имя той, что привела меня.

— Кемок Трегарт, — ответил я, как следовало. Затем согласно обычаю Эсткарпа, который, может быть, здесь не принят, добавил:

— Никакой угрозы от меня дому Фуусу и ее сестер, их клану, их крыше, урожаю и стадам...

И они поняли — если не слова, то добрые намерения за ними. Ибо Фуусу сделала еще один жест, и Форув, сидевшая справа от нее, достала чашку и налила в нее вина из каменной бутылки. Она коснулась губами края чаши и поднесла ее мне.

Я помнил предупреждение Дахаун о том, что нельзя ничего есть и пить в этой дикой местности, однако не решился отказаться от чаши гостя. С некоторым страхом глотнул. Напиток оказался кислым и чуть горьковатым. Я был рад, что не нужно пить до дна. Но я согласно обычаю наклонил чашу вправо и влево, пролил несколько капель на ковер из мха и пожелал удачи дому и земле.

Потом поставил чашу и вежливо ждал, чтобы Фуусу продолжила. Мне не пришлось долго ждать.

— Куда ты направляешься через землю мха, Кемок Трегарт? — Она чуть споткнулась, произнося мое имя. — И зачем?

— Я ищу ту, что была у меня отобрана, и след привел меня сюда.

— Были здесь те, что пришли и ушли.

— Куда ушли? — Я не мог сдерживать нетерпения.

Моховица медленно покачала головой.

— Они ушли тайным путем и оставили за собой завесу слепоты. Никто не может следовать за ними.

Завеса слепоты? Я не понимал, что она имеет в виду. Но, возможно, она расскажет больше...

— Была ли с ними девушка? — спросил я.

Фуусу кивнула Фубби.

— Пусть она ответит. Она видела, как они проходили.

— Да, была девушка и другие. Был Темный Великий...

Темный Великий. Мысленно я повторял эти слова. Неужели я ошибся? Не Динзил, но один из врагов...

— Она принадлежала свету, но ехала с темными. Быстро, быстро, быстро они проехали. Потом пошли тайным путем и оставили заклятье слепоты, — сказала Фубби.

— Вы можете показать мне их путь? — невежливо прервал я ее. Динзил, конечно, опасен, но если Каттея с одним из наших врагов... Время — время теперь тоже наш враг.

— Могу, но ты не сможешь пройти.

Я ей не поверил. Возможно, то, что я прошел так далеко, добавило мне самоуверенности. Слова о заклятье слепоты ничего мне не говорили.

— Покажи ему, — приказала Фуусу. — Он не поверит, пока сам не увидит.

Помню, как вежливо попрощался с Фуусу и ее двором, но за пределами ее древесного дома меня охватило нетерпение. Звездные свечи больше не горели, и Фубби схватила меня за руку. Кожа ее казалась сухой и жесткой, как прядь мха. Она сжала пальцы и потащила меня.

Без ее помощи я никогда бы не выбрался из этого мохового леса. Наконец лес поредел, стало светлее. Пошел дождь, его капли исчезали во мху. Я увидел на почве, выглядывавшей из-под мха, следы рентанцев, и понял, что снова иду по следу.

Деревья постепенно сменились кустарником, стало еще светлей, и я увидел темную высокую скалу. В нее вплеталась широкая красная полоса, и вообще эта скала не походила на другие. Я такой никогда не встречал. След вел прямо к ней — и в нее. Но нет никакой двери, ни малейшего признака входа. Ничего, кроме следа, уходящего в камень, который я напрасно ощупывал.

Я не верил собственным глазам. Но камень не поддавался нажиму, и тем не менее, следы, которые размывал дождь, вели в него.

Фубби завернулась в волосы, как в плащ, и вода стекала по нему, так что она была защищена от сырости. Она смотрела на меня, и мне показалось, что в ее взгляде смех.

— Они прошли туда, — вслух сказал я. Может, хотел, чтобы она мне возразила. Но она только уверенно повторила мои слова:

— Да, они прошли туда.

— Куда?

— Кто знает? Это заклятие слепоты. Спроси у Лоскиты; может, она покажет тебе будущее.

— Лоскита? А кто это?

Фубби повернулась, высунула руку из-под волосяного плаща и показала на восток.

— Лоскита из Сада Камней, читающая по песку. Если она согласится прочесть, может быть, ты узнаешь.

После этого загадочного замечания, она снова закуталась в волосы и быстро пошла назад — слилась с кустами, прежде чем я смог ее окликнуть.

Глава 8

Дождь быстро размывал следы тех, кто ушел в скалу. Я сгорбился под его ударами и оглянулся на лес мха. Но все во мне протестовало против отступления. Значит, на восток. Где эта Лоскита и ее Сад Камней? В легендах о них ничего не говорится.

Я шел вдоль черно-красной стены, насквозь промокнув под дождем. Если здесь и есть какая-то дорога, я ее разглядеть не мог. И растут здесь не деревья и даже не кусты и травы, какие я встречал раньше; меня окружали низкие растения с толстыми мясистыми листьями и стеблями. К своему неудовольствию, поскользнувшись на мокрой почве и упав, я обнаружил, что растения эти снабжены острыми колючками. Растения желтые, и на некоторых стеблях мелкие цветы, сейчас

плотно закрытые. Под листьями скрывались бледные насекомые, и мне их вид не понравился.

Пытаясь избежать встречи с листвой, я петлял, потому что растения становились все выше, так что вскоре их стебли поднялись выше моей головы. С неба спустилось крылатое существо, со змеиной шеей и внешностью рептилии, хотя и пернатое, и повисло вниз головой над одним из стеблей, поедая насекомых, которых ловило стремительными бросками узкой головы. Когда я проходил мимо, существо на мгновение застыло, но не проявило никакого страха, просто с любопытством смотрело на меня маленькими черными бусинками глаз.

Мне его внешность понравилась не больше территории, на которой оно охотится. Что-то здесь есть чуждое, такое же отталкивающее, как в каменном лесу. Тем не менее, мне не казалось, что это заколдованное место. Нет, просто неподходящее для моего племени.

Капли дождя ударялись о мясистые стебли, образуя лужицы. Я видел, как растения выпускают щупальца, погружают их в эти лужи, раскачиваются, всасывая воду. Мне показалось, что темная листва тоже раздувается, впитывая влагу.

Я был голоден, но не хотел останавливаться для еды в таком месте. Поэтому пошел быстрее, надеясь миновать растительность. И вдруг она неожиданно кончилась. Я словно наткнулся на невидимую стену: перед ней растения, за ней — гладкий песок. И таким ярким было это впечатление, что я вытянул руку. Но встретил только воздух. Дождь проделал бороздки в земле. Но на песок он не падал, на песке никаких следов.

Я повернул голову справа налево. С одной стороны черно-красный утес. К югу мясистые растения. Впереди, справа от меня, стена из камней, плотно подогнанных друг к другу, а между ней и утесом ровная, не тронутая дождем поверхность песка.

Я не решался ступить на эту ровную поверхность. В бортах Тора есть такие предательские участки, которые на

взгляд кажутся прочными, как морской песок. Но стоит ступить на них, и они тебя проглотят.

Осмотревшись, я нашел камень размером с кулак. Бросил его перед собой. Камень не погрузился в песок. Но... может, что-то потяжелее? Тяжелее мой меч в ножнах. Я бросил его.

Он остался лежать на месте, где упал. И тут я заметил еще одну необычную особенность поверхности. Обычный песок настолько мягок, что меч в него слегка погрузился бы. Но здесь не так. Поверхность, которая кажется покрытой обычным песком, на самом деле как будто твердая. Я наклонился и осторожно потрогал ее пальцами. Мягкий песок, на ощупь похожий на пыль. Но как я на него ни нажимал, не смог сделать никакого углубления.

Идти по нему можно. Но стена, ограждающая его с юга, поставлена не зря. Не знаю, владение ли это Лоскиты. Но выглядит обнадеживающе.

Я сделал шаг, и этот единственный шаг перенес меня в совершенно сухое место.

Надел пояс с мечом. Прямо передо мной утес и параллельная ему стена резко поворачивают на север, так что мне не видно, что находится впереди. Стена сложена из грубых камней. Размер у камней разный — от крупных в основании до совсем мелких вверху. Камни искусно подогнаны друг к другу, так что вряд ли я смог бы просунуть нож в щель между ними.

Повернув, я обнаружил перед собой бассейн. Стена огибала его с трех сторон, утес образовал четвертую стену. Прямо передо мной крутой спуск на дно. То, что лежит внизу, привлекло мое внимание. Песчаная поверхность, но голубого цвета. Из нее поднимаются одинокие камни, грубо обработанные и расположенные в непонятном мне порядке. Камни окружены длинными волнистыми линиями в песке.

Продолжая смотреть на них, я испытал странное ощущение. Передо мной не камни в песке. Нет, я повис высоко над океаном, по которому разбросаны острова; океан не смог их поглотить. А теперь подо мной высочайшие горы, и я парю

над ними, как некий дух; равнина, на которой возвышаются эти горы, превращается в туманную пустоту...

Это целый мир, но я сильнее его. Я могу перейти море, шагая с острова на остров, как по ступеням. Могу ступить по горам, как по камням.. Я больше — выше, сильнее — целого мира...

— Правда, человек? Посмотри и скажи мне — ты правда сильнее?

Прозвучал ли этот вопрос в ушах или в сознании?

Я посмотрел на острова в океане, на горы на равнине. Да, сильнее, сильнее. Могу ступить сюда и сюда. Могу наклониться и вырвать сушу из моря, бросить ее куда угодно. Могу ногой раздавить горы.

— Ты можешь уничтожить их, человек. Но скажи мне: можешь ли создать заново?

Я шевельнул руками и взглянул на них, отведя взгляд от гор и островов. Левая рука двигалась, сиплая и расплетая пальцы. Но правая, с ее искалеченными пальцами, застыла...

Я не бог в мире своей фантазии. Я человек, по имени Кемок Трегарт. Безумие, охватившее меня, миновало. Я снова посмотрел на песок и камни, но на этот раз удержался, сохранил рассудок, заставил сознание принять сведения о том, что такое они и кто такой я.

— Значит, ты не гигант, не божество? — Голос ниоткуда звучал насмешливо.

— Нет! — Насмешка обожгла меня.

— Помни это, человек. Теперь — зачем ты тревожишь мои дни?

Я осмотрел скалы и песок, но никого не увидел. Однако знал, что я не один.

— Ты... ты Лоскита? — спросил я у пустоты.

— Это одно из моих имен. За долгие годы я получила много имен от друзей и недругов. Поскольку ты меня называл так, тебе рассказала обо мне моховица. Но повторяю: человек, зачем ты пришел сюда?

— Моховица Фубби сказала, что ты можешь помочь мне.

— Помочь тебе? Но почему, человек? Что связывает тебя со мной? Родство? И кто были твои отец и мать?

Я обнаружил, что отвечаю на вопрос невидимки буквально:

— Мой отец Саймон Трегарт, Страж долин Эсткарпа, моя мать леди Джелит, некогда бывшая волшебницей.

— Значит, воин и волшебница. Но они мне не родня! Так что на права родственника ты не можешь рассчитывать. Может, по договору? Какой договор заключен у тебя со мной, человек из Эсткарпа?

— Никакой. — Я по-прежнему искал говорившую, и во мне нарастало раздражение: приходится стоять и отвечать голосу шпюткуда.

— Ни родства, ни договора. Что тогда, человек? Возможно, ты купец? Какие сокровища ты привез мне, чтобы я дала тебе что-нибудь взамен?

Только упрямство удерживало меня на месте, помогало выдержать допрос.

— Я не купец, — ответил я.

— Значит, всего лишь человек, который видит себя гигантом, способным править мирами, — послышался презрительный ответ. — Жаль: давно меня никто не просил о совете. Ведь тебе нужен совет, человек? Пожалуй, я дам его тебе бесплатно, хоть ты мне не родственник, не союзник и ничем не можешь отплатить. Спускайся, человек. Но не ступай на поверхность моря: как бы оно не оказалось больше, чем ты считаешь, ты — меньше, чем воображаешь.

Я прошел вдоль края бассейна и обнаружил опоры для рук и ног, по которым можно спуститься вниз. Вдобавок внизу оказалась тропа из более светлого песка; она шла вдоль стены, и по ней можно было идти, не ступая на голубое.

Я спустился и пошел по тропе. Тропа заканчивалась у пещеры, должно быть, естественного происхождения, но которую здешняя обитательница использовала в своих целях. В пещеру вела узкая щель в стене утеса.

Я говорю «пещера», хотя это не вполне верно: изнутри было видно голубое небо. И тут я увидел источник голоса.

Возможно, у Лоскиты и моховиц некогда был общий предок. Она так же мала ростом и так же сморщена, хотя не кутается в плащ из волос. Напротив, ее редкие волосы — а их действительно немного и они очень тонкие — завязаны узлом на голове. Их удерживает обруч из гладко отполированного зеленого камня. Вокруг костлявых запястий и лодыжек браслеты из того же камня. В качестве одесжды платье без рукавов из какого-то материала, напоминающего голубой песок, как будто она действительно взяла эту гибкую поверхность и закуталась в нее.

Она казалось очень старой и хрупкой, пока не помотришь ей в глаза. В них нет ни старости, ни слабости, они полны жизни и свирепо блестят, как глаза горного ястреба. Зеленые, как камни ее украшений, они способны видеть дальше и глубже человеческих. Так я считаю.

— Приветствую, человек. — Она сидела на камне, а перед ней было углубление в песке, как чаша, заполненная водой. Только вместо воды в углублении был голубой песок, такой же, как в бассейне снаружи.

— Я Кемок Трегарт, — сказал я, потому что ее обращение «человек» унижало меня, даже в моих собственных глазах.

Она бесшумно рассмеялась, и все ее маленькое высохшее тело задрожало от веселья.

— Кемок Трегарт, — повторила она и, к моему изумлению, подняла руку и сделала жест, напоминающий приветствие разведчиков. — Кемок Трегарт, который едет — сейчас идет пешком — навстречу опасности, как и подобает герою. Однако боюсь, Кемок Трегарт: ты обнаружишь, что далеко прошел по тропе к своей гибели.

— Почему? — резко спросил я.

— Почему? Ну, потому что ты должен принять решение. И если примешь неверное решение, все, чего ты хочешь, все, что ты есть и чем хочешь быть, — все это станет ничем.

— Мрачное пророчество, леди... — начал я, но тут она выпрямилась и бросила на меня пронзительный взгляд.

— Леди, — передразнила она. — Я Лоскита, так как этим именем ты меня окликнул. Мне не нужны ни титулы, ни звания, ни почести. Следи за своей речью, Кемок Трегарт: ты разговариваешь с той, кого не встречал раньше, хоть ты и сын воина и волшебницы.

— Я не хотел тебя оскорбить.

— Могу извинить невежество, — сказала она с высокомерием, с каким волшебницы обращаются с мужчинами. — Да, я могу делать пророчества. Чего ты хочешь от меня? Предсказания будущего? Не очень значительная просьба для такого трудного пути: ведь у каждого человека только один конец.

— Я хочу пайти сестру, — прервал я ее словесную игру. — Я проследил ее до скальной стены, и Фубби сказала, что она прошла внутрь, но что здесь наложено заклятие слепоты.

Лоскита мигнула и сложила руки так, что пальцы касались браслетов на противоположных запястьях; при этом она поворачивала каменные кольца.

— Заклятие слепоты? Который же из Великих или их приспешников оказался на границе владений Лоскиты? Ну, это узнать трудно.

Отняв руки от браслетов, она вытянула их над заполненным песком углублением. Затем быстро задвигала ими — вверх, потом вниз, словно раздувая зерна песка. Они взвились фонтаном и снова опустились. Но поверхность больше не была ровной. На ней появилось изображение — изображение башни. Похоже на те башни, что мы строим в качестве сторожевых на границах Эсткариа, но только без окон.

— Вот как... — Лоскита рассматривала изображение. — Это Темная башня. Что ж, время движется, когда маленький человек надевает слишком большие для него сапоги. — Она наклонилась вперед, как будто ей в голову пришла неожиданная мысль и вызвала легкую тревогу.

Она снова вытянула руки — поднялся и опал фонтан песка. На этот раз зерна образовали не башню, а сложный символ, похожий на гербы Древних. Но я был уверен, что это не геральдический герб, потому что в нем было что-то от Таинств.

Лоскита смотрела на него, приподняв один палец, словно кончиком его проводила по запутанным линиям.

Она не взглянула на меня, но заговорила резко и без прежних словесных украшений:

— Твоя сестра — она волшебница?

— Ее учили на волшебницу в Эсткарпе, но она не давала обет и не получила камень. Она обладает силами...

— И даже большими, чем показывает. Слушай внимательно, Кемок Трегарт. В этой земле жили некогда те, кто стремился к власти и призывал силы, которые не легко покорить. У некоторых есть такое врожденное стремление, и они способны бросить ради него, как бросают дрова в огонь, все, лишь бы получить желаемое. В старину некоторые из них достигали больших знаний. Они разрывали эту землю и перенесли свою борьбу в такие места, которые тебе невозможно представить. И хотя Великие исчезли, стремление стать ими овладевает людьми — теми, кто подхватил обрывки древних знаний, но в сущности знает так мало. Они стремятся собрать воедино эти знания, чтобы добиться своего.

Есть в горах человек, который далеко зашел по этой дороге...

— Динзил! — прервал ее я.

— Если знаешь, зачем спрашиваешь?

— Потому что не знаю. Я только чувствовал, что он...

— Лишен всего человеческого? — прервала она меня. — Значит, ты сумел почувствовать, что в нем. Но ты не волшебник, Кемок Трегарт. Кем бы ты ни был и кем ни станешь, ты не равен сестре. Динзил увидел в ней орудие, которое откроет ему дальше путь по избранной дороге. Она подготовлена, но не дала обет, поэтому уязвима перед его влиянием. Через нее он попытается отыскать...

— Но она не станет добровольно... — возразил я, отказываясь признать союз между Каттеей и тем, кто играет с неограниченными силами.

— Волю можно подавить. Если он не добьется ее добровольного согласия, то все равно решит, что сможет воспользоваться ею как ключом. И она в Темной башне — сердце его тайного мира.

— Я пойду туда...

— Ты видел, как действует заклятие слепоты. Как же ты пройдешь? — спросила она.

— Фубби сказала...

— Фубби! — Она развела руки. — Я Лоскита и обладаю только одним видом волшебства. Я могу прочесть будущее — или будущее.

— Будущие?..

— Да. В жизни каждого множество «если». Пройди этой дорогой, встретить нищего, брось ему монету, и он подкрадется к тебе сзади и вонзит тебе нож меж ребер, чтобы отобрать остальные. Но пройди другой дорогой, и проживешь еще много лет. Да, у нас есть выбор будущих, но мы делаем его вслепую и часто не знаем причины нашего выбора.

— Значит, ты можешь видеть будущее. А можешь в своем видении показать мне Темную башню и путь к ней? — Я лишь наполовину верил ей, хотя считал, что она себе верит.

— Ты хочешь увидеть свои будущие? Как я могу сказать, не посмотрев, не связаны ли они с Темной башней? Но предупреждаю тебя, хотя не обязана это делать. То, что ты увидишь, может ослабить твою решимость.

Вот в это я совсем не поверил. Покачал головой.

— Я пойду за Каттеей и не дрогну.

— Пеняй на себя, воин, который не волшебник.

Она быстро схватила обе мои руки, резким рывком притянула к себе, и я опустился на колени у бассейна с голубым песком. Затем, продолжая крепко держать меня за запястья, сделал несколько жестов, и песок взметнулся фон-

таном, образуя картину. Это не была плоская двухмерная картина, как раньше. Я словно смотрел на живой ландшафт, маленький и расположенный далеко внизу, как в Саду Камней.

Я сам был на этой картине, и передо мной возвышалась Темная башня без окон. Я прошел вперед, но стены башни вытянулись и поглотили меня, однако я по-прежнему видел происходящее. Я догнал Каттею, чтобы взять с собой, но когда повернулся, передо мной... не Динзил, а угрожающая тень. Каттея вырвалась, и я увидел собственное растерянное лицо. А потом... потом я увидел, как своей рукой сразил Каттею, прежде чем она присоединилась к тени!

Крик ужаса и отрицания еще не замер в моих ушах, как песок вновь взметнулся. На это раз я был в Долине и скакал с людьми, которых знал. Справа от меня Киллан. Нам противостоит не сброд, который мы отогнали, а войско Тени. И в центре этого войска Каттея, со сверкающим взглядом, с высоко поднятыми руками. С ее рук срывается красное пламя, и мои товарищи падают замертво.

Я увидел, как выезжаю вперед и бросаю меч, как копье. Он полетел, вращаясь в воздухе, и тяжелой рукоятью ударил Каттею по голове. Она упала, и ее затоптали те, с кем она была.

Снова взметнулся песок и опал. Я стою перед Темной башней, из нее выбегает Каттея, но на этот раз я знаю, что она не с врагом, а бежит от него. Но я вижу, как меня окутывает тьма. Я сражаюсь с тем, чего не вижу. И Каттея, которая бежит ко мне за защитой, снова сражена. Тьма рассеивается, и я вижу, что сотворил.

Лоскита выпустила мои руки.

— Три будущих, но один и тот же конец. Ты видел их, но — слушай внимательно — не видел решения, на котором они основаны. Потому что каждое из этих будущих происходит из разных выборов.

Я очнулся от оцепенения.

— Ты хочешь сказать, что не мой удар сразил Каттею, но другие обстоятельства, происшедшие и не происшедшие, привели к этому? И если бы не они, Каттея не...

— Не погибла бы от твоей руки? Да.

Настала моя очередь схватить ее за руки. Но каменные браслеты повернулись словно по собственной воле и вывалились.

— Скажи! Скажи, что мне делать?

— Это не мое волшебство. Я показала тебе, что смогла увидеть.

— Три будущих, и все они так кончаются. Может ли быть четвертое — такое, в котором все кончается хорошо?

— У тебя есть выбор — сделай правильный. Если судьба благоприятствует тебе, кто знает? Я читала песок для людей и в прошлом, и один или два — но только один или два — сумели уйти от показанной им судьбы.

— А... предположим, я ничего не буду делать? — медленно спросил я.

— Можешь убить себя лезвием, которое ты готов использовать против сестры. Но не думаю, чтобы положение было настолько безнадежно. Пока еще нет. Тебе все равно предстоит каждое мгновение делать выбор, и ты не можешь от этого отказаться. И не будешь знать, какой выбор верный, а какой нет.

— Но я могу сделать вот что. Могу держаться подальше от Долины и Темной башни. Могу остаться в пустыне и...

— Решение — это решение, — быстро сказала Лоскита. — У каждого решения свое будущее. Кто знает, чем оно обернется и не приведет ли к концу, которого ты боишься? А сейчас я устала, Кемок Трегарт. Больше ничего не могу показать тебе, поэтому...

Она хлопнула в ладоши, и я услышал резкий звук. Мигнул и вздрогнул от внезапной волны холода. Я стою на склоне горы. Подо мной красно-черный утес. Идет дождь, поднимается ветер, ночь близко. Потрясенный, голодный, озябший и промокший, я с трудом пошел. Справа показалась темная

расселина, и я почти упал в нее. Ошеломленно свернулся в пещере.

Да была ли вообще Лоскита? И что за три будущих она мне показала? Решения, каждое приводит к определенному результату. Если она на самом деле показала мне правду, как мне построить четвертое будущее?

Я порылся в мешке с припасами, достал кусок хлеба и съел его, заполняя пустоту в желудке. Я принял решение по-есть. Принял решение переждать в этой пещере. Ведет ли меня каждое из этих решений хоть на шаг к трем будущим?

Два происходят у Темной башни, одно в Долине. Если буду держаться подальше от этих мест, смогу ли я изменить будущее? Но я даже не знаю, где находится Темная башня. Предположим, я буду бродить меж этих холмов и неожиданно наткнусь на нее? Мне казалось, что единственное решение, в котором я уверен, это не возвращаться в Долину.

Но Лоскита говорила, что незначительные происшествия могут изменить все.

Я обнял колени руками и опустил голову. Права ли Лоскита? Неужели единственная возможность обеспечить безопасность Каттеи — обратить меч против себя?

В двух из картин будущего Каттея была заодно с силами зла. В Долине она убила своих друзей. В Темной башне она угрожал моей жизни. В третьей она бежала, а я был околдован. В двух из трех Каттея больше не была моей сестрой, она принадлежала тьме. Неужели я предам все, что люблю в Каттее, пытаюсь спасти ее тело?

Решения! Лоскита сказала, что один или два человека победили возможные будущие. Но если не знаешь, какое решение...

Я обхватил голову руками. Мысли мои метались. Что если Лоскита не та, кем кажется, если она одна из преград, установленных Динзиллом на тропе, ведущей к нему? Я видел, какие галлюцинации способны породить волшебницы Эсткарпа; меня они тоже обманули. Лоскита может быть такой

иллюзией, или иллюзия — сцены, которые она мне показала. Как я могу быть уверен?

Голова у меня болела, я прислонился к стене пещеры. Ночь и дождь завесили ее покровом отчаяния. Сон... если смогу уснуть. Еще одно решение — куда оно ведет? Но я должен поспать.

Глава 9

Мне спились кошмары, и проснулся я в поту. Но, вопреки своим стараниям, снова уснул и снова увидел чудовищные сны. Не знаю, порождены они моим воображением или заклятием, наложенным на эту землю. Но когда проснулся с больной головой, которая при каждом движении начинала кружиться, было уже утро, а я еще не принял свое главное решение. Остаться здесь, плененным собственной волей, пока смерть не настигнет меня. Осмелиться идти вперед с верой в то, что справедливость вооружит меня храбростью против будущих, показанных Лоскитой. Какой выбор сделать?

Если вскоре высвободилось зло, то есть и добро. Я тут же думал о нем. Но к какой силе обратиться за помощью?

Существуют Имена, упоминаемые в молитвах Эсткарпа. Но такие моления очень древни, и их значение большинством людей забыто. Мы привыкли надеяться на свои силы и на помощь мудрых женщин.

У меня есть меч, я умею им пользоваться. У меня военные знания пограничника. Но все это в тот момент казалось мне ничтожным. То, что противостоит мне, не уничтожишь сталью. Что же остается? Обрывки древних знаний, полученные в Лормте; но они так отрывочны, что не могут служить защитой.

И все время в памяти моей возникали три картины, показанные Лоскитой.

Дождь прекратился. Но и солнце не окрашивало высокогорье на востоке своими лучами, небо затянулось низкими

тучами. Полоска земли, которую я видел из пещеры, казалась мрачной и безжизненной. На ней росла чахлая растительность, бесформенная, поблекшая. Было также много скальных выступов. Если посмотреть на них внимательно, они производили неприятное впечатление. Легко было представить себе издевающиеся лица, угрожающую когтистую лапу или оскаленную зубастую пасть. Они словно таились под самой поверхностью камня. Только что они были здесь, а в следующее мгновение исчезали — чтобы появиться в другом месте поблизости. Я оторвал от них взгляд, закрыл глаза, чтобы не видеть серый день, и попытался размышлять. Но мысли мои не были четкими. Словно я нахожусь в клетке, мечусь в разные стороны и всюду натыкаюсь на решетку.

Я услышал пронзительный вой, как в каменном лесу, когда нашел шарф Каттеи. Шарф Каттеи — моя рука потянулась к карману рубашки; пальцы ощутили шелковистую мягкость.

Каттея — Каттея, трижды погибшая, и всегда от моей руки. Истинное ли пророчество — волшебство Лоскиты? Или, как говорит мне грызущее подозрение, она всего лишь еще одна преграда на пути к врагу?

Я поел еще немного, отпил из фляжки. Воды осталось совсем мало. Человек может выдерживать голод гораздо дольше жажды. Я не знал, хватит ли мне стойкости оставаться здесь до смерти?

Да и характер не позволил бы мне избрать этот путь бездействия, хотя, возможно, в нем высшая мудрость. Во мне слишком много от моего отца, а может, и от матери; оба они предпочитали идти навстречу опасности, не дожидаясь ее приближения.

Наконец с затекшим телом я выбрался из своей норы и огляделся. Я помнил — вернее, мне казалось, что помню, — как выглядит местность вокруг Темной башни в тех двух сценах, которые показала мне Лоскита. Вокруг ничего похожего. Невдалеке слышно журчание воды.

Пища и вода опасны — таково предупреждение Дахаун. Но, может, если смешать эту воду с тем немногим, что остается во фляжке, опасность будет не так велика. Решение...

Я старался не смотреть на скалы: скрывающиеся в них угрожающие фигуры становились все отчетливей. Я был уверен, что это иллюзия, и не хотел смотреть на них, чтобы это не сказалось на рациональности моей мысли.

Воющий ветер высот продолжал терзать мне слух. Я готов был поклясться, что это крики людей, которые в ужасе зовут на помощь. Мне даже казалось, что некоторые голоса я узнаю. Но, продолжал я говорить себе, ветер в камнях способен производить необычные звуки.

Я постарался вспомнить старинные предания. Такие предания рассказывают салкары. Они верят, что человек не падет мертвым, пока трижды не услышит свое имя в громе битвы. И поэтому я прислушивался, не раздастся ли в вое ветра «Кеее-мооок».

Некоторые люди, например, Эйдан с окраины Эсткарпа, где сохранились древние обычаи, носят с собой различные талисманы. Однажды Эйдан показал мне камень с круглой дырой и сказал, что если такой подарит любящая женщина, камень будет охранять от несчастий. Эйдан — я многие годы не вспоминал о нем. Где он сейчас? Выжил ли в пограничных набегах, вернулся ли к девушке, которая вложила талисман ему в руку, чтобы камень сохранил его для нее?

Дно ущелья, по которому я пошел, начало опускаться и привело в более широкую долину. Здесь было больше растительности и протекала мелкая речушка; это ее журчание я слышал до того, как начал печально жаловаться ветер. Я посмотрел на воду. И тут же, с быстротой, выработанной годами службы на границе, укрылся среди камней.

Даже ветер не мог заглушить крики и звон металла. У края воды яростная схватка, и даже в самой воде происходит сражение. Кроганы захвачены в ручье, слишком мелком,

чтобы они могли уплыть. Их трое: двое мужчин и женщина. Вокруг них, явно сражаясь на их стороне, несколько мохнатых существ. Противники у них разные. Я видел людей, в кольчугах и темных плащах; эти люди пытались мечами достать загнанного в угол крогана. Выше по ручью группа тасов перекатывала камни и бросала их в воду, чтобы перекрыть поток, который способен помочь водным жителям.

Я увидел, как у одного из кроганов выбили копье из рук, и он упал под ударом меча. И тут кроганы потеряли всякую надежду, потому что в кустах на противоположном берегу показался новый вражеский отряд. Эти враги держали в руках не мечи, а жезлы или посохи, с которых слетали вспышки. Похоже на силовые хлысты зеленого племени. Кроганы и помогавшие им животные упали под этими вспышками.

Один из мечников вошел в воду и начал пинать лежащие тела. Потом схватил женщину за волосы и рывком поднял ее голову, так что стало видно лицо.

Орсия!

По-прежнему держа ее за волосы, воин вытащил покорное тело на берег и потащил по песку и гравию. Те, что были вооружены жезлами, не собирались присоединяться к нападавшим. Я видел, как отряды обменялись жестами, и люди с жезлами исчезли в кустах.

С гортанными криками подбежали тасы и набросились на тела, еще лежавшие в воде. Я видел на войне много жестокости. Но это было настолько ужасно, что я старался не отводить взгляда от того места, где лежала Орсия...

Не знаю, были ли мертвы упавшие в воду кроганы, но тасы постарались, чтобы они и их мохнатые помощники больше никогда не встали. Утолив свою ярость, но не насытившись, они направились к Орсии и стоявшим около нее мечникам. Предводитель тасов протянул окровавленные когти и вцепился в одежду девушки, собираясь оттащить ее, чтобы свора могла ее пожрать.

Но один из мечников предупреждающе взмахнул оружием. Предводитель тасов испустил пронзительный вопль. Ясно было, что он рассержен.

Снова взметнулось лезвие, описав круг пошире, и тас отступил. Он громко кричал, плевался и скалил зубы; слюна из широко раскрытой пасти падала на шерсть рук, на выпуклую грудь и живот.

По приказу предводителя мечников двое из них направились к тасам. Они были уверены в себе, высокомерны, презрительны, и жители подземных нор не устояли. Они торопливо схватили останки, окрашивавшие ручей красным, и, потащив с собой пошу, на которую не хотелось смотреть, ушли вверх по течению. Их предводитель шел пятясь, стуча себя в грудь и издавая гневные крики.

Глядя, как один из мечников поднял неподвижное тело девушки и взвалил себе на плечо, я опустил руку на рукоять меча. Она явно жива.

Другой рукой я опирался на камень, приподнимаясь. Их пятеро. Пусть тасы уйдут подальше... пойду за ними по течению... подожду возможности и...

Я не мог пошевелиться!

Нет, я мог стоять, трогать меч, поворачивать голову, чтобы посмотреть вслед тем, кто унес с собой Орсию. Они ушли открыто, не осматривая местность, как люди, идущие по собственной земле, где они в безопасности. Я мог все это сделать. Но идти за ними — нет!

Проклятие, наложенное Лоскитой или мое собственное, удержало меня на месте. Ибо это было главное решение, не то, что поиски воды или выход из пещеры. Это решение означало: я бросаю кости и решаю свою судьбу. Может быть, если пойду вслед за мечниками и попытаюсь освободить Орсию, это неизбежно приведет к крови Каттеи на моем мече.

Я обязан Орсии жизнью. А то, чем обязан Каттее, не могу выразить в словах. Я разрывался на части. Как тяжело мне было! Но эта внутренняя борьба удержала меня от следования за

отрядом, который унес кроганскую девушку. Ослабев, словно после смертельного удара, я прислонился к камню, за которым прятался, и смотрел, как они уходят. И продолжал смотреть на опустевшую речную долину, когда отряд исчез из виду.

Потом пути, удерживавшие меня, спали, и я подошел к месту схватки. На краю воды еще лежало тело одного животного, изорванное и искалеченное; были и другие страшные напоминания о происходившем. Не понимая зачем, я наклонился и поднял одно из кроганских копий. Вода стекала по его древку и по моим искалеченным, неподвижным пальцам и покрытой шрамами руке. Я тупо смотрел, как она капает.

Лоскита сказала, что человек не знает, какие его мелкие решения приведут к большим и смертоносным. Как она была права! Я принял решение выйти из пещеры, еще одно — поискать воды, а теперь передо мной третье и гораздо более значительное. Решение, которого я пытаюсь избежать, в прошлом было бы обязательно принято, или я посчитан бы себя презренным трусом. На мне проклятие — я проклят, и на меня опустилась тень.

Пальцы мои не могли удерживать копье, оно выскользнуло и со стуком упало на камни.

Орсию унесли, и она не мертва, в этом я уверен. Я знал также, что хоть они не отдали ее тасам, в их намерениях нет милосердия. Я хожу здесь, дышу, могу потрогать сломанное оружие, могу чувствовать — потому что Орсия приняла когда-то решение. Нелегкое это было решение: она ведь пошла против воли своего племени.

— А как же Каттея? — произнес я вслух. Кажется, это была мольба, но не знаю, к кому я ее обращал.

Где-то передо мной Темная башня; я должен принять это. Мне придется принять участие.

Один человек — или два — сумели изменить альтернативные будущие.

Я смотрел на текущую воду; она была грязная от дамбы, возведенной тасами, и еще слегка окрашивалась кровью от

остатков того, что лежит на камнях и на песке. И тут, словно прорвавшись сквозь стену и увидев свободу, пусть даже таящую в себе опасность, я разорвал заветное — заветное, наложенное на меня в Саду Лоскиты. Ведь дышать, ходить, жить — это тоже своего рода решения. Я не могу избежать их. Но могу принять то, которого требуют от меня сердце, ум и все мое воспитание. И сделать это со всей дарованной мне мудростью. Должен отбросить страх и поступить так, как поступил бы до того, как Лоскита показала мне свои картинки в песке.

Я в долгу перед Орсией и должен заплатить этот долг. Если впереди Темная башня, я встречу с ней в положенное время со всем мужеством, каким обладаю.

И я направился в сторону от реки, как человек, полностью владеющий собой; не оглядываясь через плечо, нет ли за мной преследователя.

Используя весь свой опыт следопыта, я вернулся к возвышению на краю долины. Поверхность твердая и словно нарочно создана для моих целей. Быстро и уверенно я переходил от одного укрытия к другому, стараясь заметить отряд, во власти которого Орсия. Опасался только, что у мечников есть лошади, и тогда я не смогу их догнать.

Торопясь, я мог бы действовать безрассудно, но меня сдерживало одно соображение. Тасы ушли, но были очень рассержены. Возможно, они тоже решили преследовать победителей и движутся в моем направлении. Поэтому я смотрел не только вперед, вниз по склону, но временами останавливался и, раздражаясь из-за потери времени, разведывал местность за собой. Но если тасы скрывались за мной, я их не замечал.

Постепенно я догнал тех, кого преследовал. Теперь их было четверо, и последним шел тот, который нес Орсию. Она по-прежнему казалась мертвой. Но то, что ее несут, ясно свидетельствовало: девушка жива.

Соблюдать осторожность меня заставляло также воспоминание об отряде с огненными жезлами. Против такого ору-

жия мой меч бессилен. Мне очень не хватало игольного ружья. С таким же успехом можно мечтать о вооруженном ружьями целом отряде!

По крайней мере, никаких следов лошадей. Вероятно, пятый ушел вперед, чтобы привести их.

Я побежал вперед по возвышению со всей скоростью, какую мог себе позволить на неровной местности. И, заглянув вниз, увидел, что почти поравнялся с отрядом и пленницей. Они остановились. Предводитель небрежно опустил Орсию на землю. Она осталась лежать на месте, на полоске травы. Воины отошли на несколько шагов и сели, явно собираясь ждать.

День по-прежнему был пасмурный и облачный. Кусты и деревья вдоль реки давали возможность укрыться. Но чтобы добраться до них, придется отступить и пересечь долину выше по течению. Я колебался, опасаясь потерять отряд, если приведут лошадей.

Четверо... Но с одним мечом я в схватке не выстою против такого соотношения. И тогда буду бесполезен и Орсии и Каттее.

Меня притягивала река. Глядя на течение, я решил, что здесь оно глубже. Если бы Орсия могла добежать до воды, у нее появился бы шанс. Тогда она имела бы преимущество: вода для нее родная стихия.

Но сидя здесь, ничего не добьешься. Меня толкала вперед потребность действовать. Один из мечников раскрыл мешок и передавал пищу товарищам.

Я снял свой мешок. Поверх него плащ. На фоне этой безжизненной серо-коричневой земли он ярко выделялся. Я высвободил его. Потом оглядел скалы над собой. Может ли человек одновременно находиться в двух местах?

Свернув плащ в клубок и прижав его к груди, я вскарабкался между двумя камнями. Ветер... сейчас ветер помогал мне.

Я нарубил ветвей кустарника, затолкал их в плащ и, как мог, закрепил пряжку и застёжки. При ближайшем рассмот-

рении это никого не обманет... но, может быть, на удалении плащ можно принять за человека. Я установил набитый плащ меж камней. Слишком плотно я не хотел его зажимать, чтобы он в нужную минуту подался. А выдержит ли веревка, которую я торопливо сплел из травы?

Затем я пополз вниз по склону, таща за собой веревку и опасаясь, что в любую минуту она может лопнуть. Но судьба мне улыбалась: веревка выдержала. Я измерил на глаз расстояние между собой и целью. Если бы веревка была покрепче, если бы было кое-что еще, чего у меня нет, шансы, вероятно, составляли бы пятьдесят из ста. Но приходилось довольствоваться гораздо меньшим.

Я открыл рот. Прошли годы с тех пор, как я последний раз использовал эту уловку. Это было еще до того, как меня искалечили. И возможности попрактиковаться с тех пор у меня не было.

Я крикнул. Звук исходил не с того места, где я прятался, а от лежащего гораздо выше плаща. Итак... я не потерял своего умения отвлекать голосом. Я снова крикнул, и результаты оказались даже лучше, чем я мог надеяться, поскольку эхо отразило крик и он казался исходящим из множества глоток. Я дернул за травяную веревку. Она порвалась, и ее конец повис у меня в руке.

Но рывка оказалось достаточно. Зеленый сверток наклонился, упал и исчез из виду. Я посмотрел вниз.

Воины вскочили на ноги, приготовив оружие и глядя вверх. Затем предводитель и еще один мечник направились к тому месту, где исчез сверток из плаща. Оставшиеся ближе подошли друг к другу, продолжая внимательно наблюдать за высотой.

Я принялся пробираться от одного укрытия к другому со всем мастерством, каким обладал. Снова измерил расстояние на глаз. Если бы еще немного оставаться незамеченным, чтобы схватить Орсию. У нас был бы шанс — слабый, но все же шанс добраться до кустарника.

Снова я подготовился. Но на этот раз сверху, из-за двух воинов, раздался не крик, а какой-то непонятный приказ.

Я вскочил и побежал. Бежал беззвучно. Но солдаты повернулись и увидели меня. Один крикнул, оба обнажили мечи. Я взмахнул над головой мешком с припасами и швырнул его в того, что был дальше от меня, потом отразил удар другого, ожидая в любой момент нападения сразу двух противников. Но поскольку второй не подошел, я сосредоточился на первом.

Он был достаточно хорошим бойцом, к тому же обладал преимуществом: на нем была кольчуга. Но его не учил моряк салкар Откелл, которому не было равных в искусстве фехтования. Ведь салкары учатся сражаться на раскачивающейся палубе, если потребуется.

Шлем моего противника не был снабжен кольчужным шарфом, каким мы в Эсткарпе защищаем горло. Острие моего меча пашло брешь между верхним краем кольчуги и подбородком. К тому же моему противнику помешало то обстоятельство, что я сражался левой рукой.

Я поискал взглядом второго и обнаружил, что он неподвижно лежит поблизости. С трудом верилось, что подобное мог совершить мой второпях брошенный мешок. Но у меня не было возможности проверять. Я подхватил Орсию и бросился в кусты, направляясь в сторону реки. За собой я слышал крики; те, что пошли вверх, должно быть, торопливо возвращались.

Добравшись до берега, я убедился, что моя догадка насчет глубины оказалась верной. Из воды не торчали камни, поверхность которых нагрета солнцем; сама вода мутная, и дна не видно. Я глубоко вдохнул и нырнул, прихватив с собой Орсию. Я надеялся, что когда мы окажемся под водой, ее жабры автоматически начнут действовать.

В одно мгновение мы оказались под поверхностью, и я потащил девушку туда, где у берега застрял плавучий ствол. Под этим стволом мы нашли убежище на короткое время.

Прижав руку к ее груди, я ощутил биение сердца. Затем пришлось, удерживая ее одной рукой, снова вынырнуть, чтобы глотнуть воздуха. И тут я увидел нору между двумя погруженными в воду корнями.

Я перебрался в эту нору и смог высунуть голову и дышать. Руками я придерживал Орсию, чтобы течение не унесло ее; сверху нас обоих скрывало дерево.

Берега я не видел и не знал, проследили ли нас до этого места. Но понимал, что воины ждут, готовые схватить нас, когда мы вынырнем.

Ничего не видя, ничего не слыша, я решился использовать чувство, которое в этой земле могло навлечь катастрофу. И нацелил мысленное прикосновение на девушку-кроганку.

— Орсия!

Ответа не было.

Я усилил прикосновение, хотя знал, что те, кто стоит наверху, тоже могут его уловить.

— Орсия!

Дрожь. Слабая, еле ощутимая дрожь. Но вполне достаточная, чтобы я попробовал в третий раз.

— Орсия!

Страх — страх и ненависть! Эти чувства возвращаются по тому же пути, по какому я послал свой мысленный призыв. Я едва успел крепче схватить девушку, чтобы она не вывалилась.

— Орсия! — На этот раз не призыв, а требование узнавания.

Узнавание пришло быстрее, чем я надеялся. Конвульсивные рывки прекратились.

— Что... что?..

— Тише! — В этот призыв я вложил всю убедительность.

— Мы прячемся в реке. Нас ищут сверху.

Я ощутил, как слабо, неуверенно ищет ее мысль, словно плен замедлил и ослабил ее мыслительные процессы.

— Ты Кемок...

— Да.

— Меня схватили, чтобы вернуть. — Мысль по-прежнему слабая, неуверенная. — Узнали...

— Что ты освободила меня? И зачем тебя тащили? На суд?

— Нет, меня уже осудили, хотя я и отсутствовала. Ду-маю, хотели отдать меня вместо тебя.

— Твое собственное племя!

Теперь к ее мысли отчасти вернулась прежняя сила и уверенность.

— Страх способен овладеть сознанием, Кемок. Не знаю, какими аргументами воспользовался враг. Он способен на очень злые действия.

— Если кроганы собирались отдать тебя, почему враги...

— Почему напали на Орфонса и Оббо? Не знаю. Может быть, всадники сарны настроены по-другому, чем те, с кем договорился Ориас. Так всегда было, Кемок: союзы непрочны у тех, кто во владении Тени. Сегодняшний союзник завтра становится врагом.

— А кто эти всадники сарны?

— Они владеют этими холмами. Говорят, они последователи одного из Великих, который не совсем ушел из этого мира, и их предводители получают приказы из необычных уст. Подожди...

Теперь приказывала она, и я молча ждал. В своем крошечном убежище между корнями я мог дышать, но по-прежнему ничего не видел. И почувствовал, как прижавшееся ко мне тело внезапно напряженно застыло.

Глава 10

Слепо ожидать опасности — все равно что со связанными руками ожидать падения боевого топора. Мысль Орсии была закрыта. Мне показалось, что она использует мысленное прикосновение, отыскивая опасность, но я не был в этом уверен. Оставалось только лежать и ждать.

Вода плескалась, она грозила утащить меня из мелкого укрытия. Я подавился и закашлялся, когда она неожиданно заполнила мои ноздри. Это не обычная рябь на поверхности. Скоро ли их сталь доберется до нас?

Орсия схватила меня за руки. Её ногти впились в мою плоть. Я понял это как предупреждение. Но она по-прежнему не пользовалась мысленным призывом. Минуты казались часами; угрожающие волны ослабли.

Моя спутница осторожно установила контакт:

— Они пока ушли. Но от поисков не отказались.

— Можем мы уйти? — Я не понимал, откуда у нее такая уверенность, но признавал ее.

— Ты не можешь уйти под водой.

— Но ты можешь! Уходи! Я разведчик и легко собою этих топчущих кусты. — Я пытался отвечать так же уверенно, как она.

— Глубина ниже по течению. Они это знают и будут там ждать.

— Тасы оставили выше полужаконченную плотину. Там нет глубины, в которой можно укрыться, — возразил я. — Разве ниже по течению у тебя не больше шансов?

— Ты забываешь — мое племя тоже будет искать меня. Безопасность только там, куда никто не придет, в том месте, куда я направлялась.

— Где это?

— В том месте, где нас захватили сарны и тасы, река мелка, но выше она сужается и снова становится глубокой. И уходит под землю. Но там, где проходит вода, могут пройти и кроганы. Не думаю, чтобы сарны последовали туда за нами, и хотя тасы живут под землей, есть места, которых они не любят. — Она колебалась. — Я отыскала древний-древний путь, проложенный теми, кто жил до нас. На нем заклятие, но ослабленное годами, и тот, у кого сильная воля, может его преодолеть. Однако тасов оно обращает в паническое бегство, потому что это человеческое заклятие, скрепленное не их

подземным волшебством, а огнем и воздухом. А сарны, даже если найдут вход, не войдут, потому что вход охраняется словами власти. Не знаю, что там внутри, но нам вход туда разрешен. И там мы на время сможем укрыться.

— Но ведь путь вверх лежит через мелководье, — напомнил я ей.

— Да, в направлении Темной башни. — Вначале я не понял ее простого ответа. Затем вздрогнул.

— Почему ты боишься? — Любопытство Орсии было мне так же очевидно, как ей мой страх.

И я рассказал ей о Лоските и ее предсказании на песке, о трех будущих, которыми может закончиться мой поиск.

— Но мне кажется, что другим путем нам не уйти, — ответила Орсия. — Темная башня притягивает тебя к себе, словно колдовством. Тебе не отвернуться от той, кого ты ищешь, даже если ты веришь, что твой поиск губителен для вас обоих. Вы слишком привязаны друг к другу. Ты будешь искать Темную башню, и твой поиск может закончиться совсем не так, как показала Лоскита. Я слышала о ее Саде Камней и о ее волшебстве. Но в этой земле нет ничего определенного и предрешенного. Уже давно равновесие в ней было нарушено. Мы можем жить лишь от рассвета до заката и от сумерек до нового рассвета, а то, что ждет нас впереди, многократно меняется, прежде чем мы доберемся до него.

— Но Лоскита говорила: решение — малейшее решение...

— Всем приходится делать выбор и придерживаться его. Вот что я знаю: любая дорога к Темной башне охраняется, и не только видимыми существами, но и невидимыми стражами. Предлагаю тебе единственный путь, который неизвестен Динзилу и его приближенным.

Ее слова звучали логично. Если башня — центр владений Динзила, все подходы к ней должны хорошо охраняться. Стоит послушаться совета и пойти вверх по реке, хотя и на этом пути достаточно опасностей, чтобы постоянно быть начеку.

Мы выбрались из убежища меж корней и, сколько могли, плыли. Если враг ищет нас, то ниже по течению. Орсия двигалась впереди, пользуясь каждой возможностью, чтобы укрыться под нависающим берегом, за камнем или грудой плавника. Мы видели вилорогих козлов, пришедших на водопой, и это хороший признак. Чуткие травоядные не показались бы, если бы поблизости были люди.

Наконец вода стала слишком мелкой, и нам пришлось не плыть, а идти вброд. Мы подошли к окровавленному месту, на котором на спутников девушки напали. Спустились сумерки, переходящие в ночь. Я был рад, что Орсия не видит или делает вид, что не видит, пятна крови и скелеты животных.

С приближением ночи моя спутница не остановилась. Меня поражала ее энергия, потому что мне казалось, что жестокое обращение похитителей ослабило ее и не оставило сил для такой скорости.

Мы миновали полузаконченную плотину тасов, и так как глаза в полутьме перестали служить мне, я старался пользоваться слухом. Теперь мы шли, взявшись за руки. Я слышал множество звуков, некоторые заставляли меня настораживаться, так как я не мог поверить, что это нормальные ночные голоса. Но звуки не приближались к тому месту, где мы ожидали, пригнувшись, и мы двигались дальше.

Предсказание Орсии оправдывалось: река начала сужаться, и вода стала мне по пояс. Местами в ней появились плавающие линии фосфоресцирующих пузырей.

Если моя спутница оставалась неутомимой, о себе того же я не мог сказать. Мне не хотелось признавать свою слабость, но мне начинало казаться, что есть предел и моим возможностям. Может быть, Орсия прочла мою мысль; а может, готова была согласиться, что она не из металла, как машины колдеров, исполнявшие в старину их повеления, что она тоже знает усталость и боль в теле.

За руку она втащила меня в нору, такую же, как та, в которой мы нашли убежище на пути в Долину. Норой давно не

пользовались: совсем не было звериного запаха. В ней едва хватало места на нас двоих, и то пришлось скорчиться и прижаться друг к другу.

— Отдыхай, — сказала Орсия. — Нас ждет еще долгий путь, а ночью я не вижу ориентиры.

Мне казалось, что я не смогу уснуть, однако я уснул. В отличие от прошлой ночи, мне ничего не снилось. Во всяком случае, я не помнил свои сны. Но проснулся с ощущением голода и жажды. Остатки продуктов исчезли вместе с мешком, который я использовал как оружие. С тех пор уже целые сутки мы почти непрерывно двигались, и я совсем забыл о еде. Теперь придется не обращать внимания на предупреждение Дахаун.

Мы спали так близко друг к другу, что я не мог поменять положение, не разбудив спутницу. Она что-то сонно пробормотала, когда я выбирался. Меня подгонял гложущий голод, необходимо чем-то заполнить пустой желудок.

Я уловил мысль Орсии:

— Что случилось?

— Ничего, насколько мне известно. Но нужно найти пищу.

— Конечно. — И она с гораздо большей легкостью присоединилась ко мне у реки. Утес загораживал прямые лучи солнца, но было достаточно света, чтобы я решил, что день предстоит ясный.

— Ага. — Моя спутница вброд пошла по воде у берега. И вдруг неожиданно, словно ее схватили за лодыжки и потащили вниз, исчезла! Я с плеском устремился к ней, не зная, что обнаружу. И хоть нырнул в том месте, где она исчезла, и попытался нащупать ее пальцами, ничего не нашел. Но услышал негромкий смех.

Орсия стояла, деловито очищая от кожицы корень. Потом энергично потерла корень ладонями и протянула мне. Корень стал белым.

— Ешь! — Это было не приглашение, а приказ.

— Дахаун сказала... — Я нерешительно взял корень и посмотрел на него.

— Верно, — согласилась Орсия. — Есть в этих местах, где долго царила Тень, такое, что может убить, ослепить, отнять память, даже разум. Но это не заколдованная ловушка, а чистый плод земли и воды. Можешь есть так же спокойно, как продукты Долины.

Приободрившись, я вгрызся в корень. Под зубами он крошился и имел чистый, слегка сладковатый вкус. Орсия снова нырнула и вернулась назад прежде, чем я проглотил последний кусок корня. Корень был не только приятным на вкус, но и сочным и утолил жажду.

Она приготовила еще один и дала мне и только потом взяла два себе. Берега стали круче и выше, уровень воды постоянно поднимался. Мы прикончили остатки завтрака и поплыли.

Я не мог сравниться с Орсией и не пытался; считаясь со своими возможностями, я только старался не терять ее из виду. К счастью, время от времени она останавливалась и ходила по воде, оглядываясь в поисках ориентиров, о которых упомянула накануне вечером. Однажды резким жестом подозвала меня к берегу и, дернув за плечо, приказала затаить дыхание. Мы нырнули.

— Наверху часовой руз, — мысленно пояснила Орсия. — У них острое зрение, но вода искажает то, что в ней. Если руз не опустится ниже, не думаю, что нам нужно его опасаться.

Немного погода ее хватка ослабла, и я смог вынырнуть. Но мы продолжали держаться в тени крутого правого берега. Местность казалась мне такой же дикой и пустынной, как та, что окружает владения Лоскиты, хотя здесь нет странных растений с мясистыми листьями, и движемся мы не по скалам, а по воде.

С берегов свисали выющиеся растения, одни тонкие, как нить, другие толщиной в мою руку. Я не нуждался в предупреждении Орсии, чтобы сторониться их, потому что на вид они были такие отталкивающие, что невозможно было поверить, будто от них может быть что-то хорошее. Бледно-

зеленые, с каким-то болезненным блеском, они словно состояли из гнили. И от них исходило такое зловоние разложения, что можно было задохнуться, пытаясь не дышать рядом с ними. Я заметил, что хоть их нити свисают к самой реке, там, где они касаются воды, превращаются в высохшие скелеты. Должно быть, вода их убивает.

— Теперь уже недалеко. — В мысли Орсии улавливалось облегчение.

Она пошла по воде в том месте, где река делала резкий поворот. Здесь растения поредели, и сквозь их тошнотворные заросли виднелся какой-то изъеденный непогодой выступ. Скала ли это? Я догнал Орсию и стал всматриваться внимательно.

Не скала: чья-то рука сознательно обработала камень. Должно быть, голова, подумал я. Но теперь уже невозможно сказать, голова ли это человека или зверя, чудовища или духа. Вместо глаз две глубокие ямы, и взгляд на них снизу (голова наклонена так, словно смотрит вниз, а мы смотрим на нее снизу) вызывает тревожное ощущение, как будто из этих углублений и сейчас что-то внимательно наблюдает за нами.

— Страж, но не из нашего времени, и нам можно его не бояться, хотя существовал он именно для этого. Теперь... — Она проплыла некоторое расстояние и снова повернулась ко мне.

— Для крогана это нетрудно, но для тебя Кемок... — Она явно колебалась. — Нам предстоит уйти под воду и какое-то время там находиться. Не знаю, способен ли ты выдержать.

Я вспыхнул: ясно, что она считает меня слабым звеном, о котором нужно заботиться. Хотя логика подсказывала мне, что она права, когда речь заходит о водных путях, чувства не подчинялись логике.

— Пошли! — Я несколько раз глубоко вдохнул и выпустил воздух, вентилируя легкие. Орсия нырнула в поисках скрытого прохода. Но вот она вынырнула прямо передо мной.

— Готов?

— Как никогда.

Я сделал последний вдох и нырнул. Рука Орсии на моем плече показала путь в темноту. Я плыл со всей скоростью, какой владею, легкие разрывались, потребность вынырнуть и глотнуть воздух стала так велика, что заставила забыть обо всем. Больше я не мог выдержать и поплыл вверх. Плечом и затылком ударился о камень. Оттолкнулся, послал тело вперед, отчаянно царапал потолок, а дальше — неожиданно голова выскочила из воды, и я снова мог дышать!

Но вынырнул я в полной темноте. И как только сделал несколько вдохов, почувствовал, как меня охватывает тревога. Не было ничего, кроме воды и тьмы; тьма давила и душила, несмотря на пронизывающий холод.

— Кемок!

— Здесь! — Ужасное ощущение одиночества и покинутости оставило меня.

Пальцы схватили меня за руку, и я понял, что Орсия рядом. Ее слова разогнали мрак и сделали его частью реального мира.

— Это проход. Отыщи стену и используй ее как проводника, — сказала Орсия. — Больше нам не придется двигаться под водой — по крайней мере, до того места, куда я доходила одна.

Я плескался, пока не коснулся стены вытянутыми пальцами.

— Как ты оказалась здесь — и почему?

— Как ты знаешь, мы общаемся с другими водными жителями. Один мерфей рассказал мне об этом отверстии и показал его. Он приходил сюда охотиться на квасфи; их там большая колония. Мимо протекает сильный поток и приносит с собой пищу, которая нравится квасфи, поэтому здесь они вырастают до необычного размера. Мне всегда нравилось исследовать незнакомые места, поэтому я спустилась и обнаружила, что не я, не мерфей и не квасфи первыми узнали об этом месте.

— А кто?

— Увидишь сам.

— Ты можешь там видеть? Разве не везде темнота?

Снова я услышал ее негромкий смех.

— Бывают разные источники света, Кемок из-за гор. Даже в таких местах, как это.

Мы продолжали плыть в темном проходе. Потом я заметил, что мрак рассеивается, сменившись постепенно усиливающимся сероватым светом. Свет не такой яркий, как от факела или лампы; скорее он похож на переход от ночи к утру.

Потом туннель кончился, и мы оказались в пустом пространстве, но таком большом и тускло освещенном, что я не мог представить себе его размеры. Должно быть, это внутренности полой горы. Свет не рассеян повсюду, а приходит от подводных участков, и в этом свете вблизи показалась короткая полоска берега, усеянного камнями.

Я поплыл к берегу. Он обещал безопасность, какую я не надеялся найти. Выбираясь на него, я заметил, что светятся полуоткрытые раковины, которые большими гроздьями покрывают камни под водой.

— Квасфи, — показала на них Орсия. — Не только мерфи они нравятся. Те, что глубже, вкусней.

Она нырнула, и я потерял ее из виду. Стоял на полоске сухой земли и пытался разглядеть пещеру. С меня капала вода. Ни следа разумных обитателей. Того, что обещала показать мне Орсия, не видно.

Из воды появилась кроганская девушка, мокрые волосы прилипли к ее голове, а платье — к коже. В руке она держала сумку — я вспомнил, что во время бегства по горам она несла эту сумку с собой, — а в сумке светились раковины. Но как только Орсия вышла из воды, свет начал меркнуть и почти совершенно исчез, когда девушка подошла ко мне.

Взяв у меня нож, девушка привычно принялась открывать раковины. Быстрым ударом вырезала жителя раковины и протянула мне, причем его жилище служило тарелкой.

Я давно научился не быть слишком разборчивым в таких делах. Когда голоден, ешь то, что повезет найти. Жизнь

разведчика-пограничника не позволяет привыкать к изысканной пище, как не дает ни теплых мягких постелей, ни спокойного сна.

Я поел. Мясо жесткое, приходилось его усиленно жевать. Вкус необычный, не такой приятный, как у корней. Но в то же время не отталкивающий; глядя на обилие раковин вокруг, можно было не опасаться голодной смерти.

Опустошенные раковины Орсия не выбрасывала, но снова прятала в сетку, опускала туда осторожно и так, чтобы внутренняя поверхность была направлена наружу; чтобы раковины не перевернулись, она помещала в них небольшие камни. Покончив с этим, встала.

— Ты готов?

— А куда мы пойдем?

— Туда. — Она показала, но я не мог сказать, предстоит ли нам идти на север или юг, на восток или запад.

Орсия вошла в воду, предварительно тщательно привязав сетку к поясу. Я пошел за ней и увидел, что как только сетка оказалась под водой, она начала призрачно светиться, словно вода подожгла раковины.

Мы удалялись от берега. Теперь раковины квасфи попадались реже, больше стало темных участков. Но дно под нами постепенно повышалось, и вскоре, когда вода доходила нам до пояса, я увидел в полумгле нависшие стены и решил, что мы находимся в расселине, уходящей в глубь утеса.

Когда вода достигла колен, Орсия отвязала сумку и потащила за собой на ремне, следя, чтобы сумка оставалась под водой и продолжала светиться.

Щель снова расширилась. Я опять увидел свечение скоплений живых квасфи. Но... Я остановился и стоял, осматриваясь.

Здесь не было скалистого пляжа, который служил раковинам жизненным пространством. Напротив, они сидели на платформах, над которыми, выходя из воды, возвышались разные фигуры. Фигуры двумя рядами уходили от того места,

где мы стояли, к какой-то едва различимой в тусклом освещении темной массе.

Вокруг фигур плескалась вода; к фигурам цеплялось множество пустых раковин квасфи, свидетельствуя, что когда-то эти фигуры полностью находились под водой.

Фигуры человекоподобные, хотя некоторые так закутаны в плащи или одеяния, что об их очертаниях трудно догадаться.

Да, фигуры человекоподобные, но без лиц! Головы на этих плечах лишены черт, это просто овалы, но в каждом глубокие глазницы, такие же, как у фигур на наружном утесе.

— Идем! — Орсия пошла между рядами стоящих фигур, по-прежнему таща за собой сумку. Проходя мимо, она не смотрела на них, но направлялась прямо к темной массе впереди.

Идя вслед за ней, я испытывал странное ощущение, словно из этих глазниц за нами наблюдают, отвлеченно, отчужденно, но все же наблюдают.

Я споткнулся, с трудом сохранил равновесие и понял, что нахожусь на лестнице, которая ведет из воды. Перед нами располагалась широкая платформа, а на ней здание. Свет был так слаб, что я не мог определить размеры сооружения. Темные пятна на стенах предполагали наличие окон и дверей, но исследовать все это без подходящего освещения глупо. Так я и сказал Орсии. Мы уже далеко отошли от воды, и сетка с раковинами квасфи больше нам не помогала.

— Конечно, — согласилась она, — но подожди и увидишь.

Мы вместе поднялись по лестнице и ступили на платформу. И снова я изумленно остановился.

Как только наши ноги коснулись площадки, она засветилась. Свет слабый, не ярче того, что исходил от раковин, но его достаточно, чтобы идти уверенно.

— В этом месте какое-то волшебство, — сказала Орсия. — Наклонись, прижми ладони к камню.

Я послушался. Она сделала то же самое. В том месте, где мои пальцы коснулись камня (камень ли это? — на ощупь не похоже), свет вспыхнул ярче.

— Сними сапоги! — Она прыгала на одной ноге, снимая свою тесную обувь. — Света больше, когда его касается кожа.

Мне не хотелось следовать ее примеру. Но когда она уверенно пошла вперед, а потом удивленно оглянулась, я снял сапоги и понес их в руке. Девушка права: под нашими подошвами свет усиливался, и мы могли разглядеть темное здание.

Окна не застеклены, двери представляют собой широкие открытые порталы. Я пожалел, что потерял меч в реке. Орсия вернула мне нож, у него закаленное восьмидюймовое лезвие, но в таком месте воображение рисует картины опасностей, с которыми не справишься с таким оружием.

Никакой резьбы, никаких украшений, ничего, что нарушало бы строгий вид стен; только темные отверстия окон. Но когда мы вошли внутрь, сопровождавший нас свет вспыхнул вдвое ярче. Мы стояли в пустом помещении. Перед нами длинная стена, и в ней десять отверстий. Это прочно запертые двери, и я не вижу запоров или ручек, вообще никаких средств для открывания. Орсия подошла к двери, расположенной непосредственно перед нами, нажала на нее рукой. Дверь не подалась.

— Я раньше так далеко не заходила, — сказала она. — Раньше здесь было древнее предупреждающее заклятие, теперь оно исчезло.

— Предупреждающее заклятие! — Я рассердился: она подвергла нас опасности. — И мы пришли сюда безоружными...

— Очень древнее заклятие, — возразила она. — И оно отвечало на наши защитные слова, а не их.

Приходилось принять ее объяснение. Но есть способ его проверить. Я обвел взглядом ряд закрытых дверей. И произнес два слова, которые узнал в Лормте.

Глава 11

Это не были Великие Слова, как те, на которые мне *ответила* сила, это слова испытания и одновременно защиты.

Когда эти слова прозвучали в узком помещении, в котором мы стояли, свет под нашими ногами ослепительно вспыхнул, и я услышал негромкий возглас Орсии. Послышался раскат грома, низкого и далеского. И в этом новом свете я увидел, что дверь, к которой прикладывала руку моя спутница, распадается на куски. Куски падали на пол, рассыпаясь в пыль. Орсия отскочила.

Но только одна дверь оказалась затронутой. Как будто прикосновение Орсии направило силу слов. Мне показалось, хотя не могу быть уверен: слишком быстро все произошло, — показалось, что дверь начала раскалываться в том месте, где ее коснулись пальцы девушки.

Затем послышался *ответ* — не такой, как перед этим, а что-то похожее на пение. Он быстро кончился, и мы не поняли из него ни слова.

— Что это?..

Орсия покачала головой.

— Не знаю, хотя это очень древнее. Некоторые звуки... — Она снова покачала головой. — Нет, не знаю. Мне кажется, это охрана, призванная ответить на такие призывы, как наш. Теперь, когда дверь открылась, мы можем не бояться.

Я не разделял ее уверенности. И удержал бы ее, когда она решительно шагнула в дверь, но я находился слишком далеко от нее, и она легко увернулась. Ничего не оставалось, как последовать за ней.

Свет окутал нас сверкающим облаком, пронизанным золотистыми отсветами.

Мы оказались в квадратном помещении, в центре которого две ступени вели на помост, к трону с высокой спинкой и широкими ручками; трон был пуст. Во мне проснулось вос-

поминание. Я вспомнил, как мой отец, Корис и другие уцелевшие во время кораблекрушения нашли высоко в горах Карстена склеп легендарного Вольта; Вольт сидел на таком же троне, держа на коленях большой боевой топор. Корис решил взять этот топор себе. И как только взял, останки Вольта рассыпались в пыль, как будто легендарный герой только дожидался смелого и сильного воина, который посмеет взять оружие, предназначенное, казалось, не для обычного человека, а для полубога.

Но здесь не было высохшего от времени тела. А что было, не могу сказать, потому что не видел. Голубое свечение падало на трон, и можно было только разглядеть, что на нем что-то лежит. Но неживое. Я знал, что мы в могиле, подобной склепу Вольта.

Ничего страшного, никакого болезненного ощущения эта голубая дымка над троном не вызывала. Скорее нечто приветственное... Я поразился собственным мыслям и чувствам.

— Кто это?

Орсия сделала еще один шаг вперед, потом второй, третий; теперь она стояла у самого основания помоста и смотрела вверх, на голубое туманное облачко.

— Искто, не желающий вам вреда, — пришел мысленный ответ, явно посланный не Орсией.

Вокруг помоста лежали груды ларцов и шкатулок. Некоторые полуистлели и рассыпались. Из них высыпались груды соковок, каких я никогда не видел в одном месте. Но мой взгляд был прикован к ступеньке, на которой лежал хорошо видный в этом свете меч.

Рука моя словно по собственной воле потянулась к рукояти. У лезвия нет голубоватого оттенка высокосортной закаленной стали, оно казалось золотистым, но, возможно, это результат странного освещения. Рукоять как будто вырезана из одного куска желтого кварца, в котором проблескивают красные, золотые и синие искорки, словно сгущается и расходится туман. Меч показался мне чуть длиннее обыч-

ного, к какому я привык. Но никаких следов времени на нем не было.

Я хотел его больше всего в жизни. Желание было острым, как физический голод, как потребность напиться в пустыне.

Такие ли чувства испытывал Корис, когда смотрел на топор Вольта? Если да, я больше не удивляюсь тому, что он взял топор. Но Вольт не помешал ему овладеть оружием. Посмею ли я сделать здесь то же самое?

Грабить мертвых — страшное преступление. Но Корис попросил у Вольта разрешения, взял топор и с его помощью совершил великие деяния ради своего народа.

Взять меч мертвеца — в какой-то степени значит сравняться с прежним владельцем. Салкары верят, что человек, взявший меч мертвеца, может оказаться во власти призрака и совершить такие подвиги, на которые обычно не решился бы. А если призрак мстителен и ревнив, то и устремиться навстречу своей судьбе. Тем не менее, известно, что салкары грабили могилы, добывая прославленное оружие: не в Эсткарпе, а на севере, где они жили когда-то, до того, как заключили союз с мудрыми женщинами. У них есть саги о деяниях, совершенных таким оружием.

Я пытался подавить всепоглощающее желание взять в руки эту золотую рукоять. Но есть стремления, которые неподвластны разуму; они бывают даже у таких, как я, кто всю жизнь пытается сначала думать, потом действовать. И на этот раз искушение победило.

Я опередил Орсию и опустил на одно колено. Но протянул к рукояти меча не левую руку, а искалеченную правую: это произошло само собой. Пальцы, которые еще не потеряли подвижности, сомкнулись на рукояти. Но в последнее мгновение благоразумие взяло верх, я заставил себя оторвать взгляд от меча и посмотрел в голубой туман.

В его глубине показалась неясная фигура: я был лишь уверен, что там кто-то есть. Корис взял топор Воольта, но

сделал это смело, принял как подарок, а не как награбленное. Могу ли я сделать меньше здесь и сейчас?

Как ни трудно, я отвел руку: пальцы словно вопреки моей воле пытались удержать рукоять. Не вставая, я вслух обратился к тому, кого укрывал туман.

— Я Кемок Трегарт, из Эсткарпа, из-за гор. Я ишу то, что отнято у меня обманом: в честной битве я потерял свой меч. Если уйду отсюда безоружным, проиграю. У меня нет ни героического имени, ни славы. Но я могу произнести эти слова и не погибнуть...

И я снова произнес слова из Лормта, которые открыли для нас дверь. Но на этот раз это был не вызов и не воинский выкрик, скорее свидетельство: сидящий на троне поймет по ним, что я не принадлежу Тени; я из числа тех, кто поднял щит против Тьмы.

Не знаю, какого результата я ожидал от своих слов. Произойти могло все что угодно. Сидящий в голубом тумане мог встать и приветствовать меня или нанести удар. Но не произошло ничего, сияние не изменилось. Не было даже эха.

Я чувствовал себя нелесо. Но, не колеблясь, поднял руку в приветствии, какое отдал бы военному вождю.

А потом взял меч. На нем никак не отразилось время. Ни пятнышка ржавчины на поверхности. Лезвие острое и чистое, какое только можно пожелать. И опять искалеченная рука сомкнулась вокруг рукояти с легкостью, которую я не испытывал с того момента, как затянулась рана.

Встав, я порылся в кармане рубашки и извлек шарф, промокший и похожий на веревку. И сделал из него импровизированную персвязь, потому что в пустые ножны на поясе меч не войдет.

— Ты сделал то, что должен был сделать. — Впервые за долгое время я уловил мысль Орсии. — Мы не видим весь рисунок, сотканный Великими: нашему взору доступны лишь отдельные нити. Ты взял больше чем меч: да будет наша ноша не слишком тяжелой.

Я подумал, разделяет ли ее племя веру салкаров в оружие мертвых. Меч не казался мне тяжелым. Напротив, взяв его в руки, я ощутил какое-то новое нетерпение, желание идти вперед, добиться намеченной цели.

И уже повернулся к выходу. Но Орсия не пошла за мной. Я удивленно оглянулся. Она медленно обходила трон и сидящую на нем туманную фигуру, разглядывая груды сокровищ. Неужели то, что я сумел взять меч, подтолкнуло ее на собственные поиски? Я хотел возразить, но меня остановило одно соображение. Орсия поступает так, как считает нужным, и не мне задавать ей вопросы.

Теперь она оказалась за троном и там задержалась. А когда вышла, держала в руке короткий стержень. Стержень конусообразный, один конец заостренный; девушка держит стержень этим концом вверх. И поверхность стержня не гладкая, она покрыта бороздками, спиралью проходящими по всей длине. Стержень цвета слоновой кости, и, когда Орсия повернула его, мне показалось, что с острия сорвалась белая искра.

Стержень недостаточно длинен для оружия, да и форма не подходит. И он не украшен драгоценностями, у него нет дорогой ручки. Что это такое, какова его цель — я не мог догадаться. Но Орсия держала его осторожно и с таким видом, словно для нее он так же важен, как для меня меч. Вот она повернулась лицом к туманной фигуре. Не опустилась на колени, как я, когда произносил свою полупросьбу. Заговорила — не мысленным посылом, а той своеобразной монотонной речью, которая характерна для ее народа.

— Я Орсия, из племени кроганов, хотя кроганы больше не называют меня своей дочерью или другом. Я способна владеть тем, что взяла из шкатулки. Я владею силами, хотя и не большими, и у меня есть оружие, но не выкованное на огне из расплавленного металла. Я беру, потому что знаю, что это такое и что может сделать, и потому, что такова, какова есть, и иду туда, куда иду.

Она подняла конусообразный стержень, держа его между собой и закутанной фигурой. На этот раз с острия сорвалась не искра, а ослепительно белое пламя. Орсия повернулась и быстро присоединилась ко мне.

Выходя на наружную платформу, мы не разговаривали. Перед нами снова дорога, по которой мы пришли, дорога между безликих статуй с ямами вместо глаз. Я уже собирался двинуться по ней, когда Орсия остановила меня, подняв руку. Она слегка наклонила голову вперед и медленно поворачивала из стороны в сторону; ноздри ее раздувались, как будто она ловила какой-то запах. Но я ощущал только обычный запах, который бывает в подземных пещерах. Очевидно, ее насторожило что-то такое, чего я не чувствую.

— Что?.. — начал я полусшепотом.

— Тасы, — ответила она тоже шепотом, — и что-то еще.

Я высвободил меч. Подземелье — дом тасов. Здесь и мне и, возможно, Орсии так же трудно действовать, как мне под водой. Я пытался уловить какой-нибудь запах в воздухе, но мои чувства не так остры.

— Они идут... оттуда. — Стержнем она показала на дорогу меж статуй. — Идем сюда... — она показала направо, вдоль здания. Я не понимал, что это нам даст, но Орсия была здесь раньше; возможно, она знает больше, чем показала мне.

Я обул сапоги, а она — свою обувь из чешуйчатой кожи. Благоразумно идти как можно незаметней, в обуви мы вызовем меньшее свечение. И мы торопливо пошли вдоль стены с пустыми отверстиями окон к концу здания.

Здание сооружено на платформе, которая шире его и уходит в тень, к стене пещеры. Снова Орсия высоко подняла голову, пригнувшись.

— Чувствуешь движение воздуха? — спросила она.

И когда она это сказала, я ощутил воздушный поток, исходящий от заднего края платформы.

— Вода, свежая вода. — Орсия побежала, мне пришлось удлинить шаг, чтобы не отставать от нее.

Когда мы удалились от гробницы, девушка пошла немного медленней. Светильник Орсии из раковин бесполезен без воды, и мы шли в темноте, почти такой же полной, как тьма первого подземного туннеля, который мы оставили позади. Но что ждет нас впереди? Тасы сейчас наверняка роют ходы. Что если они поджидают нас там, куда ведет Орсия?

— Впереди тасов нет. — Девушка уловила мою мысль. — Не думаю, чтобы они раньше посещали это место. Там, где они проделывают свои ходы, остается их зловоние. Но... хотела бы я знать, кого они привели с собой и что теперь движется перед ними. Никогда раньше не ощущала такой запах.

Мы достигли конца платформы. Орсия шевельнулась рядом со мной, и появился свет — стало видно, что она сняла обувь с одной ноги и наступила на пол.

Впереди вверх уходила стена пещеры. Между нею и платформой — пространство, полное воды. Вода течет из арки справа от нас, журча, протекает мимо и исчезает в темноте. Орсия снова обулась, и свечение мгновенно погасло.

— Возьми шарф, на который повесил меч. Держи его за один конец, мне дай другой. Мы уходим в воду.

Я послушался и, когда ощутил резкий рывок шарфа Каттеи, неохотно погрузился в воду, надеясь, что здесь неглубоко и голова моя останется в воздухе. Но воды оказалось только по пояс. Оказавшись в воде, светильник Орсии ожил.

Девушка направилась к арке. Я обнаружил сильное течение, нам приходилось двигаться против него. Через несколько мгновений ощутил еще кое-что: лампа из раковин светила все более тускло. Я опасался, что вскоре мы снова окажемся в темноте. На мой тревожный вопрос Орсия ответила утвердительно. Раковины квасфи недолго сохраняют свечение после гибели своих обитателей. Скоро свет совсем погаснет.

— Ты знаешь эту дорогу? — спросил я чтобы успокоиться.

Орсия одной рукой прижимала к груди стержень и конец шарфа, в другую набрала немного воды и лизнула.

— Нет, но эта вода совсем недавно текла на открытом воздухе под солнцем. Она выведет нас.

Пришлось удовлетвориться этим.

Мне трудно было выдерживать все углубляющуюся темноту. Мне всегда было не по себе в подземельях: приходилось подавлять ощущение, что стены сдвигаются и вот-вот раздавят. Орсия таких чувств не испытывала, может быть, потому что мы шли по воде, а я свои скрывал от нее.

Настойчивый рывок шарфа. Я остановился и прислушался. Орсия не пыталась общаться со мной мыслью, но рука ее скользнула ко мне вдоль шарфа, и мне не нужно было ее пожатие, чтобы понять предупреждение.

Возможно, мои чувства не так остры, но теперь я тоже услышал — впереди какой-то плеск. Наш светильник совсем погас, мы были в полной темноте. Я коротко взмахнул мечом справа от себя. Острие задело за стену; ориентируясь на это, я прижался к стене, потащив за собой спутницу: прочная поверхность создавала ощущение безопасности. Плеск приближался. Что за чудовище обходит эти темные подземные пути?

Впервые Орсия заговорила вслух. Она была совсем рядом со мной, и я ощутил ее дыхание на щеке и услышал шепот:

— Я этого не знаю. Не могу связаться и окликнуть приветственным окликом. Не знаю, обитатель ли это водного мира.

— Может быть, тасы?

— Нет. Тасов я бы узнала. — В ее ответе звучало отвращение.

Мы продолжали слушать. Еще можно отступить, но на платформе с гробницей нас ждут тасы. В этот момент мне не хватало дара Киллана, который умеет мысленно общаться с животными и подчинять их своей воле. Он повернул бы того, кто там плещется, отослал бы его от нас — конечно, если это животное, а не какое-нибудь отвратительное порождение Тени, высвобожденное в этом месте.

Неожиданно Орсия сильней сжала мне руку. Хотя мы стоим в полной тьме, впереди появился свет — два сероватых

пятна как раз над поверхностью воды. От них исходило рассеянное свечение. Два пятна на одной линии...

Глаза! Но глаза светящиеся и размером с мою ладонь: если голова пропорциональна им, то такого крупного животного я никогда не видел!

Я оттолкнул Орсию к стене за моей спиной. Меч у меня был в искалеченной правой руке; теперь я попытался переместить его в левую руку. Но, к своему отчаянию, обнаружил, что не могу ухватить его: даже неподвижные пальцы правой держали лучше.

Глаза, которые находились на уровне воды, неожиданно поднялись выше моей головы. Мы услышали свистящее шипение: существо остановилось. Я не сомневался, что оно увидело нас, хотя свет, отбрасываемый его глазами, не доходил до нас.

Так как я вижу только пятна глаз, на них и следует напасть. Свист становился громче. В лицо ударил гнилостный запах, словно существо выдохнуло. Я поднял меч, и, хотя владею им с детства, мне показалось, что никогда оружие не становилось таким естественным продолжением моего тела.

Глаза устремились вниз; теперь, оставаясь на уровне воды, они были гораздо ближе. Снова порыв гнилого дыхания.

— Кемок! — Мысленный призыв Орсии прозвучал настойчиво и резко. — Не смотри в эти глаза... Ах! Держи меня.. держи меня крепче...

Я почувствовал, как она пытается вырваться из-за меня, протиснуться между мной и стеной.

— Оно притягивает! Держи меня... — Она прокричала это вслух: ее охватил ужас.

Я не решился ждать дольше. Толчком плеча отправил ее назад и услышал всплеск: должно быть, она упала в воду. Если глаза подчиняли ее себе, на меня они не действовали.

Против такого течения не побежишь. Я словно двигался сквозь сыпучий песок, все время опасаясь потерять опору. Глаза теперь были на уровне моей талии... если у этого суще-

ства череп пропорциональных размеров, челюсти должны находиться под водой.

— Ситри!

Это не мое слово, но я выкрикнул его, как воинский клич. Я словно перестал быть Кемоком Трегартом, превратился в другого бойца, которого не смущают ни тьма подземных ходов, ни природа неизвестного зверя. Сам я как будто отошел в сторону и теперь с благоговением наблюдаю за действиями собственного тела. Моя искалеченная рука действовала, словно меня не ранили много лет назад; я прыгнул вперед в воду, чему меня никогда не учили, и ударил.

Золотой меч попал в один из светящихся дисков. С ужасающим ревом вздыбилась огромная масса. Но рука продолжала прочно держать меч, и хотя что-то, должно быть, гигантская лапа, отбросило меня в сторону, я встал, прижался к стене, продолжая смотреть на уцелевший диск.

Чудище ударило меня, и я ответил коротким ударом меча, не очень надеясь на удачу. Меч попал во что-то твердое, скользнул вниз и разрезал второй диск. И тут меня прижало к стене тяжелое чешуйчатое тело. Если бы я оказался под водой, то задохнулся, потому что от силы удара весь воздух вышел у меня из легких. Придя в себя, я почувствовал, что туловище зверя наполовину накрыло меня. Чудовище не двигалось.

Я осторожно пощупал левой рукой: чешуйчатая шкура, а под ней — что-то похожее на лапу. Все это неподвижно. Отвращение заставило меня попытаться высвободиться. Наконец мне удалось выдернуть ноги. Меч я продолжал держать в руке, как будто только собственное сознательное усилие могло заставить меня его выпустить.

— Орсия! Орсия!

Вначале я позвал вслух, потом мыслью. Неужели и ее захватила схватка и теперь она лежит под тяжелой тушей существа, которое я, очевидно, убил?

— Орсия!

— Иду... — Мысленное прикосновение с некоторого расстояния. Я прижался к стене и попытался ощупью установить, не ранен ли. Ребра и бок болят от прикосновения, но мне показалось, что ничего не сломано. Кожаная рубашка разорвана на плече.

Но мне повезло, слишком повезло, чтобы думать, что это всего лишь удача. Неужели салкары правы? Неужели, взяв в руки меч, я одновременно овладел некой сущностью того, кому он когда-то принадлежал? Что означает странное слово, которое я бросил в лицо (если у чудища есть лицо), когда напал? Я не забуду это слово... никогда не забуду...

— Кемок?

— Я здесь!

Она приближалась. Я протянул руку, коснулся ее пальцами, и тут же она цепко ухватила меня за запястье.

— Я упала в воду. Кажется, меня оглушило. И унесло течением. Что... что случилось?

— Тварь мертва.

— Ты ее убил!

— Убил меч. Я просто держал оружие убийства. Но, кажется, мы выбрали опасную дорогу. Если встретили один сюрприз, можем встретить еще.

— Тасы идут... и с ними другой...

— Какой другой?

— Не знаю. Но только он из Тени. Он даже отдаленно не похож на человека, и они боятся его, хотя вынуждены терпеть.

Итак, мы по-прежнему должны идти вперед. Мы с трудом перебрались через тушу твари. За ней вода ручья, перегороженного тушей, поднялась. Уровень ее, который раньше доходил до колен, продолжал расти. Мы ускорили шаг: я опасался, что проход совсем закроет.

— Ты сказала, что тебя притягивают глаза? — расспрашивал я Орсию по пути.

И почувствовал ее удивление.

— А тебя они не притягивали? Ничего нельзя было сделать, только сдаться — идти туда, куда оно приказывает. Но, конечно, ты не почувствовал, иначе не смог бы сражаться! Поистине, у тебя есть собственный страж, человек из-за гор!

Насколько могла объяснить Орсия, взгляд чудища подавил ее волю и притягивал к себе. Я подумал, что так оно могло охотиться в этих подземных переходах, привлекая к себе добычу. Но нас обоих поразила моя неподвластность этому заклятию. Наверно, к этому имеет какое-то отношение меч. Как это ни глупо, я был убежден, что в прошлом меч не раз использовали против таких существ, и то, что пришло мне на память, было воспоминанием о прошлых схватках.

К нашему облегчению, вода поднялась не выше груди; я подумал, что сделают тасы с тушей, когда наткнутся на нее в туннеле.

Поток закончился бассейном; впереди слышался гул водопада. При дневном свете, правда, тусклом и доходящем с расстояния, мы увидели этот водопад, покрытый пеной; он исходил из какого-то отверстия вверху.

Глава 12

Пена от водопада окутала нас туманом дождя. Но здесь по крайней мере можно видеть. Я вместе с Орсией прижался к стене, подальше от падающей воды, и принялся разглядывать отверстия над нами. Их было три.

Ясно, что вблизи водопада подниматься невозможно: скала совершенно скрывается под брызгами. Второе отверстие тоже нам не подходит: оно в крыше пещеры, и до него может добраться только крылатый человек. Поэтому я стал изучать третье. Это узкая щель справа от водопада, и по большей части подъем к нему проходит вдали от воды.

Но даже если мы сможем к нему подняться, мы не знаем, что ждет нас на дальней стороне и в какую местность

мы попадем. Я сказал об этом Орсии, но она покачала головой.

— Мы на высокогорье. Перед тобой по-прежнему Темная башня.

Я не понимал, почему она так уверена в направлении. Но не стал с ней спорить.

— Карабкаться можешь? — Я не знал, сможет ли она своими ногами с перепонками цепляться за камни.

— Пока не попробуешь, не узнаешь, — ответила она.

Как я и опасался, даже здесь камни были скользкими от воды. Мы находились на самом краю постоянного фонтана брызг, и стена, на которой были опоры для рук и ног, не позволяла прочно схватиться за них. Здесь спешить невозможно.

Я двинулся первым, проверяя каждую опору, прежде чем доверить ей тяжесть своего тела. Время от времени оглядывался, чтобы убедиться, что Орсия следует за мной. Казалось, она не испытывает особых трудностей, хотя движется осторожно. Примерно через две трети подъема я наткнулся на щель в скале, невидимую снизу. Это было небольшое углубление, не заслуживающее названия карниза, но оно предоставило нам место для отдыха, в котором мы очень нуждались после многих часов бегства.

Я лег на выступ, протянул вниз руки и помог Орсии взобраться. Она устроилась рядом со мной на тесной площадке. Но повернулась к очень узкой щели за нашими спинами; ноздри ее распахнулись, она глубоко вдыхала воздух, словно приноживалась.

— Тасы!

— Здесь? — Узкая площадка — не место для схватки. И подниматься тоже опасно: могут напасть снизу.

— Сейчас нет, — немного погодя ответила девушка. — Но щель ведет к их логову. Нам лучше не задерживаться здесь.

Она права. Вход в норы тасов — не место для отдыха, особенно когда легкого толчка достаточно, чтобы сбросить

нас обоих вниз. Я встал, пытаюсь забыть боль в плечах и усталость рук. Большую часть подъема мы одолели. *Думать только о двух дюймах перед собой... о следующей опоре... потом еще о следующей...*

Последняя часть подъема представляла собой сплошную медленную боль. Искалеченная рука онемела. Я видел, как она движется и цепляется за камни, но сам камень под пальцами не чувствовал. И постоянно испытывал страх перед падением в пропасть.

Но именно эту руку я наконец просунул через отверстие во внешний мир. Не похоже на свет солнца. Мне показалось, что снаружи буря. Но, распрямившись, я обнаружил, что мы все еще находимся на дне ущелья. Здесь протекал ручей, который образует подземный водопад. Остальное — только скалистые стены и песок. Я повернулся и вытащил Орсию.

Выглядели мы с ней дико, в порванной одежде, с кровоточащими царапинами на руках и ногах, с многочисленными синяками, в грязи и с другими следами нашего трудного пути. Но я испытывал облегчение оттого, что выбрался из подземных путей, у меня даже закружилась голова. Впрочем, возможно, от недоедания.

Орсия подошла к краю ручья, опустилась на колени, внимательно глядя на воду, как смотрела на песок Лоскита. Затем быстрым движением руки выхватила из воды какое-то извивающееся существо с длинным телом, больше похожее на змею, чем на рыбу. Ударив существо о камень, девушка оставила его здесь и снова принялась охотиться. Как ни голоден я был, никакого аппетита при виде ее добычи не испытал. Но Орсия старательно запрятала добычу в сумку, из которой предварительно выбросила пустые раковины квасфи.

Мы пошли по узкому ущелью, я — у стены, Орсия — по воде. Еще дважды она наклонялась, хватала рыбу и прятала в сумку.

Когда ущелье начало расширяться и появилась редкая растительность, сгущались сумерки. Мы немного отошли от

воды, и я нашел место, где большой камень и древний оползень создавали нечто вроде убежища. Орсия взяла мой нож и занялась рыбой, а я тем временем строил стену из камней.

Мысль о сырой рыбе мне не нравилась, но когда девушка протянула мне еду, я взял и старался не думать о том, что ем. Но оказалось не так плохо, как я ожидал, и хотя я все равно предпочел бы не питаться такой едой, все, что мне было предложено, съел.

Уже стемнело, но Орсия развернула шарф Каттеи и достала конусообразный стержень. И очень осторожно поставила перед нами на землю.

Установив стержень понадежнее, она наклонилась и подышала на него. Потом принялась делать жесты; один или два из них я узнал: такие же делала Каттея. Я понимал, что нельзя нарушать сосредоточенность девушки. Но мне было интересно, кто же все-таки такая Орсия. Может быть, кроганский эквивалент мудрой женщины?

Наконец она откинулась назад, растирая руки, словно озябнув или освобождаясь от чего-то на коже.

— Можно спокойно спать, — донеслась ее мысль. — У нас такой страж, какого не бывало со времени матери моей матери.

Мне хотелось расспросить ее, каким волшебством она воспользовалась. Но первый закон силы гласит, что нельзя спрашивать объяснений. Они могут даваться только добровольно. Однако в ее обещание безопасности я поверил. И хорошо, потому что не думаю, чтобы смог выдержать без сна еще одну ночь: тело и разум устали и тянули на землю.

Когда я проснулся, Орсия не спала; она сидела, держа руки над конусом, но не касаясь его: так греются у костра. Должно быть, она услышала, как я зашевелился, потому что вздрогнула, словно очнувшись от задумчивости, повернула ко мне голову.

Волосы ее высохли и превратились в серебристое облачко над головой. Почему-то в этот момент она меньше походи-

ла на человека, казалась более чужой, чем во время нашей первой встречи.

— Я прорицала... Ешь. — Она кивком указала на то, что лежало у моей руки. — И слушай!

Она говорила повелительно, как волшебницы Эсткарпа, и я автоматически подчинился. Прорицала? Слово было мне незнакомо, но я решил, что она имеет в виду предсказание будущего, как у Лоскиты. С меня хватит прорицаний.

Орсия прочла мою мысль и покачала головой.

— Я не имею дела с будущим, возможным или невозможным, только с опасностями этой земли. А их здесь много...

Я взглянул на долину. Ничего не видно, кроме кустарника и ручья.

— Глазам здесь нельзя доверять, — снова ответила она на мою мысль. — Когда смотришь, смотри дважды, трижды и не одним только зрением.

— Иллюзии? — предположил я.

Орсия кивнула.

— Иллюзии. Те, кто получает силу от Тени, искусны в создании иллюзий. Посмотри. — Она коснулась острия конуса ладонью, потом дотронулась до моего лба.

Я пораженно заморгал.

Камень недалеко от нас покрылся серой бородавчатой шкурой, отрастил готовые схватить когти, у него появились большие ищущие глаза.

— Посмотри на свой меч, — послышался мысленный приказ Орсии.

Должно быть, увидев вместо камня чудовище, я бессознательно потянулся к рукояти. Вдоль всего лезвия вспыхнули красные руны; они были словно написаны свежепролитой кровью. Но язык надписи был мне непонятен.

— Иллюзия? Или оно действительно здесь? Если здесь, почему не нападает?

— Потому что мы защищены от иллюзий.

Она отняла руку от стержня, и чудовище сразу превратилось в камень.

— Не знаю, как долго мы сможем здесь укрываться, и... — Она помолчала в нерешительности, потом продолжала: — И еще вот что. Мы можем идти вместе только до тех пор, пока есть вода. Я не могу идти только по суше. Последнюю часть пути тебе придется проделать одному.

— Тебе и не нужно идти со мной, — сразу ответил я. — У тебя есть возможность оставаться в безопасности. Оставайся здесь... — я не мог добавить: «И подожди моего возвращения», потому что был уверен: ни в одном из своих будущих я своего возвращения не видел. Но поиск только мой, и Орсии совсем не нужно разделять со мной его опасности.

Она как будто не слышала моих слов и не читала мыслей. Наклонилась и принялась внимательно разглядывать конусообразный жезл.

— Меч предупредит тебя. Не в моей силе прочесть его историю, потому что это история войн и воинов. Мой дар — в области воды и немного — на суше, по которой протекает вода. Но по нашей растерзанной земле блуждают сказания, переходя из уст в уста. Как ты видел, по этому лезвию течет кровь, когда поблизости зло. Поэтому, когда мы расстанемся, используй меч как пробный камень: проверяй все, что видишь. То, что кажется прекрасным и безопасным, может оказаться отвратительным и опасным. Не доверяй своему зрению. А теперь — уже день. Пора идти.

— Эта тварь там... — сказал я, беря в руки меч и почти ожидая, что камень превратится в готовое напасть чудовище.

— Я думаю, это страж. — Орсия тщательно закутывала жезл в шарф Каттеи. — Дай руку и неслышно иди за мной по воде. Он может почувствовать нас, но не увидит.

Я продолжал смотреть на камень. Опасался, что иллюзия сохранится и то, что кажется камнем, набросится на нас.

— Не думай о нем, — приказала Орсия. — И больше никаких мысленных прикосновений. Эти существа не могут читать мысли, но мысленный поиск их настораживает.

Держась за руки, мы подошли к ручью и вступили в воду. Как и в туннеле, вброд дошли до места, где течение было сильное и вода достигала нам до колен. Я держал перед собой меч, глядя на обнаженное лезвие. Когда мы проходили мимо камня, на мече вспыхнули руны, потом медленно стали гаснуть.

Вторично предупреждающий знак показался, когда мы уже далеко углубились в долину. Но на этот раз опасность была видимой: в одной из расщелин стены каньона суетились малюсенькие лохматые существа. Тасы!

Они таскали корзины с землей и камнями, лихорадочно торопились и насыпали груды материала. Я почувствовал, как рука Орсии сжалась крепче, ощутил волну охватившего ее отвращения.

Мы завернули за угол каньона и увидели еще одну часть сооружения тасов. Они строили из земли и камня дорогу вдоль края обрыва. Среди них виднелись и люди в ярко-желтых плащах, вооруженные посохами, но без мечей. Они явно руководили работой, посылая тасов туда и сюда и поглядывая на карты и инструкции. Причина их работы оставалась для меня загадкой, но было совершенно ясно, что эта работа очень важна для врага.

Орсия предупреждающе поднесла к губам пальцы, отпустив для этого на мгновение мою руку. Потом снова схватила ее, как будто малейшее разъединение может привести к катастрофе. Тише, предупредила она, и я решил, что это относится и к мыслям.

Немного дальше у реки работала еще группа тасов; они укладывали на дно камни, хотя входили в воду с явной неохотой и их постоянно подгоняли двое надсмотрщиков в желтых плащах. Я не понимал, как мы минует их, если будем продолжать держаться воды.

Мечом я показал налево. Орсия какое-то время смотрела туда, потом кивнула. Мне казалось, что плеск, с которым мы двигались по воде, насторожит работающих. Однако нам удалось добраться до берега незамеченными.

Я предположил, что Орсия использовала какое-то средство, сделавшее нас невидимыми. Иллюзия защищала нас — пока. Но когда мы оказались в пересеченной местности, я вздохнул с облегчением. Идти труднее, зато здесь я умею скрываться. Прячась за камнями, мы благополучно миновали место деятельности на реке. Мне хотелось бы узнать причины работы. Впрочем, я догадывался, что от нее нам только хуже.

— Послушай. Я поднимусь... посмотрю, что впереди.

— Будь осторожен. Когда мы расстанемся, иллюзия не прикрывает тебя.

— Мне эта игра известна, — уверенно ответил я.

Орсия скрылась между двумя камнями. Я прикрепил меч к поясу и начал подниматься по узкой расселине в стене утеса, которую соорудила природа. И уже почти добрался до намеченной площадки, как услышал за собой резкий скрежет. Если бы нападающий не выдал себя, я оказался бы легкой добычей. Но, услышав крик, я развернулся. Теперь спиной и плечами я упирался в одну стену очень узкой расселины, а ногами — о другую. И обнажил меч, готовясь встретить летящую смерть.

Летающее существо с криком пролетело над верхом расселины, и ветер, поднятый его крыльями, едва не лишил меня равновесия. Существо развернулось и вернулось ко мне, село на верх утеса и вытянуло голову со смертоносным клювом. У него оказалась длинная гибкая шея. Голова маленькая и состоит почти целиком из клюва и глаз, которые нацеливают нападение.

Я встретил нацеленную голову мечом, на котором ярко вспыхнули руны. Но плечи у меня зажаты, и я не могу действовать свободно. Похоже, я загнан в угол и не в состоянии ни защищаться, ни отступить.

Снова клюв устремился ко мне. Я попытался махнуть мечом, и снова красные руны ослепили взгляд. Лезвие коснулось цели по чистой удаче, потому что я мог двигать его всего на несколько дюймов. Крик оборвался, длинная шея отдернулась. Я видел, что клюв отсечен у самого основания. Существо взлетело в воздух; словно лишившись рассудка, оно с дикими криками носилось взад и вперед. После одного из бросков оно ударилось о стену утеса и, переворачиваясь, полетело вниз. Я недоверчиво смотрел на меч. Как и тогда, когда нам противостояло чудовище в туннеле, меч как бы жил своей жизнью. Я не нацеливал этот удар, а лишь тщетно пытался защититься от нападения. Какой силой обладает это оружие из древней гробницы?

Но тут же сознание мое вернулось к настоящему. Крики существа, несомненно, должны были привлечь внимание работающих на реке. Чем скорее мы уйдем отсюда, тем лучше. Я торопливо выбрался из расселины и осмотрелся.

Каньон выходил в холмистое плоскогорье, сильно пересеченное и перовное. Тут и там виднелись какие-то передвижения, но их скрывала туманная дымка. Еще дальше — полоска, возможно, дорога. Никаких зданий я не видел. И местность обещала много возможностей для укрытия.

Больше я не решился разглядывать предстоящий маршрут. Куда бы мы ни пошли, придется пересекать дорогу. Думая об этом, я спустился вниз и нашел Орсию у входа в расщелину.

— Идем! — Она протянула руку. — Они придут выяснять, почему кричал руз. Если найдут его, поймут, что здесь кто-то побывал. Не знаю, сможет ли выдержать моя иллюзия.

— А ты знаешь, где Темная башня? — Идти вслепую — полная глупость.

— Только то, что она где-то поблизости. Но у тебя есть лучший проводник, чем мои скудные знания.

— Что? — Я не понял ее.

— Та, кого ты ищешь. Между вами сильная связь; раскрой сознание и сердце, и она притянет тебя.

— Может, и враги сумеют так нас обнаружить. — Я вспомнил, как однажды Каттея предупреждала меня против такого поиска.

— Если ты используешь волшебство — возможно. Но лучше воспользуйся стремлением сердца, Кемок. Ты говорил, что вы трое едины, как никто из рожденных. Думай о ней, призови на помощь не знания, а свое чувство.

— Не знаю как. — Я мог думать о Каттее, опасаться за нее, стремиться ее увидеть — но это ли имеет в виду Орсия?

— Отбрось страхи: в этой земле многое кормится страхами и использует их, чтобы ослабить тебя. Думай о том, как счастливы вы были вместе. Воскреси, какой она была в твоем сознании в те дни. И вот что еще я скажу тебе, Кемок: берегись иллюзий. Прекрасное может оказаться отвратительным, а отвратительное прекрасным...

— Ты уже говорила это.

— Сколько бы ни говорила, этого недостаточно. Звери и оружие опасны в этой земле, но гораздо опасней то, что у нас в сознании.

Мы уже шли плечом к плечу. Хотя Орсия говорила уверенно, я все еще не решался искать Каттею таким способом. Поиск мыслью мне известен, но этот способ нов для меня... может, он похож на то, что я использовал в каменном лесу? Попытаться еще раз?

Я быстро объяснил Орсии, что задумал. Она выслушала и задумчиво посмотрела на шарф, в который был завернут ее конусообразный жезл.

— Использовать здесь волшебство — все равно что засветить сигнальный огонь и поднять половину страны. Но... в шарфе долго лежал жезл, и это придает ему новые качества. Возможно, ты не сумеешь овладеть этими качествами... — Теперь она задумчиво смотрела на меня. И вопрос, который она задала, я никак не ожидал услышать в таком месте и в такое время: он, казалось, не имеет никакого отношения к тому, что мне предстоит.

— Скажи, Кемок, был ли ты с женщиной, познал ли ее, как бывает у мужчины и женщины?

Я удивленно ответил:

— Да. — Это было так давно, во время пограничных войн, и как будто случилось не со мной.

— Тогда для тебя не подействует. Но для меня... Какие слова ты использовал, чтобы послать шарф на поиск?

Я медленно и самым тихим шепотом произнес их. Ее губы беззвучно зашевелились: она словно повторяла за мной слова. Потом снова кивнула.

— Я не могу далеко уходить от ручья. Когда окажемся на этой пересеченной местности, нужно найти убежище, где я могла бы укрыться и подождать тебя, потому что твой путь уводит от воды. Потом я наложу на шарф заклятие. Ты должен представлять себе мысленно Каттею. Потому что я ее не видела, и между нами нет никакой связи. Когда это будет сделано, шарф снова сможет повести тебя. Только помни: в путь его отправит не твой разум, а твое сердце. — Она плотнее прижала конус к груди. — Это не действует ни для кого, кроме девственников. Даже если его берет чья-то рука, сила жезла пропадает. Ибо это рог единорога, и в нем заключена большая сила для тех, кто сможет его использовать.

Только верхушка жезла торчала из шарфа, но я удивленно посмотрел на нее. Силы, которые сосредоточены в таких редких предметах, не просто легенда. Мы по-прежнему имеем годы по древним животным — Огненный Дракон, Грифон, а сейчас год Единорога.

Перебегая от одного укрытия к другому, мы добрались до дороги. Орсия предупреждающе подняла руку, но мне не нужно было ее предупреждение: на мече вспыхнули красные руны. Перейти дорогу не было возможности, и мы нетерпеливо шли вдоль нее, пока не подошли к ручью. Никакого моста через него не было: дорога заканчивалась у одного берега и начиналась на другом. Орсия улыбнулась.

— Итак... они еще не овладели водой.

— Как это?

— Бегущая вода. — Она указала на ручей. — Зло не может пересечь его без мощного, искажающего природу заклинания. Враги могут строить на одном берегу и на другом, но перейти не могут. Здесь наш путь.

Она весело заплескалась в воде, и я поневоле последовал за ней. Мы держались подальше от берегов, но когда проходили место, где с обеих сторон кончается дорога, с меча словно капали в воду капли алой крови, так ярко светились руны.

Когда дорога осталась позади, я хотел вернуться на берег, потому что на реке мы видны издалека, но Орсия настаивала на том, что ее иллюзия выдержит. Мы все еще спорили об этом, когда она негромко вскрикнула и указала вниз по течению, в том направлении, куда мы шли. Я повернул голову.

Что-то плыло против течения, образуя треугольник ряби, но что это, не видно. Я подготовил меч и взглянул на него. Лезвие холодное и серое, на нем нет кровавых рун. Но что-то быстро приближается к нам, оставаясь невидимым.

Глава 13

Орсия сделала шаг в сторону ряби, потом другой. У меня было свидетельство меча, что опасности нет, однако невидимое и неизвестное всегда пугает. Это свойство у нас врожденное.

— Кофи!

По призыву моей спутницы треугольник повернул и направился к ней. Послышался плеск, в воде началось движение, как будто кто-то идет по ней вброд.

— Что это? — спросил я.

— Мерфей, — ответила девушка, потом, сложив губы, начала издавать негромкие звуки, не похожие на знакомую мне речь. Слово «мерфей» ничего для меня не значило.

Невидимка поплыл дальше, окатив нас водой. Орсия снова схватила меня за руку.

— Идем! Сегодня нам везет! Кофи отведет нас в безопасное место.

— Ты его видишь... или ее? — спросил я.

У нее удивленно распахнулись глаза.

— А ты не видишь?

— Ничего, кроме ряби на воде, как будто тут что-то проплыло.

— Но он здесь... вот он... хорошо виден...

Не мне. Да и раньше я ни про какого мерфея не слышал.

Орсия покачала головой.

— В некоторых отношениях они похожи на нас, только меньше и родственны скорее не нам, а тем, кто в меху или с плавниками. По большей части живут одиноко, не нуждаясь в других. Но Кофи — у него такой же характер, как у меня. Он любит бродить за пределами территории своего племени. Мы с ним в прошлом не раз путешествовали. Он не подвержен иллюзиям: у него очень своеобразный мозг, который невозможно обмануть. Он уже какое-то время бродит здесь в воде, наблюдая за врагами. Они готовятся к большому походу на запад, на людей...

— Долина!

— Может, и так. Но еще не пришло время их выступления. Они ждут приказа.

Я подумал о Динзиле и о том, что говорила о нем Лоскита. Ведь теперь в его руках Каттея. Во мне кипело стремление отыскать Темную башню, хотя это и может привести к катастрофе. Поэтому я пошел быстрее, потащив за собой Орсию за руку. А впереди неслышно плыл наш проводник, от которого я видел только след.

На берегах появлялось все больше растительности. Время от времени Орсия делала вылазку, вырывала съедобные корни, очищала их и прятала в свою сетку. Мы немного пожевали их, и они показались мне вкусней рыбы. Все время мерфей служил нашим разведчиком. Однажды он (хотя трудно так называть рябь на воде) сделал большой крюк, огибая упавший

в воду камень. Орсия проделала то же самое, знаком велел мне не прикасаться к камню.

Когда мы проходили мимо, я увидел, что камень обработанный. Когда-то, должно быть, это была статуя. На берегу виднелись еще такие же камни, наваленные грудой, словно от удара, нанесенного природой или человеком. Они не голубые, как те, которые, по моему опыту, могут служить прибежищем, а желтовато-серые, неприятные на взгляд.

— Древнее место силы, — объяснила Орсия. — Но мы бы не хотели будить такую силу.

Когда мы проходили это место, я ощутил неприятный озноб. А может, меня подвело воображение.

Кустарники сменились деревьями со странной листвой, напоминающими тот сожженный лес, который мы находили в Эскоре, там, где волшебная сила переворачивала горы, воздвигая барьер между Эсткарпом — убежищем и этой страной — угрозой. Листва на деревьях, может быть, живая, но вид у нее мертвой; он заставляет думать о пепле, о чем-то давно погибшем и высохшем. Трава высокая, с острыми краями, колючая и может разрезать кожу неосторожного; были и другие отвратительно выглядевшие предметы, до которых не хотелось дотрагиваться.

Но среди этой ядовитой на вид поросли встречались островки нормальной зелени. Невидимый Кофи свернул в боковой приток, поросший как раз такой листвой, и мы вслед за ним повернули налево.

Я потерял представление о направлении. Эта территория за пределами Высот заставляла терять уверенность в севере и юге. Но мне казалось, что мы в основном движемся на восток, все дальше и дальше углубляясь в неизведанное.

Ручей стал мельче, и впереди слышался плеск. Сейчас Кофи как будто не плывет, а идет вброд, как и мы. Сапоги у меня почти сгнили, и я задумался, чем заменить их на суше. Может, послужат повязки, срезанные с кожаной рубашки.

Деревья здесь той породы, которая в изобилии растет вдоль рек. Они сплетались у нас над головами, образуя навес,

который, не лишая нас света, в то же время закрывал от солнца. Под этим навесом плавали клочья тумана, как тот, что я видел со своего наблюдательного пункта в холмах.

— Хорошо! — Орсия впервые с тех пор, как мы покинули главное русло, нарушила тишину. — Мы должны быть благодарны Кофи.

Ее восклицание было вызвано появлением посреди ручья какого-то горбатого холма. Несмотря на то, что холм порос травой, он слишком симметричен, чтобы быть произведением природы. Моя спутница узнала его.

— Жилище аспта, и очень большое. Вход найдем на берегу. Ручей, должно быть, сильно сузился с тех пор, как этот дом был построен и покинут.

На берегу качнулась ветка, нетронутая ветром. Орсия рассмеялась.

— Видим, Кофи. Еще раз благодарю тебя, — и зачирикала.

В обрыве виднелось отверстие. Я вытащил путаницу корней, выбросил несколько камней, мы вползли внутрь и оказались в очень темном помещении, похожем на то, в котором Орсия лечила мои раны. К счастью, в крыше были отверстия, там, где покрытие частично отвалилось, так что мы двигались не вслепую. Проводник хорошо послужил нам: вряд ли удалось бы найти более удобное и безопасное убежище, чтобы провести ночь.

Мое внимание привлек легкий звук у противоположной стены. Там ничего нет — или Кофи делит с нами помещение?

— Верно, — отозвалась на мою мысль Орсия. — Интересно, можно ли... да, попробуем.

Она протиснулась поближе ко мне и наклонилась, прижимая ладони ко лбу непосредственно над глазами.

— Смотри, — приказала она, — и скажи, что ты видишь.

Я мигнул, потом мигнул еще раз. Клок тумана в темноте? Нет, это не плавучий туман, нашедший проход внутрь; скорее, какая-то фигура, приобретающая форму. Итак, я увидел Кофи.

Маленький, ростом мне до середины бедра. В отличие от асптов, человекоподобный по фигуре. Четыре конечности, причем две верхние выполняют функции рук. Похож и в то же время не похож на людей-ящеров из Долины. Хотя кожа чешуйчатая, между пальцами рук и ног перепонки, как у Орсии, причем доходят они до концов пальцев. Голова круглая, шеи как будто совсем нет. Впереди и сзади тело покрыто клинообразной раковиной, широкой сверху, сужающейся до острия между ног. Когда я пристально посмотрел на него, он втянул голову в раковину, так что остались видны только нос и два глаза.

— Кофи. — Орсия отняла руку, и я больше ничего не видел.

В общепринятом знаке мира я поднял правую руку, держа ее пустой ладонью кверху. И, чтобы успокоить странное водное существо, приветствовал по обычаю людей из-за гор:

— Кофи из реки, приветствие и мир от Кемока Трегарта.

Послышался еще один слабый звук. На мгновение я ощутил легкое прикосновение к огрубевшей коже моих искалеченных пальцев, словно перепончатые пальцы легли на них в доказательство понимания: я не враг и желаю добра.

Орсия раскрыла свою сеть, извлекла корни, которые добыла на реке, и разделила их на три части. Мы поели, но Кофи не ел. Я спросил почему.

— Ушел охотиться. Не только для того, чтобы наполнить желудок: он принесет нам известия обо всех, кто пройдет вблизи этого чистого места.

Она собрала отложенные корни и сказала:

— Спрячь их в свою сумку на поясе, Кемок. Поешь их, когда понадобится еда. Истинно в этой земле нужно помнить предупреждение Дахаун и не есть, даже если кажется, что пища тебе хорошо известна. А теперь давай отдохнем. Утром от нас потребуются действия.

Не знаю, вернулся ли Кофи и разделил ли наше убежище. Но спал я плохо. Все время казалось, что сразу за пределами

видимого скрывается нечто зловещее. Я не был уверен, воспринимает ли это зловещее меня, знает ли о моем присутствии и готовится ли напасть. Может быть, я бы даже меньше беспокоился, если бы знал это.

Похоже, Орсия отдохнула не лучше меня. Я слышал, как она ворочается. Потом увидел белую искру и предположил, что она снова установила свой конусообразный жезл и вызывает защитное волшебство.

Когда первые лучи рассвета упали на наш пустынный дом, мы уже встали и нам не терпелось уходить. Орсия снова закутала жезл в шарф Каттеи и попыталась с помощью талисмана укрепить мою связь с сестрой.

— А где Кофи? — Я вопросительно посмотрел на девушку.

— Ждет нас снаружи.

Выйдя, мы погрузились в густой туман. Что-то зашуршало в тростниках, Орсия повернула голову и зашебетала. Потом послушала и посмотрела на меня.

— Башня прямо перед нами. Но чтобы добраться до нее, ты должен покинуть водные пути, и Кофи говорит, что башня хорошо защищена заклинаниями. Большая часть ее гарнизона отослана, и защищают башню не воины, тем не менее защита у нее есть. Мы можем пройти с тобой до начала подъема, но дальше... — Она покачала головой. — Для мерфея суша еще менее гостеприимна, чем для меня. Без воды я только лишнее бремя. Но чем могу, я помогу тебе.

Снова впереди плеснул невидимый мерфей. Туман был такой густой, что мы казались друг другу тенями. Конечно, ручей — дорога, с которой не собьешься. Но если такой туман повсюду, я не понимал, как доберусь до Башни.

— Разве я не сказала, что проводником будет это и твое сердце? — Орсия коснулась конца шарфа. — Подожди и не отчаивайся. Увидишь.

Пророчества Лоскиты о смерти и катастрофе в Башне... Возможно, третьего будущего, связанного с Долиной, я избежал, но остаются еще два.

— Нет! — Мысль Орсии резко столкнулась с моей. — Верь: у тебя нет предвидимого будущего, ты можешь контролировать свою судьбу. Послушай. Если все остальное подведет, если тебе действительно придется встретиться с тем, что предсказала Лоскита, произнеси *слова*, на которые был дан *ответ*. Хуже того, что показала Лоскита, быть не может, а столкнув силы, ты можешь изменить судьбу. Это страшный поступок, но во время опасности человек должен использовать любое оружие.

В полном тумана мире, через который мы шли, не было ощущения времени. Стоит день, потому что светло, но я не мог сказать, давно ли мы оставили свое ночное убежище. Ручей мелел, и в нем появлялось все больше камней.

У одного из них Орсия остановилась.

— Здесь мы расстанемся, Кемок. А сейчас...

Она медленно развернула шарф. Неожиданно ее сознание закрылось для меня; думаю, в эти мгновсние она была поглощена использованием собственной силы, вливала ее в шарф, чтобы упрочить связь между ним и той, что его носила. Очень долго шарф лежал на коленях девушки, на ее оборванном зеленом платье, а она продолжала держать стержень, как держат горящую свечу. Губы Орсии шевелились; может быть, она пела, но не слышно было ни слова.

Потом она взмахнула рогом, подцепила концом его ткань шарфа и протянула мне.

— Что могла, я сделала. Думай о своей Каттее, и посмотри, что выйдет. Помни: это должна быть Каттея, с которой ты был теснее всего связан, даже если она осталась в прошлом.

Я взял полоску ткани, которая уже порвалась и поблекла, зажал ее в кулаке и постарался сделать, как посоветовала девушка.

Насколько далеко в прошлом та Каттея, с которой, как и с Килланом, мы были поистине одним целым? Не в Долине, не во время нашего путешествия в Эскор, не в те годы, кото-

рые она провела в тайном месте Мудрых женщин и которые мы с Килланом провели на границе. Год за годом я уходил в прошлое, пока не добрался до дней, проведенных в Эстфорде; мы тогда были еще детьми; наша мать вернулась с разбитым сердцем, потому что Саймон Трегарт, ее супруг, исчез; никто не знал, что с ним; знали только, что он исчез в море.

Тогда мы были поистине едины. Из этого источника памяти я извлек Каттею, какой знал ее до того, как Мудрые женщины постарались изменить ее по своему подобию.

Не знаю, насколько верны были мои воспоминания, но в том, что именно такой я ее воспринимал тогда, — в этом я был уверен. Как можно ярче я представил себе сестру. Это была Каття — треть единого целого, которое больше каждого из нас. Каття, к которой я был так привязан, что ничто не могло разорвать эти узы.

И тут шелковый шарф, казалось, принялся вырывать у меня из пальцев. Я высвободил его, он свернулся и соскочил на землю. На этот раз не образовал кольцо, а извивался по скалам, как змея.

Я был настолько сосредоточен на нем, что лишь много времени спустя сообразил: я ведь не попрощался с Орсией. Я даже не уверен, что найду отмель в ручье, на которой оставил ее. Но и без ее слов я знал, что если позволю себе отвлечься от воспоминаний о Каттее, утрачу своего проводника.

Я поднялся на берег, внимательно следя за зеленой лентой. В удалении от воды туман поредел. Некоторое время меня окружала нормальная здоровая листва, как вдоль ручья. Но постепенно такая растительность редела. Появилась другая, ядовитая на вид. Я постарался у ручья укрепить обувь, обвязав ее полосками кожи рубашки, и теперь верхняя часть туловища у меня была обнажена и доступна для холода этой местности.

Шарф продолжал ползти, извиваясь, и я следовал за ним. Местность постоянно повышалась, но идти было нетрудно. Я держал в руке меч, время от времени поглядывая на него, не засветятся ли руны.

Орсия прикрывала нас иллюзией. Но меня эта иллюзия больше не скрывает. Местность оставалась пустынной, и это само по себе казалось мне зловещим: я словно иду в ловушку, иду легко, но вот-вот за мной защелкнется дверь клетки.

Все выше и выше, воздух все холоднее и холоднее. Каттея... Я искал Каттею. Она для меня как отсутствующая рука, которую словно отрубили, и я стал калекой.

И тут ярко вспыхнул меч. Кто-то легко бежал ко мне сквозь клочья тумана. Та, кого я ищу! Но меч красен...

— Брат! — Она протянула ко мне руки.

Была когда-то другая Каттея — иллюзия, которая едва не обманула меня в тайном месте.

Может, это будущее, которое показала мне Лоскита? Если я обращу сталь против этой улыбающейся девушки, но кроется ли она кровью моей сестры?

Доверяй мечу, сказала Орсия. *Прекрасное отвратительно...* если меч так говорит.

— Кемок! — Руки протянуты... Но на пути зеленая лента, извивающаяся на камне. Каттея издала хриплый крик — такой крик не может вырваться из груди человека: для нее шелковый шарф словно ядовитая рептилия. И тут я ударил.

Кровь хлынула на лезвие, алые капли упали мне на руку. Там, где они коснулись кожи, как будто прижгли огнем. На траве, дергаясь, лежала тварь из ночного кошмара. Она подохла, по-прежнему пытаясь дотянуться до меня огромными когтями.

Значит, тот, что правит Темной башней, знает о моем приходе? Или просто страж Башни принял облик, возникший в моем сознании? Ибо Каттея, бегущая мне навстречу, была та самая юная сестра, о которой я думал. Я вонзил меч в песок, чтобы очистить от дымящейся крови. На коже левой руки, там, куда упали капли, появились волдыри. Я торопливо пошел вперед, чтобы догнать шарф.

Шарф перевалил через возвышение и оказался на дороге, изрытой рытвинами и колеями. Дорогой недавно пользова-

лись. К моему беспокойству, шарф пополз по колее. Мне ничего не оставалось, только идти за ним, даже если эта дорога приведет меня прямо в руки стражи, оставленной Динзилем.

Дорогу ограждали крутые скалы. И как на дороге, ведущей от Лоскиты, здесь тоже казалось, что под камнем скрываются какие-то существа; они подглядывают, издеваются; я вижу их краем зрения, но стоит посмотреть на них прямо, как они исчезают.

Я услышал плач, похожий на далекий вой ветра; плач становился громче. Передо мной открылось чашеобразное углубление; дорога спускалась в него и поднималась к противоположному краю. В углублении женщина зеленого племени, одежда с нее сорвана, тело привязано к камню, так что спина изогнулась под невероятным углом. Она плакала, затем забормотала что-то, как человек, испытывающий слишком сильную боль и ужас.

Меч вспыхнул...

Мой пробный камень оказался сильнее ловушек Динзила и его стражей. Легко пройти мимо этой подделки, но оставить за спиной живого врага — слишком глупо. Иллюзия так убедительна, что мне пришлось заставлять себя ударить.

Хлынула кровь, и женщина исчезла. На ее месте в предсмертной агонии корчится человек. Человек? У него человеческое тело, человеческие черты лица, но в полных ненависти глазах нет ничего человеческого. Умирая, он что-то кричал.

Мертвое чудовище, подобие человека. Знает ли Динзил о его гибели? Может быть, я сам известил его о своем приближении?

Я поднялся по противоположной стене углубления и увидел башню.

Темная башня из картин Лоскиты. Я остановился в нерешительности. Лоскита показывала мне две картины. В одной из них я на пути к Башне встречаюсь с каким-то колдовством и убиваю Каттею. Значит, нужно быть осторожнее, внимательно следить за всем необычными...

Зеленая лента устремилась к черному пальцу, вызывающе устремленному в небо.

Башня на самом деле темная. Она построена из черного камня; и камень этот кажется ужасно древним; такое впечатление возникает в городе Эс и в тех местах, в которых Мудрые женщины совершают свое колдовство. Как будто над ними прошли не только годы, известные человеку, но и другие, которые мы не можем помнить.

Никаких разрывов в ее поверхности, ни дверей, ни окон. Башня стоит на холме, поросшем невысокой, густой серой травой. Дорога доходит только до подножия холма. На ней следы движения, но в этом месте те, кто пользовался дорогой, словно поднялись в воздух. Никаких следов того, что кто-то проходил по траве.

Я медленно пошел вперед, настороженно ожидая признаков исполнения пророчества Лоскиты. Добравшись до холма, вздохнул облегченно. Теперь я победил две ее картины: ту, действие которой происходит в Долине, и ту, где перед Башней схватка.

Шарф остановился у начала кургана. Один конец его поднялся и качался в воздухе взад и вперед: шарф как будто хотел взбираться на холм, но не решался коснуться травы. Направив меч в сторону холма, я увидел красные руны.

Я коснулся шарфа мечом и был поражен тем, как быстро он обвился вокруг лезвия, поднялся по руке и окутал ее. Его тепло распространилось сначала по плечу, а потом по всему телу.

Однако к цели — к внутренности Башни — я не приблизился. Отодвинув в глубину сознания мысли о Каттее, я принялся думать о том, что непосредственно передо мной. Здесь какое-то заклинание, которое я не могу преодолеть.

Правда ли это? — в старинных легендах упоминается одно средство, но использовать его в таком месте — настоящее безумие. Потому что средство это, хоть и открывает двери Тени, одновременно лишает человека защиты и делает его легкой добычей.

Насколько можно доверять легендам? В Эскоре мы привыкли думать, что в легендах Эсткарпа больше правды, чем вымысла. Я могу пойти по этому пути, зная, что лишился защиты. И проверю, правду ли говорят старинные сказания.

Ждать здесь, надеясь на слепую удачу, глупо. У меня нет иных ключей, обратимся к этому.

Я обошел курган против движения солнца, постоянно ожидая появления служителей Тени. Шел, стиснув зубы и держа меч наготове.

Три, семь, девять — в этих числах заключена сила. Я был уверен, что должен использовать одно из них. Трижды обошел я вокруг, от конца дороги и снова к нему. Ничего не произошло.

Я еще четыре раза проделал тот же путь. Шарф грел меня; меч по-прежнему показывал, что опасность угрожает со стороны насыпи.

Три и семь не помогли: нужно довериться девяти. Когда я в девятый раз подошел к концу дороги, последовал ответ. Трава исчезла мгновенно — никакой глаз не мог бы за этим уследить. Моя дверь открылась, но вела она не в башню, а в насыпь, на которой стоит эта башня. Дверь открыта, перед ней никакой стражи — но кто знает, что ждет внутри?

Держа перед собой меч и все время ожидая, что он вспыхнет алым, я медленно, шаг за шагом начал приближаться. Но предупреждение, о котором я думал, не пришло. Перед мной открылся проход с серыми, ничем не прерываемыми стенами. Проход углубляется в холм.

Я пошел по нему, пересводя взгляд от меча на стены и снова на меч: искал дверь, лестницу — какой-нибудь путь, ведущий в Башню наверху. Вкрадчивого движения, которое я замечал вверху, здесь не было, но если слишком долго смотреть на эти стены, охватывает странное болезненное чувство: пространство как будто искажается.

Далеко ли уходит этот коридор? Мне казалось, что я прошел целые лиги; тело ныло от усталости, но я не решался

остановиться, чтобы отдохнуть в таком месте. Наконец впереди показалась арка, и через нее я вошел в круглое помещение, которое, возможно, располагается в фундаменте башни. В стенах помещения находилось еще несколько таких же арок с дверями, от них, вероятно, тоже отходят коридоры; они напоминают спицы колеса. Но никакой лестницы, никакого пути наверх.

Я обошел помещение, проверяя каждую дверь. На них ни ручек, ни замков. Ни одна не подалась, хотя я изо всей силы нажимал плечом. Есть только один путь — тот, по которому я пришел.

Тогда я прошел на середину помещения. Могу уйти, ничего не добившись. Пока третье видение Лоскиты не материализовалось. Ни следа Каттеи или тени, во власть которой она может меня предать.

Каттея! Я положил левую руку поверх шарфа. И снова призвал свои воспоминания о Каттее. Под моим прикосновением шарф шевельнулся, начал разворачиваться. Я отдернул пальцы, но продолжал вспоминать. Лента поползла вниз по мечу, чтобы достичь пола.

Глава 14

Я ожидал, что мой шелковый проводник направится к одной из дверей. Но он плотно свернулся посредине, почти у моих ног, указывая одним концом на крышу. Я откинулся и посмотрел вверх, но не увидел никакого отверстия.

Иллюзия? В таком месте иллюзия — это оружие. Но каков ответ на иллюзии? Неожиданно я вспомнил обрывки сведений, полученных в Лормте. Использовать здесь контрволшебство — все равно что полностью снять защиту, но ничего больше я не мог придумать. Мой меч — символ силы; но я не знаю, как велика эта сила. Однако я надеялся, что меч снабдит меня нужной искрой. Я закрыл глаза, высоко поднял ору-

жие и прижал лезвие к лицу, так что почувствовал, как металл коснулся век.

Я не стал произносить древние слова вслух, только подумал о них, представляя такими, какими увидел на старинном, потемневшем от времени пергаменте.

Три слова и еще три. Затем мысленное представление определенного символа. Я опустил меч и открыл глаза, чтобы посмотреть, какого результата достиг.

Передо мной лестница — пролет из каменных плит. По ней поднимается шарф. Итак... мои знания все-таки пригодились: у меня есть вход в Темную башню. Я начал подниматься, все время наблюдая за мечом в ожидании предупреждения. Но, как и в проходе внизу, никаких признаков огненных рун.

Вверх и вверх уходила крутая лестница. Хотя я видел у себя над головой потолок, похоже, это тоже иллюзия: никаких верхних этажей, только лестница, которая уходит все выше.

Хотя ступени непосредственно перед собой я хорошо видел, чуть дальше их затягивала какая-то дымка. Опасаясь головокружения на такой крутизне, я не решался посмотреть вниз.

Шарф продолжал уверенно подниматься. Вокруг ощущалось пустое пространство; сама лестница казалась единственным безопасным местом. Поэтому я не смотрел по сторонам, чтобы не испытать головокружения.

Про себя я произнес несколько слов силы. Ощущение, что на каждой ступени я могу потерять равновесие и упасть по одну сторону или другую, становилось все сильнее, пока не превратилось в настоящую пытку.

Но вот лестница наконец кончилась. Через отверстие в стене я оказался еще в одном круглом помещении, очень похожем на нижнее, только поменьше. Шарф свернулся, качая концом, как змея головой.

Здесь тоже двери, но открытые, никаких преград. Но только все они открываются в пустоту! Не в туман, не в дым-

ку — в пустое открытое пространство. Взглянув на них, я сел на пол, положив меч на колени, не в состоянии пошевелиться. Меня охватил страх, знакомый всем по снам о падении. Эти двери тянули к себе, притягивали, и я испугался, как никогда в жизни.

Я не знал, в каком месте оказался. Но был убежден, что это вход туда, куда людям входить нельзя. Однако шарф привел меня именно сюда.

Каттея! Я закрыл глаза, сосредоточился на мысленной картине, вложил в нее все свое желание. Затем снова открыл глаза. Шарф — он больше не свернут — двинулся к одному из проходов в пустоту.

Я решил, что это еще одна иллюзия, что шарф все-таки подвел меня, и снова использовал ритуал, прояснивший внизу мое зрение. Поднес меч к глазам и повторил могучее заклинание.

Когда снова посмотрел, ничего не изменилось. Шарф свернулся у двери непосредственно передо мной; он раскачивался из стороны в сторону, как перед курганом, когда не решался коснуться злой травы.

Теперь я настолько не доверял своему ощущению равновесия, что не мог встать. Пополз на четвереньках, толкая меч перед собой. И вот я миновал шарф и смотрю в пустоту. В этот момент я едва не сорвался, поверив, что мне не дано пройти через эту дверь в то, что за ней.

Рука моя опустилась на шарф, и он снова обернулся вокруг ладони и запястья, двинулся вверх. В отчаянии я позвал вслух:

— Каттея!

И сосредоточился на том, чтобы использовать шарф. Всю жизнь я пользовался мысленным поиском, но на этот раз вложил в него всю энергию. Это усилие ослабило меня, я тяжело дышал, как будто в доспехах взбежал на вершину холма и тут же принял участие в ожесточенной схватке.

Я лежал плашмя на полу помещения, прижавшись лбом к рукояти меча. Может, именно он и помог мне. Потому что слабо, очень слабо донесся ответ на мой призыв:

— *Кемок?* — Не громче вздоха. Но это ответ, а не иллюзия.

Итак... она жива, хотя и может быть заключенной в этом месте. Чтобы добраться до нее, я должен — *должен* пройти через эту дверь. Но в тот момент я не был уверен, что заставлю себя это сделать.

Что может мне помочь? Шарф, заколдованный Орсией; меч, скованный неведомым народом; слова, которые могут помочь, но могут и привести к катастрофе... Я слепец, идущий без поводья.

Я пополз; не в моих силах встать и идти, как подобает мужчине. И что-то в глубине меня противилось этой глупости, которая приведет к самоуничтожению. Я понимал, что быть в таком месте без могучей защиты — все равно что идти навстречу смерти, и смерти не только тела.

Добравшись до порога, я вынужден был закрыть глаза. Взгляд в пустоту способен свести человека с ума.

Воля последний раз толкнула меня вперед... через порог...

Это старый кошмар — падение, падение, падение...

Не только мысли мешались — я ощутил страшную боль, которую не в состоянии вынести человек. Но и потеря сознания не может спасти... я падал... и продолжал чувствовать...

Я больше не был человеком, только существом, которое кричало, вопило, стонало, страдало.

Цвет, вспышка дикого цвета... какого цвета?

Ползание... по плоской поверхности. Над головой взрывные вспышки этого света, ранящего глаза. Тупой гул... ползание...

Глаза мои полны слез; полны они и огня, который горит у меня в голове.

У МЕНЯ? Кто такой Я? Что такое Я?

Ползти... продолжать двигаться. Закрывать глаза, чтобы не видеть эти яростные вспышки. Не прекращать ползти... Почему?

Трудно выразить в словах, что в это время представляло собой мое «я». Не могу сказать, сколько времени прошло, прежде чем в это ползущее, плачущее, дергающееся от вспы-

шек небесного-земного огня существо вернулось ощущение личности. Но оно вернулось, вначале как смутные вопросы, потом как отрывочные ответы.

Наступил момент, когда я перестал ползти и слезящимися глазами посмотрел на то, что стало моим телом. Я был — не человеком!

Серо-зеленая бородавчатая кожа с тонкими, как волосы, пучками щупалец. Вместо рук лапы, толстые, перепончатые; ноги такие же. Я попытался распрямить спину и обнаружил, что голова выдается вперед между высокими сгорбленными плечами. Но вокруг правой руки обернута полоска зеленого пламени — пламени? Я медленно поднял уродливую лапу и коснулся полоски. Она нематериальна, подобна туману, и лапа прошла сквозь нее.

Но это движение, вид ленты вызвали новое пробуждение памяти. Шарф... Было еще что-то... Меч! Слово, скользнувшее в сонный мозг, подействовало, как ключ, повернувший замок; раскрылся сундук, и вся восстановившаяся память хлынула из него наружу.

Меч! Я лихорадочно огляделся: мне никак нельзя терять меч!

Никакого меча. Передо мной на каменной поверхности столб золотого света. Как зеленый туман для мозга, так и этот столб целебен для зрения. Я потянулся к нему. И снова лапа погрузилась в свечение, и меня охватил страх. Больше я этого не выдержу!

Но я должен! Как мог, я попытался что-нибудь схватить лапой. Она прошла через свечение, ничего не схватив. В страхе и гнев я принялся колотить лапами по каменному полу. Это вызвало боль. Из ссадин сочилась густая зеленоватая жидкость. Я прижал лапы к уродливому бочонку, в который превратилась моя грудь, и раскачивался взад и вперед. Стонал, догадываясь, что и рот у меня нечеловеческий.

Как произошла эта перемена? Я полз, когда ко мне начал возвращаться рассудок. Я не нес меч, но вот он лежит.

Значит, я каким-то образом прихватил его с собой, хотя и не нес.

Я потер задней стороной бородавчатой лапы лицо, чтобы убрать липкие слезы, отшатываясь от прикосновения отвратительной плоти к такой же плоти. Есть только один способ узнать, что со мной произошло: идти дальше и посмотреть, что получится. Но не ползти — нет! Уродливое тело, из которого я смотрю на мир, не мое, хотя, по-видимому, сейчас я обитаю в нем. Но я человек, и как человек пойду навстречу неизвестному стоя — по крайней мере, на это решимости мне хватит.

Но встать на задние лапы и удержать равновесие — эта задача была почти за пределами моих возможностей. Горбатая спина толкала голову вперед, верхняя часть туловища перевешивала. Я не мог поднимать голову и видел только на несколько шагов перед собой. Попытался больше узнать об этом теле. Спина с горбом, толстые плечи и непропорционально тонкие верхние и нижние конечности. Я с любопытством поднес лапу к лицу, почти боясь результатов своего осмотра. Рот, кажется, представляет собой широкий безгубый разрез, и в нем острые клыки.

Носа нет; вместо него щель, которая, очевидно, служит ноздрями. На голове нет волос, вместо них от уха до уха дрожащий мясистый гребень. Уши очень большие, но без мочек. Короче говоря, при встрече с таким чудовищем всякий, кроме самых отважных, в страхе обратится в бегство.

Размахивая руками, чтобы сохранить неустойчивое равновесие, я сделал один неуверенный шаг, затем другой, как человек, идущий по узкому непрочному мосту над пропастью. Столб света тоже двинулся, все время находясь впереди меня на одинаковом расстоянии.

Подбодренный этим — я подумал, что меч, даже в таком необычном облике, мой лучший талисман, — я продолжал идти. И обнаружил, что неторопливой походкой могу продвигаться вперед.

Но куда?

Я пришел в это адское место в поисках Каттеи. Каттея! Посмотрев вниз, на свое уродливое тело, я отшатнулся от неожиданной мысли: если такое произошло со мной, то же самое могло произойти и с моей сестрой. Но где это место? Конечно, за пределами нормального мира людей.

Если Темная башня охраняет врата — а мне все больше казалось, что так оно и есть, — вряд ли Динзил хотел, чтобы Каттея никогда не вернулась. Лоскита сказала, что для Динзила Каттея — средство к овладению новыми силами. Он не захочет утратить такое средство.

Если не сделал шаги, после которых нет возврата.

Я остановился, пытаюсь повыше поднять чудовищную голову, чтобы посмотреть, что впереди. В этом месте нет горизонта, ничего, кроме жестких взрывов освещения и твердой поверхности, по которой я так медленно иду.

Цвета... Возможно, я привыкаю к ним. Глаза слезятся не так сильно; оглядываясь, я больше не испытываю резкой боли. Я начал считать и обнаружил, что вспышки следуют определенному образцу. Это древний образец: три, семь, девять. И не только вспышки группируются в таком порядке, но и различные цвета. То, что здесь происходит, явно настроено на какую-то силу.

Но мне нужен проводник.

— Каттея!

Я уже однажды видел, как определенные *слова* приобретают форму и зримо улетают; точно то же самое произошло с именем моей сестры. Ярко-зеленое, как шарф, превратившийся теперь в обруч из света, это имя вырастило крылья и полетело вправо от моей тропы.

Я повернулся, чтобы двинуться за ним. Но тут слово исчезло во вспышке пурпурного пламени, в фонтане гневного алого цвета.

— Каттея!

Еще одна птица-мысль устремилась вперед. Я снова положил руку-лапу на ленту шарфа.

— Каттея!

Если бы эти птицы-мысли продолжали вести меня! Но Каттея не отвечает, и мне остается только надеяться, что я иду не в западню.

Я ничего не видел, кроме вспышек и поверхности под ногами, но вот высоко взметнулся столб темно-синего цвета, и слева от тропы, на которую увлекли меня птицы-мысли, показался массивный корпус.

Он был мрачно-красный, и этот цвет не менялся при вспышках. Вначале мне показалось, что это просто скала, потом — грубая древняя статуя.

Изображено существо, сидящее на корточках, передние лапы упираются в землю, между ними — высоко поднятые колени, голова чуть повернута, словно существо следит за полетом моих мыслей. Оно непристойно женское: мощные груди свисают поверх колен. Но лицо не завершено: нет ни носа, ни рта, только ямы глаз. Из этих ям стремятся два устойчивых красных потока, похожих на кровь; это красное капает и покрывает все тело существа. Размером существо вдвое втрое превосходит мое нынешнее тело. И от него исходит такое угнетающее воздействие, что я пошатнулся под этим ударом, хотя удар нанесен не по телу, а по духу.

Кем бы ни было это существо когда-то, теперь оно в плену, и агония его души бросает тень на всю эту землю. Содрогаюсь, я двинулся дальше, но дважды оборачивался и смотрел назад. Как ни чудовищно оно, мне стало его жаль.

Повернувшись в последний раз, я поднял одну лапу. Попытался сказать, но рот не мог произнести слова человеческого языка. Поэтому я только мысленно произнес очень древние слова, которые мы часто вспоминали на границе, желая покоя своим братьям по оружию. Никакого другого утешения для этого страдающего духа я не нашел.

— Земля, прими землю. Вода, прими воду. Пусть то, что сейчас освободилось, будет свободно, пусть пойдет по Высокому пути... если позволит Ситри...

Последние три слова не имеют ко мне отношения, я как будто не должен был их произнести. Но у меня не было времени думать об этом. Потому что я снова увидел, как устремились вперед мысли, на этот раз не зеленые, а золотые, цвета золотого меча. Они устремились к скорчившемуся существу, которое плакало кровью. И исчезли, как будто проникли в него: одни — в лишенную лица голову, другие — в тело.

Никаких звуков, только волна чувства. Но меня бросило на землю, как может сбить человека порыв сильной бури. Я лежал, с трудом пытаюсь сохранить нетронутым ощущение своей личности. Но вот волна прошла, и я снова смог подняться на четвереньки. Плакавшее существо раскалывалось, распадалось, как необожженная глина под действием воды. И вскоре не осталось ничего, кроме груды красной пыли.

Потрясенный, я с трудом встал. Что-то лежит рядом. Я с изумлением понял, что свет, двигавшийся передо мной, снова приобрел материальную внешность. Я увидел очертания меча. Но когда с трудом опустился на одно колено и попытался взять его, обнаружил, что по-прежнему не могу схватить его.

Я снова выпрямился и впервые заметил еще одну перемену. Что-то новое ощущалось вокруг, какая-то тревога. Я уже подумал, что, проявив жалость, привлеку к себе внимание, какого не захочет привлечь никакой путник.

— Каття!

Я послал эту мысль и постарался ускорить свою шаркающую походку. Меня занимало, почему изменился меч.

Если позволит Ситри... Слова, которые я использовал, взяты не из моей памяти. А раньше, когда я сражался с чудовищем в подземном проходе, кого я призвал? Ситри! *Имя* это или *слово* силы? Есть способ проверить это. Я остановился, глядя на золотистое лезвие.

— *Во имя Ситри!* — помыслил я. — *Стань снова оружием в моей руке, вещью, наделенной силой!*

На этот раз порыв чувств не ударил. Но все тело мое задрожало, как будто меня затрясло невидимое существо.

Вспыхнула свет, заплесал на лезвии, и само лезвие засветилось так ярко, что я закрыл глаза и издал какой-то нечленораздельный мяукающий звериный звук. Но когда заставил себя снова открыть глаза...

Меч... не столб огня, а прочное оружие, какое я вынес из гробницы. Я стоял на коленях — не удержался на ногах, когда охватила дрожь. В третий раз потянулся я к рукояти. Трудно было ухватить ее лапой, но я это сделал. И в руку мне от меча влилась новая сила.

Но кто такой Ситри? Или что такое? Ясно, что Ситри в этом месте обладает какой-то властью. Не поможет ли восстановить мою внешность, чтобы я мог сражаться, располагая прежним телом?

— *Во имя Ситри*, — снова подумал я, — *пусть я стану человеком, каким был...*

Я ожидал дрожи, какого-нибудь знака, что заклинание снова сработает. Но ничего не произошло: я не изменился. Тогда я устало поднялся. Меч связан с Ситри; я — нет. Не следовало надеяться.

— Каттс!

Снова выпустил я крылатую мысль и продолжил бесконечное путешествие по пространству, не подвластному известным мне измерениям. И хотя шел неуклюже и с трудом, все же заметно продвигался. Немного погодя в свете вспышек я увидел еще кое-что на поверхности. Не сидящая фигура, а полоска света. Но эта полоска не вспыхивала и гасла, а оставалась неизменной. Так могли бы выглядеть крупные ограненные драгоценные камни, потому что полоска напоминала по форме множество бриллиантов, острым концом стоящих на поверхности. В чередовании камней та же последовательность: три желтых, семь пурпурных, девять красных; они образуют стену, которая поднимается намного выше моей головы.

Но мысли мои пронеслись над этой стеной: та, кого я ищу, должна находиться за ней. Я подошел к стене, сделал

много шагов направо, потом — в противоположном направлении. Насколько я мог видеть, стена продолжалась в обоих направлениях. Перелезть через нее невозможно: поверхность гладкая и скользкая; моим плохо для этого приспособленным когтям не за что ухватиться.

Я присел у красного камня, ощущая усталость во всем теле. Кажется, я подошел к концу пути. Сидя так, я проводил лапой взад и вперед по лезвию меча. Никаких рун; их как будто вообще никогда не было. Металл холодный, и это почему-то успокаивало. Глядя на камни, я продолжал гладить меч.

Острые концы... как они закреплены? Установлены неподвижно на поверхности? Я на четвереньках подполз, чтобы осмотреть внимательней низ стены. Да, стена не является неотъемлемой частью поверхности: между ними тонкая линия. Только здесь можно попытаться.

Единственное мое орудие — меч. Я не ренялся испытать его. Если сломаю лезвие, что у меня останется? С другой стороны, зачем мне нетронутое лезвие, если здесь кончается мой поиск?

Неловкие лапы делали задачу очень трудной. Острием меча я принялся копать поверхность в том месте, где она соединялась со стеной. Напрягая память, я пытался отыскать какие-нибудь сведения из Лормта, которые могли бы облегчить задачу. Но думать о Лормте тоже нелегко, и когда я это делал, рука моя уставала и я начинал промахиваться.

Значит, Лормт не поможет. А Ситри?

Впервые меч попал точно в цель, туда, куда я и хотел попасть.

— Силой Ситри и именем Ситри! — Я подождал и принялся экспериментировать. Трижды произнес это имя мысленно, затем добавил слово благодарности; потом семь раз — и снова благодарность; наконец девять раз...

Меч вырвался из моих неловких рук. Он поднялся под углом и принялся бить и копать, как я и намеревался. Стена из

драгоценных камней загудела, гудение заполнило мне голову. Я закрыл лапами уши, пытаюсь приглушить этот звук. А меч продолжал работать.

На землю полетели маленькие красные осколки. Некоторые обжигали мою бородавчатую шкуру. Но я не решался отнять лапы от ушей, чтобы защититься. Меч задвигался быстрее, превратившись в огненную вспышку. Иногда мне казалось, что это больше не меч, а стрела чистой силы.

Высокий камень покачнулся, задрожал. Меч поднялся в воздухе, принял горизонтальное положение и ударил в камень примерно в середине. От удара камень треснул и рассыпался множеством алых осколков. Разрушение передалось двум соседним камням, они тоже распались ядовитыми фрагментами. Стена продолжала разрушаться по обе стороны.

Я не стал ждать, когда стена обрушится. Встал и протянул правую лапу. Меч надежно лег в нее. Морщась от порезов на осколках камня, я миновал барьер и оказался в совершенно ином месте.

Мир вспышек был мне абсолютно чужд; этот поверхностно напоминал знакомую землю. Вначале я даже решил, что вернулся в Эскор. Передо мной дорога, по которой я за зеленым шарфом шел к Темной башне.

Но когда я ступил на дорогу с колесами, то понял, что сходство только действительно поверхностное, поскольку здесь нет ничего устойчивого. Скалы таяли, сливались с землей и возникали в другом месте. Дорога плыла, и я шел, погружившись в нее по колени, как по ручью с Орсией. Те существа, которые, как я чувствовал, скрываются в скалах, были видны отчетливей, и мне приходилось отводить от них взгляд, чтобы не потерять рассудок.

И только одно в этом мире оставалось постоянным — меч. Когда я смотрел на него, а потом переводил взгляд на то, что передо мной, оно тоже становилось устойчивым, вызывало ощущение безопасности, хотя и ненадолго.

Я подошел к ущелью, в котором убил стражника. Но ущелье было заполнено пузырящимся зловонным веществом, похожим на ядовитую грязь. Идти дальше возможно только погрузившись в него.

Глава 15

К поверхности этой грязевой ямы поднимались пузыри; они лопались, испуская зловоние. Переплыть? Способно ли мое уродливое неуклюжее тело на такие усилия? Слезаящими глазами я пытался рассмотреть, нет ли способа перейти справа или слева. Но в обоих направлениях только постоянные сдвиги поверхности, вызывающие замешательство; я быстро отвел взгляд.

Если и можно перейти, то только по этой дороге. Я снова опустил покрытую бородавками лапу на шарф. Потом как можно крепче ухватил меч и шагнул в это полужидкое разложение. Масса слишком густая, чтобы в ней плыть. Я медленно погружался, хотя колотил руками и бил ногами.

Но меня не поглотило, как я опасался. Отчаянные усилия привели к некоторому прогрессу, хотя он был таким медленным! От ядовитых паров кружилась голова, из глаз текли слезы.

Немного погодя я заметил, что перед мечом грязь расступается, образуя проход. Я немедленно принялся наносить рубящие удары, высекая себе тропу.

Наконец передо мной показался каменистый берег, я выбрался на устойчивую поверхность, хотя грязь покрывала все тело, цеплялась, как будто не хотела отпускать. Пришлось повернуться и из всех оставшихся сил рубить ее, чтобы освободиться.

После этого я лег на камень, тяжело дыша; каждый вдох подавал в легкие еще одну порцию ядовитых газов. Выше... предупредил меня внутренний голос... выше и подальше отсюда.

Я снова пополз, оставляя на камне пятна грязи. Выше... внутренний голос все более настойчиво подгонял меня.

Сзади, из болота, донесся звук, громче обычного лопанья пузырей. Звук походил на тот, что производил я сам во время борьбы с грязью. Ухватившись лапами, я подтянулся. Меч, который я держал в клыках, ранил губы, если я двигался неосторожно, но все же это была единственная доступная мне возможность обезопасить себя.

Чавкающий звук приближался, но я не мог повернуть голову. Страх придал мне сил; я взобрался на верх подъема и перевалил через край. Потом умудрился встать на четвереньки и повернуться.

Они приближались по грязи со скоростью, с которой я не мог сравниться. Их двое, и...

Истощенный усилиями, которые потребовались, чтобы добраться сюда, я не мог даже встать без посторонней помощи. Но я подполз к камню и, опираясь на него, каким-то образом выпрямился; стоял лицом к противникам, прижимаясь спиной к камню.

У них серая бородавчатая кожа; тяжелые руки и толстые плечи, жабы морды (хотя в пасти клыки). На голове от одного большого уха до другого мясистые гребни. Это соплеменники того существа, в котором я сейчас обитаю!

Раскрывая широкие рты-щели, они кричали что-то непонятное. У каждого в руке топор, такой же могучий, как оружие Вольта — я его часто видел у Кориса, — но с более короткой ручкой. Они явно преследуют меня.

Убегать некуда, да я бы и не смог убежать, даже если бы заставил тело попытаться. Топоры напоминают те, которыми пользуются салкарские пограничники; их можно использовать и как ручное оружие, и метать с расстояния; если топорник хорошо владеет оружием, такой бросок обычно смертелен. Не знаю, насколько умелы эти люди-жабы. Но в таких случаях всегда лучше переоценить врага, чем недооценить его.

Я вооружен мечом, но чтобы воспользоваться им, нужно ждать, пока враги не окажутся ближе. Даже если они собираются метать топоры, вряд ли это возможно, пока они в грязи. Если не стану отходить дальше, смогу помешать им выбраться. Тут у меня будет небольшое преимущество.

Но я слишком медлителен, слишком устал от переправы через ядовитое болото и не могу двигаться быстро. Не могу даже отойти от камня, о который опираюсь. И когда попытался взмахнуть мечом, рука повиновалась мне так неохотно, что я решил: битва уже проиграна.

— Ситри! — Я попытался поднести рукоять к губам, нацелив острое в небо. Сталь, которой я владею этим Именем, сразись за это Имя! Не знаю, какой силой ты наделен, но я не из Тени, и пусть твоя сила поможет мне! Ибо я должен сделать то, что должен, и передо мной еще дорога... — Путаница плохо отобранных мыслей — вот и все, что я смог вложить в свою мольбу; при этом я даже не знал, буду ли услышан.

Если бы я смог сделать хотя бы два шага вперед и ударить, пока они не выбрались из грязи, у меня было бы небольшое преимущество. Но я понимал, что это выше моих сил. Если сделаю эти два шага, то встречу их не стоя, а лежа, с согнутой шеей, ожидающей удара топором.

Они, видимо, посчитали меня легкой добычей или слишком медленно соображали и знали только один метод нападения. Побежали, подняв оружие и испуская вопли, может быть, воинственные крики. Я пытался пользоваться мечом, как делал бы это, обладая нормальным телом.

Рукоять вырвалась, и меч взвился в воздух. Он снова казался не мечом, а вспышкой золотого свечения. Так быстро он промелькнул, что я даже не смог проследить за ним взглядом, увидеть, как он меня защищает. Увидел только зияющие раны под нижними челюстями людей-жаб; из ран хлестала пурпурная жидкость; нападающие споткнулись и упали, заскользили вниз по камню; топоры выпали из неожиданно разжавшихся рук, зазвенели, а я ошеломленно продолжал смотреть.

Снова звон, громче, чем от удара топоров о камень, почти колокольный. Передо мной меч, больше это не сверкающая разрушительная молния. Я оттолкнулся от опоры, спотыкаясь, прошел к нему. Но от усилий, которые потребовались, чтобы нагнуться и подобрать оружие, упал. Несколько мгновений лежал, ощущая под собой лезвие. И от его прикосновения к моей отвратительной коже исходило вначале тепло, а затем обновление и сила. Приободрившись, я приподнялся на передних лапах.

Над тем местом, где упали тела людей-жаб, стояло мерцающее облачко черных точек, как сажа, которая вздымается над кострищем, которое много раз заливали. Черные частицы со звоном оседали на поверхность камня...

И не жабы тела, павшие под ударами меча, увидел я, а тощие остовы, очень похожие на скелеты; под туго натянутой кожей торчали кости. И, несмотря на крайнее истощение, это были обычные люди!

Меч вселил в меня силу, поэтому я встал и по черной саже проковылял туда, где лежало первое тело. Черты лица отчетливо виднелись на обтянутом кожей черепе. Глядя на человека, я подумал, что он мог принадлежать к Древней расе. Смерть сняла какое-то заклятие и вернула ему подлинный облик. Смерть? Я взглянул на свои лапы, на бородавчатую кожу. Неужели *единственный* способ возврата — смерть?

Скелет продолжал изменяться, распадаясь в пыль, как то плачущее существо женского пола по другую сторону стены из драгоценных камней. Второй исчез вслед за первым.

Я как можно быстрее отвернулся и посмотрел в другом направлении; как и ожидал, увидел впереди башню, которая ждала, как раньше ее близнец.

Эта более темная, четче очерченная; в этом странном меняющемся мире я еще таких четких очертаний не видел. Насыпь, на которой стоит башня, тоже черная.

Я снова пошел по дороге, в которую погружались мои лапы и которая была рекой, но не из воды. И когда подошел к

основанию кургана, не потребовались никакие заклятия, чтобы открыть дверь: черная зияющая дверь уже ждала. Я послал мысль «Каттея», и мысль птицей быстро улетела в темноту.

Держа рукоять меча обеими лапами, я неуверенно ковылял вперед, прошел в дверь и оказался в Темной башне. Неужели меня снова ждет лестница и вход в искаженные миры?

Черная темнота, которая снаружи казалась непроницаемо густой, внутри пронизывалась желтовато-серым свечением. Я понял, что свечение исходит от моего тела. При этом свечении я разглядел пол и стены, все сложено из огромных, плотно подогнанных друг к другу каменных плит. Снова проход, снова стены без дверей и круглое помещение с уходящей вверх лестницей. Но на этот раз лестница не скрыта заклятием, и в помещении нет других дверей.

Перепончатые лапы не очень пригодны для подъема по лестнице. Вновь пришлось взять меч в зубы, встать на четвереньки и подниматься, причем любое неверное движение могло сбросить меня вниз, на твердый пол. Поэтому я поднимался очень медленно.

Но вот голова моя оказалась в более светлом месте, причем из него вниз не проникало ни луча света. Я словно пришел в мир призраков. Но не призраков существ, которые когда-то жили и дышали. Я видел прозрачные туманные очертания мебели. Стулья, стол, на котором стоит множество кувшинов, сосудов, фляжек и трубок, назначение которых мне непонятно. Вдоль стен сундуки и шкафы с закрытыми дверцами. Все такое же нематериальное, как туман над рекой, но отчетливо различимое на фоне камня.

Я протянул лапу к столу. Она легко прошла сквозь него, не встретив никакого сопротивления.

Еще одна лестница, ведущая наверх. Но не посередине комнаты, а у стены. Лестница каменная и материальная, в отличие от призрачной мебели. Я направился к ней. Лестница не такая крутая, как предыдущая, поэтому мне хоть и с трудом, ступенька за ступенькой, но удалось подниматься стоя,

как можно плотнее прижимаясь к стене, подальше от не огражденного края.

Ни звука: башня погружена в молчание. Я старался не шуметь, но это не очень получалось. Даже мое тяжелое дыхание громко слышалось в неподвижном воздухе, и я боялся, что насторожу часовых, если они стоят сверху.

Всверху еще одно круглое помещение, и снова призрачная мебель. Стол с придвинутыми к нему двумя стульями, словно подготовленный к обеду. Расставлены туманные кубки и тарелки.

Я глотнул. С тех пор как расстался с Орсией — столетия назад, — я ничего не ел. Пока не увидел стол, не вспоминал о еде. Но теперь во мне мгновенно вспыхнул голод. Где найти пищу? Какая пища нужна этому жабьему телу? Я невольно вспомнил скелетоподобные тела. Неужели они перед смертью голодали?

Мебель в этом помещении с некоторой претензией. На стенах тонкие, как паутина, гобелены. Но настолько тонкие, что невозможно разглядеть рисунок. Сундуки с резными крышками — такие можно увидеть в богатых домах.

Еще один пролет лестницы ведет меня вверх. Я поднимался с трудом. Доступ выше закрыт люком. Я прижался спиной к стене, зажал меч в зубах и надавил на люк изо всех сил.

Люк поддался, откинулся и со звоном ударился о пол. В полной тишине удар казался вдвое громче. Я как можно быстрее поднялся, уверенный, что насторожил тех, кто здесь укрывается.

— Добро пожаловать, отважный герой!

Я с трудом поворачивал голову на горбатых плечах, пытаясь разглядеть, кто это.

Динзил... да, Динзил!

Никакой обезображивающей жабьей маскировки. Высок, силен и прекрасен, как и тогда, когда я в последний раз видел его в Долине. К этому добавлялась огромная жизненная сила,

как будто в нем пылает огонь, но не пожирает его тело, а только добавляет сил, какие неведомы обычному человеку. Его внешность ослепила меня, слезы потекли по безобразным челюстям, но я не отводил взгляда. Ибо ненависть может укреплять, а я знал, что никогда раньше в жизни я не испытывал такой ненависти.

Он стоял подбоченясь и смеялся — неслышно, презрительно и насмешливо.

— Кемок Трегарт, один из троицы, добро пожаловать! Кажется, ты кое-что утратил и кое-что приобрел... и это приобретение не усиливает твой дух и не радует тех, кто смотрит на тебя с любовью... если такие еще есть. Хочешь увидеть, что увидят они? Смотри!

Он щелкнул языком, и передо мной появилась полированная поверхность, на которой я ясно увидел свое отражение. Но я уже знал свое уродливое тело и поэтому не испытал такого шока, какой он ожидал. Возможно, моя выдержка удивила Динзила, если подобные человеческие чувства ему еще доступны.

— Говорят, есть места, где человек видит не свою внешность, а внутреннюю сущность, — с улыбкой сказал он. — Видит существо, которое вскормил в себе своими тайными страстями, порочными желаниями, тем злом, которое он совершал в мыслях, но для совершения которого в реальности ему не хватало храбрости. Узнаешь теперь свою внутреннюю суть — когда она вышла наружу — Кемок Трегарт, изменник из-за гор?

Но меня такие уколы не трогали.

Каттея! Я послал мысль не ему, но, как и раньше, отправил в поиск. Здесь мысль больше не казалась ярко-зеленым летящим существом; это была раненая птица, которая стремится достичь цели, но встречает препятствия.

Я видел, как Динзил повернул голову и посмотрел ей вслед. На мгновение в его взгляде мелькнуло изумление. Запрещающим жестом он поднял руки, и птица-мысль исчезла. Динзил снова посмотрел на меня; сейчас он уже не улыбался.

— Кажется, я недооценил тебя, мой уродливый герой. Признаюсь, меня удивляет, как ты добрался сюда, не попав ни в одну из ловушек. Итак, у тебя все еще есть силы для поиска Каттея? — Казалось, он на мгновение задумался, потом резко хлопнул в ладоши и снова рассмеялся.

— Хорошо. У меня есть слабости; одна из них — герои. Такие постоянство и настойчивость должны быть вознаграждены. К тому же интересно посмотреть, настолько ли сильна ваша связь, чтобы привести тебя к Каттею.

Он произнес *слово*, высоко поднял руки над головой и резко опустил их. Меня охватил вихрь, уцепиться было не за что...

Мы стояли в круглой комнате. На полу люк, который я открыл. Все, как прежде, только все призрачное обрело плоть. Гобелены на стенах сотканы из поблекших тканей, но драгоценные камни и вплетенные металлические нити придают им блеск. По-прежнему передо мной Динзил, он издевательски поклонился.

— Добро пожаловать. Я бы дал тебе чашу гостя, мой бедный герой, но боюсь, ее содержимое означало бы для тебя смерть. А этого я не хочу — пока не хочу. Но мы слишком медлим. Ты ведь не в гости пришел, верно? Ты пришел с кем-то увидеться.

Он слегка повернул голову, и я проследил за его взглядом. Увидел небольшой стол, по обе стороны от него подсвечники высотой с человека с горящими свечами, а между ними зеркало. Перед зеркалом медленно вверх и вниз движется драгоценный гребень, словно кто-то невидимый расчесывает волосы. Но я видел только движущийся гребень.

Я побрел к столу и зеркалу. Мысль моя устремилась в резком призыве:

— Каттея!

Неужели это действительно она сидит здесь, недоступная моему зрению? Или этот движущийся гребень — трюк, с помощью которого Динзил пытается меня?

Я что-то увидел в зеркале. Но не красавицу сестру, а жабью морду.

Гребень упал на пол. Послышался вопль, полный такого ужаса, какой я никогда не слышал. Динзил обнял что-то невидимое.

Но все это может быть хитростью и обманом.

— Каттея! — снова мысленно позвал я.

— Зло! — Это не ответ, а чувство отвращения, такое сильное, что ощущается как физический удар. Затем последовали слова, некоторые из них я узнал. Она использует заклятие. Динзил не обманул меня: никто, кроме Каттеи, не может это сделать.

— Действительно зло, любимая, — Динзил говорил таким тоном, словно успокаивал ребенка. — Эта тварь хочет заставить тебя поверить, что к тебе пришел Кемок. Но успокойся; не трать свою мудрость; в этом месте тварь безвредна.

— Каттея! — К мысленному призыву я добавил два слова. Если она не потеряла окончательно связь с тем, кем была, эти слова должны убедить ее, что я принадлежу не Тени, а свету.

— Зло! — Снова этот направленный на меня взрыв. Но на этот раз сильнее. Однако он не сопровождается словами силы. — Отправь ее отсюда, Динзил! — прозвучал в пустом воздухе голос моей сестры. — Прогони! У меня стынет сердце от ее вида.

— Да будет так, любимая! — Он выпустил невидимое тело, снова поднял руки и произнес слово. Мы завертелись и снова оказались в комнате, обставленной призрачной мебелью.

— Как видишь, она сделала выбор, мой герой. Позволь показать тебе кое-что.

Снова он извлек из пустоты зеркало. Но на этот раз в нем отразились не я и не комната. В нем виднелась тварь — женщина — родственная той чудовищной плакальщице. Отчасти родственная. Потому что на покатых плечах уродливого тела сидела голова моей сестры; ее пушистые волосы покрывали

плечи и отвислые груди. И у нее не лапы, а белые человеческие руки.

— Вот какова Каттея сейчас,

Ненависть к нему ядом поднялась в горле. Он, должно быть, понимал это, потому что шевельнул руками, и я оказался прикованным к полу, словно мои лапы отрастили корни.

— Ты видишь того, кому подвластны опасности этого мира. Я Динзил; я остаюсь Динзилом. Каттея учится. Когда она полностью уподобится мне, она будет Каттеей и здесь, и в своем мире — будет Каттеей внешне. Но она учится хорошо и быстро. Все женщины сторонятся чудовищного. Я позволяю ей понемногу узнавать себя — и, конечно, не говорю, что она видит себя. Нет, она считает, что может стать такой, если не пустит в ход заклятия, которым я ее научил. Она очень послушна. Но в тебе есть что-то, о чем я не подозревал, Кемок Трегарт. Я считал, что большая часть твоей силы исходит от сестры. Но нельзя легкомысленно отбрасывать любое оружие, не подумав о его возможном будущем использовании. Итак... мы сохраним тебя, пока не примем решение.

Он снова сделал жест, меня опять подхватил вихрь. И я оказался в каменной клетке, где единственное желтоватое освещение исходило от моего тела. Стены выглядят прочными и сплошными, в них ни одного отверстия. Я скорчился в середине этого маленького холодного пространства и задумался.

Герой... Динзил насмехался, называя меня так, и имел на это право. Я ничего не сделал, чтобы защититься, достичь Каттеи; только преодолевал преграды, воздвигнутые врагом. Битва вообще не была битвой, а жалкой стычкой, которая протекала так, как хотел Динзил.

Но мысли о прошлых неудачах не позволят достичь чего-нибудь в будущем. С самого начала этого злополучного поиска я знал, что Динзил обладает тайными силами. На моей стороне только то, что я добрался до Башни, — этого он не ожидал, — и то, что у меня есть меч. Я положил меч на колени.

Оставил ли Динзил мне это оружие, потому что презирает использование стали, или он его вообще не видел?

Я задумался. Предположим, для Динзила меч так же невидим, как для меня Каттея! Но почему? Или почему я не испытал на нем меч, когда мы встретились? Оглядываясь назад, я думал, что оказался словно в каких-то путах с того момента, как вошел через дверь в курган.

Его крепость — Башня. У нее множество систем охраны, и все они не из камня и стали, они вообще невидимы. И я мог стать их жертвой, как только вошел.

Я ни разу не подумал о том, чтобы воспользоваться мечом, — не думал до того момента, как оказался в клетке Динзила. Меч разрушил стену из драгоценных камней. Может быть, он то же сделает и со стенами моей тюрьмы?

Но что я буду делать, освободившись, — если, конечно, я еще в Башне? Каттея бежала от меня к Динзилу. Она не признала меня. И она уже изменилась под действием чар Динзила. Эта тварь, которую он мне показал, — теперь, зная, что означает эта перемена, я хотел бы, чтобы она полностью превратилась в чудовище.

Каттея обладает знаниями Эсткарпа. Но силой Мудрых женщин могли пользоваться только девственницы. Мою мать обвиняли и в том, что она сохранила силу, когда вышла замуж за отца. Динзил не мог сделать ее полностью своей, потому что при этом уничтожил бы ее полезность для себя.

Любимая... этим словом он пытался успокоить ее... Я задышался от гнева. Одна лапа сжала рукоять меча. Вторая коснулась полоски света, которая принадлежала когда-то Каттею и в которую Орсия вложила свое волшебство.

Это тоже женское волшебство. Оно помогло мне, но снаружи, не изнутри. Что сказала тогда Орсия? *Ищи сердцем...*

Сердце... Что я использовал, когда отправил шарф на поиски Каттеи? Не нынешнюю Каттею, а такую, какой она была раньше, когда мы владели лишь врожденной силой. Мы пользовались ею так же естественно, как дышали, спа-

ли, ходили, разговаривали. Вот такую Каттею я представил себе.

Я не могу реально коснуться шарфа, который превратился в полоску света. Но я погрузил одну лапу в это сияние, держа второй рукоять меча. И начал творить волшебство — не волшебство Динзила или этой земли, вообще не волшебство Эскора. Мысленно я улетел в прошлое, назад, к своим первым воспоминаниям, общим с Каттеей и Килланом. Мы лежим на пушистом ковре у костра, и от костра вверх летят искры.

Ангарт, наша приемная мать, прядет, и нить непрерывно течет меж ее искусных, вечно занятых пальцев. До меня доносится мысль Каттеи...

— *Огненный лес, и на деревьях огненные птицы...*

Глядя в огонь, я вижу его так, как видит она.

Затем мысль Киллана:

— *А вот едет со своими людьми отец.*

И пламя приобретает очертания всадников на горных лошадях.

— *А за ними горы...* — Это мое добавление, хотя я тогда не догадывался, как изменят горы нашу жизнь. Нет, не думай о том, что произошло позже. Пусть воспоминания остаются четкими и чистыми!

Ангарт сверху вниз смотрит на нас: какой большой она нам тогда казалась.

— Тише, тише. Послушайте: я расскажу вам о снежном духе и о том, как Сэмсо перехитрил его...

Но мы не хотели успокаиваться, мы продолжали по-своему разговаривать. Уже тогда мы знали, что у нас есть нечто такое, чего нет у остальных, но сохранили это в тайне.

Я извлекал из памяти одно воспоминание за другим, пытался вспомнить мельчайшие подробности, чтобы создать яркую картину. Однажды мы ехали по весеннему полю. Киллан сорвал ветку с дерева тансен, и белые цветы с розовыми сердцевинами издавали сладкий аромат. Я нарвал полевых

цветов и сплел венки. А потом мы дали их Каттее: корону на голову, скипетр в руку — и сказали ей, что она прекрасна, как леди Брас, которая была так красива, что цветы краснели от стыда, потому что не могли с ней сравниться.

— *Помню...*

Эта мысль так естественно проникла в мое сознание, что вначале я ее даже не заметил. Потом постарался справиться со своими эмоциями. Немедленно призвал еще одно воспоминание и еще. Та, что была отчуждена, теперь присоединилась ко мне. Мы вместе ткали ковер из нашего общего прошлого. Я не пытался прямо обратиться к ней, только крепче привязывал к себе общими воспоминаниями.

— Это ты... это ты, Кемок?

Именно она разорвала заклятие своими осторожными, неуверенными вопросами.

— Да, это я. — Но больше ничего не добавил.

Глава 16

— Если ты Кемок, — в ее мысли растущее напряжение, — то эта земля не для тебя! Уходи, пока не пострадал! Ты не знаешь, что происходит с теми, у кого нет должной защиты. Я видела... это чудовищные существа!

Она видела то, что постарался показать ей Динзил.

— Динзил! — Мысль ее стала сильнее, громче. — Динзил защитит тебя; используй противочары...

Он настолько завладел ею, что она в поисках помощи прежде всего обращается к нему.

— Я пришел за тобой, Каттея. — Это истинная правда. Если она не слишком далеко зашла по той дороге, на которую он ее завел, я смогу достучаться до нее, как те воспоминания, которые она уловила.

— Но зачем? — спросила она простодушно. Это не та Каттея, которую я помню. Моя сестра никогда не полага-

лась на других, она всегда отличалась самостоятельностью и рассчитывала прежде всего на себя. Эта Каттея — совсем другая.

Я попытался мыслить яснее и проще, чтобы удержать тонкую связь между нами.

— Неужели ты могла подумать, что мы отпустим тебя, не думая о том, что с тобой может произойти?

— Но вы ведь знали! — немедленно отозвалась она. — Вы знали, что я уехала в место силы, чтобы узнать то, что обезопасит нас от Тени. И я учусь, Кемок. Я уже знаю много такого, что и не снилось нашим Мудрым женщинам. На самом деле они все ограниченные и трусливые. Они лишь подглядывают в щелку двери, не решаясь войти. Я удивляюсь, чему мы в них восхищались.

— Есть разные знания. Ты сама когда-то это сказала, Каттея. Некоторые знания входят в человека и расцветают, другие человек может удержать, только если сам изменится.

— Это касается мужчин! — возразила она. — Но я знаю волшебниц Эсткарпа, посвященных! Ни один мужчина не может того, что мы! А когда соберу все, что нашла здесь, я вернусь, и вы возрадуетесь моим находкам.

Третья картина Лоскиты. Неожиданно она ярко вспыхнула в памяти, и я увидел ее так же отчетливо, как в заполненной песком чаше. Вот войско Тени, и с ним Каттея; она швыряет в нас, своих родичей, огненные стрелы.

— Нет! — резко возразила Каттея. — Это злой обман, а не истинное пророчество. Тебя обманули; ты поверил, что я... одна из трех... могу это сделать? Динзил предупреждал...

Она не решилась продолжать, но я поторопил ее:

— О чем предупреждал Динзил?

Ответила она не сразу, а когда ответила, мысль ее была спокойна и холодна, как в Долине.

— Ты мне не истинный друг, ты только хочешь удержать меня при себе. У Киллана сердце добрее: он знает, что мы по-прежнему будем едины, даже если пойдем разными дорогами.

Но ты с этим не согласен; ты хочешь заключить меня в свою тюрьму.

— Динзил так сказал и ты поверила? — Он коварен, но чего еще следовало ожидать? Мои действия, направленные на освобождение сестры, только подкрепляют этот аргумент.

— Ты не любишь Динзила. У него есть и другие враги. Ему не нужно было говорить мне: я сама видела это в тебе и в остальных из Долины. Но он по-прежнему собирает здесь силы и предоставит их нам. Неужели вы думаете, что сможете противопоставить мечи и жалкие заклинания Великим, которые проснулись в Эскоре? Для того, чтобы противостоять им, нужны знания глубже тех, что доступны большинству.

— Динзил может призвать такие силы и контролировать их?

— Да — с моей помощью! — В ответе высокомерие и гордость. Они могут иметь корни в той Каттее, которую я знал, но они же сделали ее чужой.

— Возвращайся, Кемок. Я знаю: ты меня любишь, хотя твоя любовь меня раздражает. Динзил позаботится о том, чтобы ты вернулся в соответствующий тебе мир. И расскажи всем, что скоро мы придем с такой силой, что Тень оцепенеет от страха еще до нашего первого удара.

Я закрыл свое сознание перед этими словами, перед этой Каттеей — чудовищем, показанным мне Динзилом. Целенаправленно, со всей энергией, какую смог собрать, я снова подумал о Каттее, которую знал и любил, которая была частью меня...

— Кемок! — Высокомерие исчезло из этого возгласа, осталась только боль. — Кемок, что ты делаешь? Перестань! Ты снова накладываешь на меня путы, и нужны силы, чтобы разорвать их, такие силы. Но они нужны мне для других целей, которые поставлены здесь передо мной.

Я продолжал рисовать мысленные картины. Каттея, юная сердцем, чистая сердцем, счастливая, танцует на зеленом лугу и призывает к себе птиц; они присоединяются к ее пению... Каттея со смехом отламывает сосульку и сосет ее, а земля пе-

ред ней покрыта снегом и закована морозом, но прекрасна под зимним солнцем. Сестра достает изо рта сосульку и выпускает резкий призыв, на который отвечает снежный ястреб... Каттея ныряет в реку, не поднимая брызг, и плывет с нами, но тут же забывает о состязании, найдя запутавшегося в тростнике детеныша выдры и освобождая его... Каттея сидит у костра и слушает сказки Ангарт...

— Перестань! — Мольба звучит слабее. Я отбрасываю ее от себя, сосредоточившись на картинах, на прикосновении к двум талисманам, которым я доверяю в этом месте, где правит Динзил, как он считает.

Каттея вместе с нами убирает на поле урожай; мы все здесь вяжем пшеницу. Каттея, избранная в этот день приветствовать пиршественной чашей проезжих. Она по старому обычаю собирает дань и возвращается, смеясь и радуясь своему успеху: проехал целый отряд пограничников, и каждый бросил ей монету.

Но не Каттея, использующая свою силу, — никогда! Потому что для Каттеи сила — это дверь, ведущая сюда, к той Каттес, которую я не знаю и которой боюсь.

— Кемок... Кемок, где ты?

На секунду-две мне показалось, что это возглас Каттеи из моих воспоминаний; потому что звучит он молодо и странно неуверенно, печально.

Я открыл глаза и огляделся. Где я? В каком-то месте, из которого, по мнению Динзила, невозможно выбраться. Во мне росла уверенность. Для нее было мало оснований. Но когда человек достигает состояния, когда у него нет будущего, он начинает отчаянно сопротивляться. И в таких случаях иногда выигрывают и более слабые — просто потому, что им нечего бояться.

— Кемок... где ты?

— Скоро буду с тобой, — отозвался я. Но не знал, смогу ли я это выполнить.

Я с трудом встал, держа меч.

— Каттея! — снова послал крылатую мысль. Она устремилась в стену прямо передо мной и исчезла. Я подошел к стене.

Камень, прочный на ошупь. Но я сохранял уверенность. Прижал к стене острие меча и снова использовал безрассудное волшебство. Соединил слово «Ситри», ключ к мечу, со словами, найденными в Лормте.

Рукоять обожгла лапу. Но я прочно держал меч, не обращая внимания на боль. Острие прогрызло линию между двумя плитами. Вернее, только начало грызть, потому что сам камень поддавался перед оружием, пока я продолжал произносить имя и слова; камень расступался, как грязь в болоте. Я вырвался из тюрьмы, в которую поместил меня Динзил, и снова стоял в подземном помещении, из которого лестница ведет в Темную башню.

Я снова поднялся по лестнице и оказался в первой комнате. Но теперь мебель обрела материальность, перестала быть призрачной. Протянув лапу, чтобы коснуться ее, я едва не выронил меч. Что я протянул — лапу или человеческую руку? Я вижу пальцы! Но вот они скрылись под плотью чудовища, снова появились, скрылись...

Я был потрясен. Тварь, которую показал мне Динзил; он сказал, что такова Каттея в этом мире — женские голова и руки и чудовищное тело. Она пользовалась руками и головой, чтобы овладеть силами, которые здесь действуют. Он сказал: когда она внешне снова станет человеком, то будет готова для его целей. Я вытянул другую руку и посмотрел на нее. Да, и здесь тоже переход от руки к лапе. Но лапа все же материальней, а рука — всего лишь призрак.

Неужели использование здесь волшебства привязало меня к этому миру и вызвало изменение? Но ничего иного я не мог сделать. Поднялся по лестнице в следующую комнату — столовую. И снова линии отчетливей, я уже различаю цвета. Неужели Каттея останется для меня невидимой, а я останусь чудовищем, вызывающим в ней лишь страх?

Последний пролет. На вершине люк, на этот раз открытый. Если Динзил по-прежнему ждет там, на его стороне преимущество; надо уменьшить риск. Я поднял над собой лезвие. В этом мире руны еще ни разу не вспыхнули, однако я надеялся на них, как командующий армией — на испытанных и верных разведчиков.

Ничто на меня не обрушилось. Я с трудом поднялся. Вот стол с зеркалом. Я почти ожидал увидеть движущийся гребень. Но по первому впечатлению в комнате, кроме меня, никого нет.

Каттея! — громко позвал я. Крылатое слово устремилось на другую половину темной комнаты, туда, где висит гобелен. И из темноты появилась тварь, которую показал мне Динзил, только теперь белые отчетливые кисти рук торчат на разбухших запястьях, а голова стала туманной, как у той плакальщицы на равнине.

Походка у нее такая же неуклюжая, как у меня, и на лице застыло выражение ужаса — как у человека, понимающего, что ночной кошмар стал реальностью.

— Нет! — она произнесла это резко, почти закричала.

Даже если предстоит потерять се, придется сделать этот шаг.

— Я Ксмок — таким показывает меня этот мир!

— Но Динзил сказал... Ты не принадлежишь злу, ты не можешь быть таким отвратительным. Я знаю тебя, знаю твои мысли, знаю, что в тебе...

Я вспомнил высокомерные слова Динзила о том, что этот мир выворачивает человека наизнанку, показывает, что в нем заключено, его душу. Но я не принял это. И если он то же самое говорил ей, нужно подорвать эту ее веру, и поскорее, пока мы оба не погибли.

— Думай сама. Не принимай мысли Динзила за свои!

Неужели я зашел слишком далеко и она снова решит, что я говорю так из ревности?

Я протянул вперед лапу, которая время от времени становится рукой. Видел, как ее взгляд остановился на ней, глаза изумленно распахнулись. Мне удалось привлечь ее внимание.

Я попытался коснуться ее. Она увернулась, но я схватил ее, повернул и заставил остановиться перед зеркалом. Не знаю, видит ли она то же, что и я, но продолжал держать другую руку на мече и заставлял ее смотреть.

— Нет! Нет! — Она вырвалась и закрылась руками, чтобы не видеть зеркало. — Погибла... я погибла... — Повернула голову: то бесформенный овал, то женская голова — и посмотрела на меня. — Ты... твоё вмешательство привело к этому. Динзил предупреждал. Я погибла! — Она стиснула руки, и никогда в жизни не видел я сестру такой потерянной и несчастной. — Динзил! — Она огляделась и мысленно страстно призвала: — Динзил, спаси меня! Прости меня — и спаси!

Я испытывал боль от ее страданий. Каттея из прошлого тоже могла страдать, но она сражалась бы до конца и просила бы помощи только у товарищей по оружию.

— Каттея... — Я снова протянул к ней лапу, но она пятилась все дальше и дальше, с диким взглядом, отмахиваясь руками. — Каттея, подумай! — Удастся ли снова достучаться до нее? И хотя мне страшно не хотелось, чтобы живущее здесь зло укрепилось во мне еще больше, я должен это сделать — или потеряю ее навсегда.

Я повернул меч таким образом, чтобы рукоять находилась между нами. И произнес *слово*. Снова вспыхнул огонь, руку мне обожгло, но я продолжал держать этот столб золотого пламени.

— Каттея, неужели в тебе укоренилось зло? Мудрые часто испытывают свои души, обдумывают мотивы своих действий, знают все ловушки и западни, ожидающие тех, кто владеет силой. Ты долго жила с ними и не присоединилась к ним не потому, что не хотела, а потому, что у тебя есть более сильная привязанность. После прихода в Эсткарп что злое ты сделала... или думала, что сделала?

Слушает ли она меня? Держит руки перед лицом, но не прикасается к нему, как будто боится, что у нее не человеческая плоть.

— Ты не принадлежишь злу, Каттея: я никогда не поверю в это! Но если это так, разве то, что ты видишь, твоя внутренняя суть? Это всего лишь иллюзия; мы среди тех, кто постоянно пользуется иллюзиями. Ты чудовище только в этом мире, как и я.

— Но Динзил... — донеслась ее мысль.

— Для Динзила этот мир родной; он сделал себя единым с ним. Он сам сказал мне это. Сказал, что когда ты срастешься с этим миром, не будешь чудовищем лишь частично, то будешь прикована к нему и к его делу. Ты этого хочешь, Каттея?

Она дрожала, дрожь сотрясала громоздкое уродливое тело. Все чаще исчезала голова, и я видел глазные ямы и овальную голову плакальщицы.

— Я чудовище... я затерялась в этом чудовище...

— Ты в маске, навязанной тебе этим миром. Для многих сил прекрасное отвратительно, а отвратительное прекрасно.

Мне показалось, что теперь она прислушивается ко мне. Она медленно спросила:

— Чего ты хочешь от меня? Зачем притягиваешь своими воспоминаниями?

— Идем со мной!

— Куда?

Действительно — куда? Можно снова пересечь равнину, миновать стену из драгоценных камней, пройти мимо того места, где стоит плакальщица. Но что дальше? Смогу ли я найти выход, ведущий из мира Башни в Эскор? Я не был в этом уверен, она почувствовала мою неуверенность и ухватила за нее.

— Ты говоришь: иди со мной! Но когда я спрашиваю, у тебя нет ответа. И что мы с тобой будем делать, брат? Бродить в этом мире? В нем есть опасности, каких ты и представить не можешь. Не сомневайся: Динзил будет нас искать.

— А где он сейчас?

— Где он сейчас? — насмешливо передразнила она. — Боишься, что он придет сюда и встанет перед тобой? — Неожиданно ее взгляд изменился, и между нами возникла прежняя связь.

— Кемок?

— Да?

— Что случилось с нами, со мной? — Она говорила, как недоумевающий ребенок.

— Мы с тобой в чужом мире, Каттея, и он хочет удержать нас и подчинить себе. Выход есть — ты знаешь его?

Овал, на котором почти исчезли следы нормального лица, медленно повернулся, как будто Каттея смотрит новыми глазами и не может найти разгадку.

— Я пришла сюда...

— Как? — Мне не хотелось слишком нажимать, но если она знает дверь Динзила между мирами и если она не та, через которую прошел я, у нас есть возможность спасения.

— Я думаю... — Рука, все еще человеческая, неуверенно поднесена к голове. — Каттея неуклюже повернулась к завершенной гобеленом стене. — Сюда.

И заковыляла, держа перед собой руки. Взялась за один конец занавеси и потянула. На стене гневно горел пурпурно-красный символ. Он мне не знаком, но его отдаленных потомков я видел и знал, что он представляет собой такую силу, которую я не посмел бы вызвать.

Я почувствовал, как в мыслях моей сестры рождается слово, и не успел возразить. Символ на стене свернулся, как будто высвободилась отвратительная рептилия. Он продолжал вращаться, но я не смотрел на него: мне стало дурно оттого, что Каттея знает это слово. Но вот камень исчез, и только алые линии продолжали вращаться, стекали на пол, образуя лужу расплавленного вещества. Оно начало растекаться.

Я пошел вперед, потащив за собой Каттею, чтобы она не коснулась лужи. Впереди та же пустота, которую я встретил, когда впервые пытался проникнуть в Башню.

— Дверь открыта. — Мысль Каттеи снова стала холодной и уверенной. — Ради всего, что связывало нас в прошлом, будь свободен, Кемок, и уходи!

Рука, обернутая заколдованным Орсией шарфом, схватила ее за плечи, прежде чем она смогла увернуться. Держа в другой руке меч, я бросился вперед, используя тяжесть тела, чтобы увлечь за собой сестру. Думаю, она была слишком удивлена, чтобы сопротивляться. Возможно, это не дверь Динзила, но в тот момент я видел в ней единственную надежду для нас обоих.

Падение... падение... Падая, я выпустил Каттею, и моей последней мыслью было то, что она падает со мной.

И снова я очнулся, чувствуя боль и пустоту в голове. Но заметил, что никаких всплесков нет, меня окружают темнота и холодные стены. Я решил, что какой-то хитростью Динзил снова заключил меня в темницу. Меч... где мой меч?

Лежа на твердом камне, я поднял голову и огляделся. И увидел свечение за лапой. Лапа? Итак, я не свободен от того мира? И на меня огромной тяжестью обрушилось разочарование.

Но... я напряженно пытался выше поднять голову... лапа находится на конце руки, обычной человеческой руки! Я хорошо помню этот шрам; помню битву, в которой получил его.

Я опустил взгляд, чтобы осмотреть тело. Но это больше не тело жабы; обрывки человеческой одежды покрывают его от пояса вниз. Но лапы... я не решался прикоснуться к лицу этими уродливыми выростами, как будто их уродливость может вьестись в меня. Однако мне нужно знать, по-прежнему ли у меня на плечах жабыя голова.

За мной в темноте что-то шевельнулось. На четвереньках, таща за собой меч, я пополз, чтобы посмотреть, что это.

Человеческое тело, в оборванной одежде жителей Долины. Тело женское. На конце стройных рук лапы, еще более уродливые и бесформенные, чем мои. Над плечами овальная, лишенная черт лица голова с двумя глубокими глазницами. При моем приближении голова повернулась, ямы уставились на меня, как будто в их глубине действительно органы зрения.

— Каттея! — Я протянул к ней лапы, но она опять увернулась от меня. Только положила одну лапу рядом с моей,

как бы подчеркивая их уродливость. Потом закрыла лапами голову.

Не знаю, что меня побудило, но я протянул Каттее шарф. Он больше не был светлой полоской, снова стал обыкновенным шелковым шарфом.

Лапа протянулась вперед, выхватила шарф, обернула вокруг головы, оставив лишь маленькое отверстие для зрения.

Тем временем я осмотрелся. Мы либо в Башне, основание которой в Эскоре, либо в ее двойнике. Сидим на полу возле крутой лестницы. Дверь, ведущая в иные миры, закрыта, но чем скорей мы отсюда уберемся, тем лучше. Я повернулся к сестре.

— Идем...

— Куда? — мысленно спросила она. — Где мне найти место, чтобы спрятать свое уродство?

Я почувствовал страх: может быть, ее ужас оправдан? Те, кто возвращается из мира Динзила, навсегда уносят с собой свои искажения; мы пользовались силой света, но, может быть, Тень исказила эту силу.

— Идем...

Я помог ей встать, и мы спустились по этой крутой лестнице и оказались в коридоре кургана. Снова на мече вспыхнули красные руны, я внимательно наблюдал за ними. Но по-прежнему держал Каттею лапой, увлекая ее за собой. Она молча шла за мной, как будто ей было все равно, куда идти и чего ждать.

Нас встретил сумрачный день и унылый тяжелый дождь. Я думал, как отыскать путь назад, к тому месту, где осталась Орсия. Часть пути можно проделать по этой дороге с колеями.

Сознание Каттеи было для меня закрыто, хотя я пытался заинтересовать ее бегством. Она шла тупо, окружив себя барьером, который я не мог преодолеть. Я продолжал поглядывать на меч, хотя после выхода из кургана руны остыли и не вспыхивали снова, когда мы миновали долину и поднялись на противоположный склон.

С этого склона я осмотрелся и отметил ориентиры, которые запомнил на пути сюда. Вот там я убил чудовищное существо, одного из стражей Темной башни.

Голод, который я осознал еще в том мире, превратился в острую боль, и я достал из поясной сумки корни, которые дала мне Орсия. Предложил их Каттес.

— Еда хорошая — не испорченная... — сказал я, поднося корень ко рту.

Она выбила корень у меня из рук, и он откатился и исчез в промежутке между двумя камнями. Сознание ее по-прежнему было закрыто для меня. Ненависть к Динзилу стала такой сильной, что если бы он стоял передо мной, я, как лесной зверь, терзал бы его зубами и ногтями.

Каттес начала раскачиваться взад и вперед, спотыкаясь, и я посмотрел на нее. Неожиданно она изогнулась и оттолкнула меня так, что я упал. И прежде чем смог встать, она двинулась назад, к Башне.

Я перехватил ее, и, очевидно, эта последняя попытка отняла у нее всю энергию. Она не пыталась больше вырваться, но я продолжал внимательно следить за ней.

Мы стали спускаться, и идти было трудно. Мы словно шли по миру смерти. Руны не горели, и я не видел ничего живого. Мне показалось, что я узнаю кустарник, хотя сегодня он не окутан туманом.

Наконец мы подошли к ручью и к скале, возле которой я в последний раз видел Орсию. Не знаю почему, но я надеялся, что она ждет меня на прежнем месте. И когда не увидел ее, испытал разочарование.

— Ты думал, что можешь надеяться на эту водяную девицу, мой глупый брат? — Мне в сознание ворвалась мысль Каттес, непривычно чуждая, жесткая. — Но тем лучше для нее.

— О чем ты?

Теперь в сознании смех — такой смех я слышал только от Динзила.

— Мой дорогой брат, я хотела попросить тебя об одолжении; ты вряд ли смог бы мне отказать, и вот тогда ей пришлось бы туго.

— О чем ты говоришь? — снова спросил я, поскольку она сняла барьер. Но в голове прозвучал только ужасный смех. И я решил, что Каттея для меня потеряна, хотя и идет рядом.

Наш путь ведет по ручью и дальше по реке. Он настолько ясен, что мне не нужна помощь Орсии. Но я по-прежнему беспокоился о ней — надеялся, что она благоразумно ушла, найдя безопасное место, а не была захвачена каким-нибудь бродячим хищником этой земли.

Мы пришли к покинутому дому аспта, и по моему настоянию Каттея заползла в него передо мной. И прижалась к дальней стене тесного помещения, как можно дальше от меня.

— Каттея, в Долине знают гораздо больше нас. И скажут, что нам делать!

— Но Кемок, брат мой, я знаю, что нам делать! Для этого мне нужна только твоя водяная девица. Ну, а если не она, то кто-нибудь другой. Но она подходит прекрасно. Приведи ее ко мне или меня к ней, и мы произведем волшебство, которое поразит тебя... поразит Кемока, который считает, что он кое-что знает о тайнах, но на самом деле лишь подбирает обрывки знаний, выброшенные другими, гораздо более великими, чем он.

Я едва не потерял терпение.

— Такими, как Динзил, вероятно.

Она долго молчала. Потом снова в сознании прозвучал ее смех.

— Динзил... да, он взбирается на облака, чтобы пройти по небу. Динзил хочет многого, очень многого. Но другой вопрос, достанется ли ему хоть горсть того, чем он хочет обладать полностью, и Динзилу придется на этот вопрос отвечать. Я думаю, он ненавидит тебя, Кемок, за то, что ты сделал, когда уводил меня. Однако теперь, все обдумав, я вижу, что ты

сослужил мне хорошую службу, послужил гораздо лучше, чем если бы я сама тебе приказала. Я была во власти Динзила, подчинялась ему — ты был прав, когда опасался этого. Дорогой брат, твоя служба будет вознаграждена. — И она кивнула головой, плотно закутанной в зеленую ткань.

Меня пробрал озноб; я подумал, что за тварь поселилась в Каттее и удастся ли ее изгнать. Подумал о тех двух вариантах будущего, которые показала мне Лоскита и которые так и не осуществились. В них Каттея была на стороне врага. Может, лучше было бы ей погибнуть.

Но человек цепляется за малейшую надежду: если удастся добраться до Долины, там сумеют с этим справиться, убедут не только уродливую голову, но и ту тварь, что поселилась в сестре.

— Спи, Кемок; клянусь, я буду с тобой, когда ты проснешься. Теперь я ничего не хочу больше, чем идти туда же, куда и ты.

Я знал, что она говорит правду. Но не это хотел услышать. Не знаю, спала ли она. Но лежала неподвижно, положив закутанную голову на лапу. Наконец я уже не мог следить за ней, усталость победила.

Глава 17

Утром мы выбрались из логова. Снова я предложил Каттее съедобных корней, она отказалась, говоря, что такая пища ей не нужна. Я настаивал, спросил, а какая нужна, но она отгородилась от меня. Однако пошла со мной без возражений.

И опять над ручьем повис туман. Я обрадовался ему: здесь нас легко преследовать, и я надеялся, что мы скроемся в тумане. Возможно, Орсия оставила нам в качестве проводника Кофи, поэтому я внимательно наблюдал за поверхностью воды, но покажется ли мерфей.

Или кроганская девушка считала мою миссию в Темной башне настолько безнадежной, что не думала о моем возвращении?

Растительность на берегах ручья свободна от зла этой земли, но она редет. Стало прохладно, и я подумал, что зима близко. Не мог сдерживать дрожь и пожалел о плаще, из которого сделал чучело на пути сюда.

В дороге я также постоянно следил за мечом, не появится ли на нем предупреждение в виде рун. Туман каким-то причудливым образом приглушал звуки, и я решил, что предупредить нас об опасности может только меч.

Если повезет, мы по воде могли бы добраться до Высот. Но возвращаться подземным путем я не решусь. Поэтому нужно как-то пересечь эту землю.

Однако поступать так глупо. Есть все основания считать, что нас выследят за один день. Тем не менее я повернул от ручья в сторону Высот. Другого пути нет.

Смех, легкий презрительный смех. Я быстро повернул голову и взглянул на Каттею.

— Невозможно, мой дорогой брат? У тебя дар предвидения, и ты получил предсказание. Но помни, ты идешь не один, и я могу показать тебе такое, для чего не найдется слов ни у твоей водяной девицы, ни у мудрых из Эсткарпа. Не бойся, мы вернемся в Долину. Если пожелаем этого оба, сделаем.

Снова высокомерная уверенность, презрение к остальным. Однако она убеждена в том, что говорит. Но внутренне я отшатывался от ее помощи, как приветствовал помощь Орсии.

— Что это?... — Ее закутанная в шарф голова повернулась; Каттея внимательно вглядывалась в странную рябь на воде, там, где ее касался туман.

— Кофи! — воскликнул я. — Орсия? — Я послал мысленный призыв. Рябь приближалась, словно по воде вброд идет мерфей, дожидаясь, пока мы догоним его.

— Что это? — снова спросила Каттея. — Не могу проникнуть в него мыслью. Но это что-то живое. Что?

— Это мерфей. Он был нашим проводником.

— Друг твоей водяной девицы? — Каттея остановилась, как будто не хотела подходить ближе.

Неожиданно я почувствовал раздражение от того, как она называет Орсию.

— Ее зовут Орсия, и она тоже обладает силой. Только с ее помощью я смог найти тебя. — Мой ответ прозвучал резко.

— Орсия, — повторила Каттея. — Прошу прощения, брат. Пусть будет Орсия. Итак, она помогла тебе добраться до меня? Это я тоже не забуду. Ее волшебство придало силу моему шарфу. Но вернемся к ее посланцу, которого мы не можем видеть и с которым не можем общаться мыслью... Он ведь ее посланец, верно?

— Надеюсь.

Я опустил на колено в мелкой воде и протянул руку — вернее, лапу, — как сделал, когда Орсия передала мне свой дар зрения и я смог увидеть Кофи. Рябь на воде приблизилась, но на этот раз я не ощутил прикосновения чужой плоти. Возможно, Кофи не решался прикоснуться к тому, что служит мне рукой. И я не мог его винить в этом, но надеялся, что мой жест доброй воли будет воспринят как приветствие.

Рябь двинулась вниз по реке. Я не знал, пытается ли он вести нас или просто уходит, не желая иметь ничего общего. Но поскольку пока можно держаться реки, я надеялся на первое.

И, должно быть, оказался прав, потому что Кофи не уходил от нас, но шел на несколько шагов впереди, так, чтобы мы успевали за ним. Однажды ярко вспыхнули руны, и я остановил Каттею и прислушался, наблюдая за густым туманом. Послышалось приглушенное мычание и несколько резких криков. Потом все стихло. Мы стояли неподвижно, выжидая. Немного погодя руны поблекли.

— Он охотится, — уловил я мысль Каттеи.

«Он» могло значить только одно.

— Динзил? На нас?

Снова ее смех.

— Ты ведь не верил, брат, что он меня легко отпустит? После того, как зашел так далеко, добиваясь моей помощи? Думаю, теперь Динзил нуждается во мне больше, чем я в нем. И это позволяет в будущем заключить неплохую сделку.

— Какую сделку?

— Я не намерена оставаться уродливой ни в этом, ни в любом другом мире, Кемок! — В ее уверенности появилась трещина; и я уловил глубокий гнев за ней.

— Мне казалось, ты знаешь, как помочь себе. — Я подхватил тему, хотя и знал, как она болезненна для сестры. Но я должен знать, что, по ее мнению, сделает Динзил и что готова сделать она сама. Этой Каттее я больше не доверял.

— Конечно, знаю. Но Динзил способен причинить неприятности. Дорогу, по которой я двинулась, можно пройти только раз. К тому же... — Она быстро остановила поток мысли и снова воздвигла между нами барьер.

Я почти конвульсивно вздрогнул. Холод вгрызлся в полюбленное тело. Каттея повернула голову и через щель в шарфе посмотрела на меня. Потом подняла одну красную лапу.

— Принеси это. — И она показала на растущий поблизости тростник.

Хотя мои лапы не приспособлены для такой работы, я притащил охапку тростника и по ее сигналу положил ей на колени. Она наклонила голову и подула. И хотя ее сознание было закрыто для меня, я ощутил своеобразное состояние, которое наступает во время использования силы. Тростинки начали удлиняться, утолщаться, они сплетались друг с другом, и вскоре в ее лапах оказалась плотная стеганая куртка, какие носят осенью в Эсткарпе. Я взял куртку и надел. Она не только защищала от ветра. От нее исходило тепло, и мне стало так приятно и удобно, как будто я иду теплым весенним днем.

— Видишь, сила помогает в пути, и не только в большом, но и в малом, — донеслась мысль Каттеи.

Я потерял переднюю часть куртки. Она казалась совершенно реальной. И я понадеялся, что волшебство продержится как можно дольше.

Каттея уловила мою мысль.

— Сколько тебе будет нужно, потому что она сделана для тебя.

Мы достигли главной дороги, и туман рассеялся. Я продолжал оглядываться, но Каттея шла по отмели уверенно, как будто нам нечего опасаться. Перед нами рябь по-прежнему выдавала движение Кофи. Итак, он все еще сопровождает нас.

Снова далекий звук. На этот раз не мычание, а лай, как лают охотничьи собаки Алисона, когда чувствуют добычу (известно, что эти псы натасканы на людей).

— Всадники сарны...

Теперь, когда лицо Каттеи закрыто, я понял, как много можно прочесть по выражению лица спутника. Могу ли я быть уверен в том, какие чувства вызвала у нее эта мысль? Мне показалось, что она возбуждена, но не так, как если бы опасалась за себя. Она похожа на постороннего наблюдателя. Неужели так уверена в высокой оценке Динзила, что не боится преследователей?

— Динзил знает, что ему нужно. — Она опять прочла мои мысли. — Динзил хорошо обдумал, что ему понадобится для того, чтобы взобраться на небо. В прошлом он приспособил для своего использования много орудий, но никогда у него не было орудия из Эсткарпа. Так что теперь его поджидает сюрприз.

Лай становился громче. Я увидел, как рябь, обозначающая присутствие Кофи, метнулась к противоположному берегу. Закачались тростники; должно быть, мерфей спрятался. Я осмотрелся, но вокруг не нашлось природных убежищ. Можно уйти поглубже в воду, но когда я сказал об этом, Каттея возразила.

— Твоей Орсии нравятся грязные норы, она может прятаться на дне. Но я не Орсия, и у меня нет жабр. И у тебя нет,

дорогой брат. А как твой меч?... — Она прикоснулась лапой к лезвию и, вскрикнув, прижала ее к груди. — Что это?

— Оружие и талисман. — Почему-то мне не хотелось ей рассказывать, откуда у меня меч и что он для меня сделал.

Руны на лезвии сверкали огнем. Не впервые я пожалел, что не могу их прочесть, узнать, что еще может сделать оружие для своего хозяина, чтобы в опасности я мог не действовать вслепую, а полностью полагаться на меч.

На вершине противоположного берега что-то шевельнулось. Я попытался увести Каттею на глубину, но она ускользнула от меня и осталась на прежнем месте, как будто ничего не опасалась. Поневоле мне пришлось остаться с ней, держа меч в руке; руны светились так ярко, что можно было подумать, будто алый блеск капает с лезвия.

Они появились: три человека-волка на четвереньках, это они лаяли. За ними шли люди, такие же, как те, что пленили Орсию. В тылу еще двое — эти убивали кроганов огненными жезлами.

И снова прозвучал жуткий смех Каттеи.

— Слишком жалкая горстка, чтобы победить нас, брат! Динзил забылся, если так оскорбляет меня.

Она поднесла лапы к шарфу и принялась неторопливо разворачивать его, все время глядя на пришедших. Лапой я ощущал, как нагрелась рукоять меча.

Серые разевали пасти, оскаливая клыки; из пастей текла слюна. Глаза их превратились в злобные красные искры. Люди замедлили ход своих скакунов. Я заметил, что под ними не рентанцы, а животные, похожие на лошадей из Эсткарпа, но только они крупнее, мощнее и все черные. Всадники не пользовались ни седлами, ни поводьями. Я вспомнил кеплианца, коня-демона, который едва не покончил с Килланом.

Голова Каттеи освободилась от шарфа. Дневной свет безжалостно показал чудовищную морду. Впервые я увидел ее отчетливо и не смог сдержать невольной дрожи, хотя сразу подавил ее.

Ни рта, ни носа, на красном овоиде головы только ямы-глазницы. Вспомнив свою красавицу сестру, я понял, что она могла едва не сойти с ума и обратиться к любому средству, какое оказалось под рукой.

Серые не стали входить в воду, и я вспомнил слова Орсии о том, что тесная вода недоступна для некоторых злых существ. Но я видел и то, как люди с огненными жезлами стреляли через реку, и ждал, что эти жезлы будут нацелены на нас.

Каттея подняла обе лапы на уровень плеч и направила их на пеструю компанию. Она использовала мысли, а руками махала, словно гнала мысли на врага. Но слов ее я не узнал. Мне хотелось убежать от нее, потому что сознание мое разрывалось, его жгло, и человек не может это выдержать. Но я держался за меч, тепло от него поднималось по руке, достигло наконец головы и воздвигло преграду против сил, вызванных сестрой. Каттея продолжала махать лапами и посылать мысли, но для меня это больше ничего не значило.

Серые закинули головы и разразились диким мучительным ласм, похожим на крики обреченных. Они бегали взад и вперед и наконец убежали от реки, скрывшись в пересеченной местности.

Кеплианцы заржали и встали на дыбы. Некоторые сбросили всадников и убежали вслед за людьми-волками. Немногие удержались в седлах, а упавшие неподвижно, как мертвые, лежали на земле. Только два человека в капюшонах слезли с несчастных животных, которые тут же ускакали, и теперь стояли рядом, глядя на Каттею. Но не пытались использовать свое оружие.

Сестра опустила руки. Она послала открытую мысль, так что я тоже уловил ее.

— Передайте своему повелителю: ястреб не охотится там, где летает орел. И тот, кто носит плащ силы, посылает к равным себе только герольда-знаменосца. Если он хочет поговорить со мной, пусть передаст это, и мы будем говорить —

лицом к лицу. — Она рассмеялась. — Расскажите ему о том, что увидели: это подбодрит его, потому что мы еще можем договориться.

Внешне они никак не показали, что поняли ее слова, и ничего не ответили; просто повернулись и пошли назад, обратившись к нам спиной, как будто не опасались нападения. Каття снова закутала голову платком.

— Ты бросила вызов Динзилу, — вслух сказал я.

— Да, — согласилась она. — Думаю, больше он не будет посылать подчиненных охотиться за нами, как за какими-то сбежавшими рабами. И когда придет, вооружится всей силой, какой обладает.

— Но...

— Но этого ты и боишься, брат? Не надо. Динзил хочет превратить меня в орудие, в инструмент, как щипцы, которыми вытаскивают из огня уголь. До сих пор, — она плотнее связала концы шарфа перед собой, — до сих пор это ему отчасти удавалось. Только, видишь ли, он слишком многое раскрыл передо мной. И поскольку я училась в другой школе, я смогла уложить узнанное в новый рисунок, который ему недоступен. Пусть поверит, что я обладаю силой, и он вдвое сильнее захочет договориться с нами. Ну, пошли? — Она повернула закутанную голову в одну сторону, потом в другую и указала налево. — Мне не нравится идти по воде. Не думаю, что в этой земле нам еще кто-нибудь бросит вызов. Долина в том направлении.

— Откуда ты знаешь? — Ее высокомерие усиливалось. Теперь она щелкала мыслями, как охотник бичом о сапог. Каття, которую я знал, уходила от меня все дальше и дальше.

— Долина — скопление силы, ты ведь не станешь это отрицать? Но такие скопления посылают сигнал всем тем, кто его слышит. Попробуй сам, брат, испробуй свой загадочный огненный меч.

И настолько я был в тот момент под ее влиянием, что поднял меч, свободно держа его, чтобы он мог действовать

как стрелка. Клянусь, я его не наклонял, но он указал то же направление, что и Каттея.

Вопреки моему желанию мы покинули реку; впрочем, я знал, что рано или поздно нам все равно пришлось бы это сделать, потому что не хотел уходить под землю.

Мы быстро миновали полоску нормальной растительности у ручья и оказались в пустыне, которая занимает большую часть этой холмистой страны. Каттея шла вперед, как человек, которому нечего бояться, но я держал меч наготове, и когда руны предупреждали, обходил сам и заставлял ее обходить кусты, камни и тому подобное. Вскоре я уже знал, что за нами следят справа и слева; преследуют и сзади. Некоторые из фигур я видел среди приспешников зла, другие были мне незнакомы. И не все они были уродами или чудовищами. Но если это иллюзия, то я никак не мог ее преодолеть.

Никто из них не пытался нам помешать, но все ждали приказа повелителя. Я был настороже, ожидая, что вот-вот появится сам Динзил, чтобы ответить на вызов Каттеи. Я плохо вооружен для такой битвы. Как заметила Орсия, у меня только одно могучее оружие. Это слова из Лормта, на которые был дан *ответ*. Я могу снова позвать и снова получить *ответ*. Но на такой риск можно идти в самом отчаянном положении, когда всякая иная надежда утрачена.

Кое-где в этой выжженной земле появлялись плодородные участки, в основном вблизи ручьев и озер, как будто проточная вода сдерживает зло, опустошившее эту страну. Идти было трудно: со своего наблюдательного пункта на высотах я видел, что местность сильно пересеченная, хребты разделены глубокими узкими ущельями, так что мы постоянно либо поднимались, либо спускались. Однако Каттея без всякого труда находила направление и без колебаний шла впереди, все время поворачивая влево. Теперь я видел и сами Высоты, как доказательство ее правоты.

Наконец мы остановились у озера с пресной водой. Я съел один из оставшихся корней, данных мне Орсией, хотя

мог бы прикончить их все. Каттея снова отказалась от пищи, она села, прислонившись спиной к большому камню, и смотрела вниз по течению. Я сознавал, что все преследователи сейчас следят за нами.

— Надо найти место для ночного лагеря. — Я пытался найти тему для разговора с этой незнакомкой, в которой никак не мог узнать свою сестру.

— Найдем... — Она замолчала. — Все идет хорошо, и скоро мы отыщем то, что нам нужнее всего. Но не время задерживаться здесь.

Она уже встала и направилась по ущелью в сторону от озера. Я пошел за ней и неожиданно на мягкой почве заметил след — отпечатки ног с перепонкой между пальцами. Такие следы мне знакомы. Это кроган. След вел от озера, в сторону от воды, и это меня удивило.

Орсия? Но в этом я не был уверен. Если кроганы присоединились к Тени, чего вполне можно ожидать, возможно, они среди тех, кто сейчас следит за нами. Но только *почему от воды?* Этого они боятся больше всего на свете. Других следов, доказывающих, что водный обитатель пленник, не было; его даже не преследовали, вынуждая уйти в пустыню.

Следы продолжали появляться на участках сухой почвы, слабые, но несомненные. Кроган, очевидно, добровольно, шел в том же направлении, что и мы, шел вопреки своей природе и обычаям. Дважды я наклонялся и осматривал следы внимательней, чтобы убедиться, что не ошибаюсь. Один раз коснулся следа мечом — проверить, не скажут ли мне что-нибудь руны. Возможно, это вся иллюзия, призванная обмануть меня. Но руны не вспыхивали.

Уже темнело, когда перед нами появилось ведущее вверх ущелье, и Каттея без колебаний углубилась в него. Здесь я тоже увидел следы, но что-то заставило меня подумать, что тот, кто их оставил, шел с трудом. Есть ли впереди вода? Если есть, надеюсь, речной странник до нее добрался.

И тут я увидел в темноте крошечную белую искру. Это может быть только конусообразный жезл Орсии, поставленный как защита от сил зла. Но Орсия так далеко от воды... почему?

— Потому что она нам нужна, брат! — Впервые за много часов я услышал мысль Каттеи.

— Но она далеко от воды, а она кроганка. Ей нужна вода!

— Не беспокойся: когда мы до нее доберемся, у нее будет все, что ей нужно.

Я страшно устал, но побежал вперед, спотыкаясь о камни, усеивавшие поверхность. И оказался у того места, где стоял рог единорога как символ защиты. Рядом с ним лежала Орсия. Когда я опустился рядом с ней на колени, она чуть пошевелилась. Вода... но у меня нет бутылки с этой драгоценной жидкостью. Могу ли я отнести ее назад, по этой пересеченной местности, к озеру, где впервые увидел ее следы? Это почти безнадежная задача, но если ничего другого не останется, я попробую.

— Не нужно. — Каттея стояла рядом, глядя на нас. — То, что нужно сделать, будет сделано здесь и сейчас.

— Но здесь нет воды, а без воды она умрет.

Каттея медленно разворачивала свой шарф. Голова Орсии чуть повернулась у меня на руке. Мне захотелось поднять руку и закрыть ей глаза, чтобы она не увидела чудовище, в которое превратилась моя сестра.

— В чудовище... да.

Мне стало стыдно: сестра уловила мою мысль.

— Но у нас есть от этого средство, и ты должен дать мне его, Кемок. И я знаю, что ты дашь... дашь... дашь... — Она вгоняла эти слова в мое сознание, и я обнаружил, что соглашаюсь с ней: то, чего она хочет, должно быть сделано.

— Возьми свой добрый меч, Кемок, и дай мне кровь.. кровь для того, чтобы смыть чары. Тогда я снова стану Каттеей.

— Кровь! — Я нарушил молчание.

— Кровь! — Она приблизилась ко мне, протянула лапы. — Убей водяную девицу, дай мне ее кровь! Или хочешь, чтобы я весь остаток жизни прожила чудовищем?

Она произнесла слова, заставляющие слепо повиноваться, и я поднял меч. Руны ярко вспыхнули, рукоять обожгла мне руку. Я смотрел на Орсию, она смотрела на меня, не просила милости, и в ее больших глазах не было страха, только терпеливое ожидание. Она понимала, что убежать не сможет.

Я закричал и вонзил меч острием в землю между мной и Каттеей, так что он задрожал. И услышал ответный крик Каттеи. На этот раз не только мысленный, она кричала вслух, и это было так ужасно, что я содрогнулся. В ее крике слышалась боль от предательства того, кому она больше всего в мире имела право верить. Крик открыл в нынешней Каттее ту, что была когда-то. Сестра отвернулась от нас, закрыв лицо руками.

Я положил Орсию на землю и протянул руку к мечу.

— Если тебе нужна кровь... — начал я и поднес меч к своему телу.

Но она не слушала. Рассмеялась — ужасным, потерянным смехом. И убежала от нас, назад, в темноту. Однако мысль ее по-прежнему достигала меня.

— Да будет так! Да будет так! Я договорюсь по-другому. Но, возможно, договор будет не таким простым, и ты еще о нем пожалеешь, Кемок Трегарт!

Глава 18

Я побежал бы за ней, но Орсия схватила меня за ногу, так что я споткнулся и упал. Девушка крепко держала меня и, когда я повернулся, чтобы высвободиться, крикнула:

— Я делаю это для тебя, Кемок, для тебя! Она больше не та, о которой ты думаешь. Она отведет тебя прямо в их руки. Посмотри на свой меч!

Я палец за пальцем разжимал ее руку. Но, услышав ее слова, посмотрел на меч, который выпал у меня из руки и те-

перь лежал острием в темноту. Никогда не видел я, чтобы руны сверкали так ярко.

— Это Каттея! — Я наконец разжал руку девушки. — И нас преследуют силы Тени.

— Это не та Каттея, которую ты знал, — слабо повторила Орсия. Глаза у нее закрылись, и она с явным усилием открывала их вновь. — Подумай сам, Кемок: разве та, с которой ты связан, просила бы тебя это делать?

— Но почему... почему она меня об этом попросила? — Теперь рукоять меча была у меня в руке. Однако стремление следовать за Каттеей больше не подгоняло меня. Вернулась способность рассуждать.

— Потому что это правда. Кровь — это жизнь, Кемок. У полулюдей охотники пьют кровь самых храбрых своих жертв, чтобы получить жизненную силу и храбрость тех, кого убили. Разве воины не смешивают кровь, становясь братьями?

— Так поступают салкары.

— Там, где побывала твоя сестра, ее поместили. Она не может обрести цельность, стать снова собой, если только кровь не вернет ее этому миру. Кемок, посмотри на свои руки! — Она смотрела на мои лапы. Я поднес их ближе к рогу единорога, чтобы она могла рассмотреть получше.

— Помечена не только она, но и я. Но ей хуже. Быть прекрасной девушкой, а потом посмотреть на себя и увидеть — *это!* Можно сойти с ума!

— Это тоже верно, — шепотом ответила Орсия. — Она ведь наложила на меня заклинание?

— Да.

Я перевел взгляд с лап на кроганскую девушку, оторвавшись от своих мыслей. Вода... Орсия умрет, если мы не найдем воду. Если я последую за Каттеей, Орсия умрет в этой пустыне — умрет так же верно, как если бы я выполнил требование сестры. И если я не убил Орсию ударом меча, тем более не могу оставить ее мучительно умирать.

— Где вода?.. — Я тупо осмотрелся, как будто ожидал, что по моему слову вода хлынет из расселины в камне.

— Озеро... там, на нашем пути, — добавил я, хотя считал возвращение туда невозможным. Если даже найду путь во тьме, неся Орсию, она умрет еще до того, как мы туда доберемся. Если при этом сумеем спастись от чудовищных преследователей...

В сознании послышалась слабая мысль Орсии:

— Через Высоты...

Я посмотрел на ущелье. Такой подъем... в темноте...

Она с трудом пошевелинулась, протянула руку к рогу. Но когда я попытался взять его, не дала.

— Нет... если ты его тронешь... его свойства исчезнут... Помоги мне... взять его...

Я поддерживал ее, и она сомкнула ослабевшие пальцы на роге. Затем я повесил меч на пояс, встал и взял девушку на руки. Рог лежал у нее на груди, и при его свете была ясно видна ведущая вверх тропа.

Эта ночь была полна страха, отчаяния, борьбы и труднейших испытаний. Каким-то образом Орсия цеплялась за жизнь, а я шел вперед и нес ее. Время от времени меч вспыхивал, но я не решался посмотреть, кто нас преследует. Когда мы поднялись на вершину перевала, небо уже посерело перед рассветом. Где-то там вдали Долина. Но нам сейчас нужно только одно — вода.

— Вода... — Не просьба, не жалоба Орсии. Я с приливом надежды осознал, что это слово узнавания! — Теперь налево...

Я свернул влево и начал спускаться по склону. Колючки кустарников рвали меня и мою ношу, и я чувствовал такую слабость, что если бы упал, вряд ли смог бы подняться. Но когда на самом деле упал, мы оказались у маленького пруда, который питал тоненький ручеек.

Положив Орсию на землю, я набирал в лапы воду и пле-скал ей в лицо и на тело. И когда она пошевелилась, я едва не

закричал от радости. Потом подтащил ее ближе к пруду, и она погрузила голову в воду по плечи и лежала неподвижно, как будто впитывая всей кожей животворную энергию.

Потом подняла голову и села, чтобы опустить в воду ноги. Более волшебного превращения я в своей жизни не видел: у меня на глазах ее тело, высохшее и легкое, становилось крепким и молодым. Я полулежал на противоположном берегу пруда, настолько измученный, что не смог бы удержаться от сна, даже если бы передо мной появился сам Динзил.

Проснулся я от звуков пения. Мне показалось, что я различаю отдельные, но совершенно непонятные слова. Пение действовало успокаивающе, оно отгоняло ужасы темной ночи в этих диких местах, — потому что когда я открыл глаза, стояла ночь. Орсия сидела, лицом к рогу, как в тот раз, когда мы шли по земле Темной башни; девушка протягивала руки к свету, как греются у костра.

Но когда я вспомнил о Темной башне, то поневоле вспомнил и все остальное, и сонное удовлетворение первых мгновений сразу исчезло. Я резко сел, оглядываясь через плечо, потому что мы по-прежнему находились в углублении у пруда; за нами располагались Высоты, с которых мы спустились и в которых, наверное, все еще блуждает Каттея.

— Возврата нет. — Орсия подошла ко мне. Как и тогда, когда показывала Кофи, она прижала ладони мне к вискам. И я «увидел», что вся местность за нами полна сил Тени, что они объединяются для какого-то мощного удара. Без объяснений я знал, что удар этот нацелен на Долину. Сердце мое разрывалось. Нужно предупредить жителей Долины — но нужно и спасти Каттею.

— Сейчас не тот день и не тот час, когда ты можешь вести бой за Каттею. Если вернешься в это логово, полное опасностей, зря потратишь свои силы и дар. Может случиться и гораздо худшее: разве Динзил не намекнул, что найдет в тебе еще одно оружие? И разве не захочет попробовать, поскольку

утратил контроль над Каттеей? Ты будешь богатой добычей... — уговаривала меня Орсия.

— Откуда ты знаешь, что говорил мне Динзил? — прервал я ее.

— Ты спал и видел сны, и из них я узнала многое, — просто ответила она. — Будь уверен, Кемок, твоя сестра ушла за пределы, из которых ты еще мог ее позвать. Теперь тебе нужно сделать выбор. Можешь погубить все, если пойдешь назад. Или предупреди Долину.

— Но ведь есть силы; к ним можно обратиться. — Я попытался позабыть о своих страхах.

— Но не тебе: ты слишком мало знаешь, чтобы устоять. И можешь потерять все. Тебе предстоит сделать выбор: повернуть назад, рискуя потерять все, или отнести предупреждение в Долину.

Она права, но от этого принять ее слова не легче. Я потерпел неудачу, и теперь придется жить с сознанием этого поражения. Впрочем, судя по тому, как идут дела, эта жизнь не будет долгой. Лучше провести ее остаток, противостоя Тени.

Нам приходилось держаться воды, и это делало нас уязвимыми. Но я не могу послушаться Орсии и оставить ее одну. Слишком хорошо я понимал, что может с нею случиться. Из-за своего невежества я потерял Каттею — ведь я мог дать ей свою кровь и тем вернуть сестру, — но поступать так же с Орсией не собираюсь.

Она крепко прижимала к себе рог. Он по-прежнему сиял, давая нам свет. Орсия сказала, что у него есть и другие защитные свойства. Но мне не хотелось им пользоваться: сила притягивает силу, даже если они противоположной природы.

На рассвете мы заползли в щель между двумя большими камнями. Здесь мелкий ручеек, по течению которого мы шли, впадал в большой ручей, и первое время Орсия провела под водой, восстанавливая силы. Однажды нас вырвал из тревож-

ного сна стук копыт о камень. Я выглянул из щели и посмотрел вниз. Там ехали люди — не на кеплианцах, а на рентанцах. Первой моей мыслью было: это разведочный отряд Долины; но тут же я увидел их знамя и на нем — герб последователей Динзила.

Но их приветливо встретят в Долине, и тем самым они откроют вход для последующих войск... Я еще острее ощутил необходимость торопиться, предупредить жителей Долины. Моей лапы коснулась рука Орсии.

— Они едут не в Долину, а от нее, — сказала девушка. — Но ты прав: нам нужно торопиться!

Насколько я прав, мы поняли, как только двинулись в путь. Дважды нам приходилось прятаться, пропуская вражеские отряды. Однажды мы встретили группу каких-то призрачных существ; они светились и издавали запах разложения; затем попались трое Серых; те целеустремленно и стремительно бежали куда-то.

Орсия находила для нас пищу. Она ловила под камнями в ручье какие-то существа, и я торопливо заталкивал их в рот, жевал и глотал, стараясь не думать и не ощущать вкус. Мы по-прежнему держались ручья; к счастью, он тек в нужном направлении. Незадолго до заката Орсия указала на треугольник ряби на воде.

— Это Кофи?

— Нет, но его соплеменник. Может, у него есть для нас новости.

Она свистнула и принялась щебетать, как и с Кофи, потом, слегка нахмурившись, повернулась ко мне.

— Между нами и Долиной значительные силы Тени. Они ждут сигнала для нападения.

— Мы можем миновать их?

— Не знаю. Ты умеешь плавать, но недостаточно хорошо, чтобы пробраться подводными путями.

— Если понадобится, поплыву. Покажи эти пути, — мрачно сказал я.

Она колебалась. Но, еще немного пощебетав с мерфеем, пожала плечами.

— Придется...

Но нам не пришлось достичь ее «подводных путей». Вскоре рядом с нами словно ниоткуда возникла стая мерфеев. Они собрались вокруг Орсии. Я слышал их тонкие голоса: должно быть, они возбужденно кричали, раз я смог услышать.

— В чем дела?

— Мои соплеменники...

— Значит, они присоединись к Тени?

— Нет. Они по-прежнему считают, что могут сохранить мир и идти своим путем, если отдадут дань тем, кого больше всего бояться. Эта дань — мы с тобой. Они знают, что мы движемся по реке, и их волшебство я не смогу преодолеть.

— Можешь спрятаться. Мерфеи тебе помогут. А я пойду сушей. — Мне не терпелось идти дальше. Это нетерпение жгло меня, словно огнем.

Орсия как будто не слышала меня. Она снова повернулась к ряби и всплескам на воде и принялась щебетать.

— Идем... — Она пошла вниз по течению; судя по ряби, невидимые мерфеи по обе стороны сопровождали нас.

— Но почему? Ты сказала...

— Недалеко. Есть боковой путь, частично подземный...

— Через пещеру с гробницей?

— Возможно, через другую часть этой пещеры. Но не через ту, которую мы видели. Этот путь мой народ не знает.

Мы прошли еще немного, и рябь мерфеев метнулась вперед; Орсия остановилась и схватила звериную лапу, которая служила мне рукой.

— Они хотят увести в сторону моих соплеменников. Они плохо знают эту местность и идут медленно. Они послушаются мерфеев. А сейчас... нам сюда!

Она выпустила мою руку и отвела в сторону свисавшие до самой воды ветви. За этим занавесом оказался боковой проток, мелкий ручей, текущий по узкому ущелью.

Часть пути мы проделали на четвереньках, прячась за стенами щели. К счастью, ручей сильно зарос, и, хотя некоторые ветви кололи нас, мы могли укрываться под ними. Ручей кончился прудом, и Орсия остановилась.

— Вход внизу; мы должны нырнуть.

— Сколько придется пробыть под водой?

— Для тебя долго, но это единственный путь.

Я крепче привязал меч. Потом снял теплую куртку, которую Каттея сотворила из тростника и иллюзии. Свернул ее и спрятал между корнями одного из кустов. Но куртка тут же превратилась в пучок пожелтевшего тростника. Я набрал полные легкие воздуха и нырнул.

Снова этот кошмар, и только прикосновение Орсии внушает уверенность и показывает путь. Мне уже казалось, что легкие готовы разорваться, когда голова моя вынырнула на поверхность и я снова мог дышать. Из темноты донесся голос Орсии; девушка коснулась меня рукой.

— Сюда... — Она подтолкнула меня вперед, и я неуклюже поплыл; меч тянул вниз своей тяжестью. Трудно в темноте определять расстояния, и я не знаю, как долго мы плыли. Но я очень устал, когда мы, как через дверь, выбрались в какое-то серое пространство, и я увидел невысоко над собой потолок, через который пробивался свет.

Добраться до дыры в потолке оказалось легко, и вскоре мы уже стояли снаружи и смотрели вниз, на последние лучи заката на равнине. Там собралась армия. Казалось, обходной путь привел нас прямо в руки к врагу.

Местность под нами я не узнал. Если это участок перед внешними укреплениями Долины, мне он незнаком. Так я и сказал Орсии.

— Не думаю, чтобы они уже выступили против Долины. Смотри...

Я посмотрел туда, куда она показывала. Справа и недалеко от нас находилась возвышенность, и на ней — группа людей. Я увидел закутанную в зеленое голову.

— Каттея!

— И Динзил. — Орсия показала на одетого в плащ мужчину, который возвышался рядом с моей сестрой. — Здесь также один из предводителей всадников сарнов, да и другие, должно быть, важные персоны. И... разве ты не чувствуешь, Кемок? Они призывают силу.

Она права. В воздухе чувствовалось напряжение, своеобразное покалывание, которое сопровождает концентрацию силы. Я испытал это однажды, в ту ночь, когда Мудрые женщины Эсткарпа готовили свой роковой удар по армии Карстена, которая шла через южные горы. Напряжение усиливается, высасывает жизненные силы...

— Они нанесут удар, а затем, пока защитники Долины еще не оправились от него, приблизятся.

Но мне не нужны были объяснения Орсии. Я и сам догадался. Хуже всего — в этом кипении сил зла я уловил знакомый элемент. Каттея мысленно призывала — но не меня, а Киллана! Она настолько во власти Тени, что использует наше врожденное единство, чтобы призвать Киллана и получить через него доступ к Долине.

И тут я понял истинное значение картин Лоскиты: лучше бы Каттея действительно умерла. И мне предназначено убить ее. Если она использует такой призыв, я тоже могу это сделать.

— Оставайся на месте! — приказал я Орсии и пополз вверх по холму в поисках такого места, чтобы быть за сестрой и выпше ее. Вскоре мне удалось его найти. Стоявшие на возвышении были так поглощены своим занятием, что, наверное, не заметили бы меня, если бы я просто подошел.

Я выбрал место, где мог стоять выпрямившись. Затем обнажил меч и направил его острие на сестру. Все свои знания вложил в один молниеносный удар.

Каттея покачнулась, поднесла руки к закутанной голове. Потом повернулась и, спотыкаясь, побежала вверх, ко мне. Остальные были так поглощены своим слиянием воли и сил,

что в первое мгновение не поняли, что происходит, и Каттея успела начать подъем. Затем Динзил последовал за ней. Она не успеет добраться до меня. И я сделал то, что уже видел в одной из картин Лоскиты: метнул в Каттею меч, стремясь убить ее.

Меч повернулся в воздухе; удар рукояти пришелся меж глаз. Каттея упала; она свалилась бы с возвышения, но тело ее за что-то зацепилось; меч вонзился в землю рядом с ней и стоял вертикально.

Видя, что она упала, Динзил остановился. Он посмотрел на меня и рассмеялся; такой смех я слышал от Каттеи, но этот был более злой и отчаянный. Динзил приветственно поднял руку, словно отмечал удачный прием в фехтовании.

Но я уже спускался к Каттее. Взял меч, потом усадил сестру спиной к камню.

— Герой! — воскликнул Динзил. — Слишком поздно, воин из-за гор!

Он сделал жест, и неожиданно меч выскользнул у меня из рук. И уродливая лапа не могла снова схватить его.

— Теперь герой безвреден... — Динзил рассмеялся. Стоял и смеялся, и вместе с ним смеялись все слуги Тени; они стояли за Динзилем и смотрели на меня — смотрели глазами или органами, которые служат им для зрения. Это не Великие злые, но они стремятся с ними сравниться, и даже волшебницы Эсткарпа не захотели бы мериться с ними силами.

— Итак, ты нашел талисман. — Динзил взглянул на меч. — Если бы еще знал, как им пользоваться, добился бы большего, мой юный друг. А теперь...

Не знаю, что он предназначил для меня. Но я понимал, что впереди меня ждет тьма. Даже смерть не закрывает некоторые двери. Но тут рядом зашуршала земля, посыпались камни: ко мне подошла Орсия. Она прижимала к груди правую руку, в которой держала рог единорога.

Не знаю, заворожила ли она Динзила своим волшебством, но я получил необходимые мгновения. Орсия уже рядом,

а Динзил по-прежнему стоит на месте. И тут кроганка вонзила конец рога себе в другую руку, так что хлынула кровь. Схватила мою бесполезную лапу и покрыла своей кровью. Я ощутил покалывание возвращающейся жизни. И увидел, как медленно исчезает жабья плоть и появляются пальцы. Я прыгнул влево и схватил меч.

Враг угрожал — но не оружием, а своими знаниями. Как кузнец использует самый тяжелый молот, так все они обратились против меня, против нас, обрушили всю тяжесть удара, который собирались нанести по Долине. А у меня нет ничего, чтобы противопоставить им, кроме своего оружия отчаяния.

Я с трудом встал, заслонив собой Орсию и сестру. Действительно последний шанс. Меч я держал не в защитной позиции, а так, как приветствуют командира. И произнес слова...

Когда мы наткнулись на врагов, солнце заходило. И сумерки казались частью их собирающихся сил. Последовала такая яркая вспышка, словно вернулся день. Я на мгновение ослеп. Почувствовал, как эта вспышка коснулась моего меча, пробежала по нему и по руке, вошла в меня и снова вышла. Я оглох и ослеп. Но услышал *ответ* — и увидел...

Нет, не могу найти слова, чтобы описать то, что увидел, или подумал, что увидел. Во время древних битв в Эскоре высвобождались разные силы, и ключи к ним давно забыты. И как Динзил стремился подобрать к ним ключи, так и я случайно и в отчаянном положении их нашел.

Я стал проводником силы, которая ответила на мой призыв и использовала меня. Я был не человеком, а дверью, через которую сила ворвалась в наше пространство и время.

Я не видел, что она сотворила. Но исчезла она так же неожиданно, как появилась. Я беспомощно лежал на земле, а в небесах бушевала буря, какой я никогда не видел, и тьму разрывали только вспышки молний. Я не мог пошевелиться. Как будто все мои жизненные силы иссякли; я дышал, видел молнии, чувствовал на лице ледяной дождь, но это все.

Иногда я терял сознание, потом снова приходил в себя. Тело не могло шевелиться, но мысли слабо текли. Казалось, прошло бесконечно много времени, прежде чем я окликнул:

— Орсия!

Вначале ответа не было, но я настаивал, и это стало единственным, что привязывало меня к миру. Я чувствовал, что если перестану звать, скользну в какую-то пустоту и никогда не вернусь.

— Орсия!

— Кемок...

Мое имя в ее мыслях! На меня оно подействовало, как вода на умирающего от жажды. Я попытался встать и обнаружил, что немного могу двигаться, хотя и погребен частично под грудой земли и мелких камней. К онемевшему телу начало возвращаться ощущение боли.

— Орсия, где ты?..

— Здесь.

Я пополз... пополз на животе. Рука моя нащупала тело, и тут же ее схватили перепончатые пальцы. Мы прижались друг к другу, а на нас продолжал литься тяжелый дождь. Постепенно молнии ушли, буря стихла, а мы лежали рядом, не разговаривали, довольные тем, что остались жить.

Наступило утро. Мы лежали на холме, на котором Динзил пытался овладеть силой и перевернуть мир. В горах произошел оползень, едва не похоронивший нас. Но врагов я больше не видел.

— Каттея! — Вернувшаяся память обожгла.

— Она здесь... — Орсия уже подползла к телу, полускрытому под грудой земли. Голова сестры по-прежнему завернута в зеленый шарф. Я протянул руку и коснулся шарфа. Потом посмотрел на пальцы, которые вернула мне Орсия. И лихорадочно начал этими пальцами откапывать Каттею.

Когда мы откопали Каттею и уложили ее на землю, я увидел ее лапы, прижатые к груди. Может, удастся похоро-

нить ее так, что никто и никогда не узнает, кем она стала. Но, прикоснувшись, я уловил легкое биение: Каттея жива!

— Орсия... — обратился я к своей спутнице. — Ты... ты вернула мне пальцы. Можешь вернуть их Каттею? И ее лицо тоже?

Девушка отодвинулась от меня и принялась что-то искать в грудах камней и земли.

— Рог... — На глазах ее появились слезы, покатались по худым щекам. — Он исчез.

Но я кое-что увидел — блеск металла. И начал копать землю, хотя сломал ногти. Рука моя снова сомкнулась на рукояти волшебного меча. Я высвободил оружие. Однако от лезвия остался лишь небольшой обломок, и не золотой, а тусклый и черный. Я попробовал его на пальце. Достаточно острый, но это все, что у меня есть.

Я вернулся к Каттею, сорвал поблекший шарф и посмотрел на чудовищную голову. И затем сделал то же, что сделала для меня Орсия; осколком меча разрезал себе руку и позволил крови капать сначала на голову, потом на лапы. И как и со мной, только медленнее, произошла перемена. Красная кожа и жабыя плоть растаяли; лицо сестры, ее изящные руки освободились от ужасной оболочки. Я взял ее на руки и заплакал. Каттея зашевелилась и открыла глаза. В них не было узнавания, только изумление. А когда я попытался мысленно позвать ее, то встретил вначале удивление, потом ужас. Она попыталась высвободиться, как от ночного кошмара.

Орсия схватила ее за руки, держала их крепко, но нежно.

— Все в порядке, сестра. Мы твои друзья.

Каттея вцепилась в нее, но на меня по-прежнему смотрела с сомнением.

Немного погодя кроганская девушка подошла ко мне. Я стоял, глядя на разрушения, причиненные бурей. Видны были неподвижные тела, но ни один человек или зверь не двигались под солнцем начинающегося ясного дня.

— Как она? — спросил я.

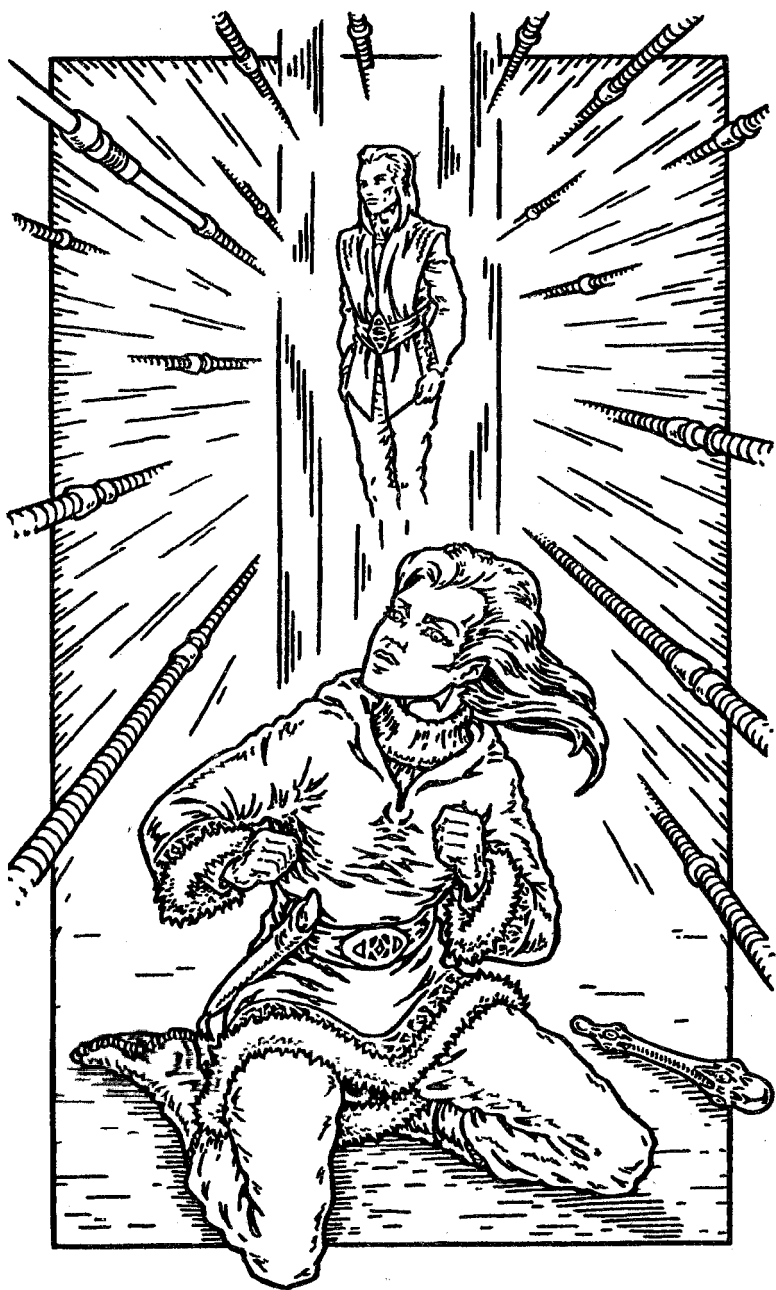
— Физически все хорошо. Но... Кемок, она забыла, кто она и кем была. Сила, которой она владела, ушла!

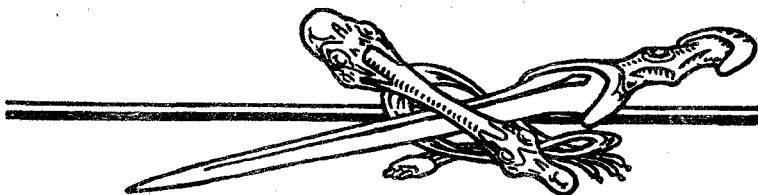
— Навсегда? — Я не мог представить себе Каттею лишенной дара.

— Не могу сказать. Она словно никогда не была волшебницей — это девушка, добрая, мягкая, и она очень нуждается в твоей силе и помощи. Но не пытайся заставлять ее вспомнить прошлое.

И вот, хотя я и привел с собой в Долину Каттею, это была не прежняя Каттея. И ни один человек, ни одна волшебница не могут сказать, станет ли она прежней. Однако силы Тени потерпели еще одно поражение, и какое-то время мы можем жить в Эскоре спокойно. Но силы тьмы далеко не побеждены. И наше сказание о троих еще не закончено.

Волшебница Колдовского мира

Глава 1

Морозное дыхание Ледяного Дракона на высотах было сильным и жестоким, поскольку была середина зимы. Да, как раз во время Ледяного Дракона я серьезно задумалась о будущем. Сожалея и вздыхая о прошлом, я знала, что должна сделать, чтобы те, кого я ценила дороже собственной жизни, освободились от Тени, могущей добраться до них через меня. Я — Каттея, из дома Трегарта, когда-то обучалась, как Мудрая женщина, хотя не приносила их клятвы и не имела на груди драгоценного камня. Но знание, которое мне дали, было выбрано не мною.

Я была одной из троих, и эти трое могли при необходимости становится единым существом: Киллан — воин, Кемок — провидец-чародей, и Каттея — колдунья. Так назвала нас мать, когда мы, близнецы, родились. Такими мы и стали. Мать, Мудрая женщина Эсткарпа, была отвергнута из-за своего брака с Саймоном Трегарттом. Он не был обыкновенным человеком, а чужеземцем, пришедшим через Врата из другого мира. Он не только был сведущ в военном искусстве, которое высоко ценилось в Эсткарпе, потому что эта раздробленная и изношенная временем страна осаждалась тогда соседями Карстеном и Ализоном, он и обладал собственной Силой, которую Мудрые женщины не хотели признать в мужчине.

Однако после замужества Джелит доказала, что не только не лишилась своего волшебства, как все думали, но и нашла новые пути, и это привело в ярость тех, кто отвернулся от нее из-за ее выбора.

Однако они просили у нее поддержки при большой необходимости, хотя открыто и не признали, что она доказала ошибочность традиционного мнения.

Мои родители вместе выступили против остатков колдеров, иноземных дьяволов, которые так долго угрожали Эсткарпу. Они обнаружили источник, откуда просачивалось это зло, и уничтожили его. Колдеры, как и мой отец, были чужеземцы не из этого времени и места, они соорудили Врата и через них выбрасывали свой яд на Эсткарп.

После этого великого дела Мудрые женщины уже не смели открыто выступать против Дома Трегартов, однако не забыли и не простили поступка моей матери. Дело даже не в том, что она вышла замуж — это они могли бы принять, хотя и презирали бы ту, которая позволила эмоциям свести ее с их сурового пути, — главное, что она не потеряла свою силу и осталась равной им, и этого они не могли простить.

Как я уже сказала, мы были близнецами, мои братья и я. Я родилась последней. После родов моя мать долго болела, и нас воспитывала Ангарт, женщина из фальконеров. У нее была тяжелая судьба, но она дала нам любовь и заботу, которую не могла дать нам наша мать. А отец так был поглощен страданиями своей жены, что вряд ли знал в эти долгие месяцы, живы мы или умерли. Думаю, что он и потом не чувствовал к нам никакого сердечного тепла из-за того вреда, который мы нанесли ей своим появлением на свет.

Детьми мы мало знали о своих родителях, потому что их сложные обязанности в продолжавшейся войне держали их в Южном Форте. Отец ездил по пограничным местам, как Хранитель Границы, а мать — как его Дальновидящая.

Мы жили в замке, у леди Лойз, боевой подруги моих родителей.

Мы трое узнали, что в нас есть нечто, отличающее нас от других: мы могли объединять наши сознания и становиться единым существом, если было нужно. Тогда мы пользовались этой силой по мелочам, но с каждым разом увеличивали ее.

Мы также инстинктивно понимали, что это надо хранить в секрете.

Разрыв моей матери с Советом избавил меня от проверок, какие проходили все девочки для избрания в ученицы. Наши родители догадывались, какие способности мы унаследовали, и охраняли нас как могли от исполнения законов Эсткарпа.

А потом мой отец исчез. Во время затишья он сел на корабль салкаров, ближайших союзников и боевых друзей Эсткарпа, чтобы обследовать некоторые острова, где, как говорили, наблюдалась подозрительная активность, и с тех пор о нем и о корабле не было ни слуху, ни духу.

Мать приехала в наше убежище и в первый раз создала настоящий Треугольник Власти. Объединив наши силы со своей, она послала поисковый луч и увидела нашего отца. Получив этот слабый сигнал, она уехала снова — искать мужа.

Вскоре Киллан и Кемок отправились охранять границы, а я осталась, и Мудрые женщины стали действовать, как давно собирались. Они послали за мной и поместили меня в Место Тишины, и я на несколько лет была отрезана от знакомого мира и от братьев. Но мне были показаны другие миры, и я мечтала, чтобы врожденное Знание нашего рода росло и заполняло меня. Однако все эти годы я боролась с искушением полностью утолить эту жажду познания, чтобы хоть какая-то часть меня осталась свободной.

Я преуспела настолько, что смогла мысленно дотянуться до Кемока, и прежде чем меня заставили произнести обет, братья приехали и забрали меня оттуда.

Нам не удалось бы порвать узы Совета, если бы не то обстоятельство, что вся власть была собрана воедино на сутки для нанесения единственного удара Карстену, для уничтожения большей части вражеской силы.

Совет послал всю свою мощь в горные страны и своей объединенной волей сотряс вершины гор, искривил поверхность.

Поэтому Совет не мог тратить свою силу на нас, и мы уехали в другом, восточном направлении. Кемок открыл, что

Древняя раса Эсткарпа в отдаленные времена создала мысленный заслон, и восточное направление для нее как бы не существовало. Сделано это было тогда, когда Древние пришли в Эсткарп как раз с востока.

Так что мы отправились через горы в Эскор.

Там, изучая то, что нам следовало знать, я применила некоторые чары, чуть не уничтожившие всю страну. Дело в том, что в том месте в прошлом находились мощные силы, выпущенные древними магами народа моей матери, и, стремясь овладеть этими силами, адепты погубили страну. В конце концов те, кто ушел основывать Эсткарп, перевалив через горы, поставили за собой предположительно вечный барьер. Но когда я испытывала возможности своих чар, несравнимых с теми, что делались в Эскоре в прошлом, Силы пробудились, легкое равновесие нарушилось и снова проснулась борьба между добром и злом.

Мы приехали в Зеленую Долину, которая управлялась теми, кто был даже старше, чем Древняя раса, но все-таки имели и нашу кровь, и были они не под властью Тени. Мы собрали армию и послали всем дружественным племенам предупреждающий меч, чтобы созвать добровольцев для сражения со слугами Тени, и тогда пришел тот, кого в Долине считали своим.

Он был из Древней расы, лорд Высот Дензил, бывший наставник одного из последних магов, который остался в Эскоре и не вмешивался в борьбу. Дензил был ясновидцем. Кроме того, был очень честолобив. Когда он только начал заниматься ясновидением, то еще не был так испорчен жаждой власти. Он давно знал зеленый народ, они встретили его с почетом и были ему рады. Этот человек умел нравиться, даже больше чем нравиться, как я сама убедилась.

Для меня, знавшей только своих братьев да еще стражников, которых мой отец приставил к нам, этот человек стал новым другом, и что-то зашевелилось во мне, когда я впервые увидела его темное лицо.

Он начал ухаживать за мной, и весьма умело.

Киллан нашел себе Дахаун из Дома Зеленой Тишины, а сердце Кемока пока оставалось нетронутым. Киллан не хватался за меч, когда я улыбнулась Дензилу, а Кемок хмурился, и я считала, что он просто ревнует из боязни, что наша тройка распадется.

Когда Кемок уехал, я поддалась на уговоры Дензила помочь ему в решении его задач. Тут сыграли роль и мои сердечные желания.

И вот я тайно пришла с ним в Темную башню.

Теперь я не могу вспомнить, как ни стараюсь, что там делалось. Будто кто-то начисто снял память всех тех дней, когда я помогала Дензилу в магии. Если же я очень напрягаю память, во мне возникает только боль.

Кемок вместе с дочерью кроганов Орсией пришел за мной и действовал со сверхчеловеческой настойчивостью и силой, чтобы вырвать меня из того места, что превратилось в место Тени. Но я в то время так была захвачена тем, во что втянули меня Дензил и моя собственная глупость, что готова была вместе с Дензилом нанести вред самым любимым и близким людям. Кемок, предпочитавший скорее видеть меня мертвой, нежели павшей так низко, сбил меня с полуизученной магии. С этого часа я стала как новорожденная, потому что этот удар вышиб меня из колеи и уничтожил все мои знания.

Сначала я была как ребенок, делала все, что приказывали, не имея ни воли, ни желания, и всем была довольна.

Потом начались сны. Проснувшись, я не могла вспомнить их полностью, и это было благом, потому что здоровый мозг не мог бы их вынести. Даже слабые, отрывистые воспоминания бросали меня в дрожь, так что я лежала в постели в доме отца Дахаун, не могла есть и боялась спать. Всякая защита от подобного зла, какую я изучала, живя среди Мудрых женщин, теперь стерлась во мне, так что я ощущала себя на зимнем ветру, даже хуже, потому что этот ветер был мраком и грязью.

Дахаун, жена Кемока, а она была целительницей, делала, что могла. Но она лечила мозг и тело, а тут дело было в духе. Киллан и Кемок следили за мной и оберегали от Тени. Все знания жителей Долины были собраны для моего спасения. Но в те моменты, когда я сознавала, что они делают, я понимала, что это для них — Зло, потому что Долина нуждалась в защите не только видимым оружием, но также в защите мысленной и духовной.

Сражаясь за меня, они ослабили собственную защиту.

Пора было отбросить детскую приверженность к безопасности и комфорту, которые мне были предложены. Я стала старше и не была больше бездумным ребенком.

Теперь я знала, что сны — это только начало того, что может напасть на меня, а через меня и на других. Мои собственные знания исчезли, а в пустое место легко может войти нечто чуждое и таким образом, я могла стать вратами для Зла, которое сломает защиту моих близких, а меня сделает их врагом.

Я дождалась, когда Киллан и Кемок пошли на военный совет, и вызвала Дахаун и Орсию. Я откровенно сказала им, что нужно сделать для блага всех, в том числе, возможно, и для меня.

— Здесь для меня не отдых, — объявила я им.

И прочла в их глазах согласие.

— Я быстро стану дверью для того, что только и ждет, чтобы войти. Я худший враг, чем любое чудовище, пролезшее через вашу охрану. Ты сильна в древней магии, Дахаун, потому что ты — леди Зеленой Тишины, и все, что растет, должно подчиняться тебе, все животные и птицы. А ты, Орсия, тоже имешь свою магию, и я могу засвидетельствовать, что она не так проста. О, клянусь вам, то, что хочет теперь войти через меня, гораздо сильнее, чем ваша объединенная сила. Я сама пуста, но могу наполниться, чем не знаю, да и вы тоже не можете себе представить.

Дахаун медленно кивнула. Меня пронизала резкая боль, потому что, я хоть и сказала правду, у меня оставалась слабая

надежда, что я ошибаюсь, и Дахаун, превосходившая всех, кого я знала, скажет мне об этом. Но она согласилась со мной.

— Что ты хочешь сделать? — спросила меня Орсия. Она только что купалась в ручье, и сохнувшие волосы серебряным облаком сияли в воздухе, а на перламутровой коже все еще оставались капельки воды. Она их не стряхивала, потому что вода для кроганов — сама жизнь.

— Я должна уехать отсюда.

Дахаун покачала головой.

— Позади нашей охраны скоро появиться то, чего ты боишься. Киллан и Кемок не позволят.

— Нет, я должна уехать, — возразила я. — Тут есть еще кое-что. Я могу вернуться туда, откуда приехала, и найти там помощь. Вы слышали, что обвал в горах разбил власть Совета. Многие погибли, потому что не могли долго сдерживать Силу, которую собрали. Правление Мудрых женщин в Эсткарне кончилось. Наш добрый друг Корис из Горма видел, как все это происходило. И даже если всего две-три Мудрые женщины живы, они могут помочь мне, а Корис прикажет им сделать это как можно скорее. Позвольте мне вернуться в Эсткарп, и я вылечусь, а вы будете здесь воевать, как вам нужно.

Дахаун ответила не сразу. Часть ее магии состояла в том, что сама она никогда не была постоянной, а все время менялась. Иногда казалось, что она из Древней расы, белокожая и темноволосая, а в другой раз у нее были рыжие волосы и смуглое лицо.

По своей воле она так менялась или нет — я не знала. Сейчас рассеянно поглаживая черные волосы, прикусив нижнюю губу она казалась женщиной из моей расы. Наконец она кивнула.

— Я могу установить охранные чары, если ты поедешь быстро, так что тебе не придется бояться вторжения. Но ты должна помогать мне всей силой своей воли.

— Ты знаешь, что я буду стараться, — заверила я. — Но вы обе должны помочь мне еще в одном: встать на мою сто-

рону, когда я буду говорить об этом с братьями. Они знают, что мне перестанет грозить опасность, как только я доберусь до Кориса. Мы узнали от тех, кто пришел присоединиться к вам, что Корис искал нас. Но все равно, братья могут попытаться задержать меня здесь. Наша связь так же стара, как мы сами, поэтому мы с вами должны держаться одного решения и говорить им, что я вернусь, когда получу новый внутренний мир и щит.

— И это правда? — спросила Орсия.

Не знаю, как она ко мне относилась. Когда я находилась под чарами Дензила, то была ее врагом, даже хотела отнять у нее жизнь руками брата, так что она не имела причины желать мне добра.

Но если она, как я подозревала, составляла одно целое с Кемоком, она ради него могла оказать мне услугу.

— Не думаю. Меня могут подвергнуть очищению. Но я хотела бы вернуться, — сказала я откровенно.

— Ты считаешь, что сможешь проделать это путешествие?

— Должна.

— Хорошо, — сказала Орсия. — Я встану на твою сторону.

— Я тоже, — обещала Дахаун. — Но они же захотят ехать с тобой.

— Наложите на них свои чары. Отпустите их со мной до границ Эсткарпа. От этого мы вряд ли сможем их удержать. Но потом пусть возвращаются. Им нечего делать в Эсткарпе, и они теперь отдали свое сердце Эскору.

— Я думаю, мы сумеем это сделать, — сказала Дахаун. — Когда ты поедешь?

— Как можно скорее. Если борьба во мне будет расти, я не выдержу и погибну раньше, чем ты меня поднимешь.

— Сейчас месяц Ледяного Дракона, горы будут труднопроходимыми, — сказала Дахаун.

Она не запрещала, она искала в мозгу пути для преодоления трудностей.

— Есть тут Вальмонд, а он много ездил по тем дорогам. Можно также воззвать к острым глазам Ворлонга, и его вранги полетят над тобой и перед тобой в разведку, чтобы тебе не встретилось никакое зло. Но это жестокий и холодный путь, сестра, можешь быть уверена.

— Не сомневаюсь, — подтвердила я. — Но чем скорее я уеду из Эскора, тем скорее мы спасем то, что нам дорого!

Итак, мы договорились и твердо стояли на этом. Братья выдвигали аргументы, но мы доказали логичность нашего решения, и в конце концов они нехотя согласились. Я поклялась, что вернусь, как только излечусь, с первой же партией, которая пойдет через горы. Время от времени сюда приходили наши союзники, и об их приходе нас всегда своевременно оповещали часовые зеленого народа, стоявшие в проходах. Часовые были самые разные: несколько разведчиков из Долины, несколько пограничников, которые пришли служить под знаменами моих братьев, были крылатые флапнаны и зеленые птицы Дахаун, чьи сообщения могла понять только она, а иной раз бывал и боец вранг — ширококрылый охотник с горных вершин.

Как раз один из врангов и изменил наш план, когда сообщил, что прямой путь через проход, которым мы пришли в Эскор, теперь закрыт. Какие-то посланцы или подданные Тени так запечатали этот проход, что его легче было обойти, чем штурмовать, тем более, имея меня среди членов отряда. Я думаю, Киллан и Кемок порадовались, услышав это, и решили, что мы теперь откажемся от своих планов.

Только теперь я обливалась потом и визжала во сне все чаще, и они, как видно, поняли, что я не смогу долго противиться желавшему вползти в меня Злу. Тогда моим уделом станет смерть. В этом я заставила их поклясться нерушимой клятвой.

Ворлонг сам явился из Долины на зов.

Он сел на скалу, уже ободранную его когтями, а его соплеменники сели перед ним. Его красная голова ящерицы на

темной шее вертелась, пока его глаза поочередно оглядывали нас, в то время как Дахаун вела с ним мысленный разговор.

Сначала он не дал нам никакой надежды, но потом, непрерывно настаивая, она вырвала у него признание, что, идя на северо-восток, может быть, удастся обогнуть проход.

Мы знали, что это очень сложный и очень трудный путь. Он обещал послать с нами своего крылатого разведчика. Из зеленого народа добровольно вызвался их лучший скалолаз Вальмонд.

В Зеленой Долине Ледяной Дракон только пугал: погода была не холоднее, чем поздней осенью в Эсткарге. Когда мы проехали мимо символов власти, защищавшей наш маленький караван, нас встретил полный заряд зимы.

Пятеро из нас ехали на уверенно ступавших рентацах — четвероногих существах, не животных, а боевых товарищах, как они неоднократно доказывали. Они были равны нам по разуму и, вероятно, превосходили по мужеству и физическим возможностям. Киллан ехал, впереди, Кемок — справа от меня, Вальмонд слева на расстоянии, а позади — Рокнар из Эсткарга, который хотел ехать со мной до конца, потому что надеялся отыскать своих вассалов и привести их в Эс-кор. Он был много старше всех нас, и мои братья очень доверяли ему.

За границами Долины, когда рентацы остановились чтобы примять снег копытами, в небе кто-то появился. Это был вранг, обещанный нам гид.

Мы ехали днем, поскольку наши враги обычно путешествовали по почам. Возможно, суровая погода загнала их в логовища, потому что, хотя мы слышали однажды охотничьи кличи волков-людей, Серых существ, мы не видели их, как и других созданий Тени. Мы ехали извилистыми путями, обходя места, которые Вальмонд и вранги считали опасными. Некоторые из них были просто гробницами или стоячими камнями. Но однажды мы увидели строение, совсем, казалось бы, не тронутое временем. В стенах его не было окон, так что оно

казалось гигантским блоком, тяжело упавшим на землю из гигантской руки. Вокруг него не намело снега, хотя в других местах он лежал сугробами, сверкавшими под зимним солнцем. Создавалось впечатление, что земля здесь была горяча — тот четырехугольник, где стояло это зловещее сооружение.

Ночь мы провели возле голубых камней, которые иногда встречаются, как безопасные островки в общем мире Зла. В полной темноте от них исходит сияние.

Оно не освещало нас, а наоборот, скрывало наш отряд, освещая все вокруг.

Я старалась не спать, чтобы сны не принесли несчастья, но не могла победить усталость и в конце концов уснула. Может быть, эти голубые камни были более сильным лекарством, чем власть Дахаун, потому что я не видела никаких снов и проснулась освеженная, чего не было уже очень давно.

Я с аппетитом поела и окончательно уверилась, что мое решение правильное, и наше путешествие, возможно, пройдет без, инцидентов.

На вторую ночь нам не так повезло с лагерем. Будь у меня мои прежние знания, я могла бы распространить на нас защитные чары, но сейчас я была беспомощна.

Вранг и Вальмонд привели нас к холмам у подножия гор, через которые мы должны были перейти, но мы все еще шли на север и дальше на восток, чем было надо.

Мы остановились среди деревьев, образовавших плотный навес. В этом убежище рентавцы легли, дав нам возможность прислониться к ним и отдохнуть, пока мы жевали дорожные лепешки и пили из седельных фляг. В них было вино Зеленой Долины, смешанное с водой тамошних источников, которая издавна славилась, как восстанавливающая силы.

Вранг улетел на выбранную им скалу, а люди остались отдыхать. Я снова боялась заснуть, уверенная, что меня застигнет один из служителей Тени, посланных за нами. Я не думала о том, как мы переберемся через горы. Все мое воображение было занято тем, что может случиться до того, как я

снова увижу свою родину, хотя знала, что, думая о зле, я приношу вред себе.

Слева от меня сидел Вальмонд в своем зеленом плаще. Даже в темноте мы побоялись развести костер — я видела, как его голова покачивается и он смотрит в сторону гор, хотя перед ним была сейчас такая завеса из кустарников и ветвей деревьев, что он не мог ничего увидеть. В его позе было что-то такое, что я шепотом спросила:

— Впереди что-то тревожное?

Он повернулся ко мне.

— В это время в горах всегда тревожно.

— Охотники? Какие?

Я удивилась. В низинах хватало всяких страшных сюрпризов. Но какие чудовища могут выслеживать нас на высотах?

— Нет, сама местность.

Он не скрывал от меня своего страха, и я была ему благодарна, за это, потому что все, о чем он мог сказать, значило для меня меньше, чем то, что происходило во сне.

— Сейчас много лавин, и они очень опасны.

— Лавины... Я и не думала о них.

— Значит, это опасный путь, опаснее, чем другой? — спросила я.

— Не знаю. Эта местность для меня новая. Удвоим осторожность.

Я спала в эту ночь, и мои предчувствия не оправдались снова. Я спала в незащищенном месте, но снов не было.

Утром, когда свет разбудил нас, прилетел вранг. Он на рассвете облетел высоты, но ничего хорошего не сообщил. Есть проход, ведущий на запад, но идти туда придется пешком, и потребуется искусство альпинистов.

Большим кривым когтем вранг нарисовал на снегу карту и указал каждую точку, где могла быть опасность для нас. Затем он снова улетел и обследовал путь на гораздо большем расстоянии, чем мы могли бы пройти за день. Мы начали поход по горам.

Глава 2

Сначала наш путь был не хуже всякого другого горного пути, но к тому времени как поднялось бледное солнце, мы достигли места, где, как и предсказывал вранг, нам пришлось распрощаться с рентанцами и идти дальше на своих двоих. То, что было тропой, пусть хоть и требовавшей осторожностей, теперь превратилось в подобие грубой лестницы, годной только для двух ног, но не для четырех.

Мужчины уложили наши скудные запасы и достали веревки и посохи со стальными наконечниками. Вальмонд, умевший обращаться с ними лучше нас, пошел впереди, и мы двинулись в путь, ставший испытанием нашей решимости.

Я была почти уверена, что лестница, по которой мы взбирались, была создана не ветром и погодой, а каким-то разумом.

Вырубившие ее в скалах вряд ли были похожими на нас, так как ступени были слишком высокими и узкими, иной раз на них можно было стоять только на цыпочках, и очень редко попадались такие, где умещалась вся ступня.

Но других указаний, что это когда-то была дорога, не было. От высоких ступеней болели ноги и поясница. Хорошо, что ветер сдул с лестницы снег и лед, и мы шли по голым камням, не боясь ненароком поскользнуться.

Лестница казалась бесконечной, она шла не прямо по склону, а почти сразу повернула влево вдоль скалы, и это укрепило мои предположения насчет того, что этот путь был не естественным, а искусственным.

Наконец мы выбрались на плато.

Солнечный свет, провожавший нас, пока мы взбирались, исчез, низко повисли темные тучи. Вальмонд встал лицом к ветру, раздувая ноздри, словно нюхал, не таят ли эти тучи какого-либо зла. Затем он снял опоясывающую его веревку и встряхнул так, что на ней стали видны блестящие крючки.

— Обвяжемся веревкой, — предложил он. — И если буря застанет нас здесь...

Он повернулся и поглядел вдаль. Я подумала, что он ищет место, где бы нам укрыться от бури.

Я вздрогнула. Несмотря на плотную одежду, которая делала меня неуклюжей, ветер все-таки находил способы колоть меня ледяными пальцами.

Мы поторопились, повинаясь приказу Вальмонда зацепить крючки веревки за наши пояса. Он повел цепочку. За ним шел Киллан, потом Кемок, и наконец Рокнар.

Я была самой неловкой. Во время пограничной войны Рокнару и моим братьям нередко приходилось бывать в горной местности и, хотя у них не было столь долгой практики, как у Вальмонда, они умели достаточно и не казались неуклюжими.

Вальмонд шел, опираясь на посох, и мы следовали за ним, не натягивая веревки.

Тучи быстро сгущались, снег еще не падал, а другого конца плато уже почти не было видно. И вранг не возвращался, чтобы сообщить, что ждет нас впереди.

Вальмонд простукивал посохом дорогу перед собой, как бы опасаясь ловушки, скрытой под невинной с виду опорой для ног, и шел гораздо медленнее, чем мне хотелось бы, а ветер становился все холоднее.

Как подъем по ступеням казался бесконечным, так и эта прогулка могла тянуться часы и дни. Время уже не имело значения.

Если не шел снег, то ветер разметал старые сугробы и окружал нас сбивающей с пути дымкой. Я боялась, как бы Вальмонд не оказался слепцом, ведущим слепцов, и не наткнемся ли мы на какой-нибудь утес вместо безопасной тропы.

Наконец мы отыскивали место, где нависшая скала укрыла нас от ветра и снега.

Тут мои спутники держали совет — идти или переждать бурю, которой опасался Вальмонд. Я прислонилась к каменной стене, тяжело дыша.

Холод, который я втягивала в легкие, обжигал. Все мое тело дрожало, и я боялась, что если Вальмонд подаст сигнал идти, я не смогу сделать ни одного шага.

Я была так занята мыслями о своей усталости, что не заметила возвращения вранга, пока его хриплый каркающий голос не оторвал меня от мыслей. Вранг вперевалку вошел под навес. Он сильно встряхнулся, раскидывая во все стороны мокрый снег, а потом присел перед Вальмондом в позе, показывающей, что он сел надолго.

Я решила, что наше путешествие на сегодня закончено, и спокойно уснула, сидя у скалы.

Костра мы не могли развести, потому что не было топлива, и я, коченея, думала, что мы тут замерзнем под ударами ветра, который нет-нет да проникал к нам.

Но Вальмонд был готов ко всему. Он достал из своего мешка кусок материала не шире ладони. Когда он начал разворачивать эту ткань, она становилась все шире, все пушистее и наконец превратилась в огромное одеяло, под которым мы все улеглись.

Мое дрожащее тело оттаяло под его теплом, мои спутники тоже согрелись.

Даже вранг залез под один его конец и сгорбился там.

Одеяло было мягким, как пух, там, где касалось моей щеки, но по виду больше походило на мох. Я рискнула спросить Вальмонда, и он объяснил, что одеяло действительно сделано из растительности, но с помощью насекомого. Небольшой червь, живущий в Долине, питается мхом, а затем прядет нить, чтобы сделать из нее кокон для защиты от непогоды. Зеленый народ давно одомашнил этих червей и кормит их, а из нитей делает такие одеяла. К сожалению, для одного одеяла нужны сотни червей и многолетняя работа, поэтому одеял всего несколько штук, и они являются сокровищами Долины.

Я слышала, как разговаривали мои товарищи, но их слова пролетали мимо моих ушей, как успокаивающее жужжание, и я задремала, потому что уставшее и болевшее тело не могло

больше бороться со сном. Все мои страхи как бы улетучились, и я не была больше Каттеей, постоянно опасющейся стать жертвой врага, а просто бездумным телом, до боли нуждавшимся в отдыхе.

Я видела сон; не такой сон-кошмар, от которого просыпашься с криком, но столь же живой, если не больше. Мне снилось, что я лежу с другими под этим одеялом и с каким-то ленивым удовлетворением жду грохота бури, чувствуя себя в полной безопасности в окружении своих защитников.

Из бури появился поисковый луч, серебряный, живой, и повис прямо над нашими скучившимися телами. Во сне я знала, что этот поиск исходил из другого мозга, имеющего власть. Однако я не считала его злом — просто он отличался от нашего мозга. Конец этого серебряного луча или нити раскачивался, пока не застыл надо мной.

Тут я в первый раз почувствовала какую-то опасность. Когда я призвала всю небольшую защиту, которую имела, лучи исчезли, и я проснулась. Вокруг все было точно так же, как и во сне — все мы лежали, а вдали гремела буря.

Я ничего не рассказала своим братьям, потому что мой сон не мог принести пользы, он только помешал бы им в опасных условиях в горах. Я решила, что если почувствую прикосновение настоящего Зла, то отцеплюсь от спасательной веревки и положу конец своим проблемам, лишь бы не потянуть за собой других.

Мы провели в этом месте остаток дня и ночь. На следующее утро туч уже не было.

Вранг взлетел высоко и, вернувшись, сообщил, что буря кончилась, и все спокойно. И мы пошли.

Тут уже не было ступеней. Мы ползком взбирались по утесам, шли по гребням.

Вальмонд все время так внимательно следил за вершинами над нами, что это угнетающе действовало на нас, по крайней мере на меня, хотя я не была уверена, не боится ли он чего-то еще, кроме лавины.

В середине дня мы нашли более широкий выступ, чем тот, по которому шли раньше, и присели на нем перекусить. Вальмонд сказал, что мы теперь недалеко от прохода, и возможно, часа через два всё худшее останется позади. Спустившись со склона, мы повернем на восток. Так что мы с некоторым облегчением пожевали лепешек и попили из фляжек напитков Долины.

Мы прошли через проход за время, предсказанное Вальмондом, и вышли на ведущую вниз тропу, показавшуюся нам несравненно более легкой, чем тот путь, который мы проделали.

Наш проводник призвал к остановке. Он проверил веревки и сказал, что их надо обновить. Мы ждали, пока он рылся в мешке. Вот тогда-то и грянула опасность, которой он боялся.

Я услышала только рев и инстинктивно откинулась назад, а потом покатилась, оказалась засыпана снегом, и больше уже ничего не помнила.

Было темно и холодно, и на мне лежал груз.

Когда я полубессознательно попыталась освободиться от этой тяжести, оказалось, что я не могу пошевелить ни руками, ни ногами.

Только голова, шея и одно плечо были свободны, и я лежала лицом вверх. Кругом была тьма. Что случилось? Мы только что стояли у склона горы, чуть ниже прохода, и вдруг я здесь! Мой затуманенный разум не мог связать все это вместе.

Я снова попыталась вытащить руку. Мне с большим трудом это удалось. Рукой в перчатке я ощупала пространство над головой.

Мои полуонемевшие пальцы больно ударились обо что-то твердое и скользкое.

Я ничего не видела в темноте, а осязание мало что сказало — только то, что я захоронена в снегу, а рука, плечо и голова находятся в углублении скалы. Именно это и спасло меня, и я не задохнулась под снегом, который навалился на остальные части моего тела.

Я не могла смириться с таким положением и изо всех сил начала раскапывать снег одной рукой. Я отбрасывала его горстями, и он снова падал мне на лицо. Наконец я поняла, что готовлю себе ту судьбу, от которой меня спас скальный карман. И начала работать более методично, стараясь сталкивать снег вниз, но убедилась, что похоронена очень надежно. Мои старания были тщетны — снежная ловушка захлопнулась.

Наконец, измученная и вспотевшая, я лежала, тяжело дыша, и старалась обуздать страх, который толкнул меня на эту бесполезную работу. Видимо, меня погребла лавина.

Она смахнула нас со склона и засыпала меня.

Другие, может, уже копают снег в поисках меня. А может, они все...

Нет, я решительно отогнала подобную мысль. Не могу поверить, что такая удача, как скальный карман, спасла только меня одну! Я должна думать, что все остальные живы.

Вот когда я горько пожалела о своем утерянном даре общения с братьями и о своей магии, которая тоже была мною потеряна. Может быть...

Я закрыла глаза и попыталась направить свой мозг, как это бывало раньше, чтобы найти Киллана и Кемока, стать с ними одним существом.

Но все было так, будто я смотрела на манускрипт, на ясно написанные слова, языка которых я не знала и не могла их прочесть, даже зная, что от этого зависит моя жизнь.

Жизнь или смерть...

Допустим, братья и все остальные остались живы. Допустим, что для них будет лучше, если они не найдут меня. Только у меня есть упрямая искра жизни. Она не позволит мне покорно отказаться от существования. Я считала, что могла сама столкнуть себя в ничто, если бы это потребовалось для братьев, и вот теперь задумалась, не сделать ли это.

Я пыталась сосредоточиться только на своих братьях, на необходимости поговорить с ними мысленно. Если бы я могла сузить этот луч до одного человека, я выбрала бы Кемока,

потому что он всегда был мне ближе. Я мысленно рисовала себе его милое лицо, направляла каждую каплю энергии, чтобы коснуться его мозга. Все бесполезно.

По моему телу пробежал холод — не от снега, навалившегося на меня. Кемок...

Неужели я пыталась коснуться уже ушедшего из жизни? Тогда Киллан. И вот начало вырисовываться лицо моего другого брата. Я искала его мозг, но тоже напрасно.

«Это упадок моей силы, — говорила я себе, — а не то, что их нет в живых. Я сейчас докажу это». Я стала думать о Вальмонде, затем о Рокнаре. Ничего.

Вранг! Ну конечно, вранга не коснулось наша беда! Во мне впервые вспыхнула надежда, искра надежды. Почему бы не попробовать добраться до мозга вранга? Правда, у этого существа мозг устроен совершенно иначе — удастся ли мне это, если не удалось с людьми? Я начала искать вранга.

В моем мозгу появилось изображение красной головы, поворачивающейся на теле с серо-голубым оперением. Я коснулась его! Я нашла полосу мысли, не принадлежащей человеку! Конечно, это вранг!

Я закричала вслух, и в этом маленьком кармане звук моего голоса показался оглушительным.

— Вранг!

Я не могла удержать эту полосу достаточно долго, чтобы передать точное сообщение. Полоса шла волнами, и я только временами касалась ее. Но прикосновение становилось сильнее, в этом я была уверена. Вранг, видимо, ищет нас где-то поблизости. Я удвоила свои усилия, чтобы дать разумное сообщение. Когда я коснулась этого существа, оно, конечно же, должно было постараться ответить мне, но этого не было. Может быть, только я сознавала, что прикоснулась к его мозгу, и это не могло привести вранга туда, где я лежала?

Долго ли я смогу удерживать это слабое чувство контакта? Я задыхалась и только сейчас заметила, как стало трудно дышать.

Не накидала ли я на себя еще больше снега во время беспорядочных попыток к освобождению? Или в этом скальном углублении был слишком малый запас воздуха, и теперь он кончается?

Вранг! Изображение в моем мозгу скрылось и заменилось другим, и я была так ошеломлена увиденным, что даже забыла о потерянном контакте.

Не птица-ящерица, нет, это было мохнатое, длинномордое существо со стоячими ушами, белое или серое, вроде снега вокруг меня, с узкими, как щелки, янтарными глазами. Серые существа, люди-волки!

Я навлекла на себя нечто более плохое, чем смерть от удушья под снегом, и теперь они меня найдут!

Я старалась усыпить свой мозг, пустила всю силу воли на то, чтобы стать ничем, не думать, не звать, скрыться в смерти. Я сделала это так успешно — а может, и воздух стал очень скверным, что впала в забытье.

Но я не умерла. Я почувствовала, как воздух ударил мне в лицо, и мое тело механически ответило, но глаз я не открывала.

Если они откопали меня, то, может, сочтут мертвой и оставят в покое. Кроме этого маленького шанса, у меня не осталось ничего. Я не имела ни своей власти, ни оружия.

Затем я услышала совсем рядом лай.

Собственно, это был не настоящий лай, а нечто среднее между лаем и воем. Меня обнюхивали: я почувствовала порыв сильного дыхания на своем лице. Мое тело дернулось, но не по воле моих мышц, а потому что меня схватили за куртку у самого горла и потащили. Я заставила себя быть вялой, как мертвая.

Тащить перестали, снова энергично обнюхали. Могло ли это существо понять, что я живая? Я боялась этого. Мне показалось, что я слышу отступающие движения.

Может, мне удастся бежать?

Я подняла тяжелые веки, и на мгновение свет больно резанул глаза, поскольку я долго была в темноте. Это был

солнечный яркий свет. Затем в поле моего зрения появилась фигура.

Я была так уверена, что меня выкопали Серые, что не сразу поверила своим глазам: здесь сидел не человек-волк. Он действительно походил на волка, но на волка настоящего, на животное. Его шкура была не серая, как у Стаи Мрака, а скорее кремово-белая, торчащие уши, длинная полоса хребта, включавшая хвост и четыре крепкие лапы коричневого цвета.

Самое поразительное, что на звере был ошейник, широкая полоса его сверкала цветными искрами, как будто ошейник был украшен драгоценными камнями. Мои глаза полностью раскрылись от изумления: животное сидело, слегка отвернув от меня голову, словно ждало кого-то. Зубастая пасть приоткрылась, высунулся красный язык.

Это было настоящее животное, а не полузверь. Оно повиновалось человеку, иначе не носило бы ошейника. Поэтому то, что я увидела, успокоило меня. Но в Эскоре никогда не принимали необычное за безвредное: надо быть осторожной, если хочешь сохранить жизнь, или больше чем жизнь. Я не шевелилась, только очень медленно повернула голову, чтобы видеть окружающее.

Мощные сугробы снега, не только от лавины, но и от усилий животного, откапывавшего меня. Был день, но тот ли, в который мы прошли через проход, или следующий — я не могла сказать, но мне казалось, что не тот. Солнце стало очень ярким, резало глаза, и я снова закрыла их.

Не было никаких признаков, что выкопали еще кого-нибудь из нашего отряда. Я решила снова оглядеться и услышала еще раз голос животного. Я была уверена, что оно зовет своего хозяина или собрата.

На этот раз ему ответил резкий свист, и собака — если это была собака, — разразилась громким требовательным лаем. Она отвернулась от меня, и я из последних сил приподнялась. У меня было ощущение, что я должна встретить того, кто свистел, на ногах — если смогу.

Собака не обращала внимания на мои усилия. Она вскочила и побежала, раскидывая снег. Я с трудом встала на колени, а затем в полный рост и стояла, покачиваясь и боясь сделать шаг, чтобы не упасть снова, а собака бежала не оглядываясь.

Я осторожно и медленно повернулась, стараясь найти какое-нибудь доказательство, что не я одна выжила, и увидела...

Я качнулась, упала на колени и принялась разгребать руками снег с мешка, который Вальмонд сбросил за минуту до катастрофы.

Кажется, я заплакала и так и осталась на коленях, не в силах встать. Я держалась за мешок, как за якорь, единственный оставшийся от ушедшего мира.

Так и нашли меня собака и ее хозяин.

Животное зарычало, но у меня уже не осталось никакой энергии. Затуманенными глазами смотрела я на человека, бредущего по снегу, утопая по колено.

Это был человек. По крайней мере, он не походил на кошмарных созданий, бродивших в темных местах Эскора. Но он был не из Древней расы. В меховой одежде, какой я ни разу не видела, широкий, усыпанный камнями пояс стягивал свободную пушистую тунику. Капюшон с полосой зеленоватых волос, похожих на бахрому, был сдвинут назад, так что были видны его настоящие волосы, рыжие, хотя брови и ресницы были черными, и темно-коричневое лицо. Эти рыжие волосы так не подходили ему, что выглядели париком.

Лицо было широкое, плоский нос с большими ноздрями, толстые губы. Он неразборчиво заговорил, и лишь немногие его слова слегка напоминали язык Долины, который, в свою очередь резко отличался от языка Эсткарпа.

— Другие... — я наклонилась вперед, опираясь на мешок. — Помоги найти других.

Я употребляла простые слова, разделяя их, надеясь, что он поймет. Но он стоял, протянув руку к собаке, как бы удерживая ее.

живая животное. Рядом с человеком было особенно заметно, как крупна собака.

— Другие!

Я так, старалась, чтобы он понял. Если я осталась жива после этого падения, другие тоже могли выжить. Затем я вспомнила веревку, связывавшую нас всех, и стала искать ее на себе. Ведь Кемок был передо мной, значит, его можно найти.

Но веревки не было, а на месте крючка на куртке была дырка.

— Другие...

Мой голос поднялся до визга. Я поползла по снегу, раскидывая его то тут, то там, рыла где попало, в надежде, что если этот человек не понимает моих слов, то поймет действия.

Первым ответом был быстрый толчок, от которого я упала на спину. Собака запустила зубы в куртку на моем плече и потащила меня к хозяину. Животное было так сильно, что я не могла сопротивляться.

Человек не подошел, не помог собаке и ничего не говорил, просто стоял и смотрел словно его вмешательство не требовалось.

Собака, рыча, тащила меня. Последний рывок — и я растянулась на боку, скользя вниз от того места, где пыталась рыться в остатках лавины.

Снова послышался резкий свист, и ему ответил далекий лай. Первая же собака, стоя надо мной, все еще рычала. Человек подошел ко мне, но не дотронулся до меня, а только ждал.

То чего он ждал, появилось; сани в виде рамы, запряженные двумя собаками.

Нашедшая меня собака перестала рычать и подошла, увязая в снегу, к саням. Там она остановилась перед своими братьями, как бы ожидая, что ее тоже запрягут.

Ее хозяин наклонился: крепко взял, меня за плечо и с удивительной легкостью поднял. Я пыталась вырваться.

— Нет! Тут... другие — кричала я в его невыразительное лицо. — Найти...

Он поднял руку. Что-то вспыхнуло на моей челюсти. Момент раздирающей боли — и пустота, ничего.

Глава 3

Боль разлилась по всему моему телу.

Время от времени меня встряхивало, и тогда тяжелая, постоянная боль переходила уже в настоящую агонию. Я лежала на чем-то, что качалось, опускалось, но не останавливалось. Я открыла глаза. Передо мной бежали три собаки. Ремни, пристегнутые к их ошейникам, крепились к саням, на которых я лежала. Я хотела сесть, но обнаружила, что мои руки и ноги туго связаны, и лежу я под меховой полостью, прикрепленной с двух сторон к саням. Возможно, эта полость предназначалась для тепла и для безопасности, но в данный момент я рассматривала ее как еще один барьер между мной и свободой.

Сани, какие я знала в Эсткарпе, всегда были громоздкими, и в них запрягали лошадей, а эти, влекомые большими собаками, обладали, как мне казалось, фантастической скоростью, и ехали мы более бесшумно. Не было звяканья сбруи, звона бубенчиков, которые обычно вешались и на сбруи, и на передок саней. В этом молчаливом полете было что-то пугающее.

Я медленно возвращалась к ясному мышлению. Боль сконцентрировалась в голове, и она, плюс шок от падения с лавиной, делали построение каких-либо планов почти непосильной задачей. Моя борьба с оковами шла больше от инстинкта, чем от разума.

Я перестала бороться, закрыла глаза от яркого солнечного света, усугублявшего мои страдания, и поставила перед собой задачу собрать воедино картину случившегося. Те-

перь я могла разумно обдумать удар, нанесенный мне этим человеком.

Похоже, что я была не спасенной, а пленницей, и он вез меня в свое жилище или лагерь. То малое, что я знала об Эскоре — зеленый народ не отходил далеко от своей укрепленной Долины — большей частью шло от слухов и легенд. Однако я никогда не слышала о таких людях и таких собаках.

Я не видела своего захватчика, но полагала, что его место позади саней. А может быть, он послал меня одну со своими четвероногими слугами, а сам вернулся искать других выживших?

Другие выжившие! Я глубоко вздохнула, что тоже было чрезвычайно болезненно.

Киллан, Кемок... Только за них я цеплялась, как лезущий в гору цепляется за спасительную веревку, когда нога его выскальзывает из ненадежного углубления.

Мы были так крепко спаяны все трое, и я думала, что если один уйдет из жизни, другие тут же узнают об этом. Хотя я потеряла свою власть, но наша связь оставалась, и я не могла поверить, что мои братья погибли. А если они живы...

Я еще раз попыталась разорвать оковы, державшие меня, но только ударилась головой о раму саней и чуть снова не потеряла сознание. Нет, я должна преодолеть страх, привести мозг в холодное и настроенное состояние.

У Мудрых женщин я научилась такой дисциплине, какой, возможно, нет даже у воинов, и призвала то, что у меня еще оставалось, быть моей броней и поддержкой. Я не могла помочь тем, кто был мне дорог, если они нуждались в помощи, пока не буду свободной сама. Я, должна как всякий пленник, ждать малейшей возможности для освобождения.

Я слишком мало знала о своем захватчике и о том, какую роль я должна играть, чтобы обмануть его. Лучше всего, наверное, казаться той, за кого он меня принимал: запуганной женщиной, побитой им и покорной. Конечно, это было трудно для женщины Древней расы, особенно из Эсткарпа, где

Мудрые женщины считались по положению выше мужчин, их главенство было врожденным и принималось без спора. А теперь я должна была казаться и ниже, чем была, слабой и легко подавляемой.

Итак, я лежала, не двигаясь, следила за бежавшими собаками и старалась овладеть своими мыслями. Если бы я была способна воспользоваться властью, как раньше, я была бы свободна с той минуты, как встала на ноги. Не сомневалась, что могла бы повлиять и на собак, и на их хозяина. А теперь я напоминала человека, привыкшего надеяться на свои ноги, но вдруг оставшегося калекой, как раз тогда, когда перед ним долгий и опасный путь.

Два раза собаки останавливались и садились, тяжело дыша, на снег. Их длинные языки вываливались из пастей. Во второй раз их хозяин подошел и взглянул на меня.

Меня предупредил скрип его шагов, и я закрыла глаза, и, кажется, изобразила вполне убедительную картину обморока. Я не открывала глаза до тех пор, пока собаки не побежали вновь.

Осторожно взглянув, я увидела, что впереди уже лежит девственный снег. На его поверхности были следы других саней.

Видимо, мы приближались к цели. Теперь я должна быть особенно внимательной, разыгрывая роль сломленной пленницы. Чем дольше я смогу притворяться, что нахожусь в беспомощности, тем больше узнаю об этом народе, потому что, судя по следам полозьев, мой захватчик был не один, просто его товарищи ехали впереди.

Собаки бежали по склону в долину, где деревья казались темными пальцами на крепком и чистом снегу, хотя солнце уже село, оставив в небе несколько светлых полос.

Из долины донесся дружный лай, и собаки, которые везли меня, отвечали в полный голос.

Это был лагерь, как я заметила, а не место постоянного жительства, как, например, у зеленого народа. Хотя уже стем-

нело, я увидела между деревьями палатки, хитроумно поставленные таким образом, что деревья составляли их часть. Я вспомнила рассказ Кемока о том, как он останавливался у моховиц, жилища которых огораживались мхом, свисавшим с ветвей старых деревьев. Но здесь стены были не из мха, а из шкур, разрезанных на полосы и сплетенных в полотнища, гибкие и удобные в обращении. Они висели, создавая неправильной формы комнаты, центром которых были деревья. Костер горел перед входом снаружи, а не внутри.

У каждой палатки находились, яростно лая, по три-четыре собаки. Люди вышли посмотреть на причину такого шума. Насколько я могла судить при слабом свете, все эти люди имели тот же цвет кожи и те же черты, что и мой захватчик, так что трудно было сказать, племя это или семейный клан. Когда сани остановились на опушке леса, люди подошли ближе, и я сочла за благо прикинуться, что все еще не пришла в себя.

С меня сдернули покрывавшие меня меха, подняли и отнесли туда, где запах кухни смешивался с запахом свежих шкур, собак и чужих тел. Меня бросили на кучу чего-то, что прогнулось достаточно мягко для моего болевшего тела, но не избавившего меня от добавочной болезненной встряски. Я услышала разговор, почувствовала тепло и даже увидела свет через закрытые веки: видимо, кто-то поднес к моему лицу факел. Во время моего путешествия я каким-то образом потеряла шапку, так что мои волосы растрепались.

Чьи-то пальцы потянули их, повернув мою голову, и я услышала взволнованные восклицания, как будто моя внешность их удивила.

В конце концов меня оставили в покое, и я лежала, боясь пошевелиться, и внимательно прислушивалась, чтобы узнать, есть ли кто-нибудь здесь рядом. Если нет, мне бы очень хотелось осмотреться.

Я начала мысленный счет до пятидесяти, до ста — и тогда рискнула открыть глаза, не шевелясь и не поворачивая головы.

Может быть, даже такой ограниченный обзор поможет мне оценить моих захватчиков.

Я досчитала до сотни, потём из осторожности еще до сотни и затем решилась.

К моему счастью, люди племени при осмотре повернули мою голову к отверстию палатки, так что я могла кое-что увидеть.

Я лежала на куче мохнатых шкур, положенных на свежесрубленные ветки, еще достаточно гибкие, чтобы создать некоторый комфорт. Направо стояло несколько ящиков, тоже покрытых шкурами, очищенными от меха, и разрисованными когда-то яркими узорами, теперь уже потускневшими и осыпавшимися. Я не нашла ни одного знакомого мне символа.

По другую сторону двери висела рама с зарубками, в которые были с наклоном вставлены узкие полки. Они были завалены мешками, деревянными ящиками и посудой, хорошо сделанной, но без декоративных узоров. Там же висело два охотничьих копья.

Освещение, при котором, я все это видела, привело меня в изумление. Из центрального шеста тянулись к сторонам палатки два шнура, на них висели полосы тонкого материала, похожего на самый лучший шелк: какой иногда привозили из-за моря рейдеры салкаров. В этой газовой сетке запутались мириады крошечных насекомых, причем не мертвых, которые остаются в паутине, а живых. Каждое насекомое было искоркой света, так что все вместе они освещали палатку — не так ярко, как я привыкла, но достаточно, чтобы все видеть.

Я с удивлением осматривалась. В это время вошел чужак и увидел мои открытые глаза. Злясь на свою глупость, я строила испуганное лицо, и завертелась, как бы желая убежать, но не имея к этому возможности.

Он встал на колени возле моего ложа критически и оценивающе оглядел меня, затем грубо просунул руку под мою куртку, так что я не могла ошибиться в его намерениях. Те-

перь мне не надо было разыгрывать страх; я и в самом деле испугалась.

Играть роль покорной самки я больше не могла и не собиралась без борьбы позволить ему сделать то, что он хотел сделать. Я тщетно наклоняла голову, чтобы вцепиться зубами в его руки, которые теперь рвали мою куртку и тунику под ней. Затем подняла колени и старалась ударить его.

Похоже, он рассматривал это как игру, и она ему нравилась. Он присел на пятки, и его ухмылка обещала мне большее зло, чем я могла ожидать. Вероятно, ему хотелось продлить мое унижение, потому что он не продолжал своих действий, а сидел и смотрел на меня, как бы обдумывая следующий шаг и предвкушая заранее то, что он сделает.

Но ему так и не представилась эта возможность. Послышался резкий оклик, и из-за дверного полотна показалась голова и плечи женщины племени.

У нее было такое же ширококостное и плоское лицо, как и у мужчины, но волосы были уложены в замысловатую башню. В шпильки в ее волосах были вставлены драгоценные камни, игравшие на свету. Ее свободное меховое пальто было распахнуто, под ним, несмотря на холодную погоду, выше талии ничего не было, кроме множества ожерелий из драгоценных камней. Соски тяжелых грудей были покрашены в желтый цвет. Такого же цвета лепестки расходились по радиусам от них, имитируя цветок.

Разговаривая с моим захватчиком, она рассматривала меня с какой-то надменной веселостью, и у нее был властный вид, как у Мудрых женщин низшего ранга. Я не предполагала найти такой у этого народа.

Впрочем, с чего я взяла, что в этом обществе главенствует мужчина? Только из-за манеры, с какой этот чужак обращался со мной?

Они говорили со странным акцентом и очень быстро. Я кое-что улавливала, но общего смысла не понимала. Я снова пожалела о моей утраченной силе, даже о самой малой части

ее. Только тот, кто обладал ею и потерял, мог бы понять мои чувства. Эта великая потеря больше чем наполовину опустошала меня.

Хотя я и не понимала их слов, но мне было ясно, что гнев их усиливался, и что женщина приказывала мужчине сделать что-то, в чем он давал клятву. Один раз она повернулась к двери и сделала жест, который я расценивала как намек, что она зовет кого-то поддержать ее приказ.

Злобная усмешка исчезла с его толстогубого лица. Оно стало таким угрюмо-мрачным, что я бы на месте этой женщины испугалась. Но ее надменность и нетерпеливость росли, и она опять вернулась, как будто подмога, которую она хотела позвать стояла за дверью. Но прежде чем она позвала — если и собиралась, ее прервал низкий медный гул, воспринимающийся человеческими ушами, как многократное эхо.

Услышав это, я на секунду забыла, где я и какие еще испытания предстоят мне.

Этот гудящий звук пробудил во мне то, что я считала навеки утерянным — не только крохи памяти, но и немедленный ответ, который был для меня таким разительным и ошеломляющим, что я чуть не вскрикнула.

Моя Власть была стерта, но память нет.

Я помнила искусство чар, господство воли и мысли, которому меня обучали, но не могла ими воспользоваться. Память сказала мне, что в этом варварском лагере прозвучал духовный гонг. Кто мог пользоваться этим колдовским орудием в таком месте?

Женщина явно торжествовала, мой захватчик беспокойно хмурился. Наконец он вытащил из-за широкого пояса длинный нож, встал надо мной и разрезал веревку, связывающую мне ноги. Когда он поднял меня, его руки скользили по моему телу, обещая причинить зло в будущем, раз уж не удалось это сейчас.

Поставив меня, как куклу, он резко толкнул меня вперед, и я беспомощно врезалась бы в стену, если бы женщина не

перехватила меня за плечо, ее ногти жестоко вцепились в меня, и повернула лицом к выходу. Мы вышли в ночь, освещенную кострами.

Люди у костров не смотрели на нас, когда мы проходили мимо, и мне казалось, что по каким-то причинам они умышленно отводили от нас взгляды. В воздухе все еще чувствовалась вибрация, порожденная гонгом, хотя звука уже не было.

Я ковыляла, поддерживаемая и подгоняемая женщиной, мимо костров, палаток, все глубже в лес, извилистым путем между деревьями. Когда костры остались позади, стало очень темно, а тропа — совершенно неразличима. Но моя стражница-гид шла спокойно, как будто видела в темноте гораздо лучше меня или ходила здесь так часто, что ее ноги сами шли куда надо.

Замигал другой костер — низкий с глубоким пламенем. От него исходил ароматный дым. Его я тоже знала издавна, только тогда он обычно вился из жаровни, а не из палочек, поставленных открыто.

Неужели меня привели к настоящей Мудрой женщине? Возможно беженке из Эсткарпа, перешедшей, как и мы, через горы в поисках древней родины.

Палатка, перед которой пылал огонь, была больше других, — она занимала почти всю поляну. В дверях стояла фигура в плаще с капюшоном, время от времени протягивая руку, чтобы бросить в огонь приятно пахнущие травы.

Услышав этот запах и хорошо зная, зачем он здесь, я обрадовалась: он исходил не от сил зла. Эта пища не для Тьмы, а для Света.

Магия бывает двух родов. Колдунья рождается со своим искусством, ее сила от земли, от всего растущего, от природы.

Если же она заключает договор с Тенью, она оборачивает во зло все, что живет на земле, и растения вредят, так же как и лечат.

Волшебница может родиться со стремлением подниматься выше в своем искусстве, а может оказаться и без дарова-

ния, и тогда ей очень трудно учиться пользоваться Властью. И она тоже выбирает между Светом и Тенью.

Наши Мудрые женщины в Эскарпе рождаются со своим искусством, и я была одной из них, хотя и не произносила их обета и не носила на груди драгоценный камень, как их сестра.

Вероятно, я когда-нибудь стала бы считаться волшебницей, поскольку мое обучение шло гораздо дальше простого колдовства, и работала я без усилий и приготовлений.

«С кем я встречу теперь? — думала я, пока моя проводница вела меня к палатке. — С колдуньей или ученой волшебницей? Наверное, с последней, судя по тону гонга».

В то время как палатка моего спасителя-похитителя освещалась пойманными насекомыми, эта палатка была гораздо светлее.

В этой палатке тоже были полоски газа с плененными существами, но на низком столе, высота которого показывала, что перед ним либо стояли на коленях, либо сидели скрестив ноги, но только не на стульях, сиял еще и хрустальный шар.

Войдя, я увидела, что этот свет, который, казалось, плавно кружился в шаре, горел с яркостью маленького солнца.

— Добро пожаловать, дочь!

Акцент был архаичным по стандартам Эскарпа, но слова не были бормотанием, какое я слышала до сих пор в этом лагере. Я опустилась на колени перед шаром, не понуждаемая проводницей, а просто, чтобы лучше видеть говорящую.

У людей Древней расы не заметны признаки старости, хотя их век долог. Я видела всего одну или двух Мудрых женщин, на которых это было ясно видно. Я подумала, что ссохшаяся, согбенная женщина, которая сидела по другую сторону стола, наверняка очень близка к смерти.

Волосы ее были белыми и редкими, не скрученными и зашпиленными в стиле женщин племени, они были заплетены в косы, и я тоже узнала их, потому что это была обычная прическа Мудрых женщин.

Только на ней не было длинной мантии, какие носят волшебницы. На плечах старухи был надет меховой плащ, запахнутый так, что видно было ожерелье с подвеской из одного большого камня, висевшего между обнаженными грудями, которые теперь стали просто лоскутами жесткой кожи. Лицо ее не было широким и толстогубым, как у других из племени, а узким, с четкими чертами, какие я видела всю жизнь, но только изборожденным морщинами и с глубоко запавшими глазами.

— Добро пожаловать, дочь, — повторила она.

Она протянула руки. Я должна была дополнить это древнее приветствие — положить свои ладони на ее, но не могла, так как мои руки были связаны. Она повернулась к моей проводнице и резко сказала что-то. Та поспешно наклонилась ко мне и разрешила ножом веревки на моих руках.

Я неуклюже подняла затекшие руки и коснулась горячих и сухих ладоней. Некоторое время мы оставались в этой позе, и я не пыталась увильнуть от мозга, который прощупывал мой мозг и узнавал мои воспоминания, мое прошлое, как будто это все было записано в свитке.

— Значит, такой способ! — сказала она в моем мозгу.

Я приняла эту мысль так ясно, как не удавалось даже с Килланом и Кемоком.

— Но так не может оставаться, — продолжала она. — Я чувствовала твое присутствие, дочь моя, когда ты была еще далеко. И я включилась в мозг Сокфора — не открыто, а как будто он сам надумал искать тебя.

— А мои братья? — резко перебила я.

Может ли она со своей силой сказать мне вся правду?

— Живы ли они?

— Они мужчины, что мне до них! — ответила она с давно известной мне надменностью. — Если бы ты умела читать в кристалле...

— У меня нет больше Власти, — сказала я ей.

Впрочем, она и так уже знала об этом.

— Сон — это не смерть, — уклончиво ответила она. — То, что спит, может проснуться.

Ее слова были как эхо слабой надежды, с которой я выехала в Эсткарп. Я не только боялась, что моя пустота может наполниться Злом, но и жаждала снова вернуть себе хоть часть того, что у меня было отнято.

— Ты можешь это сделать? — спросила я ее.

Я не особенно верила, что ответ будет положительным. Я чувствовала в ней радость, гордость и еще какие-то эмоции, так глубоко спрятанные и такие мимолетные, что не могла их прочесть. Превыше всего была гордость, и она же сквозила в ее ответе:

— Не знаю. Нужно время, но его быстро можно сосчитать, перебирая бусинку за бусинкой.

Она шевельнула рукой и покачала передо мной браслетом из бус, которые были нанизаны на некотором расстоянии одна от другой. Бусины были гладкие, холодные, но успокаивали, если их перебирать. Мудрые женщины пользовались ими, чтобы управлять эмоциями, или для контроля памяти.

— Я стара, дочь моя, и часы для меня идут быстро. Но то, что у меня есть — твое.

Я была вне себя от радости, получив такое предложение помощи, и не подумала даже, что могу подпасть под ее чары. Я расслабилась и чуть не плакала от счастья и доверия, потому что она обещала мне то, чего я больше всего желала. Возможно, какой-то налет чар Дензила остался во мне, и поэтому я слишком легко поверила тому, во что хотелось верить, и забыла об осторожности.

Итак, я осталась у Утты и сделалась членом ее дома, воспитанницей и «дочерью».

Это был дом, вернее, палатка женщин, могущих стать Мудрыми женщинами. Я ничего не знала о прошлом Утты, кроме того, разумеется, что это не ее настоящее имя.

У адепта не одно имя, потому что, зная его настоящее имя, можно получить над ним власть более сильную, чем его собственная.

Я так и не узнала, каким образом она попала в эту группу бродячих охотников. Знала только, что она живет с ними несколько поколений их короткой жизни и стала их богиней и легендой.

Время от времени она выбирала «дочерей» служить ей, но в этом племени ни у кого не было врожденного дара, который можно было бы усилить, и ей никак не удавалось найти кого-либо, кто мог хотя бы частично взять на себя ее обязанности или понять ее потребность в единомышленнике.

Она была очень одинока.

Я рассказала ей все о себе не вслух, а она читала мои мысли. Ее ничто не интересовало в остальном мире. Она давно сузила свой мир до границ этого племени и теперь не могла и не хотела снимать с себя оковы, надетые ей самой.

Я надеялась, что она поможет мне получить утраченное, и она ухватилась за мысль сделать из меня нечто подобное тому, чем я была раньше.

Глава 4

Вупсалы — так эти скитальцы называли себя — имели очень смутные представления о своей истории. Из того, что я слышала за время пребывания у них, ничего даже не намекало на то, что они когда-либо были оседлыми, даже во времена, когда Эскор был спокойной страной. У них были торговые инстинкты, и Утта в ответ на мои вопросы говорила, что они, вероятно, были бродячими торговцами, скотоводами или чем-то в этом роде до того, как свернули на варварскую тропу охотников.

Их обычные места кочевий были далеко на западе.

Сюда они пришли из-за налетов более сильного народа, который разбивал их отряды и сильно уменьшил кланы. Я также узнала от Утты и ее прислужниц, что на востоке на расстоянии многодневного перехода — по стандартам племени —

есть другое море или вообще широкое водяное пространство, откуда пришли те их враги.

Они, как и салкары, жили на кораблях.

Я пыталась получить ответ, более точную информацию, рисуя карту, но то ли они и в самом деле не имели таких сведений, то ли из-за какой-то природной осторожности сознательно путали, так что подробностей не удалось узнать.

Им было тревожно на западе, неудобно, но они не могли осесть здесь и только бесцельно бродили у подножий гор, оставаясь на одном месте не больше дней, чем пальцев на руке. Они были столь примитивны, что, считали только на пальцах. Но, с другой стороны, они были удивительными работниками по металлу. Их украшения и оружие были не менее изящными и красивыми, чем те, что я видела в Эсткарпе, только рисунки более варварские.

Кузнец пользовался у них большим уважением и играл роль жреца в тех племенах, где не было Утты. Я вывела заключение, что очень немногие из этих жрецов были прорицателями и ясновидящими.

Утта могла управлять их воображением и страхом, но не была вождем. У них был вождь Айфинг, человек средних лет, обладающий всеми добродетелями хорошего вождя. Он был храбр, но не безрассуден, имел чувство направления и способность ясно мыслить.

Он не был бессмысленно жесток и, как мне показалось, завидовал Утте, но не решался бросить вызов ее авторитету.

Меня нашел с помощью собаки сын его старшей сестры. Рано утром после того, как Утта потребовала меня к себе, вождь пришел вместе с ним в ее палатку, чтобы предъявить права племянника на мою особу, согласно давнему обычаю.

Племянник стоял чуть позади, очень довольный доводами вождя в его пользу, а я сидела, скрестив ноги, за спиной своей новой хозяйки, пока старшие спорили. Он так жадно смотрел на меня, что я благодарила Далекие Силы, принесшие сюда Утту на мою защиту.

Айфинг изложил дело, которое обычаи делали ясным и неоспоримым. Я не могла следить, за его речью, но прекрасно поняла ее смысл по частым взглядам в мою сторону и по жестам, указывавшим то на меня, то на горы.

Утта выслушала его и одной резкой фразой разбила в куски все его аргументы.

— Девушка пользуется нашей Властью, — сказала она.

Одновременно в моем мозгу появилась мысль: «Видишь вон ту чашу? Подними ее своей волей и поднеси ее Айфингу».

Это было нетрудно сделать в прежние дни, но не теперь. Но в ее приказе была такая сила, что я послушно подняла руку и указала пальцем на серебряную чашу, сфокусировав свою волю на задаче, которую требовала от меня Утта.

Я и теперь думаю, что тут сработала через меня ее воля. Чаша поднялась, пролетела по воздуху и остановилась подле правой руки Айфинга. Он вскрикнул и отдернул руку, как будто чаша была раскалена. Затем он повернулся к племяннику и, возвысив голос, сказал что-то, что явно было руганью, затем снова повернулся к Утте, коснулся рукой лба в знак прощания и вышел, приказав молодому человеку идти вперед.

— Я этого не делала, — медленно сказала я, когда они ушли.

— Успокойся, — прозвучало в моей голове. — Ты сделаешь куда больше, если они будут терпеливы. Или ты желаешь лечь под Сокфора для его удовольствия?

Она улыбнулась, и все ее морщины собрались, когда она уловила мою мгновенную реакцию ужаса и отвращения.

— Это хорошо. Я очень долго служила племени, и ни Айфинг, ни Сокфор и ни кто другой не перешагнут через меня. Запомни это, девушка. Будем вместе делать нашу работу. Я единственная твоя защита от этих услуг, пока ты не вернешь себе свое собственное искусство защиты.

Эта логика дала мне еще большее основание для погружения в тренировки, которые она задумала, и первая из них началась немедленно.

В ее палатке находилось еще две женщины: одна была из племени почти такая же старая, как Утта, хотя годами много моложе ее. Однако она была гораздо сильнее, чем казалась, и ее тощие руки со сведенными пальцами выполняли большую часть работы в палатке. Это она в плаще с капюшоном бросала травы в костер, когда я впервые появилась в лагере. Звали ее Аторфи, и я редко слышала ее голос. Она была полностью предана Утте, и думаю, что мы, остальные, были в ее глазах лишь теньями ее госпожи.

Женщина по имени Висма, которая привела меня к Утте, также была из вупсалов, но не из этого клана.

Она была, как я узнала, вдовой вождя другого племени вупсалов, погибшего в одной из жестоких междоусобных войн, которые не давали им объединиться в один народ. Айфинг требовал ее, как законную военную добычу, но в его палатке уже было две жены, и одна из них была очень ревнива. После двух-трех дней бурных домашних скандалов он торжественно преподнес эту военную добычу Утте в качестве служанки. В заведении ясновидящей для Висмы было более подходящее место, чем палатка Айфинга, даже если бы она была его первой и единственной женой. Она сама была от природы властной, и ее новое положение связной между Уттой, которая сама редко выходила из палатки, если не считать походов, когда она ехала в санях, укутанная в меха, с остальными членами клана, давало Висме именно то, чего она хотела. Как страж и наблюдатель, она была незаменима.

Я думаю, она сначала негодовала по поводу моего появления, но увидев, что я не вторгаюсь в ее сферу авторитета, приняла меня. В конце концов именно она распространяла слухи о моей растущей силе, чтобы подчеркнуть свое положение в племени.

В этом кочевом обществе наблюдалась двойственная власть. Утта и ее домочадцы представляли общество женщин, пользующихся Властью для поддержки своего правления. Остальные члены племени под руководством Айфинга

следовали противоположному образцу — у них главенствовали мужчины.

Я скоро увидела, что Утта была права: мне следовало поспешить изучить как можно больше, потому что ее смерть была не за горами. Скитальческая жизнь клана не шла ей на пользу в этом холоде, хотя Аторфи и другие старались создать ей максимум комфорта.

Наконец Висма пошла к Айфингу и твердо сказала, что он должен как можно скорее установить более постоянное место для лагеря и обосноваться там на какое-то время, пока Утта еще жива. Этот намек так напугал Айфинга, что он тут же послал своих разведчиков искать такое место.

Служба Утты в течение нескольких поколений приносила его клану «Удачу», как они говорили, значительно больше, чем имели другие их соплеменники.

Спустя десять дней после моего появления клан отправился к востоку. Я не могу сказать, сколько лиг мы оставили между собой и горами, которые все еще виднелись позади. Я много раз просила Утту посмотреть в ее шар и узнать что-нибудь о моих братьях, но она постоянно отвечала, что у нее уже нет сил для такого поиска. До тех пор пока я не научилась помогать ей, это было бы бесполезной тратой ее сил и могло привести старую женщину к смерти. Так что, если я сама хотела пользоваться шаром, в моих же интересах было оберегать Утту от лишнего напряжения и вбирать в себя то, что она могла мне дать. Но я с неудовлетворением заметила, что когда она следовала собственным желаниям, она была гораздо сильнее и могла сделать много больше, чем то, о чем я ее просила.

Я знала, что должна всячески улаживать ее, если хочу получить назад утраченное, и иметь ее в качестве буфера между мною и мужчинами клана, особенно Сокфором, который преследовал меня взглядами, что было действительно опасно. Если бы я вернула себе хоть какую-нибудь часть своей власти, я освободилась бы от этой опасности: настоящую колдунью нелегко взять против ее воли. Моя мать однажды доказа-

ла это в крепости Верлейн, когда один из надменных дворян Карстена хотел сделать ее своей наложницей.

Так что я склонила свою волю перед волей Утты. Она была не просто довольна, она торжествовала и почти лихорадочно работала со мной долгие часы, стараясь сделать меня равной себе, насколько могла. Я думаю, это было потому, что она уже много лет искала ученицу и не находила, и теперь все ее надежды сосредоточились на мне.

У нее было мало техники Мудрых женщин, и ее таланты в основном были сродни колдовскому искусству, а не волшебному, так что мне, возможно, было легче приспособиться к ее обучению. Скоро меня начало раздражать, что ее мозг скачет от одной части знаний к другой, вовсе не связанной с предыдущей, и то, что я впитывала, стараясь изо всех сил, было множеством концов и начал, которые, казалось, невозможно привести в порядок.

Я уже начала бояться, что так и останусь ее помощницей, без достаточно прочных знаний в каком-либо направлении, чтобы они послужили мне самой. Вполне вероятно, что именно этого она сама и хотела.

После первых дней путешествия мы дважды устраивали долгую стоянку — один раз на десять дней — во время которых охотники пополняли наши запасы. Перед каждой охотой Утта работала со своей магией, заставляя меня добавлять туда и мою силу.

Результатом ее колдовства были детальные описания, вложенные в мозг охотников, не только мест, где находилась дичь, но и мест, находящихся под влиянием Тени, которых следовало тщательно избегать.

Такие занятия сильно истощали ее, и мы потом не работали по крайней мере день. Но теперь я поняла ценность ее дарования для этого народа и какие опасности и промахи подстерегали кланы, не имевшие такого стража.

На тридцатый день наши сани свернули в узкую долину между двумя грядами утесов, изборожденную замерзшими ручьями.

Мы спустились дальше в узкий конец воронкообразного пространства, где вода уже стояла. Снег здесь стал рыхлым, так что те, кто ехал на санях, не считая Утты, пошли пешком, чтобы облегчить собакам работу.

Наконец снег вообще исчез. Двое молодых людей подбежали, чтобы толкать сани Утты.

На темной земле кое-где появились признаки зелени — сначала мох, а затем трава и кустики. Мы как бы перешагнули из одного сезона в другой всего за несколько шагов.

Было тепло так, что мы сначала откинули капюшоны и распахнули плащи, а затем сняли их. Мужчины и женщины племени оголились до пояса, и я заметила, что моя нижняя туника прилипла к телу от пота.

Мы пришли к потоку. Над нами клубился пар. Я хотела напиться, так как мое горло пересохло, но вода оказалась горячей.

Дыхание этого источника принесло в эту долину почти лето.

Наш ход сильно замедлился — не из-за недостатка снега для прохода саней, а потому что мы время от времени останавливались и Айфинг консультировался с Уттой. Было место, куда клан желал бы войти, но там могли быть опасности. Наконец Утта дала сигнал, что можно идти без страха, и мы вошли в явно излюбленное для лагеря место — излюбленное если не этим кланом, то каким-то другим. Везде были следы старых костров, длинные белые палки, служившие шестью для палаток. Гладкие скалы тоже могли обеспечить добавочную безопасность. Вупсалы быстро устроили более постоянный, чем обычно, лагерь.

Кожаные стены палаток укрепили снаружи новыми каменными стенами, так что в конце концов шкуры остались на виду только на крыше. Благодаря горячему пару в центре этого места требовалось меньше защиты от холода, чем в тех снегах, откуда мы пришли.

Горячий источник снабжал нас водой, не требовавшей подогрева, и мы в нашей палатке тщательно вымылись, что

доставило мне истинную радость. Висма достала чистую одежду из разрисованных сундуков и сказала чтобы я надела, как все женщины племени, расписанные символами брюки, широкий, украшенный камнями пояс и множество ожерелий. Она хотела раскрасить мне груди, когда возобновляла рисунки на своих, но я покачала головой. Позднее я узнала от Утты, что мой инстинкт сработал правильно, потому что девственность украшает себя подобным образом только тогда, когда выберет себе воина, а я невольно могла бы вызвать предложение «руки и сердца» какого-нибудь гордого члена племени, принимать которого не собиралась.

Но у меня не было времени углубляться в формальности повседневной жизни, потому что Утта сразу загрузила меня занятиями, давая мне время лишь на еду и сон, я похудела и устала; не зная раньше муштровки Мудрых женщин, могла бы сломаться, но мне казалось, что сама Утта не страдает, как я.

Она учила меня тому, чем пользовалась для блага клана. Не один раз заставляла меня отвечать на кое-какие просьбы тех, кто приходил к ней. Она сидела и смотрела, а я должна была заменять ее. К моему удивлению, люди клана не обижались на это.

Может быть, присутствие Утты внушало им большее доверие ко мне.

Я научилась излечивающим чарам, чарам для охотников, но в прямое предвидение, которым она пользовалась, она меня пока не включала, и я начала подозревать, что она поступает так намеренно, не желая давать мне возможности контакта с кем-то вне лагеря, что я обязательно бы сделала, поскольку методы такого предвидения и дальновидения, в сущности, те же самые, что и для прямого мысленного поиска.

Мои старания в области личных интересов, похоже, все время встречали препятствия.

Туман, покрывший мои последние дни с Дензилом, рассеялся, и я знала, что значит злоупотреблять этой частью Си-

лы, и что вероятно я никогда не верну ее. Я вспомнила дрожь и жаркое чувство вины, когда Кемок сказал, что я, полностью находясь во власти Тени, пользовалась Зовом, чтобы принудить Киллана выдать Долину. Не удивительно, что теперь эта власть мне запрещена. Такова природа Власти. Если пользоваться ею неправильно или только в личных целях, она может уйти.

Все мои просьбы к Утте позволить узнать мне, живы ли мои братья, оставались без ответа, кроме несколько загадочных утверждений, которые можно было толковать по-разному. Я могла уповать только на нашу крепкую природную связь: я бы знала, если их нет в живых.

Мой счет дней, приколотый булавкой к внутренней стороне куртки, рос, и я подсчитывала, что сделала за это время. Исключая предвидения и мысленный поиск, я уже умела столько же, сколько на втором году обучения у Мудрых женщин, хотя в том, что я теперь изучала, было больше колдовского искусства, чем волшебства. Но и тут еще были пробелы, которые Утта то ли не могла, то ли не хотела заполнить.

Несмотря на то, что нашему лагерю жить здесь было гораздо легче, чем во время путешествий, люди не сидели без дела. Теперь они занялись ремеслами. Меха были выдублены, и из них сшиты одежды, кузнецы стали набирать учеников.

Охотничьи отряды часто уходили из долины горячих источников, и Утта всегда уверяла, что им нечего опасаться. Я сделала вывод, что хотя осенью бывает много рейдеров, зимние месяцы хороши для охоты.

Свободные от этой опасности и от вторжения других кланов, которые были либо истреблены, либо так же подались на запад, вупсалы были в этой местности одни.

Здесь ничего не напоминало Эскор. Мы не видели развалин, не было поблизости мест с дурной репутацией — Тень не успела запятнать их. Люди племени тоже ничем не напоминали Древнюю расу или мутантов, союзников Долины, о которых я часто задумывалась — были ли они уроженцами этого

мира или пришли через Врата, открытые магами для прохода из одного мира в другой.

Мы занимались лечением мальчика, которого принесла мать: он упал со скалы и получил множество повреждений. Пользуясь внутренним зрением, я исправила все, погрузив сначала мальчика в глубокий целительный сон, чтобы его движения не мешали моим действиям. Утта ничем не помогала мне, переложив все на меня.

Когда мать унесла ребенка, ясновидящая откинулась на мягкую подушку, служившую ей для поддержки ее скелетообразного тела.

— Хорошо. Ты не зря была названа «дочерью».

Эта похвала означала для меня многое, потому что я уважала знания Утты. Мы не были друзьями, но плыли вместе, как две щепки, срубленные с одного дерева и брошенные в воду. Ее преклонный возраст, опыт и знания разделяли нас и внушали мне почтение, а договор связывал.

— Я стара, — продолжала она. — Если я посмотрю в это...

Она указала на шар, стоявший рядом с ней.

— Я не увижу ничего, кроме финального занавеса.

Она замолчала, но меня удерживало возле нее ощущение, что она хочет сказать что-то очень важное для меня. Она подняла руку и указала на вход нашей палатки. Даже слабое движение, видимо, утомило ее.

— Посмотри... под циновкой...

У входа лежала темная циновка, сплетенная не из полосок кожи и меха, как другие, а из какого-то растительного материала. Циновка была очень старая. Когда я по приказу Утты подняла эту циновку, то увидела на обратной ее стороне нечто, чего раньше не видела.

— Руку... над... этим...

Мысленные слова Утты звучали как ужасающий шепот.

Я перевернула циновку и протянула руку над ее поверхностью, и сразу линии на циновке загорелись, и руны на ней ожили.

Тогда я поняла, что оковы, которые Утта наложила на меня, не зависели от моей воли, а были под властью ее желаний. Это связывало меня с ней и с ее образом жизни.

Во мне вспыхнуло возмущение.

Она приподнялась. Руки ее упали.

— Мой народ нуждается...

Было ли это оправданием, началом просьбы? Но ведь это не мой народ, и он не принимал меня. Я не пыталась бежать раньше, потому что Утта предложила вернуть мне утраченные знания. Но если она и в самом деле уйдет за финальный занавес, то уйду и я!

Она легко читала мои мысли. При наших отношениях я не могла закрыться от нее.

Она медленно покачала головой.

— Нет, — ответила она на мой план. — Ты нужна им.

— Я не их ясновидящая, — быстро возразила я.

— Будешь...

Я не могла с ней спорить. Она как-то сразу осунулась, усохла, словно это слабое столкновение ее и моей воли истощило ее чуть ли не до смерти. Я встревожилась и позвала Аторфи. Мы дали Утте укрепляющего, но видимо, настало время, когда оно не могло больше удерживать борющийся разум в изношенной одежде плоти. Она еще жила, но держалась одним разумом, который нетерпеливо рвал эти ненужные связи с миром, желая вырваться на свободу и исчезнуть.

Она лежала так, и этот, и следующий день. Тщетно Аторфи и Висма делали все, что могли, чтобы поднять ее. Но она все еще имела слабую связь с землей и с нами. Когда я выглянула из палатки, то увидела, что весь клан молча сидит, глядя на дверь.

К полуночи на Утту внезапно нахлынула волна жизни. Я почувствовала ее приказ, когда глаза ее открылись и она взглянула на нас осознанно и требовательно.

— Айфинга!

Я подошла к двери и сделала знак вождю, сидевшему между двумя кострами, которые люди развели как защиту от того, что могло напознати из темноты. Айфинг пошел неохотно, но и без промедления.

Висма и Аторфи приподняли Утту повыше на подпорке, так что она почти сидела.

Она сделала правой рукой жест, подзывая меня.

Висма посторонилась, давая мне дорогу. Я встала на колени и взяла холодную руку Утты. Ее пальцы крепко, до боли, сцепились с моими, но ее мозг больше не касался меня. Она держала меня, но смотрела на Айфинга. Он опустился на колени на почтительном расстоянии от Утты. Она заговорила вслух, и голос ее был крепким, вероятно таким, как в дни ее молодости.

— Айфинг, сын Трина, сын Кейна, сын Джепа, сын Эверета, сын Столла, сын Кжола, чей отец Опсон был моим первым супругом, настало время, когда я шагну за финальной занавес и уйду от вас.

Он тихо вскрикнул, но она подняла руку, держа меня другой своей рукой, а затем протянула к нему обе руки, подтягивая мою.

Он тоже протянул к ней обе руки, и я увидела в его лице не личную печаль, а страх, который испытывает ребенок, оставленный взрослым, чье присутствие означало защиту от ужасов тьмы и неизвестности.

Утта вложила мою руку в его ладони, и он сжал ее так крепко, что я вскрикнула, поскольку не ожидала ничего подобного.

— Я сделала для вас все, что могла, — сказала она.

Этот гортанный язык, которому я выучилась, был так же груб для моих ушей, как и жестокий захват моей руки Айфингом.

— Я воспитала другую, чтобы она служила вам, как служила я. — Утта сделала усилие, чтобы выпрямиться и покачнулась.

— Я сделала всё!

Последнее слово она выкрикнула с торжеством, как военный клич, брошенный в лицо смерти. Затем она упала назад, и последняя ниточка, связывавшая ее с нами, порвалась навсегда.

Глава 5

Похороны Утты были великой церемонией для вупсалов. Я никогда такого не видела и была ошеломлена их приготовлениями. Такой ритуал не вязался с варварством, он больше напоминал веками установленный образец похорон в очень древней цивилизации. Возможно, это был последний осколок древнего акта принесенного ими из начала, теперь настолько скрытого в туманном прошлом, что они его уже не помнили.

Аторфи и Висма одели ее во все самое лучшее, что нашлось в ее дорожных сундуках, а затем несколько раз обернули полосами смоченной кожи, которые стянули и упаковали ее усохшую плоть и тонкие кости на вечные времена. Тем временем мужчины племени ушли на юг почти на день пути и там вырыли яму такой же ширины, как палатка, в которой Утта провела свои последние дни, перевезли палатку и сани, нагруженные камнями, и установили в яме.

Я искала возможности убежать во время всего этого, но магия Утты держала меня, и мне не доставало сил, чтобы разбить руны, на которые я по незнанию наступала, когда шла по ее палатке. Когда я попыталась выйти одна за пределы лагеря, то почувствовала приказ вернуться, с которым не могла бороться. При всей моей воле и стремлении бегство было невозможным.

В течение четырехдневных приготовлений я оставалась одна в своей новой палатке, поставленной чуть в стороне. Видимо, племя рассчитывало получить от меня какую-нибудь магию, благоприятствующую их делу, поскольку от меня не

требовали помощи в работе для Утты, и я была благодарна им за это.

На второй день женщины принесли два дорожных сундука и оставили их в моей палатке. Я открыла их. В одном были узлы и мешочки с травами, большую часть которых я узнала. Они употреблялись для лечения или для наведения сонных галлюцинаций. В другом был хрустальный шар Утты, ее жаровня, жезл из полированной кости и два свитка, вложенные в металлические трубочки, попорченные временем.

Я жадно схватила трубки, но не сразу смогла их открыть. На них были выгравированы символы, некоторые из которых я знала, хотя они слегка отличались от тех, которые я видела раньше. На концах трубки был глубоко вырезан один знак.

Гравировка, казалось, была менее затронута временем, чем сами трубки. Здесь была тонкая вязь буквенной руны — только я не могла ее прочесть — обвивавшейся вокруг маленького, но четкого рисунка меча, перекрещенного жезлом власти. Я еще ни разу не видела эти два символа в такой комбинации, потому что у Мудрых женщин жезл был знаком волшебницы, а меч — знаком воина, а такой контакт знаков женского и мужского считался бы неприемлемым и неприличным.

При более внимательном изучении я наконец нашла чуть заметную щелку и с большим трудом раздвинула тугие захваты. К своему великому удивлению, я увидела, что хоть свитки и целы, но я не могу их прочесть.

Эти руны были, видимо, личной записью какого-нибудь мага, который сам придумал код, чтобы лучше сберечь свои секреты.

В начале и в конце каждого свитка перекрещенные мечи и жезлы были отчетливо выделены цветом: меч — красный, жезл — зеленый, тронутый золотом. Это убедило меня, что свитки не от Тени, потому что зеленый и золотой от Света, а не от Мрака.

Рисунок удивил меня, потому что здесь в противоположность изображению на трубке меч лежал поверх жезла, как

намек, что главным для рисовавшего было действие, а Власть не вела, а следовала позади. Под символом были выведены широким пером буквы, которые были понятны — по крайней мере, они складывались в читаемое имя, только я не знала, чье — народа, места или человека. Я несколько раз повторила его вслух — может, его звучание пробудит что-нибудь в моей памяти:

— Хиларион.

Нет, это ничего не означало, и я не разу не слышала этого слова от Утты. Но она ведь очень мало говорила о своем прошлом, она была сосредоточена на том, чему учила меня. Расстроенная, я снова свернула свитки и уложила их в трубки.

Не вставая с места, я прижала руки к кристаллу в слабой надежде, что почувствую под ладонями тепло и зеркало покажет мне то, что я хочу знать. Но этого не произошло, и я убрала шар в сундук вместе с жезлом, который чужим лучше не трогать, потому что такой жезл Власти отвечает только тому, кто приспособил его для своей службы.

На пятый день в мою палатку пришли две женщины. Они смело вошли, не ожидая моего разрешения. Они несли тяжелый кувшин с горячей водой и таз для купанья. За ними вошла третья женщина с перекинутой через руку одеждой. Она же несла поднос с несколькими горшочками и коробочками.

Первые женщины были простыми членами клана, а третья, принеся поднос с косметикой — молодая жена Айфинга, Айлия.

Она была еще очень молода, совсем девочка, но держалась надменно, выставляя вперед маленькие груди, покрытые толстым слоем краски. Рисунок на них изображал ярко-красные цветы, а соски в центре цветка блестели, как будто в краску были добавлены крошечные чешуйки драгоценного камня. Это была вызывающая картина, еще более варварская, чем у других.

Ее взгляд был резким, еще более недружелюбным, чем я встречала до сих пор, как Утта взяла меня в ученицы и компаньонки.

Губы Айлии вытянулись вперед, когда она глядела на меня долгим, оценивающим и явно враждебным взглядом.

— Пора.

Она первая прервала молчание, и я подумала, что ей очень не хочется делать то, что она должна была сделать, хотя я не спрашивала, что именно.

— Мы несем старую в назначенный ей дом. Мы оказываем ей почтение...

Поскольку я не знала их обычаев, то сочла за благо идти, куда ведут. Я позволила им вымыть меня горячей водой с пригоршней мха, который растягивался от влаги и использовался вместо губки.

От него исходил слабый запах, странный, но не противный.

В первый раз я не получила кожаных меховых брюк, какие носили все. Мне дали одежду, которую принесла Айлия — длинную и широкую юбку из очень старой, как мне показалось, ткани, сохранившейся благодаря металлическим нитям, в вытканном узор кружевных листьев. Нити поблекли, так что узор был едва заметен, да и то при очень тщательном рассмотрении. Юбка была темно-синего цвета, по низу шла кайма шириной в ладонь из таких же металлических нитей.

По приказу Айлии женщины разрисовали мне груди, но не цветами, а лучами блестящего пигмента. Они не добавили к моему наряду ни одного ожерелья, какие носили сами, а покрыли меня с головой вуалью, сплетенной из потускневшей металлической нити. Когда я была одета, Айлия махнула рукой к выходу и заняла свое место позади меня.

Все племя шло процессией за саями.

Сани несли на плечах, а четырех собак, которые служили Утте, члены племени вели на поводках. В саях лежало тело пророчицы, покрытое отборными мехами.

Непосредственно за людьми, несшими сани, было свободное пространство, и Айфинг жестом приказал мне идти туда. Я повиновалась. Висма и Аторфи встали рядом со мной справа и слева. Обе были одеты в новое и раскрашены, но когда я поглядела на них, собираясь сказать что-то — не слова утешения, потому что кто может утешить их в этой потере, а просто что-нибудь дружеское — они не ответили на мой взгляд, поскольку не спускали глаз с саней. Каждая прижимала к груди обеими руками каменную чашу, каких я еще не видела. В чашах плескалась и пузырилась темная жидкость, как бы подогреваемая адским пламенем.

За нами шли Айфинг и самые главные охотники и воины, затем женщины и дети, так что мы шли к могиле всем племенем, вытянутые в линию. Здесь, вдали от горячих источников, было холодно, и под ногами лежал снег. Я дрожала в своей древней мантии, а те, кто шел рядом со мной, полуголые как в своей палатке, не показывали никаких признаков неудобства.

Наконец мы пришли к могиле. Люди, несшие сани, спустились по земляному скату в стоявшую в яме палатку и вышли оттуда с пустыми руками. Тут же Висма и Аторфи подняли свои чаши и жадно выпили всю жидкость.

Держа пустые чаши, они взялись за руки, опустили в палатку, и больше мы их не видели.

Я осознала значение их поступка только тогда, когда увидела, что люди, державшие собак, достали ножи и убили животных быстро и безболезненно. Затем они, эти мохнатые слуги тоже были присоединены к людям внизу. Я шагнула вперед — может быть, еще не поздно... Висма, Аторфи, неужели...

Алфинг крепко взял меня за плечо и держал, пока воины укладывали мертвых собак перед палаткой и прикрепляли их поводки к шестам, как будто собаки просто спят, а не заливают землю своей кровью. Как мне ни хотелось прыгнуть в яму и вывести двух женщин Утты, я понимала, что не стоит и пы-

таться. Они уже последовали за своей хозяйкой за финальный занавес, откуда не было возврата.

Я не вырывалась от Айфинга, а спокойно стояла, только время от времени вздрагивала от холода на этом открытом месте. Я видела, как все племя — мужчины, женщины и дети — подходили к могиле и бросали какой-нибудь подарок. Даже грудным детям матери вкладывали что-нибудь в руку и заставляли бросить. Мужчины бросали в яму оружие, женщины — золото, коробочки с душистым маслом, сухие лакомства. Видимо, каждый отдавал самое дорогое из своего личного имущества. Тогда я поняла всю полноту их уважения к Утте.

Им, наверное, казалось, что с ней ушел жизненный путь племени, потому что она жила при многих поколениях их и была живой легендой.

Затем мужчины с лопатами из коры и с веревками для подтаскивания камней встали с одной стороны и принялись засыпать могилу, а женщины собрались вокруг меня и повели обратно в лагерь. Они не оставили меня одну в палатке — со мной пришли Айлия и несколько старших женщин, хотя среди них не было первой жены вождя Аусу. Когда я села на подушку, обтянутую кожей и набитую мягкой шерстью, Айлия дерзко взяла себе такую же. Я видела, что некоторые женщины недовольно хмурились. Я не знала, что меня ожидает, но подумала, что надо самой защищать свои права. Утта назвала меня ясновидящей перед Айфингом, хотя я и не намеревалась связывать свое будущее с вупсалами, как сделала она. Как только я разобью связывающие меня руны, я уйду отсюда. Чтобы добиться этого, я должна спокойно распоряжаться той Властью, которой достигла, а в этом мне, похоже, собираются отказать.

Во всяком случае, было бы серьезной ошибкой для Мудрой женщины принять Айлию как равную себе, пусть она и жена вождя.

Я должна сделать что-то с самого начала, чтобы они меня боялись, иначе упущу и то малое преимущество, которое имею.

Я быстро повернулась, посмотрела на Айлию в упор и резко спросила:

— Что с тобой, девушка? — я копировала тон, который слышала в таких случаях от Утты, а также от Мудрых женщин в Месте Тишины, когда ученица позволяла лишнее.

— Мы будем в одинаковом положении, — ответила она, но отвела взгляд, явно чувствуя себя неловко, хотя ответ ее был нахальным и вызывающим.

— Вот я и села рядом с тобой.

Если бы я лучше понимала смысл ее слов, я бы подготовилась, но теперь только инстинктивно чувствовала, что должна укрепить свое превосходство перед любым членом племени.

— Как, ты разговариваешь с Той, Которая Видит Вперед, девушка? — холодно спросила я.

Я не называла ее по имени, как будто такая мелочь, как ее имя, меня не касалось, унижала ее в глазах остальных.

Может быть, я сделала ошибку, наживая себе врага, но она и так была настроена недружелюбно, что я и почувствовала с первого взгляда, и от попытки к примирению потеряла бы еще больше.

— Я говорю с той, которой придется сидеть рядом со мной, — начала она, но тут в палатку вошла женщина.

Она шла с трудом, опираясь на руку молодой девушки с ненакрашенными грудями и плоским лицом, обезображенным рубцом.

Женщина была немолода, высоко зачесанные ярко-рыжие волосы заметно тронула седина, широкое лицо разбухло, неуклюжее тело разжирело, большие груди торчали как подушки. Это не было естественной полнотой. У нее были и другие признаки болезни сердца, и я удивилась, почему она не обращалась за помощью к Утте за то время, пока я жила здесь.

Две женщины у двери поспешно встали, выдвинули подушки, на которых сидели, и положили их одна на другую,

чтобы для прибывшей было более высокое сидение, так как ей явно трудно было бы согнуть ноги.

Она села с помощью своей провожатой и долгое время не могла отдышаться, прижимая руки к груди. По ее знаку Айлия встала и отошла к стене, и ее угрюмость стала еще более заметна, но слабая неловкость, с которой она смотрела на меня, сменилась страхом.

Служанка встала на колени рядом с хозяйкой, что бы видеть ее и меня.

— Это Аусу из палатки вождя.

Ее голос был едва слышен из-за шумного дыхания хозяйки. Я подняла руку и сделала жест бросающий или сеющий, которому научилась у Утты, и подтвердила его словами:

— Аусу, мать мужчин, правительница палатки вождя, будь благословенна, и все доброе да будет на тебе!

Ее болезненное дыхание несколько успокоилось. Я вспомнила, что она одна из всего племени не провожала Утту в ее последний путь. Это было понятно: ее громадный объем и тяжелое состояние здоровья делали такое усилие невозможным. Она раскрыла распухшие губы и заговорила.

— Утта говорила с Айфингом. Она оставила тебя разглаживать наши дороги...

Она сделала паузу, как бы дожидаясь от меня ответа или подтверждения, и я сказала, что могла:

— Так сказала Утта.

Это было правдой, но не означало, что я согласна с повелительным приказом пророчицы насчет своего будущего.

— Как и Утта, ты идешь под руку Айфинга, — продолжала Аусу.

Голос ее временами так хрипел, что трудно было разобрать слова. Каждое из них, видимо, давалось с трудом.

— Я пришла, помочь тебе. Ты, как ясновидящая, будешь теперь главой в палатке Айфинга.

Ее голова повернулась на огромных плечах — чуть-чуть, но достаточно, чтобы видеть Айлию и одарить ее таким хо-

лодным и угрожающим взглядом, что я вздрогнула, — Айлия встретила ее взгляд не опуская глаз.

Но сейчас было не время, обращать внимание на немые сцены между этими двумя женщинами, женами вождя, потому что, если я правильно поняла их, я буду женой Айфинга. Но разве они не знают, что я, как Мудрая женщина, могу утратить свою силу, в которой они так нуждаются, если приду под руку мужчины? А утрачу ли?

Моя мать не утратила. Может быть, это всего лишь суеверие, распускаемое Мудрыми женщинами для охраны их самих и их правления. В Эскоре не знали этого, Дахаун не потеряла своих талантов, когда дала слово моему брату и стала главой в его доме и в его сердце, и сама Утта говорила, что ее супругом был давний предшественник Айфинга.

Но был ли такой союз угрозой для частично обретенной силы или не был — он был страшен для меня самой. Правда, теперь у меня под рукой такие средства, которые могут превратить меня в холодное мясо в его постели, раньше, чем произойдет худшее. Но, кроме этой последней крайности, были и другие пути, и один из них сейчас пришел мне в голову. Никто из этих женщин не мог читать моих мыслей, так что я могла приготовить — если у меня будет время — такой ответ, который удовлетворит всех.

Я была права, что не выдала своего изумления. Если бы я чуточку пошевелила мозгами, то могла бы угадать это заранее. Я снова сделала приветственный жест Аусу и сказала:

— Мать многих оказала мне честь, встречая меня как сестру.

Я сделала упор, чего не желала делать по отношению к Айлии.

— Хотя мы не делили одну чашу, как дети одной матери, но между нами не будет ни старшей, ни младшей.

Женщины вдруг зашептались, услышав этот отказ от предложенного мне главенства в палатке Айфинга, и я поняла, что они приняли мои слова, как связующие.

Аусу не спускала с меня глаз, почти закрытых веками. Затем она вздохнула, и ее напряженные плечи слегка согнулись. Я понимала ее железную волю, приведшую ее ко мне, ее решимость сделать то, что она считала правильным.

Я поспешила увериться, что мне дадут то, в чем я больше всего нуждалась — уединение.

Я наклонилась вперед и взяла ее пухлую руку в свои.

— Я как Утта говорю с духами, и должна иметь палатку, чтобы предложить им кров, когда они посетят меня.

— Так, — согласилась она. — Но жена идет к своему господину. И Утта проводила ночи с Айфингом, когда это было нужно.

— Таков обычай, — согласилась я в свою очередь. — Однако я должна жить отдельно. И, сестра, не могу ли я что-нибудь сделать для тебя? Твое тело нездорово. Может быть, духи найдут лечение...

Складки на ее лице зашевелились.

— Это зло с севера. Ты слишком недавно у нас, сестра, ты не знаешь. Это напущено на меня за то, что я делала глупости. Ах!

Она вырвала свои руки из моих и прижала их к груди, вскрикнув от внезапной боли.

Служанка поспешила достать плотно закрытую чашу из рога, открыла ее и дала Аусу выпить. Немного бесцветной жидкости вытекло из ее губ на тяжелый подбородок, оставляя липкие следы.

— Напущено, — повторила Аусу шепотом. — И я понесу это до могилы.

Я слышала о таких проклятиях — болезнь духа нападает на тех, кто вольно или невольно вторгается в какое-нибудь место древнего Зла, и отражается в теле человека болезнью. Но среди вупсалов я впервые встретила какой-то знак соприкосновения с древним Злом Эскора.

Снаружи неожиданно донесся громкий металлический звон. Я вздрогнула. Женщины монотонно запели. Айфинг?

Неужели жених уже идет за мной? Я же не успела подготовиться. Что я буду делать? Я растеряла последние остатки своей уверенности.

— Айфинг идет!

Айлия придвинулась ближе, но я заметила, что она не приближается чересчур близко к главенствующей в доме.

— Он идет за своей невестой.

— Пусть войдет, — сказала Аусу с достоинством, которое было ей присуще, несмотря на ее гротескное тело.

Женщины прижались к стенам, служанка Аусу тоже. Айлия не пошла с ними. Аусу еще раз взглянула на меня и на нее, и Айлия тут же отступила.

Главная жена громко окликнула Айфинга.

Полотнище палатки поднялось, и Айфинг наклонив под ним голову, подошел прямо к Аусу. Ее толстая рука поднялась, и он протянул свою темную грубую руку, чтобы ее могла взять Аусу, но смотрели они не друг на друга, а только на меня.

Я не видела в его лице того, что читала раньше у его племянника, что обещало бы мне позор. Айфинг выглядел бесстрастно, как человек, на которого возложили приятную задачу, являющуюся частью достоинства и ответственности вождя. Но за его плечом я увидела лицо Айлии с безошибочным выражением ревливой ярости.

Айфинг преклонил колено перед громадным телом своей первой жены. Она протянула руку ко мне, я вложила в нее свою, и она прижала мою ладонь к ладони Айфинга, как раньше это сделала Утта.

Сквозь ее свистящее дыхание пробились слова, которых я не поняла, вероятно, какая-нибудь архаичная ритуальная фраза.

Затем ее руки упали, оставив наши соединенными. Айфинг наклонился и отдернул металлическое покрывало, которое я обернула вокруг плеч, чтобы хоть немного защититься от холода.

Затем его пальцы опустили на мои груди и содрали краску, как сдирают одежду. Женщины у стены издали звенящий крик, вроде того, который издала, умирая, Утта. Видимо, это был победный клич.

Меня очень беспокоил вопрос, как далеко зайдет сейчас Айфинг. У меня не было возможности приготовить то, что я задумала, но, похоже, церемонии пришел конец. Понимая, что я плохо знаю их обычаи, Аусу дала мне ключ к следующему шагу, в котором я нуждалась, чтобы выполнить то, что задумала.

— Блюда и чаша будут разделены, сестра. И будь благословенна эта палатка...

Служанка и женщины подошли и поставили ее на ноги. Я тоже встала, чтобы оказать ей почтение, и проводила ее за дверь палатки. Айлия скрылась. Видимо, ее так бесила моя связь с ее господином, что она не желала больше быть ее свидетельницей.

Когда я вернулась, Айфинг сидел на подушке. Я прошла к сундуку Утты, где хранились травы, и достала несколько сухих листьев, которые превращали обычный напиток вупсалов во вкусный праздничный. Я добавила их в чаши, принесенные на подносе, и опустила полотнище двери, как бы для того, чтобы никто не помешал нам.

Когда Айфинг увидел, что я положила листья, глаза его блеснули, потому что травы Утты были очень хороши, и он ждал с явным нетерпением, пока я добавляла в его чашу еще немного листьев и размешивала палочкой.

Заклинания не обязательно произносить вслух, самое главное — воля, направленная на нужный результат, а моя воля была тверда в эту ночь. Айфинг видел, что я ничего не добавляла, кроме тех трав, которые он хорошо знал, но то, что я добавила мысленно, было первым шагом в моем плане спасения.

По крайней мере, хоть в этом Утта не связала меня, как связала рунами на циновке. Айфинг выпил и поел с подноса, который мы с ним разделили, а затем покачнулся и уснул.

Я достала из сундука Утты ярко-красную колбочку, обмотала вокруг нее два волоса, вырванных из моей прически, и плюнула на нее, произнеся несколько слов, для которых уши Айфинга были теперь надежно закрыты.

Сделав это, я воткнула колбочку глубоко в кожаную подушку под головой Айфинга и стала ткать сон.

Нелегко было вообразить то, чего никогда сама не испытывала, и я не смела себе позволить сомневаться в успехе. Но когда Айфинг повернулся и забормотал во сне, он видел как раз то, что я вложила в его мозг: что он и вправду взял жену и положил на нее руки свои и тело.

Не делала ли такое и Утта? Я думала об этом, когда села в изнеможении и следила за сном Айфинга при слабом свете плененных насекомых. Не таким ли образом она была женой вождей, все еще оставаясь Мудрой женщиной? Когда он проснется, будет проверена надежность сотканного мной сновидения.

Глава 6

Ночь тянулась долго, и у меня было много времени для размышлений и предвидения некоторых опасностей, могущих ожидать меня. Утта многому научила меня, это я знала, но то ли намеренно, то ли потому, что мы происходили не от одного ордена Мудрых женщин, она оставила в моих знаниях пробелы, и я была вроде раненого воина, который, прижимаясь к стене, защищается только одной рукой, да и то левой, в то время как он привык действовать правой. Она не вернула мне мое предвидение, а из всех талантов, которые вупсалы могли от меня требовать, именно это было самым важным.

Я все больше удивлялась этому упущению со стороны Утты. Может быть, она боялась, что я воспользуюсь передачей мысли — что было частью ясновидения — и вызову из Долины помощь? Как бы то ни было, она не подготовила

пророчицы для своего народа и лишила их этого дара, который был им нужен больше всего.

Айфинг спал. Я тихонько прошла по палатке и перевернула циновку с рунами, чтобы снова прочитать линии, связывающие меня с этим народом. В то же время я рылась в памяти, ища все, что относилось к подобным чарам, как они наводятся и как разрушаются.

У Мудрой женщины есть много способов, чтобы связать человека, особенно если у него меньше талантов, чем у нее, или он вообще ничего не понимает в этих делах.

Вы дарите, например, жертве что-то ценное, и если жертва примет — она ваша, пока вы сами ее не отпустите. Но для дилетанта во Власти это опасно. Если жертва откажется от подарка, чары падут на дающего.

Плетя сновидения, можно ошибиться в выборе заклинаний и извлечь у кого-то дух из тела, сделав двух рабов колдуньи: в одном мире бездушное тело, в другом — бестелесный дух.

Но в основном все это дела Тени, а я знала, что Утта, забитившаяся о благе своего приемного народа, не зависела в своей силе ни от Света, ни от Мрака.

Если мне удастся разбить чары этих рун, то это будет означать, что они были и каким-то собственным знанием Утты.

Только я сомневалась, что смогу сделать это моим заново пробужденными способностями. Во всяком ремесле нужна практика. Я вернулась к Айфингу, прислушалась к его дыханию. Он больше не видел сновидений, которые я наслала ему, он просто крепко спал, и этот сон продлится еще некоторое время. Я осторожно отошла, сняла свадебное платье и аккуратно сложила его. Когда на моем озябшем теле не осталось ничего, что было сделано племенем, я соскоблила остатки краски с груди, чтобы меня ничто не связывало с этим народом. Я хотела попробовать часть магии, которая, как я опасалась, была слишком велика для моих слабых сил, но была единственной возможностью чуть-чуть заглянуть в будущее.

Нужен был какой-то предмет, которым человек пользовался и считал своей собственностью.

Хотя большая часть личных вещей Утты ушла с ней в могилу, в моем распоряжении осталось то, что лежало в двух сундуках и что имело отношение к ее магии.

Дрожа от холода, я встала на колени перед сундуком, где находились манускрипты с непонятными рунами. Вытащив из сундука все, я убедилась, что из вещей, оставленных тут Уттой, эти свитки содержали наибольшую концентрацию Власти.

Я села, держа их по одному в каждой руке, и постаралась сделать свой мозг пустым, как зеркало, ожидающее возможности отразить то, что исходит от этих вещей.

Медленно, неохотно началось слабое движение, будто прошло очень мало времени между этим днем и тем, от которого осталась лишь тень воспоминания.

Я не была чистым зеркалом, а скорее смотрела в зеркало затянутое туманом. Но в нем что-то двигалось. Тусклые, туманные фигуры приходили и уходили, и я не могла сделать их ясно различимыми.

Контейнеры со свитками потяжелели, оттягивали руки.

Я вздрогнула, когда их ледяной холод коснулся моего нагого тела.

Что же это на свитке? Я отложила одну трубку в сторону, а другую открыла и развернула свиток. Взяв его в обе руки, я наклонила голову, чтобы прикоснуться лбом к поверхности свитка, на ощупь казавшегося высушенным древесным листом.

И вот...

Я чуть не вскрикнула, когда в моем мозгу появилось резкое изображение, удержала меня лишь долгая тренировка. Изображение было достаточно четким, но сцены мелькали и кружились с такой быстротой, что я не могла ухватить их смысл. Строчки формул, колонки рун, появлялись и исчезали, прежде чем я успевала понять их значение. Не было ни логи-

ки, ни последовательности, будто кто-то высыпал массу неудачно связанного материала в пустое ведро и сильно встряхнул его.

Я сунула свиток обратно в контейнер и приложила руки к голове, где кружились неудачные и несвоевременные концы и начала учения, вызывающие боль, сильную боль. И в эти минуты я не могла ни продолжать свой опыт, ни рыться в секретах Утты.

Внезапно я почувствовала такую усталость, что глаза у меня закрылись сами. Я, даже подумала с легким беспокойством, что я как бы выпила такую же чашу, какую подала Айфингу, и теперь готова следовать за ним в мир сновидений.

Я взяла себя в руки и надела одежду, которую до этого отложила в сторону, когда меня наряжали в свадебное платье.

Двигаясь с трудом, я завернулась в плащ с капюшоном, и затем скорее упала, чем легла, и мгновенно уснула. И была права: я увидела сон.

Я увидела замок, башню, такую же большую, как цитадель Эс-Касла. Я никогда не видела такого большого творения человеческих рук. Одни части здания были крепки, как камни Эса, но другие мерцали, то появляясь, то исчезая, словно существовали в двух мирах одновременно. Я знала это, но не понимала, зачем и как это сделано.

И там был тот, кто все это сделал как руками тех, кем командовал, так и своей Властью. Но хозяином здесь была не Мудрая женщина, а адент более сильный, чем волшебник или колдун. И замок был только внешней оправой для чего-то другого, более страшного и могучего, чем стены вокруг.

Я видела его то как тень, то ясно и отчетливо, когда он выходил из-за тумана, созданного вокруг него чарами хозяина.

Он был Древней расы, но что-то показывало, что он частично из другого места и времени.

Он работал с Властью, и я видела, что он как бы собирает силовые лучи, сплетает их и формирует узор, подчиняющийся

его желаниям. Он двигался уверенно, как человек знающий, что должен сделать, и не опасаящийся, что его работа не удастся. Я следила за ним и завидовала. Я тоже когда-то имела такую уверенность, а теперь ползу там, где должна была бы бежать.

Под его ногами огненными линиями вспыхивали руны, сам воздух вокруг него дрожал от произносимых слов или Силы, посылаемой его мыслями. Это было нелегкое дело, труднее, чем я когда-нибудь видела, а мне ведь дважды пришлось видеть в работе самую большую Власть Мудрых женщин.

Теперь я видела, что все, что маг сделал, сконцентрировалось в середине места, где он работал, линии рун, движение воздуха — все собралось воедино.

В конце концов воздвиглась арка из света. Я знала, что этот сон показал мне создание Врат в другой мир, которые встречались на этой древней колдовской земле.

Хорошо известно, что такие Врата существуют, но что их создали маги, мы узнали только в Эскоре. И вот теперь я была свидетельницей открытия таких Врат.

Маг стоял, слегка раздвинув ноги, руки его вдруг взлетели вверх в совершенно человеческом торжествующем жесте. Спокойная сосредоточенность лица сменилась экзальтацией. Но он не спешил пройти во Врата, а наоборот, отступил от них на шаг, хотя не было видно, чтобы его уверенность уменьшилась. Я подумала, что он почувствовал какую-то тревогу, которая удерживала его от прыжка в неизвестность. Он сел в кресло и глядел на Врата, сложив ладони, касаясь пальцами острого подбородка, и казалось, глубоко погрузился в свои мысли.

Пока он сидел и смотрел на свое создание, я следила за ним, словно мой сон касался самого человека, а не его колдовства. Как я уже говорила, он был Древней расы или, по крайней мере, помесью с ней. Молод он или стар? Годы не коснулись его. У него было тело воина, хоть он и не носил

меча. Серая мантия, туго стянутая на узкой талии алым кушаком с золотыми и серебряными линиями. Если на них долго смотреть, то они принимали форму рун, но быстро вспыхивали и гасли, так что рассмотреть их не удавалось.

Видимо, он пришел к какому-то решению, потому что встал и слегка развел руки, а затем резко хлопнул в ладоши, и губы его быстро задвигались. Врата исчезли, он остался в темноте, но я чувствовала, что он торжествует: то, что сделал один раз, может повторить.

Похоже, что мой сон показал мне мага только в этом замке. Я вдруг оказалась снаружи, прошла в большие башенные ворота, на которых сидели страшные существа.

Они повернули головы и сонно смотрели, когда я проходила, но я знала, что они не смеют причинить мне вред.

Это путешествие было так детально, что окажись я в этом месте наяву, я без труда нашла бы дорогу в замок.

Причин моего сна я не знала, но вообще-то подобные сновидения всегда посылаются с целью. Проснувшись, я подумала, что сон был результатом моих попыток прочесть свиток. Голова болела, утренний свет резал глаза, но я быстро вскочила и посмотрела на спящего Айфинга. Он зашевелился. Я быстро вытащила из подушки колючку, спрятала в рубец моего плаща, потом села обратно.

Айфинг открыл глаза, поморгал и улыбнулся застенчивой улыбкой, ее было странно видеть у такого человека.

— Доброе утро.

— Доброе утро, вождь людей, — ответила я, как полагалось. Он сел на подушках и огляделся, словно не был уверен, где он провел ночь. Я пасторожила, не зная, хорошо ли я навела на него сон и не знает ли он, что это только сон. Но бояться, похоже, было нечего, потому что он наклонил, голову в моем направлении и сказал:

— Сила увеличивает Силу, дальновидящая. Я принял твой дар, и мы будем сильными всегда, как это было под рукой Утты.

Он скрестил пальцы, как было принято в его народе, когда говорят о мертвых.

Затем он ушел, как человек, вполне удовлетворенный выполненным долгом.

Однако если сон удовлетворил Айфинга и тех людей племени, которым он должен был отдать отчет об этой ночи, то этот же сон дал мне врага, и я в этом скоро убедилась.

По обычаю, с утра меня посетили старшие женщины племени, и все с подарками.

Аусу не пришла, потому что я ясно дала ей понять, что мы с ней на равных в семье Айфинга, а Айлия пришла самой последней.

Она пришла одна: когда у меня никого не было, словно нарочно выжидала, чтобы не было свидетелей нашей встречи. Когда она вошла, ее враждебность как бы вилась вокруг нее темным облаком. Моя сила настолько шагнула вперед, что я могла читать опасность, когда встречалась с таковой.

Айлия единственная из всего племени не боялась моего волшебства. Можно было подумать, что она сама была способна заглянуть мне в мозг и увидеть, как мало я в сущности знаю. Она не села и не приветствовала меня, как полагалось, а бросила к моим ногам изящно отделанную и красиво украшенную коробочку, так что та раскрылась. Из нее выпало ожерелье замечательной работы.

— Подарок новобрачной, старшая.

Она скривила рот.

— С приветом от Аусу...

Я не могла спустить ей такую наглую выходку.

— А от тебя, младшая сестра? — холодно спросила я.

— Нет! — рискнула сказать она.

Я заметила, что она из осторожности понизила голос. Она ощущала страшную злобу, но не хотела, чтобы кто-нибудь еще знал о ее злых чувствах.

— Ты меня ненавидишь?

Я приступила непосредственно к делу.

— А за что?

Она опустила на колени, так что лицо ее было на одном уровне с моим, и наклонилась вперед. Лицо ее было искажено яростью, капельки слюны собрались в уголках широкого рта.

— Аусу стара. Она правит в палатке Айфинга очень немногим. Она больна и больше не интересуется любовью.

Слова летели вместе со слюной. Она ударила себя кулаком в грудь.

— Я главная в глазах Айфинга, или была главной, пока твое колдовство не украдо его мозг. Ну что ж, ведающая чарами, прокляни меня, обрати в червя, которого можно раздавить сапогами, в собаку, чтобы я возила сани, в камень. Это будет лучше для меня, чем оставаться теперь в палатке Айфинга.

Я видела, что она говорит искренне. В своей ревливой злобе она готова была к любым чарам, которые я, по ее мнению, могла навести, только бы не оставаться на своем месте и не видеть моего торжества над ней.

Храбрость, отчаяние и зависть, сжигавшие ее, заставили Айлию бросить мне вызов — мне, старшей, какой я была в ее глазах.

— Я не хочу Айфинга, — спокойно сказала я.

Раньше я просто овладела бы ее мозгом, заставила бы поверить моим словам, теперь же я старалась внушить ей правду, но, кажется безуспешно.

Она замолчала, видимо, обдумывая мой ответ, и я поспешила воспользоваться тем маленьким преимуществом, которого достигла.

— Я ведаю чарами, как ты сказала. Я не завишу от доброй воли мужчин, будь он вождь или простой воин. Это внутри меня. Ты поняла, девушка?

Я подняла руки к груди, приняв надменную позу Мудрых женщин, которые носили ее с такой же легкостью, как свои мантии или драгоценный камень.

— Ты спала с Айфингом, — угрюмо сказала она.

Глаза ее смотрели вниз, на открытый ящичек и ожерелье, лежавшее между нами.

— Для блага племени. Ведь таков обычай.

Конечно, я могла бы полностью обезоружить ее, рассказав истинную версию этой ночи, но решила, что этого делать не стоит.

Умение хранить тайны — первая заповедь любого искателя знаний.

— Он придет опять! Он мужчина. Вкусив праздничную пищу, он будет голоден, пока не получит ее снова! — вскричала она.

— Нет, он не придет снова, — сказала я в надежде, что говорю правду. — Для тех, кто идет тропой власти, это правильно. Мы не можем спать с мужчиной и пользоваться нашими знаниями. Один раз — чтобы наша сила в какой-то мере перешла в вождя, но не более.

Она подняла на меня глаза. Злоба ее притупилась, но упрямство не ушло.

— Голодного мужчину словами не накормишь. Они звучат в ушах, но не наполняют его. У тебя одни желания, а у Айфинга совсем другие. Он сейчас как во сне...

Я напряглась. Неужели она угадала правду? Если так, то она может что-то сделать.

Она наклонилась еще ниже.

— Скажи, каким колдовством пользуетесь вы, Мудрые, что бы захватить мужчину, который всегда мыслил ясно, и его ничто не смущало?

— Я этого не делала.

Но так ли это? Я действовала быстро и, может быть, не слишком четко думала, когда наводила чары на Айфинга. Если что-то случилось, у меня теперь был ответ. Я сжала край плаща, в котором была спрятана колючка.

— Будь спокойна, Айлия. Если он случайно попал под чары, я быстро сниму их.

— Я поверю тебе, когда у Айфинга снова станут ясные глаза, и он придет в мою постель такой же нетерпеливый, каким был две ночи назад, — сказала она откровенно.

Видимо, она все-таки поверила. Затем она встала.

— Покажи мне, Мудрая женщина, что ты не враг мне... и всем нам!

Она повернулась и вышла. Когда я удостоверилась, что она ушла, я опустила полотнище у входа и привязала его к внутреннему шесту. При опущенном полотнище входить не полагалось.

У меня не было служанок, как у Утты, не было и учениц, но я все-таки действовала осторожно, боясь, что кто-нибудь подсматривает.

Я раздула угли в жаровне, положила туда несколько кусочков сухого дерева без коры и немного сухих трав. Когда за клубился ароматный дым, я сунула колючку в самый центр огня — с сожалением, потому что у меня не было другой, если понадобится. Но Айлия была права: если Айфинг так твердо держит меня в своих мыслях, надо побыстрее разбить связующий сон.

Это сработало: вождь не приближался ко мне, и никакие другие посетители меня тоже не беспокоили. Похоже, что в их мозгах зашевелилось что-то другое. Я считала, что они обосновались тут, в тепле, хотя бы до конца зимы, но тепло — не главное.

Встал вопрос о дичи, которая все реже встречалась поблизости. К тому же, этому народу была свойственна непоседливость, им быстро надоедало любое постоянное место, даже обещавшее легкую жизнь.

Предоставленная самой себе — если не считать того, что каждое утро к моей двери приносили пищу и топливо, — я проводила целые часы, пытаясь с помощью вещей Утты вспомнить побольше о том, что могло помочь мне. Рано или поздно — скорей всего, рано Айфинг и его люди придут просить моего предвидения. Конечно, я могу притвориться провидицей, но ведь это настоящий обман!

Это предательство Власти — претендовать на то, чего нет! Я не смею этого делать, потому что рискую потерять и то малое, чего мне удалось достигнуть.

Все мои попытки заняться предвидением оставались тщетными, усилия с поисковым лучом тоже ни к чему не привели. Может, есть что-нибудь другое, относящееся к Власти, что может помочь мне? Наконец я наткнулась на это другое, аккуратно завернутое, летавшее на дне сундука Утты, как нечто давно забытое. Я достала это и стала рассматривать.

Это была вещь, которой пользуются ученицы в Месте Тишины, детская игрушка по сравнению с более сложными и лучше подготовленными помощниками, но теперь я снова стала ребенком в этих делах, и это лучше чем ничего. Придется смириться и пользоваться тем, что есть.

Это была деревянная доска с тремя вертикально вырезанными рядами руи. В первом ряду виднелись следы красной краски, теперь едва заметной, золотые слегка поблекшие линии — во втором, а третий ряд был очень темным, можно было лишь догадаться, что когда-то он был окрашен в черный цвет.

Если я смогу делать эту работу, пусть в малой степени, то отвечу на вопросы Айфинга не прибегая к обману. Оставалось попробовать, как насчет моего собственного вопроса, на который я так жаждала получить ответ. С чего начать?

Киллан, Кемок! Я закрыла глаза, представила их себе, самых близких моему сердцу, моих вторых «я», и чуть слышно запела слова такие древние, что значение их утратилось, но звучание собирало некоторую энергию.

Положив доску на колени и держа ее правой рукой, я коснулась ее гравированной поверхности пальцами левой руки и повела их сверху вниз сначала по красному ряду, потом по золотистому, а затем — насильно заставляя двигаться — по черному. Я три раза повторила эту процедуру.

И ответ пришел. Пальцы неожиданно остановились на неровной поверхности, словно погрузившись в нее, и тоже стали деревянными.

Я открыла глаза, чтобы прочесть сообщение.

Золото! Если можно верить, золото — жизнь, и не просто жизнь, а хорошо устроенная для тех, кого я так старалась достичь. Как только я в это поверила, прикосновение к доске сразу же стало слабее, и я смогла убрать пальцы.

Тяжелый груз, который я носила, спал с меня. Я не могла не верить, что все прочла правильно!

Ну, теперь насчет моего собственного будущего. Бегство... Как? Когда?

Это было сложнее. Я не могла составить четкую картину в мозгу, как делала это относительно братьев. Я могла только построить сильное желание очутиться где-то в другом месте и ждать ответа.

Снова мои пальцы прилипли, на этот раз почти у самого низа красной колонки.

Значит, бегство возможно, но сопряжено с опасностью, и произойдет не очень скоро.

В полотнище моего входа кто-то царапался.

— Ясновидающая, мы идем, — сказал голос Айфинга. Неужели моя контрмагия потерпела неудачу? Нет, если бы он пришел как муж, он не назвал бы меня так и не стал бы ждать снаружи.

— Тот, кто идет, может войти, — ответила я формулой Утты.

Я сдернула полотнище с кола.

Айфинг был не один: за ним шли три воина, главные члены племени, действовавшие в качестве неофициальных советников. В ответ на мой приветственный жест они опустились на колени и сели на пятки передо мной.

— Мы должны идти. Нужда в мясе...

— Так, — согласилась я.

Я снова применила формулу Утты.

— Куда направиться народ?

— Мы пришли спросить об этом тебя, ясновидящая. Мы желали бы снова идти на восток ниже берега моря, где был наш дом до того, как по воде пришли убийцы. Не принесет ли это нам зло?

Так и есть, просьба о предвидении, а у меня только доска и пальцы. Придется сделать, что можно, и надеяться на лучшее.

Я взяла доску. Они уставились на нее с удивлением, как на что-то новое.

— Разве ты не смотришь в Шар Света? — спросил Линг. — Утта всегда...

— У тебя то же самое копье, тот же меч, что и у Туана, стоящего рядом с тобой? — спросила я. — Я не Утта и не пользуюсь тем же оружием, каким пользовалась она.

Видимо, это показалось им логичным, потому что они только жестикулировали, но вопросов не задавали. Я закрыла глаза и постаралась представить себе путешествие как можно яснее. Но тут тоже трудно было нарисовать мысленный образ. В конце концов я решила, что делать для лучшего результата. Надо фиксировать внимание на себе.

Вот в этом и была моя ошибка.

Я пробежала пальцами по доске, и они быстро остановились. Я открыла глаза.

Пальцы находились на середине правой колонки.

— Такое путешествие перед вами, — сказала я. — Есть некоторая опасность, но не самая большая. Предупреждение не сильное.

Айфинг удовлетворенно кивнул.

— Пусть будет так. Вся жизнь состоит из опасностей того или иного рода. Но у нас есть глаза, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать, и есть разведчики, которые отлично пользуются тем и другим. Значит, на восток, ясновидящая. Мы движемся через два дня на заре.

Глава 7

Мне не хотелось ехать на восток, все дальше от той части Эскора, которая так много значила для меня. Даже если бы я могла сейчас разбить рунные цепи и убежать, то между мной и Долиной лягут многие лиги неизвестной земли, полной ловушек, хитрых и умных. Но магия Утты не оставила мне выбора, и когда вупсалы выступали, пошла и я. Я старалась только запомнить дорогу для будущего.

Пока мы жили возле горячих источников мы, вернее, я, забыли о зиме. Выйдя оттуда, мы шагнули из начала лета в середину зимы.

Сани и собаки Утты ушли вместе с ней, но Айфинг, согласно обычаю, обеспечил меня и новыми санями и двумя хорошо выдрессированными собаками и прислал ко мне служанку своей старой жены, чтобы она помогла мне собраться. У меня еще не было служанки из племени, и я не просила о ней, потому что не хотела шпионских глаз, когда собралась овладеть своими былыми способностями. Но теперь я видела, что Висма и Аторфи избавились от большой работы. А поскольку возня с палатками была для меня новой, мне пришлось просить кого-то в помощь.

Как ни мало было племя, в нем были касты, установленные очень давно. Некоторые семьи были свободны от приказов Айфинга и других лидеров, другие же семьи повиновались. Самые низшие, такие, например, как Висма, были пленными или их потомками.

Я смотрела на эти семьи с новым вниманием, когда мы поехали, и приглядывала девушку, которую могла бы взять в свою палатку. Мой выбор колебался между двумя женщинами.

Одна была вдова, жившая в палатке сына. У нее было тупое, попорченное временем и обстоятельствами лицо, и двигалась она почти так же, как рабы колдеров, судя по рас-

сказам моей матери. Я не думала, что любопытство все еще живет в ней, и решила, что она по всей вероятности, будет честна со мной, если я возьму ее из палатки, где она смиренно несла всю тяжелую работу.

Другая была молодая девушка, казавшаяся довольно послушной. У нее была искалечена нога, что, по-видимому, не мешало ей в работе, но лишало надежды на замужество, разве что ее взяли бы третьей женой, то есть больше служанкой, чем супругой. Но, возможно, она была чересчур сообразительна для меня.

Я уже научилась вести собак голосовыми командами, к которым их приучили со щенячьего возраста, и как только все было уложено на сани, я заняла свое место в цепочке сразу же за санями домочадцев Айфинга.

Мужчины выстроились с флангов, охраняя тяжело груженные сани, а иной раз и прикладывая силу, чтобы подтолкнуть или вытолкнуть их. Но мы недолго шли по песку, жаре и камням, а поднялись по склону в лед и снег другого мира. Когда собакам стало легче тянуть сани, наш эскорт отошел к основной массе путешественников, сделавшись защитным экраном для нас на случай нападения.

Мы снова ехали по пустынной стране, где не было признаков прежних поселений, какие легко замечались в западной части Эскора. Я снова удивлялась этому. Ведь эти места даже под грузом зимних штормов казались пригодными для огородов и ферм и могли хорошо накормить население.

Но здесь не осталось ни следа полей, ни развалин, свидетельствовавших, что здесь когда-то были замки и земли Древних.

На второй день путешествия мы пришли к реке. На ней лежала корка льда, и только в самой середине тянулась широкая темная полоса. Здесь я впервые заметила, что мы не в дикой местности: через реку был перекинут мост, его опоры все еще стояли, но в середине отсутствовали. С каждой стороны у моста находилось по две защитные башни, достаточно боль-

шие, чтобы разместить в них гарнизон. Одна из башен была нетронута, а три остальные сильно пострадали, покосились, и у них отсутствовали часть стены и крыши.

На нашем берегу между двумя башнями стояла каменная арка с так глубоко вырезанным на ней узором, что его еще можно было разобрать. Этот символ я уже видела в рунных свитках Утты — перекрещенные меч и жезл.

На другом конце места снег лежал ровно и гладко, что указывало на наличие мостовой или хорошей дороги. Но племя сочло неосторожным воспользоваться этим преимуществом. Хотя я и не заметила на руинах ничего от Тени, мы сделали широкий обход, чтобы не приближаться к этим покосившимся стенам. Видимо, вупсалы давно усвоили, что такие места могут оказаться ловушкой для неосторожного, и принципиально избегали всевозможных остатков прошлого. Я смотрела на мост, и этот намек на дорогу и гадала, куда она ведет или вела когда-то, и что означают эти символы на воротах. Я же считала, что этот символ имел не рунное значение, а был когда-то геральдическим девизом народа или семьи. В Эсткарпе давно уже не употребляли таких опознавательных знаков, но некоторые из Древней расы, бежавшие от колдеровской резни в Карстен или в пограничные районы, пользовались ими.

Реку мы не переходили, а на этой стороне, похоже, не было и следа дороги. Мы шли параллельно реке, которая шла сначала на восток, а затем повернулась к северу от теплой долины. Я подумала, что эта река впадает в восточное море, которое искали мои спутники.

В конце концов я выбрала себе помощницу в палатку и при нашей второй остановке на ночлег спросила Айфинга, могу ли я взять к себе вдову Вахаи. Он тут же дал согласие. Вероятно, первая жена сына Вахаи была не слишком довольна, потому что Вахаи, несмотря на внешнее слабоумие, была прекрасной работницей. Как только она занялась моей палаткой, наступил тот же порядок, каким окружали нас женщины Утты.

Она не выказала никакого интереса к моим занятиям магией, завертывалась в свои покрывала и храпела всю ночь. Я научилась не обращать на нее внимания, когда искала ключ от своей тюрьмы.

Я вела этот поиск со все возрастающей интенсивностью, потому что чувствовала почти предзнаменование грядущей опасности. Это предупреждение повисало надо мной всякий раз, когда я собиралась посоветоваться с доской, но она всегда успокаивала меня.

Дело в том, что я снова сделала большую ошибку, спрашивая только о себе. Ошибку, о которой до сих пор жалею.

Наш курс вдоль реки вывел нас к морю.

Под зимним небом это место было голым и неприятным. Ветер забирался ледяными пальцами в каждое отверстие плаща или туники.

Но племя искало именно это место, и люди ходили под ветром в таком виде, словно до того были в ссылке и теперь вернулись домой.

Дальше по берегу лежали развалины, которых не было видно, пока мы ехали. Основной массив находился на мысе, глубоко врезавшемся в угрюмо-металлически-серое небо и море. Что это было — укрепленный замок, городок, окруженный стенами, или башня наподобие тех, что салкары строили на побережье Эсткарпа — с такого расстояния нельзя было определить.

А вупсалы хранили это расстояние. Лагерь их находился в середине бухты, в которую впадала река, а развалины были на северном мысе за внутренним изгибом в нескольких лигах и иной раз скрывались туманам.

В первый раз я увидела, что вупсалы пользовались остатками других построек: тут были хорошие каменные стены высотой по пояс, видимо, остатки городка, где когда-то высадились с кораблей люди Древней расы. Наши палатки соединились с этими стенами, что дало нам лучшее жилье и больше тепла, что я особенно приветствовала. Я заметила, что

племя хорошо знало этот участок и много раз тут бывало, потому что каждые сани подъезжали к определенному ограждению, как к своему дому. Вахаи, не ожидая моих приказаний, отвела наших собак, к одному из огороженных мест, последнему уцелевшему, расположенному к северу от остальных. Вероятно, это было место Утты, когда она бывала здесь.

Я согласилась с выбором Вахаи: это место отвечало моим намерениям, так как находилось в стороне от остальных.

Я помогла Вахаи сообразить, каким образом можно использовать стены для палатки.

Затем она сделала веник из веток и вымела песок и всякие обломки, и у нас стал чистый и гладкий пол из квадратных плит.

В одном конце жилища находился очаг, который мы немедленно разожгли. Когда мы закончили устраиваться, я нашла, что для меня здесь намного удобнее и уютнее, чем было в других местах после Зеленой Долины.

Я грела руки у огня, пока Вахаи готовила ужин, и думала о людях строивших этот дом, остаток которого укрывает нас теперь, и давно ли строители оставили деревню во власти песка, ветра, дождя, снега и сезонных визитов кочевников.

Не было никакой возможности подсчитать время с тех пор, как Эскор впал в хаос, а остатки Древней расы бежали на запад, в Эсткарп. Однажды я с помощью братьев создала домашнего духа и послала его в прошлое узнать, что случилось с прекрасной страной, попавшей в западню Тени. Мы видели глазами этого ребенка от моего разума историю того, что произошло; каким образом приятная нормальная жизнь была сломана и разорена жадными, безрассудными людьми, искавшими запретного знания. Годы мы не могли подсчитать, но, конечно, не меньше тысячелетия легло между нашим сегодняшним огнем в очаге и первым, загоревшимся на этом месте.

— Это очень старое место, Вахаи, — сказала я.

Она встала на колени рядом со мной и поставила на огонь котелок с длинной ручкой, которым мы пользовались на лагерных кострах.

— Ты много раз бывала здесь?

Она медленно повернула голову и слегка нахмурилась, как бы стараясь придумать или подсчитать, хотя система счета у нее и ее народа была крайне примитивной.

— Я помню, когда я была маленькой, — начала она тихим голосом с паузами, будто говорила так редко, что ей приходилось искать слова, — и моя мать помнила тоже. Мы очень давно были здесь. Это хорошее место. Здесь много мяса, а рыба в море жирная и вкусная. И еще есть ягоды, которые можно сушить. Мы собирали их после первых морозов. Это очень хорошее место, когда нет рейдеров.

— Там есть место многих камней.

Я указала на север.

— Ты была там?

Она судорожно вздохнула и переключила все свое внимание на котелок. Несмотря на ее явное нежелание отвечать, я продолжала расспросы. Было что-то в ветре и воде, штурмовавшей нас, что насторожило меня.

— Что там за место, Вахаи?

Она чуть заметно дернула плечом и испуганно отвернулась.

— Вахаи!

Я и сама не знала, почему настаиваю на ответе, чувствовала, только, что должна получить его.

— Это странное место.

Она запинаясь, то ли от страха, то ли ее тупой мозг не мог подобрать слов.

— Утта однажды ходила туда, когда я была еще девочкой. Она вернулась и сказала, что это место Власти, оно не для тех, кто не из Мудрых.

— Место Власти, — повторила я задумчиво.

Но какой Власти? В некоторых местах этой несчастной страны были омуты Зла, оставленные жившими там или про-

ходившими мимо слугами Тени, а были и бастионы, в которых такие как я могли найти поддержку и помощь. А если развалины на этом далеком от центра страны берегу похожи на те убежища голубых камней, может ли посещение их укрепить то, чего я достигла?

Но руины слишком далеко, и вряд ли рунные чары позволят мне идти туда. Время от времени я проводила эксперименты, чтобы узнать, как далеко я могу отойти от племени, и расстояние это оказывалось небольшим.

Допустим, я уговорю кого-нибудь сопровождать меня хотя бы только до границы Места. Власти, раз уж они боятся подойти близко, удлинится ли мой невидимый поводок настолько, чтобы я могла исследовать то место?

Но если это мести Тени, мне нечего и думать идти туда с моей хилой защитой.

Как жаль, что Утта не оставила никаких записей о своем пребывании в племени. Но если бы даже она и начала такой отчет, за столько лет все было бы похоронено. Живя среди людей, которые отмечают лишь немногие события, она, без сомнения, утратила свою меру времени.

Я подумала о двух загадочных свитках в сундуке Утты. Может, они как раз из этой цитадели на мысе? А что, если эти руины и есть те самые, что я видела во сне?

Свитка два, а я использовала только один, когда видела мага, открывавшего Врата. Нет ли в другом свитке какого-нибудь секрета, который даст мне то, что я хочу — свободу? Меня охватило нетерпеливое желание произвести такой опыт снова — постараться увидеть сон и взять из него нужное знание. Но я призвала в помощь крепко вколоченную в меня дисциплинированность. Хотя была почти уверена, что Вахаи нелюбопытна и слабоумна, но такое сновидение может вызвать человека из его тела в пространство, а я не хотела иметь свидетелей.

Я употребила тот же прием, что и с Айфингом — приготовила с помощью трав Утты приятный напиток. Вахаи уди-

вилась, что я угощаю ее такой роскошью, и я упрекнула себя, что не сделала этого раньше. Надо сделать что-нибудь для нее, и сейчас самый подходящий момент.

Когда она уснула, я соткала для нее сонные чары, которые дадут ей радость, какую она желает, и оставит эту радость в ее мозгу. Затем я наложила чары на нашу дверь, чтобы никто не вошел, разделась, прижала второй свиток к груди и уткнулась лбом в его верхний конец, открыв свой мозг.

Снова хлынула волна, непонятная, слишком запутанная для меня. Если бы я имела время разобраться в ней, я вероятно получила бы очень многое, но я была в положении человека, перед которым высыпали груды драгоценных камней и велели за короткое время выбрать камни одного вида, так что мне торопливо пришлось выбирать все изумруды, откладывая в сторону рубины, сапфиры и жемчуг, такие прекрасные, что я жаждала иметь их.

Мои «изумруды» я выхватывала то здесь, то там. Эти кусочки и обрывки оказались для меня, когда я проснулась, неизмеримо дороже любых драгоценностей.

Я убрала свиток в его контейнер и оглянулась на Вахаи. Она лежала на спине и улыбалась. Я ни разу не видела такой улыбки на ее простоватом лице.

Я накинула плащ на свое дрожащее тело и вытянулась, чтобы подкинуть дров в очаг, и снова подумала о том, что можно сделать для моей компаньонки. Небольшие чары могут дать ей возможность видеть хорошие и счастливые сны каждую ночь до конца жизни. Для того, кто хочет от жизни большего, чем спать и видеть сны, такой подарок стал бы проклятием, для Вахаи же сны, по-моему, будут благом. Я еще подкрепила свои мысленные приказы и отработала чары, а уж потом вернулась к тому, что должна была сделать этой ночью.

Мои «изумруды» оказались истинным сокровищем. Как я знала с самого начала, магия Утты была ближе к природе, чем к учению Эсткарпа, и ее связывающие руны были делом кро-

ви. Но при некоторых обстоятельствах кровь можно аннулировать кровью же.

Это болезненно и, возможно, опасно для меня, но я решила попробовать этот путь.

Я развернула циновку с рунами и провела рукой по тусклой поверхности. Руны вспыхнули. Затем я взяла длинный нож и воткнула его острие в вену. Из руки ударила сильная струя. Я взяла жезл, который обнаружила при первом осмотре сундука, обмакнула его кончик в кровь и аккуратно перекрасила каждую руну. Они перестали блестеть и потемнели. Несколько раз мне приходилось вводить нож поглубже, чтобы пошло больше крови.

Закончив, я приложила к ране целебную мазь и вернулась к остальным чарам. Я не знала точно, какие именно силы Утты призвала для укрепления этих цепей, но знала, что противопоставили бы им Мудрые женщины.

Я называла имена одно за другим, следя за свертыванием крови. Руны скрылись под ней. Когда я решила, что все готово, я скомкала циновку и бросила ее в огонь.

Это было серьезное испытание. Если я сделала что-то неправильно, то заплачусь жизнью за такое разрушение. Но в любом случае это нелегко.

Когда пламя лизало и пожирало циновку, мое тело корчилось, и я кусала губы, чтобы не закричать от сжигавшей меня агонии. Я в кровь искусала губы, но выдержала и не вскрикнула, потому что это могло разбудить Вахай.

Теперь я смотрела на циновку, пока она полностью не сгорела, а затем подползла к сундуку Утты и дрожащими руками смазала все тело, задыхаясь от боли. Тело мое покраснело, словно не циновка, а я сама лежала в огне очага.

Так были уничтожены чары, но сама я после этого была в таком скверном состоянии, что не могла идти ни в тот день, ни в следующий. К тому же надо было принять некоторые меры предосторожности, чтобы ни одна собака в лагере не обнаружила мой след и не пустилась в погоню, когда меня хватятся.

Вахаи встала на рассвете довольная, с обычной сноровкой принялась за свои обязанности, а на меня почти не обращала внимания, кроме тех случаев, когда подавала мне еду. Нашему одиночеству способствовал также туман, окутавший словно облаком руины, так что все сидели по своим палаткам.

К вечеру мне стало лучше и я уже могла двигаться, хотя и с трудом. Я занялась подготовкой к бегству. Мысль о развалинах на мысе крепко засела в моем мозгу. Утта была там, сказала, что это место Власти, и предупредила племя не ходить туда, но она не сказала, что это злая Власть. Если я спрячусь там, то избежну преследования, и они припишут мое исчезновение действию магии и побоятся искать меня с собаками и следопытами. Я как-нибудь укроюсь и буду ждать хорошей погоды, чтобы снова пуститься в путь на запад.

Пока я разбиралась в имуществе Утты, я размышляла о том, что все оказалось к лучшему и я вышла благополучно из этого приключения. Конечно, я не получила обратно всего того, что потеряла из-за сотрудничества с Дензилом, но все-таки знала достаточно, чтобы не представлять угрозы для своих близких, и теперь могла спокойно вернуться в Долину.

Я приготовила небольшой пакет целебных трав и все, что нужно для чар, которые могут потребоваться для защиты в пути, и когда Вахаи легла спать, собрала запас пищи, взяв то, что при наименьшем объеме долго не портится и дает наибольшую силу и энергию.

Я могла идти открыто, на глазах клана, осматривать руины, и взять сани для части пути, но тогда мог возникнуть вопрос, зачем мне заплечный мешок. Еще одна причина удостовериться, что я полностью излечилась от чар, уничтожив цинковку с рунами.

С севера пришел шторм и бушевал три дня. Завывания ветра напоминали зовущие голоса, так что мы с Вахаи тревожно переглядывались, держась поближе к огню, в котором горели последние запасы топлива и немного трав.

К концу второго дня ветер утих. Вскоре послышалось царапанье в дверное полотнище.

На мой оклик появился Айфинг. Он принес охапку топлива, вынесенного морем на берег и рыбу с серебристой чешуей, при виде которой Вахаи радостно засопела.

Освободившись от этих припасов и стряхнув снег со своих тяжелых мехов, Айфинг посмотрел на меня.

— Ясновидящая... — начал он.

Он запнулся, не зная, как выразить свою просьбу.

— Взгляни, какие дни ожидают нас. Такой шторм некогда приводил рейдеров...

Я взяла доску, и он присел на пятки в ожидании. Я спросила его, каков внешний вид корабля, которого он опасается, и его неуверенное описание дало мне мысленный образ салкарского корабля, какие я видела в детстве. Я подумала, что это другие морские волки, возможно, той же крови, что и салкары.

Держа в уме это изображение, я закрыла глаза и повела пальцами по доске. Пальцы быстро дошли до конца красной линии, спустились по золотой, а на третьей, зловеще-черной, остановились, как будто застряли в ямах. Я взглянула. Они закрепились так близко от верха линии, что я испуганно закричала:

— Опасность! Великая опасность... и очень скоро!

Он вскочил, не закрыв за собой дверное полотнище. Я отбросила доску и бросилась к двери. В начинавшихся сумерках я видела, как он идет между стенами развалин, время от времени останавливается у некоторых опущенных полотнищ и выкрикивает предупреждение. Скоро все пришло в движение.

Слишком поздно! Айфинг неожиданно покачнулся и упал навзничь, выхватив меч, которым уже никогда не сможет воспользоваться.

Топор ударил его между шеей и спиной, и взял его жизнь. Метательный топор — это тоже салкарская штучка.

Айфинг еще падал, а между низкими стенами уже собралось множество теней. С другой стороны лагеря донеслись крики: видимо, рейдеры ворвались в некоторые палатки.

Я повернулась к Вахаи, хватая приготовленный мною мешок.

— Беги! Рейдеры!

Она стояла и смотрела на меня с самым глупым видом. Я набросила на нее плащ, повернула к двери и вытолкнула перед собой. Упряжные собаки были выпущены из их общей конуры в центре лагеря и сражались теперь вместе с хозяевами. Я тащила Вахаи, принуждая ее идти за мной к северу. Некоторое время она шла, но потом вдруг громко закричала, как бы проснувшись, и оттолкнув меня, прежде чем я успела снова схватить ее, она уже бежала обратно, к центру свалки.

Я оглянулась. Будь я такой, как Утта, с ее природными силами, я наверное смогла бы помочь племени, но от меня им не было никакого толку.

Глава 8

Метель закрыла все, что происходило в лагере, а поднявшийся ветер заглушил крики. Временами я думала, что выбрала худшее из двух зол, когда убежала, потому что окончательно сбилась с пути. Я шла наугад, пока не наткнулась на едва заметный куст, и отскочила. Это сказало мне, что я отошла от развалин и нахожусь в зоне начала растительности, маскирующей мою далекую цель.

Этот кустарник был достаточно густым и высоким, чтобы скрыть меня, пока я через него продиралась, и я чуть не упала, зацепившись за едва заметный край колеи. Колея была такой узкой, что я сочла ее тропой мелких животных. Она изгибалась и крутилась и явно не выглядела древней дорогой, поскольку человеческий род при строительстве дорог имеет

привычку подчинять природу своей воле, а не смиряться с ее вывертами.

Я была уверена, что чувство направления не окончательно покинуло меня и приведет к таинственному мысу.

Наверное, лучше было бы идти на запад прямо от моря, но не в такую бурю, да еще с риском встретить рейдеров. Я считала, что строения на мысе будут для меня отличным убежищем.

Я была так занята своим бегством и своим непосредственным будущим, что почти не думала о судьбе племени. Вообще-то они привыкли жить в постоянном кругу кровавых междоусобиц и нападений, но морские разбойники были худшими из врагов.

Мужчин захваченного племени ожидала смерть, женщины, если они были достаточно миловидными, могли стать младшими женами, а некрасивые — рабынями. В любом случае это была тяжелая жизнь, но они в ней родились.

Я прожила свою короткую жизнь в поселке, в постоянной войне: родилась в смертельной борьбе с Карстеном, мои родители были на границе, откуда шла величайшая угроза, мои братья отправились сражаться еще до того, как на их подборках появился слабый пушок будущей бороды. Я вынуждена была привыкать к борьбе самых разных видов. С тех пор, как мы бежали в Эскор, вызвав этим ярость Мудрых женщин, борьба висела у нас на левой руке, а разящий меч — постоянно был в правой.

Мы с детства носили щит, и снимать его не разрешалось.

Поэтому такое нападение не было для меня неожиданно. Будь у меня моя прежняя Сила, я обвела бы племя защитным кругом прежде чем убежать. Я взяла бы с собой Вахаи, если бы она согласилась, и с сожалением думала об Лусу. Но среди других членов племени не было никого, кому я была бы обязана, кого я должна была бы защитить.

Извивавшаяся тропа неожиданно вывела меня к более широкой, пересекавшей мою под углом. Я подумала, что под снегом лежит дорога, ведущая к мысу, и свернула на нее.

Вупсалы предполагали, что победа в сражении им обеспечена. Но вряд ли они станут искать меня. Поскольку я оказалась плохой пророчицей, меня смогли бы преследовать из мести, но никак не для того, чтобы вернуть к себе.

Буря усилилась. Ветер не давал идти, пелена снега закрывала все вокруг. Нужно было скорее отыскать какой-то кров, иначе я упаду и буду занесена снегом. Скверный конец!

С одной стороны дороги тянулся кустарник с темными местами между ними. Я обнаружила, что это кучи камней, обломки какой-то постройки. В одной из куч была впадина, и я вползла в нее. Это оказалось чем-то вроде пещеры, образованной упавшими стенами. Пещера дала мне ощущение безопасности, а снежный занавес скрыл меня там.

Время и ветер нанесли в эту впадину сухих листьев. Я вырыла себе в них гнездо и набросала их на себя сверху. Затем я занялась колдовством, частично унаследованным от Уты: сжевала горсть трав и заставила мозг уснуть.

Это не был настоящий транс, я не решила бы на него в таких условиях, но все же он был сродни ему. В этом состоянии холод почти не имел значения для моего тела, а спать я не могла, поскольку такой холод мог бы вызвать сон без пробуждения.

Я сознавала, что лежу в темноте, но это не имело значения, казалось, будто часть моего мозга вышла из тела, оставив остальное для спокойных дум.

Не было сна, но не было и размышлений, потому что умственная активность могла бы разбить чары, поставленные как буфер между мной и внешними страданиями. Это было длительное и терпеливое ожидание, и тот, кто долго жил в Месте Тишины, знает, как держаться в подобном состоянии.

К утру ветер стих. К отверстию моей норы нанесло снегу, так что снаружи почти ничего не было видно, но все-таки было ясно, что буря прекратилась.

Я вылезла из своего гнезда и достала немного сушеного мяса, растолченного и спрессованного. Его надо было сосать,

а не жевать, чтобы не сломать зубы. Взяв кусок в рот, я наде-
ла заплечный мешок и вышла.

Линию старой дороги отмечали только верхушки кустар-
ника, торчавшие из снега.

Пробираться к дороге по сугробам было крайне утоми-
тельно. Я запыхалась и устала. Я шла и вязла, скользила и
падала.

Я чуть не умерла. Хорошо, что лед и снег, бывшие моим
несчастьем, оказались тем же и моему врагу. Айлия, намере-
вавшаяся вонзить мне охотничий нож в спину, поскользну-
лась, толкнула меня, и мы обе скатились в сугроб. Я вылезла
из него, как раз вовремя, чтобы встретить ее нападение и вы-
бить нож из ее руки, а в следующий миг — вообще сбить ее с
ног. Нож пропал в глубоком снегу, но Айлия бросилась на
меня с кулаками, и я защищалась как могла.

Хороший удар по голове снова уложил ее, и на этот раз я
встала на нее коленями и держала, а она плевалась, визжала и
скакала зубы, как дикий зверь.

Я собрала остатки своей воли и направила на нее, и она в
конце концов успокоилась и лежала тихо, но в глазах ее горе-
ла ненависть.

— Он умер! — сказала она. — Ты убила его!

Неужели Айфинг так много для нее значил?

Я была удивлена. Видимо, я всю жизнь полагалась на
мысленную речь и не научилась судить о людях по другим
признакам, как судят те, кто не имеет способностей к мыс-
ленному общению. Я думала, что Айлии нравится ее место
второй жены, даже можно сказать — почти первой, а не сам
вождь.

Значит я ошибалась в Айлис, и настоящая скорбь погнала
ее выследить ту, которая, по ее мнению была виновата в
смерти любимого мужа в большей степени, чем рейдер, ки-
нувший в него топор.

Ненависть не рассуждает, и если Айлия перешла границу,
где ее могла достичь моя логика, то я взвалила на себя груз, с

которым не знала, что делать. Я не могла ни убить женщину, ни оставить ее здесь. Возвращаться в племя я тоже не собиралась.

Оставалось единственное, очень неприятное решение — идти дальше с нежелательной пленницей...

— Я не убивала Айфинга, — сказала я, стараясь подействовать на ее мозг.

— Ты виновата. Утта была щитом, она правильно предсказывала. Он думал, что и ты будешь делать так же. Он надеялся на тебя.

— Я никогда не говорила, что у меня власть Утты, — сказала я. — Мне не оставили выбора...

— Ну да! — воскликнула она. — Ты хотела уйти от нас, вот ты и позвала рейдеров, чтобы скрыться самой, пока они пускают в ход мечи! Ты черное существо!

Ее слова резали меня, как острый кинжал. Я всего лишь хотела убежать из племени. Неужели я бессознательно предала их?

Не для этого ли я советовалась с отвечающими рунами, чтобы сделать племя беспомощным? Дензил служил Тени, и под его влиянием я близко подошла к таким поступкам, из-за которых могла бы быть проклятой навечно. Неужто на мне осталось пятно, и оно толкнуло меня на такое жестокое решение, в каком обвиняет меня Айлия? Я была так счастлива, получая снова свою силу — для собственной выгоды, как я теперь выяснила. А в этих весах существует равновесие. Добро, употребленное во зло, становится злом и растет как снежный ком, так что в конце концов нельзя уже признать добро — приходит только нечто, искаженное Тенью. Неужели я до сих пор ношу в себе то, что все мои поступки всегда будут вредить другим?

Но ведь имеющий власть вынужден пользоваться ею. Это естественно, как дыхание.

Когда я была лишена Власти, я была призраком, оболочкой, идущей по жизни, не чувствуя и не касаясь ее. Чтобы

жить, я должна быть собой, должна иметь то, что дано мне от рождения. Но если это сделает меня чудовищем, окутанным покровом Тени?

— Я хотела быть свободной, — сказала я ей.

Я как бы искала ответа и для себя и для Айлии.

— Я могу поклясться Тремя Именами, что не замышляла вреда ни тебе, ни твоему народу. Утта держала меня в плену даже после своей смерти, благодаря своему искусству, и только потом я сумела разбить ее чары. Ты сама подумай: если бы тебя захватили рейдеры и держали в лагере как рабыню, разве ты не воспользовалась бы случаем, попавшим тебе в руки? Я не призывала на вас врагов и никогда не имела ясного предвидения, как Утта. Она не учила меня этому. Айфинг пришел ко мне как раз перед нападением рейдеров. Я читала отвечающие руны и предупредила его.

— Слишком поздно! — крикнула Айлия.

— Да, но это не моя вина, и я не вашей крови и не клялась служить вам. Я просто нуждалась в свободе.

Поняла она меня или нет — не знаю, только в эту минуту до нас донесся призывный металлический звук. Айлия напряглась под моими руками и завертела головой по снегу, утоптанному во время нашей драки.

— Что это? — спросила я.

— Морские собаки!

Она знаком призвала к молчанию, и мы прислушались.

Справа, с запада пришел резкий ответ.

Значит, здесь было уже два отряда, и нас могли взять в кольцо. Я встала и поглядела вперед. Было уже достаточно светло, хотя день был пасмурный, впереди начинался мыс с развалинами, и я мысленно видела там много потайных мест. Чтобы найти нас там, понадобится целая армия.

Я схватила Айлию за руку и поставила ее рядом с собой.

— Пошли!

Она вроде бы согласилась, но сделав несколько шагов поняла, что мы идем к тем строениям, против которых преду-

преждала их Утта. Вероятно, она убежала бы, если звук рога с запада не прозвучал бы еще раз и гораздо ближе. А путь на восток преграждал колючий кустарник, через который только огонь мог бы сделать для нас тропу.

— Ты хочешь убить...

Она попыталась вырвать руку, но ей это не удалось, несмотря на ее варварское происхождение и привычку жить в постоянных войнах. Я держала ее. Звук рога раздался еще ближе.

Бегство рождает страх. Как только мы начали свое отступление, страх возрос и поглотил все остальные мелкие страхи.

Айлия больше не протестовала, не вырывалась, а наоборот торопилась, потому что темные развалины обещали укрытие.

По дороге я высказала убеждение, что такие развалины обыскивать нелегко, так что преследователи в конце концов оставят нас в покое. Я добавила, что хотя моя Власть много меньше Власти Утты, она все-таки достаточно сильна, чтобы предупредить нас о каких-нибудь следах темного Зла.

Я, правда, опасалась, хотя не сказала этого Айлии, как бы это место не оказалось полностью темным и не заперло нас, но ведь Утта ходила туда и вернулась, а Мудрая женщина никогда не рискнет идти в яму Древнего Зла.

Дорога привела нас к двум башням-воротам. Они увенчивались фигурами устрашающего вида. Когда мы ступили между двумя столбами, на которых они скорчились, послышалось громкое рычание. Айлия вскрикнула и хотела убежать, но я встала против нее и встряхнула, чтобы часть ее страха ушла, и она смогла бы выслушать меня. С таким устройством я была давно знакома. Одни из ворот Эс-Касла были снабжены таким же. Звук производился ветром, проходившим через определенным образом вырезанные отверстия.

Не знаю, поверила ли она мне, но то обстоятельство, что я была невинна, а страшные создания только ревели, но

явно не собирались спускаться и нападать на нас, успокоило Айлию, и я снова потянула ее за собой.

Как только мы прошли через ворота, в спешке уже не было такой необходимости и я пошла медленно, хотя не останавливалась — и не выпускала руки Айлии.

В отличие от поселка, здесь не было развалин, но, как и в Эс-Касле, было ощущение глубокой древности, будто столетия давили на массивные камни и погружали их глубоко в землю. Камни не покосились, лишь покрылись паутиной вечного и неизменного существования.

Стены были очень толстые и, похоже, имели внутри пространство для прохода, закрытое с двух сторон решетками. Возможно, когда-то здесь жили стражники-нелюди, и для каждого было что-то вроде клетки.

Затем мы вышли на мощеную дорогу, поднимающуюся к высоким башням, окруженным кольцом стен. Скорее всего это был город, потому что между другими воротами и замком в центре теснилось множество зданий. Теперь они таращили на нас мертвые глаза окон, разинутые рты дверей. То тут, то там между плитами мостовой торчали высохшие стволы деревьев.

Снежные сугробы дополняли мрачную картину запустения.

Строения были все одинаково серые, более светлые, чем в Эс-Касле. Но над каждой дверью было пятно, обрадовавшее меня — ярко-голубое, как те камни в Эскоре, поставленные для защиты от окружающего Зла.

Поскольку здесь была такая охрана, значит, когда-то она защищала тех, кто, как я думала, жил здесь, следовательно я могла бы войти без страха.

Я убедилась еще в одном: эта улица, которая полого поднималась ко вторым воротам, была мне знакома, как будто я давно ходила по ней и теперь почти забыла. Но как только мы дошли до ворот и я увидела вырезанный в голубом камне символ — перекрещенные меч и жезл — я вспомнила.

Этой дорогой я шла во сне, когда видела, как открыли Врата в другой мир.

Теперь я не могла ни свернуть в сторону, ни остановиться, потому что нас тянуло вперед. Я услышала, как Айлия испуганно вскрикнула. Тогда я обернулась и увидела, что ее глаза застыли, и она идет как под мысленным принуждением. На меня оно тоже действовало; но, видимо, не так сильно, как на нее. Я приняла это за притяжение Власти к Власти. По-видимому, тот маг, который когда-то работал здесь, оставил ядро такой энергии, что ей невозможно было сопротивляться.

Мы убыстряли шаг, входили в двери, шли по коридорам, проходили через комнаты и залы все быстрее и быстрее. Мы почти бежали. Айлия не издавала ни звука.

Наконец мы вошли в высокий зал. Он казался обжитым, а не мрачно мертвым.

Здесь не так чувствовался груз бесконечных лет, и здесь была энергия, такая сильная, что казалось, весь воздух напоен ею.

На стенах еще сохранились украшения, висели ковры, хоть и потускневшие, но вытканые с таким искусством, что местами на них проглядывали то лицо человека, то морда чудовища, с отчетливостью зеркального отражения. Можно было подумать, что ковры и есть зеркала, и в них отражаются создания, марширующие невидимо для нас и вечно глядящие на свое отражение от поверхности ткани.

Здесь были сундуки с разными символами на крышках. Я узнала эти символы — они были записаны на свитках. Кто знает, может быть, Утта как раз отсюда и взяла те два свитка.

У меня было большое искушение подойти к ближайшему сундуку, открыть крышку и полюбоваться на сокровища, но я крепко сжимала руку Айлии и повела ее в медленный обход вокруг стен этого огромного зала, не рискуя выйти на чистую и пустую середину. Было достаточно свет-

ло, чтобы разглядеть рисунки, сделанные на цветных камнях или на металлических полосах, которые покрывали большую часть стен.

В пол были глубоко врезаны инкрустированные пентаграммы, магические круги, большие и помельше отпечатки величайшей из магических фигур. Они лежали чуть в стороне от нашего пути вдоль стен. Но за этими символами — ключами к великому знанию — шли неопределенные линии, нерезкие, как будто тот, кто шел к центру зала, сам продвигался к знанию и не нуждался более в конкретных символах, как в гидах. Одни из символов я почти не знала, другие лишь немногим отличались от тех, которые я видела раньше.

Здесь было что-то вроде школы для «работников» Власти, как Место Тишины. Но тут все было настолько большое, в неопределенных линиях ближе к центру скрывались такие намеки, что работавший здесь, наверное, смотрел бы на Мудрых женщин, как на детей, делающих свои первые неуверенные шаги.

Ничего удивительного, что здесь было ощущение продолжения жизни. Камни стен за коврами, камни под нашими ногами столетия за столетиями впитывали в себя излучения Власти и теперь отражали то, что так долго проникало в них.

Мы отошли далеко от входных дверей, когда я заметила кресла, скорее троны, потому что они стояли на возвышении с тремя ступенями, и были сделаны из голубого камня, с высокими подлокотниками и высокими спинками, с вырезанными на них слабо светящимися рунами. На среднем кресле лежал жезл мага, будто ненадолго оставленный хозяином, пока он куда-то вышел.

Символ на спинке этого кресла был тот же, что и на воротах этой цитадели — жезл и меч. Это явно было кресло правителя здешних земель — человека или больше чем человека.

Увидев кресло, я вспомнила детали своего сна. Маг сидел именно здесь, в зале, когда смотрел на появление Врат. Что же случилось потом? Может быть, он ушел через те Врата, чтобы посмотреть на другой мир?

Легенды говорят, что так делали многие маги.

Сон вспомнился так отчетливо, что я посмотрела на зеркало, ища следы Врат, но там был голый помост, на нем не было никаких символов, даже намек на них.

Может, хозяин этого зала действительно дошел до такого совершенства, что не нуждался ни в чем для создания энергии?

Я подумала о Мудрых женщинах и о Дензиле, представляющих высоты такого искусства. Если мне доведется когда-нибудь встретиться с хозяином этого среднего, третьего кресла, я буду против него как Айлия или Вахаи, потерянное, простое существо. Это было для меня новым ощущением, потому что, хотя я и потеряла большую часть того, что имела, я помнила, что было в моих возможностях раньше, а здесь сознавала, что все чему я училась, было лишь первой страницей самых простейших рун для Мастера Врат.

Поняв это, я вдруг почувствовала себя маленькой и усталой, испуганной, хотя зал и был пуст, и тот перед кем я благоговела, давно исчез. Я взглянула на Айлию — она, по крайней мере, была человеком.

Она стояла, опустив руки, там, где я ее оставила. Выражение ее лица было странно опустошенным, и во мне вспыхнуло беспокойство: разве не я привела ее сюда, в эту резиденцию Власти, которая все еще чувствуется и вредит ей, в то время как я со своими защитными силами могу не бояться?

Может, я опять, в своем упрямом эгоизме, сработала для зла? Я обняла Айлию за плечи, заглянула в глаза и коснулась ее мозга. Нет, тут было не повреждение, чего я опасалась, а нечто вроде сна. Я подумала, что этот сон — ее защита, и он, вероятно, будет продолжаться, пока мы останемся здесь, но

вообще-то нам пора было уходить, пока эта старая Власть не пропитала нас и не обратила в рабов.

Но оказалось, что уйти — все равно, что пробиваться против течения, которое толкало нас в противоположном направлении.

Я в тревоге обнаружила, что здесь действительно поднялся невидимый поток, кружившийся вокруг третьего кресла, как будто его целью было то место, где во сне я видела Врата.

Айлия с готовностью поддалась этому течению, прежде чем я сообразила, что нам грозит реальная опасность. Я вцепилась в женщину, оттаскивая ее назад, но она вырывалась, и ее невидящие глаза уставились в пустой центр зала. Свободная рука ее взметнулась, пальцы как будто нащупали невидимую опору, чтобы ухватиться за нее и вырваться из моих рук.

Я воздвигла себе мысленную охрану. У меня не хватило сил, чтобы защитить оба наших мозга, но если я смогу удержаться, то конечно не отпущу Айлию и мы выйдем из зала. Я думала, что за его пределами мы будем в безопасности.

Но пока что я могла только удерживаться против потока, а Айлия рвалась все сильнее, пока мы обе не оказались позади третьего кресла, и я положила руку на его высокую спинку. На сиденье лежал жезл. Не схватить ли его, когда мы пройдем мимо? А что это мне даст? Такие жезлы Власти были оружием, они управляли лучами, нужными для колдовства, но они также были собственностью только одного владельца жезла. Чего я достигну, если попытаюсь воспользоваться им? Однако этот жезл так резко запечатлелся в моем мозгу, что я поняла, что он имеет для меня какое-то великое значение, о чем я пока не догадывалась.

Теперь мы были на уровне сидения кресла. Я должна взять жезл, пока меня не оттащили, потому что, Айлия снова начала вырываться и скоро мне придется держать ее обеими руками. Я поколебалась секунду, но потом воспользовалась

случаем. Резким движением подтащила Айлию к креслу, вскочила на первую ступеньку помоста и левой рукой схватила конец жезла.

Глава 9

Схватив жезл, я чуть не выронила его: он был таким холодным, что обжигал руку, как замерзший металл. Но я все-таки его не выпустила — не могла, потому что он держал меня крепче, чем я его.

В ту же минуту Айлия вырвалась из моей руки и бросилась вперед, затем вдруг споткнулась и упала на колени. Видимо, ее вес освободил какой-то источник в этом месте, потому что вверх брызнула вспышка, и, как в моем сне, появились Врата из световых линий.

— Айлия! — закричала я.

Мой крик ничего не значил для ее околдованного мозга.

Она торопливо поползла на коленях через этот жуткий портал.

Я видела зал за этими Вратами, но Айлия исчезла, как только проползла под аркой. Сжимая жезл, я бросилась за ней, решив, что человеческие жизни больше не должны пропадать из-за недостатка моего внимания или мужества.

Было ощущение разорванности, не боли, а скорее отвратительной дезориентации, потому что я прошла через какое-то пространство, через которое человеческое тело никогда еще не проникало. Затем я покатила по твердой поверхности и застонала от боли, которую получила в этот короткий промежуток времени — или вне времени.

Я села. У меня кружилась голова. Я услышала стон — не свой — и с трудом огляделась. Рядом с каким-то высоким предметом с криком скорчилась Айлия. Я подползла к ней и подняла ее голову. Глаза ее были закрыты, тело судорожно подрагивало, я голова безостановочно вертелась из стороны в

сторону, как у больного в сильном жару. И она все время вскрикивала.

Прижав ее к себе, я оглянувшись на Врата и... ничего не увидела.

Я не раз слышала, что мой отец пришел в Эсткарп через подобные Врата. На другой стороне он обнаружил два столба, отмечавшие вход со стороны Болот торов. Когда он и моя мать выступили против сил Колдера, те Врата тоже имели отметку в обоих мирах.

Но тут, похоже, вход был где-то в другом месте, потому что я ничего не видела, кроме открытого пространства.

Здесь был день, но пасмурный. В то время как Эскор был одет в снег и лед, по эту сторону исчезнувшей двери было так душно, что я закашлялась и из глаз моих полились слезы. Воздух, казалось, был наполнен невидимым дымом.

Растительности не было, земля и небо были одинаково серые. В песке, казалось, никогда не укоренялось ничего растущего.

В некоторых местах наносы пыли, похожей на золу. Возможно, здесь пронесся большой пожар. Я посмотрела на столб, возле которого скорчилась Айлия.

Он был выше человеческого роста. Не обыкновенный древесный ствол, не каменный палец, а, похоже, металлический, вроде фермы моста или опоры, и весь в оспинах и чешуе, как будто что-то в резком воздухе постепенно разрушало его.

Может быть, он отмечал Врата с этой стороны?

Нет, он стоял слишком далеко от того места, где мы вошли.

Я устроила Айлию на земле, положив ей под голову свой заплечный мешок, затем шатаясь встала и увидела на земле что-то блестящее. Это лежал жезл. Он был такой белый на унылом сером песке, что походил на луч света. Я с трудом наклонилась и подняла его. Его ледяной холод исчез, он теперь был похож на любой другой жезл. Я бережно уложила

его в складки моего кушака и затем медленно обернулась в надежде увидеть Врата.

Песок поднимался пепельными дюнами, и все они были настолько одинаковыми, что заблудиться здесь было проще простого, и никаких ориентиров, кроме облупленного столба. Когда, встав перед ним, я посмотрела вдаль, то увидела на некотором расстоянии другой такой же столб, почти на одной линии с первым.

Айлия зашевелилась и приподнялась. Я заторопилась к ней. Глаза ее по-прежнему были пустыми. Она затерялась в какой-то внутренней пустыне. Она встала, придерживаясь за столб, и повернулась в направлении второго, то наклоняя слегка голову, то поворачивая ее в стороны, как будто приносясь к знакомому запаху, а затем уверенно качнулась в сторону второго столба. Я схватила ее за плечо. Она, видимо, не узнала меня, но с удивительной силой вырвалась, вдруг повернулась так резко, что толкнула меня, и я от неожиданности покатила на песок.

Когда я вскочила на ноги, она уже бежала. Я бросилась за ней, хотя очень не хотела уходить отсюда, не осмотрев это место как следует. Я боялась поверить, что Врата окончательно пропали и у нас нет надежды вернуться.

За вторым столбом стоял третий, и Айлия направилась к нему, но мне казалось, что ее ведут не столбы, а невидимый приказ.

Мы миновали шесть таких столбов, тоже изъеденных, как и первый, и вышли из песчаных дюн в совершенно иное место.

Здесь была высокая пожелтевшая трава.

Линия столбов продолжалась, только теперь они стали выше. Два из них оплавились, и на них висели застывшие капельки металла. Вокруг них была та же трава и какие-то неприятные кусты с пурпурными стеблями и темно-красными волокнами, болтающимися на кончиках листьев: они выглядели плотоядными, и я не имела желания рассмотреть их поближе.

За оплавленными столбами шла дорога. В противоположность столбам, она казалась проложенной совсем недавно. Она была гладкой и тускло-черной. Айлия шагнула к ней и остановилась, покачиваясь, но смотрела она не на дорогу, а вперед.

Наконец я ее догнала и схватила за плечи. На этот раз она не напала на меня. Мне не нравилась эта дорога и я не хотела идти по ней. Пока я стояла в нерешительности, раздался звук, он быстро приближался, как будто что-то несло к нам на большой скорости. Я навалилась на Айлию и упала вместе с ней на твердую землю, надеясь, что наша темная одежда сольется с серо-коричневой почвой.

Что-то промчалось по дороге с такой скоростью, что нельзя было толком понять, что же это такое. Конечно, это было не животное. У меня осталось впечатление цилиндра, вероятно металлического, который даже не касался поверхности дороги, а скользил на высоте, равной длине моей руки. Он пролетел и исчез вдали, оставив струю воздуха, поднимающую пыль.

Интересно, видели они нас или нет? Во всяком случае, те, кто управлял этой машиной, не побеспокоились остановиться.

Впрочем, вряд ли они смогли бы сделать это на такой скорости.

Но как этот цилиндр мог мчаться, не касаясь земли, хотя он явно следовал по дороге? Колдеры делали машины. Может, мы попали в мир колдеров? Если так, то мы в большой опасности, потому что колдеры превращают своих рабов в живых мертвецов, каких человек в здравом уме не может себе даже представить.

В моем мешке было очень мало еды и совсем не было воды, потому что я предполагала путешествовать там, где есть снег или хотя бы реки. А здесь едкая атмосфера и сухое дыхание ветра вызывали жажду, и рот у меня запекся, будто я съела пригоршню золы.

Чтобы сохранить жизнь, нам нужны были пища и вода. Судя по виду местности, мы здесь не найдем ничего такого и,

значит, придется рискнуть идти по дороге в том направлении, куда унесся тот цилиндр.

Я протянула руку Айлии, но она уже сама повернулась в ту сторону и пошла по обочине дороги. Я двинулась следом.

Мы увидели это издалека. Когда я видела башни Эс-Касла и неизвестную цитадель на восточном мысе, я удивлялась великой работе человеческих рук. Но нельзя было поверить, что увиденное нами сейчас сделано человеком. Башни — если это были башни — поднимались к облакам, а внизу было совсем немного строений. От башни к башне тянулись кружевные пути, будто строители вели дорогу высоко в небе. Все это было такого же серо-коричневого цвета, как и земля. Башни как бы выросли сами благодаря какой-то фантастической культивации. Однако у них был металлический блеск.

Дорога привела нас прямо к подножию одной из башен. Мы увидели такие же дороги, идущие от других башен. Однажды я видела паутину зиз-пауков с ее плотной серединой и множеством радиальных нитей для прикрепления, и сейчас подумала, что если бы можно было взглянуть с высоты на этот комплекс, он наверное выглядел бы паутиной зиз-паука — мысль явно неприятная, потому что таких охотников, как зиз-пауки, следует избегать.

Я облизала сухие потрескавшиеся губы.

Айлия была не в лучшем состоянии. Она снова застонала, как тогда, когда мы только что прошли Врата. Похоже, что нам придется войти в эту металлическую паутину, чтобы отыскать воду.

Опять раздался предупреждающий звук.

Я снова притянула свою спутницу к земле.

Механизм пронесся, но не над дорогой, по которой мы шли, а в стороне. Я встала и увидела еще что-то. Темное пятно в небе, росшее с каждым ударом моего испуганного сердца.

Это была не птица. Но ведь отец рассказывал, что в его мире люди строили машины, как колдеры, и летали на них по воздуху. Не попала ли я в его мир, в мир моего отца?

Но он никогда не говорил о таком городе или местности, засыпанной пеплом и песком.

Предмст в небе все увеличивался, а затем завис между двумя башнями. Я увидела платформу, более твердую, чем кружевные дороги, которые обеспечивали проход между вершинами башен. Небесный механизм осторожно опустился на платформу. С такого расстояния я не могла рассмотреть, выходили ли из него люди, чтобы войти в одну из четырех башен по углам открытого пространства, но все же это было так страшно, что я даже немного испугалась.

Знания колдеров, их машины и люди, которых они своей волей обращали в машины — все это так давно считалось Злом, что мы в Эсткарпе привыкли относиться с отвращением ко всей их работе. И в этом месте пахло Злом, и оно не походило на зло Эскора, которое я понимала. Это здешнее зло происходило от преступно изогнутого пути жизни, полностью чуждого всему, что я знала.

Однако мы должны были найти пищу и воду, или же умереть. Но никто добровольно не выбирает смерть, если есть хоть какой-то шанс остаться в живых. Мы стояли и смотрели на фантастический город — вернее, я смотрела, потому что Айлия вроде бы не видела ничего.

Единственный вход в башню на уровне земли был, по видимому, туннелем для продолжающейся дороги. В стенах не было больше отверстий для тянущейся воздушной линии, а та была выше самых высоких шпилей Эс-Касла, и окон тоже не было. Волей-неволей приходилось идти по дороге, а у меня не хватало духу поставить ногу на эту гладкую поверхность. Надолго ли хватит наших сил без припасов? Всякое промедление истощало нас.

Стемнело. Может быть, темнота будет нашим другом? Я посмотрела в темное небо и увидела вспышки сияний по

линиям межбашенных путей, как блеск капелек росы на паутине.

В туннелях, куда вели дороги, освещение было тусклым. Свет мог быть враждебным нам, но выбора у нас не было, и я взяла Айлию за руку. Она больше не указывала нам путь, но и не вырывалась, когда я потащила ее вперед к входу.

Когда мы подошли ближе, я поняла, что отверстие было шире, чем полотно дороги, так что оставался узкий проход сбоку, и нам не обязательно было идти по поверхности дороги. Но хватит ли ширины этого прохода, чтобы спасти нас от тех машин, которые войдут в туннель, пока мы будем там? Ветер от их полета уже доказал нам их силу. В ограниченном пространстве туннеля он может стать роковым для нас.

Я остановилась у входа и прислушалась. Предупреждения об их появлении не было, и мы могли идти дальше.

Под нашими ногами было что-то вроде металла, покрытого эластичным губчатым материалом, пружинившим при каждом нашем шаге. Я тянула Айлию по этому узкому краю, надеясь, что где-нибудь в стене обнаружится дверь. И мы нашли ее, отмеченную слабым светом сверху, а ниже света — незнакомый символ. За отверстием виднелся узкий проход. Я вздохнула свободнее, избавившись от необходимости прислушиваться, нет ли позади мчащейся гибели.

Воздух здесь был не таким тяжелым, как снаружи, но все-таки неприятным, и к нему примешивался непонятный запах, от которого я закашлялась.

Освещение по стенам было размещено с большими интервалами и столь тусклое, что промежутки тонули во мраке. Мы были в середине между первыми двумя, когда я заметила, что мы вовремя свернули в эту нору: раздался мощный рев, от которого задрожали стены и пол. Видимо, одна из машин вошла в туннель. Клубы дыма проникали и сюда, и мы задыхались от него. Когда мы дошли до следующего освещенного места, я прислонилась к стене, чтобы отдышаться и протереть глаза, и увидела под ногами наносы чего-

то мягкого, как зола, но только черного. Там, где мы прошли, остались заметные следы, но впереди нанос был нетронут. Это указывало, что какое-то время — может, годы — здесь никто не проходил.

Это успокаивало меня, но зато не приближало к тому, в чем мы особенно нуждались.

Узкий проход завел нас в круглое пространство, похожее на дно колодца. Я запрокинула голову, чтобы взглянуть вверх, и мне показалось, что колодец поднимается выше верхушки башни. В стенах колодца были отверстия, вроде входов на разные этажи. Одни были темными, другие освещены, но не было никаких признаков ступеней, чтобы добраться хотя бы до первого по высоте отверстия. Я уже решила вернуться в опасный туннель и идти по нему дальше в надежде на второй боковой проход, но Айлия резко шагнула вперед и толкнула меня. Я прижалась рукой к стене, чтобы сохранить равновесие. На это незапланированное действие последовал немедленный ответ: мы не стояли уже на дне, а поднимались наверх, как на крыльях. Я, кажется, вскрикнула и потянулась рукой к жезлу на поясе. Затем я попыталась удержаться за гладкую стену, мимо которой мы поднимались. Ногти мои царапали ее, ломались, но ничуть не замедляли наш подъем.

Мы подлетели к первому отверстию — видимо, второго этажа. В тусклом свете я видела, что проход от двери расширился и расходился в обе стороны. Я задвигала ногами и обнаружила, что могу перемещаться к стене.

Значит, надо сделать усилие и нырнуть в следующий уровень. И мы в конце концов вышли из колодца куда-то в другой проход на противоположной стороне от того места, через которое вошли.

Он был лучше — освещен, и там был звук, или вибрация, которая шла не от пола, а скорее от стен. Пол тоже имел губчатое покрытие, но никакой золы не было. Видимо, мы попали в секцию, которой кто-то пользовался, и нам следовало быть осторожными.

Я заметила, что Айлия как бы пришла в себя и смотрит на меня, на стены и опять на меня. Ее прежний пустой взгляд исчез.

Она вздрогнула и закрыла лицо руками.

— Тропа Валиманта, — прошептала она со стоном.

— Нет!

Я протянула руку, чтобы она почувствовала человеческое прикосновение.

— Мы живые, мы не мертвые!

Валимант, по их верованиям, был злым духом, ожидавшим за финальным занавесом тех, кто плохо выполнял ритуалы.

— Я помню...

Она все еще не отнимала рук от лица.

— Но это, конечно же, страна Валиманта, и мы идем в его дом. Больше не может быть нигде такого места.

Я готова была согласиться с ней, но у меня был аргумент, который должен убедить ее, что она не присоединилась к мертвым.

— Ты хочешь есть? Хочешь пить? А разве мертвые едят?

Она опустила руки. Лицо ее выражало угрюмую безнадежность.

— Кто знает? Никто не возвращается рассказать о том, что позади занавеса. Если это не дом Валиманта, то где мы, колдунья?

— В другом мире, это точно, но не у смерти. Мы нашли магические Врата, и нас вынесло в другой мир...

Она покачала головой.

— Я ничего не знаю о твоей магии, колдунья, знаю только, что она принесла вред мне и моему народу, и, похоже, продолжает это делать. Но я и в самом деле голодна и хочу пить. И если здесь можно найти пищу и воду, я хотела бы отыскать их.

— Я тоже. Но мы должны идти осторожно. Я не знаю, кто или что живет здесь, знаю только, что здесь много стран-

ного, и мы должны вести себя так, как разведчики в лагере рейдеров.

Я открыла мешок и достала остатки еды. Мы ели, пока наша жажда не показала, что мы больше не можем глотать. Но даже это небольшое количество мяса придало нам силу.

Мы пошли дальше и обнаружили на стенах коридора знаки, которые, по-видимому, обозначали двери, но как они открывались — неизвестно. Я толкнула одну-две, но они не поддались. Так мы дошли до конца коридора, который выходил на балкон. Оттуда тянулся один из воздушных путей, соединявших эту башню с другой где-то в центре города. Я посмотрела на эту пешеходную дорогу, казавшуюся такой хрупкой, и решила, что пойти по ней не смогу.

Айлия зажмурилась и подалась назад в коридор.

— Я не могу! — вскричала она.

— И я не могу...

Но что нам еще оставалось? Снова надеяться на колодец и его подъемник, который вознесет нас выше, в другой коридор, где нам будет не лучше?

Я спросила Айлию, что она помнит о нашем путешествии. Она ответила, что помнит большую часть его, но она была тогда как бы во сне — зрительницей, а не участницей, за исключением того времени, когда ее что-то заставило двигаться, но это принуждение оставило ее, когда мы вышли на дорогу.

Мы пошли обратно к колодцу без особой надежды. Мы еще не дошли до конца коридора, когда раздался слабый щелчок. Мы прижались к стене и застыли.

Одна из дверей, только что плотно закрытых, открылась и оттуда вышла фигура.

Вышла? Нет, она катилась, скорее даже парила над полом, как машина на дороге, и эта фигура...

Я видела мутантов и чудовищ. В Эскоре было полно созданий, явившихся конечным результатом многолетних экспериментов магов. Такими были кроганы — водяные люди,

фланнаны — крылатые, Серые — злая помесь зверя и человека, и еще много других. Но это... Хуже этого я ничего не видела и не слышала.

Это было что-то вроде помеси человека с машиной, металл и плоть сросшиеся вместе.

Нижняя половина тела была металлическим овоидом. Ног не было, но к овоиду были прижаты отростки, заканчивающиеся когтями.

Такие же члены были и у более узкой верхней части. Голова же была человеческая или похожая на человеческую, без волос, с остроконечной металлической верхушкой.

Позади этой фигуры шла другая. Она шла на двух ногах и имела человеческие руки, но все остальное тело было металлическим, и голова тоже оканчивалась металлическим острием.

Не взглянув в нашу сторону, эти создания направились к колодцу, просто шагнули в пустоту и были подняты навверх.

Глава 10

— Ох! — прошептала Айлия.

Ее глаза снова стали пустыми.

Я тем временем размышляла, нельзя ли повернуть магическую силу колодца и заставить опустить нас вниз. После того, как я увидела возможных обитателей этого города башен, я уже не имела желания исследовать его дальше. Мои надежды найти здесь пищу исчезли. Эта немыслимая смесь плоти и металла наверняка не пила и не ела, а значит запаса провизии нам не найти в этих лабиринтах.

Теперь я пыталась вспомнить, как начался наш подъем. Я уперлась рукой в стену и как теперь подсказывает память, вроде бы видела в ней пластинку другого цвета.

Я провела рукой вниз, а мы поднялись вверх! Может ли быть единый сигнал? Если так, то смогу ли я и здесь найти

такую же пластину, чтобы она опустила нас вниз? Надо попробовать. Остаться здесь, значит быть обнаруженными, а меня корчило при одной мысли о каком-либо контакте с этими полулюдьми-полумашинами. Нам просто повезло, что они не увидели нас.

— Пошли.

Я потянула Айлию за руку.

— Нет!

Она пыталась вырваться.

— Ну, оставайся здесь, — резко сказала я, — и они тебя найдут...

— Там найдут тоже!

Она указала на шахту.

— Нет.

И хоть я и не была в этом уверена, я поспешно объяснила, что думала насчет возможности спуститься.

— А если не сможем?

— Тогда попытаем счастья на этом подвесном мосту.

Но у меня к этому было такое же отвращение, как и к лицезрению тех чудовищ. К тому же, мост приведет нас внутрь города, а не из него.

Я думаю, что Айлии это нравилось не больше, чем мне, потому что она пошла к шахте без дальнейшего принуждения. Мы шли медленно, прислушиваясь к каждой отмеченной двери и ощупывая ее, прежде чем двинуться дальше, потому что боялись, как бы ее вдруг не открыл какой-нибудь здешний обитатель.

Когда мы дошли до последней двери, откуда вышли те двое, снова раздался щелчок.

Под моими пальцами дверь чуть-чуть поддалась. Жужжание стены усилилось и она превратилась в узкую щель, которую я не решилась расширить, увидев непонятные металлические предметы.

Я только мельком взглянула на них и не стала задерживаться.

Мы дошли до шахты, и я огляделась.

Найти контрольную пластинку оказалось нелегко, но я нашла ее. В ней были два углубления — одно над другим. В тот раз я провела рукой сверху вниз, значит теперь надо сделать наоборот. Я так и сделала и некоторое время ждала, не решаясь проверить свою догадку экспериментально.

Если мы шагнем туда, и нас унесет наверх следом за той жуткой парой, может вполне случиться, что мы попадем прямо в лапы тех, кто живет там. Затем я вспомнила о мешке: вот с ним я и произведу опыт. Хотя в нем все остатки наших продуктов...

Я сняла мешок с плеч и бросила. Он начал опускаться. Значит, я была права.

— Давай! — сказала я Айлии.

Я шагнула в пустоту, хотя и сама очень боялась упасть.

Айлия приглушенно вскрикнула, но последовала за мной. Спуск происходил быстрее, чем подъем, хотя конечно, ничем не напоминал падение. Я помнила, что один тускло освещенный уровень мы миновали при подъеме, и приготовилась метнуться туда, как только мы поравняемся с отверстием. Я подумала, что недостаток света в том проходе может означать, что там пусто или почти пусто, и сказала об этом Айлии. Я думала, что она откажется, но она не собиралась оставаться одна. И вот мы шагнули в отверстие и остановились на узком месте, как усаживался вранг на камне, а мой мешок ушел вниз.

Впрочем, сейчас я о нем не жалела.

Насест был невысоко над полом. На полу стояло множество предметов, все на некотором расстоянии друг от друга. В конце концов я решила, что здесь отдыхают те машины, которые мы видели на дороге.

Это были цилиндры, примерно в два человеческих роста, сужавшиеся к концу на конус. По бокам виднелись контуры дверей, и у ближайшего к нам цилиндра дверь была открыта.

Но не просто открыта: на металле виднелись пятна ржавчины, проломы, дверь была выломана или выжжена. Приглядевшись, я увидела подобный же взлом и в другом цилиндре. Зачем обитателям города понадобилось ломать собственные контейнеры — если это были контейнеры?

Что в них держали? Может, их использовали для перевозки продуктов в город, как во время уборки урожая в Эскарпе в Эс-Касл ползли телеги? Тогда в них может быть пища. Я сказала об этом Айлии.

— А вода? — хрипло спросила она.

Я не думала, что какой-либо жидкий продукт мог так храниться, но решила произвести обыск. Мы должны найти воду как можно скорее, иначе у нас не хватит сил выйти из города.

Балкон, на котором мы стояли, не имел ступеней вниз. Пришлось прыгнуть. Айлия не пошла за мной, сказав, что останется на месте, а у меня, поскольку я уже была внизу не было причин возвращаться, не осмотрев транспорт.

Я очень пожалела, что нет факела: освещение было очень слабым. Но даже и при нем я увидела, что-то свисавшее из дыры в боку цилиндра. Это была цепочка, очень прочная, несмотря на малые размеры звеньев. Вдоль нее были сделаны петли, по которым можно было влезть. Правда, петли были очень малы. Видимо тот, кто их делал, имел ноги гораздо меньше моих или подтягивался на руках. Но все же пальцы ног можно было протиснуть.

Добравшись до пролома, я заглянула внутрь и так испугалась, что чуть не потеряла равновесие. Когда я положила руку на внутреннюю стенку, в цилиндре вспыхнул свет.

Там было свалено множество ящиков с содранными или просто проломленными крышками. Но содержимое меня весьма разочаровало: в основном металлические брусья.

Там, где упал широкий контейнер, растеклась гнусно пахнущая лужа. Запах был так силен, — хотя лужа почти высохла — что я побоялась оставаться дольше у отверстия. Ви-

димо, тут была какая-то отрава, потому что моя голова уже кружилась, и появился кашель.

Как только я снова взялась за цепь, из глубины погребца вырвался такой яркий свет, что я чуть не ослепла и кое-как спустилась вниз, отчаянно кашляя.

Еще одна вспышка. Теперь свет горел ровно, и я подумала, что грабители, видимо, еще работают, прожигая себе путь в другой цилиндр. Такая настойчивость поисков показывала, что ищут что-то очень важное.

Были ли здесь люди, которые тоже нуждаются в пище и воде? В конце концов, Врата в Цитадели за много лет захватили не только нас с Айлией. Я так поддалась этой жалкой надежде, что решила проследить за теми, кто пользовался огнем. Для этого надо было идти вглубь помещения, оставив Айлию, но возвращаться к ней и объяснять — потеря драгоценного времени.

Видимо, на мой мозг действовали испарения, потому что все мои решения казались мне логичными и правильными. Я не пошла к Айлии, а обогнула цилиндр, который перед тем осматривала, и стала пробираться к той далекой вспышке.

У меня, по крайней мере, хватило здравого смысла двигаться с осторожностью. Я старалась укрываться со всей ловкостью, какой научилась в Эскоре. Мне помогали слабое освещение и тени от рядов транспортных машин.

Кашель мой прекратился, но жажда усилилась до крайности, и мне казалось, что я обязательно найду воду, как только доберусь до тех, кто производил вспышки.

Наконец я подобралась к ним. Двое работавших висели на паутине лямок с каждой стороны цилиндра и, следили за усилиями двух других на полу, которые направляли режущие лучи на металл, постепенно разрушая его. Одного взгляда на них было достаточно: это не те полумашины, какие я видела наверху. У них были обычные тела с руками и ногами.

Я осторожно смотрела, прикрывая глаза руками, и недоумевала, что это за огонь или свет, которым они пользуются, как орудием? Огонь я могла призвать силой своей воли, потому что он был частью природы и должен был придти на зов Мудрой женщины. Но тут было совсем другое — луч выходил из трубки, которую рабочий держал в руках, а трубка соединялась гибким рукавом с ящиком на полу.

Огонь погас. Люди на лямках придвинулись ближе и начали колотить брусками по раскаленной двери, но металл только прогибался.

Но я уже за ними не следила. Один из тех, кто держал трубку, положил это странное орудие и пошел к груде мешков.

Там он взял маленький контейнер и поднес его к губам. Пил! Вода!

В этот момент я прошла бы мимо любого богатства знания, лишь бы взять то, что держал незнакомец. И я возьму это!

Он поставил контейнер и пошел обратно к трубке. Когда он взял ее и снова приготовился пустить луч, я побежала вдоль цилиндров. Рабочие были заняты своим делом и действовали открыто, как будто вовсе не боялись враждебно настроенных наблюдателей, так что я не считала себя в опасности. Мой мир, мое будущее сузилось до этого контейнера. Я шла прямо к нему, время от времени поглядывая на рабочих, но все их внимание сосредоточилось на упрямом металле. Я схватила контейнер и поднесла его к губам.

Это была не чистая вода. Впрочем, может быть, в этом мире вода вообще имела кислый вкус, но она так освежила мой потрескавшийся рот и горло, что я с трудом остановилась, сделав несколько глотков.

Со стороны работавших раздались крики, и я в ужасе обернулась, уверенная, что они увидели меня. Но нет: оказывается, дверь в цилиндре поддалась, и висевшие на лямках люди отламывали ее.

Я осторожно ощупывала мешки, которые они свалили здесь. Там было несколько свертков — наверное, с едой — и я взяла два из них. Больше я не могла нести, потому что взяла еще три контейнера с водой, судя по весу, почти полных. Два контейнера я повесила на лямке через плечо, а третий вместе со свертками прижала к себе и пошла обратно, к Айлии. Мы с ней в выгодном положении: сразу заметим, когда рабочие уйдут.

Если они нашей породы, более ранние жертвы Врат, мы можем встретить их. Теперь, достав воду, я снова стала осторожной и не собиралась сдаваться любому рыскавшему по этому миру, пока не удостоверюсь, что это не враг.

Когда я добралась до входа, то не нашла там Айлии. Я не рискнула окликнуть ее. Мой голос мог привлечь внимание работавшей группы. И я не была уверена, что смогу подняться на балкон со своим грузом.

Наконец мне пришлось вернуться к лесенке по цепи, подняться и спуститься на покатый вонючий пол. Айлия не показывалась, а я торопилась, чтобы те люди не заметили пропажу воды и не выследили меня. На конце лестницы был крючок. Я раскрутила цепь над головой и бросила так, чтобы крючок зацепился за балкон.

Таким образом я смогла подняться туда и втащить за собой контейнеры, прикрепленные мной к нижнему концу лестницы.

Нагруженная припасами, я быстро спустилась на дно шахты. Айлия бесследно исчезла, но я была почти уверена, что она ушла этим путем.

Я огляделась вокруг ища свой мешок, но не нашла его. На полу в пыли было множество следов, больше, чем могли бы оставить мы. Может, рабочий отряд пришел отсюда?

Я снова пошла по проходу к дороге.

Здесь не было жужжания в стенах и полу, как на верхних уровнях, так что я хорошо услышала звук впереди — не предупреждающий рев транспорта, а крик, похожий на челове-

ский. У меня было великое искушение окликнуть Айлию, но я подозревала, что она в опасности и лучше не делать опрометчивых поступков.

Я шла по пыльному проходу. Мне показалось, что впереди какое-то движение. Я остановилась и прислушалась. Если кто-то идет в мою сторону, мне придется отступить, в противном же случае я пойду следом.

Затем в маленьком островке света я увидела Айлию. Ее тащили две фигуры ниже ее ростом, но я не могла их разглядеть.

Одно из этих созданий резко ударило Айлию по спине, так что она покачнулась, а они сразу встали вплотную к ней. Она шла на своих ногах, но как бы в бессознательном состоянии, полностью покорная, не сопротивляющаяся.

Это было почти у самого выхода, и через несколько секунд они уже вошли в туннель.

Я побежала следом. Тяжелые сосуды с водой били меня по ребрам.

Вбежав в туннель, я остановилась в нерешительности. В какую сторону повели Айлию? Я прислушивалась и вглядывалась, но ничего не могла определить, и в конце концов решила, что они пошли в ту сторону, откуда мы пришли, то есть к началу туннеля. Те, кто живет здесь, должны знать опасности дороги. Я пошла обратно, хотя очень боялась, как бы мои логические заключения не подвели меня.

Когда я наконец вышла из туннеля в ночь, то убедилась в разумности моего выбора, я задела ногой какой-то предмет, и он выкатился в полосу лунного света. Это был сверток, который я сразу узнала, поскольку делала его своими руками; в маленьком мешочке было завернуто много лечебных трав Утты. Он не мог просто выпасть из мешка, когда мы здесь проходили, поскольку мешок был хорошо завязан, значит кто-то открыл его здесь и выронил сверток.

Я встала на колени и стала ощупывать землю кругом, но больше ничего не нашла.

Во всяком случае, было ясно, что люди, захватившие Айлию, взяли мешок и здесь его осматривали.

Мне казалось, что темные фигуры, которые вели Айлию, были похожи на рабочих там, внизу. У них были явно человеческие тела, хотя и небольшие. Теперь, когда я имела время вспомнить и оценить виденное, у меня создалось впечатление, что у них очень тонкие руки и ноги. В Эскоре были тасы — с раздутыми телами, паучьими конечностями. Они так далеко отошли от человека, что ненавидели нас, тех, кто жил в другом мире над их туннелями и норами.

Может быть, тасы нашли путь через Врага? Нет, эти употребляли огонь, как оружие, а тасы этого не делали.

Но куда же шли те, кого я выслеживаю?

Сверток лежал как раз за краем дороги, поворачивающей налево, как будто эти люди прошли между этой дорогой и следующей башней.

Земля была твердой, но на ней были наносы пенсильского песка, и я тщательно искала хоть какой-нибудь намек на след.

Я нашла даже больше, чем надеялась.

Здесь была другая дорога, более грубая, чем та, которая шла под башнями.

Видимо, по ней проходил тяжелый транспорт и оставил колеи, и на краях их я нашла отпечатки ног — отчетливые следы сапог Айлии и более мелкие и узкие, босые с острокопченными пальцами.

Все следы вели вперед, и я пошла за ними.

Колея дошла до следующей дороги и пошла параллельно ей, в ту сторону, откуда мы пришли к башням. Но эта часть местности была более неровной. Колея шла по холмам, а кое-где огибала их. Увидеть что-либо вдали было невозможно, оставалось только слушать, не будет ли каких звуков, указывающих, что я подхожу ближе.

Холмы стали выше, на них выступало что-то похожее на скалы, но когда мне послышался шум, и я укрылась за выступом, то почувствовала под руками шов. Приглядевшись, я по-

няла, что это не природные камни, а остатки построек, наполовину занесенных песком, похожим на золу.

Но думать об этом мне не пришлось, так как шум мне не померещился: это было шипение и мягкий хруст. Внизу под моими ногами ползла новая форма транспорта.

По сравнению с быстроходными цилиндрами, это была неуклюжая, плохо сконструированная машина, будто ее задумал совершенно другой тип мозга.

У нее не было колес, как у повозок в моем мире, а только громадные ободы, шедшие кругом. Их звенья крутились на прутьях, выходявших из корпуса-ящика. Если машина везла водителя или пассажира, то они, видимо, в корпусе, где узкие вертикальные щели.

Машина шла тяжело, медленно, равномерно и походила на движущуюся крепость.

Она шла к башням. Может, ее послали взять тех, кто грабил склад транспорта?

Я прижалась к углу полусгоревшей стены и смотрела вслед машине.

Глава 11

Можно ли сказать, что такое «запах» Власти? Я знаю, что можно чують зло Тени, и не знаю только, какими ноздрями это делается — плотскими или духовными.

Но это правда, в Эскоре я чувствовала места Тьмы, которых нужно было избегать.

А в этом мире всюду стояла едкая вонь, которая притупляла предчувствие даже на небольшом расстоянии. Как будто я, пройдя через Врата, потеряла право пользоваться тем, что было моим щитом.

Теперь я могла рассчитывать только на свои пять физических чувств, и это было похоже на утрату половины зрения. Однако я все еще пыталась узнать, не могу ли я хоть немного поль-

зоваться своими способностями. Поскольку Айлия тоже из моего мира, у меня была слабая надежда на существование мысленной связи между нами. В этом случае я могла бы узнать от нее, куда же ее ведут, какие опасности лежат между нами, и даже, при очень хорошем мысленном контакте, увидеть ее глазами.

Надежда была очень слабая, но я прижалась спиной к разрушенной стене и сосредоточилась на Айлии, мысленно рисуя ее изображение и требуя ответа. Но...

Вот!

Я подскочила и задохнулась. Это же не мозг вупсалки, нет! Но я его коснулась, просто коснулась края мысленной передачи такой мощности, что меня отключили, смахнули с дороги, потому что передача шла в другом направлении.

Конечно, это не Айлия. Но можно ли быть уверенной, что тот, мозга кого я коснулась, был из моего мира и тренированный во Власти? Правильно ли я предполагала, что через Врата могли пройти и другие? Но...

Одна моя часть страстно желала возобновления контакта со своим, из своего мира, а другая предупреждала об осторожности. Я знала историю Эскора. Там немного говорилось о том, что Вратами часто пользовались Темные. Общение с Темной Силой могло удвоить мои несчастья.

Я не могла поверить, что те полулюди из города башен или те, которые ехали в движущейся крепости, были из Эскора. Мы никогда не делали машин. Мы ненавидели в колдерах то, что они были в какой-то степени полулюдьми, частью машины, которую они обслуживали. Мудрые женщины считали наш выбор правильным, потому что в последнем великом сражении в Горме сила мозга победила и уничтожила всех тех, кто объединился с металлом.

Но все-таки где-то близко был человек из моего мира. Я мечтала найти его, но не решалась, пока не узнаю о нем побольше.

Колея, оставленная вездеходом, была ясно видна в лунном свете, но звуки уже растворялись вдали. По этой дороге

увели Айлию, и я должна идти за ней. Я выпила немного воды, спустилась вниз и пошла по колее.

Все чаще попадались остатки-строений.

Ясно, что когда-то здесь был город, совсем другой, не похожий на башенный, но столь же большой и значительный.

Колея пошла между высокими стенами и вдруг вышла в открытое пространство вроде громадного кратера или бассейна в глубине земли. Здесь не было никаких остатков зданий, но были места, покрытые каким-то стеклянным материалом, и колея огибала их, как будто звенья не могли идти по такой гладкой поверхности. Колея вела к центру кратера, где находилось черное отверстие, вроде входа в шахту, какую мы нашли в городе, но шириной в основание башни.

Спрятаться здесь было решительно негде.

Если я пойду к шахте при лунном свете, меня также хорошо увидят, как если бы я трубила в рог у ворот замка.

Но ведь Айлия наверняка ушла через эту дыру.

На мне лежала тяжелая ответственность за Айлию, и я должна освободить ее, если только смогу.

Я снова отступила в тень к последней разрушенной стене, закрыла глаза ладонью левой руки, а правой дотронулась до жезла на своем поясе. У меня не было другого предмета Власти. Может, жезл добавит что-то к моим ограниченным силам?

Я нарисовала в мозгу Айлию и послала поисковую мысль.

Я встретила пустоту. Но я узнала эту пустоту и опять была поражена порывом моей сосредоточенности. Мозг Айлии был заблокирован. Я попыталась очень осторожно, как бы кончиками пальцев, найти блокирующий ее мозг источник, но нащупала совершенно не то, что рассчитывала — что-то абсолютно чуждое тому, что я знала.

Машина с Властью? Этого не может быть!

Власть противостоит и всегда противостояла машинам. Мудрая женщина может при необходимости пользоваться

обычными стальными орудиями и оружием, как это иной раз делала моя мать, но в основном Мудрые женщины пользуются Властью. Но даже такая модификация оружия, как арбалет, и то требует тщательной подготовки мысленного рисунка. Мы не дружим с машинами.

Однако мое прикосновение сказало мне, что мозг Айлии заблокирован с помощью машины. Неужели знания Эскора смешались тут с местными и произвели такой чудовищный гибрид?

Было бы полным безумием войти в эту дыру впереде, не зная, с чем там придется встретиться, но и бросить Айлию я тоже не могла, и сейчас не знала, что же делать.

Такое состояние было настолько чуждым моей природе, что я стала легкой жертвой того, что последовало за мной, а мой мозг был так занят сиюминутной дилеммой, что я оказалась неподготовленной и незащищенной.

Этот толчок был тем же ищущим, какой я встретила раньше. У меня создалось впечатление удара от пославшего его, как и тогда. После небольшого отступления пришел зов такой великой силы, что меня буквально вытянуло из углубления, в котором я пряталась на открытое место.

Это был такой же поток, какой я чувствовала в меньшей степени в зале цитадели.

Мое сопротивление проснулось, и я боролась изо всех сил, а то, что тащило меня, казалось, торжествовало и выказывало нечто вроде нетерпения, которое не разрешало мне никакого возврата к собственной воле.

Так я подошла к отверстию и увидела чуть ниже края платформу — не полной протяженности, а только часть ее. Возможно, она ожидала возвращения вездехода, чтобы спустить его в бездну. Внизу я ничего не видела, и мне казалось, что этот колодец глубиной в перевернутую башню идет от самого центра земли.

За ожидавшей платформой виднелось начало лестницы, висевшей на стене шахты.

Я пыталась бороться с приказом, тащившим меня к лестнице, но не было никакой возможности освободиться, и я начала спускаться в бездну.

Я быстро обнаружила, что ни в коем случае нельзя смотреть вниз, а только на стену, чтобы избежать головокружения.

Мне казалось, что я спускаюсь целые часы, если не дни. Стена была то гладкой, то каменистой, хотя и ровной. Свет луны не доходил сюда, и я спускалась медленно, ногой ощупывая каждую ступеньку, но то, что тянуло меня, не ослабевало.

Наконец я почувствовала под ногой твердую почву. Дрожа, я прислонилась к стене и боялась отойти от нее, потому что она давала мне чувство безопасности, если только в таком месте могла быть какая-либо безопасность. Но давление на меня так и не прекращалось.

Я пошла вдоль стены, ведя по ней рукой, осторожно ставя ноги. Через какое-то время моя рука встретила пустоту. Поток тащил меня в это отверстие. Там я тоже отчаянно ощупывала стену и шла, осторожно переставляя ноги.

После первой опознавательной вспышки мысленный луч, захвативший меня, стал механической передачей. Мне хотелось проверить, что за личность стоит за ней, но я боялась открытого вторжения. Мы знаем, что маг может сделать с более слабой колдуньей или колдуном, и такая зависимость хуже всего, хуже всякого рабства тела. Я бежала из Эскора от такой зависимости, а попасть в нее здесь — это значит пропасть навеки.

Впереди раздался слабый свист, а затем появился свет. Я подошла к открывшейся двери и вошла. Как только я шагнула в свет, внушение исчезло, и я была свободна, но у меня не было времени воспользоваться передышкой, потому что, как только я хотела отступить, дверные створки сошлись, оставив узкую щель, через которую я не могла пролезть.

Я стояла, мечтая о каком-нибудь оружии.

Как и в складе транспорта, я стояла на балконе. Передо мной развернулась сцена, которую я не сразу поняла. Там был

экран, и на нем то вспыхивал, то гас свет, пробегая по неразличимому узору. Слышалось какое-то звяканье.

Экран делил пространство внизу на две части, и был еще проход с низкой стеной, шедшей из какой-то точки непосредственно под балконом, на котором я стояла, к узкой арке с экраном. С каждой стороны этой стены имелись отделения вроде камер с перегородками на высоте плеча. Некоторые из них были заняты. Взглянув на их обитателей, я отступила к двери. Мне казалась, что у фигур на складе и у тех, которые вели Айлию, были несколько необычные очертания, но вполне человеческие, теперь я видела их при полном освещении и поняла, что это пародия на человека, что они гораздо хуже чудовищ Эскора. Лопнула моя последняя надежда, что я найду здесь своих, тоже захваченных Вратами.

Они были малорослые, с отталкивающей мертвенно-бледной серой кожей. У полулюдей в башнях головы оканчивались металлом, а у этих слегка покрывались желтовато-белыми волосами, которые росли прядями, а между ними проходили красные пятна, похожие на шрамы. Их одежда так туго прилегалась к телам, что выглядела почти второй кожей. Она тоже была серой, но темнее тела. Тонкие скелетообразные руки с костлявыми, торчащими из рукавов пальцами казались оправой для ногтей.

Я заставила себя снова шагнуть вперед и еще раз посмотреть на них. Лица у них были до удивления одинаковы, как копии с одной модели, а различались только морщинистыми рубцами или грубыми оспинами.

Двигались они неуклюже, если двигались вообще. Большая часть их лежала на узких койках в своих индивидуальных каморках, другие сидели, глядя на низкие стены, и словно бы ждали приказа, которого их тупой разум не мог понять, но который следовало выполнить. Двое ели, доставая пальцами из мисок что-то зеленоватое.

По общим очертаниям это были люди, но стоявшие ниже животных моего мира.

Свет на экране изобразил символ. Раздался звук. Лежавшие на койках поднялись и встали возле своих дверей. Едоки уронили миски и тоже подошли к дверям.

Но лишь немногие вышли из своих комнатушек, выстроились в проходе и прошли под тем балконом, где стояла я. Остальные остались на месте, не выражая никакого нетерпения или недовольства, что их оторвали от еды и от отдыха.

Символ на экране снова растаял в бегущем свете, и я задумалась над своим непосредственным будущим. Совершенно ясно, что мне не пробиться через дверь, теперь плотно закрытую.

Ни в одной из камер внизу не было признаков Айлии. Оставалась сскупия за свстящимся экраном. Я не знала, что там и за выходом под моим балконом, куда ушли Серые. Увидит ли кто из оставшихся, если я спущусь вниз? Я не решалась сделать это и боялась коснуться мозга Айлии.

Но мне не дали времени на размышления. Если меня привело сюда что-то вроде прикосновения к мозгу, то сейчас были приняты другие меры воздействия со стороны правителя этой подземной территории. Без всяких предупреждений я была схвачена чем-то, что никак не поддавалось моим попыткам освободиться. Я могла только моргать глазами, а все тело обратилось в камень, как в детских сказках.

Плененная этой неизвестной мне силой, я смотрела, как четверо ожидающих повернулись и пошли опять-таки под балкон, но не исчезли там, а поднялись ко мне на платформе. Один прицелился в меня из какого-то орудия наподобие арбалета. Оковы, держащие мои руки и ноги исчезли, и я получила способность двигаться. Они направили меня на платформу и спустили вниз, напротив экрана.

Зрелище этого экрана отсюда, а не сверху, внушало страх. Он был полностью чужд мне, однако, вокруг было что-то знакомое — сила влияния, управляемая Мудрой женщиной, но она направлялась не на меня и не была частью потока, приведшего меня сюда.

В сопровождении стражей я прошла через арку экрана. Тут не было камер, а только помост с четырьмя ступенями.

Вокруг помоста стояли небольшие экраны. Из них только два светились. Перед каждым экраном была установлена наклонная панель с кнопками и маленькими рычажками. Я с растущей тревогой вспоминала рассказы о приборах колдов.

Перед каждой панелью было сиденье.

Люди в сером сидели перед освещенными экранами, положив руки на панели, как бы готовясь в любой момент нажать кнопки, если понадобится.

На самом помосте стояло нечто, сразу же привлекавшее мое внимание: высокий столбообразный ящик из прозрачного кристалла, а в самой его середине стоял человек из Эскора. Я его сразу узнала! Он не только был Древней расы, он был тем магом, которого я видела во сне.

Он был похоронен, но не мертв! Из вершины кристалла тянулись вверх серебряные нити, все время трепетавшие и кружившиеся. В глазах человека был жестокий блеск, страшное по интенсивности требование, сила этих глаз давила на меня. В эти несколько секунд он пытался сломить меня, подчинить своей воле. Я знала, что представляю для него ключ к освобождению, и он привел меня сюда только ради этого.

Возможно, он и добился бы своего, если бы я сразу уступила его требованию, но моим ответом был почти автоматический отказ.

Никто из моего рода не подчинялся силе.

Если бы он просил, вместо того, чтобы применять силу... Но его потребность в свободе была слишком велика, он не мог просить, когда все живое вне его хрустальных стен объединилось с врагом, по его мнению.

Серебряные нити дико тряслись, когда он пытался сделать из меня рабыню, вещь.

Я слышала изумленный крик. От одной из панелей поднялся человек, наклонился вперед, вглядываясь в пленника в

кристалле, а затем посмотрел на меня. Изумление в его лице быстро перешло в возбуждение, а потом в удовлетворение.

Он в той же степени отличался от Серых, как и я, но не был из Древней расы, и он не имел никакой Власти. Это я увидела с первого взгляда. Но в лице его были жизнь и разум, а вместе с этим и отчужденность, которая показывала, что это не человек, а только его подобие.

Он был на голову выше своих слуг, тощий, но не скелетоподобный, как они. Ни лицо, ни руки его не были серыми, но на нем была такая же серая, плотно прилегающая одежда, как и у слуг, отличавшаяся лишь замысловатым гербом на груди, выполненным в желтом, красном и зеленом цветах. Его блестяще-черные волосы, густые и довольно длинные, как у салкара, были зачесаны назад за уши и касались плеч, но по его лицу я видела, что это не морской разбойник, прошедший через Врата: его черты были резкими, угловатыми, широкий, выдающийся вперед нос придавал ему сходство с птичьей маской, какие носили в сражениях фальконеры.

— Женщина!

Он коснулся кнопки на панели, подошел ко мне и, уперев руки в бедра, стал разглядывать меня сверху донизу с таким наглым высокомерием, что я разозлилась.

— Женщина! — повторил он.

Он взглянул на пленника и опять на меня, но уже не удивленно, а задумчиво.

— Не такая, как та...

Он махнул рукой к другому краю помоста. Я не могла повернуть голову, так что увидела только край плаща. Это был плащ Айлии.

Она не шевелилась, и я подумала, что ее держит та же сила, что теперь держала меня.

— Итак? — обратился он к пленнику. — Ты, значит, хотел воспользоваться ею? Однако ты не пытался сделать это с другой. Какая же разница между ними?

Человек в кристалле даже не взглянул на него, но я чувствовала глубокую ненависть, волной хлынувшую из его тюрьмы.

Ненависть эта замораживала, а не жгла. Такую ненависть я иногда чувствовала у своих братьев, но она не была все же такой неистовой.

Его захватчик обошел вокруг меня. Я не могла повернуть голову, чтобы видеть его: но хорошо знала, что он не может сразу заметить Власть, как заметил ее пленник, поскольку сам лишен этого дара.

Эта мысль дала мне искру уверенности, хотя, видя пленника, я мало на что могла надеяться.

Как он признал во мне колдунью, так и я признала в нем больше чем колдуна — мага, каких теперь не существовало в Эскоре и никогда не было в Эсткарпе, где Мудрые женщины тщательно контролировали все знания, оставшиеся как раз от таких безрассудных искателей запретного.

— Женщина, — повторил чужак в третий раз, — ты на нее рассчитывал. Похоже, она нечто большее, чем кажется, хотя она грязная и усталая. Если она окажется хоть чуточку родной тебе, мой недруг, то сегодня поистине ночь удачи, и счастье улыбнулось мне!

Он кивнул стражникам, и те окружили меня, хотя и не подошли вплотную. Видимо, существовал какой-то барьер.

— А теперь, мы поместим тебя в безопасное место, девушка, пока не настанет время заняться, решением твоей загадки.

Стражники теснили меня по ступеням, пока я не оказалась в противоположном от входа конце комнаты, позади пленника в кристалле, так что мы больше не видели друг друга. Затем стражники остановились, из пола поднялись четыре хрустальные бруса, каждый толщиной в мое запястье. Они поднялись выше моей головы и запылали. Сила, удерживающая меня, исчезла, но протянув руку я убедилась, что между брусками существует невидимая сила-стена, и я заперта внутри этих стен.

Здесь по крайней мере можно было сесть. Я села и огляделась, стараясь узнать все, что можно, об этом месте, хотя пока не представляла, зачем мне это.

Теперь я видела Айлию. Она лежала — спала или без сознания — на второй ступеньке помоста. Голова ее была повернута в другую сторону, но я видела, как поднимается и опускается ее грудь. Значит, жива.

Мне тоже очень хотелось спать. Как только я села, все напряжение и усталость долгих часов, проведенных в этом мире, навалилось на меня, как мягкое покрывало, и оставалось только расслабить мозг и тело.

Но сначала я сосредоточилась и создала некую стражу, которая предупредит меня при новых попытках того, кто стоял в столбе, давать мне команды. Сделав это, я опустила голову на колени.

В ладонях я незаметно держала жезл, взятый в Эскоре. Если жезл принадлежал человеку в кристалле, то он мог увидеть его, когда я пришла, и пожелать его отобрать.

Но как он доберется до жезла через свои прозрачные стены? Этот человек представлял для нашего захватчика явную ценность.

Вполне возможно, что и я тоже.

Эту мысль я поспешила отогнать, потому что сейчас мне надо поспать, чтобы при необходимости иметь ясный ум.

Глава 12

Я спала и видела сон. Это не был второй штурм моей воли, не грубый приказ к повиновению: рука скользнула в мою руку и повела меня в укромное, место, где можно было вести мысленную беседу, не опасаясь быть подслушанными. Это место было не в нашем мире, и я была здесь с пленником кристалла. Он казался моложе, чем каким я видела его раньше, более уязвимым, но был полностью погружен в свою нена-

висть и в необходимость сжечь свои оковы и вернуться в мир, дабы удовлетворить жажду мести.

Я уже знала; что он маг, настолько же выше Мудрых женщин Эскарпа, насколько я была выше Айлии по шкале Власти.

Теперь я узнала его имя — разумеется, не настоящее, которое древний закон запрещает называть — Хиларион. Когда-то он сотворил Врата, потому что его исследовательский ум толкал его к новым знаниям, и открыв Врата, он пошел посмотреть, что находится за ними. Он пошел, самоуверенный, гордый своей силой — слишком самоуверенный, поскольку за долгие годы своего превосходства в своей сфере он отвык от осторожности.

Таким образом он был захвачен в паутину, сотканную не его наукой — та не задержала бы его ни на одну секунду — а рожденную машиной, или каким-то другим видом Власти, которого он не понимал. Власть эта была сильна и сделала его частью себя, почти как тех полулюдей в городе башен.

Между башнями и подземельем шла давняя война. Похоже, теперешние обитатели башен не делали открытых нападений на подземелье, но Серые, по приказу своего хозяина, совершали набеги в города и приносили оттуда нужные припасы.

Эта жизнь набегов и сражений длилась несчетные годы, задолго до захвата Хилариона, а он тут очень давно. Это я хорошо знала, потому что дни магов Эскора давно прошли, может быть, тысячу лет назад.

Машины здесь были установлены тысячелетие назад в связи с великой войной и продолжали функционировать, хотя мир на поверхности был полностью уничтожен, остались только башни. Когда пришел Хиларион, машины с его пленением обрели новую жизнь от его Власти, так как он в какой-то мере управлял ими, хотя взамен сам был под контролем Зандора, всегда бывшего здешним хозяином.

Услышав это, я усомнилась, что человек может жить так долго.

— Но ведь он не настоящий человек, — сказал Хиларион. — Возможно, когда-то он и был им, но научился выращивать тела в цистерне и поселяться в них, когда старое тело изнашивалось. А машины сплели вокруг него такую защиту, что я не мог добраться до него никаким импульсом. Теперь он скоро узнает, что ты одной природы со мной и запрет тебя тоже, чтобы добавить силы его машинам.

— Нет!

— Я тоже говорил «нет», однако не смог устоять против его «да». Но вместе с тобой мы сможем. Мне нужно только освободиться из кристалла, который нейтрализует все, что я посылаю против Зандора, и тогда посмотрим кто сильнее, — человек или машина. Теперь я знаю эти машины, все их стрессы и изношенность, знаю, как их атаковать. Освободи меня, колдунья, дай мне свою силу, и мы оба добьемся свободы. Если же ты откажешь мне в помощи, ты будешь заключена, как и я, на вечные времена.

— Но я уже заключена, — осторожно заметила я.

Аргументы Хилариона были хорошо обоснованы, но я не забыла, что он сначала захотел сделать из меня не союзника, а только орудие.

Он моментально прочел мои мысли и сказал:

— Подобный плен делает человека нетерпеливым, и если этот человек видит перед собой ключ от своей тюрьмы и вроде бы легко может взять его, разве он не протянет руку, чтобы схватить этот ключ? Ты принесла сюда мою вещь. В моих руках она будет ценнее любой стали или разбрасывающей огонь трубки, какими пользуется этот народ.

— Жезл?

— Да. Это мой жезл, и я уже не надеялся увидеть его снова. Тебе он ни к чему, а мне он даст Силу.

— А как ты его возьмешь? Я не думаю, что твой столб легко сломать.

— Он выглядит крепким, но это видимое силовое поле. Поднеси к нему жезл...

— Значит, я также могу освободиться?

— Нет! Ты же знаешь природу подобных жезлов. Они повинуются только тому, кто их сделал, а в руках другого они ничто. Это не твой ключ, а мой!

Он говорил правду, но я теперь была пленницей, и его жезл был так же далек от него, как если бы он тоже был заключен в кристалл.

— Но...

Не знаю, что он хотел сказать, но внезапно он исчез из моего сна, и я осталась одна. Спала ли я дальше или нет — не знаю, но когда я открыла глаза, все было по-прежнему. Я видела сияющий столб и спину Хилариона. Но кое-что изменилось, серебряные нити, выходившие из вершины столба, ритмично покачивались, и я видела световые вспышки на тех экранах, которые были темными, когда я засыпала.

Теперь перед ними сидели Серые, а вокруг помоста, оттапливаясь перед экранами, словно он читал вспышки как руны, ходил Зандор.

Серые работали автоматически, не отвлекаясь ни на что.

Раздался глухой щелчок. Зандор повернул голову к большому экрану, отгораживавшему эту часть помещения от камер Серых.

По поверхности экрана пробежала рябь.

Искры вспыхивали, гасли и снова вспыхивали.

Зандор изучил рисунок вспышек, а затем подбежал к свободному сидению у одного из маленьких экранов. Его пальцы быстро пробежали по кнопкам, и я тут же почувствовала такой удар, словно меня хлестнули по голому телу бичом. Это уже был не сон. Это был приказ или дисциплинарное взыскание, данное Хилариону, а я также почувствовала его, только в меньшей степени.

Вот, значит, каким образом Зандор заставил своего пленника исполнять свои желания! Но об этом Хиларион мне не сказал.

Я удивилась силе духа этого человека, так долго выдержавшего в таких условиях.

Конечно, есть средства, с помощью которых мозг может отвести боль и телесные нужды. Мы рано начинали их изучать, потому что, если человек хочет пользоваться Властью, он должен знать, как создавать жестокий самоконтроль. Хиларион мог призвать эти средства для своей защиты, если только машина, полностью чуждая, не имела возможности уничтожить их. Я думаю, частично так оно и было.

Я должна, как могу, помочь Хилариону, и не только из жалости, хотя она и проснулась во мне, но и потому, что меня тоже станут подвергать тем же приказам и стрессам. Я повертела в руках жезл. Хиларион предупредил меня, что мне жезл не поможет, но у меня был слабый шанс передать жезл ему.

Я была уверена, что когда Зандор освободит меня, он конечно потребует какую-то цену за мою свободу.

Оставалась Айлия. Я бросила взгляд на нее. Может ли Зандор уловить посланную ей мысль? Я с почтением относилась к здешним машинам, в основном потому, что ничего в них не понимала. Есть ли среди них такие, что могут перехватить мысленное послание, и предупредить об этом хозяина? Посыл мысли был частью моего таланта, правда приобретенного не в полной мере, так что я вынуждена была полагаться лишь на его жалкие остатки.

Если только Айлия не заключена в такую же невидимую камеру, она доступна.

Именно то, что она без сознания, может сыграть в мою пользу. Галлюцинации и сны Мудрых женщин были главными путями, чтобы влиять на других людей. Вопрос — смогу ли я работать над Айлией, и не пересхватят ли мой мысленный посыл?

Насколько я могла видеть, Зандор полностью погрузился в происходящее на экранах.

Девушка-вупсалка все еще лежала на том же месте, только повернулась ко мне.

Положив голову на руку, она как бы спала естественным сном.

Я начала прощупывать пространство вокруг себя, кусок за куском. Это был традиционный метод контроля мысли, и я пошла по этой мысли как по темному коридору, проверяя свои знания, как проверяют ногой рытвины. Такое упражнение мне было известно с давних пор, но я никогда еще не выполняла его с такой неуверенностью.

Результаты зависят от присмных способностей того, кто находится под твоим влиянием. И в Эсткарпе не было таких отвлечений, какие окружали меня здесь.

Я не хотела коснуться частоты, на которой действовал Хиларион, потому что это тотчас станет известно Зандору.

Я закрыла глаза — не на самом деле, а как меня учили — на все, кроме тела Айлии.

Мысленный образ не требовался, она сама была передо мной. Я начала искать прямую линию к ее мозгу. За ней, похоже, никто не следил, но это могла быть и просто хитрость.

Напряжение было очень велико, и я собрала всю свою покалеченную силу!

— Айлия! — посылала я мысленный оклик.

Я много раз видела терпеливых рыболовов, забрасывающих удочку, вытаскивающих ее, снова бросающих — и все без результата. Теперь так было со мной. Я жестоко боролась с подступающим отчаянием, ощущением, что во мне больше нет силы для того, что было когда-то пустяковым упражнением.

— Айлия!

Нет, я не могла коснуться ее. То ли не хватало силы, то ли что-то уничтожало мой поиск.

Но если так, каким же образом Хилариону удалось послать мне сон? Или это было галлюцинацией, навеванной Зандором?

Не все маги ходят в Тень, но многие.

Но можно ли считать Зандора служащим Тени?

Я колебалась, я терялась и сознавала горечь своего провала.

Я отступала и снова начала думать ясно.

Моя плененная спутница была частью того, что Зандор делал с этими машинами.

Быть такой частью необходимо для мысленного контакта, поскольку ее тело находилось в плену.

Серые нажимали кнопки не размышляя.

Где-то здесь была энергия, родственная нашей Власти и могущая связать с Айлией.

Может быть я смогу осуществить частично такую связь и построить обратную связь для передачи моего убогого мысленного посыла?

Правда, это грозит опасностью. Такое прикосновение может притянуть меня, как сталь к магниту. Пожалуй, придется просить Хилариона помочь мне Силой. Интересно, нуждается ли Зандор во сне, или его синтетическое тело не знает усталости?

Наступает ли время, когда здешняя энергия понижается? Если да, то скоро ли это будет? Ведь Зандор может вспомнить о своей второй пленнице и заняться мною!

Я оглянулась и увидела, что за время, когда я сосредотачивалась на Айлии, тут произошла перемена. Дополнительные экраны потемнели, сидения перед ними пустовали.

Зандор стоял перед Хиларионом и смотрел на него с удовлетворенной улыбкой.

Он заговорил, и его низкий голос донесся до меня.

— Неплохо получилось, недруг. Пусть и не своей волей, но ты добавил кое-что к нашим достижениям. Не думаю, что люди в башнях захотят попробовать снова. Они не любят потерь.

Он медленно покачал головой.

— Мы работаем лучше, чем предполагали сначала, когда обосновались здесь. Тогда у них были машины только для

развития наших рук, глаз и мозга. Теперь у нас есть большее. Но те люди все еще правят!

Лицо его исказилось, как будто его терзала внутренняя боль.

— И так будет продолжаться, пока стоят башни! Они сработали хуже, чем предполагали, эти строители башен, когда сделали себя машинами. Мы умеем лучше!

Он ударил кулаком по ладони другой руки.

— Человек существует, человек останется!

«Человек, — подумала я. — Он говорит о себе, а Хиларион, сказал, что Зандор не человек в том смысле, в каком мы это понимаем. Может, он имеет в виду Серых, действующих по его приказу и не имеющих ни собственной воли, ни мозга? Он говорит как человек, сражающийся за правое дело, как говорили мы в Эскоре о слугах Тени, как говорили в Эсткарпе при упоминании Карстена или Алисона».

Из-за этой войны здесь волчья яма, западня, которой лишь немногие могут избежать. Пришло время, когда для бойцов все средства хороши. Так было, когда Мудрые женщины сотрясли горы и положили конец вторжению Карстена, но заплатили за это дорогой ценой — отдали свои жизни. Они поставили ноги на слишком узкую тропу и не смогли перешагнуть. Они призвали Власть для этого взрыва, но не желали договариваться с Тенью.

Здесь могло произойти иначе. Возможно, вначале Зандор был таким же, как мой отец и братья, но затем вступил на путь Дензила, обольщенный мыслью о победе, в которой он так нуждался, или запахом Власти, который становился все привлекательнее по мере того, как Зандор пользовался ею.

Вероятно, он все еще обманывал себя тем, что действует ради высокой цели, и эти действия становились все более страшными.

— Человек останется, — повторил он. — Человек будет здесь!

Он вздернул подбородок и посмотрел на Хилариона.

Серебряные проволочки теперь мягко обвисли, совершенно безжизненные, и если у Хилариона и был ответ, он не высказал его.

В первый раз мне пришла в голову новая мысль: каким образом я понимаю речь Зандора? Ведь это не язык Древней расы, и даже не тот искаженный, как в Эскоре и не язык салкаров. Как это получается?

Здесь другой мир — разве что Зандор тоже прошел через Врата?

Видимо, это какая-то магия машин. Они улавливают слова и переводят их для нас.

А что машины не могут делать? Теперь я вернулась к своему плану. Энергия машин связана с Хиларионом. Мне она нужна.

Но время! Мне нужно время! Зандор подошел ко мне. К счастью я не изменила позы.

Может я смогу обмануть его, притвориться спящей? Даже такой маленький обман может оказаться выгодным для меня.

Если бы он не сказал ничего... Так и случилось.

Я закрыла глаза и слушала приближающиеся шаги. Кажется, он остановился и смотрел на меня. Я напряженно ждала слова, которое положит конец той малой свободе, которая еще оставалась у меня.

Но он не сказал ничего, и через некоторое время я услышала удалявшиеся шаги.

Я сосчитала до пятидесяти, потом еще до пятидесяти — для гарантии — и открыла глаза.

Он ушел. Только один Серый стоял перед освещенным экраном. Все остальные экраны были темными и, насколько я могла видеть, в комнате не было больше никого.

Нет, к Хилариону нельзя обращаться.

Прикосновение к его мозгу может быть обнаружено, и я не вполне представляла, как вести мысленный поиск, кроме того, как тот, что связывал меня с братьями.

Были частоты коммуникаций, отчетливо представляемые, как светлые ленты лежащие горизонтально от края до края. Коснуться их — это вроде поиска. Мой брат Киллан всегда умел найти такие частоты у животных и пользовался ими, но я никогда не искала никаких других, кроме хорошо известных.

Теперь я должна установить верхнюю и нижние частоты, чтобы выиграть время, которого у меня, наверное, мало. Для точного отсчета я выбрала старую, хорошо известную мне точку моих братьев.

Может быть я вскрикнула, не знаю, но, во всяком случае, Серый не повернул головы: я на миг коснулась такого отчетливого и громкого зова, что вздрогнула и сбила прикосновение, как в тот раз, когда Хиларион коснулся моего мозга.

Кто это? Киллан? Кемок? Однажды Кемок пошел со мной в ужасы неизвестного мира, куда более чуждого нам, чем этот. Неужели он потянулся за мной снова?

— Кемок! — окликнула я.

— Кто ты?

Вопрос был таким резким, что громко отозвался в моем мозгу.

— Каттея, — ответила я сразу, не думая. — Кемок, это ты?

С одной стороны я желала ответа «да», а с другой — боялась этого. Добавить к своему грузу еще тревогу за брата — это больше, чем я смогу вынести.

Ответ пришел не словами, а изображением.

Я увидела, как в окне, комнату с каменными стенами, мрачную и темную. На пьедестале возвышалась каменная чаша, в которой горела горсточка углей, чуть освещая часть комнаты вокруг чаши. В освещенном участке стояла женщина в одежде для верховой езды Древней расы — темные брюки и куртка темного тускло-зеленого цвета, волосы были туго заплетены в косы. Я не сразу увидела ее лицо: оно было повернуто к огню. Затем женщина повернулась ко мне.

Глаза ее широко раскрылись, но ее изумление не могло быть больше моего.

— Джелит!

Моя мать! Но каким образом здесь?!

С нашей последней встречи прошло много лет, когда она уехала искать моего отца и пропала, но время не коснулось ее. Она была такая же, как и тогда, хотя я стала уже взрослой женщиной. Я видела, что ее не смущает перемена во мне, и что она узнала меня.

— Каттея!

Она шагнула ко мне протягивая руки, словно мы могли коснуться друг друга пальцами через это пространство. Затем ее лицо стало серьезным, и она быстро спросила:

— Где ты?

— Не знаю. Я прошла через Врата...

Она сделала жест поднятой рукой, словно отмахиваясь от несуществующих деталей.

— Понятно. Опиши мне, где ты.

Я это сделала, рассказав все как можно короче. Когда я кончила, она вздохнула как бы с облегчением.

— Это очень хорошо. По крайней мере, мы в одном мире. Теперь скажи: ты искала, думала о нас?

— Нет. Я не знала, что ты здесь.

Я быстро рассказала, что должна сделать.

— Маг, создавший Врата, в плену!

Она задумалась.

— Похоже, дочка, тебе повезло наткнуться на возможность спасти нас всех. Твой план воспользоваться девушкой вполне разумен, но тебе нужна помощь со стороны, это тоже ясно. Посмотрим, что можно сделать.

Она мысленно позвала:

— Саймон, иди скорее!

Она снова обратила все внимание на меня.

— Покажи мне эту девушку через свои глаза, и комнату тоже...

Я сделала для нее то, что она хотела: я отказалась от своей воли, чтобы мозг моей матери крепко связался с моим, и она видела бы то, что вижу я. Помогая ей, я медленно поворачивала голову.

— Это колдеры? — спросила я.

— Нет, не похожи. Я думаю, что этот мир когда-то был близко к миру колдеров, и кое-что от их Власти перешло сюда. Но сейчас это невозможно. Я знаю вход в нору, где ты находишься. Мы придем по возможности быстро. До тех пор не связывайся со мной без большой необходимости. Но если этот Зандор займется работой над тобой, как и над Хиларионом, немедленно вызывай меня.

— А как насчет Айлии?

— Ты совершенно права: она может стать для нас ключом свободы, но пока мы не можем ею заниматься. У нас нет времени. Самое главное — маг. Он знает Врата, они его творение и будут подчиняться ему. Нам необходимы эти Врата, если мы хотим вернуться в Эсткарп.

Она неожиданно улыбнулась.

— Время, видно, бежало для тебя быстрее, дочка, чем для нас. Вижу, что я родила как раз такую, о какой мечтала: дочь моего разума, как и моего тела. Будь осторожна, Каттея, и внимательна, не упускай ни одного шанса, который может послужить спасением для всех нас. Сейчас я отключаюсь, но если понадобится, зови немедленно!

Окно в каменном помещении исчезло, а я стала размышлять, как мои родители оказались здесь. Она говорила с отцом, как будто он был на некотором расстоянии от нее, а не в другом мире. Может, он прошел через другие Врата в этот мир, и она пошла за ним? Если так, значит, те Врата тоже захлопнулись за ними.

Это вернуло меня к Хилариону. Мать сказала, что сотворенные им Врата должны подчиниться, ему. Значит, мы должны освободить его, чтобы тоже вернуться в свой мир. Но время... Друг оно нам или враг?

Я порылась в плаще и достала сверток с едой, похищенной у Серых. Это был какой-то темно-коричневый брусок, ломавшийся в пальцах. Я понюхала его: запах странный, но не противный. Во всяком случае это была моя единственная пища, а я была голодна, так что стала жевать эту сухую и рассыпчатую пищу. Я запила ее водой из контейнера и кое-как проглотила.

Теперь оставалось только ждать, а ждать — самое трудное.

Глава 13

Но я могла думать и рассуждать. Мать говорила, что в этом мире время течет медленнее, чем у нас. Правда, если судить по мысленному изображению, она казалась не старше, чем была, когда отправилась на поиски отца, а мы тогда были детьми еще не вступившими на свой жизненный путь, а теперь я чувствовала себя безмерно старше своих лет.

Конечно, они хотят вернуться домой, поэтому мать так обрадовалась Хилариону, но если они рискнут прийти в эту шахту, не попадут ли они в ту же сеть? Я хотела было дать ей предупреждение по мозговой связи, но вовремя вспомнила, что она, по ее словам, знает это место. В таком случае, она знает и об его опасностях.

Столб передо мной сверкал, но серебряные нити опустились, скрыв тюрьму мага.

Видимо, он спал.

Внезапно я заметила слабое движение там, где лежала Айлия.

По-видимому, на ней не было невидимых пут. Она очнулась от бессознательного состояния, в котором была так долго, медленно села и повернула голову. Глаза ее были открыты. Приглядевшись, я подумала, что она не вполне сознает окружающее, а все еще какая-то ошеломленная, как во время нашего путешествия по городу башен.

Она не встала на ноги, а поползла вдоль ступеней, на которых лежала раньше.

Я посмотрела на серого человека. Он спокойно сидел за своей панелью, как бы не видя ничего, кроме игры света на экране.

Айлия добралась до угла, обогнула его и медленно потащилась к дальней стороне.

Секунда-две — и она скроется из моих глаз, а может быть, и от возможности добраться до нее, когда она будет мне нужна. Я послала ей мысленный приказ остановиться, но ответа не было. Теперь она находилась на дальнем конце помоста, и я ее уже не видела.

Потом я заметила, что один из серебряных усиков на столбе зашевелился, коснулся другого, тот третьего, и следующие впереди скрылись от моего наблюдения. Я не могла вспомнить, двигались ли усики до пробуждения Айлии, или они зашевелились только при ее пробуждении. Может быть, Хиларион был в курсе моих попыток контакта с мозгом де-вушки-варварки и решил помочь?

Продвижение Айлии по той стороне могло привлечь внимание серого человека.

Он, конечно, увидит ее, если она проползет мимо, прямо под ним. Я напряженно следила, когда она появится в поле моего зрения, но она не появлялась. Арку большого экрана я видела. Если Айлия попытается пройти через нее, я увижу. И тогда я должна позвать Джелит, несмотря на опасность потерять единственную возможность помощи.

Но Айлия не поползла к двери. На экране затрещали вспышки, затем послышался звук, по которому раньше двинулись Серые.

Я увидела, что усики на стеклянном столбе зашевелились и стали медленно подниматься.

Через арку вошел отряд Серых, а позади меня появился Зандор. Это было так неожиданно, что я не успела притвориться спящей. Мне стало страшно, когда отряд Серых по-

дошел прямо ко мне и окружил светившиеся бруссы моей тюрьмы.

Зандор медленно подошел и остановился напротив меня, внимательно разглядывая.

Я инстинктивно встала, когда стражники подошли ближе, так что теперь твердо встретила его взгляд. Это не было дуэлью воли, какая могла быть с кем-нибудь из моей породы и какая была с магом, потому что мы не призывали Власть. Но Зандор явно не считал меня легкой добычей, готовой служить ему, его целям. Я ждала и не посылала зова матери. Я сделаю это, когда не будет другого выхода.

Зандор, видимо, пришел к какому-то решению. Он щелкнул пальцами, и один из Серых пересек помост и вернулся, толкая перед собой что-то вроде сундука, поставленного на торец. В нижней его части была узкая панель из непрозрачного материала, напоминавшая экран. Сундук поставили напротив меня. За него встал Зандор и провел пальцами по его поверхности сначала нерешительно, потом нетерпеливо, словно надеялся на легкий ответ, но не получал его.

Он ничего не говорил, а Серые не выражали никакого интереса к действиям своего хозяина, они просто стояли вокруг как изгородь.

Три раза Зандор коснулся панели. На четвертый раз непрозрачная панель ожила.

На ней не было мерцающего узора, как на экранах, только слабая голубая вспышка. Такого же цвета были голубые скалы, означавшие безопасность в Эскоре. Увидеть этот свет было почти успокоением. У меня было странное ощущение, что если бы я положила руку на экран, я была бы куда более освеженной, чем от пищи, которую только что съела.

Зандор отдернул пальцы с резким восклицанием. Он как бы обжегся там, где не рассчитывал на огонь, и поторопился нажать в другом месте. Голубой свет потемнел.

По-видимому, Зандор фокусировал на мне какой-то тест Власти, потому что он твердо держал руку до тех пор, пока

цвет не собрался в середине верхней части панели и остался там, не темнея больше, но и не светлея.

Зандор удовлетворенно кивнул и убрал пальцы. Свет немедленно исчез.

— Такая же, но не такая, — сказал он, то ли обращаясь ко мне, то ли просто думая вслух.

В любом случае я не сочла нужным отвечать. Он махнул рукой, и один из Серых увез ящик.

— Что же это такое?

Что такое? Похоже, он ставит меня наравне со своими машинами. Я, по его мнению, вещь, а не личность. Я почувствовала такую же ярость, какая переполняла Хилариона. Неужели Зандор признает только силу машин и поэтому рассматривает нас, имеющих Силу в себе, как род машин?

— Я — Каттея из рода Трегарта, — ответила я.

Я считала, что эти слова лучше всего подчеркивают, что я, может быть, даже более человек, чем он.

Он засмеялся так презрительно, что я еще больше обозлилась, но во мне проснулось предупреждение: не позволяй ему играть на твоих эмоциях, потому что в этом кроется опасность. Я вернулась к дисциплине Мудрых женщин и приказала себе смотреть на Зандора объективно, как смотрели бы они. Мне помогло, возможно, и их древнее убеждение, что мужчина — существо низшее. Сама я в это не верила, потому что знала отца и братьев, всех тех, кто имел часть моих талантов, но когда такая идея внушается постоянно, немудрено принять ее за эталон.

Это был мужчина — по крайней мере, когда-то был им. Врожденной Власти у него не было, он зависел от безжизненных машин, служивших ему, как наши дух и разум служат нам. Следовательно, при всей его хитрости он, в сущности, не мог быть на равных с колдуньей Эскарпа.

Однако Хиларион, могучий маг, попал в сети Зандора. Да, но Хиларион пришел сюда неподготовленным и был за-

хвачен раньше, чем по-настоящему понял опасность, я же была настороже.

— Каттея из дома Трегарта, — повторил он с насмешкой. — Я ничего не знаю об этом Трегарте — страна это или клан. Но, похоже, что у тебя есть то, что может мне пригодиться, когда мы закрепим тебя, как и его.

Зандор указал на Хилариона.

— Для тебя будет лучше, Каттея из дома Трегарта, слушаться нас, потому что в противном случае тебя ждет наказание, какого ты не захочешь получить вторично, хотя ты наверняка упряма, если ты сродни тому, в столбе.

Я не ответила: лучше не вступать в спор.

В таких случаях речь вянет, и наступает молчание. Я была уверена, что Зандор не может читать мои мысли без машины, к которым я питала глубокое недоверие, так что я могла составлять план, не опасаясь, что его раскроют.

Серые, по-видимому, не нуждались в словесных приказах. Возможно, Зандор контролировал их, как я хотела сделать это с Айлией. Они разделились на две группы и ушли в темную часть комнаты куда-то за моей спиной. Я не поворачивалась и на них не смотрела, не желая выпускать из виду их хозяина.

Он сел перед маленьким экраном и развернул сиденье, чтобы сидеть лицом ко мне.

В воздухе вокруг чувствовалась какая-то странная легкость, говорившая мне об опасности.

Если он предполагает взять под контроль и меня, то я, похоже, имею более сильного врага, чем предполагала.

А что Айлия? Я не видела ее за дальним углом помоста, но она не проходила под аркой. Значит, она теперь перед Хиларионом, а Зандор и единственный человек-слуга, все еще сидевший на своем месте, были одни — в данный момент.

Я не стала закрывать глаза для точной сосредоточенности, но послала зов, так как видела, что лучшей минуты для атаки у меня не будет.

— Желит! Саймон!

Мгновенно пришел ответ, полный, сильный как будто плечи мои обняли защищающие руки и подняли щит между мной и острием меча.

В одной старой легенде говорится, что если человек с Властью хочет навеки разделить двоих, причиняющих друг другу боль и слезы, он встряхивает между ними плащ. Я почти поверила, что плащ передо мной. Я как будто видела, ощущала его.

Но чувство защиты, окружившей меня, не затуманило моих намерений.

— Что ты хочешь? — быстро спросила мать.

— Отразить Зандора — это первое!

— Вбирай!

И я взяла. В меня вдруг хлынула такая сила, какой я не знала с тех дней, когда общалась с Дензилом. Все то, что я вернула себе через Утту и собственными стараниями, было как бледный свет свечи перед полуденным солнцем. И эту силу я направила в команду:

— Айлия!

На этот раз осечки не было, моя команда и моя новая сила вошли в варварский мозг девушки. Я подчинила ее себе, не смея даже вспомнить о том, что она — живой человек, потому что она сейчас была моим единственным оружием для нашего общего спасения.

Несколько секунд странной дезориентации, когда я смотрела одновременно на помост, на Зандора и на то место за столбом, где должна была появиться Айлия, а затем я сосредоточилась на последнем.

Мне никогда еще не приходилось так управлять человеком, если не считать тщательно контролируемых опытов в Месте Тишины, когда я училась. Это была такая страшная вещь, ощущение — будто находишься в таком месте, где человек не имеет права быть.

Но я боролась с этим болезненным состоянием и не выпускала Айлию из-под контроля.

Сначала ее тело отвечало мне неуклюже и неловко, будто я была бродячим кукольником, пришедшим на рыночную площадь в праздник урожая, но плохо знающим свое ремесло, и дергаю, как попало, за ниточки привязанные к рукам и ногам куклы, и она идет не туда, куда надо.

Но я не должна быть неловкой, если уж держу ее. Так что я не пыталась укрепиться на ногах, а повернулась и поползла, как недавно ползла сама Айлия, только в обратном направлении. Если я смогу добраться до той ступеньки, где она была, то, наверное, успею сделать что надо.

Я больше не думала о Джелит, и Саймоне, а только о могучем потоке силы, который они мне дали. Я спешила упрочить свой контроль над телом Айлии, хотя не пыталась пока делать что-нибудь еще, кроме как отвести ее подальше от Зандора.

Я прошла дальнюю сторону помоста и угол, из которого видела Зандора в кресле, все еще глядевшего на четыре бруса, которые были передо мной.

Человеку нередко удается увидеть себя иначе, как только в зеркале. Теперь у меня было ощущение головокружения, вращения в каком-то пространстве, которое не здесь и не там, так что я быстро отвела глаза и стала смотреть только на Зандора.

Перед каждым моим продвижением шел страх. Я не понимала, почему хозяин этой тюрьмы до сих пор не оглянулся на меня.

Мне казалось, что громадная энергия, которая вела меня, должна была коснуться и его, ведь словно невидимая нить тянулась через открытое пространство и связывала, меня в клетке со мной, ползущей в теле Айлии.

Наконец я достигла того места, где с самого начала находилась Айлия. Здесь я остановилась перевести дух. Если Зандор, повернувшись, сейчас увидит меня, я пока в безопасности. Но когда я перемещусь в точку позади него, мне так казалось — что это долгое путешествие, я могу быть замеченной и немедленно заподозренной.

Он встал, и я невольно съежилась. Но он не повернул голову, а глядел в глубину комнаты за мою клетку. Там что-то шевелилось — видимо, возвращались Серые.

Он подошел и встал перед клеткой.

Знает ли он, что я не в своем настоящем теле? Нет, что может видеть маг, Зандор, конечно же, не видит.

Теперь я должна сделать последнее движение по ступеньке, встать и бежать к точке непосредственно за Зандором и молиться, чтобы он не повернулся. Теперь все зависело от правильного расчета времени.

Я сделала последнее внушение спящему мозгу Айлии — то, что она должна сделать, когда настанет время. Я ввела этот приказ так глубоко и крепко, как только позволила мне вся моя возобновленная сила.

Затем я вернулась в свое тело. Жезл был под руками, наготове. Серые уже подошли к тому месту, откуда я могла видеть их, не поворачивая головы. Они несли множество предметов. Зандор стал сортировать их, откладывая одни в сторону, а другие придвигая к моей клетке.

Инстинкт сказал мне, что у меня всего несколько секунд в запасе, и я должна быть наготове. Я ждала и видела Айлию, стоящую на помосте. Ее широко раскрытые глаза смотрели на меня, и прикосновение к ее мозгу завершило, что она полна готовности повиноваться последней моей команде, которую я в нее вложила.

Зандор снова встал передо мной.

— Ну, моя Каттея из дома Трегарта, — с издевкой сказал он, — я вполне могу назвать тебя своей, потому что с этого часа ты будешь покорна моей воле. Но пусть эта судьба не огорчает тебя. Разве ты не хочешь жить вечно, чего раньше тебе не было дано? Ты станешь лучше думать обо мне, когда научишься воспринимать мою мудрость, Каттея из дома Трегарта.

Видимо, он отдал бессловесный приказ своим слугам, потому что они начали откатывать ящики и мешки и устанавливать на углу помоста сияющий круг, как основание.

Зандор с видимым удовольствием объяснял, что именно они делают. Во-первых, он желал показать мне, что я не уйду от уготованной участи, а во-вторых, просто рад был иметь слушателя. Видимо, он давно жил в одиночестве, не имея никого под пару своему мозгу, потому что Серые явно не были его товарищами — просто добавочные руки к его услугам.

Они готовили второй столб, чтобы запереть меня, как Хилариона. Помещенная там, я буду создавать новую Власть и добавлять ее к Власти машин для защиты и возобновления знаний Зандора. Похоже, он был уверен, что как только он объяснит мне всю справедливость и необходимость своих действий, я покорно войду в клетку, гораздо более прочную и постоянную, чем та, в которой я была сейчас, потому что пойму и соглашусь с этой необходимостью.

Древняя война между башнями и этим местом велась так давно, что стала образом жизни, так что Зандор не мог и думать о каких-либо изменениях.

Все, что могло упрочить его положение, должно быть взято и подключено к делу его защиты. И я буду вторым мечом в его руках.

Его слуги работали четко, не тратя лишних движений и, видимо, не нуждаясь в указаниях. Они врезали круг в помост и поставили вокруг несколько маленьких машин.

Когда они сделали это и отступили, я приготовилась. Сейчас они должны убрать мою клетку и выпустить меня, чтобы затем втолкнуть в другую. У меня были считанные секунды, и я напряглась, сжав жезл в правой руке и одновременно стараясь создать видимость покорности и легкой контролируемости.

Видимо, Зандор решил, что лучший противовес всякой попытке бегства с моей стороны — неожиданность. Сверкающие брусья пропали сразу, без предупреждения, но я была начеку.

Я не отскочила назад, как он, вероятно, рассчитывал, я только бросила жезл и с радостью увидела, что Айлия его

поймала, без колебаний повернулась, прыгнула на верхнюю ступеньку помоста и ударила острием жезла в столб, как ударила бы мечом человека-врага.

Видимо, Зандор не сразу понял, что я сделала, а может быть, был так уверен в себе и своей охране, что такое кооперирование между мной и совершенно бесполезной, по его мнению, девушкой, оказалось для него шоком, от которого он не успел оправиться. Я думаю, что абсолютная власть в течение столетий дала ему такую уверенность в способность править миром, что он просто не мог ни предвидеть, ни понять случившегося.

Острие жезла пронзило столб-тюрьму, и в ту же секунду все оборудование комнаты разлетелось, как снесенное штормом, и взорвалось над нашими непокрытыми головами.

Мощные световые лучи слепили глаза, шум, похожий на тысячекратно усиленный гром, пригибал к земле. Едкий дым стгустился в вонючий туман.

Я бежала к арке большого экрана. Я слышала крик Зандора, видела, как Серые слепо тыкались туда и сюда, когда энергетические лучи хлестали их. Некоторые вещи я видела только мельком и позднее удивлялась, вспоминая подробности.

Огненные черви или змеи ползли по полу, падали из воздуха, корчась, как живые. Я перепрыгнула через такого червя и добежала до переднего края помоста.

— Айлия! — мысленно окликнула я.

Она, спотыкаясь, подбежала ко мне.

Звать мага не было необходимости, он уже бежал к арке, свободный впервые за столетия. В его руке был жезл, и он пользовался им как копьем, направляя его в огненных змей и отгоняя их назад. Напали они на Зандора и его людей, или нет — я не видела, потому что желтый туман застилал глаза, но во всяком случае, змеи эти выстроились за нами чудовищной стражей.

Хиларион посмотрел на меня, и я прочла в его глазах торжество. Свободной рукой он показал нам на отверстие в большом экране. В этом жесте был призыв к осторожности. Я поняла, что мы еще отнюдь не избавились от Зандора.

По другую сторону экрана нас встретили ряды Серых. Они держали трубки, какими пользовались те, кто резал транспортные машины. С помощью моей все еще тройной силы я построила галлюцинацию: она была сделана поспешно и несовершенно, но сейчас годилось и это. Айлия рядом со мной получила внешность Зандора.

Серые, увидев его с нами, опустили трубки и расступились, пропуская нас.

Мы подошли к площадке под балконом и по жесту Хилариона встали на нее. Она тут же поднялась и вознесла нас на верхний уровень, и как раз вовремя: Серые опомнились и выстрелили лучом туда, где мы были секунду назад. Огненные полосы заматались под поднимавшейся площадкой.

Я видела, как из-за экрана валит дым, и слышала грохот шторма, который разразился в результате освобождения Хилариона.

— Здорово получилось, волшебница, — впервые заговорил Хиларион. — Но мы еще не свободны. Не думай, что Зандором можно управлять также легко, как этой девушкой, которой ты так ловко воспользовалась.

— Я никогда не недооцениваю ни одного врага, — ответила я, — но помощь идет.

— Вот как? Значит, ты не одна пришла через Врата, не только с ней?

— Я не одна, — ответила я.

Больше я ничего не добавила. Хиларион был теперь ключом, как раньше была Айлия, а я не доверяла ему. Я попрошу его о чем-нибудь не раньше, чем со мной рядом встанут отец и мать, потому что в глубине моего мозга жил старый вопрос: многие ли маги повернули к Тени? Может, Хиларион был слегка запятнан, а мог быть и полностью с Тенью. Как знать?

Я доверяла Дензилу, а потом оказалось, что он — враг, значит, были на той стороне войны такие, которые выглядели светом, в то время как на самом деле они выбрали путь великой Тьмы.

Общая опасность может временно объединить недругов. Так могло быть и здесь.

Но что если Хиларион проведет нас в построенные им Врата, войдет с нами в Эскор и там покажет, что он из тех, кого мы боялись? Нет, мы должны держаться настороже, пока не узнаем... А как мы узнаем?

Глава 14

Мы стояли теперь перед почти монолитной стеной, и я вспомнила, как она разошлась, а потом сомкнулась за мной. Как мы выйдем, если дверь управляется машинами Зандора, а у нас нет даже огнеметного орудия, каким пользовались его слуги? А ведь слуги не замедлят появиться здесь и заберут нас в плен.

Но у Хилариона не было сомнений. Он подошел к стене. Я заметила, что движется он неуклюже, как будто долгое пребывание в столбе сковало его тело. Но даже если мышцы медленно повиновались ему, он был полностью уверен в своей Власти. Он сделал выпад жезлом, как воин мечом, и ткнул острием в ту часть стены, где была едва заметная линия раздела.

Я почувствовала прилив воли, исходивший от него в этот момент. Из острия жезла выскочила голубая искра, задержалась на этой линии, растянулась по ней. Пол под нашими ногами вздрогнул, двери очень неохотно раздвинулись, давая нам для прохода лишь узкую щель. Я толкнула туда Айлию и прошла за ней, оставив Хилариона в арьергарде.

Мы оказались в темном проходе, по которому я с такой осторожностью пробиралась вчера... или когда? В узкой по-

лосе света из двери я увидела, что Хиларион снова направил на портал свой жезл. Снова голубая искра и дверь так же нерешительно стала закрываться. Когда осталась щель не шире пальца, голубая вспышка пошла по полу поперек двери, затем поднялась и прошла тем же маневром поверху.

— Не думаю, что они скоро справятся с этим, — с удовлетворением сказал Хиларион.

Он говорил медленно, с паузами. Такие интервалы между словами и невнятность речи бывают у людей, телом и духом дошедших до крайности.

— Каттея! — позвал он из темноты.

— Я здесь, — ответила я быстро.

Мне показалось, что он окликнул меня то ли для уверенности, то ли для помощи и это страшно изумило меня. Разве что сражение за свободу и в самом деле истощило его силы.

— Мы должны выбраться на поверхность.

Запинки в его речи усилились и я слышала его тяжелое дыхание.

Я протянула руку и коснулась крепкой горячей плоти. Он схватил мои пальцы — не сильно, только чтобы удержать — и я сразу почувствовала, что моя сила переходит к нему.

— Нет!

Я попыталась вырвать руку, но тщетно.

— Да!

В его голосе теперь было больше энергии.

— Маленькая волшебница, мы еще не вышли из этой шахты, и наша первая схватка может оказаться последней. Я должен иметь то, что ты можешь дать мне, поскольку ты не можешь вести меня, даже если и захочешь. Ты не знаешь здешних ловушек, как знаю их я, ведь я сам невольно участвовал в их создании. Я слишком много лет провел в столбе, чтобы теперь держаться на ногах и быть крепким, как меченосец. Ты дашь мне то, что мне необходимо, если хочешь выбраться от Зандора.

— Но машины... — они в огне, — добавила я к своему упорному сопротивлению.

— Такое с ними бывало и раньше. Есть быстрые методы ремонта, и Зандор уже принялся за дело. Не забывай, что здесь была война; такая война, какая тебе и не снилась, леди волшебница. Такой войны люди нашей крови никогда не видели. В этом месте множество защитных приспособлений, и большинство из них теперь обернутся против нас, как только Зандор сумеет пустить их в ход. Так что дай мне свою Силу и поторопимся.

Я вспомнила о своем долгом спуске и подумала, сможем ли мы подняться. Айлия шла довольно охотно, но ее, как и раньше, надо было вести. Я не пыталась снова контролировать ее мозг.

— Дай ему то, в чем он нуждается, — пришла мысль моей матери. — Напитай его, а мы будем питать тебя. Он прав, теперь против нас всех выступает тяжело вооруженное войско!

Я оставила свою руку в его руке и чувствовала, как выходит из меня энергия, а он впитывает ее, как губка воду. В то же время в меня входило то, что передавали мне Джелит и Саймон, так что я не истощалась. Я снова подумала, что без них Хиларион просто ограбил бы меня, и тогда что стало бы с Айлией и со мной?

Мое недоверие к нему усилилось.

Мы дошли до подножия лестницы, но маг к ней не повернул, а указал жезлом на какую-то часть стены. Этот сегмент начал медленно опускаться, и я узнала платформу. Только двигалась она очень медленно, и Хиларион беспокоился, хотя ничего и не говорил. Он повертел головой, как бы прислушиваясь, но шагов за нами не было слышно. Я горела желанием отступить, даже вернуться к лестнице, лишь бы не зависеть от превосходившего знания Хилариона, но поняла, что он выбирает самый лучший и легчайший путь, и осталась на месте.

Платформа в конце концов опустилась, мы втроем забрались на нее, и она начала медленно подниматься, хотя значительно быстрее, чем опускалась. Как только мы поднимемся, мы сможем укрыться в развалинах построек, если достаточно быстро пересечем кратер.

Но до поверхности мы не добрались.

Платформа остановилась, значительно не дойдя до края. Сначала я подумала, что это временная остановка, но затем увидела, что Хиларион указывает жезлом в центр платформы. На этот раз голубая искра погасла, не коснувшись пола, он попробовал снова, уже с заметным усилием, и наконец повернулся ко мне.

— У нас есть две возможности, — сказал он с бесстрастным выражением на лице. — Я выбрал одну — думаю, что и ты выберешь ее же.

— А именно?

— Прыгнуть.

Он указал вниз.

— Это лучше, чем быть взятыми живыми. Я говорил тебе, что здесь сильные защитные устройства. Мы теперь пойманы, к радости Зандора, так же надежно, как если бы он поставил вокруг нас свои силовые поля. Прыгай, пока он и в самом деле этого не сделал!

Сказав это, Хиларион двинулся, чтобы привести свои слова в исполнение. Я ухватила за него, а он был так истощен, что покачнулся и чуть не упал.

— Нет! — воскликнула я.

— Я не желаю снова стать его вещью!

Но мой зов уже ушел и я получила ответ.

— Идет поддержка, которую я обещала, — сказала я Хилариону.

Я оттащила его к центру платформы.

— Здесь те, кто несет нам помощь. — В эту минуту я не знала, какого рода помощь идет с моими родителями. Я только верила, что они ее окажут.

— Это безумие!

Его голова склонилась на грудь, и он прислонился ко мне, как будто последние силы ушли из него. Я опустилась на пол от тяжести его ослабевшего тела.

Айлия упала рядом со мной, и я сидела, поддерживая Хилариона, и смотрела на край колодца, мучительно ожидая появления своих родителей.

Я не знала, какие еще защитные устройства есть у Зандора, и боялась, не слишком ли их много. Вполне могло быть, что Хиларион предлагал правильное решение — пусть очень опасное, но лучшее.

Время, как всегда бывает в минуты стресса, ползло бесконечно медленно, пока я ждала. Я также прислушивалась к звукам внизу и время от времени бросала быстрый взгляд на стену, не опускаемся ли мы по приказу Зандора. Если да — мы пропали.

Затем я заметила движение наверху и в страхе ожидала, что кто-то спрыгнет сюда, увидев нас. Свет стал менее тусклым. Может, мы пришли сюда на заре, и теперь наступает день?

Наконец я увидела, что сверху что-то опускается и стучается о стену с таким металлическим звоном, что я встревожилась, как бы не услышали там, внизу. Когда эта вещь опустилась пониже, я увидела, что это висячая лестница на цепи, какой я пользовалась на складе транспорта.

Она коснулась платформы, и пришла мысль матери.

— Быстрее, наверх!

— Айлия!

Я снова повлияла на ее мозг.

Она встала и полезла по лестнице.

— Хорошо! — одобрила мать. — Теперь помоги магу!

Я уже сделала это. Сила тех, кто был наверху, входила в меня и выходила. Хиларион освободился от моих рук и медленно встал. Я подвела его к лестнице. Как только его руки ухватились за нее, он снова ожил и стал подниматься, но не так быстро, как мне хотелось.

Когда он поднялся выше моей головы, я, в свою очередь, пустила в ход руки и ноги в надежде, что цепь выдержит троих, так как Айлия все еще была ниже края колодца.

— Держись! — пришла команда матери.

Я вцепилась крепче. Теперь лестница поднималась вместе с нами. Снизу послышался скрипящий звук. Я посмотрела вниз на темную платформу. Поднимается? Нет, она опускалась в глубину, где ее наверняка ждали люди Зандора. Помощь пришла вовремя.

Мы поднимались все выше, и я скоро поняла, что нужно смотреть не вверх, и тем более не вниз, следует только изо всех сил цепляться за эту качающуюся опору и надеяться. И вот наконец мы по одному выбрались в серый пасмурный день.

Впервые я увидела тех, чей союз дал мне жизнь. Мать была такая же, как и в мысленном изображении, а отца я не видела так давно, что почти забыла его лицо. Он стоял рядом с ней, без шлема, но на теле была кольчуга. Он тоже выглядел едва достигшим середины жизни, но черты его лица носили налет усталости и страданий.

У него были черные волосы, как у представителей Древней расы, но лицо не такое правильное, как у наших людей от узкородственных связей, а немного тяжеловесное, и глаза были необыкновенные. Они пугали, когда он широко раскрывал их и внимательно смотрел на кого-нибудь. Сейчас он так смотрел на меня.

Это была необыкновенная встреча! Хотя они и были моими родителями, в детстве я не была близка с ними. Поглощенные своими обязанностями охраны границ, они редко бывали с нами. К тому же, мать после родов долго болела, и Кемок однажды говорил, что из-за этого отец не любил нас.

Во всяком случае, когда она почти уже касалась пальцами финального занавеса, и никто не знал уйдет она или останется, он вообще не мог смотреть на нас.

Матерью нам стала Ангарт из фалькконеров, а не Джелит Трегарт. И теперь я чувствовала себя чужой и далекой им, и не спешила открыть им свои объятия и сердце. Но похоже, что им тоже не приходило на ум делать такие жесты, по крайней мере, мне так показалось тогда. Отец поднял руку в приветствии, которое тут же перешло в жест, приглашающий всех нас к одной из медленно ползущих машин.

— Давайте туда! — сказал он.

Он свернул лестницу и уложил ее на плечо. Мы пошли. В боку экипажа была открыта дверь, и мы забрались внутрь. Там было очень тесно. Отец захлопнул дверцу, прошел к своему месту впереди и сел за такую же полку с рычагами, какие были в подземелье у экранов. Рядом с ним села мать и повернула к нам голову, пока мы втроем усаживались.

— Нам надо побыстрее убраться, — сказала она. — Каттея и Хиларион, держите связь со мной. Это может понадобиться для поддержки иллюзии, которую мы оставим за собой, пока не придется повернуться и сражаться.

В полутьме этого крошечного помещения я видела, как Хиларион кивнул. Он взял жезл за один конец, а другим коснулся спинки сидения Джелит. Левую руку он протянул ко мне через плечо Айлии, и я сжала ее. Мать положила руку на локоть Саймона, так что мы четверо были в одной цепи. Наш объединенный мозг шел к одной цели, хотя для нас с Хиларионом это был просто посыл Силы, которая будет сформирована и использована Саймоном и Джелит, когда они найдут это нужным. Не знаю, что они сработали снаружи нашего ползучего ящика, но атаки пока на нас не было. Наверное, они создали имитацию нашей машины и послали ее в другом направлении.

Перед передним сидением находился экран.

На нем появилось изображение кратера, через который мы ехали. Когда я проходила здесь следом за Айлией, я была

в таком напряжении, что почти не обращала внимания на местность. Теперь на экране я видела колеи от машин, идущие от колодца и к нему.

Мы скоро отклонились от их курса и свернули на грунт, где не было следов.

«Но разве мы сами не оставляем колею, по которой нас легко выследить? — подумала одна часть моего мозга, в то время как другая посылала энергию для поддержки иллюзии.

Мой отец был известен как хитрый и находчивый воин. Его военные операции, казавшиеся почти безнадежными, обычно кончались успешно, как, например, его выступление против колдеров, принесшее полную победу над ними. Так что теперь следовало положиться на него, он знал, что делает, пусть даже со стороны его поступки казались безумством.

Айлия была погружена в тот же сон или беспмятство, в каком находилась в подземелье, и лежала без движения между мной и Хиларионом. Маг прислонился к стенке кабины. Глаза его были закрыты, на лице были признаки переутомления, как у моего отца, но руки, державшие жезл и мою руку, оставались крепкими.

Мы могли рассчитывать на его помощь, пока находились в этой проклятой стране, поскольку, если нас захватят, его ждет ужасная судьба. Но что будет, когда мы вернемся в Эскор? Не принесет ли его возвращение такую великую опасность моим братьям и Долине, против которой они не выстоят?

У меня не было хрустального шара для предвидения, не было и доски Утты для видения возможного будущего — никто ведь не может видеть будущее настолько точно, чтобы сказать, что то-то и то-то обязательно случится. Тут есть множество факторов, способных меняться, так что человек, видящий возможное будущее, может соответственно изменить его какими-либо своими действиями. Я решила, что надо

будет поговорить с матерью частным порядком и не мысленно, потому что мысленную речь Хиларион легко уловит. Я буду умолять ее и отца помочь мне удостовериться, что мы не принесем новой опасности — конечно, предполагая, что Хиларион сможет найти и открыть Врата. Я не была уверена, что найду то место, где мы прорвались в этот мир. Разве что удастся проследить мысленным поиском некую концентрацию в этом месте. Такое нарушение структуры пространства должно оставить «запах», который человек, обладающий Даром, уловит.

Ехать в этом ящике было нелегко. Как только мы выползли из кратера, начались толчки, скольжения, тошнотворная качка.

Кроме того, нас оглушала пульсация, отмечающая жизнь машины, а едкий воздух этого мира становился все хуже, скапливаясь в нашем тесном помещении. Но все эти неудобства не имели значения. Мы сосредоточились только на накоплении энергии для прикрытия нашего бегства.

Экран показал остатки древних построек, окружавших кратер. В этой части они были более заметны, чем там, где я проходила.

Мы ехали извилистым маршрутом со скоростью пешехода. Я думала, что нам лучше было бежать на своих ногах, чем трястись в этом вонючем ящике, но неожиданно мы резко остановились, и я увидела то, что, похоже, встревожило отца: движение по верху обрушившейся стены. Это был не человек, а черная трубка, нацелившаяся сейчас на нас. Отец остался сидеть, твердо упираясь ногами, но голова и плечи его исчезли в отверстии наверху. Что он там делал — не знаю, но по экрану пронесся огонь, ударивший прямо по трубке. Под струями огня трубка стала сначала тускло-красной, а потом все более светлой и яркой.

Затем наше оружие принялось поливать дорогу из стороны в сторону. Прошло несколько долгих минут, потом отец выключил его.

— Автоматическое оружие, — пояснил он. — Галлюцинация на него не действует. Я думаю, оно должно было сжигать все двигающееся, что не отвечало определенным паролям.

В своем родном мире отец встречался с таким оружием и, по-видимому, умел вести такой древний вид войны и в этом кошмарном мире.

— Здесь есть и еще? — спросила мать.

Отец невесело засмеялся.

— Если бы здесь было что-то, мы бы уже знали об этом. Но пока мы бредем по открытой местности, будет что-нибудь и еще, в этом я не сомневаюсь.

Мы поползли дальше, и теперь я пристально следила за экраном, не появится ли еще такой или какой-нибудь иной металлический часовой. Мы обнаружили еще двух таких же и уничтожили их тем же манером — вернее сказать, отец уничтожил. Наконец мы оставили позади этот забытый город и выехали в открытую местность, где покрытая пеплом земля кое-где прерывалась высохшей растительностью, то мертвой, то полной какой-то отвратительной жизни.

Наше путешествие, похоже, будет продолжаться вечно. Затянутое облаками небо начало темнеть. Я проголодалась и хотела пить, а мои запасы остались в подземелье.

Наконец мы остановились: и мать разделила на всех несколько глотков воды и дурно пахнущее сушеное мясо. Надо было жевать и глотать в надежде, что оно утолит голод и даст силу. Отец откинулся на спинку сидения, держа руки на приборной доске. Лицо его было серым от усталости, но он не сводил глаз с экрана.

— Мы ищем твои Врата, — сказала мать, обращаясь к Хилариону. — Можно их найти?

Хиларион поднес к губам контейнер с водой и медленно сделал глоток, как будто тянул время для принятия какого-то решения, а затем ответил вопросом:

— Ты — Мудрая женщина?

— Я была ею до того, как выбрала другой путь. — Она повернулась, чтобы лучше видеть Хилариона.

— Но ты не утратила того, что имела, — сказал он, уже не спрашивая, а утверждая.

— Я выиграла больше!

В голосе матери слышалась гордость и что-то вроде торжества.

— Значит, ты понимаешь природу Врат, — продолжал маг.

— Да, я знаю также, что эти Врата создал ты. Мы ведь давно ищем тебя, и у нас были уже кое-какие сведения о том, где ты. Но тебя обернули во что-то враждебное нашему поиску, так что мы не могли поговорить с тобой, пока Каттея не дошла до тебя и не открыла канал мысле-поиска между нами. Ты создал Врата, и ты можешь ими управлять.

— Могу ли? Не знаю, но попробую. Раньше я сказал бы — да, но теперь я исковеркан чуждым мне учением. Может, это так свернуло меня, что я не смогу снова призвать истинную Власть и получить ее ответ.

— Это лежит на одной чаше весов, — согласилась Джелит, — но мы не знаем, что на другой, пока не станем взвешивать. Ты был настоящим магом, иначе ты не мог бы создать Врата. Ты был пленен для других целей — это наше несчастье, но оно не должно быть нашим концом. Ты проведешь нас через свои Врата?

Он опустил глаза и посмотрел на жезл, который вертел в руках, как на что-то новое и незнакомое.

— Даже в этом я сейчас не уверен, — тихо сказал он. — Но я хорошо знаю, что не могу быть гидом, если останусь в этой машине. Влияние чужого может слишком сильно исказить то, что я буду пытаться сделать.

— Если мы оставим машину, — в первый раз заговорил Саймон, — мы пойдем, как голые в бурю. А в этой движущейся крепости мы достаточно защищены.

— Вы спросили, — нетерпеливо сказал Хиларион. — И я ответил правду. Если вы хотите получить ваши Врата, вам нужно выйти из этого ящика.

— А ты не мог бы пройти немного вперед, — начала я, — сделать все, что нужно, для определения направления, а потом вернуться?

Мои родители продолжали смотреть на Хилариона. После долгой паузы он ответил:

— Можно попробовать... увидеть...

В его голосе была какая-то нерешительность и такая усталость, что я подумала: «Любое видение такого рода — непосильная задача для него». Но он тут же спросил, обращаясь к Саймону:

— Считаешь ли ты эту местность в какой-то мере безопасной? Сейчас самое подходящее время для моих условий. Мы не можем ждать, пока Зандор пустит всю свою силу и мощь за нами. А у людей башен есть свои методы, когда речь идет о чужом, что гуляет здесь. А поскольку вы едете в этой штуке, принадлежащей народу Зандора, воздушные разведчики башен пустят в ход молнии, как только засекут ее.

И вот мы вышли из вездехода в темную ночь и остановились, глядя на окружающее нас запустение.

Глава 15

Когда я вошла в кратер, луна была яркой и полной, и хотя сейчас шла на убыль, давала еще достаточно света, чтобы мы видели окружающее. Отец приказал нам жестом, чтобы мы остановились на месте, а сам упорхнул — не подберу другого слова, чтобы описать его быстрые движения, когда он обогнул машину и как бы растворился в пространстве. Я сообразила, что он использует свои навыки пограничного разведчика. Когда он исчез, мать сказала:

— Непосредственной опасности нет. В какую же сторону? — обратилась она к Хилариону.

Он поднял голову. Мне казалось, что он раздувает ноздри, как собака, ищущая след.

Потом он поднял жезл и приложил его верхушку к своему лбу между закрытыми глазами, словно собирался смотреть внутрь, а не снаружи. Жезл качнулся и указал направление.

Хиларион открыл глаза. В них блеснула искра жизни.

— Туда! — сказал он уверенно.

Мы ничуть не сомневались, что он знает, как провести нас по этой засыпанной пеплом дикой земле.

Когда вернулся отец, а это случилось быстро, возможно по мысленному призыву матери вне моего диапазона, он изучил направление, указанное жезлом мага, а затем проверил по приборной панели вездехода. Но мы не пошли сразу, а сначала отдохнули, и один из нас оставался на страже.

Я спала без сновидений. Когда я проснулась, луна уже исчезла, но было пасмурно.

Мы поели и немного попили из наших скудных запасов. Отец сказал, что вряд ли мы встретим что-либо враждебное, тем более что и механические часовые вездехода ничего не регистрировали.

Мы снова поехали, теперь уже по указанию Хилариона. Но через час отец резко повернул машину и повел ее под скалистый выступ. От контрольной панели шло жужжание, пока отец не прекратил его, прижав кнопки и рычаги. Кроме голой скалы, в трещине, где мы были зажаты, мы ничего не видели и сидели молча.

Отец не повернулся и не дал никаких пояснений, только смотрел на приборы. Я боялась, что есть опасность, которую он при всей своей ловкости не предусмотрел, и прислушивалась, сама не зная к чему.

Хиларион задвигался, как бы разминая свое длинное тело.

— Люди башен, — сказал он уверенно.

— Их летательный аппарат, — согласился отец.

— Эта машина послушна тебе, — продолжал Хиларион.

Он кивнул в сторону матери.

— Однако она из Древней расы, а они не любят машин.

— А я не из Эсткарпа, — ответил отец. — Похоже, все миры связаны Вратами. В своем времени и месте я был воином и пользовался подобными машинами, ну, может, не совсем такими. Эту мы нашли на берегу моря, как только пришли сюда через Врата, которые закрылись и не пустили нас назад, и с тех пор это наша крепость.

— Только пока ты держишься подальше от башен, — прокомментировал Хиларион. — И давно вы странствуете так, разыскивая Врата, чтобы вернуться?

Саймон пожал плечами.

— Мы считали дни, но время здесь, кажется, идет не так как в Эсткарпе.

— Как?

Хиларион удивился. Какие же потрясения ждут его, когда, вернувшись, он увидит, сколько лет прошло в Эскоре.

— Я оставил маленькую дочь, — сказал отец, — а теперь вижу взрослую женщину, пришедшую собственным путем к той же цели.

Он повернулся ко мне с неуверенной и о чем-то просящей улыбкой.

Хиларион с удивлением взглянул на меня, а затем на Саймона к Джелит. Джелит кивнула, как бы отвечая на не высказанный вопрос мага.

— Каттея — наша дочь, и мы расстались с ней очень давно. Но, похоже, что случилось многое.

Она обернулась ко мне.

«Мне надо очень тщательно выбирать слова, — подумала я. — Я могу рассказать им, что произошло в Эсткарпе и частично об Эскоре».

Поскольку у меня не было доверия к Хилариону, а я не имела возможности отвести мать для разговора в сторону, то должна была говорить очень осторожно.

Я рассказала, что случилось с нашей тройкой с тех пор, как Джелит уехала, как меня взяли Мудрые женщины и я много лет провела в Месте Тишины; о катаклизме, который волшебницы Эсткарпа направили против Карстена; как Киллан и Кемок освободили меня и увезли в Эскор. Я не изменила истине, а просто скрыла часть ее.

Я рассказала, что мы приехали в страну, над которой тоже нависли тучи войны, что мы объединились с теми, кто был ближе нам по духу, но не упоминала ни имен, ни мест.

О своих личных несчастьях, я насколько могла, умолчала, сказав только, что была околдована человеком, обманувшим нас всех, и поехала обратно в Эсткарп для лечения.

Затем я рассказывала о вупсалах и рейдерах, а также о том, как я и Айлия очутились в цитадели и прошли через Врата.

Я не решалась мысленно сообщить матери, что это не все и что должен быть разговор наедине, но что-то в ее глазах сказало мне, что она поняла и при первом же удобном случае мы поговорим.

Я очень боялась, как бы Хиларион не засыпал меня вопросами о том, что случилось в Эскоре с тех пор, как он оказался здесь, но он, как ни странно, этого не сделал. Я решила, что его молчание подозрительно, и готова была даже отказаться от возвращения, потому что с нами вернется и он.

Отец вздохнул.

— Похоже, что наш тщательный счет дней и в самом деле ни к чему. Значит, Карстен теперь отгорожен, а Мудрые женщины, построив ограду, тоже обратились в ничто? Кто теперь там правит?

— Корис, по моим последним сведениям, хотя он страдает от раны, полученной в последние дни войны, и больше не носит Топор Вольта.

— Топор Вольта! — задумчиво повторил мой отец, как бы вспоминая многое. — Местопребывание Вольта и его топор... Хорошие были дни! Таких, наверное, для вас уже не будет. Если Карстен подавлен, то как насчет Ализона?

— Люди, которые присоединились к Киллану, — ответила я, — говорят, что Ализон, узнав, что случилось с Карстеном, притих и ходит на цыпочках.

— Это ненадолго. Они вновь вообразят себя сильными и достанут мечи из ножен. Корис может править и пусть правит, но со старыми друзьями за спиной и у правой руки. Сейчас они ему особенно нужны, раз он не держит Топор Вольта.

Я знала, о чем думает отец, как если бы читала его мысли, хотя он происходил не от Древней расы, он стал одним из них.

Между ним и Корисом из Горма была крепкая дружба, скованная кровью и потом во время войны с колдерами. Ему более всего хотелось бы поехать прямо сейчас в Эс-Касл и помочь другу.

— Да, — сказала мать.

Она тоже, видимо, знала, о чем он думает.

— Но прежде чем ехать в Эс, нам нужно вернуться в наш мир.

Она вернула нас к реальности. Отец потряс головой, отгоняя мысли служившие сейчас помехой. Затем посмотрел — на приборную доску, и казалось, просто читал то, что в моих глазах было сплошной путаницей.

— Как считаешь, далеко еще до твоих Врат? — спросил он Хилариона.

— Он говорит мне, что надо пройти еще некоторое расстояние.

Хиларион повертел в пальцах жезл.

— А как с летательным аппаратом?

— Он улетел. Скоро двинемся.

В самом деле, довольно скоро вездеход выполз из щели, куда загнал его Саймон, и снова покатился по своему

маршруту, а мы смотрели на неизменную мрачность этого мира.

Нам приходилось объезжать дюны и бугры, так как наша возможность видеть, что там впереди, сильно сократилась. Но в машине отца были и другие предупреждающие устройства, и мы положились на них.

Ночь тянулась бесконечно долго, и нас так трясло, что наши тела превратились в один сплошной синяк. Мы сделали остановку и отдохнули, после чего на место моей матери сел Хиларион, поскольку его жезл показал, что мы уже недалеко от цели, а Джелит села рядом с Айлией. Мы сумели влить в рот девушки немного воды, но она ничего не ела с тех пор, как мы с ней разделили наши запасы в коридоре башни, и я беспокоилась, долго ли она просуществует без еды. Мать успокоила меня, сказав, что в таком бессознательном состоянии телу требуется меньше.

Мы поднялись на гребень и начали спускаться. Отец вдруг издал короткое восклицание и быстро передвинул какие-то рычаги.

Экран показал, что впереди одна из тех черных гладких дорог, шедших к башням. Мы спускались прямо на нее, а отец старался приостановить наше стремительное движение.

Наконец ему удалось повернуть тупой нос машины резко влево, так что мы встали параллельно дороге. Отец с облегчением вздохнул, когда мы остановились, не коснувшись дороги.

— Что же теперь? — спросил он, ни к кому не обращаясь, а как бы в пространство.

— Туда!

Хиларион завертелся на сидении, указывая жезлом через дорогу.

Отец хмыкнул.

— Легко сказать! Мы не можем пересечь эту дорогу ни здесь, ни дальше.

— Почему?

Нетерпение Хилариона усилилось. Видимо, он был близко к цели, а ему запрещали идти по прямой.

— Потому что это не обычное шоссе, — ответил отец. — Это передача Силы, которая приводит в движение транспорт башен. Этот танк не предназначен для этого. Не знаю, что произойдет, если он выберется на эту дорогу, но не думаю, что мы останемся живы.

— Что же нам делать? Искать мост?

— Неизвестно, есть ли он, — мрачно ответил отец. — Если мы станем искать какой-то переход — надземный или подземный, мы рискуем удалиться от нашего пути на много лиг.

Он отвернулся от экрана и в упор взглянул на мага.

— Знаешь ли ты точно, насколько мы теперь близки к месту Врат?

— Лига, может меньше.

— Разве, вот что... — начал отец неуверенно.

Он словно выбирал из двух зол меньшее.

— Может быть, удастся использовать этот танк в качестве моста. Но если он упадет и выкинет нас посреди дороги...

Он чуть заметно покачал головой.

— Я думаю, Саймон, — вмешалась Джелит, — что у меня, у нас, в сущности, нет выбора. Если мы станем искать окрестной путь, то его может и не быть, и мы только напрасно удлиним расстояние между нами и Вратами. Если этот твой план имеет хоть какие-либо достоинства, давайте примем его.

Отец не сразу ответил, а смотрел на экран и видимо, размышлял, а затем сказал:

— Я поставлю на тебя не больше, чем если бы ты прыгла с вершины Латора.

Мать засмеялась.

— Ах, но я же видела, Саймон, как ты делал подобные вещи, выигрывая пари и собирая монеты горстями! Жизнь постоянно бросает вызов, и человек не может уклониться даже от самого худшего. Мы это хорошо знаем.

— Ну что ж, ладно. Я не знаю природы этой силы, но думаю, что она идет как поток. Установим контроль и будем надеяться на лучшее.

Мы занялись приготовлениями. По приказу отца мы вышли из машины, взяв с собой и Айлию, а в машину загрузили камни, собранные поблизости, чтобы дать ей нечто вроде якоря против потока силы. Отец достал цепь, которая помогла нам выбраться из колодца, и укрепил ее на плоской крыше танка, чтобы мы могли за нее держаться.

Все, кроме отца залезли на крышу, взяв с собой остатки воды и пищи, а он сел в кабину, в тот маленький уголок, который был для него оставлен. Машина под нами обрела жизнь и снова повернулась носом к дороге.

Когда она поползла вниз, к черной поверхности, отец выскочил из кабины и взобрался к нам. Он оказался прав в своих предположениях. Как только тяжелая машина коснулась поверхности дороги, она получила толчок, как от мощного речного течения и наполовину свернула с курса.

А если бы она полностью развернулась и потащила бы нас в качестве беспомощных пленников к башням? Или сила моего отца одержала бы победу? Я лежала, крепко вцепившись в цепь, ее звенья больно вдавливались в мое тело, когда машина под нами дрожала и боролась с потоком. Она шла под углом, но все еще не поворачивалась полностью, что означало бы бедствие. Я не была уверена, что мы хоть сколько-нибудь продвигаемся к цели.

Мы были уже далеко от той точки, с которой начали. Что будет, если на нас налетит какая-нибудь из транспортных машин?

Я так живо представила себе эту картину, что, пытаясь стереть ее, пропустила поворотный пункт нашей битвы.

Я внезапно обнаружила, что отец уже не лежит рядом со мной, а стоит на коленях и отвязывает сумки с провиантом. Он быстро крикнул остальным, и я, подняв голову, увидела, что они смотрят на землю за дорогой, на ту сторону, куда мы стремились.

Затем отец крепко взял меня за плечо.

— Отпусти цепь! Когда скажу — прыгай!

У меня не было никакой надежды на успех, но случается, когда один человек должен верить другому, и я, борясь со страхом, выпустила цепь, за которую так отчаянно цеплялась, и встала сначала на колени, а потом, с помощью отца, на ноги. Мать и Хиларион уже стояли, Айлия вроде бы проснувшись, стояла между ними.

— Прыгай!

Я принудила свое безвольное тело к этому усилию, не смея думать о том, что может случиться. К счастью, я упала на дюну, погрузилась в песок и встала невредимая, отплеываясь и протирая глаза.

Освободившись от пыли и испла, я увидела другие покрытые пеплом фигуры, поднимавшиеся из таких же холмов. С ними тоже ничего не случилось; незначительные ушибы, пепел в горле и в глазах — вот и все.

Танк теперь полностью развернулся по течению и быстро удалялся к башням.

Мы ползли по дюнам, ища и выкапывая наши сумки. Затем Хиларион достал жезл, который для надежности был спрятан под туникой, и приложил его ко лбу.

— Там.

Он указал куда-то в холмистую местность.

Айлия шла, хотя ее нужно было держать за руку, и я знала, что мать держит ее мозг. Это было нелегко, и я сразу же стала помогать.

Идти по этому зыбучему песку-пеплу было очень тяжело. Иной раз мы вязли в нем по колено. Все дюны выглядели такими одинаковыми, что без жезла Хилариона мы потеряли бы направление, едва отойдя от дороги.

Но все-таки я увидела что-то высокое и твердо стоявшее, узнав металлический столб, который видела, когда прошла через Врата.

Страх частично оставил меня.

Но найдет ли Хиларион именно то место? Там не было никаких ориентиров.

Наш гид, по-видимому, не сомневался.

Он вел нас по извилистой, труднопроходимой тропе, петляя, но все время возвращался на путь, указанный жезлом. Наконец он остановился у одного из столбов. Кругом было ужасающее однообразие.

Трудно было поверить, что мы действительно достигли нужной точки.

— Здесь, — уверенно сказал маг.

Он смотрел на то, что мне казалось простым пыльным воздухом, который поднимал ветер.

— Никаких признаков, — начал отец.

Мать, защищая руками глаза, пристально посмотрела вперед, затем сказала:

— Что-то есть... Волнение...

Хиларион, казалось, не слышал. Он делал быстрые движения жезлом, как бы рисуя в воздухе контуры портала.

И в пыли, поднятой ветром — кто знает, может быть, это и не пыль? — оставались слабые рисунки контура, сделанного жезлом. Линии образовывали прямоугольник, перечеркнутый в середине двумя линиями, которые шли из верхних углов к нижним. В четырех отрезках верхушка жезла выписывала теперь символы. Два из них были мне знакомы — они изменили форму со временем, другие же были новыми для меня, последний, пятый символ пересекал все остальные. Когда Хиларион опустил жезл, мы увидели, что маг измучен и слаб, но все еще твердо стоит на ногах, несмотря на ветер и кружившийся песок.

Затем он снова начал обводить все детали своего рожденного из воздуха рисунка.

Теперь тонкие группы линий приобрели цвет: сначала зеленый, переходивший в ярко-голубой, так что я снова увидела «защитающий» цвет Эскора. Но цвет не удержался и скоро увял, стирая и рисунок.

Маг помрачнел и начал рисовать цветом снова. Цвет погас вторично.

Мать взяла за руки меня и отца. Связанные физической цепью, мы связали и наши разумы. Энергию, родившуюся от нашей цепи, мать послала Хилариону. Тот с изумлением оглянулся на нее, а затем поднял жезл и в третий раз нарисовал линии и символы.

Я чувствовала напряжение, но держалась твердо и отдавала Силу по требованию матери. На этот раз нарисованные линии не погасли, зелено-голубой цвет держался, разгораясь все ярче. Когда Хиларион опустил жезл, рисунок сверкал и пульсировал, повиснув в воздухе на фут от земли. Вокруг него не было ветра, хотя в других местах он поднимал густую пыльную вуаль.

Некоторое время Хиларион критически осматривал свое творение, как бы желая убедиться, что в нем нет изъянов. Затем он сделал два шага вперед и сказал нам, не оглядываясь:

— Пора идти!

Мы разорвали цепь. Мать и я взяли наши сумки: а отец поднял Айлию. Маг направил острие жезла в центр перекрещивающихся линий, как вставляет ключ в замок, и Врата открылись. Я видела, как маг исчез. Я пошла за ним, за мной мать и последним отец. Снова ужасное искривление пространства времени, и я покатила по каменной мостовой, болезненно жмурясь от удара головой о какой-то твердый предмет.

Я лежала на спине против кресла, возвышавшегося в центре зала цитадели. Плававшие Врата были единственным светлым предметом в этом сумрачном зале.

Рядом кто-то шевелился. Я повернула голову. Тут стоял Хиларион с жезлом в руке.

Он не смотрел на Врата, а оглядывал зал.

Не знаю, что он надеялся увидеть — может, стражников, слуг, или домочадцев — но он не нашел, чего искал. И эта

пустота поразила его. Он поднес руку ко лбу и пошатнулся, а потом пошел вдоль стены зала, как бы желая скорее найти что-то, пока его не охватила настоящая паника.

Я почувствовала некоторое облегчение: он просто забыл о нас, поглощенный собственными горестями. Самое время для нас уйти.

Несмотря на головокружение, я кое-как поднялась, держась за поручень кресла, и огляделась. Отец уже встал. Айдия лежала перед ним. Он перешагнул через нее и обнял Джелит, помогая ей встать. Они были так крепко спаяны друг с другом, что действительно казались единым телом и духом. Что-то в их манере, когда они стояли рядом, на момент замкнувшись в своем личном мире, заставило меня остановиться. Я вздрогнула, как от холодного ветра и подумала, как же это, наверное, хорошо — иметь такое единение с кем-то.

Киллан, вероятно, познал это с Дахаун, Кемок — с Орси-ей. И я бессознательно тянулась к тому же, когда пошла за Дензилом, но в конце концов поняла, что он хотел вовсе не меня, не Каттею-девушку, а Каттею-волшебницу, отдавшую ему свою Власть. Глядя на этих двоих и на мир, который они держали в себе, я поняла, что я еще не настоящая колдунья, которая поставила бы Власть превыше всего. Но только это и остается мне в жизни.

Сейчас же не время для подобных размышлений: надо узнать обо всем здесь и сделать соответствующие приготовления. Я выпустила ручку кресла и, пошатываясь, пошла к родителям.

Глава 16

— Извините, — сказала я тихо.

Я боялась, как бы мои слова не вывели Хилариона из его озабоченности и не привели сюда слишком рано.

Мать повернула голову и посмотрела на меня. В моем лице что-то предупредило ее, потому что ее глаза стали настороженными.

— Ты боишься? Кого, дочка?

— Хилариона, — ответила я.

Теперь и отец внимательно смотрел на меня. Хотя его рука все еще обнимала плечо матери, другую руку он поднес к поясу, как бы ища оружие.

— Слушайте, — заговорила я шепотом.

Я не желала вести мысленный разговор, поскольку в этом месте, пропитанном колдовством, мысленное прикосновение могло прозвучать как гонг.

— Я не все рассказала вам. Эскор уже давно трещит разорванный воинственным колдовством. Большая часть тех, кто в этом повинен, поглощена темными силами, которые они же сами и вызвали. Другие ушли через Врата в другое место и время, но на них до сих пор лежит проклятие за то, что они сделали в далеком прошлом. Мы ничего не знаем о Хиларионе. Я не думаю, что он мастер Мрака, иначе он не мог бы управлять Голубым Огнем. Но ведь были и такие, кто не следовал ни добру, ни злу, а только своему любопытству и творили зло в поисках знаний. Теперь мы сражаемся за жизнь Эскора, а я приложила руку к возобновлению древней войны, когда неосторожно работала с магом и нарушила древнее равновесие. И я еще раз нанесла вред, уже другой, совсем недавно, и не хочу взваливать на себя еще и третий груз вины, приводя обратно одного из магов прошлого, который может испортить все, за что боролись мои братья и наши боевые друзья. Хиларион знает слишком много, чтобы взять его в Долину. Надо узнать бы нем побольше, прежде чем принести ему какую-нибудь клятву.

— У нас мудрая дочь, — сказала мать. — А теперь рассказывай побыстрее, о чем умолчала раньше.

Я рассказала, не упуская ничего, о своем участии в планах Дензила и о том, что случилось потом. Когда я замолчала, мать кивнула.

— Теперь понятно, почему ты подозреваешь Хилариона. Но...

Она как бы прислушалась, и я поняла, что она послала усик мысленного поиска к Хилариону.

— Так...

Ее обращенный внутрь взгляд стал обычным, и она обратилась к нам.

— Не думаю, что нам стоит бояться его отношения к нам. Время в этом мире, видимо, очень различимо. Даже больше, чем мы думали. Ах, как тяжело человеку видеть, что его мир пропал, хотя сам он еще здесь, на родной земле. Я вот думаю... Скажи-ка дочь, ты в самом деле считаешь, что Хиларион может угрожать тому, что нам дорого?

Я, вспомнив Дензила, отбросила сомнения и сказала:

— Да.

Мать, казалось, не была в этом убеждена. Она открыла нам свой мозг, и я могла прочитать, хотя бы частично, то, что она узнала от Хилариона.

Там была такая боль, такое отчаяние, что я вздрогнула и телом, и мозгом и закричала, что не хочу больше ничего знать.

Она отпустила меня.

— Как видишь, — сказала она, — его занимают собственные мысли, и они таковы, что их нелегко нарушить. Если мы уйдем...

— Давайте уйдем, — сказала я.

Во мне поднялось горячее желание уйти из этого места, принадлежащего Хилариону, и выкинуть из головы все мысли о маге — если мне удастся закрыть мозг на часть прошлого. Мне хотелось повернуться и бежать со всех ног, словно за мной гнались Серые существа, люди-волки.

Однако мы шли спокойным шагом, потому что с нами была Айлия. Я стала думать о ней и о том, что нам с ней делать. Если вупсалы еще остались в поселке, мы можем разбудить ее спящий мозг и оставить девушку неподалеку, приме-

нив, может быть, некоторые чары, которые закроют для нее недавнее прошлое, и она вспомнит о нашем путешествии как о быстро улетучившемся сне.

Но если набег действительно положил конец племени, нам придется взять ее с собой в Долину, где Дахаун и ее народ примут ее.

Отец оставил одну из сумок с пищей и водой на полу, а другую повесил на плечо.

Мы с матерью повели Айлию. Когда мы вышли, я тоже заметила сюрпризы времени: я вошла сюда в самой холодный месяц зимы, а выходила под теплое весеннее солнце месяца Хризалид. А ведь прошло, по моим расчетам, всего несколько дней.

Снег, лежавший на этой большой площади уже исчез. Несколько раз мы вспугивали шустрых ящериц и других мелких животных. Одни замирали, глядя на нас круглыми настороженными глазами, другие поспешно исчезали.

Я с некоторой опаской смотрела на улицы и дороги перед нами, потому что плохо помнила, как мы шли через цитадель. После того, как мы дважды оказались перед глухой стеной, я высказала свои опасения вслух.

— Нет дороги? — спросил отец. — Но ты же прошла без затруднений, так?

— Да, но меня притягивало Властью.

Я не помнила, как мы с Айлией шли. Казалось, дорога была очень легкой и простой от тех Врат, где разные стражи подавали голос во время ветра, и я совершенно не помнила этих запутанных переходов и переулков.

— Придумано? — спросила я вслух.

Мы остановились перед последней стеной, где проход, выглядевший так обещающе, оказался вдруг наглухо закрытым. Вокруг нас были дома с голубыми камнями над дверями и зиявшими окнами, и что-то вокруг них холодило сердце, как зимний ветер холодит тело.

— Сознательно наведенная галлюцинация.

Отец удивился.

Мать закрыла глаза. Я знала, что она осторожно пользуется мысленным посылом.

Я рискнула последовать ее примеру, все время опасаясь коснуться линии, связывающей нас с Хиларионом.

Мой мозг различал то, чего не видели глаза. Саймон Трегарт был прав: на это место была наложена колдовская иллюзия, и стены вставали там, где их не было, открытые места на самом деле были заняты. Закрыв глаза, мы как бы видели другой город, поставленный на тот, который был раньше. Причины этой иллюзии я не могла понять, потому что это не новые чары, поставленные Хиларионом, чтобы сбить нас с толку. Эта иллюзия была очень старая, обтрепанная и заношенная почти до первых нитей.

— Я вижу! — резко сказал отец.

Он тоже переключился на другое зрение.

— Так... Мы идем сюда.

Сильная рука схватила мою руку, в то время как я и мать держали под руки Айлию, связанные таким образом, мы стали разрушать чары города, потому что мы закрыли глаза на дневной свет, а наше другое зрение было настроено мозгом.

Мы вышли на улицу, спускавшуюся к толстой внешней стене, и я узнала ее. По ней мы шли, когда спасались от рейдеров.

Я дважды открывала глаза, чтобы проверить, действуют ли еще смущающие чары, и каждый раз видела тупиковую улицу или стену дома или часть стены, так что спешила зажмуриться и положиться на другое зрение.

Человек, не имеющий подобного дара, не смог бы победить этого колдовства. Мы в этом убедились, когда дошли наконец до ворот. На расстоянии вытянутой руки от входа на земле лежало тело, раскинув руки, будто хотело схватить свободу, которой не видели глаза. Это был рослый мужчина в кольчуге. Его жесткие волосы были заплетены в косы. Бога-

тый шлем валялся в стороне. Лица человека не было видно, и я была рада этому.

— Салкар!

Отец наклонился над телом, но не касался его.

— Не думаю. Во всяком случае, не из того племени, которое мы знаем, — возразила Джелит. — Наверное, это из твоих рейдеров, Каттея.

В этом я не могла бы поклясться, поскольку видела их только мельком в ту ночь, когда они напали на вупсалов, но подумала, что мать права.

— Он умер уже довольно давно.

Отец снова выпрямился.

— Может, он погнался за тобой, Каттея, и для него ловушка сработала.

Но для нас она открылась. Мы прошли сквозь стену между бронзовыми зверями и нашли здесь признаки того, что люди действительно боялись этих мест; на самом виду лежала каменная плита, принесенная, наверное, из разоренного поселка, и на ней куча разных вещей. Сначала они, наверное, были разложены как следует, но потом птицы и звери сбили все это в кучу. Там была меховая одежда, теперь запыленная песком и расклеванная птицами, металлические блюда, на которых когда-то лежала пища, меч и топор, к которым с взволнованным видом потянулся Саймон. Вообще-то он был посредственным меченосцем, потому что в его родном мире мечи не употреблялись. Тем не менее, для воина всякое оружие благо, когда нет ничего другого.

— Оружие мертвеца, — сказал он. — Говорят, что взять оружие покойника — значит взять и его боевой гнев.

Я вспомнила, что Кемок, идя за мной в Темную башню Дензила, нашел меч в тайнике давно исчезнувшей расы и взял его для нашей защиты. Думаю, поскольку уж рука мужчины инстинктивно хватается за сталь, это оружие скорее будет служить добру, чем злу.

Мать тоже взяла что-то с этого жертвенного стола и, держа это обеими руками, вглядывалась почти со страхом.

— Эти рейдеры брали добычу в странных местах, — сказала она. — Я слышала о такой вещи, но никогда не видела. Видимо, они сочли ее недостаточно ценной, раз предложили живущим здесь, по их мнению, демонам.

Это была каменная чаша, сделанная в виде сложенных ладоней, но руки были не вполне человеческими; пальцы очень длинные и тонкие, узкие остроконечные ногти покрыты блестящим металлом. Чаша была красно-коричневая, гладкая, полированная.

— Что это? — с любопытством спросила я.

— Зеркало видения. Им пользуются, как хрустальным шаром, только сюда наливается вода. Не знаю, как эта вещь попала сюда, но она не должна здесь оставаться. Дотронься до нее, Каття.

Она протянула мне чашу. Я прикоснулась к ней и вскрикнула от неожиданности, камень был не холодным, как я ожидала, а горячим, почти обжигающим. Но Джелит держала чашу и, казалось, не чувствовала жара. А я ощущала не только жар, но и волну Власти и поняла, что это могучая сила, которая может служить нам оружием, как и меч, так естественно взятый отцом.

Мать взяла обрывок шелка, также лежащего на жертвеннике, завернула в него чашу и спрятала ее под тунику. Отец прицепил к поясу меч и сунул туда же боевой топор для равновесия.

Эта куча награбленного наводила на мысль, что в ту снежную ночь победителями стали рейдеры, а не вупсалы. Я была уверена, что все это оставили здесь именно рейдеры. Я ни разу не видела, чтобы вупсалы оставляли где-нибудь свои сокровища, кроме как в гробнице Утты.

Теперь, прежде чем уйти отсюда, надо было удостовериться, что из народа Айлии никого не осталось. Я объяснила это родителям, и они согласились со мной. Сейчас была сере-

дина утра, солнце приятно пригревало. Снега уже не было, лениво жужжали насекомые, и мы слышали утреннюю перекличку птиц.

Пока мы не ушли с мыса, я все время была в напряжении, ожидая контакта с Хиларионом, его зова или вопроса: куда мы пошли и зачем. Но теперь мы вошли в покрытый почками кустарник, в нормальный для глаз мир, и мое напряжение немного спало.

Но я все еще сомневалась и сознавала, что мы не освободились от своего спутника, которого я меньше всего хотела видеть.

Когда мы обследовали поселок, стало ясно, что он пуст, и не потому, что племя отправилось в странствия. На ветру полоскались разорванные шкуры палаточных крыш.

Мы осторожно прошли по развалинам. Я нашла хижину, из которой бежала — когда?

Для меня это было несколько дней назад. Морские разбойники побывали и здесь. Сундук Утты был опрокинут, свертки с травами разорваны и содержимое из них высыпано и перемешано.

Мать поднимала то сухой листок, то щепотку травяной пыли, нюхала и бросала, покачивая головой. Я поискала рунные свитки, приведшие меня в цитадель, но их не было. Видимо, рейдеры решили, что это ключ к какому-нибудь кладу. В дальнем углу мы нашли кувшин с дорожной пищей из вяленого мяса, спрессованного с сухими ягодами. В данный момент для нас это было дороже любых сокровищ.

Айлия стояла за дверью, где ее оставили и, казалось, не видела ничего вокруг и не сознавала, что вернулась в свой поселок. Отец пошел по другим палаткам, но быстро вернулся.

— Место смерти, — угрюмо констатировал он. — Уйдем отсюда.

У меня не было друзей в племени. Я была пленницей, но никогда не была им врагом, и их смерть всегда будет на мне: они верили в мой дар, а я погубила их.

Мать прочла мои мысли, обняла меня и сказала:

— Нет, потому что сознательно ты не обманывала их, и тебе ничего не оставалось, как предоставить их своей судьбе. Ты не та, которой они верили, и ты не могла держаться за выбор, который они заставили тебя сделать. Так что не бери на себя чужой груз. Это зло жизни, и в какой-то мере люди сами виноваты, когда это зло приходит как судьба.

Слова, предназначенные для утешения и облегчения, сейчас однако были только словами, хотя и задержались в моем мозгу и позднее я вспомнила их.

У нас не было ни саней, ни сильных собак, не было настоящего проводника. Мы знали, только, что нам нужно идти на запад. Сколько времени займет путешествие в Долину и много ли опасностей подстерегает нас на пути — можно было только гадать.

Я думала, что вспомню дорогу по берегу реки, через страну от места горячих источников, но когда я сказала об этом отцу, он покачал головой и ответил, что, если долина горячих источников так хорошо известна кочевникам, то лучше обойти ее и направиться прямо на запад. Это была хорошая мысль, хотя мы и не могли быстро идти пешком, особенно с Айлией, которая под нашим контролем шла, но о ней надо было заботиться, как о неразумном ребенке.

Итак, мы повернулись спиной к морю и цитадели на мысе. Продуктов у нас почти не было — скверное на вкус мясо, принесенное из того мира, и кувшин из поселка. Но зато недостатка в воде не было, потому что здесь было множество ручьев, оживших с приходом весны.

Отец поднял с земли два округлых камня и сделал удивительное оружие, какого я никогда не видела. Он скрепил камни ремнем, затем раскрутил над головой и пустил для начала в куст. От удара и веса камней ремень закрутился вокруг ветки и оборвал ее, а с нее почки. Отец засмеялся и пошел освобождать ремень.

— Похоже, я не разучился, — сказал он.

Он снова отправил свое оружие, но уже не в куст, а в его неосторожного обитателя — подскочившую вверх птицу. Когда мы остановились на ночлег, у нас было уже четыре таких птицы. Мы зажарили их на костре, и с аппетитом съели. Это было очень приятно после долгого пребывания на невкусном рационе.

Ночью стало холоднее, но мы не остались у костра. Отец положил в него последнюю охапку листьев и прутьев, а нас повел на место, которое он наметил для ночного лагеря — довольно далеко от этого маяка, могущего привлечь внимание. Он выбрал маленькую рощицу, где зимние ветры поваляли несколько деревьев, и те при падении захватили и другие, так что получилось нечто вроде шалаша из перепутавшихся веток и стволов. Мы заползли в него и загородились кустарником. Если бы у меня бы было немного травы из запаса Утты, можно было бы поставить защитные чары, но рейдеры так все перемешали, что выбрать нужное мне не удалось.

Мать достала из поясного кармана кусочек голубоватого металла, осторожно провела по нему рукой и воткнула в землю. От него исходил бледный свет, который должен был ярко вспыхивать, если вблизи появится кто-то из слуг Тени. Правда, против рейдеров, хищных животных или кочевников у нас не было защиты, кроме наших глаз и ушей, поэтому мы установили дежурство. У меня была первая вахта, и я держалась напряженно и боялась пошевелиться, чтобы не разбудить остальных.

Мои глаза и уши были настороже, и я пыталась объединить их с мозгом, время от времени посылая короткий мыслепоиск, но с большими интервалами, так как в этой стране его могут перехватить враги.

В ночи было много звуков и шорохов.

Моя кровь иногда бежала быстрее, и я настораживалась, но потом устанавливала, что эти звуки производят ночные животные и ветер.

Все время я отгоняла от себя желание подумать о Хиларионе, о том, что он сейчас делает в пустом здании, которое когда-то было центром его правления. Все ли он вспоминает прошлое, которого больше не увидит? Или он преодолел этот шок и снова пользуется своими талантами?

Моя. Зачем? Врат он больше делать не будет, в этом я была уверена. Хватит с него и этого долгого заключения у Зандора.

Зандор... Я с удовольствием отгородилась от своих опасных мыслей о Хиларионе. Интересно, что произошло с Зандором? Может быть, наш побег из его Места Власти сказался на его машинах сильнее, чем думал Хиларион?

Может, это подорвало силу Зандора?

Ведь мы предполагали погоню, но этого не произошло. Возможно, Зандор так ослаб, что в следующий раз люди башен положат конец его подземному убежищу, и кончится длительная война принесшая миру пепел и смерть.

Но думать о Зандоре — значит, вспоминать Хилариона, так что я прогнала от себя и эти мысли. Оставалось вспоминать о более далеком прошлом, о Зеленой Долине, о Киллане, о Кемокке. Все ли еще война там, на мертвой точке? Или те, кто, о ком я беспокоилась, зажаты в смертельной схватке? Я послала мысль-поиск в ту сторону.

Только дойдет ли?

Я была в таком возбуждении, что забыла, где я, какие обязанности возложены на меня. Я закрыла глаза и уши, склонила голову на руки. Кемок! Я мысленно рисовала его лицо, узкое, длинное, волевое.

Вот!

Создав его, я все дальше посылая зов, вкладывая в него всю свою силу.

— Кемок!

Пришел ответ! Сначала неясный, затем усиливающийся. Он услышал! Он там! Я не ошиблась, значит между нами не было стены смерти!

— Где? — бился в моем мозгу его вопрос, так что у меня тряслась голова, и я вынуждена была придерживать ее рукой.

— Восток...

Больше я ничего не могла сказать: голова моя качалась не от мысленного посыла, а от рук, трясших меня за плечи и разбивавших мысленный контакт. Я открыла глаза с гневным криком.

— Дура! — холодно прошептала мать.

Я видела только темный силуэт, но ее крепкие руки все еще держали меня.

— Что ты сделала еще, девчонка!?

— Я говорила с Кемоком. — Я злилась, как и она.

— Крик для всех, кто слушает, — ответила она. — Такой поиск может навести на нас Тень! Если мы не чувствовали их следов, то это не значит, что местность чистая! Не ты ли сама говорила нам об этом?

Она была права, но и я была права тоже, потому что Кемок знает теперь, что я жива, и может прийти к нам. Если между нами и долиной стоит какое-то Зло, то нас предупредят те, кто желают нам добра. Когда я пустила в ход эти доводы, мать отпустила мои плечи.

— Может быть, — проговорила она вслух. — Но хватит... Когда захочешь сделать это еще раз, скажи мне, и вместе мы сделаем больше.

В этом она тоже была права. Но я не могла избавиться от волнения, какое принес мне сам факт ответа Кемока. Ведь в прошлом, с тех пор, как я участвовала в делах Дензила, я была отделена от того, что делало нас троих одним существом.

Пока я мучительно старалась освоить заново свое искусство у Утты, это пришло само собой.

Быть снова той, кем я была...

— А будешь ли когда-нибудь? — снова ударил меня шепот матери. — Ты пошла другой дорогой, с которой уже не

свернешь. Я просила для вас троих то, что считала самым полезным для вас в этом мире: для Киллана — меч, для Кемока — свиток, для тебя же дочь — Дар. Но ты пошла по другому пути, чего я не предвидела. Возможно, это очень плохо для тебя...

— Нет! — мгновенно возразила я.

— Посмотрим, что ты скажешь в будущем, — неопределенно заметила она. — Так вот, дочка, ты не тревожь нас больше посылками. Нам надо отдохнуть.

Вопреки своим нетерпеливым желаниям я дала ей обещание.

— Не буду... сегодня.

Я снова стала следить только за внешним миром до того часа, когда Джелит сменила меня и я погрузилась в сон.

Перед восходом солнца отец разбудил нас всех. Утром было гораздо холоднее: на ветвях лежал иней.

Мой отец в основном воевал на границах, а мать ездила с ним для обнаружения вражеских разведчиков. Они никогда не ходили пешком. Я тоже не ходила, так что теперь мы все трое находили этот способ преодоления пространства весьма утомительным, и он изматывал нас куда больше, чем мы предполагали сначала. Мы старались идти ровным шагом, но не слишком быстро из-за Айлии.

Девушка шла, куда ее вели, ела, если ей подносили пищу ко рту, пила, когда давали, но была как во сне. Она так далеко отошла от реальности, что я сомневалась, придет ли она в себя когда-нибудь полностью. Мы не могли бы оставить ее в таком состоянии у ее народа, даже если бы и нашли его. Все равно ее убили бы, потому что для кочевого народа она стала бы тяжелым бременем. Утта оставалась с ним так долго только потому, что она имела талант, а Аусу, жена вождя — потому что имела преданную служанку, заменяющую ей руки и ноги.

Глава 17

Саймон Трегарт был ловок и хитер, как и всякий, кто долгу лежал в засадах или обходил ловушки врага в диких горах Карстена. Он шел впереди, иногда приказывая нам всем остановиться и оставаться в укрытии, пока он не изучит обстановку и не подаст нам сигнал. Я не могла понять, что вызывало его подозрения, если это что-то не лежало прямо на дороге, но всецело доверяла отцу.

Мысленным прикосновением мы не пользовались, поскольку эта страна не была чистой. Дважды мать приказывала нам поспешно обойти стороной какие-то места, где ее искусство обнаруживало скрытое Зло. Одним из таких мест был холм, на котором стоял каменный монолит, темно-красный в солнечном свете. Там не было ни единой травинки вокруг, земля была на вид твердая и почерневшая, как после пожара. Само здание, если приглядеться, мерцало по контуру и как бы меняло очертания. Я быстро отвела глаза: не годится видеть, какую форму может принять эта субстанция.

Во второй раз мы чуть не погибли. Это был лес с деревьями без листьев, но не потому, что для них еще не настало время, а потому что вместо листвы на ветках были желтоватые утолщения или наросты с красными прожилками, отвратительные на вид.

Они казались открытыми язвами, разъедавшими больную плоть растения. Возникало ощущение, что дело не только в этих деформированных отвратительных деревьях, а в том, что в их тени что-то ползает, крадется, не смея выйти на солнечный свет и ожидает возможности прыгнуть и утолить неистовый голод.

Обходя это зло, мы подались на юг и увидели, что лес гораздо больше, чем мы думали. Его щупальцы пораженных лиан и кустов тянулись в стороны и захватывали растительность. Они дотянулись до берега реки, и мы остановились в

нерешительности. Нам оставалось либо пробиваться через них, на что у нас не хватало духу, либо идти по воде, если не удастся пройти по узкой полоске гравия под выступом берега, а с Айлией это будет весьма непросто.

Над водой пронеслись звуки, и мы упали на землю на краю берега за тонким экраном кустарников между нами и водой внизу.

Я задыхалась от ветра, дувшего со стороны зачумленного леса. Вонь стояла нестерпимая.

Теперь у нас не было возможности уйти, так как с дальнего берега доносились голоса, и только слов нельзя было разобрать.

На секунду я подумала, что это спасшиеся из разгромленного поселка, потому что они были той же крови, что и вупсалы, но когда они зашлепали по воде, наполняя водяные мешки, я не увидела ни одного знакомого лица. Я заметила, что хотя одежда у них в основном была такая же, что и у вупсалов, вместо плащей, какие носило племя Утты, у этих было перекинуто через плечо что-то вроде тканого одеяла, сложенного узкой полосой.

Они явно не торопились уходить: женщины и дети разводили костры и ставили котлы на треногах, а мужчины сняли обувь и шли по воде, растягивая рыболовную сеть и покрывая от холода.

В первый раз я заметила, что Айлия зашевелилась по собственной воле, и быстро обернулась к ней. Лицо ее утратило пустое выражение, глаза смотрели на эту сцену разумно и узнаваемо.

Она подняла голову. Я испугалась, что она закричит и привлечет внимание этих людей, хотя они и не вупсалы и она никого из них не знала. Я хотела схватить ее за руку, но она уклонилась и ударила меня по голове, что на минуту ошеломило меня. Затем она быстро поползла на коленях, но не к тому месту, а в противоположную сторону, как если бы видела в тех людях смертельных врагов. Если бы

она просто отступила бы от края берега, все бы обошлось. Но она в своей слепой поспешности поползла к западу, прямо к кошмарным растениям. Ее было необходимо остановить. Мой отец бросился за ней, схватил за лодыжку и дернул назад.

Она молча упала ничком — видимо страх перед людьми племени заставил ее молчать — повернулась и бросилась на отца, защищаясь зубами и ногтями.

Самым скверным было то, что во время этой борьбы злые лианы зашевелились, как змеи, готовые напасть. Мы с матерью объединились в мысленном посыле, предназначенном для подчинения Айлии, яростная борьба которой не только могла выдать нас тем людям, но и позволить лианам, поднявшимся теперь в воздух, схватить ее и отца.

Айлия обмякла, но отец не смог встать сразу. Мерзкие наросты на лианах вдруг лопнули. Мать вскрикнула и побежала туда, а я за ней. Мы ухватились за отца и Айлию и оттащили их подальше. Это было сделано как раз вовремя, потому что один из лопнувших наростов выпустил в воздух струю пыли. К счастью, она не долетела туда, куда мы успели отползти, а упала на землю под корчившимися стеблями.

Похоже, что мы избежали одной серьезной опасности только для того, чтобы попасть в другую. С того берега вдруг донеслись крики, и я увидела там лихорадочное движение. Рыболовы бросили сеть и зашлепали к нам с оружием в руках.

— Цепь! — раздалась в моем мозгу команда матери. — Цепь для галлюцинаций.

Не знаю, какого рода изображение она выбрала, чтобы укрыть нас, но того, что получилось от соединения нашей власти, вполне хватило, чтобы мужчины племени резко остановились среди потока, а их женщины и дети с визгом бросились наутек. На моих глазах мои родители превратились в чудовищ, да и я наверное тоже выглядела устрашающе. Толь-

ко Айлия, лежавшая как мертвая, оставалась в человеческом образе.

Мать была ошеломлена не меньше меня, но нерешительность ее продолжалась лишь несколько секунд. Затем она выпрямилась на бесформенных когтистых ногах, угрожающе взмахнула передними лапами с громадными птичьими когтями, демоническая маска повернулась к реке, и из ее горла вырвался рев, способный пробить барабанные перепонки. Увидев и услышав ее, мужчины племени повернули назад и побежали вслед за своими женщинами.

— Убрать.

Отец наклонился и поднял Айлию на свое чешуйчатое плечо.

— Мы достигли цели... Теперь можно убрать...

Уничтожить иллюзию? Но мы уже пытались сделать это, как только люди племени побежали обратно, однако иллюзия оставалась в силе. Чудовище, которое было Джелит, медленно повернулось и уставилось на мерзкий лес.

— Видимо, — сказала она, — мы работаем с нашими чарами слишком близко к тому, что может повернуть их к ужасной цели. Мы не добились невидимости, но мы зашли слишком далеко в обратном направлении. Теперь я не знаю, как это уничтожить.

Я затряслась от страха. Однажды я уже носила знак Тени, он вовлек меня в такое, о чем не хотелось вспоминать. Кемок ценой собственной крови вернул меня к человеческому роду. Но я познала ужас и отвращение к себе. Неужели мы снова осуждены нести такое клеймо?

— Плакать будем потом, — сказал отец, — а сейчас нам лучше уйти подальше от этого стока нечистот.

Мы пошли за ним в воду. Я подумала, что теперь нам нечего бояться возвращения племени. Кроме того, вокруг нас была вода, и это в какой-то степени успокаивало, потому что текущая вода сама по себе является барьером для Зла. Я почти надеялась, что моя чудовищная внешность исчезнет, когда

поток омоет мою чешуйчатую кожу. Но этого не случилось, и мы вышли из воды, какими вошли в нее, и оказались в наполовину устроенном лагере племени.

Увидев несколько брошенных сумок, я пошла на охоту, ища и складывая в мешок сушеную пищу, разбросанную повсюду. Мать прошла мимо меня, наклонив страшную рогатую голову, как бы обнюхивая след.

Наконец ее когтистые лапы разорвали туго завязанную корзинку, вывалив сухие травы, и она долго сортировала их, пока не отделила горсточку сухих, ломких листочков.

Мы не пошли больше к реке, а повернули на запад. Теперь отец уже не ходил вперед на разведку, полагая, что наше ужасное обличье вполне может служить защитой, а нес Айлию, мы шли по бокам.

Следить за нами было некому, потому что даже большие собаки заразились общей паникой и бежали за хозяевами без оглядки.

— Когда будем в безопасности, — сказала Джелит, — у меня, кажется, есть кое-что, что вернет нам прежний вид.

— Отлично, — согласился Саймон. — Но сначала оставим как можно больше пространства сзади.

На этой стороне реки были луга. Вероятно, когда-то здесь находились фермы, хотя там, где мы проходили, не было и намека на строения. Когда мы подошли к линии деревьев, я убедилась, что раньше здесь жили люди в мире и довольстве. Деревья ничем не напоминали зло того ужасного леса. На них распускались бутоны, это был фруктовый сад.

Некоторые деревья были мертвыми, расщепленными бурей, погибшими от старости, но многие еще цвели, как обещание продолжавшейся жизни. Жизнь действительно продолжалась. Птицы гнездились здесь в изобилии. Видимо, они надеялись на ранние плоды для своего пропитания.

Если тот лес был отмечен клеймом зла, то здесь чувствовалось благословенный источник добра. Я ощущала запахи трав, слабые, но бодрящие. Тот, кто сажал этот сад или уха-

живал за ним, посадил также и растения, служившие для лечения и блага.

Здесь не было голубых камней безопасности, но был мир и полное спокойствие.

Здесь мы и остановились. Айлия спала.

Мать достала чашу, изображавшую сложенные ладони. Держа ее в когтях, она медленно поворачивала голову, как бы ища впереди направляющую точку, а затем пошла к одному из деревьев и опустилась на землю. Я пошла за ней, ведомая тем же слабым запахом.

В маленьком бассейне журчал источник.

Над ним стояло молодое зеленое растение, с мелкими желтыми цветочками. Мы в детстве называли их «глазастиками». Они были хрупкими и держались всего один день, но это были первые весенние цветы.

Мать встала на колени и до половины наполнила чашу водой из источника. Осторожно держа ее, она вернулась к нашему временному лагерю под деревьями.

— Разведем костер? — спросила она отца.

Рогатая и клыкастая его голова закачалась.

— А это необходимо?

— Да.

— Пусть так.

Я уже собирала под мертвыми деревьями длинные и сухие стебли и ветви, выбирая те, которые дадут сильный, приятно пахнущий дым, и достаточно высохшие, чтобы горели быстро и ярко.

Отец тщательно сложил маленький костер и зажег его. По знаку матери я бросила в огонь щепотку трав, которые она набрала в корзинке племени.

Джелит наклонилась над огнем, держа чашу обеими лапами и пристально вглядываясь в нее. Я видела, что вода в чаше затуманилась и стала как бы фоном для ясного рельефного изображения. В глубине чаши стоял мой отец — не чудовище, следившее за костром, а человек. Я поняла, что

надо делать, и присоединила свою волю к воле матери. Даже вдвоем это было трудно. Изображение в чаше медленно изменялось. Оно становилось бесформенным, чудовищным, а мы следили и напрягали волю. В конце концов изображение полностью совпало с тем существом, которое вело нас через реку.

Тогда мать дунула в чашу. Изображение исчезло, осталась только вода, такая же чистая, какой была вначале. Когда мы подняли головы, стараясь выпрямить наши горбатые спины, мы увидели, что отец снова стал человеком.

Мать передала чашу отцу, а не мне.

Она смотрела на меня с некоторым сожалением, если такое выражение можно заметить на ее страшной морде, и заметила:

— Он самый близкий...

Я кивнула. Она была права. У него мысленное изображение выйдет наиболее отчетливым. Я послала свою силу отцу, пока мать отдыхала. Я тоже чувствовала нарастающую усталость и принуждала себя к борьбе. Мать в чаше медленно превращалась из высокой статной женщины в чудище, пока мы не решили, что сделано это хорошо, и отец сдул отраженного в воде демона в ничто.

— Отдыхай, — приказала мне мать. — Остальное мы должны сделать сами, как в свое время дали тебе жизнь.

Я растянулась на земле и смотрела, как они наклонились над чашей, и знала, что они рисуют меня такой, какой запомнили.

Но мы были так долго с ними в разлуке. Смогут ли они построить ту «меня», какую я видела в зеркале? Странная мысль, чуточку тревожная. Я перевела взгляд на цветущие ветви деревьев, под которыми лежала. Во мне поднялось великое желание остаться здесь навсегда, сбросить с себя весь груз.

Что-то звякало вдоль моего тела, но я не обратила внимания на это. Глаза у меня закрылись и я кажется уснула.

Когда я проснулась, солнце припекало сильнее и клонилось к западу. Значит, добрая часть дня уже прошла. Я удивилась, почему мы не уходим.

Я подняла голову, оглядела себя и увидела, что вернулась в свой облик.

Мать прислонилась к дереву, а отец лежал, положив голову ей на колени. Он, видимо, спал, а она ласково гладила его по волосам, но смотрела не на него, а куда-то в пространство, и на губах ее была улыбка, смягчавшая ее обычно суровое лицо. Теперь оно было даже нежным, как будто она вспомнила о чем-то счастливом.

Меня опять охватило нелепое чувство одиночества, пустоты, которое появлялось и раньше, когда я была свидетельницей их чувств друг к другу. Я как бы смотрела на уютную теплую комнату из темной холодной ночи. Мне даже хотелось стереть эту радость с лица матери, сказав ей: «Ну, а что для меня? У Киллана и у Кемока это есть, а я думала, что найду в Дензиле. Неужели правда, что, как я узнала от него, любой мужчина посмотрев на меня, увидит только оружие для осуществления своих честолюбивых замыслов? Неужели я должна отогнать напрасные надежды и пойти узким, бесплодным путем Мудрых женщин?»

Я встала. Мать взглянула на меня с нежной улыбкой. Я и в самом деле нарушила ее мечтательную задумчивость, но не совсем по своей воле. Ее улыбка стала шире, она согрела меня.

— Такие чары — утомительная вещь. А место здесь хорошее. Обновляются тело и душа.

Отец зашевелился и встал, позевывая.

— Это верно. Но нельзя спать весь день. Нам нужно пройти порядочное расстояние до темноты.

По-видимому, отец прекрасно выспался. Наш отдых хорошо сказался и на Айлии, а может, мать освободила от полного мозгового контроля и ее. Она достаточно пришла в себя, чтобы идти после того, как мы поели из припасов племени.

И вот мы оставили этот оазис добра в старом лесу. Когда я проходила мимо последнего цветущего дерева, то отломала веточку, понюхала цветок и воткнула себе в волосы, как какою-нибудь драгоценность.

Удивительно, что аромат не ослабел, когда цветок начал вянуть, а наоборот усилился, так что я как бы окружила себя этим нежным запахом.

К ночи мы остановились на вершине небольшого холма, с которого можно было наблюдать во всех направлениях. Мы не стали разводить огонь, но когда темнота сгустилась, мы увидели вдали светившуюся точку — несомненно, костер, как решил отец. Поскольку, эта точка была на юге, отец подумал, что там лагерь племени, но очень далеко от реки. Вероятно, они не вернулись на берег даже для того, чтобы подобрать брошенные вещи.

Мы опять спали по очереди. На этот раз у меня была средняя вахта. Когда мать меня разбудила, было очень холодно, и я поплотнее запахнулась в плащ. Айлия лежала чуть подальше.

Вскоре после того, как мать пошла спать, я услышала, что Айлия зашевелилась. Она вертела головой и что-то бормотала. Бормотание сменилось более отчетливым шепотом, и я наклонилась над ней головой, прислушиваясь. То, что я услышала, предупреждало об опасности.

— Запад... злой лес... Через реку на юг... снова на запад... сад... затем на запад к холму мимо сухого дерева, более высокого чем два других... На запад в место, которое называют Зеленой Долиной.

Она три раза повторила это, затем замолчала.

Я была уверена, что она не просто вспоминает нашу дорогу, а сообщает кому-то. Кому и зачем? Ее народ погиб или пленен морскими разбойниками, да я и не думаю, что кто-нибудь из них мог вызвать мозг Айлии. Днем она действовала под влиянием страха, когда увидела другое племя.

Нет ли у нее ясновидящей вроде Утты, которая следит за нами? Так могло быть, но это был не первый и не лучший ответ, который я нашла.

Хиларион! Он не стал бы контактировать со мной или с моими родителями, зная, что такой контакт, даже самый легкий, будет тут же замечен, так что ему придется идти на попытку полного захвата. Но Айлия по нашим стандартам, была слабой и легкой добычей для любого владевшего колдовством, поэтому он мог добраться до нее, работать с ней, через нее выслеживая нас. Все мои страхи насчет него вернулись, но в то же время я чувствовала неуверенность, так как помнила, как мысленное прикосновение матери к его мозгу показало мне страшное одиночество Хилариона, узнавшего, что случилось с его миром, о возвращении в который он так долго мечтал, пребывая в плену.

Я никогда не верила в активное зло Хилариона. Я боялась только такого Зла, которое родилось бы от безрассудного интереса к исследованиям, любопытства и самоуверенности. Таким он был раньше, таким мог и остаться, и в этом случае он представлял собой угрозу всему, что мы сделали в Эскоре.

Если он проследит за нами до Зеленой Долины...

Мы могли бы снова заблокировать мозг Айлии, но тогда придется нести ее на руках и постоянно о ней заботиться, а ведь нас наверняка ожидают многие опасности, и такая пленница может стать причиной нашей гибели. Бросить ее тоже немислимо.

Окончательное решение следовало принимать не мне одной, а нам троим.

Все остальное время своего дежурства я прислушивалась, но от Айлии не исходило ни звука. Она спокойно спала.

Разбудив отца для последней вахты, я рассказала ему о том, что слышала, что бы он был настороже, хотя вряд ли Айлия могла передать что-либо еще.

Утром мы держали совет. Мать задумчиво разбирала мои идеи.

— Не думаю, что у того племени есть ясновидящая, — сказала она. — Твоя Утта — уникальность этого рода. А вот Хиларион — более разумный ответ. Возможно, мы совершили ошибку, оставив его.

— Но... — запротестовала я.

— Да, но... Много «если» и «но» встает перед нами в каждый отрезок времени, и мы выбираем то, что в данный момент считаем лучшим. У нас есть Власть, делающая нас выше некоторых, но мы никогда не должны думать, что мы выше человечества вообще. Не думаю, что стоит блокировать мозг Айлии. Она станет для нас чересчур тяжелым грузом. Я также не поставлю за нами защитные чары. Такой, как Хиларион, легко прочтет их, как следы на влажной земле. Пусть лучше думает, что мы ни о чем не подозреваем, а когда наше путешествие закончится, мы придумаем защиту.

Отец кивнул.

— Ты как всегда привела все в ясность, моя колдунья-жена. Наша главная задача — пройти через эту местность туда, где мы найдем друзей. Пусть считают нас слабее, чем мы есть. Это само по себе уже защита.

Это было весьма логично. Но когда мы на заре выступили в путь, я то и дело оглядывалась, и мне казалось, что за нами ползет какая-то тень, и немедленно прячется, когда я оглядываюсь, так что я ни разу не видела ее, а только ощущала ее присутствие.

Глава 18

Мы не встретили больше такого солнечного и приятного уголка, как тот фруктовый сад, но зато и не видели такой гнусной клоаки вроде того леса. Мы, можно сказать, шли по земле, где не ступала нога человека. Дикая местность, но не слишком труднопроходимая. Два дня мы шли прямо на запад.

Каждую ночь мы слышали, как Айлия рапортовала о проделанном за день пути.

Можно было подумать, что она шла в полном сознании и смотрела вокруг глазами опытного разведчика.

На третий день далекая голубая линия на северо-западе разбилась на отдельные горные пики, и я обрадовалась приближению к более или менее знакомой местности.

Может, сегодня или завтра я наткнуусь на отметки, которые ведут нас в места, патрулируемые людьми Долины.

К полудню мы поднялись на вершину горы и смотрели оттуда на луга. Трава была пожухлая, побитая зимними холодами, но сквозь нее уже пробивалась молодая свежая зелень. Людей не было, была очень старая каменная изгородь, представлявшая теперь только линию упавших камней. От нее шла дорога, упиравшаяся в медленно текущую реку. В воде росло несколько деревьев, тянувших ветви над ее поверхностью, а посредине реки — остров.

Увидев, что происходило на острове, мы застыли в страхе. Отец предупредил, свистнув, чтобы мы легли и не высывались на фоне неба. Мы наткнулись на яростную битву между вооруженными отрядами.

На этой стороне реки скакали туда и сюда черные кеплианцы — чудовища вроде лошадей, что служили сарнам-всадникам. Я думала, что все сарны погибли при поражении Дензила, но оказывается их оставалось в живых еще достаточно, чтобы набрался отряд. Сарны внешне походили, на людей и носили плащи с капюшонами. У одного края воды толпились Серые, вытянув вверх полуволчьих морды, как бы выплевывая и выкрикивая свою ненависть. Но, как всегда, бегущая вода удерживала и тех, и других от атаки острова. Однако в этом сборище слуг Тени вода удерживала не всех; в воздухе пронзительно визжали рузы — птицы, предвестники зла. Они летели, нацелив клювы и когти на отряд на острове.

Были и другие, кого не могла удержать бегущая вода. Над водой за клубился желтый туман. Он медленно, но верно тя-

нулся к острову. Только резкие щелчки хлыстов зеленых всадников не допускали врагов близко. Но, возможно, что силы Тени держали только осаду, дожидаясь подмоги, поскольку мы видели движение на другом берегу реки. Там тоже собрались сарны-всадники и Серые, а за ними двигалось что-то настолько скрытое мерцанием воздуха, что мы не могли ничего разглядеть. Я была уверена, что это какое-то мощное Зло.

Однажды нас с Кемоком так же окружили в Месте Камней. Киллан и зеленый народ пробились и освободили нас. Здесь же, похоже, окружили самих зеленых людей.

Кемок! Его имя было у меня на языке, но я не произносила его вслух, чтобы кто-то из Тени не подхватил его и не использовал как раз против того, кого я хотела защитить. Я видела, как кипит вода вокруг острова, и удивилась: неужели кроганы, бывшие наши союзники, перешли теперь под знамена Темных Сил?

Отец внимательно следил за сценой внизу.

Затем он сказал:

— Разумно было бы предпринять какую-нибудь диверсию. Только это не колдеры и не люди...

Пальцы матери задвигались в понятных мне жестах. Она не пересчитывала врагов, но вроде бы проверяла их. Затем она ответила:

— Они не подозревают о нас. Некоторые из них не имеют знания, но это не Мастера — просто рожденные в лучах Власти. Не знаю, удастся ли повернуть их чарами, но попробуем. Армия?

— Начнем с нас, — решил отец.

Мать достала щепотку трав, которыми снимала чары, когда мы выглядели чудовищами.

Мы с отцом нацарапали земли с гребня холма и смочив ее слюной, скатали в шарики, а мать вдавливала в них травы. Закончив это, она выстроила шарики в линию перед нами.

— Называй их! — приказала она.

Отец так и сделал, долго и твердо глядя на каждый шарик. Некоторые из названных им имен я слышала раньше.

— Откелл, Бренден, Дермонт, Осберик.

Последнее было великим именем. Магнус Осберик удерживал Салкаркип и взорвал ее вместе с собой и напавшими колдерами, когда не осталось надежды на спасение.

— ...Финнс, — продолжал отец называть имена пограничников Древней расы, салкаров и некоторых фальконеров.

Все эти люди стояли когда-то рядом с ним, но теперь уже умерли, и наша магия не могла им повредить.

Когда он кончил, еще не все шарики получили имена, заговорила Джелит.

Имена, которые она называла, как-то особенно щелкали в воздухе. Она называла не воинов, а Мудрых женщин, ушедших за финальный занавес.

Она замолчала. Один шарик остался не названным. Что меня заставило? Ницья воля не входила в меня, не давила на мозг, не направляла мою руку, однако я сделала то, о чем и не помышляла. Я указала на последний шарик и назвала имя — не мертвого, а живого. Имя, которое я никогда бы не произнесла без принуждения, неизвестно как сорвалось с моего языка:

— Хиларион!

Мать бросила на меня быстрый оценивающий взгляд, но ничего не сказала, направив всю свою силу на призыв. Мы с отцом помогали ей. И вот из крошечных кучек земли, слюны и травы стали появляться фигуры, имеющие внешность названных людей. Были они настолько реальны, что можно было коснуться их и почувствовать их твердые тела. Они держали в руках оружие, готовые сражаться, и могли на самом деле убить.

Последний шарик, который я назвала, не принес плода. Я подумала: «Неужели только страх перед Хиларионом и, может быть, желание думать о нем, как о мертвом, отдаленном от нас, толкнуло меня на сей акт?»

Но сейчас не было времени для праздных размышлений, потому что с гребня холма спускалась армия, вызванная нами.

Впереди шли воины, за ними с полдюжины женщин в серых мантиях, у каждой из них на груди горел колдовской драгоценный камень, угрожавший врагу неизмеримо больше, чем сталь мечей воинов.

Так сильна была эта галлюцинация, что если бы я не видела сама процесс создания чар, я приняла бы эту готовую к сражению силу за настоящую живую армию. Но один шарик остался. Я хотела разрушить его, но обнаружила, что не могу этого сделать, и оставила его лежать, пока мы вчетвером пошли за армией, спускавшейся по нашей воле к воде.

Не знаю, кто из осаждавших первым заметил наступающих, только они все внезапно отхлынули от берега и кинулись на нас. Воины стали рубить, хотя сначала я думала, что враг почувствует нереальность армии и отнесется к ней, как к иллюзии.

Затем к нам повернулись сарны-всадники, и от них полетели огненные копья. Но никто из тех, в кого они целились, не крутился в пламени и не падал мертвым. И как только наши воины встретили Серых, так Мудрые женщины из второй линии послали вперед лучи из своих драгоценных камней.

Лучи эти, коснувшись головы кеплианца или его всадника, видимо, вызвали безумие, потому что кеплианцы с воплями бежали, но время от времени останавливались, дико лягаясь, скидывая и затаптывая своих всадников, которых не коснулись лучи.

Главным для нас было выиграть время.

Я хорошо понимала это и старалась вместе с родителями крепко держать энергию, питающую эту иллюзию. Клубы тумана потянулись от острова к нам. Туман этот был практически нереален, его нельзя было разрубить мечом, и лучи, каза-

лось, не вредили ему, хотя он старался отклониться от всего, что целилось в его центр.

И, как будто этого всего было мало, подошло ближе и то загадочное, что мерцало на другой стороне реки. Но сарны-всадники и Серые не делали никаких попыток перебраться на этот берег и принять участие в сражении или хотя бы доплыть до острова. Они как бы ожидали возможности к отступлению, оставив это странное существо вести битву.

Мать внезапно взмахнула рукой, и отец тут же оказался рядом и обнял ее за плечи, поддерживая. Меня задело лишь боковой струей этого хаотического завихрения, косо ударившего в нас, но мать, видимо, получила полный удар. Совершенно ясно, что удар этот исходил из того мерцавшего невидимого нечто. Но если оно предполагало небрежно уничтожить нас такой тактикой, то скоро поняло, что мы гораздо сильнее, чем оно думало.

Наши иллюзорные отряды не упали замертво и не ослабели. Они просто перестали существовать, потому что энергию, дававшую им жизнь, мы отвели для собственной защиты. Но наша армия успела расчистить дорогу к берегу, и люди на острове быстро воспользовались передышкой. Я видела, как встали рентавцы, ранее лежавшие в глубине, на них садились люди и размахивая энергетическими хлыстами, сметали остатки нечести. Затем громадными прыжками через воду они бросились к нам.

Впереди был Кемок, за его спиной сидела Орсия. Ее волосы и перламутровая кожа поблескивали от воды. За ними ехали зеленые люди — четверо мужчин и две женщины.

— Садитесь! — крикнул брат.

Отец почти швырнул Айлию к одному из зеленых всадников и помог матери сесть позади второго. Я протянула руки к одной из женщин и взобралась на ее рентавца, а отец сел к одному из мужчин-всадников.

Кеплианцы и Серые, раскиданные нашим иллюзорным войском, больше не появлялись, и мы поехали к юго-востоку

держась берега реки. Мы ехали и знали, что мерцающая угроза идет позади, и что из всего, с чем мы встретились в этот день, она самая страшная.

Я оглянулась и увидела, что оно вышло из воды — видимо, бегущая вода не была ему помехой — и движется теперь по нашему берегу. От скорости его передвижения зависела теперь наша жизнь. Мы не могли остановиться и сделать новую армию, даже если бы могли призвать силы и дать им жизнь.

Я никогда не знала, какую скорость могут развить рентавцы, но в тот день увидела и вторично испытывать не хотела бы, разве что в случае самой крайней необходимости.

Я вцепилась в женщину, которая сидела предо мной, и все свое внимание сосредоточила на том, чтобы удержаться в седле. Окружающий мир проносился мимо меня с такой быстротой, будто рентавцы летели, не касаясь земли, и я закрыла глаза.

Затем мы поехали не по земле, а по воде, и все еще на восток, удаляясь от цели.

Каменистое дно под водой замедляло ход рентавцев, но все равно они бежали куда быстрее самых лучших лошадей Эсткарпа. Я боялась оглянуться, потому что безымянное нечто посылало нам уже не удары, имевшие целью сбить нас, а что-то вроде покусывания. Для меня эти коварные прикосновения были хуже удара меча. Их упорство показывало, что если уж это создание вышло на охоту, его ничто не заставит свернуть со следа.

Рентавцы тоже могут устать, что если они пойдут медленнее или вообще остановятся?

Наше путешествие по воде кончилось так же неожиданно, как и началось. Рентавцы перешли поток под углом, вышли на противоположный берег и повернули на запад.

Близился вечер, а ночь — время Тени.

Безымянное нечто может созвать помощников, не смевших выйти при дневном свете. Нам необходимо было найти

какую-то защиту на ночные часы, и я надеялась, что та, с кем мы едем, тоже понимает это и позаботится обо всем.

Когда рентамцы остановились, я была поражена и могла только предположить, что они и в самом деле выдохлись, если подвели нас в столь опасном месте, как и то, из которого мы бежали. Мы оказались в открытой низине, где сухая трава была по колено рентамцам. Здесь не было никаких признаков поста Света — ни голубых камней, ни даже того ощущения добра, которое было в саду. Мы были открыты и беззащитны против любой атаки врага.

Зеленые люди сошли со спин своих союзников и предложили нам сделать то же.

Затем я наблюдала встречу Кемок с родителями. Кемок был таким же высоким и подтянутым как отец, только более стройным.

Он смотрел на отца, в его глаза, протягивая ему руки, и отец сжал их в приветствии пограничников, а затем они обнялись и приложились щеками друг к другу. Перед матерью Кемок опустился на одно колено, склонив голову, и она коснулась ее. Затем он поднял взгляд на нее, и она создала благословляющий знак.

— Хорошее приветствие в дурное время, — прокомментировал отец. — Похоже, что в этом месте у нас не будет защиты.

— Сегодня полнолуние, — ответил Кемок. — В эту ночь нам нужен Свет.

Но нам служила не только луна. Зеленый народ с уверенностью, показывавшей, что это делается не впервые, огнем своих хлыстов аккуратно нарисовал на земле звезду, достаточно большую, чтобы вместить весь наш отряд. На остриях звезды они зажгли костры из скрученной травы и поставили в середину каждого костра кубик смолы величиной с мужской кулак. Кубик загорелся но не сильным, быстро коптящим пламенем. Из него выходил высокий столб голубого излучения, которое защищало от Зла.

Сидя в звезде, мы послали, а затем стали разговаривать. Нам было о чем поговорить.

Я узнала, что Кемок с Киллаиом были отнесены лавиной далеко в сторону. С ними был и Вальмонд, к сожалению, сильно пострадавший. Позднее они нашли переломанное тело Рокнара, а меня так и не могли разыскать. Их чуть не убила вторая лавина, засыпавшая место, которое они начали раскапывать. В конце концов они вернулись в Долину, надеясь, как и я, что наша связь сказала бы им, если я умерла.

Зима для Долины оказалась очень трудной.

Злые силы с наступлением холодов осмелели, и на границах той части страны, которая была очищена зеленым народом и его союзниками, что ни день происходили стычки.

Похоже, слуги Тени задумали измотать людей, держа их в постоянном состоянии тревоги.

Мои братья давно были знакомы с жизнью пограничников, так что легко вернулись к ней.

С приходом весны осаждающие силы Зла ослабли настолько, что патруль Долины продвигался с военными действиями все дальше и дальше. Кемок был занят как раз таким делом, когда мое прикосновение достигло его, и он тут же поехал искать меня.

Сейчас мы находились далеко от зоны влияния Долины, и нам следовало ехать очень быстро, чтобы оказаться под ее покровом.

Мы рассказывали друг другу о своей жизни, и все это заняло немало времени, хотя мы придерживались лишь голых фактов. Кемок вздрогнул, услышав о Хиларионе, и сразу посмотрел на меня. Я знала, что делается в его мозгу. Он думал, не придется ли нам снова бороться с другим Деңзиллом, только раз в десять более сильным. Я не могла сказать ни «да» ни «нет», потому что у меня не было никаких доказательств, только страх.

Рядом с Кемоком сидела Орсия и тоже смотрела на меня. Я избегала ее взгляда, потому что отлично помнила, как под

влиянием Дензила желала ей зла. Могла ли я надеяться, что когда-нибудь она сможет на меня смотреть, не вспоминая о прошлом, о той стене, которая стояла между нами?

Когда мы наконец легли спать, она пришла ко мне, держа в руке маленький флакончик, не больше мизинца. Она осторожно открыла его и поднесла ко мне, так что нежный аромат коснулся моих ноздрей.

— Спи спокойно, сестра, и будь уверена, что сны, которые будут приходить, не будут иметь ничего от мрака.

Она увлажнила кончик пальца содержимым флакончика и провела им по моему лбу, векам и губам. Я поняла, что она дала мне свою магию, и поблагодарила ее.

Она улыбнулась и тщательно закрыла флакон. Затем сделала жест в сторону Айлии, которая сидела и смотрела в пространство невидящими глазами.

— Ей нужно побыть некоторое время в безопасном месте, — сказала Орсия. — Она не пашей крови, и то, что она видела, лежит на ней тяжелым грузом. Когда мы будем в Долине, Дахаун может дать ей лучшее лечение, чем мы.

Она повернула голову к ночному ветру.

В нем не было миазмов Зла, и хотя было холодно, чувствовалось возобновление жизни.

Глубоко вдыхая этот воздух, я чувствовала, как благодаря сердечной помощи Орсии с меня свалился один из моих тяжелых грузов.

Большая часть нашей группы уже отдыхала.

Рентанцы, подогнув под себя ноги, пережевывали жвачку и думали свои думы, не похожие на наши, но столь же выразительные.

Орсия все еще сидела между мной и Айлией.

Она взяла меня за руку и испытующе взглянула на меня.

— Тебе лучше, сестра?

Если это означало вопрос, я ответила даже с большей твердостью, чем сама была убеждена.

— Да. Моя Власть вернулась почти полностью.

— Твоя Власть, — повторила она. — Если ты нашла то, что тебе дорого, береги это, Каттея.

Я поняла, что она в сущности димела в виду. Пожелав ей, в свою очередь, спокойной ночи, я завернулась в плащ и уснула.

Если в душной жидкости Орсии было благо, то оно, похоже не сработало. Едва я закрыла глаза, как оказалась на гребне, где мы делали из земли наше маленькое войско. Я снова коснулась пальцами последнего шарика и назвала имя, которое не хотела произносить. На этот раз шарик остался просто землей, а тот, чье имя я назвала, вырос передо мной не такой, каким я его видела в последний раз в его пустой, разрушенной цитадели, а такой, каким он был в моем первом сне, когда он сидел в кресле и смотрел на открытые им Врата.

Он посмотрел на меня, и было что-то в его взгляде, от чего мне хотелось отвернуться, но я не могла.

— Ты вызвала меня на Битву Мертвых, — сказал он, не вслух, а мысленно. — Значит, ты боишься меня... или ненавидишь?

Я собрала все свое мужество, чтобы ответить честно:

— Я боюсь тебя, вернее, боюсь того, что ты можешь сделать, будучи тем, кто ты есть. Твои дни в Эскоре прошли. Не поднимай там снова своего знамени.

И как если бы моя настоящая мысль выплыла наверх, чего я боялась больше всего, я увидела позади него развернутое знамя, желтое, как солнечный свет на золотом песке, и на нем скрещенные жезл и меч.

— Не поднимать знамя, — повторил он задумчиво. — Значит, ты думаешь, Каттея, волшебница и колдовская девушка, что мои дни прошли? Я не сержусь на тебя, потому что между нами никогда не будет правителя и подчиненного. Но я предвижу, что ты еще пожелаешь этого знамени. Зови его, когда понадобится.

Я собралась с мыслями, чтобы он не влиял на меня.

— Я хочу только, чтобы ты оставался в своем месте, Хиларион, и не ходил в наше. Я не призываю на тебя зла, потому

что уверена, что ты никогда не шел с Тенью. Но оставь нас в покое!

Он медленно покачал головой.

— У меня нет армии, нет ничего, кроме меня самого. А за тобой долг, потому что ты назвала меня именем мертвых. Когда настанет время, веса уравновесятся.

Больше я ничего не помню. Остаток ночи я крепко спала и проснулась с неопределенным предчувствием, что наступивший день будет полон опасностей и злоключений, но в первые часы после того, как мы оставили лагерь, мне казалось, что я ошиблась.

Мы ехали прямо на запад. Рентанцы не мчались, как накануне, но все-таки бежали очень быстро и, казалось, не чувствовали веса всадников. Вскоре мы узнали, что если сарны-всадники и Серые потеряли наш след, то мерцающее нечто унюхало его. Скорость у него была больше нашей, хотя оно вроде бы постепенно догоняло нас.

Я видела, как два зеленых всадника, которые скакали в арьергарде, то и дело оглядывались назад. Я сделала то же, и мне показалось, что я вижу вдалеке мерцание. Оно распространяло впереди себя какое-то влияние, замедлявшее наши мысли, туманившее мозг. Оно действовало и на тело, так как каждое движение давалось с трудом, рентанцы тоже начали поддаваться ему.

Яркий солнечный свет побледнел. Между ним и нами протянулось тонкое облако, и мы дрожали от холода, словно Ледяной Дракон вылез из своей берлоги и дышал на нас.

Бег рентанцев сменился рысью, а затем и шагом, но и он с трудом давался им.

В конце концов передовой, на котором ехал Кемок, громко закричал, и все остальные остановились. До нас дошла мысль передового рентанца:

— Мы не можем двигаться, пока эти чары не уйдут.

— Эти чары, — быстро откликнулась моя мать, — выше моих способностей. Нужны знания другого рода. Я не имела с ними дела.

Холод моего тела сравнялся с холодом моего внутренне-го страха. Я была уверена, что мать может бросить вызов любому Злу, в этой замученной стране и бороться с ним.

— У меня есть магическая вода, — сказала Орсия, — но она слаба против того, что сейчас охотиться за нами. А у тебя Кемок?

Брат покачал головой.

— Я назвал бы великие имена и получил бы ответ, но не знаю какое имя может иметь с этим дело...

В этот миг я вспомнила то, что знала я одна — кто может встать против нашего преследователя. Я назвала его среди мертвых тогда, сама не понимая, почему. Если я позову его сейчас, то для смерти, потому что на нас уже лежало ее дыхание, и тот, кто вступит в эту битву, должен иметь такую мощь, какой нет ни у кого.

Даже Мудрые женщины Эсткарпа должны были работать сообща для своих великих чар.

Я могу позвать его, и он ответит и может быть, погибнет. Так говорил мне мой страх. Может ли женщина позвать человека на смерть, если знает об этом заранее?

Если я это сделаю, то не ради своей жизни, а ради жизней тех, кто может создать хорошее будущее для этой страны. Я соскользнула со спины рентанца и побежала назад, к невидимому существу. На бегу я звала на помощь, как зовет погибающий.

— Я вызываю... твоё знамя... !!!

Почему именно так я сформулировала свою просьбу — не могу сказать. Но мне ответила золотая вспышка через все небо.

Она несла с собой тепло солнечных лучей, которые так странно ушли от нас.

Под знаменем стоял Хиларион. Не глядя на меня, он повернулся к тому созданию, и в его руке был не обнаженный меч, а жезл мага.

Он поднял жезл, как воин салютует своим мечом, прежде чем нанести первый удар.

Салют был четким, официальным, он содержал вызов тому, что преследовало нас.

Последующего боя я не видела. Мерцание до того усилилось, что мне пришлось закрыть глаза, чтобы не ослепнуть. Но одну вещь я могла сделать и сделала: то, что требовал от меня Хиларион, когда он был еще Пленником Зандора, я теперь отдала ее добровольно, без его просьбы. Я послала ему всю свою силу и Власть, опустошая себя полностью.

Кажется, я упала на колени, прижимая к груди руки, но точно не помню. Я сознавала, что только это опустошение необходимо необходимо. Сколько времени это продолжалось — тоже не знаю.

Затем все закончилось. Я была высушена и пуста, и пустота эта была глубже, чем то, что оставила во мне рана, нанесенная когда-то Дензилом. Я безвольно подумала, что это смерть. Что ж, так и должно быть. Я не боялась смерти, а только хотела вечного покоя.

Неожиданно на мои плечи легли горячие руки и подняли меня. Это прикосновение вернуло меня к жизни, но я уже не хотела жить, потому что знала, что я наделала своим зовом.

— Ничего, подобного!

Я заставила себя открыть глаза и увидела не слепой хаос, как я предполагала, а того, кто стоял рядом. Я знала, что он не из породы Дензла и ему подобных, которые ничего не дают, а только берут, и что в самом деле между нами никогда не будет ни управления, ни подчинения, а только равенство.

В словах не было нужды, и в мыслях тоже было только быстро исчезнувшее удивление — как я могла быть такой слепой и не видеть открытой двери, за которой не было никакого страха.

Мы вместе пошли к тем, кто смотрел и ждал. Открыватель Врат стал защитником жизни, и на этом я заканчиваю свою часть саги об Эскоре.

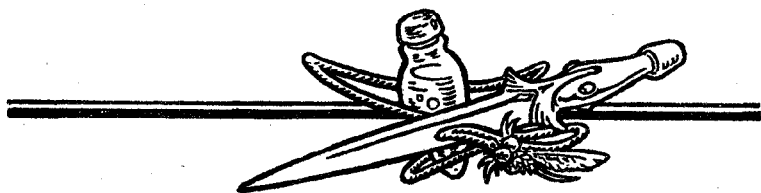
Мы хорошо работали вместе. Объединив нашу Власть, мы ездили и сражались и очистили страну от слуг Тени, отгоняя их все дальше, а когда они уюлзли в свои норы, мы с помощью Власти запечатали их.

Когда большая этой часть очистки была уже сделана, мои родители уехали в Эсткарп, куда влекло их сердце. Дороги между нашими странами были теперь открыты, и наши мысли могли долететь туда и обратно быстрее любых посланцев.

Мои братья вместе с приведенными ими людьми ушли из Долины и завоевали для себя новые земли, а я выглядываю из-за стен цитадели, смело выступающей в море. Из пыли веков пришло новое пробуждение, доброе и плодородное.

Год Единорога

Глава 1

В маленьком обществе, изолированном от остального мира, защищенном от всяких перемен, бывают времена, когда приветствуются любые изменения, ибо нет ничего более скучного и однообразного, чем то время, что течет именно в таких вот замкнутых обществах.

С увенчанной куполом башни монастыря Норстадт была видна холмистая долина, тянувшаяся до далекого серо-синего гребня гор.

Эта долина уже существовала, когда сюда пришел человек, и она все еще будет существовать, когда он исчезнет. Совсем недавно в этой местности шла гигантская битва и в течение долгих лет велась вооруженная борьба против захватчиков из-за моря, пока, наконец, их не оттеснили к их главной крепости на берегу моря. Последнее сражение, и, наконец, мир, во время которого местному населению пришлось привыкнуть к языку мечей воинов.

Все мы в Нордейле знали это, но пламя войны никогда еще не проникало так далеко вглубь страны, никогда еще не достигало нашей долины. Только те, кто пережил все эти ужасы и искал у нас убежища, приносили с собой дух войны. Мы сами никогда не видели шаек ализонцев, грабящих и захватывающих все на своем пути, и за это женщины Норстадта ежегодно возносили в часовне благодарственные молитвы.

В те беспокойные дни войны я обрела душевное равновесие в монастыре, но были моменты, когда я думала, что захохочу от подавляющего спокойствия, царящего здесь. По-

тому что очень тяжело жить среди людей, чужих тебе не только по крови, но и по духу, по стремлениям и намерениям. Кем же я, собственно, была? Каждый в монастыре, кого спрашивали об этом, вероятно отвечал так:

— Кто это? Это Джиллан, которая вместе с госпожой Алюзан работает в саду, собирает травы. Она пришла сюда вместе с леди Фризой восемь лет назад. Хорошо разбирается в травах и по большей части сама выращивает их для себя. Она не красавица и у нее нет никакой знатной родни. Утром и вечером приходит в часовню и молится, но она не давала обета. Мало говорит...

Да, здесь все мало говорят. Монашки, девушки и леди, нашедшие здесь убежище, но они много размышляют. И все время напоминают Джиллан, что она не из Высшего Халлака.

Я вспоминаю корабль, сотрясаемый огромными волнами. Корабль шел из Ализона, я это помню. Но сама я не из Ализона и очутилась на корабле не по своему желанию. Я была тогда так мала и юна, что не знала почему я нахожусь здесь. Об этом знал только тот, кто привел меня на этот корабль, но он погиб: волны и ветер опрокинули на палубу мачту, под которой он стоял. И ни один из его спутников не знал, с какой целью меня отправили на корабле подальше от дома.

Это было в то время, когда лорды Высшего Халлака отчаянно сражались, чтобы освободить свою страну от собак Ализона. Они напали на порты захватчиков и нанесли по ним уничтожающий удар. И они захватили меня. Они отвезли меня в одну из горных крепостей.

Лорд Фарно, как мне кажется, что-то знал или подозревал о моем прошлом, потому что он выделил для меня охрану и приказал своей жене обращаться со мной хорошо. Так некоторое время я прожила в их имении под их опекой. Но это продолжалось недолго, потому что Ализон становился все сильнее, и лордам становилось все труднее сдерживать его. В одну из холодных суровых зим мы бежали, преодолев голую равнину, в одну из высокогорных долин. В конце концов мы

достигли Норстадта, но леди Фриза пришла в монастырь только для того, чтобы там умереть. А потом лорд Фарно упал в горах со стрелой в горле и то, что он знал или предполагал, исчезло вместе с ним. И я снова оказалась одна на чужбине, но на этот раз в мирном монастыре.

Мне достаточно было только взглянуть в зеркало, чтобы понять, что я не принадлежу к расе Халлака. У женщин Халлака была светлая кожа, румяные щеки и волосы желтые, как одуванчики на обочинах дорог, или коричневые, как крылья певчей птички. В отличие от них, у меня была коричневая от загара кожа и лицо мое никогда не было румяным. И мои волосы, которые я носила заплетенными в косу и уложенными вокруг головы, были черными, как беззвездная ночь.

Есть одиночество духа, которое переносится намного тяжелее, чем одиночество тела. За все те годы, которые я прожила в Норстадте, я встретила только двух людей, которые привлекли меня. Монашка Алюзан уже была женщиной средних лет, когда я пришла в Норстадт. Она тоже держалась несколько поодаль от остальных. Жизнь ее была посвящена травам, из которых она потом приготавливала порошки, мази и настойки, исцеляющие, успокаивающие и освежающие. Ее познания были широко известны и сражающиеся в горах отряды часто присылали к ней своих самых быстрых курьеров, чтобы попросить у нее средства для заживления ран, от лихорадки и от ревматизма, который постоянно мучил людей, в любую погоду и в любое время года живущих под открытым небом.

Когда она увидела меня в Норстадте одну, она пристально поглядела на меня, словно рассматривая только что найденную траву, а потом взяла к себе на службу. И сначала для меня это было то, что нужно, потому что я была слишком усталой, чтобы учиться, а дух мой изголодался по какой-нибудь работе. И все последующие годы я вполне довольствовалась этим.

Я работала в саду, выпалывая сорную траву, когда произошло нечто, нарушившее мою размеренную жизнь, запол-

ненную учением и работой. В саду все еще гудели пчелы, пчелы на цветах, но внезапно я услышала звук, сначала в ушах, а потом в голове. Что-то шебельнулось в моей памяти, но я не смогла осознать, что это такое.

Звук этот словно невидимым канатом тянул меня вперед. Я встала и прошла через арку ворот во внутренний садик, который использовался только для отдыха, садик с фонтаном, прудом и множеством цветов в любое время года. Там стояла скамейка, наполовину на солнце, наполовину в тени, и на ней сидела одна из монахинь, закутанная в шаль, хотя день был очень теплым. Эта старая монахиня очень редко покидала свою келью и была легендой среди молодых девушек, живущих в монастыре.

Ее лицо под капюшоном было маленьким и бледным, но глубокие старческие морщины виднелись только в уголках глаз и вокруг рта. Остальные морщинки были маленькие, такие, какие возникают во время смеха. Ее искривленные от старости руки неподвижно лежали на животе. На пальцах сидела маленькая ящерка, подняв блестящую головку и уставив на старую женщину искрящиеся глаза, словно они вели друг с другом безмолвную беседу.

Она все еще глядела на ящерку, но гудение в моей голове прекратилось. Потом она тихо сказала:

— Приветствую тебя, дочь моя. Сегодня великолепный день.

Слова были так приветливы, что я приблизилась и опустилась на скамейку рядом с ней. Так я познакомилась со старой аббатисой Мальвиной и она тоже стала обучать меня. Знания ее касались не растений, а летающих четвероногих и ползающих животных. Но аббатиса уже находилась на закате своей жизни и была моей подругой очень недолго. И только она одна во всем Норстаде знала мою тайну. Не знаю, чем я выдала себя, но она не выказала никакой неприязни, когда заметила, что я могу иногда воспринимать то, что скрыто в какой-нибудь вещи. Когда я увидела ее в последний раз, она

лежала в постели и тело ее, в котором был заключен свободный дух, не могло уже больше двигаться — она задала мне вопрос, чего прежде никогда не делала. Но что я могла вспомнить, кроме корабля Алисона? И когда мне стало известно, что я отличаюсь от остальных, с которыми жила до сих пор? Но я ответила на ее вопрос так подробно, как только смогла.

— Ты очень умна для своего возраста, дочь моя, — ответила она тогда своим слабым голосом. — Это заложено в твоей природе. Недоверие охраняет нас от того, чего мы не понимаем. Я слышала рассказы о стране за морем, где некоторые женщины имеют способности, далеко выходящие за рамки обычного. А я также слышала о том, что этот народ считает Алисон своим врагом и преследует его так же, как эта свора собак из Алисона преследует нас. Очень может быть, что ты относишься к той, другой расе, и по какой-то причине тебя взяли в плен.

— Пожалуйста, матушка аббатиса, — взволнованно обратилась я к ней, — скажите, где находится эта страна? Как я могу...

— Найти путь туда, дочь моя? Нет никакой надежды попасть туда, и ты должна быть удовлетворена этим. Если ты отважишься отправиться туда, ты снова можешь попасть в руки алисонцев и погибнешь самой худшей и далеко не быстрой смертью. Не омрачай свои юные годы напрасным стремлением. Ничто не происходит, кроме как по воле того, кто Зажигает Пламя. То, что тебе надо, ты получишь в надлежащее время, — глаза ее улыгнулись. — Я говорю это при Пламени: придет то, что заполнит пустоту в твоей жизни.

Но это было сказано три зимы назад. С окончанием войны внутри стен Норстадта все пришло в движение. Вскоре приехали лорды, чтобы забрать своих жен, сестер и дочерей. Потом настало время свадеб, и теперь волнение царило даже в маленьких комнатухах под увенчанной куполом башней.

Свадьбы — я думала о них как о Великом Таинстве. Теперь пришло время, и Великое Таинство началось.

В первые весенние дни Года Грифона между лордами Высшего Халлака и всадниками-оборотнями был заключен договор. Жестоко притесняемые ализонцами, преследуемые ими, боясь каждой тени, гонимые ненавистью и отчаянием, Лорды прибыли в соляные дюны, чтобы заключить договор с всадниками.

Те всадники, которые пришли говорить с лордами, имели человеческий облик, но они не принадлежали к человеческому роду. Они были великолепными бойцами, сильными, мужественными людьми — или существами, которые прискакали из северо-восточной дикой местности, и все их боялись, хотя они никому не сделали ничего плохого и не захватывали никаких земель. Сколько их было, не знал никто, но было известно, что они обладали знаниями, которые намного превосходили человеческие.

Оборотни, колдуны, волшебники... они были всем этим и даже больше. Но уж если они принесли присягу, они были лояльны и верны присяге несмотря ни на что. И теперь они вместе со своими предводителями были на свой лад готовы бороться за права Высшего Халлака.

Война продолжалась на протяжении Года Огненного Дракона и Года Шершня, пока ализонские силы не были сломлены и полностью разбиты. Из-за моря больше не пришло ни одного корабля, чтобы доставить продовольствие и припасы людям Ализона. Последний их морской порт на побережье был захвачен; их крепости на возвышенных местах превратились в смрадные руины и ализонцы, высадившиеся на берег моря, были уничтожены.

Теперь наступал новый год, Год Единорога, и лорды Высшего Халлака должны были выполнить свою часть договора со всадниками, так как те выполнили свою часть договора с лордами Высшего Халлака. Всадники должны были сделать две вещи: они должны были помогать лордам бороться за освобождение, а потом они должны были уехать из степей, попутно освобождая их от остатков банд ализонцев, и оставить в полное распоряжение людей.

А какую плату должны были дать лорды Высшего Халлака, поклявшиеся на Мече? Лорды должны были заплатить своей собственной кровью, своими дочерьми, которых всадники потребовали себе в жены и хотели забрать с собой в неизвестность.

Насколько было известно в долинах, всадники были здесь, но никто еще никогда не видел среди них ни одной женщины и никто даже не слышал об их женщинах. Сильно ли отличалась продолжительность жизни всадников от продолжительности жизни людей, тоже не было известно. Никто также никогда не видел их детей, хотя лорды время от времени направляли своих послов к ним в лагерь, особенно после заключения договора.

Двенадцать девушек и еще одну требовали они — молодых девушек, не вдов и не таких, для которых легкое поведение было обычным образом жизни. И они должны были быть не моложе восемнадцати и не старше двадцати лет. Кроме того, они должны быть благородной крови и тело у них должно быть стройное. Нужно было найти двенадцать девушек и еще одну и в первый день Года Единорога передать их всадникам на границе степей, чтобы оттуда их новые, чужие хозяева увезли в будущее, из которого не было возврата.

Что должны были чувствовать эти двенадцать девушек и еще одна? Страх? Да, страх у них тоже был, потому что, как сказала аббатиса Мальвина, страх — это самая первая реакция на то, что нам чужое.

Норстадт дал приют пяти девушкам, которые соответствовали всем этим требованиям. Но две из них однако уже были обвенчаны и с нетерпением ждали этой весной своей свадьбы. А леди Тельфана была дочерью такого высокородного лорда, что ей подобрали великолепного жениха, несмотря на ее некрасивое лицо и острый язычок. А Маримма с ее похожим на розу лицом и с врожденной кротостью... нет, ее дядя заберет из монастыря и возьмет с собой на следующую встречу лордов, где он сможет подобрать для нее жениха, ко-

торый соответствует его понятию о чести. Зато Суссия — что, собственно, известно о Суссии? Она была старше всех и держала свои воспоминания при себе, хотя и с готовностью болтала о всех, даже самых незначительных событиях, происходящих в Норстадте. Другие едва ли замечали, как мало она говорила о себе. Она была знатного происхождения и обладала приятной внешностью и живым умом. Ее родина находилась в низине, на морском берегу, и там она прожила с рождения до изгнания. У нее были родственники среди военных, но где они сейчас находились, не знал никто. Да, Суссия тоже была подходящей кандидатурой. Но как она воспримет это возможное сообщение о том, что выбор пал на нее?

Уже наступали ранние вечерние сумерки и я поплотнее натянула двойную шаль, чтобы защититься от резкого холодного ветра. Бросив последний взгляд на заснеженный сад, я спустилась вниз по лестнице башни, чтобы обогреться у огня в большом зале монастыря.

Меня встретил громкий гвалт голосов, а моя шаль зацепилась за крючок и я задержалась возле двери. В зале не было ни одной монашки, но все те, кто нашел убежище в монастыре, некоторые из них провели здесь даже больше года, собрались у камина.

— Джиллан, подумать только, — крикнула леди Маримма во весь голос, удивленно глядя на меня, когда я подошла к огню. — Она пришла сюда! Может быть, уже наступил час Пятого Пламени!

«Родственник — воин, вернувшийся с войны, — подумала я. Это могло быть тем, что привело в возбуждение весь монастырь».

— Кто прибыл? — я назвала ближайшего родственника Мариммы. — Лорд Имграй?

— Он и другие — невеста! Джиллан, обещанная невеста! Они уже скачут по степи и сегодня заночуют здесь! Джиллан, это же страшно! Бедная крошка! Мы должны молиться за нее...

— Почему? — к нам подошла леди Суссия. Она не была так красива, как леди Маримма, но, как я думала, она большую часть своей жизни жила по-королевски и на нее еще долго будут обращать внимание после того, как красота других давно поблекнет.

— Почему? — повторила Маримма. — Потому что она поскачет в черное, злое будущее, и никогда больше не вернется назад!

И Суссия на это ответила то, что полностью соответствовало моим мыслям обо всем этом:

— Может быть, она поскачет в это черное будущее, малышка. Не все из вас имеют свое собственное мягкое гнездышко или защищающее крылышко.

— Я скорее обручусь со сталью меча, чем отправлюсь в такое свадебное путешествие! — воскликнула какая-то девушка.

— Но ты же ничего не боишься, — сказала я ей только для того, чтобы унять свой собственный страх. Но за плечом Мариммы я внезапно заметила предупреждающий взгляд Суссии. И задала себе вопрос — знала ли она что-нибудь или только догадывалась.

— Маримма, Маримма...

Я думаю, она была рада отвернуться от нас и последовать зову других девушек, которые уже были обручены и потому находились в безопасности, словно она могла делить с нами эту безопасность.

— Обрати на нее внимание также, как я сама обратила на нее внимание в эту ночь, — тихо сказала Суссия.

— Зачем?

— Потому что она пойдет с нами!

Я беспомощно уставилась на нее. Но я знала, что она говорит правду.

— Как, почему?.. — пробормотала я, но она быстро положила свою ладонь мне на запястье и отвела меня немного в сторону. Голос ее был тих и предназначался только для моих ушей.

— Откуда я это знаю? Семь ночей назад я получила личное сообщение. О, да, я думала, что выбор может пасть на меня. За это говорило многое. Но у моих родственников насчет меня были другие планы вот уже в течение года, и когда было сделано предложение включить меня в состав группы невест, они тотчас же подобрали для меня жениха-воина. Во время войны у меня не было родины, но теперь, когда этих собак из Алисона уничтожили, я стала хозяйкой не одного замка — как последняя из своего рода. — Она чуть улыбнулась. — И, таким образом, я представляю большую ценность для своих родственников. С наступлением весны я должна идти под венец и свадьба состоится здесь, в долине. Но почему именно Маримма? Человек, жаждущий власти, может добиться этого различными способами. Лорд Имграй имеет право предложить свою руку, кому хочет. И он человек, у которого никогда не было достаточно власти. Он просто из любезности предложил ей эту услугу. И все другие считают, что такой цветок придется ему по вкусу, потому что не все невесты так красивы.

— Но она не пойдет...

— Она пойдет, она должна будет это сделать. Но она погибнет. Такой напиток не для нее.

Я взглянула на Маримму. Лицо ее покраснело и ее охватила какая-то лихорадка радости, которая мне не понравилась. Но все это не имело ко мне никакого отношения, не мне, чужестранке, моя кровь не была кровью этого общества.

— Она погибнет, — с нажимом повторила Суссия. Я повернулась к ней.

— Если это пришло в голову лорду Имграю и другие с ним согласились, ее ничто уже не спасет...

— Ничто? Частенько уже бывало так, что мужчины планировали что-нибудь, а женщины нарушали все их планы.

— Но если бы на ее месте был бы предложен кто-нибудь другой, обладающий такой же красотой, пал бы тогда выбор на нее?

— Да, — сказала Суссия, посмотрев на меня таким странным внимательным взглядом, что я подумала о том, что нам больше не нужно никаких слов. И еще я подумала о Норстадте, о никогда не меняющихся уже прошедших годах, и о тех, что мне предстоит провести здесь, подумала о своем месте в этом мире.

Двенадцать невест должны были провести ночь в качестве гостей в этом монастыре, двенадцать и одна должны были на следующий день уезжать из монастыря. Двенадцать и одна, и я не могла быть одной из них! Но почему?

Глава 2

Коридоры монастыря были темны, но я изучила их все. Монахини отправились в свои кельи и гости покинули зал. Идя по темным холодным коридорам, я думала о гостях, которые прибыли незадолго до рассвета и разделили с нами наш завтрак за длинным столом.

Лорд Имграй, возглавлявший эту группу, был мужчиной средних лет с коротко подстриженной коричневой бородой. Серебряные нити, пронизывали его волосы. У него было жесткое лицо волевое и решительное. Его сопровождали два солдата, которые, выполняя свои обязанности, явно чувствовали себя неловко. Вооруженный эскорт разместился в ближайших домах деревни возле монастыря.

А потом невесты. Мой опыт общения с невестами ограничивался деревенскими свадьбами, когда я сопровождала монашек, тех, кто во время таких торжеств покидал свой монастырь. Однако эти невесты выглядели иначе, чем деревенские девушки. На них была одежда путешественниц: теплые шубы, защищающие их от зимней стужи, разрезы на юбках для верховой езды, а под шубой короткая куртка воина, с вышитым на ней гербом рода, который свидетельствовал о высочайшем происхождении невесты. Но не было никаких разве-

вающихся на ветру кудрей, никаких венков из цветов. Две или три из них, с блестящими глазками, лихорадочно покрасневшими щеками, были великолепны, милы и обольстительны. У остальных были припухшие веки, покрасневшие от слез, побледневшие щеки и другие признаки печали. И я слышала шепот леди Тельфаны, которая обменивалась информацией со своей соседкой по столу.

— Милы? Да, милы. Так сказала наша дорогая сестра, леди Гралия. Лорд Джеррет, ее любовник, известный охотник за юбками. Это значит, что в последнее время он охотно поднимает все юбки, находящиеся поблизости от него. Вот почему ты видишь в этой группе Кильдас. Обвенчанная с всадником, она больше не будет доставлять никакого беспокойства во владениях своей сестры.

Кильдас? Это была одна из лихорадочно жизнерадостных невест. Ее каштановые волосы в свете лампы испускали красно-золотое сияние, у нее был округлый подбородок и рот с пухлыми губами. Плотнo облегающая куртка не скрывала округлостей ее тела, они были в меру соблазнительными, чтобы зажечь желание, которым и воспылал к ней лорд ее сестры. Вполне достаточно основание для того, чтобы отправить Кильдас к всадникам.

Возле Кильдас сидела бледная девушка, внешность которой подчеркивала яркую красоту Кильдас. Вышивка на ее курточке была сделана тщательно и искусно, но одежда на ней была явно перешита из старья. Девушка сидела, опустив взгляд, веки ее покраснели, она с трудом жевала пищу, но жадно и часто пила из кубка. Алианна? Нет, Алианна — это маленькая девушка на другом конце стола. Имя же этой девушки было Сольфинна.

В то время как одежда Кильдас была великолепна — может быть для того, чтобы несколько успокоить совесть тех, кто послал ее сюда — на Сольфинне была поношенная одежда, подчеркивающая ее бедность. Она, несомненно, принадлежала к одному из древнейших, но обедневших родов без

приданого и, вероятно, у нее были маленькие сестры, о которых тоже надо было заботиться. Поэтому она стала невестой и этим была обязана семье лорда.

Несмотря на предположение Суссии, здесь не было ни одной некрасивой девушки. Соглашение предусматривало, что среди невест не должно быть ни больных, ни уродливых, а некоторые из них, как, например, Кильдас, были достаточно милы, чтобы составить хорошую пару. Впрочем, если раньше девушки были милыми и привлекательными, а сейчас горе несколько затмило их красоту. Лорды Высшего Халлака с честью выполнили свою часть соглашения — за исключением того, что не посчитались с пожеланием самих невест. С другой стороны, браки в Высшем Халлаке заключались, не принимая во внимание симпатии обеих сторон, во всяком случае, в старых, знатных семьях. Там браки заключались строго по расчету. И, может быть, девушкам предстояло не самое худшее, может быть, для них было бы хуже, если бы все осталось по-старому.

Глядя на Маримму, в это легко было поверить. Ее лихорадочная веселость исчезла. Она тихо сидела и наблюдала за лордом Имграем и больше не делала никаких попыток привлечь к себе его внимание. Напротив, она поспешно отводила глаза, когда ей казалось, что он поворачивается и отвечает ей на ее взгляд. Я предположила, что он еще не сообщил ей эту новость, потому что Маримма никогда не была в состоянии даже при самых маленьких затруднениях сохранять самообладание. Она, конечно, давно ударилась бы в истерику. Но было заметно, что она что-то подозревает.

И это стало ясно потом, когда Маримма полностью сломалась. И я еще больше утвердилась в чувстве, что счастье не только улыбнулось мне, оно еще и протянуло руку помощи, так что нужно было только сохранить трезвую голову, чтобы все произошло так, как мне этого хотелось.

Я достигла своей цели: комнаты сборов. То, что мне нужно было сделать, надо было сделать быстро, обдуманно и

тщательно, а затем незаметно уйти. На одной из боковых полок лежала сумка, с множеством разнообразных карманчиков всех форм и размеров. Я взяла одну такую сумку, а потом, не решаясь зажечь свет, пошла от шкафа к шкафу, от полок к комоду и столам, и была благодарна за то, что все это мне было знакомо, я действовала уверенно, словно на пальцах у меня были глаза, бутылочки, коробочки, флакончики — все находилось в нужных кармашках, потом я перекинула сумку с набором лекарств и других снадобий через плечо. Монахиня Алюзан снаряжала сумку таким образом для санитаров, идущих на поле боя. Потом я повернулась к одному из дальних шкафов, который был заперт. Но мне уже давно была доверена тайна его замка и я без труда открыла его. Нашла в шкафу несколько бутылочек, а потом, чтобы быть уверенной, вытаснула пробку из одной бутылочки и понюхала. Пахло яблоками и уксусом. Значит я выбрала нужную бутылочку. У меня не было времени, чтобы отлить из нее содержимое, поэтому я взяла с собой всю бутылочку. Затем снова тщательно заперла шкаф.

Я постаралась как можно быстрее достичь своей комнаты, чтобы меня здесь кто-нибудь не увидел. Это было опасно. Моя комната находилась на углу хода, который вел к кельям монашек, а с другой стороны находились комнаты, где жили гости, находящиеся в монастыре длительное время. Из-под одной двери сочился свет и я смогла свободно вздохнуть только тогда, когда за мной закрылась дверь в мою комнату.

Я зажгла лампу, стоящую на столе, и поставила туда бутылочку, которую прихватила с собой из особого шкафа. Немного отлила из нее в маленький пузырек, который взяла с полки в своей комнате, потом добавила туда пять-шесть капель из другого флакона и, затаив дыхание, стала смотреть, как бесцветная смесь стала изменяться, пока, наконец, не приобрела свежее-зеленый цвет.

Потом я стала ждать. Глубоко во мне шевельнулось удивление, почему я была так уверена, что все пройдет нужным мне образом.

Во время этого ожидания я прислушивалась к малейшим шорохам, и волнение мое все росло и росло.

И потом — шорох одежды, тихий звук, быстрые шаги по голым каменным ступеням... Я хотела подбежать к дверям и распахнуть их, чтобы посмотреть, кто это пришел сюда, но сохранила самообладание. Прежде, чем ногой пришедшего царапнул по деревянной двери, я спокойно подошла к ней. Я не удивилась, увидев перед собой леди Суссию. Но она, кажется, удивилась, увидев меня полностью одетой, словно я ждала какого-то вызова.

— Ты должна своими лекарствами помочь Маримме, Джиллан, ей нехорошо, — ее взгляд скользнул мимо меня на стол, где в костяной чашечке лежали таблетки и стояла бутылочка, и когда ее взгляд снова упал на меня, на ее губах появился намек на улыбку. Нам не надо было никаких слов.

— Желаю, чтобы тебе повезло в том, что ты задумала, — тихо сказала Суссия. Она больше не говорила о моих знаниях во врачевании, но мы обе понимали все.

Я взяла таблетку и пошла по коридору к комнате Мариммы. Дверь в нее была приоткрыта и оттуда доносились голоса. Один из голосов был тих и почти неразборчив, и этот голос мгновенно остановил меня и поколебал мою уверенность, которая не покидала меня весь вечер.

Аббатиса Юлианна! Я всегда боялась ее пронизательного ума, и мне показалось, что мои намерения будут раскрыты. Но я уже давно миновала ту черту, откуда можно было отступить.

— ... ничего, кроме обычного женского каприза. Но время идет. Мы выедем утром, чтобы выполнить нашу часть договора. И утром она уже будет готова к свадьбе. Она пойдет с нами без жалоб и плача. Мать аббатиссы, я слышал, что кое-кто из здешних монашек обладает умением врачевать. Дайте ей питье, которое прекратит ее истерику. Не могу же я заткнуть ей рот и привязать ее к седлу — но если это будет необходимо, я сделаю это! Мы сдержим данное нами слово!

Лорд Имграй был в гневе, он был холоден и неумолим, как камень в долине.

— Таких, кто использует врачевание во вред, здесь нет. Мой лорд, — аббатисса была так же непреклонна, как и он. — Вы действительно хотите достигнуть условленного места с девушкой, которая потеряла сознание от страха? А это вполне может случиться, если вы доведете дело до крайности.

— Вы преувеличиваете размеры всего этого, леди аббатисса! Маримма испугана, она слышала много диких историй, и это все. Просто она выйдет замуж по приказу, а не по собственному выбору. Наша часть договора должна быть выполнена в течение ближайших трех дней, поэтому мы выедем завтра утром на рассвете. Связанные клятвой, мы должны передать двенадцать и еще одну девушку их будущим мужьям, и эти двенадцать девушек и еще одна поедут с нами завтра утром...

Я взяла таблетку в правую руку, и когда голоса стихли, постучала в дверь.

Дверь открылась, и лорд Имграй выглянул наружу. Я поклонилась ему, но как равная равному.

— Что вам?

— Леди Суссия сказала, что необходима врачебная помощь. — Я подождала ответа, но не от него, а от нее, от той, которая стояла возле кровати Мариммы. Ее вуаль была немного приподнята, так что лицо ее было освещено, но я не успела различить его выражение, как лорд Имграй отошел в сторону, чтобы пропустить меня.

Лорд Имграй пристально посмотрел на меня. Хотя главная часть моей одежды и была темного цвета, но я не носила ни плаща, ни вуали, и на мне была праздничная вышитая юбка. Не было никакого герба с обозначением моего рода или страны, только искусный узор, придуманный мной самой.

— Это не ваша врачевательница, — резко сказал лорд.

Я взглянула на аббатиссу Юлианну и вложила во взгляд всю свою силу воли, ожидая, что она подтвердит лорду мои

полномочия и тот не отправит меня обратно. Аббатисса отошла в сторону и сделала мне знак подойти к кровати.

— Это Джиллан, помощница нашей врачевательницы, и она великолепно обучена врачеванию. Мой лорд, я забыла, что Час Последнего Света уже прошел. Скоро все наше общество соберется в часовне на вечернюю молитву. Если бы Маримме не угрожала огромная опасность, мы бы не стали вызывать сюда врачевательницу.

Он подавил возглас недовольства, но даже его авторитет ничего не значил для монахинь под крышей этого монастыря.

— Теперь вам лучше уйти, мой лорд, — предложила аббатисса — Маримма вот-вот должна очнуться, и если она снова увидит вас здесь, она опять ударится в крик и слезы, а это вам не нравится.

— Дочь моя, — теперь ее взгляд обратился ко мне. Я не могла прочесть ее мыслей. Если же она прочитала мои и разгадала мои намерения, она ничем этого не выдала. — Ты ведь будешь лечить ее, как только сможешь, и если понадобится, проведешь возле нее ночь?

Я не ответила ничего определенного, хотя и поклонилась ей ниже, чем лорду Имграу, который, все еще колеблясь, стоял у двери. Но когда аббатисса повернулась к дверям, он вышел, и она последовала за ним наружу. Дверь за ними закрылась.

Маримма пошевелилась и застонала. Лицо ее покраснело, как от лихорадки, дыхание было тяжелым и неравномерным. Я положила таблетку на стол и ложкой отмерила в костяную чашечку дозу смеси из флакончика. Через мгновение я уже держала чашечку в руках. Теперь я находилась между настоящим и будущим. С этого мгновения возврата уже не было, только успех или разоблачение и враждебность, такая непримиримая, что я не могла и надеяться на прощение. Но я колебалась недолго. Обняла рукой плечи Мариммы и приподняла ей голову. Глаза ее были полуоткрыты и она бормотала что-то бессвязное. Я поднесла костяную чашечку к ее

губам, и повинуюсь моим мягким убеждениям, она проглотила ее содержимое.

— Великолепно.

Я оглянулась. В дверях стояла Суссия и створки двери тихо закрывались за ней. Она подошла ко мне.

— У тебя должна быть союзница...

— Да, это так. Но почему?

Мы, казалось, снова были единомышленны и разделяли мысли друг друга.

— Почему, леди Джиллан? По многим причинам. Сначала первая из них: потому что это нежное создание мне очень нравится, — она взглянула на Маримму. — Она принадлежит к тому безвредному, нуждающемуся в поддержке виду женщин, для которых наш мир слишком суров и которые даже никогда не могли подумать о том, что мы можем легко вынести. Ты и я — женщины совсем другого типа. А во-вторых, потому, что я знаю тебя лучше, чем ты думаешь, Джиллан. Этот Норстадт для тебя тюрьма. А на какое другое будущее ты можешь надеяться здесь, кроме как на бесконечные годы однообразной жизни...

— Пыльные годы... — я не заметила, что думаю вслух, пока не услышала тихий смех.

— Я сама не смогла бы выразиться лучше.

— Но почему тебя так заботит моя судьба?

— Я сама этого точно не знаю, Джиллан, — задумчиво ответила она. — Мы с тобой не сестры, не подруги и не собутельницы. Я знаю только, что мне хочется помочь тебе. И я думаю, что у тебя действительно есть причина уехать отсюда. И будь у меня выбор, я бы поступила так же.

— С готовностью?

— Тебя это удивляет? — Суссия улыбнулась.

Странно, но меня это не удивило. Суссия, не проронив ни слезинки, готова была поехать с невестами и с любопытством и жаждой приключений ждала ответа.

— Мы обе одной и той же натуры, Джиллан. Поэтому этот монастырь не для тебя.

— Ты имеешь в виду, что я должна ехать и с легким сердцем выйти замуж за оборотня и колдуна?

— Именно, — она все еще улыбалась. — Подумай о том, какое это будет приключение, моя дорогая Джиллан. Я тебе очень завидую.

Она была права — и еще как права!

— А теперь скажи мне, какую дозу ты ей дала? — спросила она. — И какой твой план?

— Я дала ей снотворное и она будет спать долго. Она проснется через день-полтора, здоровая и с успокоенными нервами и мыслями.

— Но если она будет спать здесь... — Суссия задумчиво прикусила свою нижнюю губу.

— Это не входит в мои намерения. В этом сне она находится в полном моем распоряжении. Как только начнется Час Великого Молчания, я перенесу ее в свою комнату.

Суссия кивнула.

— Хорошо придумано. Ты более рослая, чем она, но в сумраке рассвета ничего не будет заметно. Я принесу тебе одежду для верховой езды, а также ее куртку и накидку. Ты будешь прятать слезы под этой накидкой. Не думаю, что лорд Имграй будет задавать тебе вопросы, если ты пойдешь к своей лошади с закрытым накидкой лицом. Останется еще прощание с аббатиссой. Она должна благословить невест у двери часовни...

— Это будет очень рано, и если пойдет снег... Есть еще несколько моментов, которые я надеюсь преодолеть только с помощью случая.

— Что я могу сделать, то сделаю, — сказала Суссия. Потом мы обе стали обсуждать подробности моего плана. В конце концов Маримма оказалась в моей постели, а я лежала в ее в теплом нижнем белье, в костюме для верховой езды и в юбке с разрезом, которые мне принесла Суссия. Все это было из тонкой ткани, ее серебристый цвет подходил к цвету накидки, которую мне тоже принесла Суссия. Куртка была

светлого цвета и на ней красным и золотым был вышит крылатый конь, летящий над зелено-голубыми линиями, обозначающими море — герб Мариммы.

Я заплела свои черные волосы и закрепила их на голове; затем натянула капюшон и вуаль для путешествий, сделав из них нечто вроде маски, закрывающей мое лицо. Когда я была готова, Суссия критически осмотрела меня.

— Тот, кто хорошо знает Маримму, боюсь, не ошибется. Но лорд Имграй видел ее редко, а те, с кем ты поедешь завтра утром, никогда не знали ее. Ты должна будешь проявить все свое мастерство, чтобы сохранить маскировку, пока, наконец, возвращение не станет невозможным. Место встречи со всадниками не особенно далеко, возвращение вызовет задержку, а плохая погода на плоскогорье может задержать его еще больше. Поэтому лорд Имграй не отважится на возвращение. Ему же нужны только двенадцать и еще одна невеста, и они у него есть. Это будет твоей защитой против его гнева, если он разоблачит тебя.

Да, это будет единственной защитой, которая у меня есть. Страх захлестнул меня, но я не позволила ему затмить мой разум. Я должна была вооружиться уверенностью.

— Всего хорошего, Джиллан.

— И я желаю тебе всего хорошего и даже еще больше, — коротко ответила я, взяла мешочек с травами и лекарствами, который перед этим упаковала. И все же мне на мгновение захотелось отступить и все бросить, но я без колебаний отогнала это желание.

Снова вернувшись в комнату Мариммы, я провела там остаток ночи, приняла кое-что из моего запаса снадобий, так что несмотря на то, что я почти не спала, утром я была свежей и бодрой, когда в дверь осторожно постучали.

Я надела на голову капюшон и накинула поверх него накидку, но все же медлила отозваться. Потом я услышала шепот:

— Ты готова?

Суссия. Когда я подошла к ней, она быстро положила руку на мое плечо, словно заботливо оберегала свою новую

подругу. Я стала играть свою роль и, слабая и дрожащая, вышла в большой зал. Еда уже ожидала нас: походный завтрак и горячее питье. Мне удалось съесть намного больше, чем это было заметно со стороны. Суссия, как моя подруга, сидела возле меня и тихо, но настойчиво, говорила со мной заботливым голосом. Она шепотом рассказала мне, что ей удалось с помощью различных уверток усладить всех подруг Мариммы, потому что я очень боялась, что их сочувствие может привести к моему разоблачению. После истерического припадка Мариммы вчера вечером, когда ей сообщили эту новость, они с готовностью поверили этому.

Все вышло так, как я и надеялась. Когда лорд Имграй, до сих пор избегавший меня, наконец подошел, чтобы увести меня, я пошла, пригнувшись и плача, надеюсь, достаточно жалобно. Последняя проверка произошла тогда, когда я опустилась на колени, чтобы получить благословение от аббатиссы Юлианны. Она каждой из нас дала Поцелуй Мира, и поэтому я на мгновение должна была откинуть свою накидку. Я напряженно ждала, что вот-вот буду разоблачена. Но в выражении лица аббатиссы Юлианны ничего не изменилось, когда она нагнулась и ее губы прижались к моему лбу.

— Иди с миром, дочь моя, — произнесла она ритуальную фразу, но я поняла, что эти слова были адресованы именно мне, а не Маримме. И, ободренная этим, я с помощью лорда Имграя взобралась в седло и мы выехали из Норстадта. Я впервые покинула его стены после десяти лет, проведенных в этих каменных стенах, где веками ничего не менялось. Мои планы начали исполняться.

Глава 3

Скача по скованной холодом долине мы почти ни о чем не говорили. Сначала мы ехали по трое или по четверо рядом, и каждую пару женщин эскортировали один или два воина, но

потом нам пришлось ехать гуськом, друг за другом, потому что дорога все более сужалась, пока, наконец, не превратилась в узкую тропу. Меня все еще удивляло, почему аббатисса Юлианна не разоблачила моих намерений. Испытывала ли она к Маримме столь сильную симпатию, что была даже готова пойти на обман, чтобы спасти свою фаворитку? Или она смотрела на меня, как на помеху в своей маленькой, тихой обители, от которой она таким образом избавилась?

С каждым новым часом нашего путешествия шансы на возвращение все уменьшались. И, когда это было возможно, лорд Имграй постоянно поторапливал нас. Как далеко находилось место нашей встречи со всадниками? Я знала только, что оно находилось где-то на краю степи.

Мы миновали Харродейл с его отдельными крестьянскими домиками. Там не было ни одного человека, только животные, и после Харродейла дорога стала все круче подниматься вверх. В Хокердайле нас сопровождал шум воды, струящейся на равнину быстрым потоком и не полностью еще скованной льдом. У конца долины мы проехали мимо домика поста и из него вышли несколько человек, чтобы приветствовать нашего лорда и перекинуться с ним несколькими словами. Во время этой маленькой задержки ко мне приблизился другой конь и всадница, ехавшая на нем, пригнулась ко мне.

— Может быть, они вообще не хотят делать никаких остановок, чтобы дать нам передохнуть? — громко спросила она, должно быть, надеясь, что ее слова дойдут до ушей лорда Имграя.

— Похоже на то, — тихо ответила я, потому что не хотела, чтобы меня слышали.

Она нетерпеливо одернула свою накидку, и ее капюшон сполз немного назад. Это была Кильдас, которая так злобно говорила за столом о Тельфине. Темные тени лежали под ее зелено-голубыми глазами и тонкие морщинки пролегли вокруг пухлых губ.

— Ты здесь по его выбору, — сказала она, кивнув в сторону лорда Имграя. — Но с сегодняшнего утра ты слишком молчалива. Какой же бич страха он использовал, чтобы сделать тебя уступчивой и добиться своей цели? Вчера вечером ты клялась, что никогда не поедешь с нами... — Она не вызвала никакой жалости, только любопытство, так как страдания других помогали ей забыть о своем собственном горе.

— У меня была целая ночь для раздумий, — ответила я.

Она коротко усмехнулась.

— Да, это, должно быть, были великие раздумья, если сейчас ты так спокойна! Зал дрожал от твоих воплей, когда тебя уводили в твою комнату. Теперь ты согласна на то, что у тебя будет жених-колдун?

— А ты? — спросила я в ответ. Маримма со своим страхом привлекла к себе внимание, а ее страхи были теперь для меня наименьшей заботой. Я была не Маримма и не могла хорошо играть ее роль. Пока лорд Имграй меня не разоблачил... Он все утро был занят только тем, что заставлял нас ехать быстрее. Но что произойдет, когда он обнаружит, что его обманули? Но ему нужно было передать всадникам определенное число невест, и это должно было защитить меня от его гнева.

— Я? — Кильдас оторвала меня от моих размышлений. — Как и у всех нас, у меня не было выбора. Но мужчины-оборотни должны иметь много общего с мужчинами нашего рода, поэтому я не боюсь за себя. — Она вскинула голову, сильная в своей убежденности в действенности того оружия, которым ее наградила природа.

— Как они выглядят? Ты видела хоть одного всадника? — спросила я. До сих пор я была занята только своим бегством, и всем, что было связано с ним и мало думала о том, что ждет меня в конце этого путешествия.

— Нет, я никогда еще не видела ни одного из них, — ответила она. — Они до нападения ализонцев ни разу не появлялись в долине. И потом, говорят, что они путешествуют только ночью, а не днем. Когда они вели с нами переговоры,

они были в людском облике, но они обладают страшными силами. — Уверенность Кильдас исчезла и она снова начала теребить на шее накидку, словно та мешала ей дышать. — Если о них и известно больше, я ничего не слышала об этом.

Краем уха я услышала звук, похожий на рыдание. К нам подъехала еще одна девушка. По ее скромной одежде я узнала Сольфинну, которая накануне делила пищу с Кильдас.

— Слезам ничего больше не изменишь, Сольфинна, — сказала Кильдас. — Подумай о том, что у тебя был свободный выбор, и будь такой же храброй, как и все мы.

— Ты сама решила поехать с нами? — спросила я.

— Это... это была моя единственная возможность помочь, — робко ответила Сольфинна, — но ты права, Кильдас, не следует делать выбор, а потом плакать от страха. Как много я дала бы за то, чтобы еще раз увидеть свою мать и своих сестер. Но теперь мне больше никогда не удастся этого сделать.

— А разве бы при обычной свадьбе этого не произошло? — ласково спросила Кильдас. — Ты была бы отдана лорду или капитану одной из южных долин и тоже никогда не смогла бы вернуться назад.

— Я это знаю, и это меня поддерживает, — быстро ответила Сольфинна. — Это правда, меня бы отдали. Теперь мы все идем на встречу с нашими сужеными. И так происходило со всеми женщинами на протяжении бесчисленного количества лет. И в результате свадьбы я приобрету больше, чем потеряю, намного больше. Но... Всадники...

— Ты должна понять вот что, — сказала я. — Всадникам так нужны женщины, что они для их приобретения готовы были пойти на договор и сражаться за кого угодно. И когда мужчина хочет чего-то настолько сильно, что даже ставит на карту свою жизнь, чтобы добиться этого, он будет очень дорожить этим и неустанно заботиться о приобретенном.

Сольфинна внимательно посмотрела на меня. Ее покрасневшие глаза блеснули. Одновременно я услышала тихий возглас Кильдас, которая подвела своего коня еще ближе.

— Кто ты? — властно спросила она. — Ты не та маленькая девчонка, которую вчера вечером увели из зала!

Нужно ли мне было играть роль Мариммы перед моими спутниками? Для этого не было никаких особых оснований.

— Ты права, я не Маримма.

— Кто же ты тогда? — настаивала Кильдас, а Сольфинна смотрела на меня округлившимися от удивления глазами.

— Меня зовут Джиллан, и я прожила в монастыре уже много лет. У меня нет родственников и это путешествие — мой собственный выбор.

— Если у тебя нет родственников, которые вынудили бы тебя пойти на это, или которые извлекли бы из твоего выбора для себя какую-то пользу, почему ты тогда едешь с нами? — теперь голос Сольфинны выдавал ее удивление.

— Потому что, может быть, есть и более неприятные вещи, чем это путешествие в неизвестнос.

— Что же это такое? — спросила Кильдас.

— Однообразная, никогда не меняющаяся жизнь. У меня не было других шансов вырваться за стены монастыря, и я не хочу все время носить вуаль и накидку монахини и быть довольной, когда один день моей жизни как две капли воды похож на другой.

Кильдас кивнула.

— Да, я могу это понять. Но что произойдет, если лорд Имграй узнает правду? Он твердо решил отправить Маримму ко всадникам и делает это по своим личным мотивам. И он не такой человек, который может позволить перевернуть его планы.

— Я знаю это. Но мне совершенно ясно, что он спешит и у него осталось не так уж много времени для того, чтобы достигнуть места встречи. Он не успеет вернуться назад в Норстадт, а его честь обязывает передать всадникам всех невест.

Кильдас рассмеялась.

— Ты мыслишь четко и целеустремленно, Джиллан. Мне кажется, что твоя защита против его гнева очень действенна.

— И тебя... Тебя не страшат эти... Дикие люди? Ты сама выбрала свою судьбу? — спросила Сольфинна.

— Не знаю, какие ужасы меня ждут в будущем. Но все же лучше ехать по долине к подножью горных пиков, чем смотреть на них из тени, — ответила я. Все же мое мужество было не так велико, как я хотела это показать. Может быть, я оставляла позади себя меньшее зло, чем то, что меня ожидало. Но об этой возможности мне не хотелось думать.

— Великолепная философия, — заметила Кильдас. — Она может и дальше поддерживать и вести тебя, сестраневеста. Ага, кажется, нам все же дадут передохнуть.

После нескольких слов, сказанных лордом Имграем, мужчины из эскорта подошли к нам, чтобы помочь слезть с лошадей и отвести в домик сторожевого поста. В караульной мы столпились у огня, чтобы согреть руки и размять ноги и спины. Как всегда, я держалась от нашего предводителя как можно дальше. Он, наверное, подумал, что Маримма ненавидит и боится того человека, по чьей воле оказалась здесь. Во всяком случае, он тоже счел за лучшее оставить меня в покое и поэтому не приблизился ко мне. Я незаметно стояла в углу вместе с Кильдас и Сольфинной и мы пили из бокалов горячий бульон, который нам налили из огромного общего котла.

Мы еще не закончили свой скудный обед, когда лорд Имграй обратился к нам всем:

— Снегопад на плоскогорье прекратился. Хотя это и тяжело, но мы должны двигаться дальше и к наступлению ночи достигнуть Кроффа. Времени у нас мало и на следующий день мы должны быть уже на Перевале Соколов.

Послышались тихие слова протеста, но никто не осмелился возразить во весь голос. Перевал Соколов — это название мне ничего не говорило. Может быть, это и было условленное место встречи?

Счастье благоволило мне и дальше. Все еще не разоблаченная, я вместе с другими девушками достигла замка Кроффа, горной крепости, в которой теперь осталась только чет-

вертая часть ее гарнизона. Нас ввели в длинную комнату с лежащими на полу соломенными матрацами, и мы были вынуждены довольствоваться теми «удобствами», которые были в этом горном гнезде, непрерывно подвергавшемся атакам противника на протяжении многих лет.

Сильно устав, я провалилась в глубокий сон без сновидений. Но потом внезапно проснулась, и мне показалось, что я слышала какой-то зов. Мне почти удалось услышать эхо какого-то очень хорошо знакомого мне голоса — монахини Алюзан? — который настойчиво велел мне сделать что-то. И чувство это было так сильно, что я вскочила и только потом поняла, где и с какой целью я нахожусь. Я увидела соломенные маты и слышала дыхание других девушек.

Теперь я полностью проснулась, полная беспокойства; что-то тянуло меня надеть дорожную одежду и выйти наружу, потому что мне был необходим свежий воздух.

Я тихо выскользнула из своей спальни в коридор и поднялась по лестнице, которая вела на террасу. Снег покрыл все вокруг, было довольно светло, но высокие темные горы были только силуэтами, кое-где посеребренными скрытой облаками луной.

С гор веял свежий ветер. Но теперь, когда я вышла сюда, то, что заставило меня сделать это, уже исчезло. И я не могла понять, что все-таки привело меня сюда. Несмотря на накидку, мне стало холодно от ветра и я шагнула назад, к двери.

— Что ты здесь делаешь?

Этот голос я узнала сразу. Каким образом и почему лорд Имграй ощутил вместе со мной потребность подышать свежим воздухом, среди ночи, я не знала. Но не могла избежать этой встречи.

— Мне захотелось на свежий воздух... — мой ответ был глуп и бессмыслен. Обернувшись, я была вынуждена защищать рукой глаза, потому что он направил мне в лицо свет переносной лампы.

Но он, должно быть, сначала заметил герб на куртке Мариммы, потому что крепко взял меня за плечо и подтянул поближе.

— Глупышка! Маленькая глупышка! — Я вздрогнула, услышав его властный голос, который однако относился не к Маримме, а к моим собственным радостям и горестям. И это придало мне какую-то силу, я отпустила руку и встретила его взгляд.

— Ты не Маримма, — он еще крепче схватил меня и поднес лампу поближе. — Но ты одна из тех, кто легально ехал со мной. Кто ты? — Его пальцы, как острия пяти мечей вонзились в меня, и я хотела закричать.

— Я одна из невест, мой лорд. Я — Джиллан из Норстадта.

— Так! И она отважилась на это, эта женщина...

— Нет, — я даже не пыталась освободиться от его хватки, а просто стояла. — Это был мой собственный план.

— Твой! И что ты собираешься делать со всем этим, что тебя никак не должно было касаться? Ты в этом горько раскаешься...

Он сдерживал свой гнев, но от этого был еще опаснее.

— Время для раскаяния прошло или еще не наступило. — Я постаралась обдуманно выбрать слова, чтобы привлечь его внимание и заставить его задуматься. — Время сейчас не ваш союзник, мой лорд. Вернувшись в Норстадт, вы потеряете его слишком много. Если вы отправите меня назад с вашим человеком, у вас будет недостача, потому что на Перевале Соколов должна быть двенадцать и одна невеста, иначе пострадает ваша честь.

Он начал трясти меня с такой силой, что я моталась в его руках, как соломенная кукла. Потом он оттолкнул меня от себя так, что я, поскользнувшись на снегу, упала и больно ударилась об ограждение террасы. Думаю, что в это мгновение ему было все равно, даже если бы я перелетела через ограждение.

Я снова поднялась, все мое тело дрожало. Плечо невыносимо болело, и страх перед тем, что чуть было не произошло,

все еще сковывал мои члены. Но я смотрела на него с поднятой головой и хорошо знала, что должна сказать ему.

— Вы должны представить меня как невесту, мой лорд. Я здесь, и охотно могу подтвердить, что я здесь по вашей воле, если будет необходимо мое свидетельство. А у вас все еще останется Маримма, которая обладает такой красотой, что ей без труда можно будет найти подходящую пару. Неужели вы от этого что-нибудь теряете?

Он тяжело дышал от волнения, но я правильно оценила его как человека, способного держать свои чувства в узде, если это нужно для выполнения его планов. Когда он подошел ко мне и поднял лампу, я поняла, что избежала огромной опасности. Его мозг уже работал, переваривая то, что я ему только что сказала.

— Джиллан, — в его устах мое имя прозвучало глухо и сухо. — И ты думаешь, что соответствуешь всем условиям?

— Я — молодая девушка, мне около двадцати лет, я была приемной дочерью лорда Фарно из Тантреда и его жены. Они выбрали меня, когда я была еще маленькой и находилась в плену у ализонцев. Охотник из Ализона сохранил мне жизнь, а лорд Фарно держал меня для каких-то своих целей, так что мое происхождение можно рассматривать, как благородное.

Он пристально осмотрел меня с головы до ног. Его взгляд сконфузил меня, и он понял это. Я сдерживала свою досаду и понимала, что он знает об этом.

— Ты права — время поджимает нас. Им нужно вручить двенадцать и одну невесту. Но все это может оказаться не таким, каким ты себе это представляешь, девушка.

— Кто не ожидает ни добра, ни зла, у того есть все шансы получить и то, и другое, — резко ответила я ему.

На его лицо набежала легкая тень, которую я не смогла понять.

— Откуда охотник тебя взял? — В его голосе был интерес к моей личности, но он не мог использовать это в качестве инструмента для своих целей.

— Не знаю. Я помню только, что находилась на корабле во время шторма, а потом в порту, где меня подобрал один из воинов лорда Фарно, — правдиво ответила я.

— Этот охотник тоже участвовал в заморской войне? Эсткарп? — Он швырнул в меня это последнее слово, словно хотел увидеть мою реакцию на него.

— Эсткарп? — повторила я, потому что это слово ничего не значило для меня. — Это враг Ализона?

Лорд Имграй пожал плечами.

— Так говорят. Но для тебя это неважно. Ты уже сделала свой выбор и поэтому останешься невестой.

— Большого я и не желаю, мой лорд.

Он проводил меня обратно в спальню девушек, и когда дверь за мной закрылась, я услышала, как он вызвал стражников и они встали у нашей двери. Я снова легла на свой соломенный матрац. То, чего я так опасалась с тех пор, как покинула монастырь, было уже позади. Я преодолела уже два барьера, находящихся между мной и тем, что я искала. Теперь я всеми своими мыслями вернулась к третьему — к тому, что ожидало меня на Перевале Соколов.

Мы знали о мужчинах только по разговорам, да по редким посещениям родственников днем, навещавших убежище в монастыре. Хотя я и знала кое-что о мужчинах, но я не знала их. Для монахинь браков не существовало и они не говорили об этом. Я не имела ни малейшего представления о том, что меня ожидало. Не могла также понять страхов моих спутниц, потому что обычные мужчины мне были так же чужды, как и всадники-оборотни с их мрачной репутацией.

На следующее утро лорд Имграй ни словом не обмолвился о нашей предыдущей встрече. И я снова накинула на себя свою маскирующую вуаль, благодаря которой другие девушки не догадывались, что я не Маримма. Но мне казалось, что по мере того, как наше путешествие подходило к концу, другие невесты становились все тише и молчаливей, видимо для

того, чтобы справиться со своими собственными страхами и обнадеежить себя, насколько это было возможно.

Насколько я примерно представляла эту местность, мы уже оставили долину позади. Узкая дорога, на которой хватало места только для двух пони, едущих рядом, вела с возвышенности вниз на равнину, где тут и там выступали сквозь покров снега коричневые пучки травы. Мы пересекли речушку по грубому деревянному мосту, который, несомненно, был построен людьми, но нигде не было ни малейших признаков того, что здесь недавно проезжали какие-нибудь путники: на снегу не осталось никаких следов. И мы ехали дальше по этой заброшенной местности, которая производила впечатление, что люди здесь давно уже все вымерли.

Мы снова поднялись по одному из склонов, более крутому, чем все склоны перед этим. Наша тропа вела к узкому перевалу, находящемуся между двумя утесами. Мы оказались на узком плато, на котором притулилась каменная хижина и каменная яма очага с почерневшими от огня камнями. Тут мы и остановились. Лорд Имграй приблизился к одному из охранников и проводнику из крепости:

— Вы будете ждать нас здесь.

Ничего больше не сказав, он повернулся и вместе с двумя другими охранниками поскакал к перевалу. Мы устало, с трудом спешили. Двое мужчин из эскорта развели огонь в жилище и распределили походные пайки, но я думаю, что никто из нас много не ел. Кильдас коснулась моей руки:

— Перевал Соколов... — Она указала на щель в скалах. — Кажется, что невесты добрались сюда быстрее, чем женихи. Ничто не указывает на то, что нас здесь встречают.

Она все еще говорила, когда в сгущающихся сумерках, в узкой щели перевала поднялся свет, но не желтый свет ламп или факелов, а странное зеленое свечение. И в этом зеленом свете четко вырисовывались три фигуры, которые скакали по направлению к нам, но кроме них на перевале не было никого.

Глава 4

— Вы знаете, какая сегодня ночь? — Девушка, чья накидка была откинута, а капюшон сполз так, что прядь ее светлых волос выбилась наружу, взглянула на нас. Это была Эдит, которая прошлой ночью лежала слева от меня. Она пришла в Норстадт с юга, и герб ее — саламандра меж двух языков пламени — был мне не знаком.

Кильдас ответила за всех нас:

— Год подходит к концу и на рассвете мы встретим новый...

— Да, это так. Мы вступаем в Год Единорога.

— Сегодня дома все собираются в большом зале, чтобы отметить это, — грустно сказала Сольфинна.

— Я спрашиваю себя, будут ли наши новые лорды отмечать праздниками наступление каждого нового года, — заметила Кильдас. Они не почитают Пламя, как мы. Каким богам молятся эти всадники? Или у них вообще нет никаких богов?

— Никаких богов? — испуганно воскликнула Сольфинна. — Как могут люди жить без богов? Без Высшей Силы, которая выше, чем они сами и на которую можно опереться.

Эдит презрительно усмехнулась.

— Кто сказал, что они люди? Неужели тебе все еще непонятно? Ты и я, мы, рождены под несчастливой звездой и нам предопределено перейти из одного мира в другой так же, как мы переходим из старого года в новый.

— Почему ты думаешь, что то, что неизвестно, обязательно должно быть плохо? — спросила я. — Тот, кто ищет только тень, и заходит только в тень. Если оставить в стороне все слухи, что мы знаем по-настоящему плохого об этих всадниках?

Тут все загалдели одновременно, пока Кильдас громко не рассмеялась.

— Они говорят... это значит... то и то... Кто, собственно говорил, и что? Я считаю, что наша сестра-спутница права.

Что мы действительно знаем о них, кроме недоброжелательных слухов? Никто из всадников-оборотней не поднимал меча против нас. Они только заключили с нами договор и помогли уничтожить наших врагов. Только потому, что у человека черные волосы, только потому, что он носит серую накидку и предпочитает жить в диких местах, он должен отличаться телом и духом от того, у кого под шлемом светлые волосы, кто носит ярко-красную накидку и охотнее живет в городе и обществе, чем в одиночку? Оба они занимают свои места в своем обществе. Чего плохого, чего мы сами не знаем, мы можем ожидать от всадников?

— Но ведь они не люди, — настаивала Эдит.

— Откуда мы знаем, что это на самом деле так? У них есть способности, которых нет у нас, но разве у каждой из нас нет особых способностей? Кто-то из нас может искусно вышивать шелка, а другие этого не могут; кто-то может великолепно играть на музыкальных инструментах, завораживая других. Могут ли все из нас без исключения делать это? Потому и эти мужчины могут иметь способности, которых нет у наших мужчин, но все же оставаться такими же мужчинами, как и наши, несмотря на все их особые способности.

Верила ли она в то, что говорила или нет — во всяком случае, она старалась быть мужественной и боролась со страхом, который мучил нас всех. На перевале все еще сиял зеленый свет и ни лорд Имграй, ни его спутники еще не вернулись.

Мы все, сбившись в кучку, сидели на камнях у очага, когда вернулся помощник лорда Имграя, и сообщил, что мы должны ехать дальше, на узкий перевал. И я подумала, что все ощутили то же, что и я: волнение, более чем наполовину состоящее из страха.

Но мы поехали не в лагерь мужчин, которые должны были приветствовать нас. Проехав перевал, мы выехали на широкую площадку, на которой были установлены большие палатки из шкур. В палатках стояли кушетки, покрытые шкурами различных животных, которых я никогда раньше не знала.

Пол тоже был покрыт шкурами. В самой большой палатке находился низкий, длинный стол, уставленный едой.

Я провела рукой по мягкому, серебристо-белому меху с серыми крапинками, достаточно красивому, чтобы из него можно было сшить мантию для жены какого-нибудь высоко-родного лорда. Хотя все вокруг нас было сшито из кожи и меха, в этом была несомненная красота и чувствовалось уважение тех, кто предоставил нам такой комфорт.

Когда мы поужинали едой, стоявшей на столе — там был хлеб с запеченными в нем сушеными фруктами, вкусное жареное мясо и сладости, по вкусу напоминавшие мед и орехи, — лорд Имграй внезапно встал из-за стола. Вокруг него была тень и казалось, что между ним и нами вдруг возник какой-то барьер. Потому что теперь мы действительно готовы были отказаться от своего рода.

— Теперь слушайте внимательно, — сказал он, и его голос был необыкновенно хриплым. — Рано утром вы услышите сигнал рога. Отсюда идет тропа, которая начинается у палаток и она приведет вас туда, где будут ждать вас новые лорды.

— Но... — слабо запротестовала Сольфинна, — тогда, значит, у нас не будет никакой свадьбы, никакой передачи через Кубок и Пламя.

Лорд Имграй натянуто улыбнулся.

— Вы оставили тех, кто обручается через Кубок и Пламя, моя леди. Конечно, вы выйдете замуж, но по другому обряду, который однако свяжет вас браком с вашим будущим мужем, — он взглянул на всех нас, сидевших рядом, а потом на меня, хотя взгляд его и не задержался на мне. — Я желаю счастья вам всем, — он поднял бокал. — Как тот, кто здесь представляет для вас всех ваших родственников и родителей, я пью за долгие годы счастливой жизни и за легкую смерть, за дружественный нам клан и благословляю ваших будущих детей. За всех вас!

Так говорил лорд Имграй двенадцати и одной невесте, которых он привел сюда. Он давал им отеческое напутствие.

А потом он быстро вышел, прежде, чем кто-нибудь из нас успел ему возразить.

— Вот так, — я поднялась, и в это мгновение все глаза в смущении повернулись ко мне. — Не думаю, что мы когда-нибудь снова увидим лорда Имграя.

— Но мы одни... одни должны идти к этим чужакам... запротестовала одна из девушек.

— Одни? — спросила я, и леди Кильдас быстро пришла мне на помощь.

— Нас двенадцать и одна, а не одна. И мы молодые девушки, нас здесь ждут, и думаю, что нам окажут хороший прием. — Она подоткнула под себя драгоценный, отливающий чернотой, мех, на котором мелькали серебристые отблески.

Я ждала ухода лорда Имграя почти в полном смятении, но, как ни странно, среди девушек царило чувство ожидания и удовлетворенности, и хотя они мало говорили, каждая уже подготовилась и заняла одну из кушеток.

Я накрылась серебристо-серым мехом и погрузилась в глубокий сон без сновидений и проснулась только тогда, когда утреннее солнце заглянуло внутрь палатки.

— Джиллан! — Кильдас стояла у входа, откинув в стороны брезентовые створки двери. Она смотрела на меня с видимым смущением. — Что ты там застряла?

Я вылезла из своего теплого мехового гнездышка и подошла к ней. Лошадей, на которых мы ехали, не было. Хотя другие палатки все еще оставались на месте, но площадка была пуста и палатки покинуты. По всей видимости, сопровождавшие невест люди лорда Имграя покинули пост, пока те спали.

— Может быть, они испугались и некоторые из них изменили в последнюю минуту свое решение? — заметила я. Кильдас улыбнулась.

— Я думаю, что твои сомнения напрасны. Ты же не передумала, не так ли, Джиллан?

Она была права. Ничто в мире не заставило бы меня этим утром повернуть обратно.

— По крайней мере, они были настолько великодушны, что оставили нам наш наряд невест, — Кильдас указала на довольно объемистый тюк. — Я не знаю, сколько у нас еще есть времени до того момента, как наши новые лорды позовут нас, но думаю, будет лучше, если мы будем уже готовы.

— Вставайте, девушки! — крикнула она внутрь палатки, и другие девушки зашевелились на своих кушетках. — Приветствуйте Единорога и то, что он нам принесет.

В одной из покинутых палаток мы обнаружили чаши из полированного рога и сосуды с водой, которая все еще была теплой и пахла травами. Мы помылись, а потом поровну распределили между собой содержимое выюков, так что заботы наши были забыты и каждая из нас нарядилась так красиво, как только могла. Некоторым из обладательниц этих нарядов они показались диковинными, так как эти девушки были очень бедными, а другие, такие, как Кильдас, вполне соответствовали платью невесты из знатного дома.

Потом мы с большим аппетитом позавтракали тем, что осталось от ужина. И нам казалось, что время идет быстро. И вот, когда Кильдас подняла кубок за наше счастливое будущее, с другой стороны перевала послышался сигнал — звук рога нет, приветственный звук фанфары.

Я встала и повернулась к Кильдас и Сольфинне.

— Мы должны идти?

— Здесь нам нечего больше делать, — согласилась Кильдас. — Посмотрим, что это за счастье, за которое мы только что пили, ожидает нас.

Мы вышли наружу и стали спускаться вниз по тропе в плотное облако тумана, скрывающее все, что находилось внизу. Но дорога была ни крута, ни тяжела. Остальные девушки следовали за нами, шуршащие подола их платьев не касались земли, а фата невесты скрывала лица. Ни одна из них не задержалась и не повернула назад, никто из них не выказывал никакого страха и мы молча продолжали свой путь.

Рог прозвучал трижды. В первый раз, когда мы отправились в путь, во второй раз, когда мы миновали перевал и теперь вот в третий раз. После третьего звука рога туман перед нами расступился, словно разведенный в стороны чьей-то гигантской рукой и мы вышли на площадку, где была весна, а не зима. Короткая трава здесь была сочной и мягкой. Ворота из кустов образовывали входную арку и на этих кустах висели маленькие белые и желтые цветочки, напоминавшие колокольчики, и от них исходил сладкий запах, такой же, как от венков невест.

Не было видно ни одного человека; вместо них мы увидели лежащие тут и там на траве плащи-накидки и некоторые из них были словно нарочно отброшены в сторону. Эти накидки были сделаны из тончайшей ткани и покрыты драгоценными камнями, каких никто из нас никогда не видел. Каждая из этих накидок отличалась от другой, хотя и едва заметно, потому что на всех них было столько узоров, что разбегались глаза.

Мы молча стояли и смотрели. Но чем дольше я глядела на то, что было передо мной, тем больше странное ощущение охватывало меня: мне казалось, что я вижу вторую картину, словно скрытую первой. Когда я концентрировала свое внимание на какой-нибудь части этого зеленого лужка, на цветущих кустах или даже на какой-нибудь накидке, радостное великолепие красок блекло, и я видела что-то совсем другое, что выступало наружу из-под всего этого.

Не было больше зеленой травы, а только коричневая зимняя земля и пепельно-серая поросль, такая же, как на равнине, по которой мы ехали день назад. Не было никаких цветущих кустов, а только голые, колючие, без цветов, ветки. И накидки — покрытые сияющими драгоценными камнями, которые образовывали узоры, напоминавшие ряды каких-то странных рун, (они не имели для меня никакого значения) и все эти накидки были такого же серого цвета, как и земля, на которой они лежали.

Чем дольше я на них глядела, сосредотачивая свою волю, тем больше бледнело все это колдовство. Взглянув на своих снутниц, я заметила, что они видели только то, что было на поверхности, и не видели того, что скрывалось под всем этим. И лица их были открыты. Они выглядели такими счастливыми, что я поняла: никакое мое предупреждение не сможет сломать их убежденность, да я и не хотела делать этого.

Они оставили меня, сначала Кильдас, а потом Сольфинна и другие. Они пробежали мимо меня на этот заколдованный луг и каждая из них подобрала одну из накидок, привлечших их своим великолепием, которое однако было только видимостью.

Кильдас нагнулась, и, подобрав одну из накидок, накинула ее себе на плечи и грудь; на этой, светящейся голубыми огнями накидке, было вышито драгоценными камнями сказочное животное. Двойное зрение, пришедшее ко мне, ушло, и я теперь только изредка могла видеть то, что было скрыто колдовством от глаз других. Девушки прижимали к себе накидки как бесценные сокровища и быстро шли дальше, словно увидели свою цель и теперь старались как можно скорее достичь ее. Они подошли к кустам, прошли через арку и исчезли в облаке тумана, висевшего по ее другую сторону.

Сольфинна тоже сделала свой выбор и исчезла. Эдит и остальные последовали за ней, и я с испугом поняла, что осталась одна. Мое двойное зрение нагнало на меня страх, но дальнейшие колебания могли быть опасными. Но я все еще смотрела на оставшиеся накидки; их оставалось совсем немного, и их иллюзорная красота постепенно исчезала и все они стали казаться мне одинаковыми. Нет, не совсем одинаковыми, решила я, рассмотрев их повнимательнее, потому что ряды руны на них были различной длины и ширины.

Одна из накидок лежала несколько в стороне от остальных, в углу, почти на самом краю площадки. Руны на ней не образовывали единого узора, а были разрозненными. Некоторое время я старалась воспринять их колдовство, разглядеть зелено-голубую, крылатую фигуру, сотканную из драгоцен-

ных кристаллов. Но это видение было настолько беглым, что в следующее мгновение я уже не знала, на самом ли деле видела все это. Однако я чувствовала, что эта накидка притягивает меня, по крайней мере, она притягивала мой взгляд сильнее, чем другие. И чтобы не вызвать подозрений я должна была сделать свой выбор немедленно. Но почему я так подумала, — не знаю.

Я пересекла мертвую, мерзлую землю, подняла накидку и прижала ее к себе, потом прошла через голые кусты в холодный туман, оставив позади себя лежащих на земле десять накидок; их колдовство и краски на них исчезли.

В тумане я слышала голоса и радостный смех, но никого не видела, и когда попыталась определить направление этих звуков, то не могла понять, с какой стороны они доносятся. Накидка в моих руках, отделанная серебристо-серым мехом, становилась все теплее. Одетая в подвенечное платье, я начала мерзнуть, потому что оно почти не защищало меня от холода.

В тумане появилась темная тень: ко мне приближалась какая-то фигура. Я почувствовала себя пойманной, у меня не было никаких шансов на бегство. Человек или зверь — или то и другое? Темная тень передвигалась на двух ногах, как человек. Но того, что встретили в этом тумане мои спутницы, они не испугались потому, что в тумане звучали их счастливые голоса и не слышала печальных вздохов и рыданий.

Человек. Да, голова у него была человеческой. А я смотрела на него двойным зрением, которым разглядела серо-коричневые накидки.

Наконец чужак вышел из тумана, и я смотрела, как он, принадлежащий к чужой расе, приближается ко мне, чтобы забрать меня. Он был высок, хотя и не так высок, как горец-воин, строен как юноша и только его раскосые зеленые глаза были не глазами юноши, а усталыми, старыми и какими-то лишенными возраста.

Каждая из его бровей так круто поднималась вверх, что глаза его, казалось, образовывали на лице прямой угол, вер-

шиной которого был острый, выступающий вперед подбородок, и под таким же углом были подстрижены его густые волосы, спадающие на лоб. По человеческим меркам он был ни красивым, ни безобразным, а каким-то совсем другим, непривычным.

На голове его не было ни шлема, ни чего-нибудь еще, одет он был в кольчугу, которая, казалась, очень сильно стесняла его движения. Она спускалась до половины бедер, под ней были надеты плотно облегающие тело короткие брюки из гладкого серебристого меха, такого же короткого, который мне так понравился там, в палатке. Этот мех был почти таким же. На ногах — меховые сапоги, несколько более темного цвета, чем брюки. Его гибкую талию охватывал пояс из мягкого материала, застегивающийся на огромную пряжку, к которой был прикреплен странный, молочно-белого цвета, камень.

Так я впервые увидела Херрела, всадника-оборотня, чью накидку я подобрала, ничуть не прельщенная ее колдовством.

— Мой... Мой лорд? — наконец вежливо спросила я, так как он, очевидно, не хотел нарушать молчание, воцарившееся между нами.

Он улыбнулся, почти насмешливо.

— Моя леди, — ответил он мне, и в его голосе снова прозвучала легкая насмешка, но я чувствовала, что она относилась не ко мне. — Кажется, мне удалось устроить все гораздо лучше, чем я надеялся, и ты подобрала мою накидку.

Он протянул руку и взял у меня накидку.

— Я Херрел, — сказал он.

— Джиллан, — ответила я. И тут осознала, что не знаю, что ждет меня дальше, потому что в своих планах и в своих мечтах никогда не пыталась заглянуть дальше этого места.

— Приветствую тебя, Джиллан... — Херрел взмахнул накидкой и заботливо закутал ею мои плечи так, что она укрыла меня от шеи и почти до самой земли.

— Итак, я заявляю свои права на тебя, Джиллан, если ты тоже хочешь этого.

В его последних словах был неприкрытый вопрос. Если это был какой-то вид церемонии, он давал мне возможность для отступления. Но я не могла вернуться назад.

— Это и мое желание тоже, Херрел.

Он все еще тихо стоял, словно ждал чего-то еще, но я не знала, чего. А потом он нагнулся и спросил меня еще более резким голосом:

— Что находится на твоих плечах, Джиллан?

— Серо-коричневая накидка, отороченная мехом... Мне показалось, что он на мгновение задержал дыхание.

— А каким ты видишь меня, Джиллан? — спросил он тогда.

— Я вижу мужчину, молодого и не молодого, одетого в кольчугу и меховую одежду и он носит пояс с серебряной пряжкой и с серебристо-белым камнем. На голове у него черные волосы и...

Мои слова нарушили эту тишину, казавшуюся мне угрожающей. Херрел протянул руку и так быстро сорвал с моей головы фату, что из моей косы выпали заколки, коса распустилась и волосы рассыпались по плечам и по спине поверх накидки, которую он сам надел на меня как символ нашей связи.

— Кто ты? — его голос звучал так же требовательно, как и голос лорда Имграя при нашей прошлой встрече.

— Я Джиллан, пленница воина, из-за моря привезенная в долины Высшего Халлака и пришедшая сюда по собственной воле. — Я говорила ему правду, потому что знала, что он имеет право знать правду.

Он отбросил фату в туман, а потом нарисовал пальцами в воздухе между нами какой-то узор и слабое мерцание света возникло там, где двигался его палец. Но улыбка его погасла и на лице появилось такое выражение, словно он с чем-то боролся.

— Мы связаны накидкой — и это не случайность, а судьба. Но я прошу тебя об одном, Джиллан, если у тебя есть то, что ты называешь двойным зрением, постарайся по крайней

мере, на некоторое время, смотреть обычным зрением — все другое опасно.

Я не знала, как мне это сделать, но напряженно пыталась представить под своими ногами зеленую траву и яркие краски вокруг. На мгновение одна картина наплыла на другую, а потом я снова оказалась среди всего этого великолепия закутанная в зелено-голубую накидку, вышитую каплями драгоценных камней. И у Херрела внезапно появилось другое лицо, более похожее на человеческое и чрезвычайно привлекательное, но та, другая его внешность мне нравилась больше.

Не говоря больше ни слова, он взял меня за руку и мы вместе вышли из туманной страны Ничто в зеленую рощу с цветущими деревьями. Там я снова нашла своих спутниц, и каждую из них сопровождал мужчина, подобный Херрелу. Они сидели на траве, ели и пили, каждая пара из одной тарелки, принадлежащей только ей, так как это было в обычае долины во время свадеб.

В стороне стояли другие мужчины и они были без спутниц. Празднующие, казалось, не замечали их. Когда мы проходили мимо этих мужчин, они все повернулись и уставились на нас. Один из них со сдавленным криком выступил вперед, и это не обещало нам ничего хорошего. Но двое других оттащили его назад, в свою группу. Херрел завел меня в маленькую нишу между двумя цветущими деревьями, исчез, а потом вернулся назад с едой и питьем в хрустальных сосудах — или, мне показалось, что это так.

— Смейся, — тихо сказал он мне. — Покажи что ты счастлива, потому что здесь есть те, которые за нами наблюдают, и то, о чем мы с тобой будем говорить, не предназначается для других ушей и не соответствует их мыслям.

Я отломил кусок пирога и поднесла его к губам. Мне удалось улыбнуться и даже рассмеяться, но внутренне я все время была начеку.

Глава 5

— Я желаю тебе счастья. — Херрел тоже улыбнулся, поднимая свой бокал и отпивая пенистую, янтарного цвета, жидкость.

— Но, может быть, это невозможно, — тихо возразила я. — Это то, что ты хотел сказать мне? А если это так, то зачем?

Он протянул мне бокал, чтобы завершить церемонию поздравления. Я отпила, но над краем бокала мой взгляд задержался.

— Для этого есть основания, моя леди. Сначала первое: это не предназначалось ни одной из вас, — он коснулся накидки, которая все еще ниспадала с моих плеч зелено-голубым великолепием. — По Праву Братства они не могли отвергнуть мои притязания. Но никто из них не верил, что мою накидку выберет невеста. Ты сделала плохой выбор, Джиллан, потому что я в этом обществе самый незначительный... — Он произнес это легко, без боли или стыда, но так, что его происхождение сразу стало ясно и на это нельзя было не обратить внимания.

— Я не верю этому.

— Улыбайся! — он отломил себе кусок пирога. — Ты говоришь так из вежливости, моя леди.

— Я говорю то, что чувствую.

Теперь он стал серьезен, его глаза изучали мое лицо, словно он мог проникнуть в мои мысли и прочитать их содержание: как то, что мне было известно, так и то, о чем я даже не догадывалась. Потом он глубоко вздохнул:

— Ты ошибаешься. Все время случается так, что я спотыкаюсь там, где остальные легко достигают своих целей. Я с ними одной крови, но во мне что-то не так, так что я иногда могу распоряжаться своими силами, а иногда они мне изменяют.

Я провела рукой по накидке на моих плечах.

— Но ведь было же что-то, что привлекло меня, и, кажется, на этот раз твои силы не отказали тебе.

Херрел кивнул:

— И, таким образом, я получил то, что для меня не предназначено...

— И это и есть причина опасаться несчастья? — Я не верила, что он боится этого. Он, конечно, был воин не из последних, несмотря на то, что он говорил о себе.

— Ты не понимаешь, — мягко произнес он. — Я могу только то, о чем ты узнала в первый час нашего знакомства и, возможно, с этого часа у нас впереди не будет гладкой дороги. Мы запросили у вас двенадцать и одну невесту, но наш отряд насчитывает почти в два раза больше воинов. Мы предоставили выбор колдовству и судьбе, но некоторые из оставшихся никак не могут согласиться с тем, что выбор пал не на них. Кроме того — ты назвала себя пленницей людей из-за моря и ты не из рода Высшего Халлака, потому что ни один из его жителей не может видеть нашего второго лица. Поэтому ты можешь быть нашей дальней родственницей...

И поэтому не принадлежать к человеческому роду? — спросила я сама себя.

— Не позволяй никому обнаруживать, что ты видишь наши вторые лица, — предупредил он меня. — Они не доверяют тем, которые не такие, как они, и вероятно, еще меньше будут доверять той, которая выбрала мою накидку.

Некоторое время мы молчали, потом я спросила:

— Это ваш лагерь?

— На один-два часа, — улыбнулся он. — Если ты пытаешься увидеть замок или стены какого-нибудь огромного замка, ты напрасно стараешься, моя леди. У нас нет другого дома, кроме степей.

— Но вы же уедете отсюда — это часть договора. Куда же мы поедем?

— На север, далеко на север, а потом на восток. — Рука его легла на застужку с молочно-белым камнем. — Мы — изгнанники и теперь снова хотим вернуться на родину.

— Изгнанники? Из какой страны? Из-за моря? — Может быть, мы были дальние родственники по крови.

— Нет. Наша родина может находиться далеко в пространстве и во времени, но она неотделима от этой земли. Мы приходим из очень древнего народа, в то время как народ Высшего Халлака — очень юный народ. Раньше для нас не было границ, если мы хотели странствовать. Все наши мужчины и женщины обладали силами, которыми они могли пользоваться по своему желанию. Хотел кто-нибудь ощутить свободу скачущего галопом коня — он мог стать этим конем. Или соколом, иди орлом, парящим в воздухе. Если ему хотелось иметь богатую одежду и драгоценности, он получал их с помощью своих способностей, и они исчезали, когда это великолепие надоедало их владельцу. Но только обладание такими силами и их использование приносило с собой огромную скуку, потому что со временем не осталось больше ничего такого, что можно было бы пожелать, никаких новых впечатлений для глаз, сердца и души.

А потом пришло время опасности, потому что мы становились все более беспокойными и обращались от известного к неизвестному. Потом мы распахнули двери запретного и развязали силы, которые не смогли контролировать. Мы становились все старше и слабее. И некоторые из нас, снедаемые беспокойством и любопытством, стали искать другие развлечения. Они высвобождали то, чего они чаще всего не понимали, и смерть нависла над страной. Мужчины, бывшие до сих пор друг для друга братьями, теперь встречались с недоверием и даже с ненавистью. Они убивали друг друга мечами и другими способами, которые были намного хуже.

После одного из больших сражений на нас наложили обязательства. С этого времени каждый из нас, кто рождается с беспокойным характером, должен покинуть страну, в которую вернулся мой народ, и превратиться в странника. Не было никакого свободного выбора, хотя некоторые из нас и брали бы такую жизнь, потому что они рассматривались как

потенциальные нарушители мира, который должен был неукоснительно поддерживаться, иначе наша раса исчезла бы с лица земли. И каждый из нас, обладающий беспокойным духом, должен был странствовать некоторое количество лет, пока звезды на небе не образуют новый узор. Когда это происходило, они должны были отыскать Врата и просить разрешения войти. И если они выдерживали проверку, они могли вернуться на родину к своему народу.

— Но люди Высшего Халлака говорили, что они знали всадников с тех пор, как приехали в эту страну...

— Продолжительность жизни людей и наша — не одинаковы. Но теперь приближается день, когда мы снова должны попытаться счастья у Врат. Но удастся наше возвращение или нет, наш род не должен вымереть. Поэтому мы и взяли невест у людей. Мы хотим, чтобы у нас были потомки.

— Полукровки не всегда обладают такими же качествами, как чистокровные...

— Это правда. Но, моя леди, ты забываешь, что мы все же обладаем некоторыми способностями и не все изменения, которые мы можем совершать, являются всего лишь обманом зрения.

— Но будут ли глаза других девушек ослеплены и далее? — Джиллан взглянула на двух своих спутниц, которые были в таком восторге, что видели только тех, с кем делили кубок и тарелку. Хорошо ли это было или нет, сказать было трудно.

— Они будут видеть только то, — ответил он, — что захочет тот, чью накидку они носят.

— А я?

— А ты? Может быть, если ты всеми силами будешь стараться делать это, ты будешь видеть то, что видят другие. Мои спутники будут недовольны, если узнают, что у тебя есть воля. Теперь, основываясь на своем опыте воина, я могу сказать, что для тебя будет лучше, если ты будешь видеть только то, что видят другие. За наше счастье, моя леди...

Его тон изменился так внезапно, что я сначала была ошеломлена, но потом стала бдительной. Сзади к нам кто-то при-

ближался. Но я сделала вид, что ничего не заметила и глядела на Херрела так, словно он был единственным во всем мире.

Тот, кто подошел, молча встал позади меня, он был один и от него облаком исходило какое-то беспокойство... Ненависть? Нет, в нем было слишком много презрения. Это было что-то вроде досады, направленной против низшего члена группы, гнев за то, что тот осмелился воспротивиться его воле, в которую подошедший так верил.

— А, Хальзе, ты пришел, чтобы выпить за невесту? — Херрел взглянул на того, кто стоял позади меня. На его лице не было заметно и следа беспокойства. Однако голос стал острым, как лезвие боевого ножа, и я была уверена, что Хальзе не друг Херрела, а относится к тем, кто завидовал ему, потому что волшебство накидки Херрела принесло тому успех. Но я продолжала смотреть на Херрела с таким же восторгом, с каким другие девушки глядели на своих избранников.

— Кажется, Херрел, который всегда был так неловок, все же преуспел в волшебстве, — заметил подошедший с видимой насмешкой. — Позволь посмотреть, насколько тебе это удалось, позволь взглянуть, что за невеста подобрала твою накидку!

Одним быстрым движением Херрел оказался на ногах, готовый принять вызов своего насмешника.

— Мой лорд? — я схватила его за руку, гладкую и холодную. — Мой лорд, что это?

Он поднял меня и я наконец смогла увидеть стоявшего за моей спиной. Он был дюйма на два ниже Херрела и его тело, такое же стройное и мускулистое, как и у Херрела, было намного шире в плечах. Но в целом от своих спутников он отличался только тем, что его брюки и сапоги были из коричневого меха и на застежке его пояса блестел небольшой красный камень. Но, хотя внешне они походили друг на друга как братья или близкие родственники, внутренне они сильно отличались друг от друга, и то, что находилось у них внутри, сильно разнило их. Гнев, надменность и самоуверенность од-

ного из них были невероятно велики: он считал, что ничто в мире не сможет устоять против его воли — это был Хальзе. А для меня он являлся тем, кого я должна была избегать, как испуганная маленькая мышка спасается бегством от охотящейся совы.

— Моя леди, — Херрел все еще сжимал мою руку. — Я хочу представить тебя моим спутникам-всадникам. Это Хальзе, Сильная Рука.

— Мой лорд, — я постаралась быть мужественной и как можно лучше сыграть свою роль. — Я очень уважаю твоих друзей и спутников, — слова мои были формальными, и я надеялась, что в них не было заметно фальши.

Глаза Хальзе пылали не зеленым, а красным, и улыбка его, напоминала удар бича по голому телу того, на кого он смотрел.

— Воистину, это прекрасная леди, Херрел. На сей раз счастье было на твоей стороне. Но что получит леди от такого счастья?

— Мой лорд? Я знаю, что вы имеете в виду. Но пламя, обжигающее меня — огромное блаженство и оно мое в этот час.

Этим словами я ответила ему на удар бича, хотя это и не входило в мои намерения. Он, улыбаясь, отошел, но это была вынужденная улыбка, за которой он с трудом прятал свою ярость.

— Пусть и дальше это будет так же приятно, — он поклонился и пошел прочь, не сказав на прощание ни слова.

— Так и будет, — заметил Херрел. — Но я думаю, что нам предстоит борьба. И ради всего святого, Джиллан, контролируй свой язык, свою улыбку и даже свои мысли! Хальзе и представить себе не мог, что он уедет отсюда без невесты и что мне повезет там, где он потерпит поражение, и это вдвойне разозлило его. А теперь пошли, время не ждет.

Я увидела, что остальные тоже поднялись и праздник кончился.

Херрел обнял меня рукой за талию и мы вместе с другими парами пошли к тому месту, где нас ждали лошади.

Меня привезли сюда на лохматом горном пони, но эти лошади были совсем другими. У них была странная пятнистая шерсть, серая и черная и благодаря этой расцветке они сливались с зимним ландшафтом, когда стояли неподвижно. Потом мы снова вернулись из весны в зиму.

Лошади всадников были большими, более гибкими и длинноногими, чем все другие лошади, которых я видела в долинах. Покрывала на седлах были из меха, а сами седла маленькие и немного неуклюжие. Некоторые из лошадей были навьючены тюками, хотя мне показалось, что мы, судя по всему, не взяли с собой ничего, чем мы подкреплялись во время свадебной церемонии, также, как мы ничего не взяли с собой из оставленных нами палаток.

И так мы проехали ночь от долины Свадьбы, и хотя я сама не чувствовала себя настоящей невестой, но считала Херрела своим женихом. Было ясно, что я ни с кем еще не смогла бы разделить свои чувства и свое общество, и таким образом я снова оказалась в стороне от тех, с кем мне придется жить.

Лошади бежали быстро и без отдыха. Я не могла себе и представить, что какие-нибудь четвероногие могли быть способны на такое. Проходили часы, но время теперь не имело никакого значения. Может быть, всадники с помощью своего волшебства смогли изменить ход времени. Вероятно также, что в пищу и питье, которые мы съели и выпили, было что-то прогоняющее голод и усталость, потому что за все это время мы не ели и не отдыхали. Мы ехали всю ночь, весь следующий день и всю следующую ночь. Лошади не знали усталости, и все это было словно во сне. Не думаю, что мои спутницы замечали ход времени, потому что они ехали словно в трансе и на их лицах застыло выражение восхищения.

Наконец мы миновали степи и въехали в высокогорную область, и здесь я впервые за все время увидела сооружение, сделанное руками человека: стену в два человеческих роста,

сложенную из камней и хижину с крышей из ветвей кустарника. Или это видела только я, потому что услышала, как Кильдас сказала:

— Мой лорд, как прекрасен этот зал!

И я сосредоточилась на том, чтобы видеть то, что должна была видеть. А потом въехала во двор, окруженный каменными строениями с крышами из дерева, украшенного искусной резьбой.

Херрел повернулся ко мне:

— Здесь мы отдохнем, а потом поедem дальше, моя леди.

Когда я спешила, на меня нахлынула такая усталость, какой я давно не чувствовала, хотя и должна была чувствовать, и подумала, что мне нравится то, что Херрел не стал меня поддерживать и помогать. Отдых начался с дремоты, которая перешла в глубокий сон.

Я проснулась в полной темноте! И услышала возле себя спокойное дыхание. Я поняла, что на кровати рядом со мной кто-то лежит. Я лежала напрягшись и прислушиваясь. Но кроме равномерного дыхания больше не было слышно никаких звуков. Но я проснулась: внутри меня прозвучал ясно слышимый зов.

Было очень темно и я осторожно поднялась. В помещении было тепло, словно в камине горел яркий огонь, но здесь не было ни камина, ни огня. На мне было надето только белье, но холода я не ощущала, хотя внутри меня словно разливался какой-то холод.

Внезапно для меня стало очень важно увидеть не только это помещение, но и то или того, кто лежал на этой кровати и спал.

Мои голые ноги ступили на мягкий мех, которым был выстлан пол. Я делала шаг за шагом, ощупывая руками пространство вокруг себя, чтобы не натолкнуться на мебель. Откуда я знала, что впереди меня находится источник света, который поможет мне что-нибудь увидеть?

Стена, вдоль нее я шла с вытянутыми руками, которые не повиновались моей воле. Окно со ставнями, закрытыми

на засов. Мои пальцы отодвинули засов и я распахнула ставни. Яркий лунный свет ворвался внутрь, и все стало хорошо видно.

— Аррр... — голос или рычание?

Я обернулась и взглянула на кровать, где только что лежала. Что это подняло голову и взглянуло на меня зелеными глазами? мех, гладкий блестящий мех и острые зубы-клыки, обнаженные во внезапно пробудившейся ярости. Горная кошка и не кошка. Губы приподнялись, и клыки обнажились еще больше, готовые резать и терзать... Это было самым ужасным и отвратительным из того, что я видела до сих пор.

— Это то, что ты выбрала! — В то мгновение, когда в моей голове прозвучали эти слова, я подавила зарождавшуюся внутри меня злобу. Может быть, это тот, другой, пытался добиться меня и изменить мою судьбу. И то, что я увидела, было двояким, одно под другим, серебристая шкура, гладкий мех, звериная маска на лице. Только зеленые глаза оставались все теми же. И они горели готовностью к бою. Когда они открылись, в них был разум и понимание.

Я подошла к тому, кто одновременно был зверем и человеком. И потому, что я смогла увидеть в нем человека, я больше не испытывала страха перед тем, кто находился рядом со мной в комнате. Я боялась только того, что разбудило меня и направило к окну.

— Ты Херрел, — сказала я человеку-зверю. И после этих слов он снова превратился в человека, а зверь исчез, словно его никогда не было.

— Но ты не видела меня другим, — это было утверждение, а не вопрос.

— В лунном свете... Да.

Он встал с постели и теперь стоял у того конца ее, где были его ноги. Повернувшись к двери, он помахал рукой в воздухе и пробормотал несколько слов на языке, которого я не понимала. На двери появился свет, но не серебристый, как свет луны, а зеленоватый, как от светильников всадников и от

этого света протянулись две световые дорожки: одна к кровати, возле которой стоял Херрел, другая — к моим ногам.

Я снова увидела превращение человека в зверя, на этот раз потому, что в нем закипал гнев. Херрел набросил на плечи накидку и пошел к двери. Но, положив руку на замок, остановился и взглянул на меня.

— Может быть, это и лучше... Да, лучше. Только, — теперь он говорил мне, а не сам себе, — они должны увидеть, что ты испугалась. Ты можешь кричать?

Я не могла понять, что он задумал, но доверилась ему. Я собрала все свое мужество и закричала, сама удивляясь тому, какую ноту ужаса мне удалось вложить в этот крик.

Тишина в здании царила недолго. Херрел распахнул дверь, а потом снова отскочил назад ко мне. Его рука обняла меня, словно он меня утешал. Он прошептал мне на ухо, что я и дальше должна разыгрывать испуг.

Послышался чей-то голос и торопливые шаги, потом к нам приблизился свет лампы. Предводитель всадников Хирон стоял в дверях и смотрел на нас. До сих пор я видела его только издали. У него был вид человека, требующего удовлетворительного объяснения.

— Что здесь произошло?

Короткий вопрос Херрела помог мне.

— Я проснулась оттого, что мне стало жарко. Мне захотелось открыть окно... — Я подняла руку и неуверенно провела ей по лбу, словно почувствовала себя совсем ослабевшей. — Потом я обернулась и увидела огромного зверя...

На мгновение воцарилась тишина. Херрел нарушил ее.

— Посмотри сюда, — это прозвучало как приказ, а не как просьба. Он указал на мех у моих ног, по которому протянулась зеленая линия, уже побледневшая, но все еще заметная.

Хирон посмотрел, потом снова взглянул на Херрела.

— Ты требуешь права меча?

— Против кого, Хирон? У меня нет никаких доказательств.

— Это правда, и лучше не надо никого искать — особенно сейчас.

— Я никого не вызываю на поединок, — холодно ответил Херрел.

Хирон кивнул, но я почувствовала, что ему было неприятно, словно он услышал плохую весть, которую он принял к сведению только из чувства долга.

— Ни это, ни что-либо подобное не должно повториться, — продолжал Херрел. — Нет большего преступления, чем посягать на чужую избранницу. Разве мы все не клялись на оружии?

Хирон снова кивнул.

— Больше не будет ничего подобного.

Когда мы снова остались одни, я посмотрела на Херрела.

— Что за колдовство было направлено против нас сегодня? Но он не ответил на мой вопрос, а только изучающе посмотрел на меня и спросил:

— Ты увидела зверя, но все же не побежала от него?

— Я видела зверя и человека, а человека я не боялась. А теперь скажи мне, что же все-таки произошло, потому что это, очевидно, было сделано со злым умыслом.

— Колдовство было направлено на то, чтобы сделать меня отвратительным в твоих глазах, и может быть, на то, чтобы ты оставила меня и побежала к другому, который ждал тебя. Скажи мне, почему ты пошла к окну?

— Потому что... потому что мне было приказано, — да, это было так. Мне во сне приказали, чтобы я сделала это. Это Хальзе?

— Вероятно. Но есть еще и другие. Я уже говорил тебе, что никто не верил в то, что какая-нибудь из женщин может выбрать мою накидку. И то, что я достиг этого, принизило их в собственных глазах и они с удовольствием посмотрели бы, как я потерпел бы неудачу. Они хотели отнять тебя у меня, напугав тебя изменением моего тела.

— Изменением твоего тела... Ты носишь человеческое тело потому, что тебе это нужно?

Он ответил мне не сразу. Он подошел к окну и выглянул наружу, в ночь, залитую лунным светом.

— Ты боишься того, что узнала обо мне.

— Не знаю. В первое мгновение я испугалась, да. Но для моего второго зрения ты все время оставался человеком.

Он снова повернулся ко мне, но лицо его было в тени.

— Я клянусь тебе на оружии, Джиллан, что никогда по собственной воле не буду пугать и ужасать тебя.

Глава 6

На следующее утро мы выехали из опорного пункта всадников, и на этот раз нас сопровождало больше व्यючных лошадей, потому что возвращения назад не планировалось. Мы приближались к Вратам в их исчезнувшую страну. Мы поднимались в горы все выше и выше, дул холодный ветер, хотя снега и не было. Херрел ехал слева от меня, не говоря ничего. Изредка он поднимал голову и ноздри его расширялись, словно он чувал в воздухе опасность. Осторожно оглянувшись, я увидела, что остальные всадники делают то же самое, а девушки все еще околдованы и пребывают в восхищении. На всадниках были серебристые шлемы с гербом. Шлем Херрела украшала великолепно сделанная маленькая фигурка в виде присевшей и готовой к прыжку горной кошки. Гербом мужчины, ехавшего рядом с Кильдас, была птица — может быть, орел с распростертыми крыльями, словно вот-вот готовый взлететь в воздух. А за ним ехал человек, и на его шлеме была фигурка медведя, очень злобного красно-коричневого обитателя горных лесов, которого охотники боялись больше, чем всех остальных диких зверей.

Человек с медведем на шлеме повернул голову и я узнала Хальзе. Медведь, кошка, орел; я попыталась рассмотреть гербы других: дикий кабан с клыками поднятыми для нападения, волк... Оборотни, колдуны, могли ли они на самом деле пре-

вращаться в зверей и птиц по своей воле и желанию? Или то, что я видела в последнюю ночь, было только иллюзией направленной на то, чтобы оттолкнуть меня от Херрела?

На небольшой площадке мы сделали привал, чтобы перекусить. Я заметила, что всадники все еще обеспокоены. Те, у которых были невесты, собрались вокруг Хирона и трое из них через некоторое время поскакали дальше. Ни одна из девушек, казалось, не заметила этого беспокойства, так что и я должна была выглядеть беззаботной. Но когда Херрел поднес мне стакан вина, я шепотом спросила у него, что их так волнует.

— Опасность — к востоку отсюда. Люди, возможно, ализонцы...

— Но Ализон на этом берегу уничтожен! Нет больше никаких... — я не смогла скрыть своего удивления.

— Некоторые из них в отчаянии бежали, потому что у них здесь не осталось ни одного корабля, а другого пути вернуться на родину у них не было. Эти люди укрылись в глухих местах и живут разбоем и налетами.

— Но так далеко на север...

— Они знают, что Люди Высшего Халлака сюда не заходят, а нас они оставили в степях.

— Но они также знают, что всадники все еще здесь, а на всадников они нападать не отважатся! — Я переняла уверенность жителей долины в том, что те, с кем я сейчас ехала, были непобедимы, и не было человека, могущественнее их и который по собственной воле выступил бы против всадников.

— Джиллан, — Херрел слегка улыбнулся. — Ты переоцениваешь нас. У нас есть способности, которых нет у других рас, но мы так же истекаем кровью, если нас ранят мечом, и так же умираем, если рана достаточно глубока. И, как ты видишь, нас немного. Ты сама должна понять, что очень трудно все время поддерживать иллюзию. Двенадцать из нас пошли своим путем. От каждого из тех, кто сопровождает невесту, требуется более, чем только воля, чтобы поддерживать иллюзию. В последнюю ночь ты спросила у меня, было ли на

самом деле то, что ты видела. Да, иногда я бываю этим — в бою. Мы изменяем свои тела ради своей собственной безопасности. Но для того, чтобы принять то или иное обличье, требуются воля и сила духа. Эти юные девушки из Высшего Халлака видят нас такими, какими мы хотим им казаться. Однако если сейчас нам придется принять бой, они увидят нас такими, какими видела нас ты, и это может быть концом всего, что мы получили в результате нашего договора. Скажи мне откровенно, Джиллан, кто из тех, кто пришел сюда с тобой, примет наш настоящий вид, не делая никакой разницы?

— Я недостаточно хорошо знаю их...

— Но ты можешь оценить их...

— Очень немногие, — может быть, я недооценивала девушек Высшего Халлака, но когда я думала об их разговорах и том огромном страхе, с которым они ехали к перевалу, я, вероятно, не ошибалась.

— Вот видишь. И это нам очень сильно мешает, а тем, кто на нас нападет — терять нечего. Но я не думаю, что они нападут на нас. Мы надеемся, что до сражения дело не дойдет.

Но надежда эта была напрасной. Через час после того, как мы покинули нашу площадку отдыха, Всадники разделились на две группы. Некоторые всадники, те, кто по трое эскортировали каждую из нас, направились галопом на восток и скрылись из виду. Несколько из них все же остались с нами. Одним из них был Хальзе, который взад и вперед скакал вдоль нашей колонны и каждый раз, когда он проезжал мимо, мне казалось, что он поворачивает голову ко мне и медведь на его шлеме сверкает на меня злобными глазами.

Зимой сумерки наступают рано, и вот уже тени выползли на дорогу, которая вилась между обломками скал, покрытыми снегом. Лошадь Херрела остановилась и я натянула поводья своей кобылы. Остальные всадники исчезли, и мы наконец остались одни.

Остановившись, Херрел спешился и осмотрел передние ноги своей лошади. К моему удивлению, он осматривал не

копыта, а длинные волосы, защищавшие их. Внезапно пальцы его замерли и все тело напряглось.

— Что случилось? — спросила я.

Но не получила никакого ответа. В воздухе прозвучало тонкое, пронзительное пение. Лошадь Херрела встала на дыбы, всхрапнула, брыкнулась и сбросила Херрела на землю.

Я тоже не смогла удержать свою кобылу. Она слепо помчалась прочь. Напрасно я пыталась успокоить ее, совладать с ней при помощи поводьев, чтобы заставить ее снова повиноваться мне. Наконец я в отчаянии вцепилась в ее гриву. На своей груди я чувствовала жжение, казалось, что-то обжигало мою кожу. Амулет — я совсем забыла о нем. Однажды я тайно сделала его из трав и ягод, зашила в платочек и вышила на этом платочке символы. Свои знания я почерпнула из старых книг, особенно рецепты, которые испытала сама, а знание, которым я пользовалась, происходили от верований, таких же старых, как и вся религия. Я носила амулет на шее на ленточке, под костюмом и гербом. Даже монахиня Алюзан сказала, что в старом, передающемся из поколения в поколение знании имеется доля истины.

Одной рукой я схватила амулет и сорвала его с ленточки, а потом, почти не сознавая, почему так делаю, прижала амулет к покрытой пеной лошади. Та взбрыкнула, испуганно заржала и замедлила свой головокружительный бег. Моя воля наконец победила, и мы вернулись. Я была уверена, что мою кобылу и лошадь Херрела нарочно привели в состояние паники.

Я почти боялась, что не найду обратной дороги, потому что все скалы вокруг выглядели одинаково. Позади меня слышался стук копыт и сразу же после этого возле меня оказался Хальзе. Я видела его сверкающие глазки человека... медведя. Он нагнулся, чтобы подхватить поводья моей лошади и заставить ее остановиться. Я оттолкнула его руку, и при этом амулет соскользнул с разорванной ленточки и ударил его по запястью.

— Аааа... — крик боли, словно на него обрушился удар бича. Он отпрянул, и его лошадь встала на дыбы. А потом я снова оказалась вне пределов его досягаемости и поскакала к Херрелу.

Но там была только его лошадь, стоявшая со свисающими поводьями и опущенной головой. А потом я увидела на скальном выступе такого же, готового к прыжку зверя, какого я видела в лунном свете на кровати.

— Херрел? — Я была так уверена в том, что зверь снова превратится в человека, что, забыв про всякую осторожность, спрыгнула с лошади и побежала к скале. Но на этот раз мне не удалось прогнать фантом. Зеленые глаза пристально смотрели в том направлении, откуда мы прибыли. А потом хищная кошка издала долгий вой. Я испуганно отпрянула от скалы и внезапно амулет, который я все еще сжимала в руке, снова нагрелся. Я торопливо убрала руку от скалы, о которую опиралась и увидела в щели скалы какой-то предмет. От него исходили такие волны злобы, что я не задумываясь, вытащила его из трещины и бросила на землю. Предмет этот был длиной с мое предплечье и раскалился, когда я приблизилась к нему амулет. Я начала топтать его каблуками сапог и топтала до тех пор, пока он не разлетелся по камням мелкими осколками.

— Харроооо! — отразилось от скал, и этот звук исходил из человеческого горла. Потом я услышала другой крик и шипение зверя.

А затем, так быстро, что я едва это заметила, мимо меня пронесся медведь, за которым следовал черный волк. Надо мной пролетела гигантская птица. Потом я увидела огромного серого волка, еще одну кошку, на этот раз — красно-коричневую, с черными пятнами, второго черного волка: отряд всадников на боевой тропе. Но самого боя я не видела. И может быть, это было и к лучшему, потому что я услышала крики, наполненные таким ужасом, что зажала уши и забижалась в щель скалы. Мое мужество покинуло меня. У меня бы-

ло только одно желание: не видеть и не слышать ничего, что происходило там, где в полутьме сошлись звери и люди.

Я снова пришла в себя, когда кто-то потряс меня за плечо и назвал по имени.

— Джиллан!

Я взглянула в зеленые глаза, но на этот раз они находились не на голове кошки. Хотя я все еще видела эту кошку, но сейчас это был только шлем с фигуркой на нем...

— Она видела нас! Она знает все! — услышала я чей-то голос по ту сторону моего маленького мирка, в котором была заключена и где кроме меня был только Херрел.

— Она знает больше, чем вы думаете, братья, по отряду! Посмотрите на то, что она держит в руках!

Гнев сгустился вокруг меня и я почти ощущала его в виде плотного красного тумана.

Потом мои плечи обвила чья-то рука и поддержала меня, словно обещая безопасность.

— Прекратите! Лучше посмотрите, что она сжимает в руке! Посмотрите же — Харл, Хизон, Хулор! В этом предмете заключено волшебство, но в этом волшебстве нет ничего злого, если только против него не будет направлено какое-нибудь зло! Харл, скажи Семь Слов, держа это в руке.

Я услышала слова или звуки, такие жесткие, что моим ушам стало больно. Слова чужой Силы.

— Ну?

— Да, это волшебство, но оно направлено только против Власти Тьмы!

— А теперь посмотрите туда!

Красный туман гнева исчез. Я снова видела, как обычно, глазами, а не чувствами. Там, где я растоптала этот предмет, в небо поднималась тоненькая ниточка маслянисто-черного дыма и скверный запах, появившийся, когда я топтала предмет, исчез. Дым медленно сформировался во что-то вроде жезла, подобного тому, какой я нашла в расщелине скалы.

Ревун, один из тех, которые используют Темные Силы.

Снова прозвучали странные слова, на этот раз произнесенные почти всеми одновременно. Жезл, сформировавшийся из дыма, покачнулся и внезапно исчез с резким щелкающим звуком.

— Вы сами видели это, — сказал Херрел. — Теперь вы знаете, что это было за колдовство. Тот, кто носит такой амулет, как и Джиллан, не может заниматься черной магией. — Джиллан, — он повернулся ко мне. — Что ты знаешь об этом только что исчезнувшем предмете?

— Амулет обжег мне руку, когда я оперлась о камень. Я увидела в камне расщелину и в ней находился тот предмет. Я... я вытащила его и раздавила сапогами на мелкие кусочки.

— Смотрите, — Херрел снова повернулся к остальным всадникам. — Мне кажется, братья по отряду, что мы должны быть благодарны ей за спасение. Если бы эта вещь все еще продолжала действовать, могло произойти вот что: мы не смогли бы избавиться от нашего боевого обличья, не смогли бы снова превратиться в людей и вернуться назад, к тем, кто не должен знать о нас правду.

Среди всадников послышалось быстрое перешептывание.

— Нам следует все это обсудить, — заявил Хальзе.

— Пусть будет так, — ответил Херрел. — И вы убедитесь в том, что здесь произошло. Но здесь, может быть, и другое колдовство, Харл, прошу тебя, взгляни на левую переднюю бабку Рошана.

Я видела, как тот всадник, у кого на шлеме была прикреплена фигурка орла, подошел к лошади Херрела, нагнулся к ее левой передней ноге и ошупал копыто.

— Пути колдовства?

— Да. И вы утверждали, что это работа какого-нибудь нашего врага или моей леди? Может быть, — Херрел бросил долгий взгляд на каждого из присутствующих здесь всадников. — Может быть, это и было задумано, как шутка. Но это чуть было не стало причиной моей гибели, а также каждого из нас, кто пришел сюда. А может, это была совсем не шутка.

Кто-то надеялся, что я остановлюсь и паду жертвой судьбы или врага?

— Тогда у тебя есть право требовать удовлетворения с помощью меча, — сказал ему Хальзе.

— Я знаю это и потребую, когда найду того, кто пытался сыграть со мной такую скверную шутку.

Херрел посадил меня в седло, а потом сел позади меня. Его руки обняли меня, но я все же чувствовала себя одиноко. Одиноко среди тех, кто, как мне казалось, ненавидел меня.

Глава 7

Потом мы где-то разбили лагерь и я так устала, что все происшедшее казалось мне дурным сном.

На следующее утро мы поехали дальше и я все еще чувствовала себя разбитой. Херрел ехал рядом со мной.

— Все это продлится не больше одного дня. Мы уже недалеко от Врат. Но я прошу тебя: никогда не забывать о том, чего ты должна остерегаться.

Херрел говорил так, словно опасность угрожала нам обоим. Но я все равно чувствовала себя одинокой. Не было того Херрела, на которого я бы могла положиться. Здесь был человек и зверь, и я не отваживалась довериться ни одному, ни другому.

— Мне снилось, что тут была битва, но тут не было никакой битвы, — сказала я, наизусть заучив этот урок.

— Нет, здесь не было никакой битвы, — подтвердил он.

— Итак, эта битва мне приснилась, — продолжала я. — Кто же следует по нашим следам, и какое оружие использует ваш противник, чтобы разрушить ваши чары?

Он ответил мне со всей откровенностью.

— Это были охотники из Ализона, и некоторые из них, должно быть, обучены тайному знанию и их ненависть выплеснулась наружу. То, что они направили на нас, было Тем-

ными Силами, вызывающими изменение наших тел, а затем навсегда закрепляющими это изменение. И этим мы сами себе роем могилу. Лучше бы они сделали так, чтобы мы навсегда остались людьми.

— Сколько их было? И почему они напали на нас?

— Мы насчитали двадцать человек. Их план был очень хитер. Они оставили лошадиный след, чтобы разъединить нашу группу, а потом напали на ту ее часть, которую считали наиболее слабой. А почему? Они носят щиты с гербами Халлака, и это значит, что они хотят направить нас против Халлака. Только мы не понимаем этой Черной Стрелы. Она не относится к их обычному вооружению.

Потом Херрел получил приказ ехать в арьергарде, и я присоединилась к другим девушкам. Один раз, когда Сольфинна немного отъехала вперед, возле меня появился Хальзе. Его красные медвежьи глазки изучающе смотрели на меня, словно он пытался прочесть мои мысли.

— Настоящее зрение может быть угнетающим, моя леди, — заметил он. — Оно здесь не нужно.

— Бывает и нужно, мой лорд, — ведь именно оно помогло мне обнаружить эту вещь, по крайней мере, я так думаю. И оно все еще может принести мне пользу...

Он пожал плечами.

— Может быть, мы несправедливы к вам, моя леди. Но, по крайней мере, ваши сестры не разделяют ваших сомнений. И вам это также было бы полезно.

И все же я нашла его улыбку жуткой, и когда он наконец повернул своего коня и исчез, я поехала быстрее, чтобы догнать Кильдас. Мне вдруг стало очень неприятно ехать в одиночестве.

— Харл сказал, что у Хальзе злой язык, — заметила Кильдас. — Хотя он и проявляет необходимую вежливость, или, по крайней мере, делает вид, что проявляет. Он в ярости от того, что ему не досталось невесты.

— Может быть, его накидка была недостаточно красивой.

Она рассмеялась.

— Только пусть он не услышит этого! Он воображает, что в любом обществе он является первым. А это правда, он же выглядит таким привлекательным...

Она находит его привлекательным? Для меня он был медведем, скрытой под густым мехом опасностью.

— Красивое лицо — это еще не все.

— Ты права. И мне Хальзе не особенно нравится. Он всегда улыбается, и кажется таким довольным, но я думаю, что на самом деле это не так. Джиллан, я не знаю, что тебе сказал Херрел, но не разговаривай с Хальзе так открыто. Харл сказал мне, что между ним и Херрелом старая вражда, а после свадеб отношения между ними еще больше ухудшились. Потому, что Херрел получил то, что Хальзе хотел бы получить...

— Меня? — улыбаясь, спросила я.

— Может быть, не тебя, но невесту. Перед тем, как мы появились здесь, он много говорил о том, что его счастье было разрушено. Что его ожидания были разбиты и это стало занозой в его пальце. И другие всадники не забыли о его хвастовстве, и постоянно напоминают ему об этом. Это плохо, — она посмотрела на меня. — Прежде, чем мы встретились с ними, я думала, что все всадники похожи друг на друга и объединены в общую группу, которая думает и действует как один человек. Но они оказались такими же, как и все остальные люди; у каждого из них свои собственные мысли и мечты, ошибки и страхи.

— Тебе Харл рассказал все это?

Кильдас улыбнулась и улыбка ее была улыбкой безграничного счастья.

— Харл рассказал мне о многом... — И она снова погрузилась в мир грез и мечты, в который я не смогла последовать за ней.

Долгий день подходил к концу, но Херрела я больше не видела. Мы в конце концов достигли узкой и длинной долины, вход в которую был так тщательно скрыт деревьями и

кустами, что я и не подозревала о его существовании. Там нас уже ожидали скрытые отвесными скалами походные палатки, и авангард нашей группы уже достиг их. Уже стемнело, но в руках у всадников мерцали зеленые лампы и был разведен костер. Все вокруг напоминало большой прекрасный зал.

Но, когда мы остановились, Херрел не подошел ко мне, чтобы помочь слезть с лошади. Это сделал человек, у которого на шлеме был изображен волк.

— А где Херрел? — спросила я.

— Арьергард еще не достиг этого места, леди.

И это было правдой. Честно говоря, я не могла сказать, что почувствовала облегчение и избавилась от страха, когда увидела искусно вырезанную фигурку кошки, прикрепленную к шлему, из-под которого на меня смотрели зеленые глаза.

Усталость, а я ее совсем не ощущала, пока сидела в седле, волной нахлынула на меня, когда я несгибающимися ногами приблизилась к костру. Одиночество стеной отделило меня от остальных, одиночество и то, что только я одна знала об их тайне. Мне все еще было не ясно, был ли Херрел зверем, который мог принимать внешность человека, или он был человеком, который иногда принимал облик зверя? При нашей первой встрече я с готовностью пошла на то, чтобы признать его странности, но теперь меня угнетала мысль, что у меня нет пути к отступлению. И я больше не могла думать о будущем.

— Джиллан?

Я с трудом повернула голову. Ко мне подходил Херрел. Охваченная чувством одиночества, я смотрела на человека, для которого, может быть, что-то значила. Я протянула ему руку и произнесла: — Херрел!

Глава 8

Когда руки Херрела обняли меня, я почувствовала, как на меня нахлынули иллюзии. Теперь мы находились не в темной

узкой расщелине, окруженной каменными стенами, а в самом центре цветущей весенней долины. И хотя нас все еще окружала ночь, но это была весенняя ночь. В травяном ковре, испуская сладкий аромат, распустились маленькие белые цветочки. Зелено-золотое сияние, исходящее отнюдь не от ламп, окружало палатки. Я увидела низкий стол, уставленный тарелками и кубками, а перед ними маты, на которых сидят во время еды. Все те, у кого не было невест, исчезли. Только мы, двенадцать и одна, пришли с мужчинами, которых мы выбрали, остались тут.

Херрел повел меня к столу, и я последовала за ним, околдованная в этот момент так же, как и все другие девушки. Какое это было облегчение — забыть о реальности и погрузиться в иллюзию!

Мы с Херрелом, как обычно, ели из одной тарелки. Я не могла понять, что это была за еда, я знала только, что никогда в своей жизни не ела ничего более вкусного и изысканного. И темно-красная жидкость в бокалах, стоящих перед нами, имела запах спелых, насыщенных солнцем фруктов ранней осени.

— За тебя, моя леди, — Херрел поднял бокал. Действительно ли он выпил или мне это только показалось? Когда он передал мне бокал, я только слегка смочила вином губы.

— Теперь мы наконец достигли цели нашего путешествия, мой лорд? — спросила я у Херрела.

— В известном смысле. Но это также и начало его. И мы сегодня это отпразднуем.

В этом обществе трезвы были только мы одни. Вокруг нас слышался тихий нежный смех и шепот. Все, казалось, были счастливы, но мы не включились в эту всеобщую идиллию.

— Перед нами находятся Врата и мы должны проникнуть через них? Или овладеть ими?

— Овладеть? Нет, мы не можем силой пробить себе путь. Или Врата откроются сами, или они останутся закрытыми. И если они останутся закрытыми...

Он надолго замолчал, и я решила задать вопрос:

— И что же тогда?

— Тогда мы должны будем странствовать дальше. Но мы надеемся, что время наших странствий подошло к концу.

— Когда вы это узнаете и как?

— Когда? Утром. И как? Я не могу тебе сказать этого.

Было ясно, что он не хотел говорить мне этого.

— И что нас ожидает, когда мы минуем Врата?

Херрел глубоко вздохнул. Лицо его всегда выглядело юным, но на нем были глаза старика, а теперь мне показалось, что и глаза его стали молодыми. И от зверя... видела ли я когда-нибудь его в образе зверя?

— Как мне описать тебе это? Жизнь там совсем другая: это другой мир!

Около нас поднялась другая пара и они, крепко обнявшись, пошли к палатке. Теперь мне предстояло то, чего я всегда подсознательно боялась.

— Моя дорогая, пойдем и мы? — голос его изменился и стал мягким и нежным.

Все во мне воспротивилось, но тело мое не оттолкнуло его, когда его рука легла на мою талию. Для постороннего наблюдателя мы были обычной влюбленной парой.

— За наше счастье, — он взглянул на бокал, который все еще был в его руке. — Джиллан, выпей за наше счастье.

Это была не просьба, а приказ. Его глаза вынуждали меня пить, и я выпила. Передо мной все поплыло и иллюзия снова стала совершенной. Я без сопротивления пошла с ним.

Губы его были мягкими, ищущими, а потом требовательными и я ответила на это требование. Словно острое меча пронзило меня, и моя защитная реакция снова проснулась во мне. Нет! Это было не для меня! Это было бы концом всего, что было Джиллан, это было бы моей маленькой смертью. Против этой смерти поднялись все мои защитные силы, этому воспротивилась вся моя сила воли. Я забилась в самый дальний угол палатки и выставила руки перед собой. Потом я увидела бледное лицо Херрела, покрытое кровавыми царапинами.

— Колдунья, — я слышала, как он отодвигается от меня. — Это то, чем ты являешься на самом деле — ты колдунья, Джиллан.

Я опустила руки и взглянула на него. Он не двигался. Только лицо его было таким же решительным, как после битвы, когда он выступил против своих братьев по отряду.

— Я не знал этого, — тихо сказал он, словно понимая меня. — Я этого не знал, — он пошевелился и испуганно отпрянул назад.

— Не бойся, я не прикоснусь к тебе ни в эту ночь, ни в последующие! — Голос его звучал горько. — И в самом деле, судьба против меня. Такой, как Хальзе, принудил бы тебя для твоей же собственной пользы и для пользы всех нас. Но я не хочу делать этого. Ну, хорошо, Джиллан, ты можешь выбирать, но ты должна взять на себя все последствия твоего выбора. Может быть, ты обнаружишь, что твой выбор был неразумным.

Он, казалось, думал, что я все поняла, но его слова были для меня загадкой. Он взял меч и положил его в середине спального мата. Потом лег по другую сторону меча и закрыл глаза.

Почему? Мне нужно было задать ему столько вопросов, но лицо его было непроницаемым. Хотя он и лежал справа от меня, мне казалось, что нас отделяет друг от друга бесконечная пустыня. И я не отважилась нарушить молчание.

Я думала, что теперь мне не заснуть, но едва я легла на своей стороне от меча, как сон немедленно овладел мной.

Я проснулась на рассвете.

— Херрел? — Рука моя не ощутила холода стали. Я была в палатке одна. Но у меня было желание встать и выйти наружу, желание более сильное, чем тогда, в горах, когда оно привело меня к разоблачению лордом Имграем. Меня снова звали, но кто и куда?

Я быстро оделась и вышла наружу, в свет раннего утра. Иллюзия исчезла, остались только суровые каменные утесы и

догорающий костер. Я чувствовала, что все другие девушки еще спят и проснулась только я одна. И потребность убедиться, что я не осталась здесь одна, взяла верх над всем.

Гонимая этим желанием, я пошла к ближайшей палатке. Там лежала Кильдас, укрытая накидкой, и спала. Я заглянула в следующую палатку. Всадников нигде не было! Я вернулась к Кильдас и попыталась разбудить ее, но тщетно. Может быть, ей снился сладкий сон, потому что на ее губах играла улыбка. Мои попытки разбудить других тоже не имели успеха.

И мое беспокойство становилось все сильнее и сильнее. Кожа моя зудела: меня переполняло возбуждение, которого я не понимала. Где-то происходило что-то, что меня притягивало...

Притягивало, да, это было так! Я отключила все свои мысли и постаралась сосредоточиться на этом влечении. Мне так хотелось, чтобы оно исчезло.

Я закрыла глаза, покачнулась, как соломинка на ветру и повернулась к засыпанному щебнем концу долины. Там, это было где-то там!

Опасность... Я забыла о всякой опасности, а сознавала только магическое влечение. Я карабкалась по грудам щебня, досадуя на то, что мое платье мешает мне. Вверх, еще выше, вверх!

Моя кровь равномерно пульсировала в такт ударам сердца, но одновременно с этим пульсация чувствовалась и в воздухе, похожая на почти беззвучный барабанный бой, удары волн о мое тело, пока я карабкалась все выше и выше. Потом я услышала звук, на который во мне что-то среагировало и зуд в моем теле стал сильнее. Одновременно во мне росло разочарование, потому что я хотела узнать и понять — но не узнала ничего. Я стояла по эту сторону закрытой двери, по которой могла молотить кулаками до тех пор, пока не пойдет кровь, но я все равно не могла войти в нее, потому что не знала, как ее открыть.

Я достигла вершины этого каменного горба и взглянула вниз. Я обнаружила всадников.

Они стояли тремя рядами и лица их были обращены к концу долины. И это действительно был конец: массивная, гладкая каменная стена была непреодолима. Головы всадников были непокрыты; их шлемы и все их оружие было сложено в стороне, на место, которое находилось почти за пределами моего поля зрения. Они с пустыми руками стояли перед стеной.

Они кричали, но не голосами, а своими сердцами. Этот крик причинял мне боль, и я зажала уши руками, чтобы не слышать его. Но это не помогло мне против того, что вызвал во мне этот крик: голода, скорби, одиночества и маленького лучика надежды. Они, как осадным тараном, ударили своими чувствами в стену, чтобы пробить Врата в свою страну.

Один из них вышел вперед — это был Хирон. Я поняла это, даже не видя его лица. Он положил ладонь на каменную стену и замер, пока остальные все еще молили о доступе в свою страну. Потом отошел в сторону и его место занял другой, потом следующий и так все по очереди. Время шло, но я сознавала это так же смутно, как и всадники.

Когда последним к стене подошел Херрел, я увидела его лицо прямо перед собой, как видела его вчера вечером: оно выражало чувство утраты и безграничной тоски. Они там, внизу, не пытались воздействовать на Врата своей волей, они только молили и унижались, идя против своей природы.

Ожидали ли они теперь какого-то ответа? Херрел отошел от стены и снова вернулся на свое место в последнем ряду. И мощные удары волн их чувств не ослабевали. Я почти поверила, что все их усилия напрасны. Эта каменная стена, должно быть, стояла там такая же несокрушимая с начала времен. Или во время бесконечных странствий по степям их охватило безумие, которое заставило их пытаться сокрушить эту стену? И существовала ли вообще эта затерянная страна?

Я уже привыкла к пульсации в моем собственном теле и теперь, когда узнала, что они здесь делают, то решила проявить осторожность и подумала о возвращении в лагерь. Но

когда я попыталась покинуть свой наблюдательный пост, мне не удалось этого сделать. Я была словно прикована к камням, на которых полулежала. Когда я это поняла, меня охватил страх и я вскрикнула.

Они меня заметили! Они обнаружили меня! Но ни одна голова не повернулась в мою сторону. Все глаза были устремлены на стену. Я напрягла все свои психические силы, но не смогла порвать невидимые оковы. Всадники-оборотни продолжали взывать к Силам, от которых они ждали милости, в то время, как я должна была беспомощно лежать здесь.

Я справилась с охватившей меня паникой и снова попыталась подняться. Но я не могла двигаться! Моя рука лежала на камне передо мной и я сконцентрировала внимание на своих пальцах. Давайте же, пальцы! Рука сжалась в кулак и оттолкнулась от скалы. Только рука! Рука, поднимись!

Я снова и снова отдавала мысленные приказы, и пот лился по моему лицу. Мои конечности начали повиноваться: сначала одна, потом другая. Я с трудом пошевелила ногой, согнула колено, чтобы освободиться из этой невидимой сети. Сантиметр за сантиметром я отползала назад, пока всадники не скрылись из моего поля зрения. Потом я устало вытянулась и отдохнула, прежде, чем сосредоточить свою волю на том, чтобы встать. Я стояла, пошатываясь, затем мне удалось переступить сначала одной ногой, затем, другой и чем дальше я удалялась от своего наблюдательного поста, тем свободнее становились мои движения.

Лучи солнца проникли в долину и упали мне на лицо и мои истерзанные руки, согрев их. Когда я повернулась спиной к каменному горбу, который отделял меня от всадников, я снова смогла двигаться нормально. И теперь мне только хотелось достичь лагеря и найти там убежище.

Однако едва лишь я сделала несколько шагов, как услышала удар колокола, похожий на тот, что звучал с колокольной монастыря, призывая к молитве; только этот удар был звучнее и глубже. Звук, казалось, исходил отовсюду: с неба, из-под

каменной у меня под ногами, от окружающих скал. И с этим гулом, казалось, все пришло в движение, все, что было прочным и неподвижным, вдруг закачалось. Вниз посыпались камни. Моя рука, в которую попал камень, стала бесчувственной.

Эхо этого колокольного гула, который теперь уже прекратился, катясь вдоль горной цепи, было таким же громким. Никакие боевые барабаны, никакие гонги в замках, никакие другие звуки, которые я когда-либо слышала, не могли сравниться с этим гулом.

Итак, они достигли своего, и их закрытые Врата открылись. Их родина была перед ними. Их! А не моя...

Снова покатались падающие камни, и я огляделась. На меня смотрели пылающие глаза медведя, за медведем я увидела узкую морду волка и услышала удары крыльев орла. Люди-оборотни или звери?

А потом они снова стали людьми, а не зверями. Херрел пробивался через отряд вперед.

— Убить!

Вылетел ли этот приказ из горла волка, из клюва орла или же это было ржание жеребца? Слышала ли я это вообще или только прочитала это в их глазах?

— Я не могу убить ее, — сказал Херрел. — Разве вы не понимаете, что дал нам случай? Она из рода Мудрых: в ней течет кровь колдуньи!

Хирон подошел поближе, стал рассматривать меня прищуренными глазами и от его внимания не ускользнула ни измятая одежда, ни мои окровавленные руки.

— Почему ты пришла сюда? — спросил он, и голос его был спокоен, очень спокоен.

— Я проснулась... И меня позвали.

— Разве я вам ничего не говорил? — вмешался Херрел. — Настоящая кровь должна ответить на то, что мы...

— Замолчи! — приказ был похож на удар бича и я увидела, что тело Херрела напряглось и глаза его засверкали. Он повиновался, но неохотно.

— И куда же ты пошла?

— Туда, вверх, — я указала на вершину каменного горба, с которого наблюдала за их призывами.

— И все же ты не свалилась вниз, — медленно сказал Хирон. — Ты даже ухитрилась спуститься обратно сюда.

— Убей!

Это был Хальзе? Или кто-то другой? Но Хирон покачал головой.

— Она не добыча для хищников, братья по отряду. — Он поднял руку и указал на символ, сгустившийся в воздухе между нами. Сначала возник туманный зеленоватый след, потом зеленое стало синим, а потом, когда линии стали бледнеть, серым.

— Да будет так, — Хирон произнес эти три слова, объявляя свое решение. — Теперь мы знаем.

Он больше не шевелился, но Херрел подошел ко мне, и я протянула ему руку. Мы медленно пошли прочь, и всадники следовали за нами на некотором расстоянии, которое становилось все больше и больше.

— Ваши Врата открылись?

— Они открылись.

Мы подошли к палаткам. Костер погас, и мы никого не увидели. Другие девушки, должно быть, еще спали. Почему же я не спала вместе с ними? С тех пор, как мы пересекли Перевал Соколов, я вообще уже ничего больше не делила с другими.

Херрел привел меня обратно в лагерь, в палатку, в которой мы провели ночь, отделенные друг от друга мечом... Я так устала, что только хотела погрузиться во тьму сна и все забыть. Я легла и закрыла глаза. И мне показалось, что я заснула.

Если бы я знала как правильно применять свои особые способности, которые использовала как неумелый ребенок, играющий опасным оружием, то может быть, смогла бы защититься от того, что произошло со мной в эту ночь. А Хирон, проведя испытание, узнал, чем на самом деле я была

вооружена: хотя во мне и текла кровь колдуньи, я совершенно не осознавала этого и не могла направить свои способности против того, что он мог со мной сделать.

И единственную возможную защиту, которую Херрел возвел между мной и остальными всадниками, сама же уничтожила. Но я поняла это намного позже.

Хирон действовал быстро и на его стороне был весь отряд. Они были очень сильны в наведении иллюзий, но иллюзии эти могли быть как простыми, так и очень сложными. И открытые Врата позволили им сделать это. Они присоединились к источникам энергии, которые долгое время были закрыты для них.

Я проснулась. Херрел стоял надо мной с кубком в руках. Лицо его было озабоченным и прикосновение осторожным. Он хотел, чтобы я выпила содержимое кубка — ту живительную жидкость, которую я однажды пила. Я вспомнила ее вкус, ее пряный запах. Херрел... я протянула руку, и она оказалась мне невероятно тяжелой, так трудно было ее поднять. На щеках Херрела оставались следы моих ногтей. Почему я кому-то сделала плохо... тому... тому?

Но на этих щеках не было никаких следов! Херрел? Эти глаза... глаза коня или медведя? Мои веки были так тяжелы, что я не могла держать глаза открытыми.

Но, хотя я не могла видеть, мне показалось, что, по крайней мере, слух еще не отказал мне. Я слышала движение в палатке вокруг меня. Потом меня подняли и понесли... Я парила, отрешившись от всего, что слышали мои уши.

— ... кого я должна бояться.

— Его? — усмешка. — Она не видит нас, брат! Она не может больше пошевелиться и не имеет ни малейшего понятия о том, что мы хотим с ней сделать.

— Да, она едва ли поедет с нами утром.

Это было похоже на удар чужой воли, на требование всадников там, в долине, перед каменной стеной, но теперь их объединенная воля образовывала огромное давящее облако,

которое сталкивало меня в бездну и у меня не было никакой надежды защититься от него.

Глава 9

Меня окружал пепельно-серый лес. Я знала, что за мной охотятся. У меня не было ни оружия, ни защиты, но я не бежала прочь. Я прислонилась спиной к сухому дереву и ждала.

Ветер шелестел блеклыми листьями — нет, это был не ветер, это была чья-то воля, которая нахлынула на меня таким мощным потоком, что задрожали листья. Я вынудила себя оставаться на месте и ждать.

Бледные серые тени появились между деревьями и их бесформенные очертания казались чудовищными. Но я спокойно ждала и они, хотя и собирались угрожающе за деревьями, но не нападали.

За дуновением ветра последовал жалобный звук, такой высокий и резкий, что от него стало больно ушам. Тени закачались и разлетелись. И из леса вышли те, у которых были тела: медведь, волк, орел, кабан и другие, о которых я ничего не могла сказать. Они шли на задних ногах и это делало их еще более ужасными, чем если бы они шли на всех четырех.

Я судорожно попыталась заговорить с ними. Если бы мне удалось произнести их имена вслух! Но горло мое словно перехватило.

Позади зверей снова собирались тени и очертания их размывались, формировались и снова расплывались, так что я знала только то, что существа эти были ужасны и враждебны человеку. Звери отступили в сторону и освободили место для своего Предводителя, огромного дикого жеребца. Он тоже стоял на задних ногах и держал в человеческих руках оружие — серо-белый лук, кое-где посеребренный и тетива его зеленовато мерцала.

Медведь подал ему стрелу, и стрела тоже была зеленая. Казалось, что древко ее сделано из луча света.

— Во имя Костей Смерти, Власти Серебра и Силы нашей Воли... — ни одного произнесенного вслух слова, но слова этого угрожающего заклинания болезненно отдавались у меня в голове. — Мы разъединяем от имени этих троих, и никто больше не будет в силах их соединить!

Стрела была наложена на мерцающую тетиву. В это мгновение мне хотелось бежать, но их объединенная воля держала меня с такой силой, словно я была прикована к дереву. И тетива выпустила стрелу.

Холод, нестерпимый холод, который так глубоко проник в меня, что превратился в боль, которую я должна была вынести. Я все еще стояла, прислонившись к дереву — или уже нет? Потому, что я видела всю эту сцену своим странным двойным зрением, словно некто, к кому все это не имело отношения. Тут была Джиллан, которая стояла, прислонившись к дереву и другая Джиллан, лежащая на земле. Потом стоящая Джиллан подошла к животным, которые окружили ее и вместе с ней исчезли среди деревьев. Но лежащая Джиллан не пошевелилась. А потом я внезапно стала лежащей Джиллан. И все еще был холод, такой пронизывающий, какого я никогда еще не чувствовала.

Я открыла глаза. Моя память снова вернулась ко мне. Эти скалы я уже видела... Это была долина, в которой находились Врата, ведущие в затерянную страну всадников. Но долина была покинута. Тут не было больше ни палаток, ни верховых животных, привязанных рядом. Падая снег, но он еще не успел покрыть кострище с почерневшими камнями. Огонь, тепло, чтобы прогнать этот болезненный холод из моего тела!

Я на четвереньках подползла к камням и погрузила пальцы в золу. Но зола уже давно остыла и была так же холодна, как и моя рука.

— Херрел! Кильдас! Херрел! — громко прокричала я, и звук этих имен отразился от каменных стен. Но не было никакого ответа. Лагерь был свернут и все, кто был в нем, ушли!

Я не могла поверить, что это был сон. Это была правда, и я испугалась этой правды. По-видимому, всадники действительно освободились от той, которая была им не нужна, и освободились очень простым способом: они оставили ее в дикой местности.

У меня есть две ноги... я могу идти... могу последовать за ними...

Я, шатаясь, поднялась на ноги и пошла в долину. И тут — она снова была здесь — высокая, все закрывающая стена! И были ли здесь когда-нибудь Врата? Я не видела их! Но если они были, они снова закрылись!

Мне было так холодно, мне хотелось лечь на снег и заснуть? и чтобы никогда не проснуться от этого сна. А может быть это не сон, а что-то означает этот пепельно-серый лес и эти ужасные тени! Я с большим трудом опять вскарабкалась на каменный горб. Меховая подстилка, на которой я лежала, была покрыта снегом. А возле подстилки находилось что-то еще: моя сумка с лекарствами.

Почти бесчувственными от холода пальцами я достала флакончик, отпила из него и подождала, пока тепло не распространится по моему телу. Но ничего не произошло. Мне казалось, что какая-то часть меня была заморожена или удалена и образовавшаяся на ее месте пустота заполнилась льдом. Но голова была ясной и руки повиновались мозгу.

У меня остались подстилка, сумка и одежда для путешествий, которая была надета на мне. И больше ничего: ни оружия, ни пищи.

Я нашла немного дров, которые всадники везли с собой, отнесла их к костру и положила там. Потом кончиком пальца намазала мазь на две ветки и добавила несколько капель жидкости из одного флакона. Вспыхнуло пламя и быстро охватило все дрова. Всадники поступили очень глупо, оставив мне мою сумку. Я знала, что в ней находилось, а они и представить себе этого не могли.

Тепло согрело мои руки, мое лицо, мое тело. Да, это было тепло. Но внутри меня все еще царил холод, леденящая пустота. Наконец, мне удалось найти верное слово для того, что я чувствовала. Я была опустошена — или, вернее, меня опустошили. Но что именно у меня отобрали? Не жизнь, потому что я двигалась и дышала, испытывала голод и жажду. Укрепляющее питье, из сумки смягчило муки голода, а жажду я утопила снегом. Но я была опустошена и никогда не буду чувствовать себя нормально, пока у меня снова не будет того, что у меня отобрали.

То, мое, что увезли с собой звери, мне необходимо и я должна снова это обрести. Было ли это на самом деле сном? Нет, это был не только сон. Они использовали против меня свое колдовство, пока я спала — в последнюю ночь? А как долго я находилась здесь? По слухам, с помощью колдовства, можно было даже менять время для самого себя. Они оставили меня опустошенной и холодной в мире сна, и, может быть, восприняли это как один из видов смерти. Но на тот случай, если им не удастся устранить меня с помощью колдовства, как это не удавалось раньше, они оставили умирать меня здесь, в этой глуши. Но почему они меня так боятся или ненавидят? Потому что не могут околдовать меня и я не подчинилась их воле, как другие девушки из долины?

«Колдунья» — назвал меня Херрел и он, казалось, хорошо знал, о чем говорил. Была ли я действительно колдуньей? Но я не знала своих сил и не могла обращаться с ними. Колдунья, которая была покалечена и стала неполноценной, такой, как, по утверждению Херрела, был неполноценным он сам. Неполноценен?

Я взглянула на каменную стену, где не было больше никаких Врат. То, что сделало бы меня полноценной, исчезло за этой скалой. Но оно притягивало меня — оно действительно притягивало меня! Пока мое тело отдыхало, мой разум работал, и я все сильнее и сильнее чувствовала это влечение. Мне казалось, что я в самом деле вижу те нити, которые идут от меня прямо в эту скалу.

Потом снег прекратился, и дрова в костре почти прогорели. Я должна была найти какой-нибудь способ проникнуть через этот барьер или перебраться через него.

— Стой! Остановись!

Я вздрогнула. В долину въезжали люди и на них тоже были шлемы с гербами и забралами. меховые накидки были короткими, а сапоги украшали шпоры.

Охотники из Ализона?

Я не шелохнулась. Стрелы в их натянутых луках были направлены на меня.

— Женщина! — Один из них объехал меня, вылез из седла и побежал ко мне. В шлеме он выглядел еще более чужим, чем всадники-оборотни.

У меня не было возможности для бегства. Если я попытаюсь вскарабкаться на скалу, они без труда схватят меня, а если побегу к Вратам, то попаду в ловушку.

То, что я никуда не бежала, удивило его. Он медленно подошел ко мне, перевел взгляд с костра на меня, а потом на своих спутников.

— Может быть, твои друзья бросили тебя, а?

— Осторожнее, Смаркл! — резко крикнул один из его товарищей, — разве ты никогда не слышал о засаде с приманкой?

Он тотчас же остановился и прижался к скале. Воцарилось долгое молчание. Люди сидели в седлах и ждали, их стрелы были направлены на меня.

— Эй ты, там, иди к нам! — крикнул наконец один из всадников. — Иди сюда или мы тебя пристрелим!

Может быть было бы лучше не подчиняться им и умереть быстрой, чистой смертью. Но во мне возник какой-то порыв, более сильный, чем все остальные чувства, мне так необходимо было получить обратно то, что я утратила, и потому я не могла так просто расстаться с жизнью. Я прошла мимо кострища, к скале, за которой меня с нетерпением ждал Смаркл.

— Это одна из девушек Дэйла, капитан! — крикнул он остальным.

— Иди сюда, ты!

Я медленно пошла дальше. Насколько я видела, тут были четыре воина, командир и Смаркл. Сколько всего их въехало в долину, я не знала. Очевидно, они последовали сюда за всадниками-оборотнями, поэтому и углубились так далеко в степь на большое расстояние от моря, которое было для этих людей единственным путем на их родину и где их могли подбрать корабли. Как сказал Херрел, они были в отчаянии и им нечего было больше терять и ничто не могло их остановить. И они были чудовищами, еще более страшными, чем всадники-оборотни.

— Кто ты? — резко спросил старший.

— Невеста из Дэйла, — я сказала правду.

— А где остальные?

— Уехали дальше.

— Уехали дальше? И оставили тебя здесь? Ты считаешь нас идиотами...

На меня нашло вдохновение.

— Я больна горной лихорадкой, а для них она вдвойне опасна. Разве вы не знаете, что всадники-оборотни не такие, как мы?

— Что ты об этом думаешь, капитан? — спросил Смаркл. — Если бы это была ловушка, они бы уже давно уничтожили нас...

— Держи ее крепче!

Смаркл подошел ко мне и прижал меня всем весом своего тела к скале. Дыхание его было жарким и дурно пахнущим, и глаза, которые я видела через прорези его шлема, голодно сверкали. Потом он оторвал меня от скалы и крепко сжал, хотя я и не думала сопротивляться.

— Она не из Халлака! — один из солдат нагнулся и уставился на меня. — Вы видели когда-нибудь, чтобы у кого-нибудь из них были такие волосы?

Косы мои распустились, и на фоне снега они казались еще более черными и еще сильнее бросались в глаза. Люди из Алисона осмотрели меня сверху донизу, и мне показалось,

что я заметила в их глазах настороженность, так, словно они внезапно почувствовали себя не в своей тарелке.

— Рота Клатора! — выругался один из солдат. — Взгляните на нее! Слыхали ли вы когда-нибудь о таком?

Губы капитана изогнулись под забралом в недовольной гримасе.

— Да, Тактор, я слышал о подобных ей, но, конечно, не в этой стране. Но я также слышал, что есть одно средство обезвредить такую колдунью, очень приятное средство...

Смаркл усмехнулся и еще крепче сжал мою руку.

— Вы не должны глядеть ей в глаза, капитан. Она таким образом может выбить человека из седла. Колдуни из Эскарпа знают, как околдовать смертного мужчину.

— Вполне возможно. Но она же тоже смертная. В любом случае, у нас есть великолепное развлечение.

Я не имела ни малейшего понятия, о чем они говорили.

Насколько я поняла, они очевидно думали, что я принадлежу к одной из враждебных им рас.

— Принесите топлива для костра, — сказал предводитель солдатам. — Здесь становится холодно. Солнце заходит за скалы.

— Капитан, — сказал Тактор, — почему она осталась здесь, если не для того, чтобы причинить нам вред?

— Причинить нам вред? Может быть. Но я скорее думаю, что они обнаружили то, что она из себя представляет и поэтому оставили ее здесь!

— Но эти дьяволы тоже кое-что смыслят в магии!

— Да, это так. Но и волки в стае нападают друг на друга, когда голод достаточно силен. Может быть, между ними произошла ссора, о которой мы ничего не знаем. Может быть даже, эти овцы из долины придумали план, и эту девчонку привезли контрабандой, чтобы нарушить договор. Если это так, то, значит, ее предали или раскрыли. В любом случае, они ее бросили, и мы с ее помощью узнаем кое-что!

Смаркл все сильнее сжимал мою руку, и его прикосновение было оскорблением, и я почувствовала стыд, понимая, о

чем они говорят. Во мне все еще оставалось какое-то чувство, какое-то слабое воспоминание о том, что когда-то я была живой и мне было так хорошо.

Они набрали много дров. Когда-то видимо давно в этой долине протекала река, и теперь между камней валялось множество обломков деревьев. Мужчины развели костер, и я словно воспрянула к новой жизни. Смаркл набросил на мои руки и плечи кожаную петлю, потом связал мне лодыжки, и, таким образом, я стала их пленницей.

Их физический голод, казалось, пересиливал другой голод, потому что они принесли ременные силки с какой-то птицей и крупного кролика, которых они разделали и подвесили над костром.

Предводитель стоял передо мной, широко расставив ноги.

— Колдунья, куда поехали всадники-оборотни?

— Дальше.

— И они оставили тебя, потому что обнаружили, кем ты являешься?

— Да, — это могло быть так или не так, но, вероятно, он был прав.

— И их колдовство было таким же могущественным, как и твое...

— Я не могу судить об их могуществе.

Он задумался над этим, и мне показалось, что ему не понравились его собственные мысли.

— Что находится там, дальше, впереди?

— Теперь там нет ничего, — честно ответила я.

— Что же, они улетели или превратились в воздух? — Смаркл грубо рванул веревки на моих лодыжках. — Тебе не удастся обмануть нас, колдунья!

— Всадники проехали через Врата, и они снова закрылись за ними.

Предводитель взглянул на солнце, которое уже почти скрылось за скалами и длинные тени протянулись по долине. Потом предводитель осмотрел долину. Видимо, ему не по-

нравилось то, что он увидел, но он был опытным воином, и сам хотел убедиться в правдивости сказанного мною. Движением руки он подозвал двух солдат, они вытащили мечи и стали карабкаться по насыпи на каменный горб.

В тени скалы я заметила наплечный ремень своей сумки и надеялась, что они не обратили на него внимания. Я должна сама заполучить свою сумку, чтобы начать «колдовать»...

Капитан снова повернулся ко мне, чтобы продолжить допрос.

— Куда они ушли? Что находится за этим барьером?

— Я не знаю этого. Знаю только, что они искали другую страну.

Командир поднял забрало и снял шлем. Его волосы были очень светлыми, но не тепло-золотистыми или красно-коричневыми, как у мужчин Дэйла, а почти белыми, как у старика, но только он не был стар. У него был подвижный, крупный нос, похожий на клюв орла, высокие скулы и маленькие глазки с узкими веками. Я увидела на его лице следы усталости и напряжения, как у человека, который находился уже на пределе выдержки. Он опустил на камень, больше не обращая на меня внимания, и уставился на пламя костра.

Немного позднее вернулись разведчики.

— Кучи упавшего щебня и скалы. Они не могли уйти этим нутем.

— Но они не проехали сюда, в долину, — неуверенно сказал другой разведчик. — Если они вернулись, они не могли проехать мимо нас. Они приехали сюда — а потом исчезли!

Взгляд предводителя снова уставился на меня.

— Как?

— Наверное, с помощью волшебства. Они просили о том, чтобы им открыли Врата. Так и произошло.

К сожалению, Врата открылись для них, а не для меня, но меня это не могло удержать, также, как и этих людей. Где-то

по другую сторону каменного барьера сейчас находилась часть меня. Она притягивала и звала, желая, чтобы мы снова стали единым целым.

— Она, наверное, сможет привести нас туда... — Тактор кивнул в сторону каменного барьера. — Говорят, что этим колдуньям подчиняются ветер и волны, земля и небо, растения и животные.

— Но ведь колдунья одна; разве может она сделать это, если она никогда прежде не пользовалась своей силой? — Капитан покачал головой. — Вы думаете, она осталась бы здесь и стала бы дожидаться нас, если бы сама могла последовать за всадниками тем же путем. Нет, мы, наверное, потеряли свою добычу...

Смаркл провел языком по губам, увлажняя их.

— Что мы будем теперь делать, капитан?

Тот пожал плечами.

— Поедим, а потом... — он с ухмылкой взглянул на меня, — потом развлечемся с ней. А завтра утром составим новый план.

Один из них усмехнулся, а другой ударил по плечу своего спутника. Они отбросили мысли о завтрашнем дне и жили лишь настоящим моментом, как это было в обычае у воинов. Я взглянула на мясо, жарящееся на костре. Скоро оно уже будет готово. Они поедят, а дальше...

До сих пор я оставалась пассивной. Хотя меня и связали, но не обращались со мной жестоко. Но время шло. Они поедят, а потом...

Но у меня было знание. Это было внутри меня, я была уверена, что смогу использовать этот оставшийся у меня час, как щит и меч, если перейду в нападение. Воля — я всегда могла противопоставить всему свою волю. Сила воли... Могла ли я так сконцентрировать силу своей воли, чтобы она стала оружием?

Глава 10

Мои отчаянные мысли все время возвращались к моей сумке с лекарствами и снадобьями. Мужчины пригоршнями набрали снега в маленький котелок, который поставили у костра. Две маленькие капли из одного флакончика в этот котелок, и... Но как мне сделать это?

Они ели, и запах жареного мяса снова пробудил во мне голод. Они не предлагали мне еды, и я знала, почему они так делают. Что бы со мной они ни сделали этой ночью — завтра утром они поедут дальше без меня. Почему они должны обременять себя женщиной, которая, к тому же, была еще и опасной колдуньей?

Сумка. Я пыталась не задерживать на ней свой взгляд, чтобы они случайно не проследили за моими глазами и не заметили ее. Но потом я все-таки украдкой взглянула туда и испугалась. Это, наверное, были фокусы света костра, потому что сумка лежала теперь на освещенном месте и ее мог увидеть каждый, кто поднял бы голову. Но как это было возможно? Она сначала находилась между камнями, а теперь лежала на порядочном расстоянии от них! Казалось, что в ответ на мой молчаливый зов у сумки появились ноги и она смогла передвигаться.

Крышка у сумки была застегнута. Я больше не осмеливалась глядеть на сумку, а глядела на пламя костра и сосредоточилась на том, чтобы мысленно отпереть застежку. Насколько легко было действовать пальцами, настолько тяжело было проделать весь этот процесс в уме.

Так: шпенек в металлической щелке, теперь опустить его вниз. Так. Теперь повернуть. Верхний шпенек вынуть из щелки. Не рискнуть ли мне оглянуться, чтобы проверить, подчиняется ли сумка моему желанию? Нет, лучше не надо.

А теперь: как были расположены пузырьки там, внутри? Когда я заполняла сумку, я совала их внутрь в темной рабочей

комнате монахини Алюзан. Я так углубилась в свои воспоминания, что четверо мужчин, сидящих у костра, перестали для меня существовать. В сумке было пять карманов, в которые я и рассовала пузырьки. Я надеялась, что моя память не обманет меня именно теперь, когда я так надеялась на нее.

Одна из маленьких трубочек-пузырьков была не из стекла, а из кости, и закрыта затычкой из черного камня. Наружу из сумки, трубочка! Я опустила голову на колени, спрятав лицо в тени, и отважилась взглянуть на сумку. Воины Ализона, наверное, подумали, что я впала в отчаяние, и создать именно такое впечатление входило в мои планы.

Трубочка — наружу! Движение под крышкой сумки. Теперь я поверила в свои силы, но до этого мгновения я даже и не отваживалась подумать, что у меня что-то получится. И в результате увиденного мое удивление было так велико, что я сама чуть не свела на нет все сделанное мной. Я снова сконцентрировала свою волю и увидела трубочку, высовывающуюся из-под кожаной крышки сумки, а потом она, хорошо видимая, упала на землю.

Трубочка... в котелок. Горячее жирное мясо так хорошо пахнет. Трубочка, в котелок! Маленькая костяная трубочка приподнялась и устремилась в том направлении, куда я хотела ее послать. Я вложила в этот приказ всю свою силу воли.

Она не летела с быстротой стрелы. Временами она опускалась на землю, когда воля моя слабела и концентрация усилий спадала. Но я сделала это. Трубочка упала в тающий снег в котелке и ни один из воинов Ализона не заметил этого.

А теперь последнее. Затычка из черного камня — долой! Пот бежал по моим вискам и плечам. Затычка — долой! Я старалась изо всех сил, но у меня не было никакой возможности узнать, удалось ли задуманное.

Рука схватила котелок. Я затаила дыхание, когда в воду опустили маленький рог для питья. Видели ли солдаты, что находилось в котелке? Выполнила ли трубочка мой приказ? Солдат жадно выпил воду из рога, а за ним еще один сделал

то же. Выпили трое, четверо. А теперь Смаркл. А капитан? Только он не пил.

Они закончили ужин и разбросали обглоданные кости между камней. Моя отсрочка кончилась. Капитан не пил. Глядя на остальных, я не замечала, что мое снадобье как-то подействовало на них. Может быть, затычка не... Но теперь уже было слишком поздно пробовать еще раз.

Смаркл встал и, ухмыляясь, вытер руки о бедра.

— Теперь наступило время для удовольствия, капитан?

И вот только теперь предводитель повернулся к котелку с водой. Я сосредоточилась на нем и попыталась подчинить его своей воле. Его мучит жажда, он должен напиться! И он напился большими глотками, прежде чем ответить Смарклу.

— Как хочешь...

Смаркл испустил ликующий крик и пошел ко мне под смех и поощряющие крики своих спутников. Он поднял меня, прижал к себе и рванул на мне одежду, хотя я защищалась, как только могла.

— Смаркл! — раздался крик, но тот лишь улыбнулся идохнул своим смрадным дыханием мне в лицо.

— Ты должен подождать своей очереди, Мацик. Каждый возьмет ее по очереди.

— Но ты только посмотри, посмотри! Капитан, Смаркл! Один из солдат взволнованно указал на землю. — Она... она не отбрасывает тени!

Смаркл испуганно отпустил меня, и я, так же, как и другие, уставилась на землю. Костер ярко пылал и тени мужчин были великолепно видны. Но я — я не отбрасывала никакой тени. Я пошевелилась, но ни на камнях, ни на земле не появилось никакого движения.

— Но она действительно существует, говорю я вам! — крикнул Смаркл. — Я касался ее, она на самом деле существует! Посмотрите сами, если вы мне не верите!

Но остальные отступили назад, качая головами.

— Капитан, ты знаешь о колдуньях достаточно много, — умоляюще спросил Смаркл, — могут они заставить человека видеть то, чего нет на самом деле? Они же живые и существуют на самом деле и мы достаточно легко можем уничтожить все их колдовские способности, и при этом доставить себе немалое удовольствие.

— Если она захочет, вы можете почувствовать то, чего нет на самом деле, — ответил один из солдат. — Может быть, это вообще не женщина, а оборотень, который остался здесь, чтобы задержать нас, пока отряд не вернется, чтобы нас уничтожить. Убейте ее, и тогда мы узнаем, существует ли она на самом деле или это всего лишь иллюзия. Используйте проклятую стрелу...

— Когда у нас будет еще одна, я использую эту стрелу, Ясмик, — вмешался капитан. — Но у нас только одна. Колдунья она или оборотень, но у нее есть колдовские силы. А сейчас мы посмотрим, что она может сделать против холодной стали.

Он поднял меч и направился ко мне.

— Ааааа!... — Это был крик испуга, закончившийся вздохом, и солдат, первым выпивший воду, пошатнулся, ища поддержки, схватился за своих спутников и упал на землю, потянув других за собой. Потом пошатнулся и упал еще один человек.

— Колдовство! — Капитан ударил меня мечом, но лезвие скользнуло по моим ребрам и руке. Оно рассекло мышцы, но не нанесло смертельного ранения, как он рассчитывал, а потом лезвие меча с силой ударилось о скалу за моей спиной. Лицо воина исказилось от ярости и страха и он уже готов был замахнуться снова.

Но придушенный крик еще одного солдата у костра отвлек его внимание и он повернул голову в его сторону. Некоторые из его людей уже неподвижно лежали на земле, другие шатались, как пьяные и старались удержаться на ногах. Капитан провел рукой по глазам, словно стараясь очистить их. Потом он ударил во второй раз, и на этот раз лезвие рассекло

мою одежду. Затем он опустился на колени и упал на камни лицом вниз.

Я прижала руку к своему боку и почувствовала как потекла кровь.

Но я не решалась пошевелиться, потому что некоторые из солдат все еще держались на ногах. Двое из них пытались достать меня, вытянув оружие, но в конце концов на ногах осталась только я одна, все остальные уже лежали на земле.

Они не были мертвы, и как долго будет действовать на них снадобье, в какой пропорции оно было разбавлено и сколько его было выпито, я не знала. Я должна была исчезнуть отсюда прежде, чем они придут в себя. Но куда мне идти? Когда я убедилась, что все они потеряли сознание, я подошла к сумке, которую открыла силой своей воли, и достала оттуда мазь и бинты. Обработав свои раны, обошла всех своих врагов и взяла у них те вещи, которые понадобятся мне в борьбе за выживание. Я заткнула за пояс длинный охотничий нож, а потом нашла пищу: компактный рацион, который был у всех воинов Алисона. Они, должно быть, не пользовались им, и жили только охотой, если это им удавалось. Мечи, луки и полные колчаны стрел я собрала и бросила в огонь — лезвия мечей не пострадают, но все остальное будет уничтожено. Потом я прогнала в долину их лошадей: напугала их и они убежали.

Я обрезала длинную юбку своего костюма для путешествий и покрепче привязала то, что мне было нужно, к поясу, чтобы не мешало, когда я буду карабкаться по скалам. А карабкаться мне придется, потому что только таким способом я могла добраться туда, куда мне было нужно. И хотя сейчас уже была ночь, я должна была отправиться в путь, чтобы быть отсюда на приличном расстоянии к тому времени, когда спящие солдаты Алисона проснутся.

Было бессмысленно пытаться преодолеть каменный барьер, который маскировал Врата всадников, на поверхности этой отвесной стены нигде не было места, чтобы поставить ногу или зацепиться пальцами. Итак, оставались каменные

стены долины; галечные осыпи представляли главную опасность на этом пути. Но властный призыв, который гнал меня на север, в последние часы стал еще мощнее.

Я начала карабкаться вверх. У меня было одно преимущество: я никогда не боялась высоты. И часто слышала, как охотники в горах говорили, что во время подъема нельзя оглядываться назад или смотреть вниз. Но мне казалось, что я двигаюсь вперед ужасно медленно, и все время боялась, что одно неверное движение — и я свалюсь вниз. Также я не знала, когда проснутся охотники Алисона и начнут преследовать меня.

Я поднималась все выше и выше, и мгновения казались мне часами. Я дважды в ужасе цеплялась за скалу, когда тяжелые каменные обломки громыхали мимо меня, пролетая на расстоянии нескольких миллиметров от моего тела. Наконец я достигла расщелины в скале, куда можно было поставить ногу. Я забралась внутрь этой расщелины и пробиралась все дальше и дальше, пока, наконец, не выбралась на относительно ровную площадку, видимо вершину этой скалы, и, споткнувшись о кусок льда, упала. Тело мое так устало, что больше мне не повиновалось.

Через некоторое время я немного отдохнула и заползла в щель между двумя скалами. Отвязала со спины меховую подстилку и накрылась ею.

Когда я начинала подъем, луна стояла высоко в небе, а теперь она побледнела также, как и звезды. Я достигла вершины самой высокой скалы, и на этом же уровне должен быть гребень каменного барьера. Я не спала, но погрузилась в какое-то странное состояние двойственности чувств. Время от времени я видела себя скорчившейся между двумя скалами, словно смотрела со стороны, а потом снова оказывалась в другом месте, полном света, тепла и людей, которых я старалась рассмотреть почетче, но это мне не удавалось.

Мазь оказывала свое действие, рана на боку перестала кровоточить, а меховая подстилка несколько защищала меня от холода. Но беспокойство снова охватило меня: стремление

идти дальше. Занимался рассвет и заря окрасила небо в красный цвет. По ту сторону зубцов скал, которые в последнее время своими тенями скрывали меня, находилась пересеченная местность, хаос выветренных скал и камней. Я придерживалась края долины, чтобы не заблудиться. Каменный барьер был около четырех метров шириной и позади тянулась такая же узкая долина, как и та, по стене которой я вскарабкалась сюда. Только каменные стены здесь были так круты, что о спуске нечего было и думать. Мне приходилось пробираться вперед по верхнему краю стены долины и надеяться, что все же удастся найти более удобное место для спуска.

А потом я внезапно увидела разницу в камнях вокруг меня. Они теперь были не серого цвета, а темного, зелено-голубого, и также я заметила, что эти камни, иногда даже больше меня самой, казались неестественными в той местности, где, я находилась. Я немного отдохнула и подкрепилась тем рационом, что забрала у ализонцев. И пока я ела и смотрела на цветные камни, я все больше и больше убеждалась в том, что они попали сюда не естественным путем.

Вдруг голова моя внезапно закружилась, глаза закрылись, а потом снова открылись. Как и в свадебной роще всадников я второй раз увидела здесь картины, которые растворялись друг в друге, пока совершенно не перепутались, и стали волнами сменять друг друга. На мгновение немного правее меня показалась тропинка, и, хотя я не смотрела туда, в следующее мгновение она исчезла и там снова появились каменные обломки. Я была уверена, что причиной этого двойного зрения была не слабость, а, скорее затуманивание сознания. Если это будет продолжаться и дальше, я едва ли осмелюсь двинуться вперед из страха, что глаза предадут меня и я сделаю неверный шаг.

На этот раз я только на мгновение смогла завладеть этим двойным зрением. И каждая попытка, которую я предпринимала, очень утомляла меня. Во мне все больше нарастало желание продолжать путь, сейчас же и без промедления.

Я встала, но непрерывно меняющиеся перед моими глазами картины так закружили мне голову, что я изо всех сил вцепилась в скалу. Казалось, что даже почва под ногами больше не была прочной. Я была пленницей этого хаоса, и не было никакой возможности для бегства. Я закрыла глаза и долго стояла неподвижно. Потом осторожно вытянула вперед ногу, и она уперлась в изменяющуюся, но остающуюся твердой землю. Я двигалась, ощупывая, пространство вокруг себя руками и они наткнулись на твердый камень. Но когда я снова с надеждой открыла глаза, эти взаимопроникающие картины были все еще здесь, и тут я закричала...

Я подняла свою сумку и меховую подстилку и попыталась мыслить логично. Я была уверена, что здесь какой-то обман или мое зрение путала галлюцинация, которая затрагивала только зрение, но не осязание. Поэтому пришлось продвигаться вперед на ощупь. Но я не могла больше ориентироваться по каменным утесам и, может быть, стала бы ходить по кругу. Что же все время заставляло меня следовать за всадниками? Могла ли я вслепую пройти через весь этот хаос? Но у меня не было другого выбора, кроме как попытаться сделать это.

Я решительно закрыла глаза, вытянула руки и пошла в том направлении, куда меня влекло. Это было нелегко, и я шла вперед очень медленно. Несмотря на вытянутые руки, я все время натыкалась на обломки скал. Часто останавливалась и открывала глаза, но снова испуганно закрывала их перед картинами, которые теперь были не только двойными, но тройными и даже четырехслойными.

Я не знала, действительно ли иду вперед или мои опасения относительно того, что я двигаюсь по кругу, сбывались. Но зов внутри меня не исчезал, и со временем мне становилось все легче и легче определить, куда меня тянуло. Мои руки с обеих сторон натыкались на скалы, а ноги все более уверенно ступали по шероховатой каменистой почве. Но потом руки наткнулись на твердую, гладкую поверхность, а не на

шероховатый камень и эта поверхность была столь чуждой, что я открыла глаза.

Яркий свет ослепил меня, угрожая опалить. Но руками я не почувствовала никакой жары. И не было ничего, кроме ослепительного света, на который невозможно было смотреть. Я начала осторожно двигать руками взад и вперед. Гладкая поверхность заполняла промежуток между двумя скалами, через которые я должна была пройти, и тянулась в высоту настолько, насколько я могла достать руками, а вниз уходила в почву. На всей этой невидимой поверхности не было ни единой щели, ни единой шероховатости.

Я отступила назад и попыталась найти другой путь, чтобы обойти этот барьер. Но не было никакого другого пути, а то, что звало меня вперед, тянуло прямо в это ущелье, блокированное невидимой стеной. И в конце концов я устало опустилась на землю и в отчаянии опустила голову на колени. Это был конец.

Но — я сидела не на камне, а ехала на лошади. Наконец отважилась открыть глаза, потому что не могла поверить в это, но я увидела Ратну, мою лошадь с развевающейся гривой. Мы находились в сказочно прекрасной зеленой и золотистой стране. И Кильдас — тут была Кильдас и Сольфинна с венками из цветов на головах и белыми цветами на упряжи. И они пели так же, как и все остальные, и я пела вместе с ними.

Я знала также, что это была одна сторона истины, так же, как хаос выветренных скал и барьер из света — другая. Я хотела громко позвать их, но губы мои произносили только слова песни.

— Херрел! — во мне зародился крик, но я не могла издать ни звука. — Херрел! — Если он обо всем узнает, тогда может быть сможет объединить меня с другим моим «я» в одно целое. Тогда я не буду больше одинокой Джиллан, которая находится вместе со всеми невестами и другой одинокой Джиллан, которая блуждает среди скал, а снова буду единой полноценной Джиллан.

Я оглянулась и увидела их всех, едущих по прекрасной дороге, утопающей в зелени. И у всадников на шлемах тоже были цветы. Всадники казались мне прекрасными мужчинами, не похожими на мужчин Высшего Халлака и их звериное обличье совершенно не было заметно. Только одного, кого я все время искала, не было среди них.

— О, Джиллан, — сказала мне Кильдас, — был ли когда-нибудь в твоей жизни такой прекрасный день? Как будто Весна обвенчалась с Летом и подарила нам самое лучшее, что есть у нас обоих.

— Это так и есть, — ответила та, что была одной из половинок Джиллан.

— Это удивительно, — рассмеялась Кильдас, — но я напрасно стараюсь вспомнить о том, как жила раньше там, в Дэйле. Все прошлое напоминает мне сон, который бледнеет все больше и больше. И у нас нет никаких причин для того, чтобы возвращаться обратно...

— Но у меня есть причины для этого! — крикнуло мое внутреннее я. — Потому что я все еще нахожусь в Дэйле и должна объединиться со своей половиной!

Один из всадников подъехал поближе и протянул мне ветку, усыпанную цветами, которая испускала чарующий аромат.

— Хорошие цветы, моя леди, — сказал он, — но они не так хороши, как те, которые я приготовил тебе в подарок... — Рука моя коснулась ветки.

— Херрел...

Но когда я взглянула на того, кто протягивал мне ветку, то увидела на его шлеме красные глаза медведя. А из-под них на меня глядели странные узкие глаза, которые приковали мой взгляд. Потом его рука поднялась и на ладони появился маленький белый предмет, который так сильно приковал мое внимание, что я не могла отвести от него взгляд.

Я подняла голову с колен. Темные тени вокруг меня отрицали, что только что тут была зелено-золотая страна. Я уже не ехала, украшенная цветами, по весенней стране, а потерян-

но сидела в стране холодной зимы между заколдованными камнями. Но я кое-что приобрела: узнала, что на самом деле было две Джиллан. Одна, которая с трудом пыталась достигнуть другой стороны этой вершины и искала путь дальше, и другая, которая все время была вместе с остальными невестами Дэйла. А пока эти две Джиллан были порознь, для меня не существовало настоящей жизни.

Тот, кто ехал возле меня, был Хальзе. Он знал, что я стремлюсь к своей половине и подгонял меня. Но где же был Херрел и как он относился к другой Джиллан?

Я осознала, что с наступлением темноты головокружительное мерцание взаимопроникающих картин прекратилось и что я снова стала нормально видеть. Исчез ли этот невидимый световой барьер?

Я отползла назад меж двух камней и увидела перед собой не слепящий свет, а мерцающую зеленую стену. Но когда я коснулась рукой этой стены, ее поверхность была такой же твердой и гладкой, как раньше. И это было колдовство, я была в этом уверена, независимо от того, сделали ли эту стену всадники или кто-либо другой. Я не могла вскарабкаться здесь на скалы, как это было в долине, и я не имела ничего, чтобы преодолеть этот барьер. Яркость света стены между тем так сильно уменьшилась, что я могла видеть сквозь нее. По ту сторону стены находилась открытая местность, где не было хаоса камней и скал, до сих пор так мешавших мне продвигаться вперед. Там, по ту сторону, может быть, мне не нужно будет больше бояться этой путаницы картин. Но как же все-таки мне преодолеть этот барьер? Я не видела никакого способа сделать это, но должна была найти его!

Глава 11

Я устала сидеть на камнях, между которыми была светлая стена. Я не могла перелезть через них: в два человеческих

роста и такие гладкие, что на них нельзя было обнаружить никакой зацепки. Они казались частью какой-то древней насыпи или крепости. Но потом я увидела, что каждый из этих камней, между которыми находилась прозрачная стена, поднимаются над остальными камнями, словно столбы у ворот. Перед моими глазами почему-то внезапно возникло изображение паутины. Если избежать опасных клейких нитей, паутину можно разрушить, сломав ветку, к которой она крепилась... Я извлекла костяную трубочку из своей сумки только лишь при помощи одной силы воли, но ведь здесь были тяжеленные камни, а не легкая бутылочка. И как мне узнать, что барьер исчез, если мне удастся пошевелить один из этих массивных камней?

Я еще раз взглянула на каменные столбы, между которыми находился барьер. Они, казалось, были глубоко вкопаны в землю. Наконец я сосредоточила волю на левом столбе и напругла все свои силы.

Ты должен упасть! Падай! Я всей своей силой воли ударила столб, словно я ударила его всем телом. Падай! Здесь время мое было не так ограничено, как в лагере охотников Алисона. Время здесь не имело значения. Здесь был только столб, барьер и настоятельная необходимость преодолеть его. Пошатнись и падай!

Все вокруг меня поблекло и исчезло. Я видела только высокую темную тень, вокруг которой дрожало маленькое голубое пламя, сначала вверху, потом, после моей направляющей решительности — внизу. Земля, отпусти! Крепления, поддайтесь!..

Я состояла только из одной воли, которую и направляла на столб... Поддайся, падай! И темный каменный столб поддался, покачнулся. Голубое пламя охватило его основание. Падай!

Каменный столб медленно нагнулся наружу, в противоположную от меня сторону... Раздался звук, пронизавший болью все мое тело, болью такой сильной, что она превзошла мою волю и сознание, а потом я провалилась в ничто.

Когда я снова пришла в себя, голова моя лежала на жестком камне. Холодный дождь падал на лицо. Я открыла глаза. Странный знак, совершенно незнакомый. Я с трудом приподнялась.

Один из столбов наклонился наружу, словно указывал мне путь. На камнях виднелись черные следы, между столбами больше ничего не было. Я проползла вперед и рука моя коснулась почерневших камней. Я отпрянула, мои пальцы были обожжены. Шатаясь, встала на ноги, протащилась через образовавшееся отверстие и вышла на открытое место по ту сторону исчезнувшего барьера.

Сейчас был день, хотя облака были так густы и мрачны, что меня окружала полутьма. Шел холодный дождь со снегом. Но окружающее было хорошо видно. Тут больше не было отдельных обломков скал, только обычные горы, с детства близкие мне. И тут было еще кое-что: дорога. Но едва я достигла ее, как вынуждена была снова опуститься на землю от усталости. И только теперь я утолила голод припасами охотников Ализона. Но меня снова влекло вдаль.

Дорога старая, узкая, частично поросшая красными и сине-зелеными пятнами лишайника. Дорога вела вниз, через ущелье, ведущее далеко вниз и переходящее в далекую бескрайнюю равнину. Пройдя через арку ворот, я попала на овальную, окруженную высокими стенами площадку. Вдоль стен, на равном расстоянии друг от друга, находились ниши, закрытые на три четверти; только верхняя часть этих ниш была открыта. И на оправе каждой ниши был высечен символ. Некоторые из символов почти полностью сгладили ветры и непогода, другие — хорошо видимы, но для меня ни один из этих символов не имел значения.

Верхняя часть ниш была темной. Когда я подошла к первой нише, то отшатнулась назад. Из ниши меня что-то ударило. Но что это было? Удар невидимой силы? Нет. Когда я повернулась к одному из этих маленьких отверстий, ощущение стало четче. Это был вопрос, требование дать ответ, но кому, как и зачем? В нишах находилось что-то разумное.

И мне не показалось странным, когда я громко ответила, нарушив царящую здесь тишину.

— Я Джиллан из долин Высшего Халлака иду, чтобы требовать другую часть моего «я». Я не хочу ни большего, ни меньшего.

Насколько мои глаза и уши видели и слышали, внешне ничего не изменилось. Но я почувствовала пробуждение чего-то, что находилось здесь считанное количество лет. Повсюду вокруг меня что-то шевелилось, и на меня были направлены взгляды невидимых существ. Может быть, мои слова не значили ничего; может быть, это нечто было так старо, что его нельзя было описать человеческими словами. Но то, что оно меня проверяло — я знала. Я медленно шла дальше, через центр площадки и поворачивалась от одной ниши к другой, ряд за рядом, ища то, что проверяло меня.

Из ниш с четко различимыми символами не исходило такого острого ощущения, как из ниш со стершимися символами. Это были охранники, и кто знает, как давно они здесь появились, призванные выполнять свой долг? Может быть, я представляла опасность для того, что они должны были здесь охранять.

Я добралась до конца овальной площадки и теперь стояла перед аркой других ворот, под которой проходила дорога, ведущая дальше. Я повернулась и посмотрела на пройденный мною путь. Я ждала, но сама не знала, чего. Может быть, разрешения идти туда, куда я хотела, хотела благословения того, что я искала и что нашла. Но чего бы я ни ждала, я была разочарована. Мня освободили от вопросов, и это было все. И, может быть, ничего было и не нужно.

Вырубленная в скалах дорога вела все дальше вниз, к подножию скал. Я видела все больше деревьев и коричневой травы. Все еще шел дождь, но он уже не был холодным. Я шла по дороге, пока в конце концов не пришла к остаткам рощи. Хотя деревья были по-зимнему голые, ветки их переплетались друг с другом так сильно, что они полностью за-

щищали меня от дождя. Мои руки и ноги налились свинцовой тяжестью от усталости, и мне было холодно. Будет ли мне всегда так холодно?

Нет... Внезапно мне стало тепло. Солнце, тепло и аромат цветов окутали меня. На этот раз я не сидела на лошади. Я открыла глаза и выглянула из палатки. Солнце уже клонилось к закату, и снаружи журчал ручеек. Это была зелено-золотистая страна другой Джиллан. Я увидела человека, лицо которого было наполовину повернуто в сторону от меня. Но я тотчас же его узнала.

— Херрел!

Голова его повернулась и он взглянул на меня своими зелеными глазами. Его лицо было твердым, как сталь и замкнутым, и такая же твердость была и в его взгляде, но только сначала. Потом выражение его лица изменилось и он заглянул в глубину моих глаз.

— Херрел! — Я сделала то, чего еще никогда не делала в своей жизни: я попросила другого о помощи, действительно пытаюсь достигнуть его.

Он подошел ко мне — это был почти прыжок охотящейся кошки — опустился возле меня на колени и погрузил свой взгляд в мои глаза.

Все, что я хотела сказать, застряло у меня в горле. Я могла произнести только его имя. Его руки обняли меня. Он забросал меня потоком слов, вопросов, требуя у меня ответа, но я не могла ни слышать его, ни отвечать ему. Только моя мольба о помощи была так велика, что глухим криком отдавалось в моей голове.

Внезапно около Херрела оказались люди, они набросились на него и потащили прочь, хотя он яростно отбивался. И тогда я увидела Хальзе. Рот его был искажен от ярости, глаза метали огонь, прожигаящий меня насквозь. Он встал между нами, он прогонял меня назад, в ссылку.

— Херрел... — тихо прошептала я. Я всегда в душе надеялась и теперь узнала, что это правда — узнала, что Херрел

никогда не был в сговоре с остальными, которые бросили меня здесь, в глуши. Может быть, он тоже был введен в заблуждение той частью Джиллан, которая теперь ехала вместе с остальными? Хальзе подарил этой Джиллан цветы, так как он хотел добиться ее. Удалось ли ему добиться с помощью своего колдовства, чтобы Джиллан благоприятствовала ему? Как далеко могло зайти его влияние на нее? Была ли она всего лишь порождением галлюцинации, или у нее было тело из плоти и костей. Сделал ли Хальзе ее своей с помощью остальных или она тоже вела себя как невеста, чтобы восстановить свой прежний вид и все ошибались в том, что она приняла мое исчезновение без всяких вопросов, как это сделала Кильдас? Или ту, другую Джиллан, использовали, чтобы наказать Херрела каким-то образом и чтобы он не узнал, кто это сделал? Если это было так, тогда та короткая встреча в палатке должна была указать ему на истинное положение вещей. Я не сомневалась в том, что Херрел за то мгновение, пока остальные не утащили его, узнал, что на самом деле существуют две Джиллан.

Я снова отчаянно попыталась достигнуть той, другой Джиллан, чтобы объединиться с ней. Связь между нами все еще существовала, но мне больше никак не удавалось приблизиться к той Джиллан.

Они теперь были предупреждены и, должно быть, установили барьер на пути к нашему воссоединению.

Веки мои отяжелели от усталости и голова опустилась на колени. Все, что меня угнетало, растворилось во сне.

Глава 12

Сон немного освежил меня, и на рассвете я снова тронулась в путь. Дорога теперь больше не была прямой, а извивалась по местности, становившейся все более приветливой. Деревья и кустарник были покрыты листвой, и я из зимы во-

шла в весну или лето. А потом я увидела кусты с такими же белыми, сладко пахнущими цветами, как и те, которые Хальзе подарил той, другой Джиллан. Я достигла зелено-золотистой страны, находившейся по другую сторону Врат, страны, к которой так стремились всадники во время своих странствий.

Я достигла реки, берега которой окаймляли деревья с ветвями, низко склонившимися над водой и усеянными розовыми цветами. Спустилась по крутому откосу и погрузила руки в воду, холодную, но не очень. Потом я торопливо растегнула застежки, крючки и пуговицы и сняла свою грязную, вонючую и частично разорванную дорожную одежду, чтобы вымыться и поискать брод. Рана на моем боку хотя и была ярко-красной и припухшей, но уже почти затянулась. Несколько упавших цветов коснулись моих плеч и их запах остался на моей коже и в волосах. Я наслаждалась прохладной водой и не могла заставить себя вернуться к своей одежде, подчиниться тому зову, который звал меня вперед. Но все же в конце концов я выкарабкалась обратно на берег и снова натянула на себя выглядевшую теперь еще более грязной, одежду.

Дальше дорога шла по полям, но поля эти были не возделаны, здесь не было ни коров, ни овец. Только множество птиц, и они без опаски летали рядом со мной и что-то клевали у меня под ногами. У них было такое же яркое оперение, как и у птиц, которых я видела в долинах Халлака, но здесь были и животные. Дважды я видела покрытых мехом зверьков, которые глядели на меня безо всякого страха. Солнце изливало на меня тепло, и меховая подстилка так выручавшая меня в горах, стала меня обременять. Я остановилась, отложила ее и случайно поглядела на землю.

Я действительно не отбрасывала никакой тени! Люди Алисона еще в лагере заметили это, но во время своего бегства я была так занята, что это не произвело на меня особого впечатления. Но ведь я же была настоящим живым существом из плоти и крови! И все же и деревья, и кусты, и даже высокая трава отбрасывали свои тени на освещенную солнцем землю

и это подтверждало их реальность, а я не отбрасывала. Может быть, я была невидимой? Но охотники Алисона видели меня и даже хотели меня. Для них я была женщиной, видимой, осязаемой и привлекательной. Я держалась за эти мысли. Мне никогда не приходило в голову, что я существую только для того, чтобы встретиться со своим другим «я».

Я провела рукой по земле, чтобы получить ответ на этот вопрос. Так странно было думать о том, что значит для человека его тень, но не иметь своей собственной тени было совсем другим делом. Внезапно обладание тенью стало такой же важной вещью, как обладание руками и ногами. Я попыталась взглянуть на это своим двойным зрением, но и там у меня не было тени. Но окружающий меня ландшафт изменился и заметно...

Я больше не находилась в безлюдной местности. Туманные образования принимали четкие формы, когда я сосредотачивалась на них. У края дороги, слева от меня, стоял крестьянский дом, которого я прежде не замечала, с крышей, с фронтоном, с пристройками и садом. Дом был таким же, как и все дома в долинах Халлака, с остроконечной крышей и резьбой на карнизе и наличниках окон. Перед домом был мощный двор, где двигались какие-то фигуры. Чем дольше я вглядывалась, тем четче становилось все это. И именно это было настоящим, а пустые поля — иллюзией.

Я произвольно свернула с дороги и поспешила к мощеному двору. Вблизи дом оказался еще более внушительным. Он был старым и сложен из такого же сине-зеленого камня, который я видела в горах. Крыша его была покрыта шифером, а резьба выкрашена в золотистый и зеленый цвет. Мужчина вел из конюшни лошадь к корыту с водой, а служанка ощипывала какую-то птицу похожую на курицу с блестящими пестрыми перьями и длинными гибкими ногами. Я не могла четко видеть лица женщины, но она выглядела таким же человеком, как и я. На мужчине были серебристо-серые брюки и серая кожаная куртка, подпоясанная усеянным

металлическими бляхами, поясом. На девушке — красно-коричневая одежда и длинный фартук такого же цвета, как и шапочка у нее на голове.

Девушка пошла по двору в моем направлении и стала разбрасывать зерна из плоской коробочки, висевшей у нее на руке.

— Пожалуйста... — я истосковалась по человеческим существам. Я хотела, чтобы она увидела меня, но, хотя я говорила громко, она, явно, не замечала меня, так как даже не повернула головы в моем направлении.

— Пожалуйста... — повторила я громче. Но она все еще не замечала меня. И мужчина, который вел теперь лошадь от корыта с водой обратно в конюшню, прошел совсем рядом со мной. Выражение его узкого лица со скошенными под углом бровями и узким подбородком — черты лица которого были такими же, как и у всадников — не изменилось.

Я не могла долго выносить такое равнодушие. Я протянула руку и дернула девушку за рукав. Она испуганно вскрикнула, отшатнулась и начала что-то бормотать. Мужчина повернулся и громко задал вопрос на незнакомом мне языке. И хотя они оба глядели туда, где я стояла, они, казалось, не видели меня.

Моя воля ослабла. Все поблекло: и старый дом, и мужчина, и девушка-служанка, и лошадь, и куры. Они становились все бледнее и бледнее, пока не исчезли совсем и я снова оказалась одиноко стоящей в поле. И все же что-то внутри меня говорило, что мое зрение еще вернется ко мне. Там, где я видела настоящее под наслоением иллюзорного, теперь настоящее наслаивалось на иллюзорное. Для меня это была стена-призрак, а для людей этой страны я сама была призрак.

Снова я вышла на дорогу, спустилась на обочину и положила кружащуюся голову на руки. Буду ли я когда-нибудь настоящей в этой стране? Может быть, тогда, когда снова отыщу ту, другую Джиллан? А была ли она сама здесь настоящей?

От продуктов охотников-ализонцев остались только крошки. Где мне найти пищу? Может быть, удастся достаточ-

но долго поддерживать иллюзию, чтобы в каком-нибудь крестьянском доме отыскать что-нибудь съестное и, вероятно, я должна буду взять это без спроса, потому что те, кто там живет, не могут увидеть меня.

«Эти люди считают, что они хорошо защищены, — подумала я. — Сначала охранники наверху, в горах, а потом этот пустынный ландшафт. Отряд охотников из Алисона может проехать здесь много миль, не найдя ничего, что стоило бы захватить. И как многие, я проходила мимо и не знала, что тут было на самом деле. Замки? Дома? Города?»

Мне нужна была пища, и если я хотела найти что-нибудь — то должна была видеть. Две усадьбы, которые я неясно различала вдаль, находились слишком далеко от дороги, потому что эта дорога существовала на самом деле и вела в ту сторону, куда меня все время тянуло. Было уже далеко за полдень, когда я обнаружила деревню, которая тоже находилась при дороге. Это была маленькая деревушка, где было, примерно, двадцать домов и башнеподобное сооружение в центре. Люди по обеим сторонам улицы были для меня всего лишь теньями и я даже не пыталась разглядеть их получше. Я сконцентрировала свое внимание на домах. На пороге первого из них сидела женщина и пряла. Перед другим домом играли дети, а у третьего дома дверь была закрыта и, может быть, заперта. Но четвертый дом, большое здание, судя по вывеске, было гостиницей.

Я напрягла всю свою волю, чтобы удержать все видимое и прошла внутрь здания через полуоткрытую дверь. За дверью был короткий коридор, а налево еще одна дверь, за ней находилось большое помещение с деревянным столом и скамейками по бокам. На этом столе стояла тарелка с коричневым караваем хлеба и куском желтого сыра. Я почти испугалась, что все это побледнеет и превратится в ничто, когда мои пальцы схватят хлеб и сыр, но ничего подобного не произошло. Я сунула все это в складку меховой подстилки и пошла назад, к двери. Но на пороге дома стояла фигура — один из туманных жителей этих домов. Я прыгнула назад. Меня охва-

тило какое-то беспокойство и я постаралась получше разглядеть входящего. Это был мужчина. В кожаных штанах, сапогах и кованой кольчуге под верхней курткой из шелковистого сукна, похожей на ту, которую носили всадники, но только без меха и вместо шлема у него на голове была шапка.

Он с подозрением заглянул в помещение, но взгляд его скользнул мимо меня. Потом я увидела, как ноздри его расширились, словно он что-то учуял. Затем он заговорил на языке, которого я не поняла. Но мне показалось, что это был вопрос. Я затаила дыхание, чтобы оно не выдало меня. Он повторил свой вопрос, сделал несколько шагов в мою сторону и вошел в комнату. Я осторожно прокралась мимо него и уже была почти у двери, когда он отвернулся от стола, откуда я взяла сыр и хлеб. В первое мгновение я подумала, что он увидел меня: выражение его лица чутко прислушивающегося человека изменилось. Теперь он смотрел мне в лицо и направился прямо ко мне.

Из последних сил я выбежала из комнаты и побежала вдоль коридора. Человек громко крикнул и с улицы донесся ответ. Когда я уже хотела покинуть дом, то вдруг увидела перед собой какую-то фигуру. Я, защищаясь, вытянула вперед руку, и она ударилась о твердую плоть, хотя я видела перед собой только расплывающиеся контуры. Я услышала удивленный вскрик, когда вновь вошедший отшатнулся назад. Но я уже была снаружи, на улице и побежала прочь от деревни к той, другой дороге, где чувствовала себя в относительной безопасности.

Позади себя я услышала крики и топот ног. Видели ли они меня? Или я все еще была невидимой для них? Я не осмеливалась оглянуться назад. Призрачный мир вернулся снова и я, тяжело дыша, оказалась на дороге и больше не видела ничего, кроме лугов, полей и неба. Но я все еще слышала крики, а потом стук лошадиных копыт, который приближался ко мне. Я еще крепче прижала к себе подстилку с добычей и снова побежала по дороге, прочь от исчезнувшей деревни с ее

мощеными улицами. Когда я наконец, тяжело дыша, остановилась, не было слышно больше ничего, кроме щебетания птиц. Я стала думать, что они действительно не заметили меня. Я ничего больше не боялась, по крайней мере, в это мгновение. И все же, после небольшой передышки еще больше увеличила расстояние между мной и моими возможными преследователями, прежде чем опустилась на небольшую, поросшую травой кочку возле дороги, чтобы воспользоваться своей добычей. Темный хлеб и сыр показались мне гораздо вкуснее всего, что всадники предлагали своим невестам, для меня это была сама жизнь.

После того, как голод был немного утолен, я обуздала свой аппетит. Второго налета подобного рода возможно уже не удастся сделать и я должна экономить свои припасы. Из кустов выглянула птица и стала клевать крошки. Потом она поглядела на меня и защебетала, словно прося еще. Я бросила ей еще крошек, чтобы понаблюдать за ней. Несомненно, птичка видела меня так же, как и другие животные во время моих странствий. Может быть, я была невидима только для людей этой страны?

Солнце уже сильно склонилось к западу. Скоро настанет ночь и я должна была найти себе какое-нибудь убежище. Далеко впереди я увидела темное пятно, это мог быть лес, и решила поискать там убежище.

Все мои мысли были направлены на это, так что я не сразу обратила внимание на изменение атмосферы вокруг себя. Мне стало как-то неприятно — чувство, не имеющее ничего общего с наступлением ночи и через некоторое время у меня появилось ощущение, что меня преследуют. Это ощущение было так сильно, что я все время оглядывалась. Мне бросилось в глаза все увеличивающееся количество птиц вдоль дороги, и они все чаще пролетали над моей головой.

Мысли искать защиты среди деревьев, которые теперь возвышались передо мной, теперь показались мне угрожающими. Это был огромный лес, далеко простиравшийся на се-

вер и на юг. Я почти уже решила остановиться там, где находилась, на краю поля, но все же пошла дальше. Дорога становилась все уже, обочины исчезли и надо мной нависали ветви, словно деревья по обеим сторонам дороги хотели слиться друг с другом.

И в листве, и между деревьями раздавались шорохи. Я видела белок, лисицу и других зверей и не могла представить себе никаких опасных для меня причин такой активности. Мне скорее казалось, что меня сопровождала и наблюдала за мной лесная охрана, состоявшая из зверей и птиц — и у меня против нее не было никакой защиты!

Хотя я и старалась найти место, которое могло послужить мне укрытием от наступающей ночи, но не видела ничего, куда бы я могла спрятаться.

Но потом я подошла к месту, где дорога разветвлялась и каждое ответвление было не шире обычной тропинки. В центре, между разветвляющимися тропинками находился маленький островок земли, на котором возвышался холмик, а на его плоской вершине стояли три каменных колонны и средняя из них была выше двух других.

Странно, пока я смотрела на эти колонны, большая часть моего неприятного ощущения исчезла. И хотя это место было ничем не защищено, я чувствовала, что меня тянет на эту площадку. Я взобралась наверх, развернула подстилку, опустилась на землю и прислонилась спиной к средней колонне.

Я снова поела, хотя и не столько, сколько мне хотелось бы. Мне хотелось пить и было трудно глотать сухой хлеб.

Между тем солнце зашло и я накрыла плечи подстилкой. Лес был полон, звуков, но я так устала и ослабла, что несмотря на то, что я все время прислушивалась к этим звукам, заснула.

Я проснулась в темноте. Сердце мое сильно билось, и я тяжело дышала. И все же это не было дурным сном, от которого просыпаются. Лунный свет вокруг меня был очень ярок и колонны блестели серебром.

Мне снова показалось, что я вслепую бродила по комнате, в которой находится сокровище, имеющее для меня огромное значение. Я могла только догадываться, что же это было. Я чувствовала... что меня затянуло в какое-то место, где властвовали Силы, но какие это были Силы — добрые или злые — не знала. Во мне не было страха, только подавленность, потому что я не могла воспринимать информацию, чрезвычайно важную для меня, но которая обходила меня стороной.

Как долго я так сидела и напряженно стараясь преодолеть границу своего незнания — мне неизвестно. Внезапно я услышала стук копыт на дороге, но не с той стороны, откуда я пришла, а с другой. Вокруг меня что-то зашелестело, словно множество маленьких существ убегало в лес с дороги скачущего галопом всадника.

Я сидела под серебристой колонной, не ощущая никакого страха, и ждала.

В лунном свете появилась покрытая пеной лошадь. Ее всадник так внезапно потянул поводья, что животное встало на дыбы и лягнуло передними копытами.

Всадник-оборотень!

Лошадь заржала и снова лягнула, но всадник тотчас же осадил ее. И тогда я увидела фигуру на его шлеме. Я вскочила, и подстилка упала с моих плеч. Я протянула к нему руки.

— Херрел!

Он слез с коня и пошел ко мне. Но шлем скрывал его лицо, так что я не могла видеть его выражение.

Глава 13

Было похоже, что после долгих странствий по зимней ночи я открыла дверь гостеприимного дома, откуда струился свет и тепло и который обещал близость других людей. Я выбралась из своего безопасного, освещенного лунным светом

островка и побежала к тому, кто с такой же скоростью мчался мне навстречу.

— Херрел! — но между нами внезапно возник зеленый свет, угрожающий и опасный, как змея, и когда он опять исчез...

Над обнаженными клыками на меня уставились глаза дикой кошки и здесь уже не было ничего, к чему я так стремилась.

— Херрел! — я не знала, почему снова выкрикнула его имя. Ведь он больше не был человеком.

Я отпрянула назад, когда огромный зверь с серебристым мехом плотно припал к земле, изготоясь для прыжка, и знала, что увижу в его глазах смерть. Я почувствовала своими плечами твердую землю холма, но не отважилась повернуться спиной к угрожающей мне опасности, чтобы снова вскарабкаться наверх, к колоннам, где я могла найти какое-то убежище.

У меня за поясом был нож, но я знала, что не смогу устранить сталью эту грозившую мне опасность. Я пристально смотрела в зеленые глаза и не могла найти в них ничего человеческого. Но в этом звере было что-то от Херрела, скрытое, задвленное, но оно тут присутствовало. Всю свою волю я устремила на этого скрытого человека, может быть мне удастся снова вывести его на поверхность...

— Херрел... Херрел... — умоляла я его больше мысленно, чем вслух. — Херрел!..

Но не произошло никаких изменений. Короткий рык вырвался из его покрытого мехом горла, и моя воля была окончательно парализована, когда круглая голова с плотно прилегающими к ней ушами поднялась, и чудовище издало долгое рычание, как тогда, при нападении охотников Аризона. Но я пыталась бороться дальше.

— Херрел! — животное качнуло головой взад-вперед, а потом встряхнулось, словно отгоняя от себя что-то неприятное.

— Херрел! Ты человек, а не зверь! Ты человек! — я кричала ему эти слова потому что была убеждена, что внутри этой кошки скрывается человек. Или того, кого я знала как Херрела, больше уже не существовало? И закрыла глаза, по-

тому что воля моя отступила перед нахлынувшим на меня отворачиванием и яростью, исходящими от него.

Боль горячей волной пронзила мою руку, которую я успела поднять в последнюю секунду, защищая лицо. Что-то тяжелое прижало меня к земляному холму так, что я не могла пошевелиться. Я не глядела на то, что меня прижало, — не могла вынести этого.

— Джиллан! Джиллан!

Меня обняли руки мужчины, а не лапа зверя, которая должна была рвать мое тело. Голос, хриплый от боли и страха, а, не шипение кошки.

— Джиллан!

Я открыла глаза. Его лицо склонилось надо мной и я прочитала на нем выражение такой муки, что сначала удивилась.

— О, Джиллан, что я тебе сделал?!

Потом он поднял меня, словно я была легкой, как перышко, и понес на площадку на вершине холма. Он положил меня на меховую подстилку и, осторожно вытянул мою раненую руку. Разорванный рукав распался на два больших куса материи и обнажились глубокие кровоточащие раны. Он издал странный звук, увидев их.

— Херрел.

Теперь его взгляд встретился с моим. Он кивнул: — Да, теперь я Херрел. Да съест желтая гниль их кости за то, что они сделали с тобой! В этом лесу есть лечебные травы, я пойду поищу их.

— В моей сумке есть лекарства...

Боль, как жидкий металл, захлестнула мою руку до самого плеча, так, что я едва могла дышать и колонны в лунном свете начали колебаться перед моими глазами. Я чувствовала, как Херрел достал сумку из-под моего платья, и попыталась показать ему, какую мазь он должен был взять. Когда он положил руку на мои раны, я вскрикнула и погрузилась в ничто, в котором не было ни боли, ни мыслей.

— Джиллан! Джиллан!

Мне не хотелось покидать это целебное ничто, но голос звал и звал меня.

— Херрел?

Он опустилсЯ возле меня на колени и его лицо было осунувшимся от усталости. Он поднял руку, словно хотел коснуться меня, но потом снова опустил ее.

— Джиллан, как ты себя чувствуешь?

Я пошевелила руками, но ощутила только следы боли. Осторожно приподнялась. Рука моя была забинтована и я почувствовала острый запах хорошо знакомой мне мази; так значит, он разворошил мою сумку. Когда я начала двигаться, на меня упали маленькие кусочки испачканных кровью разорванных листьев, которые пахли лекарственными травами. Я лежала, покрытая плотным слоем этих листьев.

— Как ты себя чувствуешь? — снова повторил Херрел свой вопрос.

— Хорошо, мне кажется, хорошо.

— Но не все так хорошо. Времени у нас в обрез!

— Что ты имеешь в виду? — Я зачерпнула горсть окровавленных листьев, чтобы вдохнуть их запах.

— Ты разделена...

— Я знаю это.

— Но, возможно, тебе не все известно. На некоторое время возможно из одного человека сделать двоих, хотя это и злое дело. Но если эти двое не соединятся снова, одна из вас погибнет.

— Другая Джиллан? — кровь и листья лежали на моей руке и я снова почувствовала холод внутри себя и меня снова потянуло куда-то.

— Или ты, — он, наверное, прочитал по моему лицу, что я его не поняла, — они сделали это потому, что думали, ты погибнешь в горах или в пустыне. Эта страна имеет мощную защиту.

— Я знаю это.

— Они не верили, что ты сможешь выжить. И когда ты умрешь, останется только та Джиллан, которую они взяли с собой, и она будет жить, хотя и не будет такой, как ты, кроме

самой маленькой частички. Когда ты пришла в Арзен, они узнали об этом. Они узнали, что в их страну проникло какое-то чужое существо, и поняли, что это ты. Тогда они снова использовали магию и...

— И послали тебя, — сказала я мягко и он ничего не ответил.

Он повернул голову так, чтобы я могла видеть его лицо, и на нем была написана такая боль, что я не могла найти никаких слов, чтобы облегчить его страдания.

— При первой нашей встрече я рассказал тебе, что я не такой, как все остальные. Они могут меня принудить, если захотят, или ослепить мои глаза, когда это будет им нужно. Когда они привели с собой ту, другую Джиллан, она отвернулась от меня и отдала предпочтение Хальзе, как тому хотелось с самого начала!

Я испугалась Хальзе! Действительно, мое другое «я» находилось в руках Хальзе и она действительно отдала ему предпочтение? Стыд охватил меня пылающим огнем. Нет... нет...

— Но я здесь присутствую, — наконец смущенно сказала я. — У меня есть тело... я живая...

Но было ли это на самом деле так? В этой стране я была только привидением, так же, как здешние люди были для меня такими же нереальными. Я провела рукой по ранам, радуясь боли, которая последовала за этим движением, потому что почувствовала реальность своего тела.

— Ты это ты и она тоже ты — часть тебя. И пока вы обе малые и слабые части одного целого. Вот если бы ты погибла тогда она стала бы полноценной для Хальзе.

Мои братья по отряду боятся тебя, потому что тебя нельзя уничтожить, как других. Потому что они воздействуют на тебя с помощью колдовства, Джиллан, с помощью которого они могут удалить тебя.

— И если ты...

Он снова прочитал мои мысли.

— Если я убью тебя, как они рассчитывали? Им было все равно, узнал бы я правду или нет. Они ничуть не боятся меня,

и если бы я сделал что-нибудь с собой из-за этого вынужденного убийства, это было бы для них только облегчением. Это был хитрый план.

— Но ты не убил меня.

Выражение его лица сделалось мрачным.

— Посмотри на свою руку, Джиллан. Нет, я тебя не убил, но я тебя ослабил, и это тоже пригодится им. Время — наш враг, Джиллан; чем дольше вы будете разделены, тем сильнее ты ослабеешь и, может быть, объединяться вам будет уже слишком поздно. Будет лучше, если ты сейчас узнаешь правду.

— Я думаю, что ты можешь больше, чем сам думаешь о себе, — мужественно произнесла я. — Иначе почему ты не выполнил возложенного на тебя задания? Колдовство — могущественная сила и ее нельзя так легко преодолеть. Херрел посмотрел на меня.

— Не думай обо мне так хорошо, Джиллан. Я благодарю высшие силы за то, что я так во время очнулся от околдовавших меня сил. Или что ты меня разбудила, потому что твой голос донесся до меня в бесконечную тьму, в которую они меня загнали... Если ты сможешь ехать, то мы должны немедленно отправиться в путь. Мы должны догнать отряд.

Он помог мне встать, но накрыл меня не моей тяжелой меховой накидкой, а своим плащом. Потом он взял меня на руки и понес по склону холма к дороге. Лунный свет померк, рассвет был уже недалеко. Херрел свистнул, и его конь подошел к нам. Херрел усадил меня в седло, а сам сел позади меня. Его жеребец, казалось, и не заметил двойного груза.

Пока мы ехали, мне было хорошо и удобно в руках Херрела.

— Не понимаю, почему Хальзе так помогается меня, — начала я. — Только ли это уязвленное самолюбие и досада от того, что ты получил невесту, а он нет?

— Так было вначале, — ответил он. — А потом он делал это из-за того, что ты не такая, как остальные. Это была единственная возможность привязать тебя к нам, и когда это удалось, ты стала жертвой того, что они захотели с тобой сделать.

— Последняя возможность?

— Той ночью, когда ты отвергла меня. Ты не отдалась мне, потому что все наши заклинания оказались бессильными.

Я была рада, что он сидел позади меня и не мог видеть моего смущения.

— Ты тогда назвал меня колдуньей, — сказала я после долгого молчания. — Ты сделал это из гнева?

— Гнева? Какое право я имел сердиться на тебя? Я назвал тебя так потому, что думал, что ты и есть колдунья. И поэтому тебе не оставалось ничего другого, как только отвергнуть меня.

— Колдунья, — повторила я задумчиво. — Но я изучала только искусство врачевания, а это не колдовство. Если бы я была тем, что ты сказал, я никогда бы не жила в монастыре. Они выгнали бы меня оттуда через час после моего прибытия туда.

— Колдовство — это не так плохо, как думают леди Дэйла. В тебе есть какая-то другая кровь, которая ответственна за все это. Она должна дать тебе не только умение пользоваться своими силами, но и власть над ветром и водой, землей и огнем — это твое естественное дарование, и никто не может тебя этому обучить. В старые времена Арзен не был закрыт от остального мира и мы знали о других народах по ту сторону моря, которые, как и ты, рассматривали колдовство как образ жизни. Там есть страна, в которой живут колдуны. И пока мы странствовали по степям, мы много слышали об этой стране. Эта страна тоже находится на закате своего существования, потому что она так же стара, как и Арзен. Но в Эсткарпе все еще есть колдуны и Ализон ведет с ними войну.

— И ты думаешь, что во мне течет кровь этих колдунов?

— Да. Ты не изучала искусства колдовства, но у тебя есть силы. И еще одно. Если колдунья отдает свое тело мужчине, она утратит свои колдовские способности.

— Но если они не делают этого, как же существует их народ?

— Говорят, что они вымирают. Но это тоже не совсем так. Время от времени колдуньи выбирают тех, кто готов принести себя в жертву. И потом, не все женщины в этой стране — колдуньи, хотя они рожают дочерей, у которых есть такие способности. И каждой, которая имеет способности, нелегко отказаться от них.

— Но я же не знала обо всем этом. Я не настоящая колдунья.

— Если в тебе есть способности, они постараются сами направить тебя на правильный путь.

— А другая Джиллан?

— Джиллан, которую они постарались создать — не колдунья. Они не решились идти на такой риск.

С каждым словом Херрел все глубже проникал в мою душу.

— Херрел... когда я на мгновение вернулась к другой Джиллан, там, в палатке и звала тебя... ты меня узнал?

— Да, я тебя узнал, и понял также, что произошло.

— Они уволокли тебя прочь, и тогда Хальзе прогнал меня от нее.

— Да.

— Если бы они не послали тебя, ты пошел бы сам искать меня?

— Я пошел по их приказу, — он отклонил мой вопрос. И внезапно я поняла.

— Ты пошел, потому что они использовали твое желание найти меня, поэтому они смогли и заколдовать тебя. Если бы между нами не было никакой связи, они, может быть, не смогли бы тебя послать... — я услышала позади себя его прерывистое дыхание. — И потому, что ты все время думал обо мне, Херрел, ты смог разрушить это колдовство. Не забывай этого! Потому что я никогда не слышала о человеке, который мог бы воспротивиться наложенному на него колдовству, — я положила свою руку на его, которой он держал повод. — Слишком долго ты не верил в свои силы, Херрел. Благодарю тебя за то, что я взяла твою накидку в то время, как другие

смеялись, когда ты клал ее. И до сих пор нам удавалось разрушить все их злое колдовство. И ты тоже не отказался от борьбы, иначе не стал бы догонять свой отряд. — Я замолчала, но когда он ничего не ответил, продолжила. — Я видела тебя не так, как должна была видеть заколдованными глазами невесты, а как всадника-оборотня и как зверя, и думаю, что может быть есть и другие Херрелы, которых я не знаю, но все они настоящие, потому что у правды множество лиц. Но я выбрала тебя и не раскаиваюсь в своем выборе.

Он долго молчал, только его руки крепко обняли меня. Серый рассвет вокруг нас становился все ярче и жеребец ровной рысью нес нас к нашей цели.

— Ты все еще живешь надеждой, — наконец тихо произнес Херрел. — Но в конце концов все мы живем надеждой, а это самая обманчивая вещь на свете. Джиллан, худшее еще впереди. Колдовство сломлено, но они не сложили оружия. И нам придется пойти за ними. И чтобы что-то сделать, нам придется выступить против всадников.

— Они встретят нас в обличье зверей?

— Тебя они могут встретить в обличье зверей, но меня — нет. Мы должны потребовать от них соблюдения устава отряда, если у меня есть шансы чего-нибудь потребовать. Я могу потребовать у Хальзе удовлетворения мечом за то, что он взял себе другую Джиллан. И имея тебя, я смогу это доказать.

— И если тебе удастся добиться этого?

— Если я добьюсь этого, я могу потребовать у Хальзе сатисфакции, а, может быть, и у других. Но они всеми силами постараются помешать этому.

Глава 14

— Почему я могу видеть только иллюзию этой страны, если я не напрягаю всю свою волю? — спросила я у Херрела немного погодя.

— Ты пришла сюда не через Врата, а через горы, — он снова крепко обнял меня. — В горах погибло много девушек. То, что ты там прошла и уцелела — это тоже колдовство — твое колдовство. Расскажи мне, каким путем ты пришла.

Я рассказала ему все с момента моего пробуждения в покинутом лагере и когда я рассказывала ему о прибытии ализонцев, то услышала, как изменился ритм его дыхания. И после того, как я рассказала ему, каким образом мне удалось освободиться от них, он сказал:

— Это и было настоящее колдовство! Ты не можешь отрицать свою одаренность. Я почти убежден, что таким образом ты можешь вызвать на поединок весь отряд и без вреда для себя ускользнуть от них...

Когда я рассказала ему о своих блужданиях между изменчивыми камнями, он кивнул.

— Это были руины Кар Ра Деган, созданные с помощью колдовства как крепость против сил зла, которое когда-то бродило по всей пустынной местности, но с тех пор прошло много времени. Ты нашла очень древний путь, которым представители нашей расы не пользовались вот уже несколько тысячелетий.

Я рассказала ему о световом барьере и каким образом я его преодолела, а потом о дороге, что привела меня к площадке охранников.

— Место захоронения Королей, — объяснил Херрел. — Они царствовали здесь в прежние времена. Когда мы впервые пришли в Арзен, в народе, живущем здесь, было еще немного их крови. Мы смешались с ними и переняли некоторые из наиболее ценных их обычаев. У них была привычка хоронить своих королей стоймя, чтобы они могли смотреть на происходящее снаружи. И если их потомкам требовался хороший совет умного короля, они шли туда и оставались там на ночь, чтобы воспринять во сне их мудрость. Они также играют роль охранников этой страны.

— Я чувствовала, что меня проверяли, но мне позволили пройти.

— Потому что они узнали о родстве своих сил с твоими...

Я рассказала ему остальное, потом мы сделали остановку у речки, где я утолила жажду. Все же я чувствовала себя очень ослабшей и сказала ему об этом. Он избегал моего взгляда.

— Теперь они уже знают, что я не выполнил их приказа, и они вытягивают из тебя жизненные силы, чтобы влить их в другую Джиллан и сделать ее более сильной. Время — наш враг, Джиллан. Они не смогли убить тебя никаким способом, но они могут так ослабить тебя, что будет уже поздно что-либо предпринимать.

Я взглянула на свои руки. Они дрожали.

— Херрел, эта страна, по которой мы едем, действительно пуста, или здесь есть жизнь, которую они могут использовать против нас?

— Здешние места не так населены, как равнина по ту сторону леса, а здесь есть только отдельные дома и замки. Будь ты одна, они приказали бы пограничникам, на которых ты натолкнулась в гостинице, выступить против тебя. Но теперь ты едешь со мной, и все остальные рассматривают это как личное дело всадников.

— Херрел, разве в Арзене нет никаких прав, никаких законов? Разве мы не можем обратиться к верховному властителю и попросить соблюдения закона?

Херрел покачал головой.

— Всадники не подчиняются этим законам, и ты тоже пришла из другой страны. Нас не приводят к присяге. Новые властители не могут запретить нам въезд в Арзен, потому что это наше право по рождению и условия древних договоров должны исполняться. Позже всадники могут наняться на службу к одному из семи лордов. Но сейчас с нами никто ничего не может поделать, пока они выступают только против кого-нибудь из своей группы — против меня и против тебя, Джиллан, чужестранки из Дэйла.

Херрел достал из седельной сумки еду и мы поели. Это подкрепило меня и тело мое наполнилось новой жизнью. Я не

могла поверить, что другие всадники брали у меня силу, чтобы отдать ее новой Джиллан.

— У тебя здесь нет никаких родственников, Херрел? — спросила я. — Ты же не всегда был только всадником. Разве ты никогда не был ребенком, у тебя не было матери, отца и, может быть, даже братьев и сестер?

Он снял шлем, опустил ся у ручья на колени и зачерпнул руками воду, чтобы умыть лицо.

— Родственники? О, да, у меня, конечно, есть те, которые пережили время и изменения. Но так же, как и ты, не принадлежащая к народу Дэйла, не нашла у них убежища, так и я не полностью принадлежу к народу оборотней. Моя мать происходила из дома Кар До Пран на севере. Она поддалась любовному колдовству одного из всадников-оборотней и последовала за ним через горы. Ее отцу заплатили деньги, чтобы увезти ее с собой, и я не знаю, пошла ли она с моим отцом добровольно или он силой увез ее. Когда у нее родился ребенок, его приняли как ребенка всадника. Но однажды, когда я был еще очень мал, я изменил свое тело — может быть, я был рассержен или перепуган — и мое происхождение стало видно. Я был больше всадником-оборотнем, чем Красным Плащом, и меня отправили к Серым Башням. Но я был все же полукровкой, а не настоящим всадником. Со временем мой отец стал для меня таким же чужим, как и мой клан в Кар До Пран. Я не мог ждать никакой помощи от клана Красных Плащей.

— Но твоя мать...

Он пожал плечами.

— Я знаю ее имя — леди Элдрис, и это все. А мой отец... — Он поднялся и, отвернувшись от меня, заглянул вдаль, — мой отец среди тех, кто лишил тебя твоего второго «я». Его гордость уязвлена тем, что его сын — всего лишь полукровка.

— Херрел... — Я подошла к нему и положила руку ему на плечо, но выражение его лица все еще было отсутствующим.

Херрел свистом подозвал своего жеребца и наконец обратил на меня внимание.

— Пора ехать.

Мы снова вернулись на дорогу и долго ехали молча.

— Разве нет никакой другой возможности, кроме, как догонять всадников? — спросила я наконец.

— Мне кажется, у меня есть план или только намек на план, — ответил он, и я не стала настаивать.

Уже под вечер мы снова подъехали к месту, где дороги разветвлялись перед таким же земляным холмиком, как и на прошлой развилке. Но на этом холме стояла только одна колонна, в самом его центре. Херрел натянул поводья.

Он поднял меня, снял с седла и поставил на землю.

— Заберись на холм и обещай мне, что останешься у подножья колонны, пока я не вернусь. Там ты будешь в безопасности.

Я схватила его за руку.

— Куда ты идешь?

— Я должен найти то, что нам должно сегодня помочь. Подумай о том, что у подножия колонны ты будешь в безопасности. Там может находиться только тот, у кого добрая душа и чистые помыслы.

Я послушалась и вскарабкалась на площадку на вершине холма. Я снова почувствовала себя такой слабой, что с готовностью опустилась на землю у подножия колонны. Херрел съехал с дороги и поехал по равнине. Временами он слезал с лошади и, как мне показалось, рассматривал выступающие корни самых высоких деревьев. Может быть, это все еще была часть леса, но деревья здесь стояли друг от друга на значительном расстоянии и были довольно низкими. Херрел внимательно осматривал их. Наконец он начал копать мечом землю под одним из деревьев. Он рубил корни и собирал их в пучок. Потом вернулся ко мне. Он бросил пук корней к подножью холма, и я увидела, что это действительно были корни или обрывки корней. Он еще трижды выкапывал, отсекал и приносил сюда обломки сухих корней, пока их не набралось достаточно для того, чтобы образовать из них тщательно выровненную кучу конусообразной формы.

Потом он взобрался ко мне наверх, принес свою седельную сумку с продуктами и фляжку, наполненную свежей водой из ручья.

— Что ты хочешь делать со всем этим? — я указала на кучу корней. И когда он промолчал, спросила: — Скажи мне, что ты хочешь делать, Херрел? Может быть, это защита, которая защитит нас от нападения врагов?

Глава 15

Херрел улыбнулся.

— Ты права, это действительно щит и меч для меня — самое лучшее, что только можно пожелать, Джиллан. Ладно, слушай, что я хочу сделать. Я не желаю ждать, пока они назначат время и место сражения. Потому сам вызываю их! Когда взойдет луна, я подожгу эту кучу корней и это привлечет их сюда...

— Сложное колдовство?

Теперь он рассмеялся.

— Сильное колдовство. И при этом произойдет вот что: пламя, поднявшееся над кучей горящего дерева, которое так же старо, как и мы, осветит их измененный облик. Никогда, за все тысячелетия существования Дэйла, никто не мог заставить всадника-оборотня отвечать, когда кто-то обнаруживал его генеалогическое дерево. Не думаю, что они ожидают от меня такого вызова. Они думают, что я всем доволен, ничем не возмущен и живу только одной надеждой. Поэтому, если я вызову их сюда, то должен быть готов встретиться со всем их могуществом.

— И ты думаешь, что можно...

— Будет ли счастье на нашей стороне, это решится сегодня ночью, Джиллан. Я не знаю, в каком облике они появятся, но когда я назову имя Хальзе и потребую права меча, они вынуждены будут признать мои права. И тогда я смогу действовать.

... Херрел знал свой отряд и страну. Он не выбрал бы этот рискованный путь, если был другой. Наши шансы были весьма малы.

— Херрел, когда мы их вызовем, я имею право потребовать у них удовлетворения?

Он вынул свой меч и провел кончиками пальцев по его лезвию.

— Существует такой обычай, но...

— Говори же!

— Если ты в свете пламени костра сможешь назвать имя оборотня, тогда он снова примет человеческий облик. И тогда ты сможешь потребовать у него права крови и попросить меня выступить в качестве защитника твоих прав. Но если ты неправильно назовешь имя того, кого ты вызвала, то он может потребовать удовлетворения от тебя.

— А если нам удастся победить?

— Ты получишь право требовать свое — другую Джиллан. Но если брошу вызов я, то возможно, они выступят против меня всем отрядом и у меня не будет другого выбора, кроме как между жизнью, позором и смертью.

— Ты думаешь, я не смогу узнать Хальзе? Он — медведь.

— Звери, которых ты видела — не единственные образы, которые мы можем принимать, а только наиболее часто употребляемые. Но при таких обстоятельствах, как эти, он не будет медведем.

— Но ты можешь мне помочь...

Херрел покачал головой.

— Я не смогу сделать этого ни словом, ни жестом, ни даже мыслью! Назвать имя — это только твое дело, и только ты можешь в этом преуспеть или потерпеть поражение. Когда ты встанешь перед ним с мечом, ты будешь тем, кто бросает ему вызов.

— У меня есть двойное зрение. Разве оно не поможет мне?

— Как хорошо оно служит тебе теперь? — спросил он.

Я задумалась о туманных домах, которые я случайно заметила во второй половине дня и моя уверенность исчезла.

— Риск велик, — продолжал Херрел. — Я сам брошу вызов и буду действовать, как только смогу...

Голос его звучал решительно, но я еще не сдалась. Я прислонилась к колонне и провела руками по древнему камню. Вот если бы ко мне вернулось мое проникающее двойное зрение, хотя бы на несколько мгновений, которое необходимо для того, чтобы назвать настоящее имя! Я лихорадочно искала пути разрешения этой проблемы. В моей сумке с лекарствами были травы, которые проясняли голову и обостряли разум, а около них были те, которые излечивали многие болезни. Моя раненая рука больше не болела. Наверное, была возможность усилить мои способности настолько, насколько это было необходимо.

— Херрел... пожалуйста, подай мою сумку.

Он изучающе поглядел на меня, словно попытался прочесть мои мысли и понять мой план, но потом взял сумку и положил ее мне на колени.

— Сколько времени у нас осталось до их прихода? — спросила я.

— Не знаю. Я зажгу костер, когда взойдет луна, а потом мы будем ждать.

Это было слишком неопределенно. Я взяла сумку и нашла в ней маленький флакончик, сделанный из кварца.

— Что ты хочешь сделать?

Я открыла руку. Кварц засветился в полутьме.

— Мой лорд, ты когда-нибудь слышал о моли?

Он посмотрел на меня.

— Откуда это у тебя?

— Из сада, где мы выращивали травы. Монахиня Алюзан использует это, но не для колдовства, а потому что у этих настоев целебные свойства, которые могут защитить от колдовства. Я применяла свои знания только дважды; в последний раз на войне, который утверждал, что всадник-оборотень взглянул на него дурным глазом и с тех пор его руки и ноги стали неподвижны. Была ли это болезнь, порожденная стра-

хом, или это было настоящее колдовство — не знаю, — я улыбнулась. — Но после того, как он в течение трех дней принимал по несколько капель в день настоя на этой траве, он снова мог ходить и даже бегать. Это значит, что моли обладает и другими свойствами. Она может разрушать иллюзии.

Она: — Но ты же не знаешь, кто придет, и при ком надо это употребить...

— Это не важно. Это ведь мои иллюзии, которые я должна разрушить. Но я не отваживалась сделать это раньше. И также не знаю, сколько времени пройдет, пока настой окажет свое действие. Если я приму его не вовремя, настоящее зрение придет ко мне либо слишком рано, либо слишком поздно. Ты не сможешь меня предупредить?

— Это огромный риск...

— Все, что нам предстоит сегодня сделать — к лучшему. Не лучше ли нам так и поступить?

— А если ты ошибешься?

— Нужно верить в удачу. Ты сможешь меня предупредить?

— Я могу сказать тебе, когда они будут приближаться, хотя их не будет еще видно, потому что тоже буду следить за знаками в пламени и узнаю, насколько они сильны.

Этим я и удовольствовалась, но когда мои пальцы обхватили выдолбленный кусочек кварца, я поняла, как ничтожна была наша надежда.

Пока мы ждали восхода луны, я попросила Херрела рассказать мне об Арзене и тех, кто живет в этой местности. Оказалось, что все, кто живет в Арзене, сведущи в магии, но только в различных ее видах и в различной степени. Имелись адепты, которые жили в одиночестве, погруженные в изучение нашего мира и времени и они почти никогда не принимали человеческий облик. Зато народ, который жил в замках — четыре клана: Красные Плащи, Золотые Накидки, Синие накидки и Серебристые Накидки — очень мало пользовались магией и поэтому очень много времени пребывали в человеческом облике. Между этими двумя крайностями было мно-

жество других, чуждых обыкновенным людям форм жизни: всадники-оборотни, те, которые отдавали свою силу и могущество на службу кланам; раса, живущая в реках и морях и раса, представители которой никогда не отходили далеко от лесов, и еще другие расы, которые никогда не меняли свою внешность животных, но все же были разумными и сильно отличались от настоящих животных, живших в этой стране.

— Я почти уже поверила, что в этом твоём Арзене имеется множество чудес, — сказала я наконец. — Что можно вечно скитаться по нему, смотреть и слушать, и все же ничего не понимать.

Херрел встал и соскользнул по склону холма к куче корней. Тут я увидала, что на небе появилась серебристая луна. Херрел ударил мечом в середину кучи сухих корней и высек сноп зеленоватых искр.

Дерево загорелось, но не ярким пламенем, а, скорее, затлело. Херрел трижды ударил мечом, и каждый раз его острие глубоко погружалось в кучу корней. И, наконец, вверх поднялся маленький язычок пламени и в небо потянулся серовато-белый столбик дыма.

Херрел поднял голову. Глаза его блестели зеленым и тени скользили по лицу. Но перед нами никого не было, а он все стоял с обнаженным мечом в руке. Наконец он повернул ко мне голову и сказал:

— Их влечет сюда...

Я встала. Он не пошевелился, чтобы помочь мне спуститься с земляного холма. Казалось, он был прикован к своему месту. Я подошла к нему и протянула ему свою правую руку. В левой руке я сжимала кварцевый флакончик.

— Твой меч, воин.

Херрел с трудом пошевелился, словно борясь с чем-то, чтобы протянуть мне меч. И мы стали ждать, стоя возле костра. Луна освещала дорогу, но там ничего и нигде не двигалось, насколько я могла видеть. Через некоторое время Херрел заговорил, и его голос прозвучал так, словно он находился далеко от меня.

— Они идут.

Как близко были они или как далеко? Когда я должна была использовать защиту, которую давали мне несколько капель золотистой жидкости? Я вытащила пробку и приложила флакончик к губам.

— Они скоро...

Я выпила. Жидкость была острой и неприятно щипала язык. Я быстро проглотила ее. Дорога недолго оставалась пустой. Это были не звери и птицы, как я ожидала, несмотря на предупреждение Херрела, а множество изменяющихся форм и фигур: от воина к лошади, которая оседала и превращалась в ползущее чудовище; чешуйчатый дракон, вставший на дыбы и превратившийся в человека, но в человека с крыльями на плечах и лицом демона. Все беспрерывно изменялось, и мне стало ясно, что я была слишком самоуверенна. Как я могла среди такого множества издевающихся надо мной масок найти Хальзе? Если моли не поможет моему двойному зрению, я буду побеждена прежде, чем начнется борьба. Я постараюсь сосредоточить свое внимание на одной какой-нибудь фигуре в этом хаосе растворяющихся и снова меняющихся существ. А потом...

Из моей руки, сжимающей рукоятку меча Херрела, вылетело голубое пламя и окутало клинок. И я увидела...

За сетью изменяющихся форм я увидела группу человекообразных существ, которые сконцентрировались на том, чтобы сохранять эту колдовскую картину, которую они сплели.

— Я вызываю вас! — громко сказала я.

— Всех или одного?

В действительности ли я слышала это, или это был только мысленный ответ, который я восприняла?

— Одного, от которого зависит все.

— И что это за «все»?

— Мое другое «я»!

Я изо всех сил удерживала свое двойное зрение. Хальзе, да, я нашла его, был слева от того места, где я стояла.

— Ты назовешь имя, колдунья?

— Я назову имя.

— Согласны.

— Согласны во всем? — продолжала настаивать я.

— Во всем.

— Тогда... — я указала мечом на Хальзе — я называю среди вас Хальзе!

Тени забурили и забушевали еще сильнее, затем они слились и исчезли. Перед нами стояли люди.

Хирон вышел вперед.

— Ты назвала имя правильно. Что ты требуешь теперь?

— Это требование — одно из моих прав, — моя рука скользнула по рукоятке меча и я протянула его Херрелу, чьи пальцы в то же мгновение перехватили рукоятку.

— Да будет так! — Хирон говорил так, словно оглашал смертный приговор и это относилось к нам, а не к одному из его спутников. — По обычаю отряда? — спросил он Херрела.

— По обычаю отряда.

Теперь все мужчины задвигались. Хирон снял накидку со своих плеч и положил блестящую шкуру лошади на дорогу. Харл и трое других сняли шлемы и положили их по углам накидки, так что гербы их были обращены внутрь. На расстоянии одного метра от края накидки четверо мужчин глубоко в почву вонзили четыре меча. Четыре других накидки скатали валиком и положили между мечами так, что образовался четырехугольник.

Хальзе отложил свой щит и накидку в сторону и подошел к накидке Хирона. Херрел встал перед ним. Хальзе улыбнулся. Я уже видела у него такую улыбку и возненавидела его за нее, улыбку того, кто уже протянул руку, чтобы схватить то, что уже считал своим.

— Итак, у нее гораздо больше сил, чем мы думали, неудачник. Но теперь она допустила ошибку, потому что выбрала меч и тебя, чтобы действовать им.

Херрел ничего не ответил. Лицо его было лишено всякого выражения. Он бросил взгляд на Хирона, который вы-

шел в центр лошадиной шкуры и теперь стоял между двух бойцов.

— Это поле боя. Вы будете сражаться, пока у одного из вас не пойдет кровь или один из вас не переступит край поля боя. Тот, кто хотя бы одной ногой переступит край, считается сбежавшим с поля боя и все права на победу переходят к другому.

Потом он повернулся ко мне.

— Если ты потеряешь своего бойца, ты будешь принадлежать нам, и мы сделаем с тобой все, что захотим.

Я знала, что он имеет в виду: они отдадут остатки моих жизненных сил своей фальшивой Джиллан. И это наполнило меня еще большим страхом. Но я надеялась, что он не сможет прочитать по моему лицу, каких усилий мне стоило отвечать ему холодным тоном.

— Если ваш боец будет побит, мой лорд, вы добровольно отдадите мне то, что вы похитили у меня. Это наш договор.

И хотя я не задала ему больше ни одного вопроса, он сказал:

— Это наш договор, — потом взмахнул платком в воздухе и крикнул: — Давай! — и спрыгнул с накидки.

Я не боец, который понимает толк во владении мечом, и я думала, что всадники, которые ходят в битву в обличье животных, вряд ли хорошо владеют оружием. Но, оказывается, они умели сражаться не только зубами и когтями, но и мечами.

Они кружили друг возле друга и не спускали друг с друга глаз. Лишь изредка атаковали, чтобы проверить силу и ловкость противника. Медленное начало внезапно перешло в дикий танец и быструю смену ударов и контрударов звенящими мечами. Вел ли себя при этом Херрел правильно, я не знала. Но крови не было, и хотя однажды Херрел на полступни сошел с накидки, он снова быстро вернулся на свое место.

Какое-то время я была так захвачена этой смертоносной игрой, что кроме этого не замечала ничего, что происходило вокруг меня. Может, это была сила молни, которая обострила мой разум, но я внезапно осознала, что вокруг поля боя сконцентрировалась объединенная воля всех остальных. Может

быть, эта злая воля и не могла физически ослабить Херрела, но она, как облако, нависла над ним и желала его поражения. Я сама очень хорошо ощущала желание этих людей, а Херрел давно уже не ставил свою жизнь ни во что. Его гнев и необходимость заставляли его забыть обо всем и обо всех, но он все же оставался достаточно чувствительным, и в нем стали прорастать семена сомнения.

Я снова попыталась использовать свою волю в качестве оружия, на этот раз для того, чтобы применить ее как щит против злой воли отряда. И тут я сама испугалась, тут было нечто, что почти превосходило мои силы.

Мое двойное зрение отказало. Я больше не видела двух мужчин, сражавшихся на мечах, а только медведя, стоявшего на задних лапах и огромными передними лапами пытающегося схватить кошку и раздавить ее, но та с шипением и фырканием увертывалась от него.

— Ты...

Это требование так резко привлекло мое внимание, что взгляд мой оторвался от борьбы и я посмотрела на того, кто окликнул меня. Жеребец, мужчина, чудовище.

— Хирон, — назвала я его имя и он стал человеком.

— Ты ошиблась, колдунья, когда выбрала себе половину... Капитан всадников, он хотел отвлечь меня, чтобы ускорить поражение Херрела?

— Я должна была выбрать лучшего среди вас?

— Ты дура! Взгляни на свои руки! Ты сама уничтожаешь себя! Каждый раз, когда ты теперь пользуешься своей магией, колдунья, ты сама уничтожаешь себя, а та, другая Джиллан от этого становится все сильнее! Скоро ты станешь просто тенью, а она получит всю твою плоть. И зачем тогда тебе нужна будет эта победа?

Пока он говорил, я почувствовала слабость. Моя рука в лунном свете была бледна и странно прозрачна. Рука тени...

Нет! Они только хотели отвлечь меня от сражающихся! Херрел отступал и опасно приблизился к границе из скатан-

ных накидок. Если Хальзе не сможет его ранить, он будет стараться опозорить своего противника, вытеснив его за пределы четырехугольника.

Нет! Я попыталась достигнуть Херрела, укрепить его силы и уверенность. Херрел. Ты можешь... ты можешь победить медведя! Херрел...

— Дура... ты сама уничтожаешь себя...

И я почувствовала, что Хирон сказал правду, что мои старания поддержать Херрела означали мою гибель. Но я должна была удержать туман поражения, который отряд насылал на Херрела. Я должна была сломать их объединенную волю, а это стоило мне так бесконечно много.

Я услышала крик, призыв, или это был крик птицы, голос зверя, ржание жеребца? Я протерла глаза, чтобы лучше видеть. Кошка присела перед медведем, стегая себя хвостом и обнажив клыки, но одна задняя лапа медведя находилась за пределами ограждения. Хальзе должен был считаться сбежавшим с поля боя!

Они снова стали людьми, все они, и они все еще были против Херрела, но исходивший от них туман поражения исчез, словно развеянный порывом ветра. Херрел поднял меч и острием его указал на Хальзе.

— Он сбежал! — громко и требовательно произнес он.

— Он сбежал, — сухо подтвердил Хирон.

— Сделка есть сделка. Мы требуем все. — Когда Хирон не ответил, Херрел подошел к нему. Мы требуем все, — повторил он. — Или закона отряда больше не существует? Я ведь могу подумать, что ты хочешь запретить нам воспользоваться нашим правом.

— Я не могу вам этого дать.

Херрел уставился на него и в его глазах запылал зеленый огонь, но он все же продолжал оставаться человеком, а не кошкой.

— Ты сам объяснишь, почему ты потерял свою честь, предводитель всадников?

— Я не могу дать вам то, чего у меня нет.

— Чего у тебя нет? Что же тогда стало с другой Джиллан, которую вы сами сделали?

— Посмотри, — Херрел указал на меня, — связь разорвана, то, что мы сделали, исчезло.

Связь разорвана... Я покачнулась. Где же теперь было, то притяжение, которое вело меня по этой дикой стране? Я больше не чувствовала этой связи. Я услышала злорадный смешок.

— Она сама сделала это, — сказал Хальзе. — Она воспользовалась своей силой, и это уничтожило ее. Ухаживай за своей невестой, пока еще можешь, Херрел. Скоро она совсем превратится в тень!

— Что ты с ней сделал? — Херрел промчался мимо Хирона и схватил Хальзе. Его руки сомкнулись на горле противника и они оба повалились на землю.

Остальные наконец оторвали Херрела от врага и крепко держали, несмотря на все его старания освободиться и снова наброситься на Хальзе, который, тяжело дыша, лежал на земле.

Потом Хирон сказал:

— Мы поступили так честно, как только могли, но связь разорвана и другая Джиллан исчезла...

— Куда?

— Она там, куда мы не можем последовать за ней. Она отправилась в другой мир и когда связь оборвалась, она вернулась обратно в свой родной мир.

— Вы создали ее. На вас и лежит обязанность вернуть ее обратно — или вы совсем потеряли всякое понятие о чести! — Херрел освободился. — Я требую все, Джиллан требует все, и ты присягнул нам в этом, — сказал он Хирону. — Теперь выполняй свои обязательства!

Херрел подошел ко мне и коснулся меня рукой, но я не почувствовала его прикосновения. Я попыталась поднять руку. Она была тонкой и прозрачной. Связи больше нет... Я была слаба, бесконечно слаба и опустошена, и я никогда больше ничего не буду ощущать...

Глава 16

— Другой мир, — повторил Херрел. — Пусть будет так! У тебя есть ключ от двери в этот мир, Хирон. Открой дверь, или с этого момента ты станешь клятвопреступником. — Он взглянул на остальных членов отряда, выстроившихся в ряд. — Все вы клятвопреступники!

— Ты не знаешь, чего ты требуешь, — возразил Хирон.

— Я очень хорошо знаю, чего требую. Это ты нарушаешь договор. Я требую, чтобы нас обоих провели через ту дверь, и требую, чтобы вы своими силами поддерживали Джиллан, пока договор не будет выполнен. Вы допустили несправедливость и теперь вы должны помочь исправить ее.

Хирон уставился на него, словно не веря своим ушам. Среди всадников возникло движение и послышалось перешептывание, но Херрел не обратил на это никакого внимания. Все его внимание сосредоточилось на предводителе.

— Мы не можем сделать это здесь и сейчас, — ответил Хирон.

— А где же и когда? — спросил Херрел.

— В Башнях.

— В Башнях! — Херрел явно не поверил. — Вы сделали это в глуши, вдали от Врат, так почему же сейчас вы говорите, что ей надо вернуться назад? Так можете ли вы открыть для нас дверь в другой мир?

— Ты требуешь, чтобы мы помогли ей, всем, чем только сможем, но она должна сама пройти в дверь, и я не уверен, что мы сможем помочь ей в этом. А мы, кроме всего прочего, должны еще и сами закрепиться здесь, иначе мы можем потерять все.

Но все это я видела только во сне. Руки Херрела обнимали меня и мы сжали дальше.

— Джиллан, ты должна держаться за жизнь, Джиллан...

— Джиллан, посмотри вокруг, Джиллан... Солнце? — Но ведь была ночь и двое мужчин или два зверя? — сражались

друг с другом. К моим губам прижали флакончик и чей-то голос приказал мне выпить. Я послушалась, и туман перед моими глазами быстро исчез. Руки Херрела держали меня и мы ехали галопом. Накидки развевались на плечах у всех, кто ехал с нами. И теперь был день.

— Держись, Джиллан! — Это было желание Херрела, его голос и укрепляющее средство, которое меня поддержало. Но я воспринимала окружающее словно в каком-то сне и оно не имело ко мне никакого отношения.

А потом оказалось, что я уже не сижу на лошади. Я лежу на кровати или на кушетке и Херрел лежит возле меня. Вокруг этого ложа поднимался дым, клубящийся, волнующийся дым, который наплывал и окутывал меня, пока я сама не за клубилась, не воспарила и не стала его частью.

А потом... На земле лежала серо-белая зола, искалеченные деревья с серо-белыми остатками листьев. Джиллан! Я должна была найти Джиллан! Где в этом чужом мире мне найти Джиллан? Джиллан? Моя воля задавала этот вопрос: Джиллан, где ты?

Никакого ответа. Я пошла по этому пепельно-серому лесу, все дальше и дальше. Я оглядывалась вокруг, но тут не было ничего, кроме этого мертвого леса, в сером свете ничего не двигалось.

Как долго я блуждала? Между деревьев внезапно появились тени, которые меня уже однажды напугали в этом лесу. И страх снова вернулся ко мне.

По воздуху ко мне спланировало крылатое существо с морщинистой кожей и головой, на три четверти состоящей из огромного клюва.

— Джиллан!

Я уставилась на эту странную птицу. Она летела передо мной. Джиллан... Идем... идем...

Я снова взглянула на крылатое существо. Оно хотело вести меня? Я с трудом сформировала в своем сознании вопрос:

— Кто ты?

Существо торопливо взмахнуло крыльями:

— *идем... идем...*

Иметь хоть такого проводника в этом странном лесу будет лучше, чем блуждать здесь вслепую. Может быть, это была ловушка, но я, снова взглянув на птицу, не почувствовала никакого беспокойства.

Крылатое существо вывело меня из леса, провело через густой кустарник и мы выбрались на равнину. Я подумала об опасностях, поджидающих меня здесь, но голоса в своей голове больше не слышала. Я все еще пыталась вызвать свое другое «я», но не получала никакого ответа.

А потом... Джиллан? Я вынуждена была ухватиться за куст. Ответ! Но не от птицы кружащейся надо мной, а откуда-то впереди меня. Я побежала. На этот раз меня потянуло так сильно, что я не могла больше сбиться с пути.

Это продолжалось до тех пор, пока я не заметила, что осталась одна, и та странная птица, что вела меня через лес, больше не сопровождает меня. В этом уже не было необходимости, теперь у меня был гораздо лучший проводник...

Я выбежала на площадку, окруженную высокими стенами, но надо мной было только небо. И здесь все было не серым, а бледным, появился желтоватый свет. Я остановилась и осмотрелась.

— Джиллан? — мои губы шевельнулись в первый раз и я попыталась заговорить вслух.

Но на этой площадке мне ответило такое эхо, что я прижала ладони к ушам, потому что имя мое прозвучало так искаженно, что оно стало для меня чужим и больше не было моим.

Она вышла на мой зов, но не одна и не две, а сотня Джиллан, превратившихся в бесконечный ряд.

Стройное тело с бледной кожей, ребра пересекал красный шрам от меча воина Алисона, на руке след от зубов чудовища, почти полностью залеченный. Темные волосы падают с высоко поднятой головы — я видела себя саму, но не одну, а множество самих себя.

И все они отвечали мне множеством голосов, которые говорили одно и то же:

— Я здесь.

— Ты должна найти среди нас ту Джиллан, которую ищешь, — слышала я голос в своей голове. — Если ты можешь, используй силы, которые в тебе...

Я увидела тень у Врат, увидела зеленые глаза. Это был человек или кошка?

— Ищи, Джиллан... Я охраняю Врата...

И я попала в свет, который становился все ярче, чтобы среди многочисленных Джиллан найти ту, которая мне была нужна. Я встала перед ними, закрыла глаза и сосредоточилась, используя всю свою силу воли чтобы найти истинную Джиллан в бесконечном ряду видений. Я не должна была думать ни о чем, кроме поисков настоящей Джиллан.

Я больше не была телом на двух ногах, вытянувшим две руки, которые у него имелись. Теперь я была бестелесным желанием и стремлением. Я больше не видела, не чувствовала, не думала...

А потом внезапно я снова стала Джиллан, другой Джиллан. Я была в ней, заполнила ее пустоту. Но мой триумф был только искрой, которая быстро погасла. Я все еще была неполноценной. Хотя я нашла свою Джиллан среди всех других, которые мелькали; в этом насыщенном светом воздухе, но теперь, я должна была доставить ее к той Джиллан, из которой я ушла.

Я снова двинулась сквозь раздражающе яркий свет, а потом мои ноги споткнулись обо что-то, что лежало на земле... Я упала и легла возле Джиллан, которой я была раньше. Мои пальцы коснулись холодного тела. Глаза ее были открыты, но в них не было жизни. Она была мертва!

Мне кажется, я закричала, положив руки на безжизненное тело Джиллан. Она была мертва!.. Выиграли ли они, всадники-оборотни?

Я уставилась в мертвое лицо. Я была изгнана из моего тела и помещена в ту Джиллан, которая, хотя и была часть

меня, но была создана всадниками, и я не стану полноценной до тех пор, пока не вернусь в настоящее тело, в свое тело, которого я касалась своими руками. Но как? Меня называли колдуньей, колдуньей, которая не владела своим искусством.

Наконец обе Джиллан находились рядом друг с другом, тело к телу.

Как это началось? С Джиллан, в которую попала стрела и она осталась лежать под деревьями, в то время как другая Джиллан была уведена зверями; смерть и жизнь... Одна Джиллан умерла здесь, чтобы дать жизнь другой Джиллан, той, в которой я теперь была... Следовательно, теперь эта Джиллан должна умереть, чтобы другая снова смогла ожить. Но как? У меня не было никакого оружия...

Херрел потребовал от всадников, чтобы они мне помогли. Хирон, дай мне смерть! Но не было никакого ответа. Мои мысли искали Хирона. Херрел мог дать мне смерть, которая означала жизнь. Я поползла назад, к Вратам, с трудом таща за собой безжизненное тело Джиллан.

— Херрел...

Я услышала слабый отклик. Я поползла дальше и наконец добралась до Врат. Тут была тень, которая обещала охранять Врата, и ее окружали другие тени, те, которых я боялась в том, пепельно-сером лесу. Гнев наполнял меня, и я не знала, появится ли во мне пылающий факел моих сил, когда я устремилась к этим теням, но они отступили и побежали назад.

Я вернулась назад, к Вратам, и зеленые глаза встретили меня.

— Ты — не она...

— Я — другая, — начала я. Тень вздрогнула.

— Где она?

— Там... — Я указала на тело, которое я вытащила из света. Он покачнулся. Его призрачная фигура изменилась, теперь он стал мужчиной, который опустил на колени так же, как я опустилась на четвереньки.

— Она мертва, — прошептал он.

— Послушай меня, Херрел! Сделай что-нибудь с Джиллан, в которой я нахожусь, убей ее в этом мире. Ведь если я буду снова убита, произойдет так, что я снова оживу, но уже в том настоящем теле.

Я не была уверена, что он понял меня или даже услышал. Я стояла возле тела мертвой Джиллан, а потом он взглянул на меня и глаза его яростно блеснули. Он больше не был кошкой, он был призрачным человеком с мечом — тенью, и он ударил.

Боль пронзила меня, боль, которая разорвала меня надвое.

Золотистый свет... и в этом свете я должна была найти другую Джиллан. И я нашла ее! Я лежала на холодном камне, потом стала приподниматься. Я видела перед собой белое тело, которое медленно исчезало, словно таяло в тумане. Их Джиллан — фальшивая Джиллан! Я снова существовала и стала полноценной! Я больше не ощущала себя опустошенной, и наконец почувствовала, как мои руки коснулись моего настоящего тела.

Херрел! Я огляделась. Тень, чей меч освободил меня, исчезла.

— Херрел! — эхо моего крика отдалось в моих ушах, но не было никакого ответа. Нужно ли мне теперь искать Херрела, как он до этого искал мое другое «я»?

Передо мной появилась тень лошади.

— Идем... — это был властный приказ, но я не повиновалась ему.

— Херрел? — это был одновременно вопрос и отказ.

Жеребец нетерпеливо вскинул голову и замолк.

— Где он?

— Он убежал от того, что сделал здесь.

— Но он освободил меня!

— Для него Джиллан погибла от его рук.

— Нет! — мне, было все ясно. Я не могла поверить, что Херрел не смог понять правды.

— Ну, а теперь идем. Мы не можем держать дверь между мирами открытой так долго.

— А Херрел?

Жеребец, который был Хироном, снова вздернул голову.

— Он сам решил прийти сюда, хотя и знал об опасности. Он сам определил свою судьбу.

— Нет и нет! Херрел должен идти с нами.

— Тогда ты тоже выбрала свой путь, колдунья...

— Вы же поклялись помочь нам...

— Настал конец всем клятвам. Теперь у тебя свое собственное «я», которое Херрел добыл для тебя. Но даже наши объединенные силы не могут держать долго Врата открытыми. Идем назад, к жизни, или в ничто, меж временем и пространством.

Он поставил передо мной выбор. Я не была связана клятвой, но знала, что не смогу сделать шага, который приведет меня к жизни, если рядом со мной не будет Херрела.

Я взглянула на призрачного Хирона.

— Продержи Врата открытыми столько, сколько сможешь. Может быть, я найду еще что-нибудь, что является частью Джиллан или частью ее жизни, о которой я не знала раньше.

Призрачный жеребец стоял неподвижно и золотистые глаза, которые были в нем самым живым, серьезно смотрели на меня.

— Это твой выбор, колдунья, — а потом тень Хирона покачнулась и исчезла.

А теперь я должна была спросить у себя самой, кем был для меня Херрел. Я думала о первой нашей встрече в свадебном видении и, когда он подошел ко мне через туман, потому что я подобрала его накидку. Он был выше меня, стройным, с гладким лицом юноши и глазами, такими старыми, как горы Высокого Халлака. Это был первый Херрел, которого я знала. Потом была дикая кошка, лежащая на освещенной лунным светом кровати и проснувшаяся, учуяв опасность, когда нас спугнули сети злого колдовства. Это был второй Херрел. Потом снова была кошка, которая устремилась в бой с врагами из Ализона и после боя вернувшаяся в человеческий образ,

чтобы защитить меня от гнева всадников-оборотней. Был следующий Херрел, который ухаживал за мной и которого я оттолкнула от себя, и Херрел — чудовище, который напал на меня и ранил. Херрел, который заботился обо мне и засыпал мою рану целебными листьями. Херрел, который ехал со мной по лесной долине и вечером ждал восхода луны, рассказывая о своей стране и своем одиночестве.

Кто же все-таки этот Херрел? Это другая часть меня и без него все мои последующие дни будут пусты, как были пусты дни без другой Джиллан.

Я устремила все свои мысли, чтобы найти Херрела. И я почувствовала, что меня куда-то тянет. Я полностью сосредоточилась на этом чувстве и воспользовалась им, как проводником. Но оно вело меня не обратно в пепельно-серый лес, а в холмистую местность.

Я не знала, как долго я шла, пока наконец не увидела вдали туманную фигуру.

— Херрел!

Туманная фигура остановилась. Я мысленно окликнула его, потом, снова и снова звала его, и он подошел ко мне!

— Кто ты? — с трудом спросил он. — Кто ты? — палец его шевельнулся и начертил в воздухе символ.

Вспыхнул голубой огонь, такой яркий, что он ослепил меня, и я крикнула:

— Я Джиллан! В самом деле, Херрел, я — Джиллан!

Глава 17

Лицо его все еще было туманным, но глаза пристально вглядывались в меня.

— Я убил Джиллан...

— Ты соединил нас! — я подбежала к нему. — Другая Джиллан должна была умереть, чтобы мы снова стали одним целым, и это произошло при помощи твоего меча!

— Джиллан... Но что ты тогда делаешь здесь? Эти Врата? — Он выпрямился. — Они не могут держать Врата открытыми так долго...

— Это же мне сказал и Хирон, — без раздумий ответила я. Он снова взглянул на меня своими зелеными глазами.

— Хирон!.. Он сказал тебе это! Но почему тогда ты не ушла?

— Мне вернуться? Ты хочешь бросить меня? — На его лице не было никакого выражения и в зеленых глазах тоже ничего нельзя было прочесть. Может быть, его путь не был моим?

Между нами воцарилось молчание, потом я отважилась нарушить его:

— Если эта дверь закроется, есть ли другая, которую мы сможем открыть? — Нет, я не ждала, что он ответит мне на этот вопрос, я только надеялась, что мне удастся отвлечь его от мыслей.

— Я этого не знаю. Хирон напрасно обнадежил тебя, сказав об этом...

— Хирон ни о чем не предупредил меня. Но я уже раньше была в этом мире и мне все это представляется сном. Но от сна можно проснуться.

— Сон? — он шевельнулся и снова ожил. Он протянул мне руку, словно хотел притянуть меня к себе, но я почувствовала только прикосновение чего-то туманного; тень, а не плоть. Херрел отпрянул назад.

— Что это? — прошептал он.

— Для меня ты — всего лишь тень, — спокойно ответила я. Он поднес свою руку к глазам, словно хотел убедиться в ее реальности.

— Но она настоящая, из мяса и костей.

— Для меня ты — всего лишь тень, — повторила я.

— Сон! — Он ударил своим нереальным кулаком по камню. — Если мы теперь попали в мир снов...

— Как же нам тогда вернуться?

— Да, пробуждение... Расскажи мне все, что ты можешь вспомнить об этом мире!

Не знаю, почему он этого хотел, но я повиновалась и рассказала ему о лесе и появлении птицы.

— Птица? — прервал меня Херрел. — Ну что ж, они не нарушили своей клятвы. Это был проводник, посланный отрядом.

Когда я закончила свой рассказ, Херрел некоторое время задумчиво молчал.

— Если это сон, — сказал он наконец, тогда мы оба все еще лежим в одной из Серых Башен. И если мы не сможем проснуться, мы потеряем все. Чем глубже наш сон, тем меньше шансов у нас проснуться, — Херрел поглядел вдаль. — Если нам удастся вернуться в наше время, наш мир и наши тела, значит, мы все еще частично связаны с ними. Может быть, мы сможем проснуться, если попытаемся объединиться с нашими телами, находящимися там. Я не вижу другого пути.

— Но я не вижу никакой четкой картины, на которой я смогла бы сосредоточиться... — Я только бегло вспомнила кровать, которую установили в одной из Серых Башен, кровать, на которой лежала я, а рядом со мной лежал Херрел.

— Я знаю одно! — он положил свою руку на мою и я почувствовала легкое прикосновение, словно к моей плоти прикоснулось перышко. — Слушай меня внимательно... — а потом он мне в подробностях описал все помещение в одной из башен, пока я не увидела его часть за частью.

— Теперь ты видишь, Джиллан?

— Ты заставил меня увидеть все это. А что теперь?

— Теперь мы оба сделаем то, что делали уже прежде. Мы направим всю свою волю на то, чтобы вернуться в наши спящие тела и проснуться. Начнем!

Я закрыла глаза и представила комнату, которую Херрел обрисовал мне. И в центре этой комнаты — кровать, на которой лежала Джиллан. Это была Джиллан, та Джиллан, кото-

рую я должна была найти. Я сконцентрировалась на этой Джиллан, не только на ее спящем теле, но и на всем остальном, что было Джиллан и что во сне так далеко находилось от этого тела...

Я проснулась. Но действительно ли я спала? Я испугалась, что когда открою глаза, то снова увижу свет чужого мира. Я собрала все свое мужество...

Взглянула на серые, очень древние стены и увидела настенные занавеси, подгнившие от времени. Я проснулась! Джиллан снова стала настоящей Джиллан, и я знала, что я наконец стала совершенно полноценной.

Херрел! Я быстро повернула голову, чтобы увидеть того, кто находился рядом со мной на кровати. Херрел был тут и лежал неподвижно, словно мертвый. На нем была кольчуга, его сильные руки покоились на рукоятке обнаженного меча. Шлем лежал рядом с его головой.

— Херрел? — Встав, я увидела, что одета в богатую одежду из зеленой и серебристой ткани, украшенную маленькими, молочно-белыми драгоценными камнями, которые вспыхивали при каждом моем движении.

Я озабоченно нагнулась над Херрелом.

— Херрел?

Он открыл глаза.

— Да...

Он отложил свой меч в сторону, чтобы протянуть руки и привлечь меня к себе. Несколько мгновений мы лежали, прижавшись друг к другу, потом я нашла его губы, охваченная желанием, которое было так же велико, как и его.

Потом он слегка отстранил меня от себя и взгляд его стал изучающим, но на губах была улыбка.

— Мне кажется, моя дорогая леди, что в этой войне мы стали друг для друга хорошими товарищами, а теперь нам надо постараться быть ими и в мирное время.

Я тихо рассмеялась.

— Я буду твоей верной спутницей, мой храбрый лорд!

Он встал с кровати и помог встать мне. Длинные складки на моем платье из тонкой материи тяжело ниспадали к моим ногам и мешали мне двигаться.

— И все это великолепие для меня, — заметила я. Херрел посмотрел вниз.

— Они сочли нас мертвыми и оказали нам последние почести, которых никогда не оказывали, когда мы были живыми.

Внезапно у меня появилось ощущение, что это тяжелое платье связывает меня с прошлым. Я отпустила руку Херрела, и мои пальцы стали быстро расстегивать застёжки и развязывать шнурки, пока я наконец не смогла снять это тяжелое великолепие и не осталась в коротком белье. Я бросила роскошное платье на кровать.

Херрел взглянул на меня.

— Мы уже идем? — и его рука снова нашла мою руку.

— Куда, мой лорд?

Он улыбнулся.

— На этот вопрос я не могу дать ответа, потому что сам не знаю его. Я знаю, что мы только покинем этот мир и других всадников, чтобы самим искать свое счастье. Ты хочешь этого?

— Да. Ты выбрал свой путь, и он будет моим путем.

Херрел снял пояс с ножнами и бросил его к мечу, своему шлему и моему платью, лежащим на кровати.

— Мне эти вещи больше не понадобятся.

Херрел провел меня через длинный коридор и дверь во двор. Снаружи была ночь; светила луна и блестели звезды. Вокруг нас поднимались семь Башен. Ничто не шевельнулось, когда Херрел и я подошли к стойлу, в котором стояли серо-черные пятнистые лошади всадников. Он взнуздal и вывел наружу мою кобылу и своего жеребца, и мы повели животных за собой, пока не вышли через ворота наружу.

— Кто идет?

Из-под темного навеса портала вышел Хирон и обнаженный меч в его руке ярко блестел в лунном свете.

— Да, кто идет? — ответил мой суженый. — Назови наши имена, если ты нас узнал.

Предводитель всадников-оборотней взглянул на нас. Он не выказал никакого удивления.

— Итак, вы нашли путь назад...

— Мы нашли его. А теперь пройдем и через другую дверь, — он указал на портал позади Хирона.

— Ты Оборотень по крови и эти Башни — твой дом.

Херрел покачал головой.

— Я не знаю, кто я, но я не принадлежу к вам и Джиллан тоже не принадлежит. Поэтому мы уходим, чтобы узнать, кем мы являемся на самом деле.

Хирон на мгновение замолчал, потом несколько неуверенно произнес:

— Ты — один из нас...

— Нет, — Херрел во второй раз отрекся от своего родства с всадниками-оборотнями.

— Ты хочешь уйти к своей матери?

— Ты этого боишься? Ты, который всегда отказывался признавать себя моим отцом? — ответил Херрел. — Я же сказал тебе, никто из вас мне не нужен — ни мать, ни отец. Теперь ты позволишь нам пройти через ворота?

Хирон отошел в сторону.

— Как хотите. — Голос его был так же лишен выражения, как и его лицо.

Херрел и я выехали из ворот, и пока мы удалялись, ни один из нас не оглянулся назад. Эти ворота были последними между нашим прошлым и нашим будущим. Нас было только двое — Джиллан и Херрел. Для будущего этого было достаточно.

СОДЕРЖАНИЕ

Чародей Колдовского мира	5
Волшебница Колдовского мира	221
Год Единорога	429

ЛУЧШИЕ

КНИГИ

ДЛЯ ВСЕХ И ДЛЯ КАЖДОГО

◆ **Любителям крутого детектива** — романы Фридриха Незнанского, Эдуарда Тополя, Владимира Шитова, Виктора Пронина, суперсериалы Андрея Воронина "Комбат", "Слепой", "Му-му", "Атаман", а также классики детективного жанра — А.Кристи и Дж.Х.Чейз.

◆ **Сенсационные документально-художественные произведения** Виктора Суворова; приоткрывающие завесу тайн кремлевских обитателей книги Валентины Красковой и Ларисы Васильевой, а также уникальная серия "Всемирная история в лицах".

◆ **Для увлекающихся таинственным и необъяснимым** — серии "Линия судьбы", "Уроки колдовства", "Энциклопедия загадочного и неведомого", "Энциклопедия тайн и сенсаций", "Великие пророки", "Необъяснимые явления".

◆ **Поклонникам любовного романа** — произведения "королев" жанра: Дж.Макнот, Д.Линдсей, Б.Смолл, Дж.Коллинз, С.Браун, Б.Картленд, Дж.Остен, сестер Бронте, Д.Стил — в сериях "Шарм", "Очарование", "Страсть", "Интрига", "Обобщение", "Рандеву".

◆ **Полные собрания бестселлеров** Стивена Кинга и Сидни Шелдона.

◆ **Почитателям фантастики** — циклы романов Р.Асприна, Р.Джордана, А.Сапковского, Т.Гудкайда, Г.Кука, К.Сташефа, а также самое полное собрание произведений братьев Стругацких.

◆ **Любителям приключенческого жанра** — "Новая библиотека приключений и фантастики", где читатель встретится с героями произведений А.К. Дойла, А.Дюма, Г.Манна, Г.Сенкевича, Р.Желязны и Р.Шекли.

◆ **Популярнейшие многотомные детские энциклопедии:** "Всё обо всем", "Я познаю мир", "Всё обо всех".

◆ **Уникальные издания** "Современная энциклопедия для девочек", "Современная энциклопедия для мальчиков".

◆ **Лучшие серии для самых маленьких** — "Моя первая библиотека", "Русские народные сказки", "Фигурные книжки-игрушки", а также незаменимые "Азбука" и "Букварь".

◆ **Замечательные книги известных детских авторов:** Э.Успенского, А.Волкова, Н.Носова, Л.Толстого, С.Маршака, К.Чуковского, А.Барто, А.Линдгрен.

◆ **Школьникам и студентам** — книги и серии "Справочник школьника", "Школа классики", "Справочник абитуриента", "333 лучших школьных сочинения", "Все произведения школьной программы в кратком изложении".

◆ Богатый выбор учебников, словарей, справочников по решению задач, пособий для подготовки к экзаменам. А также разнообразная энциклопедическая и прикладная литература на любой вкус.

Все эти и многие другие издания вы можете приобрести по почте, заказав

БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

По адресу: 107140, Москва, д/я 140. "Книги по почте".

Москвичей и гостей столицы приглашаем посетить московские фирменные магазины издательской группы "АСТ" по адресам:

Каретный ряд, д.5/10. Тел.: 299-5584, 209-6601.

Знаменский бульвар, д.21. Тел. 974-1805.

Б.Фанельный пер., д.7. Тел. 911-2107.

Арбат, д.12. Тел. 291-6101.

Татарская, д.14. Тел. 959-2095.

Лутанская, д.7. Тел. 322-2822

2-я Владимирская, д.52. Тел. 306-1898.

Литературно-художественное издание

Нортон Андрэ

**Чародей Колдовского мира
Волшебница Колдовского мира
Год Единорога**

Художественный редактор О. Н. Адашкина

Компьютерный дизайн: А. С. Сергеев

Технический редактор О. В. Панкрашина

Подписано в печать с готовых диапозитивов 05.10.99.

Формат 84×108 1/32. Усл. печ. л. 30,24.

Тираж 10 000 экз. Заказ № 821.

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-00-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиенический сертификат

№ 77.ЦС.01.952.П.01659.Т.98 от 01.09.98 г.

ООО «Фирма «Издательство АСТ»»

ЛР № 066236 от 22.12.98.

366720, РФ, Республика Ингушетия,

г. Назрань, ул. Московская, 13а

Наши электронные адреса:

WWW.AST.RU

E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

Андре Нортон — одна из самых популярных писательниц за всю историю мировой фантастики, более того, один из тех редких авторов, таланту которых в равной степени подвластны как жанр научной фантастики, так и жанр фэнтези, первая и пока единственная женщина, удостоенная Американской ассоциацией писателей-фантастов высокого титула Великого Мастера.

Однако в ряды классиков фантастической литературы нашего столетия Нортон вошла именно благодаря фэнтези — благодаря своей знаменитой эпической саге о Колдовском мире, мире могучих героев и могущественных волшебников, уникальном, бесконечно оригинальном мире, полюбившемся миллионам читателей...

ISBN 5-237-03689-9

9 785237 036893

АНДРЕ
НОРТОН

Чародей Колдовского мира
Волшебница Колдовского мира
Год Единорога